

ZBORNİK RADOVA

Osamnaesta međunarodna naučna konferencija
Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista
Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima
Sarajevo, 4–7. aprila 2017.

Urednica
AMELA ŠEHOVIĆ

Slavistički komitet
Sarajevo, 2018.

UNIVERBACIJA/UNIVERBIZACIJA U SLAVENSKIM JEZICIMA
Zbornik radova sa Osamnaeste međunarodne naučne konferencije
Komisije za tvorbu riječi Međunarodnoga komiteta slavista

Izdavač:
Slavistički komitet Sarajevo

Za izdavača:
Senahid Halilović

Recenzenti:
Ражна Драгићевић, doktor filoloških nauka, profesorka Filološkog fakulteta Univerziteta u Beogradu, Srbija
Senahid Halilović, doktor filoloških nauka, profesor Filozofskog fakulteta Univerziteta u Sarajevu, Bosna i Hercegovina
Аляксандр Лукашанец, doktor filoloških nauka, akademik Nacionalne akademije nauka Bjelorusije, prvi zamjenik direktora za istraživanje Centra za studije bjeloruske kulture, jezika i književnosti Nacionalne akademije nauka Bjelorusije, Minsk, Bjelorusija
Branko Tošović, emeritus, doktor filoloških nauka, Institut za slavistiku Karl-Franzens univerziteta u Grazu, Austrija

Tehnički sekretar:
Mr. Elma Durmišević-Cernica

Lektura i korektura:
autori radova i urednica Zbornika

Prijelom i oblikovanje:
Narcis Pozderac, TDP Sarajevo

Organizacijski odbor konferencije:
Prof. dr. Amela Šehović, predsjednica
Prof. dr. Senahid Halilović
Prof. dr. Sanjin Kodrić
Doc. dr. Adijata Šabić-Ibrišimović
Mr. Elma Durmišević-Cernica

ISBN 978-9958-648-20-5

Način dostupa (URL):
<http://www.slavistickikomitet.ba/Univerbacija/Univerbizacijauslavenskimjezicima.pdf>

Tehničku pripremu zbornika omogućilo je Kantonalno ministarstvo nauke i obrazovanja.

SADRŽAJ

Uvodna riječ.	7
Милан С. Аџановић (Нови Сад) Универбација у српској дневној штампи	9
Наталија Анатолевна Николина (Москва) Суфиксальные универбаты и смежные с ними явления	21
Лидија Аризанковска (Скопје) Универбизација во македонскиот јазик.	31
Цветанка Аврамова (Софија) Универб(из)ација и езикова икономия в славјанските езици	43
Јулија Балтова (Софија) Универбацијата/универбизацијата и езиковата икономия в современните славјански езици	59
Ivana Vozděchová (Praha) Univerbizace a (kvazi)kompozice v současné češtině.	68
Рајна Драгићевић (Београд) Неки аспекти универбизације у српском језику	104
Ольга П. Ермакова (Калуга) Универбација и метонимия	118
Венера Фатхутдинова (Казань) Стилистические функции универбов в художественном тексте	127
Зинаида Харитончик (Минск) Универбаты-омонимы или универбаты-полисеманты	140

Nicol Janočková (Bratislava)	
К еліптикеј универбизації в словенчине (тип <i>krstny otec</i> → <i>krstny</i>)	154
Євгенія А. Карпіловська (Київ)	
Універбація в колі інших способів мовної компресії	169
Лариса Кислюк (Київ)	
Словотвірні моделі універбації в сучасних текстах і словниках української мови	181
Krystyna Kleszczowa (Katowice)	
Od uniwerbizacji do derywatów predykatywnych	194
Ніна Клименко (Київ)	
Універби в терміносистемах східнослов'янських та новогрецької мов	205
Elena Koriakowcewa (Siedlce)	
Універбація как вид компресивного словообразования в современных русском, польском и чешском языках.	222
Pawel Kowalski (Warszawa)	
Uniwerbizacja w polskiej i słoweńskiej terminologii językoznawczej	235
Аляксандр Лукашанец (Мінск)	
Універбацыя/універбізацыя: сутнасць паняцця і месца ў тэрмінасістэме словаўтварэння.	248
Елена Лукашанец (Мінск)	
Специфика універбації во внелітературной речи	264
Swetlana Mengel (Halle)	
Роль и особенности компресивного словообразования и словосложения в языке русскоязычной диаспоры в немецкоговорящих странах	274
Sonja Nenezic (Nikšić)	
Sintagma i tvorba riječi	290
Pavol Odaloš (Banská Bystrica)	
Univerbizácia v jazyku a komunikácii slovenčiny	300

Magdalena Pastuch (Katowice)	
Stare i nowe niesufiksne tehniki uniwerbizacyjne	312
Зоя Ю. Петрова (Москва)	
Словообразовательная омонимия универбатов – производных от названий стран: опыт корпусного исследования	324
Елена Петрухина (Москва)	
Семантические и стилистические свойства универбатов и субстантиватов в русском языке.	337
Anja Pohončowa (Bautzen/Budyšin)	
Uniwerbizacija w hornjoserbšćinje	353
Лариса Рацибурская (Нижний Новгород)	
Универбаты-неологизмы в современных российских масс-медиа . . .	363
Василка Радева (София)	
Универбирането в отношението му към антиномията текст : код. . . .	372
Siniša Runjaić, Barbara Štebih Golub (Zagreb)	
Univerbizacija u hrvatskom nazivlju	385
Сергей Л. Сахно (Париж)	
Делокутивность и универбация, анализ некоторых фактов русского языка и других славянских языков в диахронии и в синхронии	400
Людвиг Селимски (Катовице)	
Универбизация и сходни явления. Поява в българската дериватология и перспективи	413
Ольга Северская (Москва)	
На <i>Поклонку – с Кутузы? Кутузки? Кутузовки?</i> (к вопросу о вариативности и омонимии универбатов в московской топонимике)	426
Irena Stramljič Breznik (Maribor)	
Univerbizacija v slovenski slovarski praksi.	434
Amela Šehović (Sarajevo)	
Problematika glagolskih univerba u bosanskom jeziku (Koliko je zaista neupitno njihovo postojanje?)	455

Бранко Тошович (Грац)

Киберунивербы 468

Krystyna Waszakowa (Warszawa)

Zjawiska uniwerbizacji słowotwórczej w tekstach współczesnej
polszczyzny 481

UVODNA RIJEČ

U organizaciji Slavističkog komiteta Sarajevo i Filozofskog fakulteta Univerziteta u Sarajevu održana je Osamnaesta međunarodna naučna konferencija Komisije za tvorbu riječi Međunarodnoga komiteta slavista, s temom *Univerbacija/univerbizacija u slavenskim jezicima*. Konferencija je održana 4, 5, 6. i 7. aprila 2017. godine, na Filozofskom fakultetu.

Otvaranje konferencije upriličeno je 4. aprila 2017. godine na Filozofskom fakultetu, gdje su se okupljenima obratili: prof. dr. Amela Šehović, predsjednica Organizacijskog odbora, prof. dr. Senahid Halilović, predsjednik Slavističkoga komiteta, prof. dr. Nijaz Ibrulj, prodekan Filozofskog fakulteta u Sarajevu, prof. dr. Aleksandra Nikolić, prorektorica za međunarodnu saradnju Univerziteta u Sarajevu, izaslanica federalne ministricice nauke i obrazovanja doc. dr. Elvire Čemalović-Dilberović.

Na konferenciji je učestvovalo 40 referenata (sa 39 referata) iz 17 evropskih zemalja: Austrije, Bjelorusije, Bosne i Hercegovine, Bugarske, Crne Gore, Češke Republike, Francuske, Hrvatske, Makedonije, Norveške, Njemačke, Poljske, Rusije, Slovačke, Slovenije, Srbije i Ukrajine.

Rad konferencije odvijao se na način da su u četiri dana njena trajanja predstavljeni rezultati istraživanja članova Komisije za tvorbu riječi Međunarodnoga komiteta slavista – na konferenciji je učestvovao ukupno 31 član ove komisije. Za skup su se prijavili i Юлия Балтова (Bugarska), Swetlana Mengel (Njemačka), Ludwig Selimski (Bugarska) i Arno Wonisch (Austrija), koji nisu bili u mogućnosti da svoje referate pročitaju na konferenciji. Dostavljeni radovi uvršteni su u Zbornik.

Također, u radu Komisije učešće je uzelo i nekoliko slavista koji nisu članovi Komisije, što smatramo doprinosom razvoju slavistike.

Na zasjedanju Komisije za tvorbu riječi, koje je održano 7. aprila 2017. godine, odlučeno je da se Komisija proširi za dva nova člana, a to su: Paweł Kowalski (Poljska) i Николина Наталия Анатольевна (Rusija).

Komisija za tvorbu riječi Međunarodnoga komiteta slavista prvi je put organizirala konferenciju i zasjedanje Komisije u Bosni i Hercegovini. Ova komisija Međunarodnoga komiteta slavista jedna je od najaktivnijih komisija u njegovu sastavu – u prosjeku, konferencije Komisije se održavaju četiri puta u pet godina u različitim evropskim zemljama (Rusija, Bjelorusija, Slovačka, Njemačka, Bugarska, Makedonija, Poljska, Srbija, Slovenija, Austrija, Bosna i Hercegovina). I u Sarajevu su u radu Komisije učestvovali ugledni slavisti iz više evropskih slavističkih centara.

Problem univerbacije/univerbizacije u slavenskim jezicima na konferenciji obrađen je iz više uglova. U većini radova proučavana je univerbacija u jednom jeziku, ali nije zanemareno ni kontrastivno proučavanje ove pojave u dva ili tri slavenska jezika. Korpus za istraživanje veoma je širok – od književnoumjetničkih, publicističkih, naučnih do internetskih i elektronskih izvora. Neki od radova bave se univerbacijom/univerbizacijom kao jednim od vidova jezičke kompresije, odnosom univerbacije i jezičke ekonomije, univerbacije i metonimije, univerbacije i homonimije, odnosno polisemije, univerbacije i delokutivnosti, terminološkim aspektima univerbacije/univerbizacije, modelima univerbacije u obrazovanju riječi, starim i novim tehnikama nesufiksalne univerbacije, odnosom sintagme i tvorbe riječi; drugi se fokusiraju na osobine univerba – stilističke, semantičke itd. – u različitim vrstama tekstova, s posebnim osvrtom na univerbe neologizme i sajberuniverbe, dok se postojanje glagolskih univerba problematizira.

Iz navedenog, jasno je da je ova konferencija predstavljala doprinos razvoju naučne, napose lingvističke (i slavističke) misli, a izdavanjem zbornika radova izloženih na konferenciji šira naučna javnost (domaća i strana) imat će priliku da se upozna s njenim rezultatima.

Sarajevo, 4. februar 2018.

Amela Šehović

Милан С. Ајџановић
Филозофски факултет, Србија, Нови Сад
ajdzanovic@ff.uns.ac.rs

УНИВЕРБАЦИЈА У СРПСКОЈ ДНЕВНОЈ ШТАМПИ

Рад¹ представља дијагностички увид у статус универбације у језику појединих дневника који се издају на српском језику на територији Р Србије. Истраживање је показало да је дата творбена појава сразмерно ретка: с 394 анализираних странице ексерцирано је свега 27 универбата, који су, међутим, довољно илустративни будући да се у њима налазе потврде за већину особина које се у литератури наводе као типичне за овакве деривате. С друге стране, лексикографски статус појединих универбата као и врста извора у којима су забележени показују да се данас може поставити питање је ли често навођена функционалностиљска маркираност ове врсте деривата заиста неупитна.

Кључне речи: српски језик, дневна штампа, универбација, суфикс

This paper is aiming to give an insight into univerbation in some daily newspapers printed in Serbian in Republic of Serbia. The research has shown that in analysed corpus the univerbation is rather infrequent: as little as 27 derivatives have been excerpted from 394 pages of the newspapers, but despite their number the derivatives have proven to be typical representatives of the words in question. On the other hand, *the lexicographical status of some derivatives* as well as the articles they have been excerpted from suggest that their alleged predominantly informal character is somewhat doubtful.

Key words: Serbian language, daily newspapers, univerbation, suffix

1. Уводне напомене. Иако је сам феномен универбације постао предметом интересовања српских дериватолога још пре више од три деценије, средином осамдесетих година прошлог столећа (исп. Оташевић 1997),² већ и сам податак да у српском језику постоје барем два или чак три распрострањена напоредна и равноправна назива како за ову

¹ Овај рад представља део истраживања у оквиру пројекта Стандардни српски језик (178004), који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

² Прва су интересовања за универбацију, нимало случајно, забележена код српских русиста (исп. Маројевић 1986).

појаву тако и за њене резултате (*универбација/универбизација, односно универби/универбати/универбизати*³), осим чињенице да представља још један доказ о неуједначености лингвистичке терминологије у Срба,⁴ чини се, имплицира и то да универбација као појава још увек није у потпуности јасно дефинисана и омеђена.

1.1. Заправо, универбацији се могу поставити сразмерно широке, али и посве уске границе. Наиме, када је у питању прво омеђење, како јој и сам назив сугерише, она се може схватити као било који процес у језику чији је резултат коришћење једне лексичке јединице, једно-лексемског номината, наместо синонимичних вишечланих конструкција, било да је у питању већини дериватолога најзанимљивија афиксална деривација, тј. суфиксација (нпр. *недељне новине > недељник*⁵) – било неки други творбени поступак (супстантивизација, у чијој је основи елидирање: *незапослени људи > незапослени*; сложено-суфиксална творба: *ученик основне школе > основношколац*; акронимизација: *Уједињене нације > УН*, контекстуално елидирање: *Независно удружење новинара Србије > Удружење* и сл.).

1.2. Насупрот оваквом гледишту стоји једно друго и друкчије, посве рестриктивно (исп. Оташевић 1997: 53), по којем се под универбацијом има подразумевати само онај творбени поступак чији су производи такви суфиксални деривати наспрам којих постоји истозначна атрибутска синтагма којом би они били мотивисани, при чему се у функцији мотиватора јавља пре свега (неко би рекао и ‘искључиво’) диференцијални конституент дате синтагме (нпр. *нуклеарна електрана [нуклеар- + -ка] > нуклеарка*). При томе, наведена именичка синтагма “има карактер устаљене језичке номинације” (Оташевић 1997: 53), а у односу на једночлани еквивалент, осим своје структуре, поседује још једну, веома битну, диференцију специфику која се понекад превиђа: управо је та синтагма, барем у начелу, (експресивно) немаркирани члан дате бинарне опозиције (Ристић 1995), те се отуд

³ Ова термилошка неуједначеност понекад има потврда чак и у једном истом чланку, како је то, на пример, у Ристић 1995.

⁴ И, као што знамо и као што смо имали прилике да видимо из назива конференције чији је један од резултата и овај рад – не само у њих, што је, сасвим разумљиво, подстакло поједине референте да предложе и јасно термилошко разграничење различитих појавних облика ове творбене појаве, односно њених продуката.

⁵ Примери које ћемо овом приликом навести преузети су из коришћених извора грађе.

продукти универбације могу пре свега наћи у разговорном језику или у каквом професионалном жаргону (Ђорић 1995: 330).

1.2.1. Ако бисмо предност дали оваквом становишту, онда сва она образовања чији су резултати неименички деривати, међу којима као нарочито фреквентни фунгирају глаголи, не бисмо могли сматрати универбатима, што ми, наравно, не желимо да чинимо, не само због аргументованих оправдања која се могу наћи у литератури (исп. нпр. Ристић 1995 и Šehović 2012).

1.2.2. Инсистирање пак на постојању овакве примордијалне мотивационе синтагме, понекад чак сматране и фразном лексемом, као да је пре свега је последица потребе да се на унеколико јасан начин универбати разлуче од, да поменемо само њих као овима најсличније, већине деадјективских суфиксалних образовања јер би у супротном “малтене свака изведеница била универбација”⁶ (Клајн 2003: 9).⁷

1.3. При томе, овде не бисмо смели искључити ни проблем хронологије: наиме, може се поставити сасвим оправдано питање да ли је у случају постојања напоредних истозначних структурно различитих номината – онај једночлани нужно резултат језичке економије, тј. дериват и универбат двочланог/вишечланог, или је, за шта постоје потврде и у грађи коју смо прикупили (нпр. *пољопривредница* > *чланица пољопривредног газдинства*⁸), на делу супротан процес – мултивербација: замењивање једночланог деривата вишечланим, пре свега додавањем каквог истокореног придева, ради постизања веће семантичке прецизности или услед неког другог разлога, какви су они условљени стилем.⁹

1.4. Када се ради о нашем истраживању, морамо и ми направити једну рестрикцију: наиме, иако би наслов чланка евентуално могао сугерисати да је у питању осврт на статус универбације и универбата у целокупној дневној штампи која се издаје на српском језику на територији Р Србије – то, наравно, није тако јер би таква тема била при-

⁶ И овако формулисана реченица, у којој је универбација термилошки изједначена са њеним резултатима, још је једна потврда тезе о неуједначеној терминологији када је у питању посматрана појава.

⁷ Да су оваква настојања и бојазни присутни и код проучавалаца других словенских језика, белодано се показало током четири дана трајања Конференције.

⁸ У напису одакле су преузета ова два примера прво се наводи једнолексемски а тек потом вишелексемски номинат, рекли бисмо, из стилских разлога.

⁹ О овоме нешто више в. у Radovanović 2004.

кладнија за један знатно обимнији рад, односно целу монографију. Заправо, овај рад представља пре свега својеврстан дијагностички увид у статус универбата у (појединим) српским дневницима,¹⁰ који, међутим, може бити индикативан када је у питању место ове појаве уопште у језику дневне штампе.

1.4.1. Будући да се као једно од (инхерентних?) својстава универбалних образовања узима њихов, како се то понегде дефинише, “јасан знак фамилијарности” (Оташевић 1997: 55), односно “експресивна функција и конотативне компоненте значења” (Ристић 1995: 126) или пак чињеница да се парови номината “разликују и у погледу функционалне дистрибуције” (Ћорић 1996: 62), полазна нам је претпоставка¹¹ да ће број универбата у коришћеним изворима бити сразмерно велик, као да ће и он и врста датих образовања бити у јасној корелацији с уређивачком концепцијом дневника као и различитим новинарским жанровима. Наиме, сматрамо да ће у новинама ненаклоњеним сензационализму, познатим по неговању језичке културе – каквих има у свим земљама¹² и какве су у земљи из које долазимо *Данас*, *Дневник* и *Политика* – број оваквих образовања бити знатно мањи него у оним које у мањој или већој мери одликује таблоидизација (што, у крајњем, значи банализација, вулгаризација, чак и инфантилизација).

1.4.2. Осим тога, мишљења смо да ће број универбата бити условљен и новинским жанром и тематиком датих написа те да ће их, стога, у рубрикама посвећеним спорту и забави бити више него оним које се баве неким другим темама, а пре свега дневном политиком, економијом и културом. Да бисмо ову своју претпоставку доказали, за изворе грађе одабрали смо 12 бројева дневника који се, с обзиром на своју уређивачку концепцију, могу поделити у две групе: тзв. озбиљне новине (*Политика*, *Данас*, *Дневник*) и оне код којих је, у нешто мањој (*Блиц*) или знатно већој мери (*Курир*, *Ало*, *Информер*), видљив таблоидни карактер. Осим формирања оваквог, ограниченог корпуса за ексцерпцију грађе, постоји, наравно, и друкчији приступ: на интернетским претраживачима могли смо на порталима датих дневника циљано трагати за потврдама појединих раније издвојених универ-

¹⁰ Списак прегледаних дневника и њихових бројева налази се на крају рада.

¹¹ Реферат уважене колегинице Р. Драгићевић показао је да у оваквом мишљењу нисмо (били) усамљени.

¹² Рекли бисмо, нажалост, у знатно мањем броју и тиражима него оних других.

бата, што би несумњиво повећало анализирани корпус,¹³ али тада би било тешко, практично немогуће, омеђити изворе грађе, те би нужно и овакав дијагностички увид био доведен у питање.

1.4.3. Наравно, да бисмо уопште могли ексцерпирати универбате из одабраних извора, треба да дефинишемо универбацију и њене продукте. Заправо, наше одређење ове појаве налази се на неки начин на средокраћу два горенаведена гледишта: дакле, несумњиво је да је универбација замењивање вишечланих синтаксичких конструкција истозначним једнолексемским, али ми бисмо се (овом приликом) усредсредили само на суфиксалне именичке универбате. При томе, сматрамо да полазна вишелексемска јединица – иако је тај структурни модел, како знамо, несумњиво веома продуктиван, заправо прототипичачан – поред атрибутске именичке синтагме може бити и било која друга синтаксичка конструкција која представља устаљен језички израз, маде не нужно и фразну лексему. Ово као последицу (и методолошку нужност, додали бисмо) има изостављање из корпуса свих оних образовања чији су мотиватори целе синтагме, тј. која су резултат сложено-суфиксалне творбе (каква су у нашим изворима: *играч првог тима* > *првотимац*, *учесник Петог октобра* > *петооктобраш*). С друге стране, ово не значи да универбатима не сматрамо поједина образовања настала додавањем форманта на какву компози-ту (*такмичар у десетобоју* > *десетобојац*).

2. Анализа грађе. Дефинишући на дати начин универбате, у изворима грађе нашли смо укупно (и додали бисмо – свега) 27 оваквих образовања, деривираних са десет различитих суфикса. У питању су следећи деривати, које узбучене дајемо са њиховим забележеним значењима¹⁴ као и називима дневника у којима су потврђени:

Ајфонка (= Тијана Ајфон, *Ало*), *везиста* (= везни играч, тј. фудбалер везног реда, *Информер*), *везњак* (= везни играч, тј. фудбалер везног реда, *Курир*), *грађевинац* (= грађевински радник, *Политика*), *десетобојац* (= такмичар у десетобоју, *Блиц*), *магнохромац* (= радник Магнохрома, *Политика*), *медицинар* (= медицински радник, *Блиц*), *минималац* (= минимални [лични] доходак, *Политика*), *напредњак* (= присталица/члан/функционер Српске напредне странке песма, *Данас*, *Дневник*,

¹³ Многи добропознати универбати, од којих се неки дају у коришћеној литератури (исп. Ћорић 1996: 62–64, Оташевић 1997: 55–61) нису имали потврда у коришћеним изворима.

¹⁴ Значења смо дали сами, не ослањајући се на постојеће лексикографске дефиниције.

Курир), *народњак* (= певач народне, пре свега новокомпоноване музике,¹⁵ *Курир*, *Политика*), *насловница* (= насловна страница, *Курир*), *недељник* (= недељне новине, *Ало*), *нуклеарка* (= нуклеарна електрана, *Дневник*, *Политика*), *омладинац* (= омладински фудбалер/фудбалер омладинске репрезентације, *Блиц*, *Политика*), *порнић* (= порно-филм, *Курир*), *рекреативац* (= рекреативни спортиста, *Политика*), *самосталац* (= самостални уметник, *Политика*), *саобраћајац* (= саобраћајни полицајац, *Курир*, *Политика*), *саобраћајка* (= саобраћајна незгода, *Курир*), *синдикалац* (= синдикални радник, *Курир*), *специјалац* (= специјални полицајац/припадник специјалне полиције, *Данас*, *Информер*, *Курир*, *Ало*), *Студењак* (= Студентски град [у Београду], *Политика*), *тројкаш* (= стрелац тројки, *Данас*), *фабрикант* (= радник Фабрике вагона Краљево, *Политика*), *фантомка* (= фантомска капуљача, *Курир*), *хладњачар* (= власник хладњаче, *Информер*), *хуманитарац* (= хуманитарни радник, *Блиц*).

2.1. Прво што се да приметити јесте да је број образовања релативно мали: на прегледане 394 странице (190 унутар прве и 204 унутар друге подгрупе извора) забележено их је, дакле, свега 27, док је број њихових појавница, наравно, већи али ни он не значајно.

2.2. Осим тога, за већину универбата (с изузетком два: *Ајфонка* и *порнић*, о којима ће више речи бити ниже у раду) не би се могло, само на основу њиховог облика и значења, претпоставити у којем су дневнику, па чак ни у којој од две подгрупе извора потврђени, што се донекле може рећи (опет изузимајући наведена два, као и очигледне припаднике спортског жаргона: *везиста*, *везњак*, *десетобојац*, *тројкаш*) и за врсту рубрике у којој су забележени. Заправо, немали број универбата регистрован је, како смо видели, у више различитих извора, при чему се, с укупно четири различита извора, помало неочекивано издваја дериват *специјалац*,¹⁶ за којим следи – потврђен у три извора али са далеко највише појавница – *напредњак*, сада сасвим предвидљиво, не само због предизборне атмосфере која је била у пуном јеку у време прикупљања грађе већ и других, рекли бисмо неизбежних, екстралингвистичких фактора.

¹⁵ Иако је, како показује РСЈ, као и усмена анкета коју смо 2. 3. 2017. спровели са 20 студената друге године студијске групе Српски језик и књижевност са Филозофског факултета у Н. Саду – прво значење ове лексеме пре свега 'новија песма компонована у духу народних песама', у коришћеним изворима то општепознато значење није забележено, што је, наравно, изазвано лимитираношћу корпуса.

¹⁶ Оваква његова фреквенција свакако је последица важности вести у којој је забележен.

2.3. Када је у питању инвентар суфикса, регистроване деривате наводимо с обзиром на узбучене употребљене форманте, као и на број њима изведених деривата:

-āk/-jāk (четири примера): *везњак, напредњак, народњак, Студењак*;

-ант (један пример): *фабрикант*;

-ār (два примера): *медицинар, хладњачар*;

-(а)ц (11 примера): *грађевинац, десетобојац, магнохромац, минималац, омладинац, рекреативац, самосталац, саобраћајац, синдикалац, специјалац, хуманитарац*;

-āш (један пример): *тројкаш*;

-ист(а) (један пример): *везиста*;

-īћ (један пример): *порнић*;

-ица (један пример): *насловница*;

-īк (један пример): *недељник*;

-ка (четири примера): *Ајфонка, нуклеарка, саобраћајка, фантомка*.

2.3.1. Запажа се да су пре свега забележени форманти домаћег порекла или пак они одавно одомаћени (**-ār**), који су и иначе продуктивни у српском језику, при чему је део њих, како показује литература, такав и у грађењу универбата (исп. Ђорић 1996: 62–63, где се посебно издвајају: **-īћ**, **-ица**, **-ка** и **-jāk/-њāk**, односно Оташевић 1997: 57, у ком се као најпродуктивнији у грађењу оваквих образовања наводе **-(а)ц** и **-āk/-jāk**, који су и у нашем корпусу, заједно са **-ка**, најфреквентнији). С друге стране, једина два страна форманта, **-ант** и **-ист(а)**, у датом узорку ниско су продуктивна: потврђена су само у по једном деривату.

2.4. Иако је број забележених примера релативно мали, ипак су они довољно разноврсни да би се у њима идентификовале поједине особине које се обично наводе као стални пратиоци универбата, али, с друге стране, и, можда, донекле довело у сумњу једно од основних обележја оваквих образовања – њихова функционалностилска маркираност.

2.4.1. Када је у питању структура универбата, у литератури се као прототипичан представник издваја онај дериват где је мотивациона

синтагма структурирана помоћу придева и именице, што је потврђено и у посматраној грађи: чак је 19 таквих образовања. При томе, међу њима се дају уочити два структурна модела, и раније издвајана у литератури (исп. Оташевић 1997: 57, Šehović 2012: 409),¹⁷ назовимо их овом приликом интегрални и редуковани, тј. онај у ком се на пуну основу диференцијалног дела додаје суфикс и онај где формант долази на редуковану основу, при чему је, барем у анализираном узорку, други модел безмало троструко бројнији:

а) интегрални (пет универбата): *везњак* (= везни¹⁸ играч), *народњак* (= народни певач), *насловница* (= насловна страница), *порњић* (= porno-филм), *недељник* (= недељне новине). Међу дериватима из ове групе *порњић* се унеколико издваја: наиме, у питању је полусложеница, чији је први члан, мотивациони придев деривата, индеклинабилан¹⁹; осим тога, како показује литература (Клајн 2003: 110), овај је универбат кроатизам, а то је, по свој прилици, и *насловница*, али су оба данас раширена и сасвим обична у српском језику, што потврђује и претрага интернетских портала.

б) редуковани (14 универбата): *Студењак* (= Студентски град), *медицинар* (= медицински радник), *грађевинац* (= грађевински радник), *минималац* (= минимални [лични] доходак), *рекреативац* (= рекреативни спортиста), *самосталац* (= самостални уметник), *саобраћајац* (= саобраћајни полицајац), *специјалац* (= специјални полицајац/припадник специјалне полиције), *хуманитарац* (= хуманитарни радник), *синдикалац* (= синдикални радник), *везиста*²⁰ (= везни играч), *нуклеарка* (= нуклеарна електрана), *саобраћајка* (= саобраћајна незгода), *фантомка* (= фантомска капуљача).

С друге стране, седам универбата као мотивациону синтагму има управну реч и различито структуриран неконгруентни атрибут, при чему је у два случаја такође у питању придев (*напредњак* [= приста-

¹⁷ Иако је несумњиво да се редукција мотиватора ни на који начин нема последица по семантику деривата, такође је јасно да је она погодан класификациони критеријум.

¹⁸ Мотивационе речи означаваћемо подвлачењем.

¹⁹ Иако постоји одговарајући променљиви придев *pornoграфски*, -а, -о (исп. Ристић 1995: 130), предност као мотиватору – због његове чешће употребе, потврђене претраживањем интернета – ипак бисмо дали непроменљивом придеву.

²⁰ И. Клајн (2003: 218) овај дериват наводи као један од ретких примера стилски неутралних хибридних образовања.

лица/члан/функционер Српске напредне странке], *омладинац* [= омладински фудбалер/фудбалер омладинске репрезентације]), односно, у пет, именица: *десетобојац* (= такмичар у десетобоју), *магнохромац* (= радник Магнохрома), *тројкаш* (= стрелац тројки), *фабрикант* (= радник Фабрике вагона Краљево²¹), *хладњачар* (= власник хладњаче). Један се универбат пак супротставља осталима будући да је његов мотиватор заправо атрибутив који, занимљиво је, представља надимак особе, по занимању²² старлете, данас у Србији, нажалост, општепознате, те је отуд и погодан за подвргавање оваквој нетипичној универбацији (*Ајфонка* = Тијана Ајфон).

2.4.2. Као још једна од особина универбата наводи се њихова честа вишезначност (исп. Ћорић 331: 325), или, како се то негде дефинише, њихово нестабилно значење, што је понекад нужна последица чувања диференцијалног науштрб идентификацијског дела вишечланог номината, који заправо представља стожер лексичког значења дате синтагме (нпр. *грађевинац* 1. грађевински радник 2. студент грађевинског факултета; народњак 1. новија песма компонована у духу народних песама; 2. певач таквих песама;²³ *нуклеарка* 1. нуклеарна електрана; 2. нуклеарна ракета/бомба). Ипак и наравно, ова се вишезначност као могући проблем може појавити пре свега ван контекста, док неспоразума у комуникацији заправо обично и нема, што се, када је у питању анализирана грађа, често постиже иницијалном употребом комплексног номината па тек онда једнолексемског (нпр. *болничари из санитета Хитне помоћи – медицинари*).

2.4.3. Осим тога и у вези с тим, још је пре пуне две деценије примећено да “у журналистици универбати се користе заједно са официјелним називом с циљем регуларног смењивања стандардних и експре-

²¹ Забележено значење наведеног примера показује да новинари, уздајући се у контекстуално разрешење семантике универбата, понекад посежу за овим творбеним поступком имајући превасходно на уму честу потребу за сажимањем чланака, пре свега оних из категорије вести, што, као у датом случају, може довести до непрецизности, тј. придавања појединих значења која не само да нису лексикографски верификована (у РСЈ *фабрикант* се дефинише као ‘власник фабрике; капиталиста’) већ се могу сматрати и својеврсним семантичким неологизмима.

²² Наравно, ако се та врста активности може сматрати занимањем.

²³ Овом приликом редослед значења дајемо у складу с њиховим горепоменути статусом у лексикографским изворима. Овога пута у изворима грађе нисмо имали потврду за значење које се у РСЈ дефинише као ‘припадник неке од разних странака или покрета који су се звали (или се називају) “народним”’.

сивно обојених варијанти, што је карактеристично за језик новина” (Оташевић 1997: 54),²⁴ при чему, додали бисмо, овакво понављање има и своје стилске али и прагматичне разлоге. И заиста: у појединим написима било је видљиво смењивање једно и вишелексемских образовања, како и пре свега када је у питању опозиција наслови–текст, тако и када је у питању сам текст чланака. Наравно, у наслову се, као језгровитији и експресивнији, обично користе краћи номинати.

2.4.4. Такође, и раније је примећена, истина не нарочито фреквентна, појава творбене синонимије код неких универбата (исп. Ћорић 1996: 63), за шта имамо, додуше само једну, потврду и у својој грађи у пару *везњак–везиста*. Како показује преглед интернетских извора, прва од ове две лексема, будући једнозначна и део искључиво спортског жаргона, сасвим очекивано, нешто је чешћа од свог вишезначног еквивалента, а потврђена је и на босанскохерцеговачким, хрватским и црногорским порталима.

2.4.5. Наравно, ни овога пута се не може заобићи, рекли бисмо већ пословична (исп. Ћорић 1991: 332) и неизбежна, двострука мотивација, која се у анализираној грађи тиче како припадности мотиватора одређеној морфолошкој класи (*грађевинац* = грађевински радник – радник на грађевини) тако и структуре мотивационе синтагме (*омладинац* = омладински фудбалер – фудбалер омладинске репрезентације).

3. Закључне напомене. Коначно, шта на крају можемо закључити? Иако је несумњиво да се тврдња да су “универби углавном стилски маркиране јединице које као функционално-стилски сигнали преносе основну замисао субјекта номинализације о одобравању/неодобравању онога што се именује” (Ристић 1995: 127) – у начелу може применити на оваква образовања, пре свега она карактеристична за разговорни језик, несумњиво је и то да се у српском језику универбати често (и, како се чини, све чешће) користе “и у стилски неутралним текстовима” (Оташевић 1997: 61), за шта у анализираној грађи има потврда у виду њиховог појављивања у написима из области политике и економије у дневницима каква је *Политика*. Другим речима, тврдња да се универбација “у српскохрватском засад²⁵ среће

²⁴ Аутор се овде, заправо, позива на Виноградову.

²⁵ Употребом овог прилога аутор је несумњиво указао на будући друкчији статус овог творбеног поступка.

само у жаргону” (Маројевић 1986: 33) данас се свакако мора сматрати анахроном.

Такође, убеђени смо да ће универбати, као резултати процеса који представља “значајну тенденцију [лексичког] развоја и функционално-стилске раслојености језика” (Ристић 1995: 128), и убудуће бити део, још значајнији, публицистичког стила, при чему ће један део оваквих образовања, ако већ и није, у потпуности изгубити своју експресивну маркираност. О овоме, уосталом, сведочи и статус забележених универбата унутар РСЈ: од њих 27 само се 10 није нашло унутар Речника²⁶ (*Ајфонка, везњак, магнохромац, минималац, насловница, рекреативац, синдикалац, Студењак, фантомка, хладњачар*), док чак 14 јесте у забележеном значењу, неретко без икаквих квалификатора²⁷ (*везиста, грађевинац, десетобојац, лекар, напредњак, народњак, недељник, нуклеарка, порнић, саобраћајац, саобраћајка, специјалац, тројкаш, хуманитарац*), односно, три, у друкчијем значењу (*омладинац, самосталац, фабрикант*).

Извори

Ало (19. 3. 2017)

Блиц (26. 3. 2017)

Данас (15. 3. 2017)

Дневник (7. 3. 2017, 14. 3. 2017)

Информер (11–12. 3. 2017, 13. 3. 2017)

Курир (15. 3. 2017, 16. 3. 2017)

Политика (4. 3. 2017, 9. 3. 2017, 26. 3. 2017)

Литература

Маријан ЈЕЛИЋ, 2011: О универбизацији у пчеларској лексици. РУЖИЋ, Владислава, ПАВЛОВИЋ, Слободан (ур.). *Зборник у част Гордани Вуковић. Лексикологија – Ономастика – Синтакса*. Нови Сад: Филозофски факултет у Новом Саду, 249–256.

²⁶ Што, наравно, не значи да поједини од њих неће у будућности задобити поверење лексикографа.

²⁷ Такви су: грађевинац, десетобојац, лекар, недељник, нуклеарка, специјалац, хуманитарац. С друге стране, понеки међу њима имају квалификатор разг. (порнић, саобраћајка), односно спорт. (везиста, тројкаш).

- Иван КЛАЈН, 2003: *Творба речи у савременом српском језику. Други део: суфиксација и конверзија*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства – Институт за српски језик САНУ.
- Радмило МАРОЈЕВИЋ, 1986: Типолошко диференцирање руског и српскохрватског језика (из дијахронијске и синхронијске перспективе). *Јужнословенски филолог*. XLII, 21–41.
- Ђорђе ОТАШЕВИЋ, 1997: Универбација. *Наш језик*. XXXII/1–2, 52–63.
- Milorad RADOVANOVIĆ, 2004: Dekompozicija i univerbacija. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*. XLVII/1–2, 43–50.
- Стана РИСТИЋ, 1995: Универбација као средство експресивизације разговорне лексике. *Јужнословенски филолог*. LI, 125–133.
- РСЈ: НИКОЛИЋ, Мирослав (ур.), 2007: *Речник српскога језика*. Нови Сад: Матица српска.
- Божо ЋОРИЋ, 1991: О неким творбеним моделима са становишта језичке економије. *Научни састанак слависта у Вукове дане*. 20/2, 325–334.
- Божо ЋОРИЋ, 1996: О суфиксалној универбацији у српском језику. *Српски језик*. I/1–2, 60–64.
- Amela ŠENOVIĆ, 2012: Univerbacija u bosanskom jeziku. ДРАГИЋЕВИЋ, Рајна (ур.). *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима* (Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта). Београд: Филолошки факултет, 407–417.

Univerbation in the Serbian Daily Newspapers

The goal of this paper is to give an insight into univerbation in Serbian daily newspapers. The author of the paper narrows down his research just to words derived from a single word of a fixed expression or a phrase (e. g. *nedeljne novine* > *nedeljnik*, *nuklearna elektrana* > *nuklearka*). The research has shown that the univerbation is not as frequent as the author presumed: as little as 27 derivates have been excerpted from 394 pages of the newspapers. On the other hand, despite their number the derivates have shown all the major traits of the words in question with, to some extent, the exception of their predominantly informal character.

Наталья Анатольевна Николина

Московский педагогический государственный университет, Россия, г. Москва
ruskafedra314@gmail.com

СУФФИКСАЛЬНЫЕ УНИВЕРБАТЫ И СМЕЖНЫЕ С НИМИ ЯВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются различные подходы к универбации и предлагаются критерии отграничения суффиксальных универбатов от внешне сходных с ними явлений в современной русской речи, прежде всего отглагольных дериватов, одновременно отмечаются новые тенденции в образовании суффиксальных универбатов.

Ключевые слова: дериват, компрессия, суффиксация, универбат, универбация

The various approaches to univerbization are considered and the criteria of delimitation of suffixal univerbs from the externally similar to them phenomena first of all from verbal derivatives in the modern Russian speech are offered, at the same time the new tendencies in formation of suffixal univerbs are noted in article.

Key words: derivative, compression, suffixation, univerb, univerbization

1. Универбация современной лингвистической литературе получает различные, нередко противоречивые трактовки, границы ее в словообразовании расплывчаты, достаточно пестра и терминология, которая используется для ее обозначения: включение, семантическая компрессия, семантическая конденсация, стяжение, универбация.

В современном словообразовании можно выделить три основных подхода к универбации. Первый из них представлен в работах “синтаксического” направления в словообразовании (Л. В. Сахарний, Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Е. Л. Гинзбург), в рамках этого подхода любое производное слово рассматривается как единица, изоморфная синтаксической единице.

Так, А. М. Шахнарович, например, понимает под универбацией “такое словообразование, которое является результатом преобразования сочетания в слово (человек, который делает зарядку – *зарядочник*; че-

ловек, который пишет, – *писатель*). ... Здесь имеет место отвлечение от генерализованного ‘прямого’ отношения, следствием чего является появление слова – универба, представляющего собой ‘свернутую’ предикативную синтагму” (Шахнарович 1991: 216, 218).

Второй подход рассматривает универбацию как объединение различных видов словообразовательной компрессии в широком смысле. Например, В. В. Лопатин относит к универбации не только образование слова суффиксацией на базе словосочетания, но и сложение (*нефтескважина*), и субстантивацию (*выходной*) (Лопатин 1978). И. П. Глотова также рассматривает универбацию расширительно. С ее точки зрения, общим свойством всех конденсатов является их “соотнесенность с комплексным наименованием (или предикативной единицей) как реально бытующим, так и потенциально возможным (Глотова 1977: 4).

Третий подход связан с рассмотрением универбации как словообразовательного процесса, базирующегося на свертывании словосочетания с атрибутивными отношениями и одновременной суффиксации: “Эта переделка представляет собой чаще всего сжатие наименования, состоящего из нескольких слов, в односоставное (универбация)...” (Dokulil 1962: 196). В русистике этот узкий подход представлен в работах Е. А. Земской, Л. И. Осиповой, Т. Д. Соколовской, Н. С. Валгиной и др.

Так, Л. И. Осипова определяет универбацию как “замену описательного наименования, то есть раздельнооформленной ... единицы, цельнооформленной, то есть однолексемным наименованием” (Осипова 2014: 26). Т. Д. Соколовская под универбатами понимает “однословные наименования, производные от опорного атрибута с помощью наиболее употребительного суффикса -к, сохраняющие стилевую связь со сферой своего появления (с разговорной речью), а также синонимическую связь с производящим однословным наименованием” (Соколовская 2000: 83).

Несколько отличная от рассмотренных определений точка зрения представлена в работах И. С. Улуханова. Ученый относит к универбатам отадъективные субстантивы – мутационные десуффиксальные образования: *приусадьба*, *дозвук* (дозвуковая скорость) (Улуханов 1996).

Итак, различаются широкий и узкий подходы к универбации. Они в целом не противоречат друг другу. В широком смысле под универбацией целесообразнее понимать различные виды компрессии синтаксических единиц от свертывания словосочетания до голофразиса как свертывания предложения (см., например, *ямщикнегонилошадейность* – В. Набоков, *какбычегоневышлизм* – Е. Евтушенко). Эти виды компрессии, которые могут быть обозначены особым термином, образуют полевую структуру, ядром которой служат суффиксальные универбаты (*публичка, смешанка, Третьяковка, читалка* и др.), а периферию составляют голофрастические образования, возникшие в результате свертывания предложения, и контаминанты (*Азиона, проэзия, ломастер, школолад* и др.).

2. Суффиксальные универбаты – производные слова, которые мотивируются субстантивным словосочетанием с атрибутивными отношениями: *гражданка (гражданская война), смешанка (смешанная эстафета), тренажерка (тренажерный зал)*. Для данных дериватов характерно использование комплексного форманта: это сокращение опорного субстантивного компонента исходного субстантивного словосочетания + суффиксация; при этом используются такие суффиксы, как *-к(а)*, который наиболее продуктивен, *-ак, -ач, -ик, -ух, ушк*, нулевой суффикс; ср.: *персоналка (персональное дело), студак (студенческий билет), курсач (курсовая работа), договорник (договорной матч), роковуха (роковая любовь), ночнушка (ночная рубашка), доп (дополнительный патрон)*.

Суффиксальные дериваты основаны на компрессии исходного субстантивного словосочетания и отражении в структуре деривата только одного его компонента при включении семантики второго.

От других видов компрессивного словопроизводства суффиксальная универбация отличается или характером производящей базы, или типом форманта. Так, субстантивация (*выходной, скорый* и др.) характеризуется таким формантом, как преобразование морфологической парадигмы, усечение представляет собой сокращение одной лексической единицы и не предполагает свертывания словосочетания. Дериваты же типа *фигтив, ультрафиолет, загран* и т.п. базируются на словосочетании, построенном по модели “прилагательное + существительное”, и должны последовательно рассматриваться как универбаты с нулевым суффиксом.

3. Однако и при узком подходе к суффиксальным универбатам существует проблема отграничения их от внешне сходных с ними образований. Целесообразно выделить ряд критериев отнесения дериватов именно к сфере суффиксальной универбации. На наш взгляд, таких критериев несколько. Это, во-первых, тип исходного, семантически тождественного универбату мотивирующего словосочетания. Суффиксальный универбат мотивируется субстантивным словосочетанием с атрибутивными отношениями, построенным по модели “прилагательное + существительное” или (реже) по модели “существительное + прилагательное + существительное”, ср.: *сольник* – сольный концерт, *научник* – научный руководитель, *побочка* – побочный эффект, *силовик* – служащий (руководитель) силового министерства, представитель силовых структур, *электруха* – электрическая гитара. Кроме имени прилагательного, в составе исходного словосочетания в современной русской речи последнее время используется и причастие: *выделенка*, *пересеченка*. Формантами при образовании универбатов выступают суффиксы: *-к* (*мусорка* – мусорное ведро, *тоналка* – тональный крем, *документалка* – документальный фильм), *-ух* (*кольцевуха* – кольцевая дорога), *-ушк* (*губнушка* – губная помада, *ночнушка* – ночная сорочка), *-ак* (*тонак* – тональный крем, *сливак* – сливочное масло), *-ик* (*штатник* – штатный преподаватель), *нулевой суффикс* (*заруба* – зарубежная литература, *доп* – дополнительный патрон) и некоторые другие.

Во-вторых, мотивирующее универбат словосочетание должно характеризоваться регулярностью употребления, устойчивым характером функционирования и воспроизводимостью в речи или представителями разных социальных групп, или одной, часто относительно замкнутой, социальной группы; см., например, универбаты в профессиональной речи медиков (*иммунка* – иммунная система, *мерцуха* – мерцательная аритмия, *мочегонка* – мочегонное средство, *торокалка* – торокальная анестезия, *спиналка* – спинальная анестезия), в современном студенческом жаргоне (*античка* – античная литература, *зарубежка* – зарубежная литература, *курсовик*, *курсач* – курсовая работа, *студак* – студенческий билет), театральном жаргоне (*Спящка* – ‘Спящая красавица’, *Летучка* – ‘Летучая мышь’).

В-третьих, важно учитывать объем словосочетания: свертыванию при универбации, как правило, подвергается простое (двухкомпонентное) или сложное (трехкомпонентное) словосочетание. Наконец,

критерием выделения суффиксальных универбатов и отграничения их от схожих явлений может служить невысокая степень идиоматичности (фразеологичности) семантики: конденсация значения второго компонента и формальные преобразования требуют незначительных семантических модификаций, что делает универбат доступным для восприятия и понятным в процессе коммуникации с учетом контекста.

4. Учет предлагаемых критериев позволяет отграничить от суффиксальных универбатов ряд суффиксальных дериватов. Это прежде всего отглагольные образования, в частности названия различных электронных и компьютерных игр: *бродилка* – компьютерная игра, в которой игрок вынужден бродить в лабиринтах; *искалка* – компьютерная игра, где игроку нужно постоянно что-то искать; *стрелялка* – компьютерная игра, где игроку приходится много стрелять. Такие производные слова мотивируются глаголами.

В современной речи уже сложилась традиция называть новые игры отглагольными дериватами с суффиксом *-лк*. Реже шуточные названия игр и фильмов образуются от основ имен существительных и прилагательных, см., например, *спилберговка* – название электронной игры образовано от фамилии одного из ее создателей – Стивена Спилберга (Комсомольская правда, 29. 12. 1995).

Не являются также универбатами неузальные производные с суффиксами *-лк*, *-ловк* со значением отвлеченного действия, не предполагающие свертывания словосочетания и не соотносящиеся с ним:

Нельзя верить их обещаниям. Это обычная заманилка (Радио, 14. 02. 1998); *Подробности удивительного беспредела (нет, беспредельной удивлялки!) – на будущей неделе в “КП”* (Комсомольская правда, 01. 08. 1997); *Наше время – это разграбловка* (ТВ, 09. 10. 1998); *И под себя не греб, и другим мешал заниматься разграбловкой* (ТВ, 23. 05. 2001).

См. также такие дериваты, как *обдираловка*, *объедаловка*, *отрицаловка*, *давиловка*. Эти дериваты либо являются неузальными синонимами девербативов (*разграбление*, *удивление*) и служат для более экспрессивной номинации процессов, либо заполняют лакуны в отглагольной лексике. Они достаточно частотны в современной художественной речи; ср., например:

И на черта минералка, / Если здесь неумиралка (Е. Евтушенко).

На этом фоне отмечаются отдельные универбаты с формантом *-ловк*, мотивированные субстантивным словосочетанием: *обязаловка* (обязательные работы, обязательное занятие), *объясниловка* (объяснительная записка). Их употребление в речи свидетельствует о формировании в русском языке новой группы универбатов – универбатов *nomina actionis*, уже широко представленных в других славянских языках. В этом случае в состав мотивирующего словосочетания входит существительное со значением действия: *кругосветка* – кругосветное путешествие; *аморалка* – аморальное поведение; *самоволка* – самовольная отлучка; *строилка* – строительные работы, *бытовка* – бытовое преступление.

Не следует рассматривать как универбаты и аффиксальные производные с суффиксом *-щин*: *коммунальщина*, *театральщина*, *цыгантищина* и др. Эти существительные обозначают бытовое или общественное явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом, причем преимущественно с неодобрительной оценкой. Как отмечал В. В. Виноградов, суффикс *-щин* с середины XIX в. последовательно используется в русском языке для образования отвлеченных существительных и указывает на “характеристические общественно-политические явления, идейные течения с отрицательной окраской” (Виноградов 1986: 122). Производные существительные с аффиксом *-щин* служат средством обобщения комплекса признаков, которые ассоциативно возникают у носителей русского языка и непосредственно не вербализуются. Ср., например:

Умрешь с тоски: ... казенщина (А. Чехов); *Эта детдомовщина ... во мне грубая сидит* (В. Астафьев).

Для дериватов с суффиксом *-щин* трудно установить исходное мотивирующее словосочетание, которое регулярно повторяется в речи и может подвергаться свертыванию, соответственно, они не могут рассматриваться как универбаты.

Итак, опираясь на предложенные критерии, можно выделить ряд словообразовательных типов, в которые объединяются производные существительные, не являющиеся универбатами. В свою очередь универбаты функционируют в современной русской речи на фоне многочисленных омонимов.

5. Прежде всего универбаты, формально образованные от прилагательных, часто совпадают с производными, образованных от глаго-

лов или существительных. Например, *рулежка* разг. 1. Процесс действия по гл. рулить II. 2. Результат этого действия (СТС) и *рулежка* – рулежная полоса:

Взлетно-посадочные полосы и рулежки расчищаются с уменьшенными интервалами, а для этого перекрывается одна из полос, и это тоже провоцирует задержки рейсов (“Российская газета”, 10. 11. 2016).

Кроме того, новообразования-универбаты со значением действия совпадают с однокоренными узувальными существительными со значением женскости или дериватами с уменьшительно-ласкательным значением: *хулиган–к–а* – хулиганский поступок и *хулиганка* – женск. к сущ. хулиган; *бедуин–к–а* – экскурсия в бедуинскую деревню и *бедуинка* – женск. к сущ. бедуин; *фигур–к–а* – фигурное катание и *фигурка* – уменьшительное к сущ. фигура. Ср.:

Я буду добиваться, чтобы на водителя “Гелендвагена” было заведено уголовное дело за злостное хулиганства, – заявил Якунин... Но прокуратура явно сопротивляется созданию этого самого прецедента. Ведь все предыдущие дела за хулиганку были закрыты (“Комсомольская правда”, 04. 06. 2016); *Да, все это, конечно, классно, но бедуинка – это просто спектакль, о чем гиды, конечно, не говорят. В этой так называемой бедуинской деревне на самом деле никто не живет!* (Интернет, 15. 06. 2007); *В фигурке детей растягивают так же, как и в гимнастике. Все зависит от хореографа* (Евроспорт, 27. 02. 2015).

В производных данного типа развивается словообразовательная омонимия, которая порождает омонимию лексическую.

В то же время необходимо иметь в виду, что для современной разговорной речи характерна тенденция к имитации универбов и использованию производных с суффиксом -к, ставшим своеобразным маркером универбации, в дериватах, не мотивированных словосочетанием:

Популярность, “популярка”, как на сленге говорят про нее мои коллеги – артисты – когда и как она приходит? (М. Казаков); *А мне купи морожку...* (Е. Дубровина); *Главное – не оскорблять друг друга. А то захочется что-то сказать в ответку* (В. Рыбин); *[Она] одевалась небрежкой* (“Модный приговор”, 07. 02. 2016); *...Это не нетленка, а растленка... “Избранным” – нетленку, остальным – растленку* (“Советская Россия”, 19. 08. 2003).

Перед нами дублиеты девербативов и деадъективов: *небрежность, растление* и др., при этом аффикс в этих дериватах заменяется разговорным суффиксом -к, который служит “опознавательным знаком”

универбации и может вызывать ассоциации с нею у носителей языка. Подобные образования можно рассматривать как суффиксальные квазиунивербаты.

Универбаты, таким образом, в современной русской речи, с одной стороны, соотносятся со словообразовательными омонимами, с другой стороны, с дериватами, порождаемыми процессами квазиунивербации, которые свидетельствуют о высокой степени продуктивности собственно универбации.

6. Границы универбации в современной речи последовательно расширяются. В ее рамках формируются новые модели, получающие распространение, при этом и универбаты “подравниваются” под другие словообразовательные типы. Так, в настоящее время приобретает активность модель с экспрессивным суффиксом *-як*:

Бесплезняк обращаться к Максиму (разг. речь); *На крайняк куплю другие билеты* (разг. речь); *Безвыходняк* (Л. Якубович – “Поле чудес”, 09. 12. 2016); *Бесперспективняк!* (М. Галкин – “Лучше всех”, 06. 11. 2016); *Мрачняк* (мрачная ситуация)! (разг. речь).

Эти дериваты сближаются с жаргонизмами и сленгизмами, которые не являются универбатами: *депрессняк*, *отходняк*, и новыми предикативами типа *поздняк*. Отмеченные дериваты-универбаты элиминируют существительные с максимально широким значением – *дело*, *положение*, *случай* – и пополняют класс оценочных слов иногда с размытой частеречной принадлежностью.

7. Для развития универбации в современной русской речи характерен ряд тенденций. Это:

1) расширение круга словосочетаний, мотивирующих суффиксальные универбаты, в частности включение в этот круг словосочетаний с причастиями;

2) постепенный рост числа универбатов, которые могут параллельно соотноситься с различными мотивирующими словосочетаниями: *оффшорка* – оффшорный центр, оффшорная зона, оффшорная компания; *оперативка* – оперативное совещание, оперативная память;

3) формирование новых моделей с оценочным значением: *бесплезняк*, *мрачняк* и др.;

4) тенденция к образованию универбатов *nomina actionis* (Коряковцева 2016: 90), см., например: *обязаловка, принудиловка* – принудительная работа, принудительное мероприятие, *спасаловка*.

Универбация, как и другие словообразовательные явления, может быть рассмотрена как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте. В связи с этим возникает вопрос: считать ли универбатами в современном языке дериваты, утратившие мотивирующие словосочетания. Опрос информантов показал, что говорящие не соотносят слова *похоронка, путевка, землянка, открытка* с исходными словосочетаниями *похоронное удостоверение, путевой листок, открытое письмо*. Утрата этой соотносительности приводит к декорреляции производных и – соответственно – к изменению характеристики дериватов, как это произошло, например, со словом *кольчуга*, которое уже не может рассматриваться как универбат.

Таким образом, необходимо четко определить границы универбации как особого словообразовательного явления и последовательно отграничивать суффиксальные универбаты от внешне сходных с ними единиц. При этом следует учитывать тип свертываемого словосочетания, его объем, характер отношений в нем, степень фразеологичности семантики производного.

Литература

- Виктор Владимирович ВИНОГРАДОВ, 1986: *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва: Наука.
- Ирина Петровна ГЛотова, 1977: К вопросу об универбации (о функционально-стилевом и общелитературном употреблении). *Вопросы стилистики*. Вып. 12. Саратов: СГУ, 3–17.
- Елена Ивановна КОРЯКОВЦЕВА, 2016: *Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты)*. Siedlce: Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach.
- Владимир Владимирович ЛОПАТИН, 1978: Суффиксация и смежные явления в сфере образования новых слов. *Новые слова и словари новых слов*. Ленинград: Наука, 72–82.
- Людмила Ивановна ОСИПОВА, 2014: *Имена существительные – универбаты в русской разговорной речи*. Москва: МГПУ.

Татьяна Дмитриевна СОКОЛОВСКАЯ, 2000: *Категория нормативности во вторичных наименованиях сокращенного типа*: Дис. ... докт. филол. наук. Москва: Государственный институт им. А. С. Пушкина.

Игорь Степанович УЛУХАНОВ, 1996: *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва: URSS.

Александр Михайлович ШАХНАРОВИЧ, 1991: Проблема формирования языковой способности. *Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи*. Москва: Наука, 213–219.

Miloš DOKULIL, 1969: *Teorie odvozování slov. Tvoření slov v češtině I*. Praha, 263.

Suffixal Univerbs and Related Phenomena

Suffixal univerbs are a core of the field of compressive word-formation types connected with summarisation of the phrase. They function against the background of word-formation homonyms and externally similar to them deverbatives from which they should be delimited. The univerbization interacts with the kvaziuniverbization in speech. The expansion of the circle of motivating phrases and formation of the new models with attitudinal meaning is characteristic of the development of the univerbization.

Лидија Аризанковска

Универзитет “Св. Кирил и Методиј” во Скопје
Филолошки факултет “Блаже Конески”, Македонија, Скопје
larizankovska@yahoo.com

УНИВЕРБИЗАЦИЈА ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК

Целта е да се покаже состојбата во македонскиот јазик од современ аспект во однос на процесот на универбизацијата како една од зборообразувачките тенденциите на современиот јазик, прагматички обусловена, односно поттикната пред сè од економијата во јазикот и разгледувана од функционален аспект, во најголем дел присутна во разговорниот јазик.

Клучни зборови: универбизација, македонски јазик, јазична економија, прагматичка обусловеност, именски образувања

The objective is to show the situation in the Macedonian language, from a contemporary point of view concerning the process of univerbation as one of the word creation tendencies of the modern language, pragmatically conditioned, that is, motivated above all from the language economy and reviewed from a functional aspect as mostly present in the colloquial language.

Key words: univerbation, Macedonian language, language economy, pragmatically conditioned, nominal word creation

1. Универбизацијата, како еден од начините на зборообразување во македонската наука за јазикот не предизвикува поголем интерес, особено ако се земе предвид фактот дека се работи за јазик од аналитички тип, па универбизацијата може да се разгледува како еден од начините за поедноставување на изразот (поаѓајќи од општата дефиниција за универбизацијата како појава кога синтагма или цела реченица се адаптира како еден збор без промена во значењето, преземено од Ѓорић, а цитирано според Radovanović 2004: 45), прагматички обусловена и од функционално-стилски аспект пред сè присутна во разговорниот јазик.

1.1. Според некои македонски слависти придонес во проучувањето на универбизацијата како дел од зборообразувањето од конфронтати-

вен аспект имаат чешките и руските слависти како Једличка, Барнет, Земскаја, Китајгородскаја, Ширјаева и др. (в. Роус, Пашоска, Каранфиловски 1985: 39).

Барнет прави групирање на словенските јазици во врска со типологијата на разговорната реч и притоа izdelува четири групи на јазици. Во првата група ги сместува рускиот, украинскиот и полскиот јазик, кај коишто разговорната реч претставува адаптација на литературниот јазик; во втората група се македонскиот и словачкиот јазик кај коишто разговорната реч е адаптација на супстандардот, во третата група е чешкиот јазик чија разговорна реч е адаптација на интердијалектот и неговото издигање во функција на стандард и во четвртата група ги сместува српскиот и хрватскиот јазик, како и горнолужичкиот кај коишто разговорната реч е супстандард на некои дијалекти (Роус, Пашоска, Каранфиловски 1985: 39).

1.2. Кирил Конески, пак, зборува главно за синтаксичка конверзија *...кога зборот (збороформата) се преосмислува семантички без никаква формална промена и минува од една зборовна група во друга, на пример учен човек → учен 'научник', богат (прид.) → богат (им.) и др.* (Конески К. 1995: 24) наспроти парадигматското зборообразување или морфолошката конверзија, чиј производ се бессуфиксните типови деривати од типот *влез ← влезе, прекин ← прекине* (Конески К. 1995: 24). Инаку, самиот тој издвојува четири начини на зборообразување: лексичко-семантички, лексичко-синтаксички, морфолошко-синтаксички и морфолошки (афиксен) начин (Конески К. 1995: 11). Во случајов станува збор за морфолошко-синтаксички начин. Зборувајќи за синтаксичката конверзија, зависно од тоа во која група преминува лексичката единица, се izdelуваат следните типови на синтаксичка конверзија: супстантивизација, адјективизација, прономинализација и адвербијализација. Како еден од најпродуктивните зборообразувачки модели во македонскиот јазик се покажува токму супстантивизацијата на придавките (в. Николовска 2009, <http://eprints.ugd.edu.mk/id/eprint/4607>).

2. Универбизација

Според Благоева во бугарскиот, рускиот и чешкиот јазик се izdelуваат три типа на универбизација зависно од видот на зборообразувачките средства кои се користат во процесот на деривацијата, и тоа:

универбизација со средства за морфолошко зборообразување (суфиксална и со нулов суфикс, односно асуфиксална), универбизација со средства за морфолошко-синтаксичко образување и универбизација со средства за лексичко-семантико зборообразување (в. Благоева 2003, <http://www.slav.uni-sofia.bg/Pages/Blagoeva.pdf>).

Во описот за македонскиот јазик ќе се задржиме на:

2.1. Елиптична универбизација. Според Кирил Конески претставена како универбизација со нулова зборообразувачка морфема или нулов суфикс (в. Конески К. 1995: 23), од типот: *дежурен* ← *дежурен лекар*; *сиромав* ← *сиромав човек*; *автобуска* ← *автобуска станица*; *дневна* ← *дневна соба* (аналогно: *детска* ← *детска соба*); *возачка* ← *возачка дозвола*; *Клинички* ← *клинички центар*; *Филолошки* ← *Филолошки факултет* (аналогно: *Машински* ← *Машински факултет*, *Електро* ← *Електротехнички факултет*, *Медицински* ← *Медицински факултет*); *Универзална* ← *Универзална сала*; *Утрински* ← *Утрински весник*; *Трговски* ← *Градски трговски центар*; *кабелска* ← *кабелска телевизација*; *родителска* ← *родителска средба*, *матурска* ← *матурска прослава*, *дипломска* ← *дипломска работа* (аналогно: *семинарска* ← *семинарска работа*); *минерална* ← *минерална вода* (разг. исто така: *газирана* ← *газирана вода*); *мобилен* ← *мобилен телефон*, итн.

Во дадениот случај всушност станува збор за т. н. супстантивна универбизација во зборообразувањето, каде што во спојот придавка и именка, придавката ја презема доминантната функција (в. Роус, Пашоска, Каранфиловски 1985: 40) или т.н. универбизација со средства на морфолошко-синтаксичко зборообразување каде што универбизмите (во славистичката литература именувани уште како универба-ти) се разгледуваат како супстантивизирани придавки, добиени како резултат на елиптична супстантивизација (в. Благоева, <http://www.slav.uni-sofia.bg/Pages/Blagoeva.pdf>). Ваквите примери во македонскиот јазик се својствени пред сè за разговорниот јазик.

Примери:

- (1) Кога треба да бидеш на *автобуска*? (разг.)
- (2) Имаш ли *возачка*? (разг.)
- (3) Утре имате *родителска*. (разг.)
- (4) Избрав тема за *дипломска*. (разг.)
- (5) За мене донесете *минерална*. (разг.)
- (6) Си купив нов *мобилен*. (разг.)

2.2. Суфиксална универбизација

Овој тип на универбизација со додавање на суфикс на зависната придавка во македонскиот јазик не можеме да речеме дека го нема, но во секој случај е поредок и непродуктивен. (Роус, Пашоска, Каранфиловски 1985: 41).

2.2.1. Најчесто се образуваат деривати со суфиксите: *-ка, -ки, -ак, -ица, -еџ* и др.

Ќе наведеме неколку примери од овој тип на универбизација во македонскиот јазик: *нуклеарка* ← *нуклеарна централа*, *халогенка* ← *халогена светилка*; *мајсторка* ← *мајсторски/завршен меч*; *соленки* ← *солени стапчиња*, *салонки* ← *салонски чевли*, *лудак* ← *луд човек* (аналогно: *чудак* ← *чуден човек*); *нокница* ← *нокна кошула*; *сообраќаеџ* ← *сообраќаен полицаеџ*; *административеџ* ← *административен работник*; *хонорареџ* ← *хонорарен работник*; *сезонеџ* ← *сезонски работник*; *хуманитареџ* ← *хуманитарен работник*; *документареџ* ← *документарен филм*; *деструктивеџ* ← *деструктивен човек*; *негативеџ* ← *негативен човек/ли*; *итреџ* ← *итар човек*, *генијалеџ* ← *генијална личност*; а кај примерите *прваче* ← *дете во прво одделение* и *забаваче* ← *дете во предучилишна/забавишна група* е дополнително вклучена и хипокористичната, односно ‘чувствената’ компонента.

Главно станува збор за именски универбизми.

Примери:

(7) Доаѓа пролет и бидете со отворен ум кога се во прашање новите пролетни модели на *салонки*, мокасини, сандали и влечки.
/http://republika.mk/20 февруари 2017/

(8) *Нуклеарка* во Македонија, реалност или фикција?
Дали на Македонија ѝ е неопходна *нуклеарка* и може ли државата да си дозволи еден таков грандиозен проект, со кој дефинитивно се решава проблемот на обезбеденоста со струја?
/http://utrinski.mk/3 март 2009/

(9) Демек јас сум луд? За тебе сум *чудак* и *лудак*?
Затоа ли не можеш да ме разбереш и за тебе јас сум *чудак* и *лудак*?
/http://okno.mk/5 април 2016/

(10) Снимен *документареџ* за Македонија

Фасциниран сум од шармот на вашата земја.... На овој начин Јон Фаршоу, светски познатиот режисер, го опишува восхитот што го доживеал за време на снимањето на својот *документарец*.

[/http://www.dnevnik.mk/28](http://www.dnevnik.mk/28) ноември 2016/

(11) Карпош Соколи и Куманово играат *мајсторка* за финале Екипите на Карпош Соколи и на Куманово вечерва ќе го играат решавачкиот петти меч од полуфиналето во плеј-офот на македонското кошаркарско првенство.

[/http://www.plusinfo.mk/vest/finale/15](http://www.plusinfo.mk/vest/finale/15) мај 2016/

Што се однесува до суфиксната универбизација, за разлика од другите словенски јазици, во македонскиот јазик таа не е многу продуктивна, а кај некои примери се развива под влијание на соседните јазици, особено под српско влијание (*народњак* ← *народна музика (обично новокомпилирана)*, *трбушњак* ← *трбушен/мак. стомачен танц, перверзњак* ← *перверзен човек* (аналогно: *стручњак* ← *стручен човек; миник* ← *мини сукња/мак. здолниште, порник* ← *порно филм*) кое се чувствува во разговорниот јазик, и станува дел од секојдневната комуникација, односно како што беше погоре споменато, разговорната реч претставува адаптација на супстандардот. Употребата на ваквиот тип универбизми може да се каже дека е воедно и дел од јазичната експресија, односно во ваквиот случај не се работи само за економичност во јазикот туку многу повеќе за јазична експресија. Тука би ги споменале и дериватите од типот: *комуњар* ← *'следбеник на комунизмот'*, *соросоид* ← *'личност која дејствува под закрила на Сорос'*, употребувани со негативна конотација, а особено фреквентни во последниот временски период.

Примери:

(12) Воедно, оттаму потсетуваат дека владата на Словенија веднаш по катастрофалните поплави во Македонија, одговорила на барањето на Македонија и испратила *стручњак* за координација во отстранувањето на последиците од несреќата, во рамки на Механизмот за цивилна заштита на Европската Унија.

[/http://meta.mk/tag/struchnak/25](http://meta.mk/tag/struchnak/25) август 2016/

(13) Познат *стручњак* од областа на човечкиот потенцијал, држел предавање. <https://www.facebook.com/mladiemc/photos/4> ноември 2015/

(14) Колумна – Љубомир Д. Фрчкоски

“Трбушњак”

/http://star.dnevnik.com.mk/18 март 2006/

(15) Како ќе се приближуваат нови избори, така сите околни политички лузери ќе одат на “бацирака” во владејачкиот бастион и ќе играат “трбушњак”.

/http://www.dnevnik.mk/14 февруари 2002/

(16) Комунисти визави *комуњари*

/http://dnevnik.mk/31 март 2015/

(17) Фејсбук расправија на “вмровец” и “комуњар” – Што мајка ти?

/http://zase.mk/foto-fejsbuk-raspravija/3 април 2015/

(18) Користењето на терминот “*соросоуди*” е дискриминација

Во одделен број медиуми во последно време се одомаќи терминот “*соросоуди*”. Овој термин се употребува во различен контекст, меѓутоа, секогаш со негативно значење.

/http://www.plusinfo.mk/mislenje/17 август 2015/

2.2.2. Од глаголските универбизми може да се споменат дериватите на *-ира*: *кешира* ← ‘плаќа во готово/во кеш’; *брендира* ← ‘прави бренд од нешто’; *кредитира* ← ‘дава кредит’; *брифира* ← ‘дава кусо известување, брифинг’. Се работи главно за глаголски универбизми мотивирани од основи од туѓо, односно несловенско потекло, најчесто навлезени преку англискиот јазик.

Примери¹:

(19) Челзи не жали пари – *кешира* 55 милиони за Ромањоли

/http://sportski.mk/18. 10. 2016/

(20) Здружението “Кажмакчалан” ќе го *брендира* македонскиот мед.

/http://vesti.mk/read/news/8496974/3080631/zdruzenieto-kajmakchalan-kje-go-brendira-mariovskiot-med/25. 03. 2016/

(21) Кој ја *кредитира* Владата?

/http://faktor.mk/koj-ja-kreditira-vladata/18 март 2017/

(22) “Вечер”: Кој ги *брифира* меѓународните претставници во Македонија?

/http://kurir.mk/makedonija/vesti/vecher /17 март 2017/

---

¹ Примерите претставуваат наслови на дадени прилози во новинарски текстови.

2.3. Компресиска универбизација

Станува збор за соединување на две полнозначни мотивирачки основи во една сложена, односно сложена-суфиксална творба (в. Šehović 2012: 407) или зборообразувачки компресии, како што ги нарекува Елена Корјаковцева (Корјаковцева 2016: 88), од типот: *главоболка* ← *глав-о-бол-ка* ‘болка во главата’, *крводарителство* ← *крв-о-дарител-ство* ‘процес на дарување крв’, но и со нулов суфикс: *водовод* ← *вод-о-вод-Ø* ‘инсталација за довод на вода’, *листопад* ← *лист-о-пад-Ø* ‘паѓање на листови’, *гроздобер* ← *грозд-о-бер-Ø* ‘берење грозје’, *крвоток* ← *крв-о-ток-Ø*, ← ‘движење на крвта’, а во поново време и од типот: *кафепиење* ‘кога се пие кафе’, *муабетпправење* ‘кога се води разговор/разг. муабет’ или како во погоре наведениот пример бацирака ‘баци/бакнува рака’ (в. 2.2.1., пр. 15)

(23) *Вртоглавица* и *главоболка* сè повеќе ги мачат граѓаните
/http://vecer.mk/makedonija/26 април 2015/

(24) Во Кавадарци почнува “Тиквешки *гроздобер* 2016”
/http://sitel.com.mk/1 септември 2016/

(25) Инсталација, или местенка за *кафепиење*... /https://www.facebook.com/realnokavadarci/26 декември 2016/

2.4. Универбизација со абревијација

Во современиот македонски јазик и скратениците се третираат за посебен вид деривати кои се добиваат со скратување на зборовите што се во состав на сложените називи (в. Конески К. 1995: 83–86), (*МНТ* ← *Македонски народен театар*, *МАНУ* ← *Македонска академија на науките и уметностите*). Ваквата тенденција за образување скратеници е актуална во последните дваесеттина години, особено со напливот на туѓи зборови, најмногу од англиско потекло (*CD* ← *compact disk*, *LCD* ← *liquid crystal display*, *SMS* ← *short messaging system*, *PIN* ← *personal identification number*, *PDF* ← *portable document format*, *DVD* ← *digital video disk*), а кои стануваат дел од секојдневниот живот и се дел од потребата за економија во јазикот. Затоа оваа тенденција се пренесува и кај скратениците од домашно потекло (*МОН* ← *Министерство за образование и наука*, *МВР* ← *Министерство за внатрешни работи*, *УЈП* ← *Управа за јавни приходи*, *УКИМ* ← *Универзитет Св. Кирил и Методиј* и др.).

Примери:

(26) Помош при избор на ТВ (*LCD* или *LED*)

Да е *Full HD*, да има дигитален тјунер, од приклучоци стандардните ама и *USB*.

/http://forum.it.com.mk/threads/5 февруари 2011/

(27)“Тартиф” во режија на Галин Стоев премиерно во *MHT*

/http://www.novamakedonija.com.mk/15 декември 2016/

(28)Награди за најдобрите студенти на *УКИМ*

/http://kurir.mk/makedonija/vesti/20 март 2017/

2.5. Универбизација со блендирање

Еден од начините на образување универбизми, особено својствен за поновиот период е т.н. блендирање (анг. *blending*). Ваквиот начин на образување зборови е тенденција во поновиот период, поттикнат од економијата во јазикот и особено изразен во комуникацијата преку социјалните мрежи, присутен најчесто во говорот на младите, како и во даден сленг. Во македонскиот јазик се работи најчесто за тенденција на преземање готови форми од англискиот јазик, како на пример: *бранч* ‘оброк меѓу појадок и ручек’ (анг. *brunch* ← *breakfast* + *lunch*); *чилекс* ‘опушти се’ (анг. *chillax* ← *chill* + *relax*); *броманс* ‘братска дружба’ (анг. *bromance* ← *brother* + *romance*), образувани со комбинирање, односно т.н. блендирање. Овој начин на образување не е типичен за македонскиот јазик (за ова и за наведеното погоре в. повеќе Arizankovska 2016: 3070–3086).

Примери:

(29) Секоја недела во декември одиме на *бранч* во *Distrikt Bar & Kitchen!*

Every Sunday in December we’re going to the *branch* at *Distrikt Bar & Kitchen!*

/https://www.facebook.com/DistriktBarKitchen/posts/7 декември 2016/

(30) За прв пат во Македонија се нуди светски популарното *бранч* (*brunch*) мени, што доаѓа од англиските зборови *breakfast* (појадок) и *lunch* (ручек), достапно за сите.

/http://www.makmoda.com/6 декември 2016/

3. Заклучок

Главна мотивација за универбизацијата се јазичната економија (оттаму и најголемиот број универбизми се дел од разговорниот јазик) и јазичната експресија како дел од даден јазичен израз, односно од даден функционален стил.

Овој зборообразувачки модел е особено значаен во процесот на збогатувањето на основниот лексички фонд на македонскиот јазик и во процесот на создавањето синоними, во случајов како еден економичен модел во постигнувањето на примарната функција на јазикот, комуникациската. Во македонскиот јазик како јазик од аналитички тип, универбизацијата може да се смета како процес кон поедноставување на јазичниот израз, со цел побрза и поефикасна комуникација. Сепак, нивната употреба во насока на разбирање на пораката е врзана со честотата на нивната употреба и соодветниот медиумски пласман.

Тенденцијата во македонскиот јазик во насока на образување на вакви лексеми, сепак најмногу е изразена преку супстантивната универбизација, и тоа од типот: *кабелска* ← *кабелска телевизија*, *минерална* ← *минерална вода*, *мобилен* ← *мобилен телефон*, каде што универбизмите главно се разгледуваат како супстантивизирани придавки, добиени како резултат на елиптична супстантивизација. Ваквите примери во македонскиот јазик се својствени особено за разговорниот јазик.

Тенденцијата за образување универбизми и нивна честа употреба особено во публицистичкиот, односно новинарскиот функционален потстил е пред сè поради јазичната експресија. Целта е употреба на ефектни синтетизирани изрази, со цел да бидат забележани и примарно восприемени, односно пренесени најчесто во интерес на медиумската пропаганда. Неспорна е и поврзаноста со тематско-рематската структура на исказот, нагласување на она што е ново и важно во медиумите со цел привлекување на поголемо внимание. Во секојдневниот говор, пак, универбизацијата е резултат на јазичната економија, односно јазичната прагматика, односно брзо и ефикасно пренесување на пораката. Употребата на универбизмите главно се сведува на веќе образувани и прифатени деривати, со веќе дефинирано значење, па нивната семантичка перцепција е содржана во самата лексема, која се употребува како готова форма. Евентуален потенцијален проблем е

појавата на можна хомонимија, но во таков случај контекстот е одлучувачки во насока на правилно пренесување на пораката.

Корпус

[/http://www.dnevnik.mk/](http://www.dnevnik.mk/)
[/http://faktor.mk/](http://faktor.mk/)
[/http://www.facebook.com/](http://www.facebook.com/)
[/http://forum.it.com.mk/](http://forum.it.com.mk/)
[/http://kurir.mk/](http://kurir.mk/)
[/http://www.makmoda.com/](http://www.makmoda.com/)
[/http://meta.mk/](http://meta.mk/)
[/http://www.novamakedonija.com.mk/](http://www.novamakedonija.com.mk/)
[/http://okno.mk/](http://okno.mk/)
[/http://www.plusinfo.mk/](http://www.plusinfo.mk/)
[/http://republika.mk/](http://republika.mk/)
[/http://sitel.com.mk/](http://sitel.com.mk/)
<http://star.dnevnik.com.mk/>
[/http://sportski.mk/](http://sportski.mk/)
[/http://utrinski.mk/](http://utrinski.mk/)
[/http://vecer.mk/](http://vecer.mk/)
[/http://vesti.mk/](http://vesti.mk/)
[/http://zase.mk/](http://zase.mk/)

Литература

Lidija ARIZANKOVSKA, 2016: 168. Macedonian. *Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe*. MÜLLER, Peter O., OHNÜ HEISER, Ingeborg, OLSEN, Susan, RAINER, Franz (Eds.). Volume 4. Berlin: The Gruyter Mouton.

Stjepan BABIĆ, 2009: Komentar natječaju za 2008. *Jezik*. 56, Osvrti, 76–78. (преземено од: http://Univerbizacija_Stjepan_Babic_2009_76_78 (hrcak.srce.hrfile135871)).

Диана БЛАГОЕВА, 2003: Универбизацијата в нај-новото славјанско словообразување (вврху материал от българикиа, рускиа и чешкиа език). *Съпоставително езикознание*. Том 28, кн. 3. (преземено од: <http://www.slav.uni-sofia.bg/Pages/Blagoeva.pdf>).

- Кирил КОНЕСКИ, 1995: *Зборообразувањето во современиот македонски јазик*. Скопје: Бона.
- Елена И. КОРЯКОВЦЕВА, 2016: *Очерки о языке современных славянских СМИ*. Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlca.
- Виолета НИКОЛОВСКА, 2009: Супстантивизацијата на придавките како продуктивен зборообразувачки модел во македонскиот јазик. *Литературен збор*, 1–3. (преземено од: <http://eprints.ugd.edu.mk/id/eprint/4607>).
- Milorad RADOVANOVIĆ, 2004: Dekompozicija i univerbizacija. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*. XLVII/1–2, 43–49.
- Донка РОУС, Маргарита ПАШОСКА, Максим КАРАНФИЛОВСКИ, 1985: Универбизацијата како тип на зборообразување во чешкиот, рускиот и македонскиот јазик. *Литературен збор*. XXXII 2, 39–44.
- Amela ŠENOVIĆ, 2012: Univerbacija u bosanskom jeziku. ДРАГИЋЕВИЋ, Рајна (ур.). *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима* (Зборник радова са четрнаесте меѓународне конференције Комисије за творбу речи при Меѓународном комитету слависта). Београд: Филолошки факултет, 407–417.

Univerbation in the Macedonian Language

Starting from the general definition of univerbation as a phenomenon when one clause or a whole sentence is adapted as one word without a change in the meaning, we can conclude that the main motivation for univerbation is language economy (hence most of such cases of univerbation are part of the colloquial language) and language expression as part of a specific language expression, or a specific functional style.

This word formation model is especially significant in the process of enriching the basic lexical fund of the Macedonian language and also in the process of synonym creation, in this case as one economic model for achieving the primary function of the language, that is, communication. In the Macedonian language, as an analytical type of language, univerbation may be considered as a process towards simplification of the language expression, in order to have faster and more efficient communication.

However, its use in relation to understanding the message is related to the frequency of the use and the appropriate media placement of such words.

This tendency in the Macedonian language, aimed at creation of such lexemes is mostly expressed through the nominal univerbation, presented in the following cases: *кабелска* ← *кабелска телевизија* (*cable* ← *cable television*), *минерална* ← *минерална вода* (*mineral* ← *mineral water*), *мобилен* ← *мобилен телефон* (*mobile* ← *mobile phone*), where univerbal lexemes are mostly analyzed as substantivized adjectives, obtained as a result of the elliptical substantivization. Such examples in Macedonian language are most frequent especially in colloquial language.

The tendency for creation of univerbal lexemes and their frequent use in publishing or journalist functional sub-style, is above all aimed at achieving language expression.

Цветанка Аврамова

СУ “Св. Климент Охридски”, България, София
avramova.cv@gmail.com

УНИВЕРЬ(ИЗ)АЦИЯ И ЕЗИКОВА ИКОНОМИЯ В СЛАВЯНСКИТЕ ЕЗИЦИ

В доклада се предлага разграничаване на понятията *универбизация* и *универбиране* (термин на Вл. Мурдаров), дефинират се универбатите като продукти на универбирането, изяснява се съдържанието на понятието езикова икономия. Под *универбизация* се разбира свойството на даден език да образува моновербални лексикални единици от мотивиращи устойчиви поливербални единици, свойство, което има предпоставка да се превърне в тенденция въз основа на по-общия принцип за езикова икономия. *Универбирането* се разглежда като акт/процес на образуване на еднословни единици (универбати) от устойчиви поливербални единици.

Ключови думи: универбизация, универбиране, езикова икономия, универбат

The paper suggests drawing a distinction between the concepts *univerbizatsiya* and *univerbirane* (Vl. Murdarov's term), defines *univerbat-s* as products of *univerbirane*, and clarifies the content of the concept language economy. *Univerbizatsiya* is interpreted as the language property to derive one-word lexical units from motivating stable multi-word units. This property is likely to turn into a tendency based on the more general principle of language economy. *Univerbirane* is treated as an act/process of deriving one-word units (*univerbat-s*) from stable multi-word units.

Key words: univerbizatsiya, univerbirane, language economy, univerbat

1. Върху *универбизацията* (*универбацията*) е натрупано не малко количество славистична литература. Същевременно обаче се обръща внимание, че в термина *универбизация* се влага различно съдържание и това затруднява съпоставителното изследване на славянските езици (вж. напр. Нещименко 2003; Аврамова 2007/2013; Аврамова 2008). *Универбизацията* се определя като процес, езикова тенденция, израз на тенденция, специфичен словообразователен начин или дори като имитация на словообразователен процес. Към продуктите на

универбизация (наричани универбати, универбизми, универби) биват причислявани много и разнородни явления. Разнообразието от гледни точки сякаш води до десемантизация на самия термин универбизация.

1.1. В езиковедската литература универбизацията тясно се свързва с езиковата икономия. От друга страна, в понятието *езикова икономия* също се влага неединно съдържание. На *тенденцията към езикова икономия* (тенденция языковой экономии) е посветена отделна глава на колективната монография *Komparacja współczesnych języków słowiańskich*, т. 1. *Słowotwórstwo / Nominacja*. Обръща се внимание, че в научната литература езиковата икономия се разглежда в тесен и широк смисъл. “Если подразумевать под языковой экономией причину или повод для тенденции, посредством минимального усилия достичь максимальной языковой эффективности (напр., сокращением, употреблением аббревиатур и т.п.), то тем самым ограничивается спектр словообразовательных явлений определенными типами и способами образования” (Ohnheiser, red., 2003: 283). Към езиковата икономия е отнасяна предимно суфиксалната универбизация, също така различни типове отсичане на основите, съпроводено в някои случаи и от аfixация.

Более узкому пониманию соотношения языковой экономии и словообразования можно противопоставить взгляды, согласно которым словообразование в целом является выражение языковой экономии, так как оно – благодаря специфическим способам номинации в форме одного слова – всегда приводит к сокращению на синтагматическом уровне. (op. cit.).

1.2. Подобно тясно и широко разбиране е характерно и за дефинирането на универбизацията.

1.3. Изтъква се, че терминът универбизация (от лат. *unus* ‘един’ + *verbum* ‘дума’) е въведен за първи път от К. Бругман през 1904 г. “для обозначения звуковых единиц, возникших на основ словосочетаний, внешне цельнооформленных, но не обладающей содержательной изолированностью” (Шумагер 1984: 133 – цит. по Дьячок 2015: 26). Това определение обаче е твърде общо и дава възможност към универбизацията да бъдат включени различни явления.

1.4. За отправна точка на научните изследвания в славистиката служат известните разработки на А. В. Исаченко, който за назоваване на “процесите, свързани със загубата на семантична разчлененост”,

използва паралелно два термина – универбация и семантична кондензация, без да ги разграничава¹.

Наиболее наглядно можно проследить процессы такой семантической конденсации у лексических единиц, состоящих из двух или нескольких словарных единиц, у так называемых комплексных наименований. Эти комплексные наименования имеют ярко выраженную тенденцию к универбации (подчертаното мое, Ц. А.), т.е. к сгущению семантического содержания в одном слове (Исаченко 1958: 340).

Исаченко посочва седем “случая” на семантична кондензация/универбация: композиция, срастване, елипса на един от елементите в изходното словосъчетание (елипса на определяемия член – субстантивация на прилагателното, или елипса на определящия член), афиксална деривация, образуване на т. нар. съкратени сложни думи, към които авторът отнася и буквените абривиатури, и още две явления, които по принцип не се цитират от авторите, позоваващи се на неговото изследване: отстраняване на граматическата “разнооформеност” на такива двучленни съчетания като *жар-птица* (Р.п. *жар-птицы*), *царь-девица* (Р.п. *цар-девицы*) и замяната на комплексното наименование от една дума, която не влиза в състава на словосъчетанието (напр. *Главырыба* вместо *рыбная промышленность* и др.) (Исаченко 1958: 341–343).

1.5. В повечето от последвалите научни разработки последните два “случая”, представени в изследването на Исаченко под номера 5 и 7, изобщо не се споменават и дори не съвсем коректно биват изключвани от неговия списък, като се изтъква, че авторът определя *пет* прояви на универбизация (вж. напр. Helcl 1963; Широкова 1991: 195; Нецименко 2003: 291; Благоева 2003). Но и тези пет прояви също са предмет на дискусии, като едни словообразователни явления ту биват включвани, ту изключвани от универбизацията (по този въпрос вж. Аугатова 2007/2013; Аврамова 2008 и цит. там литература; Дьячок 2015).

2. Още в цитираното изследване на Исаченко се полагат основите на двойственото разбиране за универбизацията – от една страна, като тенденция, и от друга, като конкретни “случаи”, т.е. прояви на универбизация. Двете “лица” на универбизацията се определят в научната литература като универбизация в широк и тесен смисъл.

¹ В резултат на това в съвременната изследователска практика тези термини често се употребяват като синоними (вж. Kaliszan 1986: 4 и цит. там литература).

2.1. Най-ярко това проличава в разбирането на Ян Босак:

...na základe širšieho (komunikatívneho) prístupu k analýze univerbizovaných jednotiek navrhujeme rozlišovať univerbizáciu v širšom zmysle ako všeobecnú tendenciu vychádzajúcu z princípu ekonómie dorozumievacieho procesu (tzv. komunikatívna funkčnosť), ktorá sa uplatňuje vo všetkých jazykových rovinách a má systémový charakter. Univerbizácia v užšom zmysle (...) sa uplatňuje v lexikálnej rovine a zahŕňa: 1. tvorenie jednoslovných pomenovaní na pozadí viacslovných motivujúcich pomenovaní, a to: a) deriváciou (presilová hra → presilov-k-a), b) substantivizáciou (triedna učiteľka → triedna), c) synekdochou (skok o žrdi → žrd'), d) kompozíciou (hráč prvej ligy → prvooligista); 2. simplifikáciu viacslovných pomenovaní, a to: a) kontextovú: (vláda ČSSR → vláda), b) skracovaním, akronimizáciou (Slovenská akadémia vied → SAV). (Bosák 1987: 232; по същия начин: DSZSS 1989: 299).

На това разбиране за универбизацията се опират и други словашки изследвания (вж. напр. Ološtiak, ed. 2015: 125).

Други автори също определят универбизацията двояко – например като *процес* и като *тенденция* (Jedlička 1978) или като словообразователна *тенденция* и словообразователен *способ* (Виденев 1976) и др.

2.2. Освен като *самостоятелна тенденция*, универбизацията също така се разглежда и като *проява на друга тенденция*: на тенденцията към отстраняване на противоречието между единството на значението и разделността на формата (Helcl 1963: 36) или тенденцията към езикова икономия (Нещименко 2003). Говори се също така за тенденция към универбизация (напр. Сидоренко Е. Н. 1993).

2.3. Българският лингвист Вл. Мурдаров предлага да се прави разграничение “между словообразователния начин у н и в е р б и р а н е и цялостната тенденция към *универбизация*, проявяваща се в книжовния език въз основа на принципа за езикова икономия (...). Резултат от тази тенденция е *универбалността* на лексикалните единици” (разредката и курсивът на автора). Продуктите от универбирането се означават с термина универбати (Мурдаров 1983: 115). Според Мурдаров от устната норма на книжовния език универбирането проявява стремеж да проникне и в писмената “въз основа преди всичко на *тенденцията към цялостна универбизация* като израз на демократизацията на книжовния език” (курсивът мой, Ц. А.) (Мурдаров 1983: 113).

В. Радева също характеризира универбирането (терминът е на авторката – заб. моя, Ц. А.) като специфичен словообразователен начин

(Радева 1991: 55), но и като “тенденция в езиковия развой” (Радева 1991: 55, 57).

2.4. В някои изследвания (напр. Dokulil 1962: 27–28, 111–117; Радева 1991: 55–58; Ферм 1994: 54–55) се изтъква, че универбизацията (у Радева – универбирането) като номинационен акт се отнася до мотивационното отношение; във формален план тя (то) не разполага със собствени словообразователни средства и начини. В чешкото словообразуване се говори за мотивация чрез универбизация (*motivace univerbizací*), за кондензационна, предимно универбизационна мотивация (*motivace kondenzační, především motivace univerbizační*) (Dokulil 1962: 114, 117; EŠČ 2002).

2.5. Към конкретните прояви на универбизация обикновено авторите отнасят първите пет явления, посочени от Исаченко, с някои допълнения и модификации. Така например като продукти на универбизация (рус. универбация) Й. Калишан определя четири основни групи производни думи: 1) суфиксални образувания (*зачетка* ← *зачетная книжка*); 2) образувания чрез нулева суфиксация (*термояд* ← *термоядерная реакция*); 3) “думи, традиционно причислявани към композитумите” (*фотокатод* ← *фотоэлектронный катод*, *телебашня* ← *телевизионная башня*) и абривиатурите (*профактив* ← *профсоюзный актив*, *физрук* ← *физкультурный руководитель*) и др., които, според автора, “по общото за тях композиционно-абривиационно начало могат да бъдат подведени под по-широката структурно-словообразователна категория – категорията на съкратените сложни думи”; 4) елиптически субстантивати (*сборная* ← *сборная команда*) (Kaliszan 1986: 35).

2.6. Д. Благоева различава “три структурни типа универбизация в зависимост от характера на използваните словообразователни средства: универбизация със средствата на морфологичното, на морфолого-синтактичното и на лексико-семантичното словообразуване” (Благоева 2003: 7). Към първия тип се отнасят суфиксалната универбизация (бълг. *мобилен телефон* → *мобилка*, рус. *атомная электростанция* → *атомка*, чеш. *řípaňční úřad* → *řípaňčák*) и универбизацията чрез нулева суфиксация (бълг. *кабелна телевизия* → *кабел*, рус. *синхронный перевод* → *синхрон*, чеш. *plastiková karta* → *plast*); към втория тип – субстантивирани прилагателни, получени в резултат на елиптична субстантивация (*брейди облигации (книжа)* → *брейди*, *миялна машина* → *миялна*, рус. *мобильный телефон* → *мобильный*,

чеш. (*velká sametová (revoluce) → sametová*); към третия тип – универбизация, при която “в изходното номинативно словосъчетание се отстранява атрибутивният елемент, а опорното съществително име развива ново лексикално значение, тъждествено със значението на словосъчетанието” (Благоева 2003: 16 – авторката цитира Мурдаров 1983: 187), напр.: *електронен адрес → адрес*, рус. *магнитная карта → карта*, чеш. *telefonní záznamník → záznamník* (Благоева 2003).

2.7. Най-тясно е разбирането за универбизацията като трансформиране на двусловни (по-рядко многословни) атрибутивни словосъчетания в еднословни чрез суфиксация от типа рус. *маршрутное такси → маршрутка* (Земская 1996; Ћорић 2008 и др.).

2.8. На противоположния полюс спрямо посоченото тясно разбиране са изследванията, в които границите на универбизацията се разширяват прекомерно. Така например, като се позовава на И. А. Устименко², в своята докторска дисертация “Универбация в русском языке: структурно-семантическое и ономазиологическое описание” Н. В. Дячок (Дячок 2015) определя универбизацията като “образование слова на базе словосочетания, с которым оно имеет тождественное значение” (Дячок 2015: 10), “практически любой акт появления нового слова на базе поливербальной синтаксической единицы – словосочетания” (Дячок 2015: 11). Така към универбизацията авторката отнася всички еднословни единици, съотнасящи се с тъждествени по значение словосъчетания без оглед на това дали те са устойчиви или свободни (т.е. без значение дали са единици на езика или на речта, дали са възпроизводими или се създават в потока на речта), и без значение на начина, по който са получени съответните универбирани названия: “При таком рассмотрении в разряд универбации следует отнести аббревиацию, субстантивацию, суффиксацию (в том числе и нулевую) и т.д.” (Дячок 2015: 10), напр.: *братъ в жени – женится, укладывать асфалтъ – асфальтировать, местность за рекой – заречье, командировочное удостоверение – командировка, алергический больной – алергик, житель Парижа – парижанин, быть паразитом – паразитировать, зачать петь – запеть, перевести в цифровой формат – оцифровать, сотрудник КГБ – кагэбэшник, жительница Омска – омичка, исследование с помощью зонда – зондировать, исследователь жизни и творчества А. С. Пушкина – пушки-*

² И. А. Устименко, 2001: *Лексикология. Семасиология*. Белгород: БелГУ, 19–25.

нист, испытывать блаженство – блаженствовать, жена генерала – генеральша и др.

Подобно широко разбирање за универбизацијата е залегнало и в други изследвания (напр. Buttler 1977; 1978; DSZSS 1989: 302–303; Szczepańska 1994 и др.).

3. Прекаленото разширявање на обема на понятието универбизација обаче поставя въпроса: не води ли това до размиване на границите между универбизацијата и образуването на думи изобщо, т.е. между универбизацијата и словообразуването? Както бе посочено, в широк смисъл езиковата икономия също се разглежда како словообразуване.

3.1. Очевидно, за да се избегне опасността от поставянето на знак за равенство между универбизацијата и словообразуването (с което би се обезсмислило и използването на самиј термин универбизација/универбација), се върви в друга крайност – универбираните единици се разглеждат от някои автори не како продукт на деривационни отнoшения, а како “имитација на словообразователен акт“, како структурна разновидност на определена номинатема от типа “словосъчетание + елиптичен универб”.

Под номинатемой понимается некая абстрактная языковая единица, реализующаясь в вербальных формах (гlossах, вариантах), причем в данном конкретном случае дублетами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, например, коммунальная квартира и коммуналка, дочь царя и царевна, настойка валерианы и валерьянка и т.д. (Дьячок 2015: 14; вж. също стр. 46–47)³.

Авторката смята, че семантичното тждество между универба и словосъчетанието говори не за отношение на производност между тях, а за отношение на дублетност. Според Дьячок процесът на универбизација е “процес, свързан не с външна, а с вътрешна мотивираност”, поради което образуването на универбираните единици е определено како формообразуване, а суфиксът, участващ при образуването на универба – како “формообразуващ афикс, само имитиращ словообразователен процес” (Дьячок 2015: 34).

³ Авторката се опира на В. И. Теркулов, 2006: Еще раз об основной единице языка. – *Вісник Луганського національного педагогічного університету ім. Т. Г. Шевченка. “Філологічні науки”*: зб. наук. праць. Луганськ: Альма-матер, 11 (106), 127–137; В. И. Теркулов, 2008: *Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте*. Дисс. доктора филол. наук. Горловка (вж. Дьячок 2015).

Под външна мотивираност, съгласно концепцията на Теркулов (Теркулов 2008: 78 – вж. бел. 3), Дячок разбира “отношение между две номинатема, значението на едната от които (производната) се формира от значението на другата (произвеждащата), но не съвпада с него”. Авторката смята, че между словосъчетанието и неговия еквивалент (универба) “се реализират словообразователни, но не външни, деривационни, а вътрешни, междусричкови (межглоссовые) мотивационни отношения” (Дячок 2015: 13), защото значението на универба не се обуславя от значението на словосъчетанието, а напълно съвпада с него и защото “при модификации от подобен тип не се наблюдават граматически изменения”. (Случаи от типа *мобильный телефон – мобилка* и др., при които има несъгласуване по род между универба и словосъчетанието, са разглеждани от авторката като “особени случаи на универбална аналогия”). В достъпната ми литература по словообразуване не съм срещала подобно разграничаване на външни и вътрешни мотивационни отношения.

3.2. Ако следваме концепцията на Н. В. Дячок, според която думи като *генералиша, запеть, асфальтировать* и др. (вж. цитираните по-горе примери) са форми, дублети на словосъчетания (*начать петь, укладывать асфальт, жена генерала*), а не деривати, от производната лексика би трябвало да изключим една не малка част от лексикалните единици. Ако семантичното тждество между поливербалната и моновербалната единица е основание да се говори за отсъствие на деривационно отношение между тях, то такава не би трябвало да се търси и при моновербални лексикални единици, получени чрез структурна трансформация на други моновербални единици (напр. чеш. *svačina – sváča, číšník – číša, poznámka – pozec, učitelka – úča* (Martincová 1983: 86, 90, бълг. *комунист – комуняга, специалист – спец, професионал – проф* и др. Така единици като чеш. *sváča, číša, pozec, úča*, бълг. *комуняга, спец, проф* би трябвало да се разглеждат като форми на *svačina, číšník, poznámka, učitelka, комунист, специалист, професионал* или, съответно на терминологията на Н. В. Дячок, да се определят като дублети на някаква абстрактна номинатема.

3.3. От казаното дотук се вижда, че прекаленото разширяване на обема на понятието универбизация води до две на пръв поглед парадоксално противоположни последици – до размиване на границите между универбизация и словообразуване (така, както е и между ези-

ковата икономия, разбираана в широк смисъл, и словообразуването), или до изключване на универбизацията от словообразуването.

4. Необходимостта от прецизиране на пределно общата дефиниция на универбизацията като трансформиране на поливербални единици в моновербални е видяна от редица изследователи. В повечето словообразователни изследвания границите на универбизацията основателно се стесняват, като се поставя условието за *устойчивост и възпроизводимост на мотивиращите словосъчетания и тяхната паралелна употреба с универбираните единици в езиковата практика* (Dokulil 1962: 115; Kaliszan 1986; Широкова 1991; Сидоренко О. М. 1992; Сидоренко Е. Н. 1993; Нещименко 2003; Благоева 2003; Аврамова 2007/2013; Аврамова 2008). Същевременно се обръща внимание на трудностите, свързани с конкретното разграничаване на устойчивите от свободните словосъчетания (Kaliszan 1986), на съставните названия от интерпретационните (по определението на Г. П. Нещименко – Нещименко 2003: 290) синонимни описателни номинации. Тъй като на практика словообразователното значение на всяка производна дума може да се представи с помощта на словообразователна парафраза, е необходимо да се прави разграничение между “*устойчивата мотивация*” и *интерпретационната парафраза* (Нещименко 2003), което на практика не винаги е възможно.

4.1. Но и с тези ограничения по отношение на мотивиращите единици в рамките на универбизацията остават твърде много и разнородни явления. Голяма част от изследователите причисляват към универбизацията *всяко преобразуване на устойчиви, възпроизводими поливербални единици в семантично еквивалентни еднословни единици, независимо чрез какви формални операции се извършва това* (Kaliszan 1986: 15–20; вж. също Helcl 1963; Виденов 1976; Bosák 1987; Masár 1990; Широкова 1991; Радева 1991; Szczepańska 1994; Ферм 1994 и др.).

4.2. Мотивите за включване или изключване на едни или други формални операции за образуване на универбиранни единици са тясно свързани с въпроса какъв тип компресия на изходните поливербални единици се осъществява в словообразователния акт. Така например Й. Калишан различава универбизация в чист вид, при която има само структурна, но не и семантична компресия, и универбизация, в която освен структурна, има и семантична компресия или кондензация (Kaliszan 1986: 4; 25–26). Други автори смятат, че при универ-

бизацията са задължителни и двата типа компресия – структурна и семантична (Сидоренко О. М. 1992: 45).

4.2.1. В какво точно се изразява структурната компресия в изследванията не се уточнява, но ако изходим от посочените примери, ще видим, че тя се разбира твърде широко – като компресиране/стягане на мотивиращата поливербална единица, при което в структурата на универбата се запазват *най-различни по характер и брой* структурни компоненти на мотивиращите ги поливербални единици – основи на думи, цели думи, части от думи (съвпадащи с основите или несъвпадащи – срички, морфеми, отсечени части без оглед на морфемния шеф и др.), срв.: *зачетная книжка* → *зачетка*, *термоядерная реакция* → *термояд*; *профсоюзный актив* → *профактив*, *фотоэлектронный катод* → *фотокатод*; *физкультурный руководитель* → *физрук*; *сборная команда* → *сборная* (примерите са от Kaliszan 1986: 35); *автопатрулна кола* → *автопатрулка*, *национален състезател* → *национал*, *електронен адрес* → *адрес*, *брейди облигации* – *брейди* (Благоева 2003); *skok o žrdi* → *žrd'*, *Slovenská akadémia vied* → *SAV* (Bosák 1987) и др.

5. Всичко казано дотук обуславя необходимостта от по-точно дефиниране на универбизацията. В предишно свое изследване (Аврамова 2007/2013; Аврамова 2008)⁴ предложих разграничаване на *универбизацията* като тенденция към създаване на еднословни номинационни единици от многословни устойчиви названия въз основа на по-общия принцип за езикова икономия (който се проявява на различни езикови равнища), от *универбирането* като акт / процес на образуване на еднословни единици (универбати) от устойчиви поливербални единици. Както бе посочено, терминът универбиране е въведен в българското езикознание от Вл. Мурдаров (Мурдаров 1983). Днес, под влияние на идея на Ю. Балтова (вж. Балтова 2017), предлагам лека модификация на горното становище: подкрепям идеята на авторката, че може би е по-целесъобразно *универбизация да се нарича свойството на даден език да образува моновербални лексикални единици от мотивиращи устойчиви поливербални единици*. Към това бих добавила, че това свойство (способност) има предпоставка да се превърне в тенденция,

⁴ Това са две версии (с незначителни разлики помежду им) – на български и чешки език, на доклад, представен на Седмата конференция на Комисията по славянско словообразуване при МКС на тема “Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka”, Братислава, 27. 9–1. 10. 2004. г.

разбирана (съгласно Gutschmidt 1998: 98) като насочено движение на определен езиков процес, което може да се отнася както за минал период, така и за съвременното състояние на езика. Една от задачите на словообразователните изследвания в такъв случай е да установи кои езици притежават свойството да образуват моновербални единици от поливербални, кога и при какви условия то се превръща (се е превърнало) в тенденция и в кои езици тази тенденция е по-силна и защо.

5.1. По отношение на това кои точно явления трябва да бъдат включени към универбирането, може би най-приемливо е становището на Г. П. Нещименко, която характеризира като продукти на универбиране (в терминологията на авторката: универбация) универбатите от суфиксален (деривационен) тип (“универбы суффиксального (деривационного) типа” и универбираните субстантивирани прилагателни (Нещименко 2003: 294, 297). Към тях бих добавила и образувания от типа *национален състезател* → *национал*, рус. *термоядерный взрыв* → *термояд*, които не съвпадат със съществуваща в езика дума (за да се разграничат от единици като бълг. *кабел* ‘кабелна телевизия’, рус. *карта* ‘магнитная карта’, чеш. *záznamník* ‘telefonní záznamník’ и др. под., при които по-скоро има семантично развитие на съществуваща лексема)⁵. От универбатите се изключват също така единици от типа *атлантик*, *надзорник*, *полярник*; те се приемат за продукти на деривация, срв. ‘този, който е член на Атлантическия клуб’, ‘този, който е член на надзорен съвет’, ‘този, който участва в полярна експедиция’.

5.2. Универбизацията (в посоченото по-горе разбиране) обхваща не само продуктите на универбиране (универбатите), но и останалите типове лексеми, възникнали на базата на устойчиви словосъчетания (напр. сраствания, абривиатури от различен тип)⁶, т.е. универбиза-

⁵ При продуктите на елиптична субстантивация също има съвпадение със съществуваща лексикална единица, но тя е от друга част на речта, срв. *дистанционно* (прилагателно име) *управление* – *дистанционно* (съществително).

⁶ За това дали единици като *автосервиз*, *биопродукт*, *екоминистерство*, *фотоизложба* възникват на базата на устойчиви словосъчетания (поради което често биват определяни като съкратени сложни думи), има различни становища. Споделям мнението, че такива единици днес се създават с помощта на готови компоненти (афиксоиди), които се прилепват към съществителни (и прилагателни) имена и образуват серии производни думи. Поради тази причина афиксоидните образувания се изключват от универбирането и универбизацията.

цията в моето разбиране е по-широко понятие от универбирането. Универбизацията, от своя страна, е една от проявите на принципа на езикова икономия⁷, който се изразява не само на лексикално-словообразователно, но и на други равнища. Например на фонетично – чрез изпускане, елизия на фонемите (българ. разг. *к'во* вместо *какво*, *ми* вместо *ами*, *айде* вм. *хайде*; чеш. *dybu* вм. *kdyby*, *dyt'* вм. *vždyt'* и под., на синтактично – чрез контрахиране на изречения, напр. *Мария отиде да купи лекарства*. – *Мария отиде за лекарства*, на морфологично – чрез употреба на по-кратки синонимни граматични конструкции, напр. в български образуване на синтетични форми за условно наклонение вместо аналитични от типа *ядвам*, *пиввам* вм. *бих ял*, *бих пил* и под.; на лексикално-словообразователно – чрез трансформация на съществуваща дума: българ. *социализъм* – *соц*, *специалист* – *спец*; чеш. *učitelka* – *úča*, *svačina* – *sváča* и др.). С други думи, в моето разбиране принципът на езиковата икономия се изразява в минимализиране на формата за изразяване на дадено съдържание и се проявява на фонетично, лексикално, словообразователно и граматично равнище.

6. В какво се изразява спецификата на универбатите в сравнение с останалите производни думи?

Тази специфика е търсена от изследователите на различни равнища: лексикална семантика, тип номинация, словообразователно значение и др. Посочените въпроси са разгледани в друго мое изследване (Аврамова 2007/2013; Аврамова 2008). Тук ще добавя някои допълнения по отношение на словообразователното значение на универбатите.

6.1. Според Й. Калишан универбатите като че ли са лишени от словообразователно значение в смисъла, в който то се формира при обикновените производни, тъй като връзката между ономасиологичната база и ономасиологичния признак, която се съхранява (макар и в латентен вид) в мотивиращото съставно название, при универбирането не се установява всеки път отново, а сякаш се унаследява от мотивиращото название (Kaliszan 1986: 83–84).

6.1.1. Универбатите изразяват лексикалното значение и наследяват ономасиологичната структура на мотивиращите ги поливербални единици. В структурата на суфиксалните универбати се експлицира

⁷ Стремежът към икономия на езиковите средства, както и противоположният стремеж към възможно по-пълно излагане на информацията, са общи *принципи на комуникацията*, а не езикови тенденции (Gutschmidt 1998: 98).

само определящият член на мотивиращото словосъчетание (най-често това е адективната основа), а суфиксът най-общо назовава субстанцията, която се характеризира чрез признака, изразен от основата. От гледна точка на ономасиологичната теория адективната основа представя ономасиологичния признак (ОП), а суфиксът (вкл. нулев) – ономасиологичната база (ОБ). По-редки са случаите, в които и ОП, и ОБ се изразяват чрез субстантивна основа, напр. посоченият от В. В. Лопатин (Лопатин 1978) универбат “*Крылышки*” ← “*Крыля Советов*”.

6.1.2. По-различна е ситуацията при универбираните субстантивирани прилагателни. Докато в рамките на устойчивото атрибутивно словосъчетание ОБ и ОП са изразени на формално-структурно равнище, и то разделно, чрез две лексеми (напр. *кабелна телевизия*: *кабелна* (ОП) *телевизия* (ОБ)), при субстантивирани прилагателни чрез адективната основа се експлицира ОП, а ОБ, изразявана в словосъчетанието чрез съществителното име, се поема от различни грамемати – системата от флексии на мотивиращата дума (Русская грамматика online: § 202), грамемата за определеност (в български), срв. *кабелен, -на, -но, -ни*, но: *кабелната не работи*.

6.1.3. По това че универбатите наследяват ономасиологичната структура на мотивиращите ги поливербални единици, те се сближават със срастванията, абривиатурите от различен тип и от думите, образувани чрез трансформация на мотивиращата ги лексема. Универбатите изразяват същото лексикално значение, както мотивиращите ги единици, и са от същата част на речта. (Трябва да имаме предвид, че поливербалните лексикални единици функционират като съществителни имена.) Поради това универбатите (както срастванията, абривиатурите и думите, получени чрез трансформация на друга дума) не могат да бъдат включени в нито един от трите типа ономасиологични категории – мутационен, модификационен и транспозиционен. В това според мен е тяхната специфика по отношение на “обикновените” деривати (в широк смисъл = производни думи).

Литература

- Цветанка АВРАМОВА, 2008: Универбатите в лексикалната система на езика. *Съпоставително езикознание*. XXIV, 1, 99–115.
- Юлия БАЛТОВА, 2017: Универбацията в славянските езици и тенденцията за езикова икономия. *Univerbacija/univerbizacija u slavenskim jezicima*. Sarajevo. Под печат.

- Диана БЛАГОЕВА, 2003: Универбизацията в най-новото славянско словообразуване (върху материал от българския, руския и чешкия език). *Съпоставително езикознание*. XXVIII, 3, 5–21.
- Михаил ВИДЕНОВ, 1976: Универбизацията – присъща черта на българския разговорен стил. *Език и литература*. 4, 28–35.
- Наталья Васильевна ДЬЯЧОК, 2015: *Универбация в русском языке: структурно-семантическое и ономаσιологическое описание*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Артемовск, 2015.
- Елена Андреевна ЗЕМСКАЯ, 1996: Активные процессы современного словопроизводства. ЗЕМСКАЯ, Е. А. (ред.) *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва, 90–141.
- Александр Васильевич ИСАЧЕНКО, 1958: К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. *Slavia*. XXVII, 3, 334–352.
- Владимир Владимирович ЛОПАТИН, 1978: Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов. *Новые слова и словари новых слов*. Ленинград, 72–80.
- Владко МУРДАРОВ, 1983: *Съвременни словообразователни процеси*. София: Наука и изкуство.
- Галина Парфеньевна НЕЩИМЕНКО, 2003: Проявление тенденции экономики в номинации славянских языков. ОННHEISER, Ingeborg (red.). *Komparacja współczesnych języków słowiańskich, 1. Słowotwórstwo / Nominacja*. Opole: Uniwersytet Opolski.
- Василка РАДЕВА, 1991: *Словообразуването в българския книжовен език*. София: Университетско издателство “Св. Климент Охридски”.
- Русская грамматика, online: АН СССР, Институт русского языка. <<http://rusgram.narod.ru>>.
- Е. Н. СИДОРЕНКО, 1993: К вопросу о мотивационной базе универбов (на материале словацкого и украинского языков). СМИРНОВ, Л. Н., СТЕМКОВСКАЯ, Ю. Е. (отв. ред.). *Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков*. Москва, 110–124.
- О. М. СИДОРЕНКО, 1992: О поняття универбізації в сучасному слов'янському мовознавстві. *Мовознавство*. 4, 42–47.
- Людмила ФЕРМ 1994: Л. Ферм. *Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет)*. Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsalensia 33. Uppsala.
- О. Г. ШИРОКОВА, 1991: Дериваційна універбізація в чеській мові. *Функціонування і розвиток сучасних слов'янських мов*. Київ, 194–210.

- A. И. ШУМАГЕР, 1984: *Лексические категории (на материале немецкого языка)*. Калинин.
- Божо ЂОРИЋ. *Творба именица у српском језику (одабране теме)*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.
- Cvetanka AVRAMOVA, 2007/2013: Univerbáty v lexikálním systéme jazyka. *Bohemistika*. 2007, 3, 190–206.// *Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka*. BUZÁSSYOVÁ, Klára, CHOCHOLOVÁ, Bronislava (ed.). Bratislava: Veda, 2013, 214–224.
- Ján BOSÁK, 1987: O vymedzení univerbizácie. *Slovenská reč*. 52, 4, 231–237.
- Danuta BUTTLER: Niektóre problémy opisu zjawisk uniwerbizacji. *Slavistična revija*. 7, 435–448.
- Danuta BUTTLER: Procesy uniwerbizacji w nowym słownictwie polskim i rosyjskim. *Slavia Orientalis*. XXVII, 3, 385–391.
- Miloš DOKULIL, 1962: *Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov*. Praha: Nakladatelství československé akademie věd.
- DSZSS, 1989: Ján HORECKÝ, Klára BUZÁSSYOVÁ, Ján BOSÁK a kol. *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava: Veda.
- ESČ, 2002: KARLÍK, Petr, NEKULA, Marek, PLESKALOVÁ, Jana (ed.). *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Lidové noviny.
- Karl GUTSCHMIDT, 1998: Понятието тенденция в Пражката лингвистична школа и неговото значение за синхронното изучаване на славянските езици. *Slavica Pragensia ad tempora nostra. Konferencija ke 150. výročí založení stolice slovanské filologie na Karlově univerzitě*. Praha: Univerzita Karlova, 97–102.
- Miloš HELCL, 1963: Univerbizace a její podíl při růstu dnešní slovní zásoby. *Slovo a slovesnost*. 24, 1, 29–37.
- Alois JEDLIČKA, 1978: *Spisovný jazyk v současné komunikaci*. Praha: Univerzita Karlova.
- Jerzy KALISZAN, 1986: *Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке*. Poznań. 1986.
- Ingeborg OHNHEISER (red.), 2003: *Komparacja współczesnych języków słowiańskich. I. Słowotwórstwo / Nominacja*. Opole: Uniwersytet Opolski.
- Olga MARTINCOVÁ, 1983: *Problematika neologismů v současné spisovné češtině*. Praha: Univerzita Karlova.
- Ivan MASÁR, 1990: Jednoslovné termíny a univerbizácia v odbornej terminológii. *Kulúra slova*. 8, 269–273.
- Martin OLOŠTIAK (ed.), 2015: *Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine*. Prešov: Filiozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

Elżbieta SZCZEPAŃSKA, 1994: *Uniwerbizacja w języku czeskim i polskim*.
Kraków: Universitas.

Univerb(iz)atsiya and Language Economy in Slavonic Languages

The paper deals with *univerbizatsiya* in its relation to language economy. In the literature of Slavic studies the terms *univerbizatsiya* and language economy are charged with different meaning, which has led to their *de-semanticization* and hinders the contrastive study of Slavonic languages. The study suggests drawing a distinction between the concepts ***univerbizatsiya*** and ***univerbirane*** (Vl. Murdarov's term). ***Univerbizatsiya*** is interpreted as *the language property to derive one-word lexical units from motivating stable multi-word units. This property is likely to turn into a tendency* (according to K. Gutschmidt's definition) *based on the more general principle of language economy* (manifested not only on the lexical-derivational level, but also on other levels). ***Univerbirane*** is treated as *an act/process of deriving one-word units (univerbat-s) from stable multi-word units*. Products of *univerbirane* are considered to be suffixal derivatives of the type *kabelna televizija* → *kabelarka*; units derived with a zero suffix which do not coincide with an existing lexeme (*natsionalen sâstezetel* → *natsional*), as well as some cases of elliptical substantivization (*distantcionno upravlenie* → *distantcionno*).

Юлия БалтоваИнститут за български език БАН, България, София
julia.baltowa@abv.bg

УНИВЕРБАЦИЈАТА/УНИВЕРБИЗАЦИЈАТА И ЕЗИКОВАТА ИКОНОМИЯ В СЪВРЕМЕННИТЕ СЛАВЯНСКИ ЕЗИЦИ

В статията **универбацията** се разглежда като част от начините за осъществяване на речева икономия чрез трансформация на мултивербални (адекватни устойчиви словосъчетания) в моновербални езикови единици (*маршрутно такси* > *маршрутка*), при която се използват морфологични средства (суфикси), като се запазва лексикалното значение на съчетанието – източник. Поставя се въпросът за отношението между универбация и словообразуване, между универбат и производна дума, в резултат на което създаването на **универбати** се определя като “**специфичен начин**” за образуване на лексикални единици, граничен на същинската деривация.

Ключови думи: универбация, универбиране, универбат, словообразуване, устойчиво съчетание

Univerbation is reviewed in the present article as part of the ways for achieving linguistic economy thanks to transforming multiverbal (adequate sustainable phrases) into monoverbal linguistic units (*marshrutno (routed) taxicab* > *marshrutka*), where we use morphological devices (suffixes) while keeping source phrase's lexical meaning. We consider the issue about the relation between univerbation and word formation, between univerbate and derivative, thus creating **univerbates** is defined as “**specific manner**” of forming lexical units bordering the actual derivation.

Key words: univerbation, univerbating, univerbate, word formation, sustainable phrase

1. Прегледът на славистичната литература, посветена на универбацията¹, показва, че в лингвистиката все още не е постигнато единно мнение за съдържанието на този езиков “феномен”, а от там и за ис-

---

¹ В статията се използват термините *универбация*, *универбиране* и *универбат*.

тинската същност на принадлежащите му единици, наричани универбати (универби). Направеният извод се потвърждава от неустановеността на използваната терминология за назоваване на явлението – от една страна, а от друга – от продължаващия силен интерес на изследователите, който се обяснява в днешно време с нарастващата актуалност и разпространеност (макар и в различна степен) на универбирането в съвременните славянски езици.

1.1. В литературата, освен широко разпространените и почти общоприети термини *универбация/универбизация, универбат/универб*, редица автори, в зависимост от своите схващания, въвеждат в употреба и други термини като: (*семантична*) *кондензация* и *кондензат*, *компресия* и *компресат*, *свиване/стяжение*, *елипса*, *елиптична универбизация*, *включване* и под. (вж. например у Аврамова 2008, Благоева 2003, Bosák 1987, Виденов 1976, Dokulil 1962, Дъжчок 2015, Исаченко 1958, Лопатин 1978, Нецименко 2003 и др. и цитираната там подробна литература).

2. Всички изследователи на универбацията свързват явлението с вербалната езикова икономия², с която обясняват активността и на други процеси, обогатяващи и разширяващи номинационните системи на съвременните славянски езици. Както посочва например Г.П. Нецименко, славянските езици разполагат с големи и разнообразни възможности за реализиране на вербална икономия в търсене на съответствие “между номинационным корпусом и насущными информационно-коммуникативными потребностями социума” (Нецименко 2003: 285). Според авторката през последните години вербалната езикова икономия се интерпретира най-вече като универбация, което схващане се превръща едва ли не в традиция за лингвистичната теория. Причините за това “отъждествяване” Нецименко намира в динамичните изменения, които съпровождат съвременния развой на системите за номинация в славянските езици.

2.1. Изследователите свързват (дори някои отъждествяват), както беше посочено, универбацията с вербалната езикова икономия, която разглеждат или като **тенденция**, т.е. като насочено движение на процеси в езика в определен период от неговия развой (вж. Гутшмит 1998), или

² Вербалната езикова икономия се приема в лингвистиката като тенденция, характеризираща номинационните системи на съвременните славянски езици (вж. Нецименко 2003).

като постоянно, иманентно **свойство на езика**, обусловено от стремежа му в комуникацията да се предава нужната и достатъчна информация с по-кратки форми. Опирайки се на схващането, че тенденцията е насочено движение на процеси, К. Гутшмит подчертава, че стремежът към икономия на езиковите средства и стремежът към възможно по-пълно излагане на информацията са **общи признаци на комуникацията**, а не езикови тенденции (по този въпрос вж. също Аврамова 2008: 101).

2.2. Следователно свързването на универбацията с вербалната икономия, означава, че тя, универбацията, представлява преди всичко **комуникационно (комуникативно) свойство**, което съществува и намира израз във всички периоди на езиковия развой. **Реализацията** на това комуникационно свойство **е процес**, който през отделните периоди от развитието на езиците, може да се проявява с различна актуалност и активност. Това позволява процесите на реализиране на свойството да придобият, при някои екстралингвистични условия и в отговор на нараснали обществени нужди, определена насоченост на действието си и да се възприемат като езикови тенденции.

2.2.1. При това разграничение – на **свойство** и **процес**, смятам за необходимо използването на два различни термина: **универбация** – като название на комуникационното езиково свойство, и **универбиране** – за назоваване на начина, който създава кратките вербални форми в комуникационния акт. За обозначаване на самите форми в статията се използва терминът **универбат** – моновербална езикова единица с лексикален статус, паралелно функционираща с еднозначно и точно определено устойчиво адекватно словосъчетание (прилагателно + съществително име). Сравни: бълг.: *офшорка* – *офшорна фирма*, *визитка* – *визитна картичка*, рус.: *маршрутка* – *маршрут-ное такси*, *коммуналка* – *коммунальная квартира*, сръб.: *масовка* – *масовна сцена*, *неонка* – *неонска цев*, укр.: *гуманітарка* – *гуманітарна допомога*, *стіннівка* – *стінна газета*, пол.: *drogówka* – *polіcja drogowa*, *porodówka* – *izba porodowa*, чеш.: *mineralka* – *minerálna voda*, *presilovka* – *presilová hra* и т.н.

3. Значителна част от лингвистите, изхождайки от етимологичния произход на термина *универбация* (от лат. *unum verbum* ‘една дума’), отнасят към универбирането/универбацията³ (почти) всички начи-

³ Използването на термина *универбация* като синоним на *универбиране* в този случай е определено от двузначността, с която се употребява в лингвистичните изследвания.

ни, при които аналитични (поливербални, мултивербални) езикови единици (устойчиви и интерпретационни) се трансформират в еднословни, т.е. в синтетични (моновербални) названия. Затова универбирането се приема като част от словообразуването и се определя като самостоятелен словообразователен начин. Универбатите се разглеждат като производни думи, с които ги обединява номинационната им функция. Така универбирането пряко е съотнесено с основната функция на словообразуването⁴ – номинационната. Разглеждано обаче като процес, който осъществява трансформация на аналитичните езикови единици, универбирането се определя и като компресивно словообразуване (*tekstotwórcza derogacja* по A. Nagórko), както субстантивацията, абрeвиацията и образуването на така наречните сложно-съкратени думи. В литературата са отразени няколко различни мнения за съотношението *универбиране – словообразуване*, например: универбирането е самостоятелен словообразователен начин (вж. Мурдаров 1983, Земская 2000, Торић 2008 и др.), универбирането е “специфично” словообразуване (вж. Копоть 2005, Радева 2007 и др.), универбирането не е самостоятелен словообразователен начин, а съпровождащ суфиксацията, композицията, субстантивацията и абрeвиацията (Лопатин 1978), универбирането има свои собствени характеристики, имитиращи словообразователен акт, оформен с афиксация (Дьячок 2015).

3.1. В българското езикознание Владко Мурдаров, който пръв въвежда термина *универбиране*, определя явлението като самостоятелен словообразователен начин, който е представен “преди всичко в устната норма на книжовния език” (Мурдаров 1983: 113). Мурдаров има широко разбиране за този словообразователен начин, в който включва още субстантивацията, срв. *агнешко* < ‘агнешко (месо)’, *пълномошно* < ‘пълномошно (удостоверение)’; семантичното словообразуване, срв. *кола* < ‘(лека) кола’; случаи като *заместник* < ‘заместник(-директор)’, което нарича “опосредствано универбиране”; част от композицията, т.е. образуването на сложно-съкратени думи, срв. *овцеферма* < ‘овце(въдна) ферма’⁵ и под. Трансформацията авторът обяснява по следния начин:

С преодоляване на аналитичността във формата, т.е. на прозрачността на словообразователната структура на използваната основа поради нейната

⁴ За функциите на словообразуването вж. Земская 1992 и Nagórko 2001.

⁵ Примерите са на Владко Мурдаров (вж. Мурдаров 1983).

комуникативна излишност, функцията на названията се ограничава до предизвикването на единната представа, позната на всички участници в съответната речево-комуникативна ситуация (Мурдаров 1983: 115).

3.2. В приведенения цитат заслужава внимание изказаното от Мурдаров мнение, че трансформацията на изходната основа (мултивербът) в дума (моноверб) се осъществява, когато част от нея (основата) се оказва комуникативно излишна. Понятиятната представа за назовавания предмет, т.е. номинационното значение остава същото. Това става, защото значението е познато на всички участници в комуникацията и затова лесно се прехвърля върху новосъздадената моновербална единица. Така авторът поставя въпроса и за причините, които предизвикват трансформацията, и за механизма на нейното осъществяване, който според него е със словообразователни характеристики.

3.3. Може да се каже, че от речеви процес универбирането се превръща в езиково-системен, обусловен от знанието и езиковата компетентност на участниците в комуникацията (адресант и адресат), за които не е трудно да елиминират част от формалната структура (опорния компонент) на изходното словосъчетание. В новосъздадената моновербална единица този компонент лесно се замества и представя от афиксален словообразователен формант (суфикс). По същество една номинационна форма се трансформира в друга, т.е. трансформацията се реализира само на формално езиково равнище, без промяна в значението на базовото устойчиво съчетание. Тъждеството на денотата, назован от устойчивото словосъчетание и от универбата, дава например основание на А. Йедличка да смята, че може да се говори само за номинационно, но не и за семантично тъждество между мултиверба и моноверба (вж. Нещименко 2003: 291). С други думи, трансформацията може да бъде определена само като формално реструктуриране на една езикова единица в друга (на една номинация в друга), а не като същински словообразователен акт. Тук заслужава да бъде припомнено мнението на Е.С. Кубрякова, която още през 60-те години на 20. век подчертава, че “Каждый акт словообразования – акт номинации, но не каждый акт номинации – акт словообразования в буквальном смысле” (Кубрякова 1965: 23–24).

4. Определянето на универбирането като словообразователен начин означава да бъдат съпоставяни универбатите с производните думи по форма, мотивация и номинационна функция. Обикновено универбирането се сравнява със суфиксалната деривация. По форма универ-

батите и суфиксните деривати имат общи черти: във формалната им структура е включена основата (част от нея) на произвеждащата единица + словообразователен формант (суфикс), срв. в бълг. *духа-лк(а)* (= ‘електрическа печка с вентилатор’, т.е. ‘предмет, който раздвижва/духа въздуха’ – ‘X действа’) – дериват и *маршрут-к(а)* (= ‘маршрутно такси’, т.е. ‘предмет, който е маршрутно такси’ – X е X¹) – универбат. Словообразователното значение на производните думи се мотивира от предикативна синтаagma, която съответства на дълбоката им семантична структура, специфична за определен словообразователен тип на една от словообразователните категории. За универбатите се приема, че тяхна мотивираща единица винаги е устойчивото съчетание (прилагателно + съществително), с което те са еднозначни. Двете единици (мултивербът и моновербът) имат обаче една и съща дълбока семантична структура (срв. *маршрутка* и *маршрутно такси*: ‘X е X¹, което действа (движи се) по определен начин – Q’), по отношение на която те представляват алтернативни номинационни форми. Устойчивото съчетание играе ролята на езиков опосредстващ елемент при създаването на универбатите. Затова е логично да се смята, че при универбатите се наблюдава опосредствана мотивация за изразяването от тях номинационно значение. Според Л. В. Дьячок например, “между словосочетанием и его словесным эквивалентом здесь реализуются словообразовательные не внешние, деривационные, а внутренние межсловесные мотивационные отношения” (Дьячок 2015: 13–14). Образоването на универбатите е номинационен акт, който само “имитира” словообразователния процес при суфиксалната деривация, без да се отъждествява с него. От словообразователна гледна точка универбатите не притежават истинско словообразователно значение, което да ги отнесе към някой тип на определена словообразователна категория.

4.1. Универбирането заема относително самостоятелно място като начин за създаване на еднословни номинационни единици с лексикален статус, които притежават както някои от формалните признаци на морфологичното суфиксално словообразуване, така и на лексикално-синтактичната деривация (подобно на срастванията универбатите запазват и препредават изцяло значението на изходното словосъчетание).

Универбацию – пише например Л. В. Копоть, *нельзя однозначно отнести ни к лексической, ни к синтаксической деривации. Этот способ словообразования*

открива черти лексической деривации, поскольку производные существительные формально образуются от прилагательных и преобретают значение предметности; в то же время в нем проявляются черты синтаксической деривации, так как производное существительное синонимично исходному словосочетанию и отличается лишь стилистической и синтаксической функции (Копоть 2005, цит. по Ван Ян 2015: 4814–4818).

5. За разграничаване на универбатите от същинските производни думи, които се образуват по модел, от значение е и функцията на използвания формант в края на универбираното название. Суфиксът внася значение за предметност, каквото значение се внася и при образуване на съществителни имена, които се отнасят към трансформационния словообразователен тип. При образуването на универбатите обаче, трансформацията не променя синтактичната функция на изходното словосъчетание (функцията на субстантив), която се носи от опорния му компонент. И в това е разликата във функцията на суфиксите при универбатите и при транспозиционните производни единици.

6. От изложеното в статията може да се направят следните изводи, част от които трябва да се разглеждат и като дискуссионни:

6.1. Универбацията е трайно комуникационно свойство на езиките, което придобива различна активност през отделните периоди на езиковия развой. В последно време то все повече намира реализация и в писмената форма на книжовните езици, измествайки аналитични форми за езикова номинация.

6.2. Универбирането е начин за езикова номинация, който наподобява морфологичното суфиксално словообразуване, без да се отъждествява с него, поради което мястото му може да се определи на границата между синтетичните и аналитичните езикови начини за номинация.

6.3. Универбатите са образувания с номинационна стойност и статус на лексикални единици, което ги изравнява с речниковите езикови единици с неутрално или със стилистично значение. Не всяко образуване обаче, съотносимо с устойчиво съчетание, е универбат. Не универбати, а деривати са образувания като *фигурист* – ‘спортист по фигурно пързалане’, *романист* – ‘специалист по романски езици’, *естественник* – ‘специалист по естественным наукам’, *ядерщик* – ‘специалист по ядерной физике’ и под., каквито се срещат във всич-

ки славянски езици. Този тип образувания са същински производни думи, образувани по модел и съотносими с определена словообразователна категория.

6.4. Въпреки многобройните изследвания върху универбацията, универбирането и универбатите все още има неизяснени и неуточнени (дори и терминологично) въпроси пред които езикознанието остава в дълг.

Литература

- Цветанка АВРАМОВА, 2008: Универбатите в лексикалната система на езика. *Съпоставително езикознание*. XXXII, № 1, 99–115.
- Диана БЛАГОЕВА, 2003: Универбизацията в най-новото славянско словообразуване (върху материали от българския, руския и чешкия език). *Съпоставително езикознание*. № 3, 5–21.
- Михаил ВИДЕНОВ, 1976: Универбизацията – присъща черта на българския разговорен стил. *Език и литература*. № 4, 28–35.
- Карл ГУТШМИТ, 1998: Общие тенденции и специфические формы в современных славянских языках. *Jazykovedný časopis*. 49, № 1–2, 15–26.
- Наталья ДЬЯЧОК, 2015: *Универбация в русском языке: структурно-семантическое и ономаσιологическое описание*. Диссертация. Артемовск.
- Елена А. ЗЕМСКАЯ, 1992: *Словообразование как деятельность*. Москва: Наука.
- Елена А. ЗЕМСКАЯ, 2000: Активные процессы современного словопроизводства. ЗЕМСКАЯ, Е.А. (ред). *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва: Языки русской культуры, 90–141.
- Анатолий В. ИСАЧЕНКО, 1958: К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. *Slavia*. 27, 334–352.
- Лидия В. КОПОТЬ, 2005: *Универбация как вид компресивного словообразования в современном русском языке*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Майкоп: Адыгейский государственный университет.
- Елена С. КУБРЯКОВА, 1965: *Что такое словообразование?* Москва: Высшая школа.
- Владимир В. ЛОПАТИН, 1978: Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов. КОТЕЛОВА, Н. З. (ред.) *Новые слова и словари новых слов*. Ленинград: Наука, 72–80.

- Владко МУРДАРОВ, 1983: *Съвременни словообразователни процеси*. София: Наука и изкуство.
- Галина П. НЕЩИМЕНКО, 2003: Проявление тенденции экономии в номинации славянских языков. ОННHEISER, I. (ur.). *Komparacja współczesnych języków słowiańskich, 1. Słowotwórstwo / Nominacja*. Opole: Uniwersytet Opolski, 283–352.
- Василка РАДЕВА, 2007: *В света на думите*. София: Университетско издателство “Св. Климент Охридски”.
- Божо ЂОРИЋ, 2008: *Творба именица у српском језику*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.
- Ван ЯН, 2015: Субстантивация и универбизация: сходство и различие. *Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал*. № 2–21. Москва.
- Jan BOSÁK, 1987: O vymedzený inivebizácie. *Slovenská reč*, 231–237.
- Miloš DOKULIL, 1962: *Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov*. Praha.
- Alicja NAGÓRKO, 2001: *Zarys gramatyki polskiej (ze słowotwórstwem)*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.

Univerbation/Univerbisation and Linguistic Economy in Modern Slavonic languages

In the present article we review univerbation as one of the manners of creating lexical units with nomination function and it is related to the processes of the verbal linguistic economy. We accept it is a “specific nomination manner” that resembles the word formatting suffixal derivation. In view of their form the resulting units – univerbates – are relative to the derivatives without being referred to the three word forming types: mutational, modificational and transformational.

Ivana Bozděchová

Univerzita Karlova Praha, Česká republika, Praha
bozdiaff@ff.cuni.cz

UNIVERBIZACE A (KVAZI)KOMPOZICE V SOUČASNÉ ČEŠTINĚ

Příspěvek se zaměřuje na rozsah uplatnění univerbizace při tvoření nových kompozit a kvazikompozit v současné češtině. Analýza vychází z porovnání konkurence výskytu paralelních víceslovných a jednoslovných pojmenování (*fotopapír – fotografický papír, profiarmáda – profesionální armáda*) v reprezentativních korpusech ČNK. Podpůrným kritériem hodnocení analyzovaných pojmenování jako univerbátů je užití potenciálně motivujících sousloví při výkladu sémantiky ve výkladových (neologických) slovnících. Cílem příspěvku je posoudit i modelovost tvoření (kvazi)kompozitních pojmenování.

Klíčová slova: kvazikompozice, prefixoid, univerbizace, jednoslovný název, sousloví

The paper focuses on the scope of application of univerbation in new compound and quasicompound formations in Czech. The analysis is based on the comparison of parallel occurrence of multiple-word and one-word names (*fotopapír – fotografický papír, profiarmáda – profesionální armáda*) in representative corpora of the Czech National Corpus. The usage of multi-word names, potentially motivated one-word names, in the interpretation of semantics in monolingual (neological) dictionaries is considered a supportive criterion to evaluate analysed names as possible results of univerbation. The aim of the paper is also to assess (quasi)compound formation in terms of pattern (model) formation.

Key words: quasicomposition, prefixoid, univerbation, one-word name, multiple-word name

1. Pojetí univerbizace v české lingvistické literatuře

Univerbizaci jako jednomu z jazykově úsporných prostředků rozšiřování slovní zásoby (tedy univerbizaci v Isačenkově smyslu kondenzace) se v české lingvistické literatuře věnovala poměrně velká řada autorů; jako téma se univerbizace vrací ve všech slovotvorných a lexikologických přehledech, pojednáních i v gramatikách. Názory nejen na její podstatu (vy-

mezení), ale i na způsoby a prostředky její realizace se značně liší.¹ Cílem příspěvku není těmito teoriemi a pojetími se zabývat, učinili to opakovaně jiní (např. Hladká 2002, 2017, Mitter 2007, Kolářová 2011, Martincová 2016 aj.). Jeden rys je však shodný ve většině pojetích univerbizace: netýká se její formálně-významové či procesuální povahy, nýbrž stylové (stylistické) platnosti: výsledky univerbizace (univerbáty) bývají pojmenování stylově příznaková – substandardní, hovorová, ba i expresivní. Týká se to i mnohých dnes již plně spisovných názvů univerbizací tvořených, které prošly vývojem od hovorovosti k (úplné) spisovnosti. Nakolik je tento stylový (či pragmatický) rys specifický pro češtinu a nakolik je společný slovanským jazykům, je předmětem konferenčního pohledu.

Pojetí univerbizace zde prezentované vychází z hlediska funkčně strukturního (tj. z hlediska pojmenovací roviny), nikoliv z hlediska slovotvorného. Při posuzování názvů se snažíme přihlížet k paralelním pojmenovacím postupům; konfrontovat existenci a užívání víceslovných a jednoslovných pojmenování v současném úzu a jejich potenciální přechody umožňují korpusové zdroje, z nichž čerpáme příklady. Pokusíme se tak demonstrovat, že ne vše, co se jeví jako výsledek univerbizace z hlediska funkčně strukturního, jí vždy odpovídá i z hlediska genetického.

¹ Viz např.:

1) Dokulil: *Tvoření slov v češtině 1*, 1962: 115: o univerbizaci jde “jen tehdy, když v jazyce koexistuje dvouslovné pojmenování jako syntetické ustálené pojmenování”, ... “zda je synonymní spojení slov, na jehož pozadí takové (sc. univerbizované) slovo hodnotíme, skutečným dvouslovným pojmenováním, souslovím (třeba dosud členitelným)”. Dokulil se tak čistě synchronním pohledem liší např. od Isačenka (1956, 1958), jemuž šlo o aspekt genetický (vznik jednoslovného pojmenování), nikoliv o synonymnost jednoslovného a víceslovného pojmenování.

2) *Mluvnice češtiny 1*, 1986: 211: fundace / motivace kondenzační – “motivační poukaz ke sdruženému pojmenování je zpravidla jen jednou z motivačních souvislostí slova, a proto také je tento fundační vztah jen alternativní (i když zpravidla obráží skutečnou genezi slova – vznik jednoslovného pojmenování z pojmenování víceslovného, jeho univerbizaci): *jehličnan* ← *jehličnatý strom* // *jehličnatý, jehličí*.”

3) *Příruční mluvnice češtiny*, 1996: 747 (§ 927): “Po stránce formální zde můžeme mluvit o konkurenci mezi výrazem jednoslovným (univerbátem) a víceslovným (multiverbátem), ... Slovo *češtinář* vstupuje do konkurence s explicitnějším *učitel, profesor* nebo *student češtiny*, přitom slovo *čeština* může být nahrazeno slovním spojením *český jazyk*...”

Šířeji univerbizaci chápou zejména Helcl 1963 a Hladká 2017; zřetelnost motivačního vztahu však považují za konstitutivní rys tvoření pouze u vybraných typů pojmenování (v běžné mluvě a slangu).

Zmíněnou stylovou příznakovost univerbátů charakterizovali již Dokulil 1962 a její příčinu naznačil Helcl 1963: 32:

Ten [název jednoslovný, I.B.] však obyčejně nevytlačí dřívější pojmenování několikaslovné. Oba paralelní typy se potom zpravidla liší stylisticky, už proto, že místem vzniku názvu jednoslovného bývá pracovní prostředí se svou potřebou stručnosti a úspornosti v projevu, tedy oblast jazyka mluveného, zejména slangová.

Helcl však zároveň oprávněně označil univerbizaci za výraz zvláštních potřeb mluveného (nespisovného) i spisovného jazyka a nepopíratelný příspěvek k rozhojnění slovní zásoby útvarů nespisovných i spisovných. *Mluvnice češtiny 1* (1986: 211) zaznamenává univerbizaci především u slov hovorových a slangových a dále u termínů především v užitých oborech tam, kde se sdružené pojmenování pocítuje jako těžkopádné. Nověji se ke stylové charakteristice univerbátů vrací mezi jinými Prošek, 2005 (typ univerbizovaných pojmenování míst na *-ák* na materiálu známých pražských míst). Byť šlo o poměrně malou sondu a specifické univerbáty, jeho průzkum opět potvrdil zařazení (vybraných) univerbátů k substandardním jazykovým prostředkům; jejich funkční oblast byla vymezena výhradně pro běžný denní hovor, neoficiální a neformální komunikaci. *AGSČ 2013* hodnotí stylovou platnost univerbátů v souvislosti s jejich širokým pojetím na škále standardní (spisovné) – substandardní, přičemž indikátorem bývá volba slovotvorného sufixu (s. 164: standardní: *-ář, -ka*; substandardní *-áč, -as, -árna, -ák*).

Přidržíme se zde pojetí Helcla 1963: 33, tj. skutečné univerbizace ve smyslu sjednocení dvou, popř. i několika slov v nový, jediný celek, který uchovává celkem jasně a zřetelně po stránce významové a většinou i formální základy, z nichž vznikl a kterých bylo použito při pojmenovacím aktu k rodovému zařazení a druhovému odlišení. Tak je tomu podle autora pouze při přechodu v kompozita a kondenzaci ve spřežky. Takové sjednocené slovo je utvářeno tak, že jsou v něm zachovány obě výchozí složky původního sousloví (nebo někdy také jen předpokládaného); jednoslovnost je dosažena sepětím obou složek. Podle Helcla bývá toto sepětí méně často čistě mechanické (*jedenadvacet, dlouhohrající*); autor je pak považuje za srážení slov. I takových kompozit nahrazujících spisovné souslovné termíny se podle Helcla 1963 týká stylová příznakovost – bývají omezena na ústní pracovní dorozumívání, přestože někdy pronikají i do vyjadřování spisovného (jako příklady autor uvádí: *fotodeska* vedle *fotografická deska, gramojehla* vedle *gramofonová jehla, radiosoučástky – součástky do rozhlasových přijímačů*).

V našem příspěvku se zaměříme na kompoziční, přesněji kvazikompoziční postupy univerbizace, mj. i proto, že právě spřahování svou podstatou odpovídá původnímu významu slova univerbizace, tj. spojování dvou (řídčeji i více) samostatných slov v jediné. Uvažujeme-li zde o realizaci univerbizace kvazikompozičními postupy, zvažujeme pouze kvazimorfémy (prefixoidy) s věcným významem² a (vzhledem k četnosti a produktivnosti současného, tedy i neologického tvoření) internacionální (s vědomím možného přejímání již hotových názvů do češtiny, příp. jejich kalkování). – V této souvislosti připomínáme Helclovo podnětné terminologické rozlišení obou uvedených postupů, byť se jeho návrh neujal (Helcl 1963: 36): *univerbizace* = proces pouhého formálního sloučení dvou ustáleně spojovaných slov, tvoření spřežek, spřahování; *unilexémizace* (unifikace) = formální sjednocení teprve důsledkem předchozího sjednocení významového, tvoření vlastních složenin.

2. Metodologie, charakteristika a postup výzkumu

Protože nás zajímá podíl kvazikompozice na univerbizačních procesech, zaměřili jsme se na produktivní internacionální prefixoidy a na jimi tvořené substantivní názvy, mezi nimiž je poměrně hodně neologismů. Tyto názvy tak dokládají aktuální a „nejsoučasnější“ dynamické tendence tvoření v češtině. Podle vybraných prvních (internacionálních) prefixoidů s věcným významem (viz zde výše) jsme vyhledávali kolokace s jim odpovídajícím adjektivem v atributivním postavení k substantivu (jako potenciální motivační sousloví pro jednoslovné názvy), tedy např. k prefixoidu *agro-* kolokace s adjektivem *agronomický*, *agrární*. Nalezené kolokace jsme porovnali se seznamem substantivních kvazikompozit (původně sestaveným pro výklady o kvazikompozici ve VAGSČ, v tisku) a zaznamenali ty víceslovné názvy, které obsahují substantivum shodné s 2. členem daných kvazikompozit (např. pro *agronomický* → *agronomická technika*, z: *agrotechnika*). U těchto substantiv jsme ověřovali, ve kterých výskytech v korpusu jsou v pozici řídicího členu k adjektivu (*agronomický*)³, a zvažovali jsme, zda daná spojení mohla být potenciálním základem (motivací) pro univerbizaci (*agronomická technika* → *agrotechnika*). K posouzení

² Vycházíme z podnětného pojetí Martincové – Savického 1987; blíže o prefixoidech viz např. Kochová 2015, klasifikace (afixoidů) Bozděchová 2016.

³ Nalezené kolokace jsme proto utřídili podle pozice a bezprostřední (nedistanční) determinace; tak byly např. z kolokací adjektiva *agronomický* vyřazeny kolokace jako *technika Agronomické fakulty*.

takové motivace jsme dále podle potřeby a možností (existence lexikografického záznamu) ve výkladových slovnících (včetně neologických) ověřovali, zda bylo dané sousloví užito v heslovém odstavci k výkladu lexikální sémantiky jednoslovného pojmenování (kvazikompozita).

Vycházeli jsme ze dvou hypotéz: 1) u kolokací s vyšším počtem korpusových výskytů (řádově minimálně stovky) lze předpokládat, že mohou být východiskem univerbátů (byla prověřena významová shoda obou pojmenování jako minimální požadavek univerbizace); 2) pomocí zvolených prefixoidů se tvoří mnoho neologismů, a to často analogicky (modelově, příp. se názvy je obsahující přejímají či kalkují). Jako (potenciálně) ustálené jsme vybírali pouze kolokace s minimálním výskytem 30 v korpusu syn v4. Výše popsaným postupem jsme shromáždili 200 jednoslovných pojmenování se 14 různými prefixoidy cizího původu: *agro-*, *auto-*, *cyklo-*, *eko-*, *elektro-*, *foto-*, *gastro-*, *info-*, *moto-*, *porno-*, *profi-*, *psycho-*, *radio-*, *tele-*. Výčet získaných paralelních víceslovných a jednoslovných názvů s těmito komponenty jsme doplnili o 130 jednoslovných neologismů uvedených ve *Slovnících neologismů* a u nich jsme ověřili jejich výskyt v korpusech syn v4, AMB⁴.

U jednotlivých prefixoidů jsme posoudili konkurenci výskytů jednoslovných a víceslovných názvů (běžných a neologických = SN). V následujícím přehledu zaznamenáváme ve dvojicích paralelních názvů (jejichž oba členy splňují výše uvedené kritérium minimálního výskytu 30 v korpusech) poměr počtu jednoslovných názvů a sousloví. Příklady uvádíme v pořadí od názvů s nejvyšším počtem zaznamenaných výskytů (v syn v4; v závorce je zaznamenán počet výskytů v ABM, pokud se podstatně lišil od počtu v syn v4) a pro názornost tučně zvýrazňujeme paralelní dvojice víceslovných a jednoslovných názvů.⁵

⁴ Korpus syn v4 je nová verze nejrozsáhlejšího korpusu ČNK, má 4 349 023 692 pozic; korpus Araneum Bohemicum Maximum z řady korpusů ČNK je webový, má 4 349 023 692 pozic a využívali jsme ho pro srovnání vzhledem k tomu, že právě v textech na webu se obecně častěji užívají zkoumané názvy s cizími (internacionálními) prefixoidy.

⁵ Seznam nalezených paralelních sousloví a jednoslovných názvů uvádíme na konci textu v Tabulce 1 (ustálené názvy) a v Tabulce 2 (neologismy). Čísla tam uvedená znamenají počet výskytů v uvedených korpusech; příklady jsou řazeny podle prefixoidů a v jejich rámci abecedně (pro snazší orientaci). Seznam všech dvojic paralelních názvů s počty výskytů přináší Tabulka 3; zaznamenány jsou i dvojice, v nichž kritérium minimálního počtu výskytů splňuje pouze jeden člen dvojice. Dvojice jsou v rámci jednotlivých prefixoidů řazeny podle počtu výskytů v korpusech (od nejvyššího počtu k nejnižšímu) – a to nejprve u převažujících sousloví a pak u převažujících jednoslovných názvů.

Agro-: ‚agrární‘, příp. ‚agronomický‘

agrární komora 32240, *a. politika* 2856, ***a. sektor* 2340**, *a. produkce* 408
agrotechnika 1504, ***agrosektor* 31**

SN: *agroturistika* 4187, *agropodnikání* 1219, *agrosalon* 920

– v jediné doložené dvojici paralelních názvů počtem výskytů převažuje sousloví, ostatní sousloví nemají paralelní jednoslovné názvy; (jednoslovné) neologismy nemají doložena sousloví (s minimálním počtem výskytů)

Auto- 1: ‚automobilový‘

***automobilový průmysl* 32680**, ***a. doprava* 10628**, *a. soutěž* 9782, *a. závodník* 6648, ***a. výrobce* 1157**, *a. stříkačka* 1193, ***a. díl* 892**, ***a. dopravce* 533**, *a. konstruktér* 275; ***a. sklo* 207**, ***a. zámek* 95**, ***a. opravna* 89**, ***a. sedačka* 86**
***autosedačka* 8880 (10252)**, ***autodoprovce* 6986**, ***autodíl* 3668**, ***autodoprava* 3265 (5349)**, *autodílna* 2619, ***autoopravna* 1970**, ***autoprámysl* 1792**, *autopříslušenství* 640, *autocvičiště* 288; *autosedačka* 14680, ***autosklo* 1009 (6056)**, *autopůjčovna* 1766, *autodoplněk* 1305, *autolakovna* 434, ***autozámek* 195**, ***autovýrobce* 117**

SN: *autosalón* 34164, *autocentrum* 1102, *autoalarm* 538 (1044), *automuseum* 527, *autochladnička* 141, *autoklimatizace* 107 (428), *autoškolení* 85, *autobox* 36 (262)

– v 9 dvojicích paralelních názvů počtem výskytů mnohonásobně převyšují 3 sousloví a 6 jednoslovných názvů; neologismy nemají doložena sousloví (s minimálním počtem výskytů)

Auto- 2: ‚sám-, sebe-, vlastní‘⁶

automatická převodovka 6343, *a. klimatizace* 1951, *a. zbraň* 1737, *a. kontrola* 386, *a. vysavač* 125, *a. stěrač* 85, *a. brzda* 59
autozapalovač 106, *autosypač* 39

– sousloví nemají jednoslovný ekvivalent, jednoslovné názvy nemají doložena sousloví (s minimálním počtem výskytů); neologismy (*autokorekce*, *autoladění*, *autoregulátor*, *autovzdělanec*, *autoprogramování*) nejsou doloženy v minimálním počtu výskytů

⁶ V závislosti na lexikální sémantice substantiva jsme jako potenciální motivující sousloví vyhledávali kolokace s adjektivem *automatický* ‚vykonávající určitou činnost, funkci samostatně, bez trvalé řídicí činnosti člověka; na tom založený, samočinný‘. Především u neologismů však tyto kolokace bývaly sémanticky vyloučeny, viz např. *autokorekce* ‚jednání, kterým jedinec sám sebe koriguje‘, *autovzdělanec* ‚kdo se sám vzdělával, vzdělával; samouk‘, nikoliv **automatická korekce*, **automatický vzdělanec*.

Cyklo-: ‚cyklistický‘

cyklistický závod 13487, c. stezka 7754, c. trasa 4169, c. oddíl 1174, c. závodník 192, c. rukavice 162, c. oblečení 146, c. obchod 140, c. silnice 120, c. prodejna 104, c. značka 74

cyklotrasa 29539, cykloturista 7701, cyklovlak 495, cyklozávod 456, cyklo-půjčovna 279, cykloprodejna 270, cyklostojan 227, cyklocestovatel 186, cykloznačka 101; cyklopočítač 198, cykloexpedice 101, cykloobchod 108, cyklooblečení 47

SN: **cyklostezka 105839, cyklobus 8817, cyklovýlet 4522, cyklohlídka 1060, cykloservis 714, cyklotoulka 480, cyklomagistrála 261**

– ze 7 dvojic paralelních názvů počtem výskytů převyšují 3 sousloví a 4 jednoslovné názvy (ve 2 z těchto dvojic je však poměr počtu výskytů téměř vyrovnaný – *cykloobchod, cykloznačka*); několik dalších názvů a téměř všechny uvedené neologismy (s výjimkou názvu *cyklostezka*) nemají doložena paralelní sousloví (vůbec nebo s minimálním počtem výskytů)

Eko- 1: ‚ekologický‘

ekologická výchova 12106, e. zemědělství 10247, e. aktivista 10057, e. vůz 558, e. produkce 530, e. vozidlo 497

ekozezemědělství 539, ekoaktivista 403 (809), ekovýchova 269

SN: *ekofarma 3448, ekofilm 2476, ekopradna 1144, ekoterorista 750 (1094), ekojarmark 731, ekofarmář 453, ekoznačka 429 (821), ekoaktivista 403 (809), ekofórum 354, ekodům 278, ekopolitika 177 (344)*

– u všech 3 dvojic paralelních názvů počtem výskytů mnohonásobně převyšují sousloví; téměř všechny uvedené neologismy mají doložena paralelní sousloví s mnohonásobně nižším počtem výskytů (splňujícím kritérium minimálního počtu: *ekologická farma 211 (164), e. pradána 158, e. jarmark 30, e. farmář 49, e. aktivista 809, e. dům 164, e. politika 177*)

Eko- 2: ‚ekonomický‘

ekonomická krize 33144, e. situace 32526, e. problém 10546

– sousloví s vysokým počtem výskytů nemají jednoslovný ekvivalent (s minimálním počtem výskytů); (jednoslovné) neologismy nejsou doloženy v minimálním počtu výskytů

Elektro-: ‚elektrický‘

elektrický pohon 4649, e. vedení 16156, e. zařízení 2852, e. přípojka 1311, e. přístroj 1279, e. rozvaděč 1016, e. pec 456, e. výzbroj 360, e. ohříváč 330, e. rozvodna 323, e. jistič 174, e. produkce 108, e. výrobek 71, e. kabeláž 65, e. motorka 65, e. dodávka 59, e. čtyřkolka 53

elektrotehnika 11721, *elektrozařzení* 4949, *elektropohon* 1166, *elektromontér* 979, *elektrozvodna* 398, *elektropřístroj* 395, *elektrozvaděč* 302, *elektrovýzbroj* 281, *elektropřipojka* 212, *elektrovýrobek* 84; *elektroinstalatér* 102

– ze 7 dvojic paralelních názvů počtem výskytů vysoce převyšují 4 sousloví a 3 jednoslovné názvy; neologismy nemají doložena sousloví (s minimálním počtem výskytů)

Foto-: ‚fotografický‘

fotografická soutěž 6170, *f. výstava* 4275, *f. dokumentace* 1606, *f. obraz* 1411, *f. práce* 896, *f. přístroj* 760, *f. příloha* 605, *f. snímek* 454, *f. sbírka* 407, *f. umění* 388, *f. záběr* 268, *f. služba* 177, *f. výbava* 143

fotodokumentace 7711, *fotosoutěž* 5414, *fotovýstava* 660, *fotopřístroj* 607, *fotoobraz* 538, *fololaboratoř* 270, *fotospoušť* 194, *fotoslužba* 193, *foto-reprodukce* 150, *fotopříloha* 125, *fotopráce* 114; *fotovýbava* 257

SN: *fotobanka* 742, *fotokniha* 613, *fotofestival* 410, *fototapeta* 399 (995), *fotoškola* 136, *fotopráce* 113 (123), *fototest* 50 (183)

– z 9 dvojic paralelních názvů počtem výskytů vysoce převyšuje 6 sousloví a 3 jednoslovné názvy; neologismy nemají doložena sousloví (s minimálním počtem výskytů)

Gastro-: ‚gastronomický‘

gastronomická specialita 1184, *g. zážitek* 957, *g. zařízení* 868, *g. festival* 607

gastrofestival 400; *gastrozařzení* 72

SN: *gastroturistika* 103, *gastronádoba* (96)

– u obou dvojic paralelních názvů počtem výskytů převyšuje sousloví; neologismy nemají doložena sousloví (s minimálním počtem výskytů)

Info-: ‚informační‘

informační centrum 73621, *i. systém* 42443, *i. technologie* 27334, *i. středisko* 22009, *i. leták* 3884

infocentrum 30581, *infostředisko* 362, *infosystém* 205

SN: *infolinka* 3653, *infostánek* 720

– u 3 dvojic paralelních názvů počtem výskytů převyšuje sousloví; neologismy nemají doložena sousloví (s minimálním počtem výskytů)

Moto-: ‚motocyklový‘

motorové vozidlo 50623, *m. pila* 22183, *m. nafta* 14007, *m. závodník* 3957, *m. závod* 2038

SN: *motoalarm* 32

– k uvedeným souslovím neexistují paralelní jednoslovné názvy; neologismy nemají doložena sousloví (vůbec nebo s minimálním počtem výskytů)

Porno-: ‚pornografický‘

pornografický film 854, p. časopis 829, p. produkce 39

pornofilm 77, pornočasopis 25

– u 2 dvojic paralelních názvů počtem výskytů převyšují sousloví; (jednoslovné) neologismy nejsou doloženy v minimálním počtu výskytů

Profi-: ‚profesionální‘

profesionální hasič 40279, p. řidič 4125, p. jednotka 3400, p. fotograf 3163, p. boxer 2012, p. tanečník 1177, p. cyklista 1131, p. muzikant 999, p. závodník 601, p. tenista 328, p. úředník 163

profiboxer 349, proficyklista 18

SN: *profiarmáda 6 (543), proficyklistika 3 (71), profihokej 30 (661), profi-tým 551 (1340)*

– u obou dvojic paralelních názvů počtem výskytů vysoce převyšuje sousloví; u neologismů převažují paralelní sousloví

Psycho- 1: ‚psychický‘

psychický stav 7819, p. problém 7806

– k uvedeným souslovím neexistují paralelní jednoslovné názvy; (jednoslovné) neologismy nejsou doloženy v minimálním počtu výskytů

Psycho- 2: ‚psychologický‘

psychologická poradna 3030, p. posudek 856, p. terapie 90

psychoterapie 8444 (12394)

SN: *psychofilm 5 (565)*

– u uvedené dvojice paralelních názvů počtem výskytů vysoce převyšuje jednoslovný název; podobně také u neologismů

Radio-: ‚radiový‘

rádiová vlna 1495, r. spojení 1169, r. signál 1012, r. přijímač 272, r. vysílačka 65, r. technika 39

radiopřijímač 1483, radiotechnika 299, radiosignál 0 (36), radiovysílačka 35

SN: *radiostanice 3558, radiobudík 434, radiodispečink 174, radiopřehrávač 425*

– ve 4 dvojicích paralelních názvů počtem výskytů mnohonásobně převyšují 2 sousloví a 2 jednoslovné názvy; u neologismů počtem vysoce převyšují jednoslovné názvy

Tele- 1: ‚telekomunikační‘

telekomunikační úřad 8358, t. společnost 7070, t. firma 4991, t. operátor 3043

SN: telekonference 5667

– k uvedeným souslovím neexistují paralelní jednoslovné názvy; neologismy nemají doložena sousloví (vůbec nebo s minimálním počtem výskytů)

Tele- 2: ‚televizní‘

televizní stanice 30661, t. obrazovka 27416, t. vysílání 21863, t. divák 11844
t. pracovník 520

SN: telenovela 5049, telemost 1248⁸

– k zaznamenaným souslovím téměř vůbec neexistují paralelní jednoslovné názvy; neologismy nemají doložena sousloví (vůbec nebo s minimálním počtem výskytů)

2.1. Shrnutí – dílčí fakta a poznatky

Jak uvedené přehledy (tabulky) ukazují, mnoho (potenciálně motivačních) sousloví má značně vysoký počet výskytů a jejich paralelní jednoslovné názvy vykazují řádově zanedbatelné výskyty; zároveň naopak k mnohým jednoslovným názvům jsme (výše popsaným postupem) nedospěli k nalezení jim odpovídajících sousloví s výskytem vyšším než 30 v syn v4, příp. v korpusu ABM. Ustálenost a četnost výskytů (frekvence) sousloví se jeví pouze jako předpoklad k potenciální univerbizaci, ne vždy k ní dochází (jako např. ze sousloví *informační technologie* 27334, *psychologická válka* 235, *automatické ladění* 111, *elektrický mixér* 111 aj.), příp. jen okrajově (*elektrické vedení* 16159 – *elektrovedení* 0 (8), *cyklistický závodník* 192 – *cyklozávodník* 4, *cyklistické rukavice* 162 – *cyklorukavice* 5, *cyklistická silnice* 120 – *cyklosilnice* 4, *elektrická pec* 456 – *elektropec* 6, *elektrický ohříváč* 330 – *elektroohříváč* 2 atd.). Zároveň však jiné kolokace s týmiž adjektivy mají jednoslovné ekvivalenty, srov. *cyklistická hlídka* 6 – *cyklohlídka* 1060, *cyklistický servis* 11 – *cykloservis* 714, *cyklistický oddíl* 23 – *cyklooddíl* 1174, *elektrická technika* 10 – *elektrotechnika* 11721). Procesy tvoření se jeví značně různorodé, a to zejména u neologismů, mezi nimiž jsou navíc hojné přejímky; projevují se zde jak tendence k tvoření (přímou) kvazikompozicí (srov. *cyklistický bus* 0 – *cyklobus* 8817, *fotografická banka* 1 (3) – *fotobanka* 742), tak se objevují i pokusy o dodatečné vytvoření víceslovného názvu k jednoslovnému, ať již reálně přejatému (*televizní*

⁷ Přejaté z angličtiny (*teleconference*).

⁸ Názvy pocházejí z angličtiny (*telenovella*, *telebridge*).

novela 2 – telenovela 5049) nebo jen motivujícím (*gastronomická turistika 10 – gastroturistika 103; automobilové centrum 12 – autocentrum 1102, cyklistické centrum 26 – cyklocentrum 181*).

Nejednoznačnost genetické motivace tvoření naznačují také paralelní dvojice početně téměř vyrovnané, viz např. *informační stánek 820 – infostánek 720*. Uvedená korpusová fakta ukazují spíše na modelovost tvoření a na vysokou produktivitu tvoření s (kvazi)komponenty (prefixoidy) než na skutečný proces univerbizace (na pozadí ustálených adjektivních sousloví). Nasvědčuje tomu také fakt, že mezi uvedenými jednoslovnými názvy je relativně velmi málo stylově příznakových (substandardních) názvů, které jsou pro univerbizaci charakteristické (viz výše). Stylově příznakové – podle SŠJČ slangové⁹ – jsou některé názvy s prefixoidy *auto-* (*autodílna, autodopravce, autodoprava*), *elektro-* (*elektropřístroj*), *foto-* (*fotolaboratoř, fotopřístroj*), *radio-* (*radiopřijímač*), podle SN: *cyklonadšenec – expr., elektronůž – obch., psychohoror – film., telekonference – poč.*

Celkově lze posuzovanou konkurenci analyzovaných paralelních sousloví a jednoslovných názvů zjednodušeně a přibližně vyjádřit podle převahy odpovídajících adjektiv a prefixoidů u ustálených a neologických názvů:

	ustálené názvy	neologismy
AGRO-	<i>agrární</i>	<i>agro-</i>
AUTO- 1	<i>automobilový : auto- = 1:2</i>	<i>auto-</i>
AUTO- 2	<i>automatický</i>	-
CYKLO-	<i>cyklistický : cyklo- = 1:1</i>	<i>cyklo-</i>
EKO- 1	<i>ekologický</i>	<i>ekologický < eko-</i>
EKO- 2	<i>ekonomický</i>	-
ELEKTRO-	<i>elektrický : elektro- = 1:1</i>	<i>elektro-</i>
FOTO-	<i>fotografický : foto- = 2:1</i>	<i>foto-</i>
GASTRO-	<i>gastronomický</i>	<i>gastro-</i>
INFO-	<i>informační</i>	<i>info-</i>
MOTO- 1	<i>motocyklový</i>	<i>moto-</i>
MOTO- 2	<i>motorový</i>	<i>moto-</i>
PORNO-	<i>pornografický</i>	-
PROFI-	<i>profesionální</i>	<i>profesionální</i>
PSYCHO- 1	<i>psychický</i>	<i>psycho-</i>

⁹ V době vzniku SŠJČ však byla hybridní kompozita vnímána a hodnocena jinak než dnes – často jako neústrojně tvořená, nebo se dokonce odsuzovala.

PSYCHO- 2	<i>psycho-</i>	<i>psycho-</i>
RADIO-	radiový : radio- = 1:1	<i>radio-</i>
TELE- 1	<i>telekomunikační</i>	<i>tele-</i>
TELE- 2	<i>televizní</i>	<i>tele-</i>

3. Závěr

U vybraného typu kvazikompozitních názvů s internacionálními prefixoidy jsme sledovali korpusový výskyt ve vztahu k víceslovným názvům jim paralelním. Přestože jde o velmi malou skupinu názvů, slovtvorné prostředky (prefixoidy) se jeví produktivní a zejména u neologických názvů nevykazují přímý motivační vztah k adjektivům a na nich založených víceslovných názvech. Velmi často nelze (ani v kontextovém užití) jednoznačně určit nebo rozlišit, zda jde o přímé tvoření (kvazikompozici) nebo slovtvornou úpravu (univerbizaci ve smyslu Helclova srážení slov): sémantická a funkční ekvivalence výsledků obou typů procesů nikterak nenaznačuje skutečnou genezi jednoslovných názvů. Domníváme se, že v mnoha případech lze i u formálně obdobných (shodných) jednoslovných názvů uvažovat o alternativních motivacích vzniku, a že tedy ne všechny formálně obdobné typy kvazikompozit jsou výsledkem univerbizace. Jak náš výzkum znovu potvrdil, zejména u nových názvů jde o uplatnění vyhraněných prefixoidů (do určité míry od výchozích adjektiv již osamostatněných). Ani existence a počet výskytů adjektivních kolokací nebývá jednoznačně východiskem univerbizace – kromě již uvedených argumentů totiž k jednoslovným názvům mnohdy existují i jiné typy paralelních kolokací než adjektivních, zejména se substantivy¹⁰ (*automuzeum – automobilové muzeum :: muzeum automobilů, autoopravna – automobilová opravna :: opravna aut, autodoprava – automobilová doprava :: doprava autem, cyklostezka – cyklistická stezka :: stezka pro cyklisty*). U názvů obsahujících internacionální slovtvorné prvky je v neposlední řadě třeba zvažovat možnost jejich přejímání, příp. kalkování (hybridní názvy). Celkově lze pro námi analyzované názvy vymezit 3 modely tvoření: 1) kvazikompozice (*autopůjčovna, cyklorukavice, cyklohlídka, cyklomagistrála*), 2) univerbizace (*autodoprava, cyklotrasa, cyklovýlet*), 3) přejímání, kalkování (*autoleasing, cyklobus, cyklobyznys*). Na existenci těchto modelů poukazuje i stylová platnost názvů (viz přehledy v tabulkách).

¹⁰ U spojení s neshodným přívlastkem by bylo při posuzování jejich motivační platnosti třeba odlišit, jde-li o spojení volná (textová), nebo ustálená, popř. terminologizovaná. – Tím se u uvedených příkladů nezabýváme, uvádíme je zde jen pro ilustraci.

Ukazuje se, že při tvoření názvů se uplatňují různé faktory – systémové (jednoznačnost/víceznačnost prefixoidu, jeho sémantika, příp. jazykový původ) i textové (produktivnost slovtvorného prostředku, jeho ustálenost, vyhraněnost – srov. např. *auto-*, *cyklo-*, *elektro-* *foto-*, *radio-* x *profi-*). I výše zmíněné lexikografické hledisko nasvědčuje spíše přímé kvazikompozici, byť jej nelze použít jako průkazný argument – velkou část jednoslovných pojmenování totiž tvoří neologismy. Při výkladu významu ve výkladových slovnících byla paralelní sousloví využívána k výkladu lexikálního významu zcela sporadicky, obdobně také ve Slovnících neologizmů (viz Tabulka 1, 2). Bylo tomu především pro objasnění významu názvů s prefixoidy *auto-*, *elektro-*, *foto-* (ve výkladových slovnících); *auto-*, *cyklo-*, *eko-*, *foto-*, *info-*, *profi-* (v SN). U mnohých z nich však byl počet sousloví v korpusových dokladech mnohonásobně nižší než počet jednoslovných názvů.

Uvedená fakta a zjištění dokazují jak analogii, tak nahodilost tvoření spíše než záměrný (a prokazatelný) proces směřující k ekonomii vyjádření – ve většině námi analyzovaných názvů jde tedy spíše o kvazikompozici jako vlastní slovtvorný akt, nikoliv o úpravu již existujících víceslovných pojmenování.

Zdroje

Dostupné z WWW: <http://www.korpus.cz>:

Korpus syn v4 jako zdroj dat

Korpus Araneum Bohemicum Maximum (Czech, 15.04) 3,20 G jako zdroj dat

Literatura

- Ján BOSÁK, 1987: O vymedzení univerbizácie. *Slovenská reč*. 52, 231–237.
- Ján BOSÁK, 1989: Univerbizácia. HORECKÝ, Jozef, BUZÁSSYOVÁ, Klára, BOSÁK, Ján (eds.). *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava: Veda, 298–306.
- Ivana BOZDĚCHOVÁ, 2016: K pojetí, vymezení a terminologickému označování slovtvorných prostředků přechodného charakteru. KORIAKOWCEWA, Elena (ed.). *Współczesne językoznawstwo słowiańskie: teoria i metodologia badań i Słowotwórstwo*. Siedlce: Wydawnictwo UPH w Siedlcach, 23–32.
- Ivana BOZDĚCHOVÁ, 2016: Kvazikompozice. KARLÍK, Petr, NEKULA, Marek, PLESKALOVÁ, Jana (eds.). *Nový encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 952.

- Alena DEBICKÁ, 2007: O jazykové ekonomii ve výstavbě textů publicistického stylu. *Co všechno slovo znamená*. Sborník příspěvků věnovaných profesorce PhDr. Marii Čechové, DrSc. Ústí n. Labem: UJEP, 73–81.
- Miloš DOKULIL, 1962: *Tvoření slov v češtině I, Teorie odvozování slov*. Praha: ČSAV.
- Miloš HELCL, 1963: Univerbizace a její podíl při růstu dnešní slovní zásoby. *Slovo a slovesnost*. 24, č. 1, 29–37.
- Zdena HLADKÁ, 2005: Univerbizace – korpusy – slovníky (malá materiálová sonda). BLATNÁ, Renata, PETKEVIČ, Vladimír (eds.). *Jazyky a jazykověda*. Praha: ÚČNK FF UK, 503–514.
- Zdena HLADKÁ, 2016: Univerbizace. KARLÍK, Petr, NEKULA, Marek, PLESKALOVÁ, Jana (eds.). *Nový encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1924–1925.
- Alexander V. ISAČENKO, 1958: *Obecné zákonitosti a národní specifičnost ve vývoji slovní zásoby slovanských jazyků*, sb. K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků. Praha, 143–151.
- Alexander V. ISAČENKO, 1956: O některých zákonitostech v oblasti pojmenování, Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci. *Jazyk a literatura*. III, Praha, 17–23.
- Ladislav JANOVEC, 2007: K projevům jazykových vývojových tendencí v současné češtině. *Naše řeč*. 90, č. 2, 57–66.
- Alois JEDLIČKA, 1969: *Univerbizace a multiverbizace v pojmenovacích strukturách*. AUC-SlavPrag XI. Praha: Univerzita Karlova.
- Pavla KOCHOVÁ, 2015: Prefixoidace v češtině (k svébytnému tvoření nových slov na materiálu neologismů). BARNOVÁ, Katarína, CHOMOVÁ, Alexandra (ed.). *Varia 21*. Zborník príspevkov z 21. kolokvia mladých jazykovedcov. Banská Bystrica: Belianum, 229–238.
- Ivana KOLÁŘOVÁ, 2011: Univerbizace. František ŠTÍCHA (ed.). *Kapitoly z gramatiky češtiny*. Praha: Academia, 273–410.
- Olga MARTINCOVÁ a kol., 1998, 2004: *Nová slova v češtině. Slovník neologismů 1, 2*. Praha: Academia. [SN]
- Olga MARTINCOVÁ, 2016: Multi-word expressions and univerbation in Slavonic. MÜLLER, Peter O., OHNHEISER, Ingeborg, OLSEN, Susan, RAINER, Franz (eds.). *Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe*, Vol. 1. Berlin – New York – Boston: De Gruyter Mouton. (= Handbooks of Linguistics and Communication Science, HSK 40.1-5), 742–757.
- Olga MARTINCOVÁ, 2016: Prefixoid. KARLÍK, Petr, NEKULA, Marek, PLESKALOVÁ, Jana (eds.). *Nový encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 139–1396.

Olga MARTINCOVÁ, Nikolaj SAVICKÝ, 1987: Hybridní slova a některé obecné otázky neologie. *Slovo a slovesnost*. 48, 124–139.

Patrik MITTER, 2007: K univerbizaci na základě kompozice v současné češtině. KLÍMOVÁ, Květoslava, MINÁŘOVÁ, Eva (eds.). *Čeština – bádání a učení*. Ústí n. Labem: UJEP, 33–37.

Mluvnice češtiny 1, 1985. Praha: Academia.

Příruční mluvnice češtiny, 1996. Praha: NLN (2. opr. vydání).

Martin PROŠEK, 2005: O jednom typu univerbizovaných pojmenování míst na -ák. *Naše řeč*. 88, č. 2, 57–66.

František ŠTÍCHA a kol., 2013: *Akademická gramatika spisovné češtiny*. Praha: Academia.

Univerbation and (quasi)composition in contemporary Czech

The concept of univerbation presented in the paper is based on the functional-structural approach, not on word-formation. In the assessment of the analysed material, parallel naming processes are considered; to compare use of parallel multi-word and one-word names in the contemporary communication is possible by corpus sources from which the examples have been drawn.

We focused on productive international prefixoid and on nouns formed by them, including neologisms.

We got two hypotheses: 1) collocations with the higher numbers of corpus occurrence may be assumed as results of univerbation; 2) by means of analysed prefixoids many neologisms are formed, often by analogy.

Word-formation of analysed names is influence by language-system factors (clarity / ambiguity of prefixoids, their semantics and language origin), and text factors (productiveness of word-formation means, their stability, tailored nature). The reached facts prove both analogy and randomness of creation rather than deliberate process directed to economy of expression – majority of the analysed names are formed rather by quasicomposition as a proper word-formation act than by modification of the existing multi-word name.

Přílohy

Tabulka 1 (201)

	syn v4		syn v4	AMB	stylový příznak výklad souslovím
AGRÁRNÍ		AGRO-			
<i>agrární komora</i>	32240	<i>agrokomora</i>	0		-
<i>agrární politika</i>	2856	<i>agropolitika</i>	0	3	-
<i>agrární producent</i>	29	<i>agroproducent</i>	3	0	-
<i>agrární produkce</i>	408	<i>agroprodukce</i>	10	0	-
<i>agrární sektor</i>	2340	<i>agrosektor</i>	31		-
<i>agrární technika</i>	15	<i>agrotechnika</i>	1504	1113	-
AUTOMOBILOVÝ		AUTO- 1			
<i>automobilový zámek</i>	95	<i>autozámek</i>	195	41	-
<i>automobilový adaptér</i>	3	<i>autoadaptér</i>	23		-
<i>automobilový akumulátor</i>	44	<i>autoakumulátor</i>	0	31	-
<i>automobilové cvičiště</i>	0	<i>autocvčiště</i>	288	118	-
<i>automobilový čalouník</i>	0	<i>autočalouník</i>	18	13	-
<i>automobilový díl</i>	892	<i>autodíl</i>	3668	2598	-
<i>automobilová dílna</i>	8	<i>autodílna</i>	2619	1101	SSJČ: slang. automobilová dílna
<i>automobilová dodávka</i>	15	<i>autododávka</i>	3	1	-
<i>automobilový doplněk</i>	80	<i>autodoplněk</i>	0	1305	-
<i>automobilová doprava</i>	10628	<i>autodoprava</i>	3265	5349	SSJČ: dopr. slang. automobilová doprava, doprava autem
<i>automobilový dopravce</i>	533	<i>autodopravce</i>	6986		SSJČ: slang. automobilový dopravce
<i>automobilový karburátor</i>	4	<i>autokarburátor</i>	3		-
<i>automobilový katalyzátor</i>	77	<i>autokatalyzátor</i>	0		-
<i>automobilový konstruktér</i>	275	<i>autokonstruktér</i>	3		-
<i>automobilová lakovna</i>	11	<i>autolakovna</i>	236	434	-
<i>automobilová lednice</i>	0	<i>autolednice</i>	40	55	-
<i>automobilové letadlo</i>	8	<i>autoletadlo</i>	2	12	-
<i>automobilový montér</i>	0	<i>automontér</i>	18	4	-

UNIVERBACIJA/UNIVERBIZACIJA U SLAVENSKIM JEZICIMA

<i>automobilová nabíječka</i>	11	<i>autonabíječka</i>	367	333	-
<i>automobilová nádrž</i>	41	<i>autonádrž</i>	3		-
<i>automobilová opravna</i>	89	<i>autoopravna</i>	1970	930	SSJČ: slang. opravna aut
<i>automobilové parkoviště</i>	15	<i>autoparkoviště</i>	24	9	-
<i>automobilová prodejna</i>	26	<i>autoprodejna</i>	164	54	-
<i>automobilový průmysl</i>	32680	<i>autopřůmysl</i>	1792	442	-
<i>automobilový přepravce</i>	45	<i>autopřepravce</i>	1	2	-
<i>automobilové příslušenství</i>	88	<i>autopříslušenství</i>	640	545	-
<i>automobilová půjčovna</i>	4	<i>autopůjčovna</i>	1766	10252	-
<i>automobilová sedačka</i>	86	<i>autosedačka</i>	8880	14680	-
<i>automobilové sedadlo</i>	49	<i>autosedadlo</i>	62	78	-
<i>automobilové sklo</i>	207	<i>autosklo</i>	1009	6056	-
<i>automobilová soutěž</i>	9782	<i>autosoutěž</i>	7	1	-
<i>automobilová stříkačka</i>	1193	<i>autostříkačka</i>	8	18	-
<i>automatický sypač</i>	7	<i>autosypač</i>	39	12	-
<i>automobilový trénink</i>	3	<i>autotrénink</i>	17	12	-
<i>automatická výbava</i>	13	<i>autovýbava</i>	19	11	-
<i>automobilový výrobce</i>	1157	<i>autovýrobce</i>	117	32	-
<i>automatický vysavač</i>	125	<i>autovysavač</i>	45	29	-
<i>automobilový závodník</i>	6648	<i>autozávodník</i>	6		-
<i>automatická zbraň</i>	1737	<i>autozbraň</i>	0		-
<i>automobilové zrcátko</i>	27	<i>autozrcátko</i>	0	1	-
<i>automobilový zvedák</i>	32	<i>autozvedák</i>	48	5	-
AUTOMATICKÝ		AUTO- 2			
<i>automatická brzda</i>	59	<i>autobrzda</i>	0	10	-
<i>automatická klimatizace</i>	1951	<i>autoklimatizace</i>	107		ASCS: tech.
<i>automatická kontrola</i>	386	<i>autokontrola</i>	12		-
<i>automatická převodovka</i>	6343	<i>autopřevodovka</i>	0		-
<i>automatický stěrač</i>	85	<i>autostěrač</i>	4		-
<i>automatický zapalovač</i>	4	<i>autozapalovač</i>	106	205	-
CYKLISTICKÝ		CYKLO-			
<i>cyklistický cestovatel</i>	12	<i>cyklocestovatel</i>	186	170	-
<i>cyklistická expedice</i>	70	<i>cykloexpedice</i>	96	101	-
<i>cyklistické hřiště</i>	13	<i>cyklohřiště</i>	45	6	-
<i>cyklistický chodník</i>	8	<i>cyklochodník</i>	97	13	-
<i>cyklistický obchod</i>	140	<i>cykloobchod</i>	76	108	-
<i>cyklistické oblečení</i>	146	<i>cyklooblečení</i>	15	47	-
<i>cyklistický oddíl</i>	1174	<i>cyklooddíl</i>	23	10	-

UNIVERBACIJA/UNIVERBIZACIJA U SLAVENSKIM JEZICIMA

<i>cyklistické parkoviště</i>	9	<i>cykloparkoviště</i>	16	21	-
<i>cyklistický počítač</i>	20	<i>cyklopočítač</i>	132	198	-
<i>cyklistická prodejna</i>	104	<i>cykloprodejna</i>	270	117	-
<i>cyklistický přejezd</i>	60	<i>cyklopřejezd</i>	96	28	-
<i>cyklistická půjčovna</i>	8	<i>cyklopůjčovna</i>	279	137	-
<i>cyklistické rukavice</i>	162	<i>cyklorukavice</i>	5	27	-
<i>cyklistická silnice</i>	120	<i>cyklosilnice</i>	4	0	-
<i>cyklistická stezka</i>	7754	<i>cyklostezka</i>	105839	37577	-
<i>cyklistický stojan</i>	29	<i>cyklostojan</i>	227	179	-
<i>cyklistická trasa</i>	4169	<i>cyklotrasa</i>	29539	17392	-
<i>cyklistický turista</i>	11	<i>cykloturista</i>	7701	3084	-
<i>cyklistická ubytovna</i>	4	<i>cykloubytovna</i>	12	5	-
<i>cyklistický vlak</i>	22	<i>cyklovlak</i>	495	231	-
<i>cyklistický vůz</i>	7	<i>cyklovůz</i>	47	37	-
<i>cyklistický zámek</i>	24	<i>cyklozámek</i>	14	6	-
<i>cyklistický závod</i>	13487	<i>cyklozávod</i>	456	208	-
<i>cyklistický závodník</i>	192	<i>cyklozávodník</i>	4	1	-
<i>cyklistická značka</i>	74	<i>cykloznačka</i>	101	78	-
EKOLOGICKÝ		EKO- 1			
<i>ekologický aktivista</i>	10057	<i>ekoaktivista</i>	403	182	-
<i>ekologický problém</i>	345	<i>ekoproblém</i>	28		
<i>ekologická produkce</i>	530	<i>ekoprodukce</i>	13	2	-
<i>ekologické vozidlo</i>	497	<i>ekovozidlo</i>	1	1	-
<i>ekologický vůz</i>	558	<i>ekovůz</i>	3	0	-
<i>ekologická výchova</i>	12106	<i>ekovýchova</i>	269	157	-
<i>ekologické zemědělství</i>	10247	<i>ekozemědělství</i>	539	182	-
EKONOMICKÝ		EKO- 2			
<i>ekonomická krize</i>	33144	<i>ekokrize</i>	2		-
<i>ekonomický problém</i>	10546	<i>ekoproblém</i>	0	2	-
<i>ekonomická produkce</i>	108	<i>ekoprodukce</i>		0	-
<i>ekonomická situace</i>	32526	<i>ekosituace</i>	0		-
<i>ekonomické vozidlo</i>	15	<i>ekovozidlo</i>			-
<i>ekonomický vůz</i>	31	<i>ekovůz</i>			-
ELEKTRICKÝ		ELEKTRO-			
<i>elektrická čtyřkolka</i>	53	<i>elektročtyřkolka</i>	0	5	-
<i>elektrický dispečer</i>	0	<i>elektrodispečer</i>	19	11	-
<i>elektrická dodávka</i>	59	<i>elektrododávka</i>	3	3	-
<i>elektrický instalatér</i>	0	<i>elektroinstalatér</i>	19	102	-
<i>elektrický jistič</i>	174	<i>elektrojistič</i>	12	1	-

UNIVERBACIJA/UNIVERBIZACIJA U SLAVENSKIM JEZICIMA

<i>elektrická kabeláž</i>	65	<i>elektrokabeláž</i>	21	18	-
<i>elektrická laboratoř</i>	0	<i>elektrolaboratoř</i>	73	33	-
<i>elektrický mixér</i>	111	<i>elektromixér</i>	0	0	-
<i>elektrický montér</i>	0	<i>elektromontér</i>	979	337	SSČ: montér elektr. sítě
<i>elektrická motorka</i>	65	<i>elektromotorka</i>	6	10	-
<i>elektrický odborník</i>	0	<i>elektroodborník</i>	4	4	-
<i>elektrický ohříváč</i>	330	<i>elektroohříváč</i>	2	1	-
<i>elektrická opravna</i>	0	<i>elektroopravna</i>	49	6	-
<i>elektrická pec</i>	456	<i>elektropec</i>	6	3	-
<i>elektrický pohon</i>	4649	<i>elektropohon</i>	793	1166	-
<i>elektrická práce</i>	52	<i>elektropráce</i>	8	20	-
<i>elektrický prodejce</i>	0	<i>elektroprodejce</i>	19	1	-
<i>elektrický projektant</i>	0	<i>elektroprojektant</i>	6	17	-
<i>elektrická přípojka</i>	1311	<i>elektropřípojka</i>	212	138	-
<i>elektrické příslušenství</i>	34	<i>elektropříslušenství</i>	91	0	-
<i>elektrický přístroj</i>	1279	<i>elektropřístroj</i>	395	158	SSJČ: slang. elektrický přístroj
<i>elektrický rozvaděč</i>	1016	<i>elektrorozvaděč</i>	302	188	-
<i>elektrická rozvodna</i>	323	<i>elektrorozvodna</i>	398	91	ASCS: slang.
<i>elektrická stavebnice</i>	6	<i>elektrostavebnice</i>	7	3	-
<i>elektrická technika</i>	10	<i>elektrotechnika</i>	11721	7986	-
<i>elektrické vedení</i>	16159	<i>elektrovedení</i>	0	8	-
<i>elektrický vodič</i>	519	<i>elektrovodič</i>	32	6	-
<i>elektrické vozítko</i>	229	<i>elektrovozítko</i>	21	13	-
<i>elektrický vůz</i>	520	<i>elektrovůz</i>	36	2	-
<i>elektrická výbava</i>	205	<i>elektrovýbava</i>	21	18	-
<i>elektrický výrobce</i>	0	<i>elektrovýrobce</i>	7	0	-
<i>elektrický výrobek</i>	71	<i>elektrovýrobek</i>	84	18	-
<i>elektrická výzbroj</i>	360	<i>elektrovýzbroj</i>	281	173	-
<i>elektrické zařízení</i>	2852	<i>elektrozařízení</i>	4949	4382	-
FOTOGRAFICKÝ		FOTO-			
<i>fotografická akce</i>	106	<i>fotoakce</i>	10	42	-
<i>fotografický blesk</i>	86	<i>fotoblesk</i>	112	84	ASCS: fotoelektr. blesk
<i>fotografický deník</i>	81	<i>fotodeník</i>	18	22	-
<i>fotografická dokumentace</i>	1606	<i>fotodokumentace</i>	7711	8479	-
<i>fotografická hádanka</i>	35	<i>fotohádanka</i>	10	37	-

UNIVERBACIJA/UNIVERBIZACIJA U SLAVENSKIM JEZICIMA

<i>fotografická laboratoř</i>	63	<i>fotolaboratoř</i>	270	284	SSJČ: slang. fotografická laboratoř
<i>fotografický obraz</i>	1411	<i>fotoobraz</i>	538	795	-
<i>fotografická práce</i>	896	<i>fotopráce</i>	114	123	-
<i>fotografická prodejna</i>	0	<i>fotoprodejna</i>	110	52	-
<i>fotografická produkce</i>	31	<i>fotoprodukce</i>	23	18	-
<i>fotografická příloha</i>	605	<i>fotopříloha</i>	125	220	-
<i>fotografický přístroj</i>	760	<i>fotopřístroj</i>	607	497	ASCS: fotografický přístroj, fotoaparát
<i>fotografická reprodukce</i>	60	<i>fotoreprodukce</i>	150	72	ASCS: fotografická reprodukce
<i>fotografická sbírka</i>	407	<i>fotosbírka</i>	50	36	-
<i>fotografická služba</i>	177	<i>fotoslužba</i>	193	198	-
<i>fotografický snímek</i>	454	<i>fotosnímek</i>	92	60	-
<i>fotografická soutěž</i>	6170	<i>fotosoutěž</i>	5414	3710	-
<i>fotografická spoušť</i>	3	<i>fotospoušť</i>	194	19	-
<i>fotografické umění</i>	388	<i>fotoumění</i>	4	4	-
<i>fotografická výbava</i>	143	<i>fotovýbava</i>	10	257	-
<i>fotografický výrobce</i>	3	<i>fotovýrobce</i>	2	0	-
<i>fotografická výstava</i>	4275	<i>fotovýstava</i>	660	199	-
<i>fotografický záběr</i>	268	<i>fotozáběr</i>	32	38	-
<i>fotografické zařízení</i>	75	<i>fotozařízení</i>	6	5	-
GASTRONOMICKÝ		GASTRO-			
<i>gastronomický festival</i>	607	<i>gastrofestival</i>	400	100	-
<i>gastronomická specialita</i>	1184	<i>gastrospecialita</i>	3	4	-
<i>gastronomické zařízení</i>	868	<i>gastrozařízení</i>	72	75	-
<i>gastronomický zážitek</i>	957	<i>gastrozážitek</i>	12	15	-
INFORMAČNÍ		INFO-			
<i>informační centrum</i>	73621	<i>infocentrum</i>	30581	4609	ASCS: inform. centrum
<i>informační leták</i>	3884	<i>infoleták</i>	28	5	-
<i>informační středisko</i>	22009	<i>infostředisko</i>	362	26	-
<i>informační systém</i>	42443	<i>infosystém</i>	205	66	-
<i>informační technologie</i>	27334	<i>infotechnologie</i>	0	0	-
MOTOCYKLOVÝ		MOTO- 1			
<i>motocyklová akce</i>	41	<i>motoakce</i>	15	13	-
<i>motocyklový závod</i>	2038	<i>motozávod</i>	9	9	-

UNIVERBACIJA/UNIVERBIZACIJA U SLAVENSKIM JEZICIMA

<i>motocyklový závodník</i>	3957	<i>motozávodník</i>	1	1	-
MOTOROVÝ		MOTO- 2			
<i>motorová nafta</i>	14007	<i>motonafta</i>	0	0	-
<i>motorová pila</i>	22183	<i>motopila</i>	0	3	-
<i>motorové příslušenství</i>	0	<i>motopříslušenství</i>	12	21	-
<i>motorové vozidlo</i>	50623	<i>motovozidlo</i>	0	0	-
PORNOGRAFICKÝ		PORNO-			
<i>pornografický časopis</i>	829	<i>pornočasopis</i>	25	296	ASCS: pornograf. časopis
<i>pornografický film</i>	854	<i>pornofilm</i>	77	1473	ASCS: hov. pornograf. film
<i>pornografická produkce</i>	39	<i>pornoprodukce</i>	22	22	-
PROFESIONÁLNÍ		PROFI-			
<i>profesionální boxer</i>	2012	<i>profitboxer</i>	349	186	-
<i>profesionální cyklista</i>	1131	<i>proficyklista</i>	18	9	-
<i>profesionální fotograf</i>	3163	<i>profifotograf</i>	7	11	-
<i>profesionální hasič</i>	40279	<i>profihasič</i>	0	5	-
<i>profesionální jednotka</i>	3400	<i>profijednotka</i>	0	0	-
<i>profesionální muzikant</i>	999	<i>profimuzikant</i>	4	2	-
<i>profesionální řidič</i>	4125	<i>profiridič</i>	0	2	-
<i>profesionální tanečník</i>	1177	<i>profitanečník</i>	8	1	-
<i>profesionální tenista</i>	328	<i>profitenista</i>	1	0	-
<i>profesionální úředník</i>	163	<i>profiuředník</i>	2	0	-
<i>profesionální závodník</i>	601	<i>profizávodník</i>	5	1	-
PSYCHICKÝ		PSYCHO- 1			
<i>psychický problém</i>	7806	<i>psychoprobém</i>	0	2	-
<i>psychický stav</i>	7819	<i>psychostav</i>	0	4	-
PSYCHOLOGICKÝ		PSYCHO- 2			
<i>psychologická poradna</i>	3030	<i>psychoporadna</i>	9	18	-
<i>psychologický posudek</i>	856	<i>psychoposudek</i>	10	1	-
<i>psychologická terapie</i>	90	<i>psychoterapie</i>	8444	12394	SSJČ: med.
RADIOVÝ		RADIO-			
<i>rádiový přijímač</i>	272	<i>radiopřijímač</i>	1483	786	SSJČ: slang.
<i>rádiový přístroj</i>	47	<i>radiopřístroj</i>	0	12	-
<i>rádiový signál</i>	1012	<i>radiosignál</i>	1	36	-
<i>rádiové spojení</i>	1169	<i>radiospojení</i>	4	22	-
<i>rádiová technika</i>	39	<i>radiotechnika</i>	299	384	-
<i>rádiová vlna</i>	1495	<i>radiovlna</i>	8	54	-
<i>rádiová vysílačka</i>	65	<i>radiovysílačka</i>	35	17	-

UNIVERBACIJA/UNIVERBIZACIJA U SLAVENSKIM JEZICIMA

TELEKOMUNIKAČNÍ		TELE- 1			
<i>telekomunikační firma</i>	4991	<i>telefirma</i>	0	0	-
<i>telekomunikační operátor</i>	3043	<i>teleoperátor</i>	0	0	-
<i>telekomunikační pracovník</i>	18	<i>telepracovník</i>	1	1	-
<i>telekomunikační společnost</i>	7070	<i>telespolečnost</i>	0	0	-
<i>telekomunikační úřad</i>	8358	<i>teleúřad</i>	0	0	-
TELEVIZNÍ		TELE- 2			
<i>televizní divák</i>	11844	<i>teledivák</i>	0	0	-
<i>televizní obrazovka</i>	27416	<i>teleobrazovka</i>	0	0	-
<i>televizní pracovník</i>	520	<i>telepracovník</i>	1	0	-
<i>televizní stanice</i>	30661	<i>telestanice</i>	0	0	-
<i>televizní vysílání</i>	21863	<i>televysílání</i>	0	0	-

Tabulka 2 (128)

	výklad významu v SN	syn v4	AMB
AGRO- (8)	1. ‚agrární‘ 2. ‚agroturistický‘		
<i>agrofarma</i>	zemědělské hospodářství, zemědělská farma využívaná pro agroturistiku	18	28
<i>agroobchod</i>	obchodování, obchod se zemědělskými výrobky (obilím, užitkovými zvířaty ap.)	298	64
<i>agropodnikání</i>	1. podnikání v zemědělství 2. studijní obor zaměřený na zemědělství	1219	259
<i>agroproducent</i>	výrobce, producent zemědělských výrobků	3	0
<i>agroprodukce</i>	zemědělská výroba, produkce	4	0
<i>agrosalon</i>	zemědělská výstava	920	243
<i>agroslužba</i>	poskytování služeb v oblasti zemědělství	1	5
<i>agroturistika</i>	turistika na vesnici provozovaná formou ubytování v soukromí	4187	1607
AUTO- 1 (16)	‚automobil, automobilový‘		
<i>autoalarm</i>	zvukové bezpečnostní zařízení v automobilu; alarm	538	1044
<i>autobotička</i>	zařízení nasazované na kolo motorového vozidla a bránící tak vozidlu v pohybu, využívané zvl. dopravní policií k postihu nesprávně parkujících řidičů; botička	13	10
<i>autoboty</i>	boty vhodné pro řízení auta, do auta	7	7
<i>autobox</i>	pouzdro pro zavazadla na střechu automobilů, střešní box	36	272
<i>autocentrum</i>	obchodní středisko, obchod zabývající se prodejem automobilů, někdy i s dalšími službami pro motoristy	1102	270
<i>autodealer</i>	osoba, firma zprostředkující prodej automobilů	1	6
<i>autochladnička</i>	chladnička zabudovaná v autě	141	221
<i>autokarta</i>	platební karta určená k placení u čerpacích stanic, v servisech a opravárnách	25	3
<i>autoklimatizace</i>	klimatizace zabudovaná v automobilu	107	428
<i>autoleasing</i>	leasing (splátkový pronájem s možností odkupu) automobilů	5	53
<i>automafie</i>	mafie obchodující s kradenými auty, součástkami automobilů	68	3
<i>automříž</i>	mříž členící prostor v automobilu	0	6
<i>automuzeum</i>	muzeum (historických) automobilů (někdy i motocyklů, jízdních kol ap.)	527	148
<i>autosalón</i>	(reprezentační) prodejna automobilů	34164	15833
<i>autoškolení</i>	vzdělávání, výuka v autoškolách	85	60
<i>autovrtulník</i>	kombinovaný dopravní prostředek s možností sloužit jako automobil i vrtulník	1	1

AUTO- 2 (3)	„sám“		
<i>autokorekce</i>	jednání, kterým jedinec sám sebe koriguje	14	13
<i>autoladění</i>	automatické ladění (rozhlasového, televizního přijímače ap.)	0	1
<i>autoprogramování</i>	automatické programování přístroje	0	3
CYKLO- (18)	„cyklistický, cyklista, cyklistika“		
<i>cyklobrašna</i>	brašna na jízdní kolo, cyklistická brašna	30	87
<i>cyklobus</i>	autobus přepravující cyklisty s koly	8817	2377
<i>cyklobyznys</i>	obchodování, byznys s jízdními koly	1	6
<i>cyklocentrum</i>	1. středisko (centrum) pro cyklisty 2. prodejna jízdních kol, cyklistických potřeb ap.	181	39
<i>cyklocomputer</i>	elektronický víceúčelový tachometr pro jízdní kolo	174	420
<i>cyklohlídka</i>	policejní hlídka na jízdních kolech	1060	103
<i>cyklomagistrála</i>	hlavní cyklistická trasa	261	138
<i>cyklonadšenec</i>	expr. člověk nadšený pro cyklistiku, nadšeně ji propagující, zastávající, provozující	66	51
<i>cyklorikša</i>	zvlášť upravené jízdní kolo o třech kolech (tricykl), se sedačkami pro dva pasažéry vedle sebe	55	98
<i>cyklorukavice</i>	rukavice pro cyklisty, cyklistické rukavice	5	27
<i>cykloservis</i>	1. servis poskytovaný závodníkům při cyklistických soutěžích 2. dílna, provozovna specializovaná na opravy, údržbu jízdních kol	714	350
<i>cykloshow</i>	velkolepá cyklistická podívaná, show	28	2
<i>cyklostezka</i>	stezka pro cyklisty; cyklistická stezka	105839	37577
<i>cyklotoulka</i>	toulání se, toulky na jízdních kolech po krajině	480	268
<i>cyklotramp</i>	kdo trampuje při výletech na jízdním kole	44	7
<i>cyklotrenažér</i>	přístroj k simulaci jízdy na kole v <i>místnosti, určený k tréninku</i>	42	646
<i>cyklovýlet</i>	výlet na jízdních kolech, cyklistický výlet	4522	3072
<i>cyklozámek</i>	zámek k zabezpečení jízdního kola před odcizením	14	6
EKO- (42)	„ekologický“		
<i>ekoaktivista</i>	přívrženec, člen ekologických aktivit, ekologického (ekologických) hnutí; ekologický aktivista, ekologista, zelený	403	809
<i>ekoanarchista</i>	příslušník, stoupenec ekoanarchizmu	2	1
<i>ekobriketa</i>	briketa vyrobená z ekologických odpadů	0	13
<i>ekodomek</i>	(rodinný) domek šetrný svým provozem k životnímu prostředí	5	4
<i>ekodům</i>	dům šetrný svým provozem k životnímu prostředí, ekologický dům	278	164
<i>ekoenergie</i>	energie vyráběná z alternativních zdrojů	31	13

UNIVERBACIJA/UNIVERBIZACIJA U SLAVENSKIM JEZICIMA

<i>ekofarma</i>	farma, kde se pěstují rostliny nebo chová dobytek na přírodním, ekologickém místě	3448	211
<i>ekofarmář</i>	vlastník, provozovatel ekofarmy; biofarmář	453	207
<i>ekofeminista</i>	stoupenec, propagátor ekofeminizmu	0	2
<i>ekofilm</i>	film s ekologickou tematikou	2476	831
<i>ekofórum</i>	veřejné zasedání zaměřené na ekologické otázky (pořádané určitou institucí, popř. skupinou občanů)	354	182
<i>ekogymnázium</i>	gymnázium, ve kterém je kladen důraz na ekologické vzdělávání a ekologickou výchovu	10	2
<i>ekohavárie</i>	ekologická havárie	17	1
<i>ekojarmark</i>	jarmark, trh s ekologickými výrobky	731	140
<i>ekolimit</i>	limit stanovující únosnost určité činnosti pro zachování ekologické rovnováhy životního prostředí	0	1
<i>ekomiliarda</i>	finanční částka ve výši miliardy určená (státem) na ozdravení životního prostředí	233	39
<i>ekoministr</i>	ekonomický ministr	7	0
<i>ekomuzeum</i>	muzeum věnované ekologii, ekologické muzeum	72	45
<i>ekonafta</i>	pohonná hmota vyráběná z rostlinných produktů; bionafta, zelená nafta	24	2
<i>ekopavilon</i>	pavilon (výstavy ap.) věnovaný ekologickým produktům ap.	66	12
<i>ekopěstitel</i>	pěstitel užívající při pěstování zemědělských plodin ekologické (přírodní, organické, nikoli chemické) prostředky	6	8
<i>ekoplocha</i>	část krajiny s přirozeným porostem a volně žijícími živočichy, ve které je možno zkoumat ekologické vztahy mezi živým a neživým prostředím	1	0
<i>ekopolitika</i>	politika zaměřená na ekologické otázky; ekologická politika	177	344
<i>ekoporadenství</i>	poradenství v ekologických záležitostech	54	91
<i>ekoporadna</i>	poradna v ekologických záležitostech, ekologická poradna	1144	723
<i>ekopříspěvek</i>	příspěvek (relace, článek) o ekologii; ekologický příspěvek	1	0
<i>ekoslužba</i>	ekologicky zaměřené služby; takový obor	15	2
<i>ekostanice</i>	ekologická stanice	6	0
<i>ekostatek</i>	statek (hospodářství) provozovaný v souladu s ekologickými zásadami	96	74
<i>ekotaška</i>	nákupní taška vyrobená z ekologického materiálu	4	20
<i>ekotechnika</i>	stroje a zařízení šetrné svým provozem k životnímu a přírodnímu prostředí, sloužící ochraně nebo zlepšení složek životního prostředí	85	94

<i>ekotehnologie</i>	1. tehnologije s využitím ekologických prvků; ekologická technologie 2. výrobní postup neohrožující životní nebo přírodní prostředí, omezující nebo odstraňující znečištění	39	36
<i>ekotehnologie</i>	1. tehnologije s využitím ekologických prvků; ekologická technologie 2. výrobní postup neohrožující životní nebo přírodní prostředí, omezující nebo odstraňující znečištění	39	36
<i>ekoterorista</i>	ekologický aktivista, který se účastní násilných akcí (ekoterorizmu) proti porušování zásad ochrany životního prostředí	750	1094
<i>ekoturistika</i>	turistika provozovaná (volně) v přírodě, ale šetrná k životnímu prostředí; ekologická turistika	22	464
<i>ekoveletrh</i>	veletrh s ekologickým zbožím	7	2
<i>ekovůz</i>	automobil s velmi malou (ekonomickou) spotřebou paliva	3	0
<i>ekozahrada</i>	zahrada, v níž se pěstují plodiny ekologickým způsobem (s využitím přírodních, organických, nikoli chemických prostředků), ekologická zahrada; biozahrada	27	189
<i>ekozboží</i>	ekologické, ekologicky nezávadné zboží, výrobky	2	1
<i>ekozelenina</i>	zelenina (vy)pěstovaná ekologickým způsobem (s využitím přírodních, organických, nikoli chemických prostředků), ekologická zelenina	0	1
<i>ekozemědělství</i>	zemědělství založené na ekologickém přístupu k pěstování rostlin a chovu zvířat; takový studijní obor; ekologické zemědělství, biozemědělství	539	182
<i>ekoznačka</i>	označení výrobku, zboží, které je hodnotí jako ekologicky šetrné	429	821
ELEKTRO- (3)	„elektrický“		
<i>elektrokosmetika</i>	kosmetika užívající různé elektrické přístroje a pomůcky	2	5
<i>elektronůž</i>	obch. nůž s elektrickým pohonem	0	49
<i>elektrošrot</i>	šrot z elektrospotřebičů, elektrických kabelů	619	2
FOTO- (9)	„fotografie, fotografický“		
<i>fotobanka</i>	banka k shromažďování a úschově fotografií a k jejich využívání pro veřejnost	742	1
<i>fotofestival</i>	festival fotografické tvorby	410	90
<i>fotokniha</i>	soubor fotografií zachycující jistou událost ap.	613	179
<i>fotopanel</i>	panel s fotografiemi; fotografický panel	1	10
<i>fotopráce</i>	fotografie nebo jiný dokument zpracovaný fotografickou cestou	113	123
<i>fotoservis</i>	fotografická služba, služba pro fotografy	21	10

<i>fotoškola</i>	1. škola, kurz fotografování, pro fotografy 2. instituce zabývající se výukou fotografií, fotografování	136	90
<i>photapeta</i>	obrazová tapeta mající za základ fotografické snímky	399	995
<i>phototest</i>	zkouška fotogeničnosti	50	183
GASTRO- (4)	„gastronomický“		
<i>gastronádoba</i>	(větší) nádoba na přípravu jídel	0	96
<i>gastroservis</i>	1. služby v oblasti gastronomie 2. firma provozující služby v oblasti gastronomie	22	49
<i>gastroturistika</i>	turistika zaměřená na předvádění oblastních gastronomických zvláštností	103	10
<i>gastrozařízení</i>	1. zařízení, vybavení pro gastronomii 2. gastronomická provozovna	72	72
INFO- (6)	„informační“		
<i>infodálnice</i>	informační dálnice	7	539
<i>infokancelář</i>	kancelář, v níž se podávají informace, informační kancelář	30	3601
<i>infolinka</i>	informační telefonní linka	3658	496
<i>infostánek</i>	1. stánek, v němž se podávají informace (o konané akci a s ní souvisejících tématech a problémech); informační stánek 2. počítač s dotykovou obrazovkou umístěný na veřejných prostranstvích, určený pro vyhledávání informací; infobox	720	820
<i>infoterminál</i>	terminál poskytující informace o instituci, obchodu ap., informační terminál	2	2
<i>infozábava</i>	spojení, propojení informací a zábavy; infotainment	23	5
MOTO- (2)	„motocykl, motocyklový“		
<i>motoalarm</i>	zabezpečovací ochranné zvukové zařízení instalované na motocyklech	0	32
<i>motooblečení</i>	oblečení pro motocyklisty	0	13
PROFI- (4)	„profesionální“		
<i>profiarmáda</i>	profesionální armáda	6	543
<i>proficyklistika</i>	profesionální cyklistika	3	71
<i>profihokej</i>	hokej hraný profesionály, profesionální hokej	30	661
<i>profitým</i>	tým tvořený profesionály, profesionální tým	551	1340
PSYCHO- (3)	„psychologický“		
<i>psychofilm</i>	psychologický thriller (film)	5	565
<i>psychohoror</i>	film. psychologický horor (jako filmový žánr, film)	24	8
<i>psychorelaxace</i>	uvolňování, uvolnění psychického napětí, psychická relaxace	14	7
RADIO- (5)	„rádiový“		

<i>radiobudík</i>	1. budík vestavěný do rádia 2. elektronický budík řízený rádiovým signálem	434	1
<i>radiodispečink</i>	dispečink zajišťující chod dopravy, služeb ap. prostřednictvím rádiového spojení	174	33
<i>radiopřehrávač</i>	přehrávač zvukového záznamu vestavěný do rádia	425	27
<i>radiosouprava</i>	souprava rádia, zesilovačů, přehrávače aj.	2	1
<i>radiostanice</i>	občanská radiostanice (související s Občanským fórem)	3558	8
TELE- (5)	1. ,telekomunikační‘ 2. ,televize, televizní‘		
<i>telecentrum</i>	zařízení, středisko vybavené telekomunikační a počítačovou technikou	1	1
<i>telekonference</i>	poč. komunikace, jednání několika účastníků na dálku prostřednictvím telekomunikačních prostředků (telefonů, počítačových terminálů aj.)	566	10
<i>telemost</i>	1. simultánní televizní vysílání z různých míst 2. telepatické spojení vzdálených míst	1248	333
<i>telenovela</i>	televizní seriál sentimentálního, romantického ladění	5049	2
<i>teleshop</i>	televizní služba zprostředkovávající nabídku a prodej zboží	2	12

Tabulka 3

AGRO-	
<i>agrární komora</i> 32240	<i>agrokomora</i> 0
<i>agrární politika</i> 2856	<i>agropolitika</i> 0 (3)
<i>agrární sektor</i> 2340	<i>agrosektor</i> 31
<i>agrární produkce</i> 408	<i>agroprodukce</i> 10
<i>agrární obchod</i> 356	<i>agroobchod</i> 298
<i>agrární turistika</i> 1	<i>agroturistika</i> 4187
<i>agrární technika</i> 15	<i>agrotechnika</i> 1504
<i>agrární podnikání</i> 10	<i>agropodnikání</i> 1219
<i>agrární salon</i> 0	<i>agrosalon</i> 920
AUTO- 1	
<i>automobilový průmysl</i> 32680	<i>autopřůmysl</i> 1792
<i>automobilová doprava</i> 10628	<i>autodoprava</i> 3265 (5349)
<i>automobilová soutěž</i> 9782	<i>autosoutěž</i> 7
<i>automobilový závodník</i> 6648	<i>autozávodník</i> 6
<i>automobilová stříkačka</i> 1193	<i>autostríkačka</i> 8
<i>automobilový výrobce</i> 1157	<i>autovýrobce</i> 117
<i>automobilový konstruktér</i> 275	<i>autokonstruktér</i> 3
<i>automobilový zvedák</i> 95	<i>autozvedák</i> 48
<i>automobilový doplněk</i> 80	<i>autodoplněk</i> 0
<i>automobilový katalyzátor</i> 77	<i>autokatalyzátor</i> 0
<i>automobilová nádrž</i> 41	<i>autonádrž</i> 3
<i>automobilový akumulátor</i> 44	<i>autoakumulátor</i> 0
<i>automobilový salón</i> 6	<i>autosalón</i> 34164
<i>automobilová sedačka</i> 86	<i>autosedačka</i> 8880 (10252)
<i>automobilový dopravce</i> 533	<i>autodopravce</i> 6986
<i>automobilový díl</i> 892	<i>autodíl</i> 3668
<i>automobilová dílna</i> 8	<i>autodílna</i> 2619
<i>automobilová opravná</i> 89	<i>autoopravná</i> 1970
<i>automobilová půjčovna</i> 4	<i>autopůjčovna</i> 1766
<i>automobilové centrum</i> 13	<i>autocentrum</i> 1102
<i>automobilový alarm</i> 1	<i>autoalarm</i> 538 (1044)
<i>automobilové sklo</i> 207	<i>autosklo</i> 1009 (6056)

<i>automobilové příslušenství</i> 88	<i>autopříslušenství</i> 640
<i>automobilové muzeum</i> 0 (59)	<i>automuzeum</i> 527
<i>automobilová klimatizace</i> 0 (1)	<i>autoklimatizace</i> 107 (428)
<i>automobilová nabíječka</i> 11	<i>autonabíječka</i> 367
<i>automobilové cvičiště</i> 0	<i>autocviviště</i> 288
<i>automobilový box</i> 2	<i>autobox</i> 36 (272)
<i>automobilová chladnička</i> 0	<i>autochladnička</i> 141 (221)
<i>automobilový zámek</i> 95	<i>autozámek</i> 195
<i>automobilová prodejna</i> 26	<i>autoprodejna</i> 164
<i>automobilová mafie</i> 3	<i>automafie</i> 68
<i>automobilové sedadlo</i> 49	<i>autosedadlo</i> 62
<i>automobilový leasing</i> 3	<i>autoleasing</i> 5 (53)

AUTO- 2

<i>automatická převodovka</i> 6343	<i>autopřevodovka</i> 0
<i>automatická klimatizace</i> 1951	<i>autoklimatizace</i> 107
<i>automatická zbraň</i> 1737	<i>autozbraň</i> 0
<i>automatická kontrola</i> 386	<i>autokontrola</i> 12
<i>automatický vysavač</i> 125	<i>autovysavač</i> 45
<i>automatický stěrač</i> 85	<i>autostěrač</i> 4
<i>automatická brzda</i> 59	<i>autobrzda</i> 0
<i>automatický zapalovač</i> 4	<i>autozapalovač</i> 106
<i>automatický sypač</i> 7	<i>autosypač</i> 39

CYKLO-

<i>cyklistický závod</i> 13487	<i>cyklozávod</i> 456
<i>cyklistický závodník</i> 192	<i>cyklozávodník</i> 4
<i>cyklistické rukavice</i> 162	<i>cyklorukavice</i> 5
<i>cyklistický nadšenec</i> 155	<i>cyklonadšenec</i> 66
<i>cyklistické oblečení</i> 146	<i>cyklooblečení</i> 47
<i>cyklistický obchod</i> 140	<i>cykloobchod</i> 108
<i>cyklistická silnice</i> 120	<i>cyklosilnice</i> 4
<i>cyklistická stezka</i> 7754	<i>cyklostezka</i> 105839
<i>cyklistická trasa</i> 4169	<i>cyklotrasa</i> 29539
<i>cyklistický bus</i> 0	<i>cyklobus</i> 8817

<i>cyklistický turista</i> 11	<i>cykloturista</i> 7701
<i>cyklistický výlet</i> 1226	<i>cyklovýlet</i> 4522
<i>cyklistický oddíl</i> 23	<i>cykloodíl</i> 1174
<i>cyklistická hlídka</i> 6	<i>cyklohlídka</i> 1060
<i>cyklistický servis</i> 11	<i>cykloservis</i> 714
<i>cyklistický trenažér</i> 38 (55)	<i>cyklotrenažér</i> 42 (646)
<i>cyklistický vlak</i> 22	<i>cyklovlak</i> 495
<i>cyklistická toulka</i> 0	<i>cyklotoulka</i> 480
<i>cyklistická prodejna</i> 104	<i>cykloprodejna</i> 270
<i>cyklistická magistrála</i> 36	<i>cyklomagistrála</i> 261
<i>cyklistický stojan</i> 29	<i>cyklostojan</i> 227
<i>cyklistický cestovatel</i> 12	<i>cyklocestovatel</i> 186
<i>cyklistické centrum</i> 26	<i>cyklocentrum</i> 181
<i>cyklistický computer</i> 0	<i>cyklocomputer</i> 174 (420)
<i>cyklistický počítač</i> 20	<i>cyklopočítač</i> 132
<i>cyklistická značka</i> 74	<i>cykloznačka</i> 101
<i>cyklistická rikša</i> 0	<i>cyklistorikša</i> 55 (98)
<i>cyklistický chodník</i> 8	<i>cyklochodník</i> 97
<i>cyklistický přejezd</i> 60	<i>cyklopřejezd</i> 96
<i>cyklistická expedice</i> 70	<i>cykloexpedice</i> 96
<i>cyklistická brašna</i> 2 (4)	<i>cyklobrašna</i> 30 (87)
<i>cyklistický vůz</i> 7	<i>cyklovůz</i> 47
<i>cyklistické hřiště</i> 13	<i>cyklohřiště</i> 45
<i>cyklistický tramp</i> 0	<i>cyklotramp</i> 44

EKO- 1

<i>ekologická výchova</i> 12106	<i>ekovýchova</i> 269
<i>ekologické zemědělství</i> 10247	<i>ekozemědělství</i> 539
<i>ekologický aktivista</i> 10057	<i>ekoaktivista</i> 403 (809)
<i>ekologická produkce</i> 530	<i>ekoprodukce</i> 13
<i>ekologické vozidlo</i> 497	<i>ekovozidlo</i> 1
<i>ekologický vůz</i> 558	<i>ekovůz</i> 3
<i>ekologický problém</i> 345	<i>ekoproblém</i> 28
<i>ekologická farma</i> 212	<i>ekofarma</i> 3448
<i>ekologický film</i> 15	<i>ekofilm</i> 2476
<i>ekologické fórum</i> 13	<i>ekofórum</i> 354
<i>ekologický jarmark</i> 30	<i>ekojarmark</i> 731

<i>ekologická miliarda</i> 6	<i>ekomiliarda</i> 233
<i>ekologická politika</i> 179	<i>ekopolitika</i> 177 (344)
<i>ekologická technologie</i> 18 (46)	<i>ekotechnologie</i> 39
<i>ekologický terorista</i> 28	<i>ekoterorista</i> 750
<i>ekologická turistika</i> 22	<i>ekoturistika</i> 22 (464)
<i>ekologická značka</i> 24 (25)	<i>ekoznačka</i> 429 (821)
<i>ekologický dům</i> 164	<i>ekodům</i> 278
<i>ekologická energie</i> 60	<i>ekoenergie</i> 31
<i>ekologický farmář</i> 49	<i>ekofarmář</i> 453
<i>ekologické muzeum</i> 1 (7)	<i>ekomuzeum</i> 72
<i>ekologický pavilon</i> 24	<i>ekopavilon</i> 66
<i>ekologická poradna</i> 159	<i>ekoporadna</i> 1144
<i>ekologické poradenství</i> 129	<i>ekoporadenství</i> 54 (91)
<i>ekologický statek</i> 22	<i>ekostatek</i> 96
<i>ekologická technika</i> 10	<i>ekotechnika</i> 85 (94)
<i>ekologická technologie</i> 18 (45)	<i>ekotechnologie</i> 39
<i>ekologická zahrada</i> 48	<i>ekozahrada</i> 27 (189)

EKO- 2

<i>ekonomická krize</i> 33144	<i>ekokrize</i> 2
<i>ekonomická situace</i> 32526	<i>ekosituace</i> 0
<i>ekonomický problém</i> 10546	<i>ekoprobém</i> 0
<i>ekonomická produkce</i> 108	<i>ekoprodukce</i> 0
<i>ekonomický vůz</i> 31	<i>ekovůz</i> 0

ELEKTRO-

<i>elektrické vedení</i> 16159	<i>elektrovedení</i> 0 (8)
<i>elektrický pohon</i> 4649	<i>elektropohon</i> 1166
<i>elektrická přípojka</i> 1311	<i>elektropřípojka</i> 212
<i>elektrický přístroj</i> 1279	<i>elektropřístroj</i> 395
<i>elektrický rozvaděč</i> 1016	<i>elektrorozvaděč</i> 302
<i>elektrická pec</i> 456	<i>elektropec</i> 6
<i>elektrická výzbroj</i> 360	<i>elektrovýzbroj</i> 281
<i>elektrický ohříváč</i> 330	<i>elektroohříváč</i> 2
<i>elektrické vozítko</i> 229	<i>elektrovozítko</i> 21
<i>elektrická výbava</i> 205	<i>elektrovýbava</i> 21
<i>elektrický jistič</i> 174	<i>elektrojistič</i> 12

<i>elektrický mixér</i> 111	<i>elektromixér</i> 0
<i>elektrická kabeláž</i> 65	<i>elektrokabeláž</i> 21
<i>elektrická motorka</i> 65	<i>elektromotorka</i> 6
<i>elektrická dodávka</i> 59	<i>elektrododávka</i> 3
<i>elektrická čtyřkolka</i> 53	<i>elektročtyřkolka</i> 0
<i>elektrická práce</i> 52	<i>elektropráce</i> 8

<i>elektrická technika</i> 10	<i>elektrotechnika</i> 11721
<i>elektrické zařízení</i> 2852	<i>elektrozařízení</i> 4949
<i>elektrický montér</i> 0	<i>elektromontér</i> 979
<i>elektrická rozvodna</i> 323	<i>elektrorozvodna</i> 398
<i>elektrické příslušenství</i> 34	<i>elektropříslušenství</i> 91
<i>elektrický výrobek</i> 71	<i>elektrovýrobek</i> 84
<i>elektrická laboratoř</i> 0	<i>elektrolaboratoř</i> 73
<i>elektrická opravna</i> 0	<i>elektroopravna</i> 49
<i>elektrický nůž</i> 49	<i>elektronůž</i> 49
<i>elektrický šrot</i> 2	<i>elektrošrot</i> 619

FOTO-

<i>fotografická soutěž</i> 6170	<i>fotosoutěž</i> 5414
<i>fotografická výstava</i> 4275	<i>fotovýstava</i> 660
<i>fotografický obraz</i> 1411	<i>fotoobraz</i> 538 (795)
<i>fotografický přístroj</i> 760	<i>fotopřístroj</i> 607
<i>fotografický příloha</i> 605	<i>fotopříloha</i> 125 (220)
<i>fotografický snímek</i> 454	<i>fotosnímek</i> 92
<i>fotografická sbírka</i> 407	<i>fotosbírka</i> 50
<i>fotografické umění</i> 388	<i>fotoumění</i> 4
<i>fotografický záběr</i> 268	<i>fotozáběr</i> 32 (38)
<i>fotografická akce</i> 106	<i>fotoakce</i> 10 (42)
<i>fotografický deník</i> 81	<i>fotodeník</i> 18 (22)
<i>fotografická reprodukce</i> 60	<i>fotoreprodukce</i> 23
<i>fotografická produkce</i> 31	<i>fotoprodukce</i> 23
<i>fotografické zařízení</i> 75	<i>fotozařízení</i> 6
<i>fotografická dokumentace</i> 1606	<i>fotodokumentace</i> 7711 (8479)
<i>fotografická práce</i> 896	<i>fotopráce</i> 114 (1223)
<i>fotografická tapeta</i> 1	<i>fototapeta</i> 399 (995)

<i>fotografická banka</i> 1 (3)	<i>fotobanka</i> 742
<i>fotografická kniha</i> 179	<i>fotokniha</i> 613
<i>fotografický festival</i> 90	<i>fotofestival</i> 410
<i>fotografická laboratoř</i> 63	<i>fotolaboratoř</i> 270 (284)
<i>fotografická výbava</i> 143	<i>fotovýbava</i> 10 (257)
<i>fotografická služba</i> 177	<i>fotoslužba</i> 193 (198)
<i>fotografická spoušť</i> 3	<i>fotospoušť</i> 194
<i>fotografický test</i> 3	<i>fotocest</i> 50 (183)
<i>fotografická škola</i> 90	<i>fotoškola</i> 136
<i>fotografická práce</i> 27	<i>fotopráce</i> 113 (123)
<i>fotografický blesk</i> 86	<i>fotoblesk</i> 112
<i>fotografická prodejna</i> 0	<i>fotoobchod</i> 110
<i>fotografická hádanka</i> 35	<i>fotohádanka</i> 10 (37)

GASTRO-

<i>gastronomická specialita</i> 1184	<i>gastrospecialita</i> 3 (4)
<i>gastronomický zážitek</i> 957	<i>gastrozážitek</i> 12 (15)
<i>gastronomické zařízení</i> 868	<i>gastrozařízení</i> 72 (75)
<i>gastronomický festival</i> 607	<i>gastrofestival</i> 400
<i>gastronomický servis</i> 49 (123)	<i>gastroobsluha</i> 22 (49)

<i>gastronomická turistika</i> 10	<i>gastroobchod</i> 103
<i>gastronomická nádoba</i> 0	<i>gastroobchod</i> 0 (96)

INFO-

<i>informační centrum</i> 73621	<i>infocentrum</i> 30581
<i>informační systém</i> 42443	<i>infosystém</i> 205
<i>informační technologie</i> 27334	<i>infotechnologie</i> 0
<i>informační středisko</i> 22009	<i>infostředisko</i> 362
<i>informační leták</i> 3884	<i>infoleták</i> 28
<i>informační stánek</i> 820	<i>infostánek</i> 720

<i>informační linka</i> 496	<i>infolinka</i> 3653
<i>informační dálnice</i> 539	<i>infodálnice</i> 7 (539)
<i>informační kancelář</i> 3597	<i>infokancelář</i> 30 (3601)

MOTO- 1

<i>motocyklový závodník</i> 3957	<i>motozávodník</i> 1
----------------------------------	-----------------------

<i>motocyklový závod</i> 2038	<i>motozávod</i> 9
<i>motocyklová akce</i> 41	<i>motoakce</i> 15
<i>motocyklový alarm</i> 0	<i>motoalarm</i> 0 (32)
MOTO- 2	
<i>motorové vozidlo</i> 50623	<i>motovozidlo</i> 0
<i>motorová pila</i> 22183	<i>motopila</i> 0 (3)
<i>motorová nafta</i> 14007	<i>motonafta</i> 0
PORNO-	
<i>pornografický film</i> 854	<i>pornofilm</i> 77 (1473)
<i>pornografický časopis</i> 829	<i>pornočasopis</i> 25 (296)
<i>pornografická produkce</i> 39	<i>pornoprodukce</i> 22
PROFI-	
<i>profesionální hasič</i> 40279	<i>profihasič</i> 0 (5)
<i>profesionální řidič</i> 4125	<i>profiridič</i> 0 (2)
<i>profesionální jednotka</i> 3400	<i>profijednotka</i> 0
<i>profesionální fotograf</i> 3163	<i>profifotograf</i> 7 (11)
<i>profesionální boxer</i> 2012	<i>profiboxer</i> 349
<i>profesionální tanečník</i> 1177	<i>profitaněčník</i> 8
<i>profesionální tým</i> 1331 (1346)	<i>profitym</i> 551 (1340)
<i>profesionální cyklista</i> 1131	<i>proficyklista</i> 18
<i>profesionální muzikant</i> 999	<i>profimuzikant</i> 4
<i>profesionální závodník</i> 601	<i>profizávodník</i> 5
<i>profesionální tenista</i> 328	<i>profitenista</i> 1
<i>profesionální úředník</i> 163	<i>profiiředník</i> 2
<i>profesionální cyklistika</i> 71	<i>proficyklistika</i> 3 (71)
<i>profesionální hokej</i> 214	<i>profihokej</i> 30 (661)
<i>profesionální armáda</i> 543	<i>profifarmáda</i> 6 (543)
PSYCHO- 1	
<i>psychický problém</i> 7806	<i>psychoproblém</i> 0 (2)
PSYCHO- 2	
<i>psychologická poradna</i> 3030	<i>psychoporadna</i> 9 (18)

<i>psychologický posudek</i> 856	<i>psychoposudek</i> 10
<i>psychologický stav</i> 7819	<i>psychostav</i> 0 (4)
<i>psychologická terapie</i> 90	<i>psychoterapie</i> 8444 (12394)
<i>psychologický film</i> 564	<i>psychofilm</i> 5 (565)
RADIO-	
<i>rádiová vlna</i> 1495	<i>radiovlna</i> 8 (54)
<i>rádiové spojení</i> 1169	<i>radiospojení</i> 4 (22)
<i>rádiová vysilačka</i> 65	<i>radiovysilačka</i> (35)
<i>rádiový signál</i> 1012	<i>radiosignál</i> 0 (36)
<i>rádiový přístroj</i> 47	<i>radiopřístroj</i> 0 (12)
<i>rádiová stanice</i> 79 (168)	<i>radiostanice</i> 3558
<i>rádiový přijímač</i> 272	<i>radiopřijímač</i> 1483
<i>rádiový budík</i> 1	<i>radiobudík</i> 434
<i>rádiový přehrávač</i> 0 (3)	<i>radiopřehrávač</i> 425
<i>rádiový technika</i> 39	<i>radiotechnika</i> 299 (384)
<i>rádiový dispečink</i> 0	<i>radiodispečink</i> 174
TELE- 1	
<i>telekomunikační úřad</i> 8358	<i>teleúřad</i> 0
<i>telekomunikační společnost</i> 7070	<i>telespolečnost</i> 0
<i>telekomunikační firma</i> 4991	<i>telefirma</i> 0
<i>telekomunikační operátor</i> 3043	<i>teleoperátor</i> 0
<i>telekomunikační centrum</i> 28	<i>telecentrum</i> 1
<i>telekomunikační konference</i> 3 (10)	<i>telekonference</i> 566
TELE- 2	
<i>televizní pracovník</i> 520	<i>telepracovník</i> 1
<i>televizní stanice</i> 30661	<i>teleanice</i> 0
<i>televizní obrazovka</i> 27416	<i>telobrazovka</i> 0
<i>televizní vysílání</i> 21863	<i>televysílání</i> 0
<i>televizní divák</i> 11844	<i>teledivák</i> 0
<i>televizní novela</i> 2	<i>telenovela</i> 5049
<i>televizní most</i> 11	<i>telemost</i> 1248

Рајна Драгићевић
Филолошки факултет, Србија, Београд
rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

НЕКИ АСПЕКТИ УНИВЕРБИЗАЦИЈЕ У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ

У раду се говори о универбизацији у разговорном функционалном стилу у савременом српском језику. На основу троделне анкете која је спроведена са три различите групе студената који студирају српски језик на Филолошком факултету Универзитета у Београду, ауторка покушава да одговори на неколико питања у вези са семантиком универба.

Кључне речи: универбизација, универб, творба речи, вишезначност универба, деривација, српски језик

This paper talks about univerbation in the conversational functional style in modern Serbian language. Based on the three-part survey with the three different groups of students who are studying Serbian language at the University of Belgrade, Faculty of Philology, the author tries to answer several questions regarding the semantics of univerbs.

Key words: univerbation, univerb, word formation, ambiguity of univerbs, derivation, Serbian language

1. Увод

У овом истраживању поћи ћемо од уобичајеног приступа универбизацији, који је у својим радовима на материјалу српског језика представио Б. Ћорић (2008: 161). “У одређеним комуникативним сферама”, каже Б. Ћорић, “тежи се ка рационализацији у коришћењу језичких средстава, што синтагматску номинацију чини нерационалном [...] Један тип универбизације јесте и скраћивање двочланих, синтагматских назива применом модела суфиксалног типа. Нас овде првенствено занимају они случајеви у којима какав предмет (појам) има два назива која се међусобно разликују само формално.” Као пример за овај творбени процес може се навести синтагма нуклеарна централа и њен универб нуклеарка. Б. Ћорић сматра да се ова два именована

разликују само формално. Као једини разлог за настајање универба он наводи језичку економију и констатује да би “са становишта језичке економије краћа форма требало да има предност у односу на синтаксичку конструкцију. Међутим, та структурна предност очито није довољна да би се комуникативна вредност деривата повећала” (Ђорић 2008: 164). Дакле, запажамо да је Б. Ђорић запитан над чињеницом да универб не успева да истисне синтагму од које је настао, а објашњење за то види у чињеници да сложени назив припада стандарднојезичкој сфери, док је универбизована форма карактеристична пре свега за разговорни и професионални говор.

Усредредићемо се на универбе у разговорном језику (иако их има и у различитим терминологијама, исп. Оташевић 1996) и покушаћемо да одговоримо или да се приближимо одговорима на неколико питања: 1) Где је граница између деривације и универбизације? 2) Да ли су универби производ само језичке економије или их још нешто изазива? 3) Да ли се значење мотивне синтагме и универба заиста може изједначити у потпуности? 4) Зашто опстаје синтагматска форма и онда када настане универб? 5) Да ли универб може настати од било које синтагме?

Да бисмо одговорили на та питања, покушали смо да одредимо статус универба у савременом српском језику. Одлучили смо да испитамо неколико таквих лексема које наводе Б. Ђорић (2008) и Ђ. Оташевић (2008) у најцитиранијим радовима у Србији посвећеним универбизацији: *генералка* (*генерално спремање*); *масовка* (*масовна туча*); *тоталка* (*тотална штета*), *бензинац* (*бензински мотор*), *годишњак* (*годишњи одмор*), *личњак* (*лична карта*), *пластичњак* (*пластични експлозив*), *хавајка* (*хавајска кошуља*); *слободњак* (*слободни уметник*), *љубић* (*љубавни роман*). За неке од ових лексема наводе се и два значења, али не више од тога.

Пошли смо од претпоставке да су значења ових универба позната студентима јер припадају разговорном језику, па смо затражили од четрдесет двоје студената Групе за српски језик Филолошког факултета Универзитета у Београду да дефинишу њихова значења. На наше велико изненађење, испоставило се да ове лексеме имају неочекивано велик број значења и да, осим мотивне синтагме која се наводи у литератури, постоји и мноштво других синтагми које су их могле мо-

тивисати. Наводимо различита значења, која смо распоредили према фреквенцији одговора.¹

ГЕНЕРАЛКА – генерално чишћење куће, жена генерал, генерална проба, генерално чишћење аутомобила, генерално чишћење собе, жена генерала.

ТОТАЛКА – тотално сређивање куће, синоним генералки, тотална распродаја, тотална грешка, тотално сређивање живота, тотална штета, особа која све ради, нешто што је у потпуности, крајње стање нечега, јако изражена особина, радикална измена, радња одрађена до краја, тоталитарни режим, ригидна инспекција, потпуна доминација.

МАСОВКА – масовна туча, масовно окупљање, масовно убиство, масовни догађај, група људи, скуп, маса, гомила, масовна појава, масовна журка, масовна употреба нечега, операција, протест, покрет, поступак, демонстрације, масакр.

БЕНЗИНАЦ – аутомобил, возило, бензин, човек који точи бензин, власник бензинске пумпе, контејнер за бензин.

ГОДИШЊАК – годишњи часопис, албум са фотографијама, свеска, годишњи извештај, вршњак, календар, једногодишња животиња, књига с именима свих ученика и професора, фотографисање.

ЛИЧЊАК – лична карта, нешто што припада некоме, лични дневник, лични опис, биографија, некакав препознатљив знак неке особе, лично мишљење, нешто што личи на нешто друго, лична имовина, лична фотографија, онај који све доживљава лично, лична грешка у спорту.

ПЛАСТИЧЊАК – пластични предмет, пластични хирург, жена са силиконима, пластични кликер, пластифицирана картица, ефекат стаклене баште, нешто неквалитетно, лицемерна особа, нешто што није оригинално, особа која не показује емоције, пластично цвеће, пластични нос, кич, пластична посуда, врт, нешто неквалитетно, стакленик, лажњак.

ХАВАЈКА – хавајска кошуља, жена са Хаваја, мајица, бермуде, део гардеробе, фризура, жена егзотичног изгледа, капа, марама, шешир, део обуће, журка у хавајском стилу, хаљина, сукња, ствар са мотивом Хаваја.

¹ Ова, као и свака друга анкета, има своје предности и недостатке. Основна предност је у томе што подаци добијени анкетом дозвољавају да се упознамо са реалном језичком ситуацијом, са језиком у употреби, са језичким осећањем говорника српског језика. У радовима о универбацији које смо читали запазили смо да таквих података нема и да се они углавном заснивају на теоријским резултатима. Недостатак ове анкете лежи у недовољном броју испитаника и чињеници да смо испитали само једну социјалну групу, а то су студенти. Ипак, са сигурношћу мођемо рећи да резултати које смо добили можда нису прецизни, али указују на тенденције у језику, а то нам је, за ову прилику, довољно.

СЛОБОДЊАК – шут у спорту, човек слободног духа, ударац, *freelanser*, човек који није у браку, присталица либералне политичке партије, слободни стил у пливању, човек који је изашао из затвора, екстровертна особа, опуштена особа, особа без партнера, ведро особа, сувише опуштена особа.

ЉУБИЋ – цвет, филм, роман, пољубац, прича, топоним у Србији, фотографија на којој се неко љуби, мали пољубац при поздраву, љупка особа, презиме, феминизирани мушкарац, пољубац, смајлић са пољупцем, заљубљена особа.

2. Опстанак универба

Важно је напоменути следеће: говорници су ретко у прилици да размишљају о значењу универба независно од контекста. Када се суоче са њима у одређеном контексту, немају проблема да декодирају њихово значење. Ситуација се, међутим, значајно усложњава када се говорник српског језика суочи са тим, иначе добро познатим лексемама, независно од контекста, тј. самостално. Од студената је тражено да наведу једно значење (оно које користе или које им је познато), а добијено је, као што смо видели, много дефиниција које претендују да буду идентификација основног значења ових лексема. Ова анкета нас наводи на закључак да су значења универба врло нестабилна и зависна од контекста. Могуће је да разлоге за то треба тражити у чињеници да многе од ових лексема спадају у нове речи – неке у околионализме и/или жаргонизме. Већина универба није потврђена у речницима савременог српског језика, што значи да је у питању лексика у настајању, она која тек треба да се семантички и прагматички стабилизује или да заувек нестане из српског језика. Следећи размишљања Е. С. Кубрјакове о тзв. *једнодневним речима* које настају *ad hoc*, за једнократну употребу, Б. Ћорић (2010: 327) мисли да и универби спадају у такву лексику, што би могло да значи да се значења неких од ових лексема никада неће стабилизovati.

Ипак, неки ће опстати и задржати и већи број значења из репертоара који је овде наведен. Који универби имају веће шансе да опстану? Из приказане анкете лако се може запазити да је за неке универбе прикупљен мањи број различитих дефиниција, тј. да су одговори хомогенији. За друге пак важи обрнуто – одговори су хетерогенији, па је прикупљено много различитих дефиниција. Као екстреме издвојили бисмо *бензинац* (са најмањим бројем значења) у односу на *пластичњак* (са највећим бројем значења). Одговор на питање зашто постоји разлика у интерпретацији ова два универба лежи у значењу придева *бен-*

зински и пластични у мотивним синтагмама. Придев бензински се по природи ствари односи на значајно мањи број предмета и појава у односу на придев пластични, па је и број могућих именица уз бензински значајно мањи у односу на број могућих именица уз пластични. Мањи број потенцијалних мотивних синтагми у којима партиципира придев бензински утиче на стабилније значење мотивисаног универба. На претраживачу Гугл, именица бензинац на српским сајтовима готово се по правилу употребљава у пару са именицом дизелаши и односи се на дистинкцију између аутомобила са бензинским моторима (бензинцима) и оних са дизел-моторима (дизелашима). Безброј могућих пластичних предмета онемогућава именицу пластичњак да стабилизује значење.

3. Вишезначност универба

То што се неки универби односе на већи број реалија Б. Ћорић (2010) третира као значењску хомонимију: “Потврђени су универби типа швајцарац – швајцарски нож и швајцарац – швајцарски пас, а потенцијално их може бити и више. Тиме се јавља читава лепеза хомонимних универба” (Ћорић 2010: 329). Међутим, у самом закључку тог истраживања, Ћорић наводи парадоксалан закључак да они универби код којих се запажа интерна хомонимија (то су они који су мотивисани синтагмама са истом лексемом у улози одредбеног члана) представљају полисемичне структуре, док сви примери екстерне хомонимије спадају у творбене хомониме.

Према нашем мишљењу, наведена бројна значења универба никако нису могла настати хомонимијом. Предуслов хомонимије јесте значењска неповезаност, а сва наведена значења сваког универба понаособ јесу значењски повезана. Такође, не слажемо се са интерпретацијом да су значења повезана полисемијом јер је за такав вид повезивања важно постојање доминантног значења (то је обично оно примарно, основно) из којег, путем уобичајене радијалне полисемије, настају секундарна значења или које омогућава настанак ланца значења, путем, знатно ређе, ланчане полисемије.² Међу значењима универба нема основних значења и нема хијерархије – постоје само она која су уобичајенија, фреквентнија и она која се ређе јављају. Сматрамо да значења универба настају тзв. понављањем истог твор-

² О природи и механизмима полисемије и хомонимије, исп. Драгићевић 2010.

беног модела (према Д. Гортан Премк 2004: 133). Д. Гортан Премк објашњава овај механизам на примеру значења деривата белка, који може да означава и женку неке животиње беле боје (овцу, кобилу, кучку, мачку итд.), биљку беличасте боје, беличаст плод различитих воћака (јабуке, крушке, шљиве итд.), жену светлоплаве косе, сребрни новчић итд. “Све су ове семантичке реализације настале независно једна од друге, новим актом варирања”, сматра Д. Гортан Премк, “понављањем истог творбеног модела, што за последицу има изостанак међусобног односа једне реализације с другом; све су оне, да тако кажемо, радијално везане за реч у творбеној основи.” Управо је такав случај са универбима, и не само с њима већ и са многим дериватима. Значења настају независно једна од других, али их на семантичком окупу држи мотивна синтагма. Одговарајући термин за ову појаву проналазимо код Е. Корјаковцеве (2018), која ову појаву назива *полуреференцијалност*, коју, очекивано, ова ауторка запажа у руским, пољским и чешким универбатима, нпр. у руском језику: *гуманитарка*¹ = *гуманитарная помошь и гуманитарка*² = *гуманитарные науки или у чешком: seznatka*¹ = *seznavovací služba* и *seznamka*² = *seznavovací rubrika*.

4. Семантичка веза између мотивних синтагми и мотивисаних универба

Од групе студената Српског језика на Филолошком факултету тражено је да, без много размишљања, напишу прву асоцијацију на следеће универбе: *генералка*, *масовка*, *тоталка*, *бензинац*, *годишњак*, *личњак*, *пластичњак*, *хавајка*, *слободњак*, *љубић*. У питању су, дакле, они исти универби које је друга група студената дефинисала, што смо већ представили у раду. Трећа група студената добила је задатак да напише прву асоцијацију на мотивне синтагме универба које испитујемо, а то су: *генерално спремање* (> *генералка*), *масовна туча* (> *масовка*), *тотална штета* (> *тоталка*), *бензински мотор* (> *бензинац*), *годишњи одмор* (> *годишњак*), *лична карта* (> *личњак*), *пластични експлозив* (> *пластичњак*), *хавајска кошуља* (> *хавајка*), *слободни уметник* (> *слободњак*) и *љубавни роман* (> *љубић*).

Ево резултата асоцијативне анкете:

ГЕНЕРАЛКА – војска (4), чишћење (4), генерал (2), сређивање (2), ађутант, капа, кућа, машина, проба, све, спремање, униформа.

ГЕНЕРАЛНО СПРЕМАЊЕ – кућа (10), чишћење куће (4), испит (3), пролеће (2), слава (2), собе (2), **генералка куће**, излазак, кућни послови, мама, пражњење гардеробера, соба, сређивање за излазак, уређивање, хаос, чишћење, чишћење до изнемоглости, чишћење собе.

МАСОВКА – велико (3), маса (2), пушка (2), гужва, жена, илуминати, јака жена, мања, масовно, масонерија, одмазда, оружје, рукавице, секта, тенк, фес.

МАСОВНА ТУЧА – насиље (4), утакмица (4), хулигани (4), крв (3), навијачи (3), алкохол, делинквенти, дискотека, журка, излазак у клуб, испред кафића, клуб, младалачка делинквенција, момци, на улици, на протесту, новински чланак, пијани људи, протест, рат, средња школа, у школи.

ТОТАЛКА – потпуно (2), тотално (2), анестезија, антена, апсолутност, готово, дебакл, комплетно, кул особа, менталка, опозит, преглед, све, темељно, укупно, целина, целовито, целокупно.

ТОТАЛНА ШТЕТА – саобраћајна несрећа (4), судар (3), ауто (2), елементарна непогода (2), ја (2), катастрофа (2), поплава (2), уништење (2), банкрот, грешком скинут новац са рачуна, губитак, губитак новца, декадентно, кад ти се свиђа неко коме се ти не свиђаш, ланчани судар, малер, одштета, пламен, платонска љубав, пропаст, пукла цев, рат, смак света, удес.

БЕНЗИНАЦ – ауто (8), аутомобил (6), пумпа (2), ватра, голф, дизел, **мотор**.

БЕНЗИНСКИ МОТОР – аутомобил (10), ауто (6), пумпа (3), гориво (2), кола (2), авион, бензин, бензинска станица, другови, мирис горива, момак, мотор, нафта, пут, упадљив, Харли Дејвисон, час историје.

ГОДИШЊАК – књига (4), часопис (4), календар (2), катедра (2), лексикон (2), матура, **одмор (2)**, слика (2), споменар (2), чланак (2), школа (2).

ГОДИШЊИ ОДМОР – море (10), лето (8), летовање (3), посао (2), срећа (2), време без учења, коначно, летовање у Грчкој, никако да дође, плажа, путовање, срећа у несрећи, сунце, сунцобран, уживање, 15 дана.

ЛИЧЊАК – **карта (6)**, особа (2), биографија, близанац, лице, лична, личност, ништа, особено, свеска, сличност, сопствено, човек.

ЛИЧНА КАРТА – Аца Лукас (5), идентификација (5), ружна слика (3), полиција (3), документ (2), подаци (2), празна је (2), губљење, идентитет, ЈМБГ, новчаник, одрастање, понекад је заборавим, ретко у торби, слика, СУП, фотографије, уши.

ПЛАСТИЧЊАК – пластика (4), вештачко (2), кеса (2), флаша (2), Барбика, башта, лавор, лажан, посуда, ружан, тањир, усиљеност, пластеник, човек.

ПЛАСТИЧНИ ЕКСПЛОЗИВ – бомба (10), ватра (4), играчка (2), Нова година (2), акциони филм, балон, бомба, боца, Галилео, експлозија, криминалистичке серије, лажно, пиротехника, пластика, плин, ране на кожи, флаша, цртани филм.

ХАВАЈКА – кошуља (4), сукња (3), лето (2), море (2), банана, Јамајка, гужва, обала, Хаваји, хаљина, цвеће, шешир, шортс.

ХАВАЈСКА КОШУЉА – море (4), плажа (4), палма (3), лето (2), Хаваји (2), веселе боје, одмор, серија, цвеће, шаренило, шарени дезен, шарено, коктели, сунце, Кубанац, папагај, фрајери, дебелі Американци, мој дечко, неозбиљност, људи у бермулама, каубој, цветићи, цветови, мушкарац на плажи, шарено, American pie.

СЛОБОДЊАК – птица (3), слобода (2), ударац (2), фудбал (2), ум, вештина, вук, говор, либерал, машта, пад, панкер, пас, распуст, слика.

СЛОБОДНИ УМЕТНИК – слика (4), песник (2), сликар (2), сликарство (2), аматер, машта, поезија, сликање, слобода, стваралац, фотографија, Марина Абрамовић, графит, Коларац, луд, туга, концептуализам, наркоман, голота, мало ћакнут, несхваћени песимиста, сликар, бојем, фотограф, улични графити, улица, Салвадор Дали, занесењак, музичар, наивна уметност, несхваћеност.

ЉУБИЋ – цвет (4), роман (3), пољубац (2), брдо, глупост, Данијела Стил, деминутив, завичај, кримић, љубав, љубичица, љутић, Чачак.

ЉУБАВНИ РОМАН – патетика (4), јефтино (2), љубав (2), Ана Карењина (2), сузе (2), срећан крај (2), заљубљеност, Мир Јам, романтика, уживање, Николас Спаркс, Весна Дедић, Вронски, заљубљеност, Педесет нијанси сива, лош, клише, Данијела Стил, бедак, домаћица, сузе, туга, викенд, филм, Аманда Квик, бестселер, љубав цвета, туга и срећа, Покајање (новела).

Ова анкета има више циљева. Први циљ је испитивање семантичке везе између мотивних синтагми и мотивисаних универба. Семантичка веза заснована је на асоцијативној, па се очекује да ће се међу асоцијацијама на универбе појавити и мотивне синтагме и обрнуто – међу асоцијацијама на синтагме мора се наћи и понеки универб. Међутим, прикупљене асоцијације у анкети готово да демантују постојање било какве семантичке везе између ових јединица.

На стимулус *бензинац* од 20 испитаника само је један одговорио *мотор*. На стимулус *годишњак* – само два одговара била су *одмор*, *хавајка* је изазвала чак 4 асоцијације *кошуља*, а *личњак* – 6 асоцијација које су гласиле *лична карта*. Закључујемо да од укупно 10 испитиваних универба само 4 (мање од пола) стоје у асоцијативној вези са мотивним синтагмама, а од та четири универба – само два успостављају чврсту асоцијативну везу са мотивним синтагмама.

Ако осмотримо асоцијативне везе у обрнутом смеру, запажамо сличне резултате. Од 35 испитаника који су писали прве асоцијације на 10 задатих синтагми, само је један испитаник на *генералка* имао асо-

цијацију *генералка куће* и на томе се завршава асоцијативно, а затим и семантичко повезивање мотивних синтагми и универба. Закључујемо да мотивне синтагме прилично фреквентних универба у српском језику готово никада као асоцијацију код говорника српског језика не изазивају мотивисане универбе.

Дакле, у праву је Б. Ћорић када каже да закон језичке економије (због којег универби настају) не успева да истисне мотивне синтагме и да у живој употреби опстају обе јединице. Б. Ћорић то објашњава различитим функционалним стиловима у којима се појављују синтагме и универби, а нама се чини да разлоге треба тражити и у чињеници да се семантички не поклапају. Универб, наима, има далеко веће семантичке могућности него мотивна синтагма. Синтагма је прецизна, одређена, јасна, по структури и значењу личи на дефиницију, док је универб семантички разливен, створен да лако мења сферу употребе, да може да постане ознака за десетак и више различитих појмова. Е. А. Земска (1981: 120) тврди да мотивна синтагма и добијени универб имају идентично значење, што није увек сасвим тако. Не слажемо се са уобичајеним мишљењем које износи и Ђ. Оташевић (2008: 115) да “губљење језичке рашчлањености води ка згушњавању семантичког садржаја у оквиру једне речи.” Чувена метафора о универбизацији као виду семантичког згушњавања или кондензације (згушњавања, збијања, сажимања) двочланих јединица у једночлану заправо не стоји. Да је тако, синтагме би у потпуности уступиле место универбима, а то се не дешава. Наше истраживање показује да се универбизацијом заправо постиже семантичко разређивање и разливање, а не згушњавање.³ О каквом згушњавању може бити речи ако јасну и недвосмислену синтагму *тотална распродаја* заменимо именицом *тоталка*, чији суфикс отвара безброј могућности?⁴ Универби су лек-

³ У вези са универбацијом као компресијом, исп. Корјаковцева (2018). Следећи дефиниције В. В. Лопатина и Н. А. Јанко-Триницке, Е. И. Корјаковцева дефинише универбат као творбени компресат и разликује две врсте творбене компресије: 1) формално-структурну компресију и 2) семантичку компресију. У скоро свим радовима о универбацији на материјалу српског и других словенских језика говори се о семантичкој компресији универбата. Исп. И В. В. Лопатин (1973).

⁴ А. Шеховић (2012: 413) везује вишезначност универба са значењском поливалентношћу одређених суфикса. Она издваја суфикс *-јак* као поливалентни суфикс који доводи до вишезначности универба насталих његовом употребом. Наше истраживање потврђује овај навод о вишезначности универба на *-јак*, али се показало да су и остали именички универби вишезначни, па се поставља питање да ли узрок вишезначности ових именица треба тражити само у поливалентности суфикса.

семе које се обично разумеју само у одређеном контексту, као и многе друге речи које се користе у разговорном језику.

5. Експресивност универба

Шта сазнајемо из асоцијација? Асоцијације на универбе не указују на њихову асоцијативну, а затим и семантичку везу са мотивним синтагмама, али указују на њихову експресивност, која није истог интензитета код свих испитаних универба. Она се нарочито запажа у вези са универбом *пластичњак*. Међу асоцијацијама студената на ову лексему налазе се и ове: *вештачко, кеса, флаша, лажан, ружан, усиљеност*, а међу дефиницијама налазе се и следеће: *нешто неквалитетно, лицемерна особа, нешто што није оригинално, кич, лажњак*. Дакле, ако не знамо шта значи *пластичњак*, ванјезички и језички контекст указаће нам на значење, али шта год да означава, *пластичњак* је лажан, безвредан, ништаван.

Ако осмотримо асоцијације на универб *хавајка*, запазићемо и следеће: *лето, море, банана, обала, цвеће*. Дефиниције хавајке показују да студенти нису баш сигурни да ли је у питању *кошуља, мајица, хаљина, бермуде, капа, мараме, шешир, сукња*, али у потпуности разумеју да се *хавајка* везује за забаву, лето, морску обалу, неозбиљност, лагодност, одмор и уживање.

Асоцијације на универб *слободњак* указују на позитиван однос говорника према ономе кога карактерише неки облик слободњаштва. Ретки изузеци типа *несхваћени песимиста, несхваћеност* само указују да однос према слободи не мора бити по правилу позитиван. Ево неких асоцијација: *птица, слобода, ум, вештина, машта, распуст*. *Слободњак* се дефинише као *човек слободног духа, екстровертна особа, ведре особа, опуштена особа* итд.

Занимљива је експресивност именице тоталка. Говорници се слажу да ова лексема означава нешто што је тотално, што је у потпуности доведено до краја. Међутим, њихове дефиниције и асоцијације указују на чињеницу да то нешто што је доведено до краја често (не и обавезно) оцењујемо негативно. На то указују дефиниције као што су следеће: *тотална грешка, тоталитарни режим, ригидна инспекција, тотална доминација* и асоцијације: *дебакл, готово* итд.

Остали универби имају мање изражен степен експресивности, али читајући асоцијације које изазивају, за сваки од њих можемо декодирати доминантан позитиван или негативан став говорне заједнице према појму или појмовима на које универби реферишу.

О универбацији као средству експресивизације на материјалу српског језика већ је писано. С. Ристић (2004: 191) истиче да “универби, као и други типови експресивне лексике, дају комуникацији емоционалну тоналност”.

Ђ. Оташевић (2008: 116) примећује да перцепција универба “може бити праћена осећањем извесне непуновредности” у односу на мотивне синтагме. “У комуникативном акту они су факултативни”, наставља Ђ. Оташевић, “замена ‘правих’, језичком традицијом признатих назива.” И ова чињеница о њиховој другоразредности чини их маркираним, експресивним и везаним за разговорни језик, жаргон, комуникацију узајамно повезаних чланова друштвених група.

Закључујемо да је универбизација механизам језичке економије, али и механизам експресивизације лексике. Како с правом примећује А. Шеховић (2012: 408), “универби, као саставни дио разговорног језика, најбоље осликавају контраст двију супротстављених тенденција које у њему владају – тежње да се говори што непосредније и економичније, а у исто вријеме, што експресивније.”

6. Од којих синтагми настају универби

Аналізу универбизације у српском језику започели смо размишљајући у чему је специфичност универбизације у односу на било коју деривацију, тј. због чега се однос *НУКЛЕАРНА ЦЕНТРАЛА* = *НУКЛЕАРКА* разликује од *СТАРА ЖЕНА* = *СТАРИЦА*. Није нас задовољио одговор да именице типа *нуклеарка* спадају у новија образовања, да се користе у разговорном функционалном стилу и да углавном нису забележене у речницима. Према нашој оцени, већина универба потиче од тзв. *фразних лексема*, а у примерима које обрађујемо у питању су *фразне именице*. Истраживање Т. Прћића (2011) о фразним именицама у српском језику само нас је учврстило у овој хипотези. Т. Прћић дефинише фразну лексему као хибридную лексичку јединицу, која је формално реализована као синтагма, али се у погледу функције, садржине и употребе понаша као реч. Међутим, није увек лако иден-

тификовати фразну именицу. Т. Прћић (2011: 61) сматра да су фразне именице блиске речима јер 1) имају јединствену морфосинтаксичку функцију; 2) упућују на јединствен денотат; 3) могу бити употребљене самостално, онако како се употребљавају речи. Т. Прћић је дошао до једног важног закључка за ово истраживање. Наиме, фразне именице какве испитујемо склоне су елиптирању. *Хемијска оловка* тако постаје *хемијска, родитељски састанак – родитељски, семинарски рад – семинарски*. Овај тип испољавања језичке економије неки аутори такође називају универбизацијом (исп. Оташевић 2008: 113). За нас је овде важно запажање о склоности чврсто структурно и семантички везаних синтагми да се скраћују, тј. да стварају још једну форму. То значи да универб не може настати од било какве синтагме, већ од оних синтагми чији су чланови чвршће повезани од уобичајеног колокационог повезивања, па су оне, како примећује Прћић, прерасле колокацију. Оне су не само лексикализоване колокације већ и идиоматизоване. Према томе, у процени начина творбе неког кандидата за универб треба обратити пажњу на степен идиоматизованости мотивне синтагме.

7. Закључак

Анкетом смо анализирали десет фреквентних именичких мотивних синтагми и универбе који потичу од њих. Испитанике су сачињавале три различите групе студената Групе за српски језик Филолошког факултета Универзитета у Београду. Прва група је добила задатак да напише основно значење десет задатих универба, тј. да их дефинише. Друга група је замољена да напише прву асоцијацију која им падне на памет на тих истих десет универба, док су студенти треће групе писали прву вербалну асоцијацију (једночлану или вишечлану) на мотивне синтагме десет универба који су предмет истраживања. Анализа резултата анкете указује на следеће: 1) универби не настају од било каквих синтагми, већ од оних које представљају вишечлану лексему (фразну лексему); 2) разлоге за настајање универба видимо у језичкој економији и у тежњи за експресивизацијом; 3) асоцијативна веза између мотивних синтагми и мотивисаних универба врло је слаба, што значи да се универби, када настану, семантички дистанцирају од мотивних синтагми; 4) универби су вишезначни, семантички разливени, изразито зависни од контекста, док су фразне лексеме од којих настају обично једнозначне и семантички јасно одређене;

5) није тачна уобичајена представа да универби имају згуснуто, кондензовано значење, јер су њихова значења расплунута; б) није тачно да се однос између значења универба објашњава полисемијом или хомонимијом, јер значења универба настају механизмом који се зове *понављање истог творбеног модела*; 7) универби не успевају да истисну мотивне фразне лексеме, већ опстају обе јединице; 8) није истина да разлог за опстајање и једних и других јединица треба тражити у њиховој везаности за различите функционалне стилове – основни разлог је семантичка различитост ових јединица (синтагма је једнозначна и прецизна, а универб је вишезначан, контекстуално зависан и стално отворен за нова значења); 9) контекст игра важну улогу у декодирању значења универба – то су контекстуалне речи.

Цитирана литература

- Даринка Гортан ПРЕМК, 2004: *Полисемија и организација лексичког система у српскоме језику*. Друго издање. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.
- Рајна ДРАГИЋЕВИЋ, 2010: *Лексикологија српског језика*. Друго издање. Београд: Завод за уџбенике.
- Елена Андреевна ЗЕМСКАЯ, Маргарита Васильевна КИТАЙГОРОДСКАЯ, Евгений Николаевич ШИРЯЕВ, 1981: *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. Москва: Наука.
- Елена И. КОРЯКОВЦЕВА, 2018: Универбација как вид компресивног словообразования в современных русском, польском и чешском языках. ŠENOVIĆ, Amela (ur.). *Univerbacija/uniberbizaciona i slavenskim jezicima*. Sarajevo: Slavistički komitet, 222–234.
- Владимир В. ЛОПАТИН, 1973: *Рождение слова*. Москва: Наука.
- Ђорђе ОТАШЕВИЋ, 1996: Варијантност вишечланих термина (на материјалу железничке терминологије). *Стандардизација терминологије*. Београд: САНУ, Савезни завод за стандардизацију, Институт за српски језик САНУ, YU форум квалитета, 57–61.
- Ђорђе ОТАШЕВИЋ, 1997: Универбација. *Наш језик*. XXXII, св. 1–2, 52–64.
- Ђорђе ОТАШЕВИЋ, 2008: *Нове речи и значења у српском језику*. Београд: Алма.
- Твртко ПРЋИЋ, 2011: И синтагме и речи: фразне именице у српском језику. *Лексикологија. Ономастика. Синтакса*, зборник у част Гордани Вуковић. Нови Сад: Филозофски факултет, 59–70.

- Стана РИСТИЋ, 1995: Универбизација као средство експресивизације разговорне лексике. *Јужнословенски филолог*. LI, 125–133.
- Стана РИСТИЋ, 2004: *Експресивна лексика у српском језику*. Београд: Институт за српски језик САНУ.
- Божо ЋОРИЋ, 2008: *Творба именица у српском језику*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.
- Божо ЋОРИЋ, 2010: Универбизација у српском језику на фону хомонимије. ПЕТРУХИНА, Е. В. (ред.). *Новые явления в славянском словообразовании, система и функционирование* (доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов). Москва: Издательство Московского университета, 326–336.
- Amela Šehović, 2012: Univerbacija u bosanskom jeziku. ДРАГИЋЕВИЋ, Рајна (гл. ур.). *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима*. Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. Београд: Филолошки факултет, 407–417.

Some Aspects of Univerbation in the Serbian language

Based on the three-part survey with the three different groups of students who are studying Serbian language at the University of Belgrade, Faculty of Philology, the author tries to answer the following questions regarding univerbation: 1) Where is the boundary between derivation and univerbation? 2) Are univerbs the products of language economy only or something else causes it? 3) Can a meaning of a motivation syntagm and an univerb be the same? 4) Why a syntagmatic form still exists after formation of a univerb? 5) May a univerb be formed from any syntagm? The study comes at answers to these questions and they are presented and explained in this paper, and then listed in the Conclusion.

Ольга Ермакова

Калужский государственный
университет им. К. Э. Циолковского, Россия, Калуга
olga_ermakova.kaluga@mail.ru

УНИВЕРБАЦИЯ И МЕТОНИМИЯ

В статье рассматривается вопрос о возможности разграничения явления универбации (конденсации, компрессии) и метонимии как вида переноса наименования. На основе ранее высказанного положения, что почти любое слово представляет собой переназывание и часто заменяет словосочетание, автор данной статьи утверждает, что универбация как способ образования слов не представляет собой специфическое явление. В статье также рассматривается актантная метонимия – направление от актанта к действию, иллюстрирующая некоторые частые виды семантической компрессии.

Ключевые слова: универбация, метонимия, актантная метонимия, компрессия, конденсация

The article considers the possibility of distinguishing between the phenomenon of universality (condensation, compression) and metonymy as a type of name transfer. On the basis of the previously stated thesis that almost any word represents repetition and often replaces the phrase, the author of this article argues that the universality as a way of forming words does not constitute a specific phenomenon. The article also deals with actant metonymy - the direction from actant to action, illustrating some common types of semantic compression.

Key words: universality, metonymy, actant metonymy, compression, condensation

В работах по словообразованию универбацию обычно понимают как способ образования слов на основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, так что по форме производное соотносится с одним словом, а по смыслу – с целым словосочетанием (Земская 1979: 109); процесс преобразования двусловных наименований в однословное соответствует принципу экономии языковых средств, характерному для деловой или профессиональной разговорной речи. Этот процесс приня-

то называть универбацией и продукты его мы называем универбами (Русская грамматика 1: 617). Аналогично определяет универбацию В. В. Лопатин: *компрессивное образование слов на базе словосочетания, которому оно синонимично* (Русский язык, Энциклопедия: 577). Среди способов образования универбатов Лопатин отмечает аббревиацию, словосложение, суффиксацию и субстантивацию.

Я уже высказывала мысль, что фактически почти любое новое слово представляет собой переназывание и обычно заменяет словосочетание (исключения – образование по аналогии, кальки) и образование отадъективных существительных не специфическое явление. Нам представляется (возможно, неверно), что отмеченные в приведенных определениях признаки характерны не только для производных, называемых универбами. Возникает вопрос: какое образование существительного возникает не на базе словосочетания?

Замена словосочетания словом наблюдается и при переносах названия, прежде всего при метонимии, которая, как известно, является усложнением значения путем преобразования синтагмы: *услышал стук дятла – услышал дятла. (Метонимия – важнейшее средство языковой экономики). (Кроме того, мы видим, что в отличие от метафоры метонимия основана на замене словосочетания словом, в ее основе лежат устойчивые предметные отношения)* (Гак 1977: 112). Видов субстантивной метонимии в русском языке много. Я остановлюсь на актантной метонимии, потому что она позволяет выявить определенные типы приращенных смыслов при замене словосочетания словом, когда опущенный компонент “живет” в этом слове.

Актантная метонимия бывает двух направлений: от действия к актанту – действие – место действия (*объезд, зимовка*), действие – субъект действия (*охрана, разведка, защита*) и т.д., и от актанта к действию: *тюрьма* (заключение), *Сибирь* (ссылка) и т.п.

В разных видах переносов названий в языке, как известно, наблюдаются переносы “и в ту, и в другую сторону” Ср. метафорический перенос с животного (птицы, насекомого, предмета) на человека (*осел, орел, жук, бочка*) и с человека на животное (птицу, рыбу, предмет) – (*ленивец, ткач, хирург, тормоз* и т.д.). Если при регулярной связи действия и его актанта существует направление переноса с действия на его актанты (действие – место действия, действие – субъект действия и т.д.), то вполне допустимо существование в сфере актантной мето-

ними и обратной направленности. Другое дело – каждая ли модель носит двунаправленный характер. Поскольку это явление связано с темой моей статьи и решением поставленного вопроса, позволю себе рассмотреть основные модели этого типа метонимических значений. Термин “обратная метонимия”, разумеется, имеет условный характер, тем более что иногда можно сомневаться в направлении переноса. Это отражается в толковых словарях, которые, как известно, не сопровождают метонимические значения пометой *перен.*, а первым значением в таких случаях могут считать по-разному. Так, например, у слова *шашки* одни в качестве первого считают предметное значение, другие значение “игра”.

После работ М. М. Покровского, который, изучая метонимию, приводил некоторые примеры “обратной” метонимии (дорога – (пространство и движение по ней)) (Покровский 1959: 104–105) никто подробно не изучал и не систематизировал ее в отличие от актантной метонимии прямой направленности, исследованной и детально описанной Ю. Д. Апресяном (Апресян 1974: 193–200). Е. Л. Гинзбург в обстоятельном анализе разных видов метонимии, в том числе и актантной, не разделяет актантную метонимию в зависимости от направления переноса, но в перечне моделей приводит и “прямые” и “обратные”: и от действия к актанту и от актанта к действию (Гинзбург 1985: 95–98).

Самих моделей “обратной” актантной метонимии не так много:

1. Место действия – действие.
2. Субъект действия – действие.
3. Орудие действия – действие.
4. Средство действия – действие.
5. Объект действия – действие.
6. Время действия – действие. (Замечу, что различие понятий действие – событие в этой работе не будет учитываться).

Но лексическое наполнение этих моделей довольно разнообразно. Рассмотрим каждую модель.

1. Место действия – действие, связанное с ним, происходящее в нем.

В реализациях этой модели можно выделить две разновидности:

- 1) Помещение, происходящее в нем действие: *тюрьма, психбольница (психушка), театр, кино, цирк*. Ср. *тюрьма* – “заключение в тюрьму, пребывание в тюрьме”; *театр* – “театральное представление”; *цирк*

– “цирковое представление” и т.д. *После тюрьмы он не мог найти работу* (Устн. речь); *Нас каждый день опала ожидает: тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы* (Пушкин, Борис Годунов); *Тогда диссидентам грозила психушка; У меня после школы каток; Она, конечно, очень занята: фитнес-клуб, парикмахерская, магазины, бассейн* (Устн. речь).

2) Место на земном пространстве – явления, события, связанные с ним: *Сибирь, Колыма, Чернобыль* и т. д. Собственные имена нередко вовлекаются в метонимические переносы, что, как известно, характерно и для метафор (*Кармен, Отелло, Казанова, Гамлет, Леди Макбет*). *Нас каждый день опала ожидает: тюрьма, Сибирь...; Кого не заберет война, заберет Колыма.* (Блоги 2014); *Жить после Колымы* ((В. Шаламов, Колымские рассказы); *Чернобыль достанет нас и через 10 поколений. У тех, кто родился после Чернобыля, стали появляться и наследственные мутации* (АиФ, № 17: 2001). (Значение “событие” у слова Чернобыль отмечено О.Э. Королевой (Королева 2002: 118).

2. Субъект – действие, которое он производит.

1) Певец – его пение. *Учи итальянский и больше слушай итальянских теноров* (Блоги 2015); *Я слушал потрясающего певца* (Блоги 2015); Аналогично: слушать Карузо, Шаляпина, Бочелли и т.д.

2) Музыкант – его игра. *Слушать пианиста, скрипача, виолончелиста, Рихтера, Когана, Ойстраха, Ростроповича* и т.д.

3) Балерина – ее танец. *Я видел многих знаменитых балерин в этой партии* (Устн. речь).

4) Артист – его игра. *Вы видели Смоктуновского в “Идиоте”? На Казакова пойдете?* (Устн. речь).

5) Птица – ее пение, характерные для нее звуки. *Слушать соловья, кенара, кукушку, петуха и др. Наш обзор лесных пернатых певунов был бы неполным, если бы мы не послушали лучшего певца наших лесов – соловья* (Огнев, Весна в лесу); *Нет бедному житья! Бедной девушке Этери любо слушать соловья* (М. Цветаева, Этери); *Когда доберетесь до дачи, бегите слушать кукушку* (“Столица”, 6. 10. 1997); *Ждать в лесу каких-то детских чудес, слушать кукушку!* (В. Вишневский, Дневник военных лет); *На селе ж, когда спящих всех разбудит петух, ты увидишь лежащих девять мертвых старух* (А.

К. Толстой, Волки); *Зимой не слышно дятла, лишь сойки да сороки* (Е. Графская, *Зимой не слышно дятла...*).

б) Животное – характерные для него звуки: *собака, кошка – лай собаки, мяуканье кошки. Собаки начали помалу затихать* (Крылов, *Прохожие и собаки*); *Приехали в деревню – сразу услышали множество собак* (Устн. речь); *От места подъема зверя собака прошла 800 метров. Расстояние от меня 1500 метров. Слышу собаку очень хорошо* (Блоги 2013); *Почему не слышно мартовских котов?* (Блоги 2015); *Ты видел у соседа поросенка? – Не видел, но слышал* (Устн. речь).

В поэтической речи, как известно, могут звучать самые разные неодушевленные предметы. *Все глуше улицы слышны* (А. Адалис, *Все ближе горы понемногу*); *Сидим мы и слушаем степь и моторы* (В. Луговской, *Степь*); *Я наконец услышал море, оно не покладая рук, раскатывало у Бомбери за влажным звуком влажный звук* (Д. Самойлов, *Я наконец услышал море*).

3. Орудие – действие, производимое этим орудием (Покровский 1959: 125). Модель также реализуется несколькими разновидностями.

1) Огнестрельное орудие – издаваемый им звук. *Артиллерия замолкла. Дымовая туча смешивала свои жаркие космы с холодной влагой степного тумана* (В. Гроссман, *Жизнь и судьба*); *Замолчал автомат, кончилась обойма в пистолете* (М. Елизаров, *Библиотекарь*); *Когда наша пальба затихла, мы услышали пулемет* (Э. Лимонов, *Книга воды*); *Лагерная жизнь мне нравилась. Пушка подымала нас на заре* (А. Пушкин, *Путешествие в Арзрум*).

2) Холодное оружие – действие, производимое этим оружием; *меч, нож, кинжал, шпага, сабля* и т.д. *Другой Фарлаф, крикун надменный, в пирах никем не побежденный, но воин скромный среди мечей* (А. Пушкин, *Руслан и Людмила*); *Когда ж соперник мне докучал без повода и права, меж нами спор моя кончала шпага* (А. К. Толстой, *Дон-Жуан*); *Я бы написала: “Автор не боится судебного иска, тюрьмы, ножа и удавки, людской благодарности и адова пекла, потому что наша прекрасная жизнь и есть - адово пекло”* (Дина Рубина, *Иерусалимцы*).

3) Орудие казни – казнь: *топор, кнут, петля, виселица, гильотина, электрический стул* и др. *Но дни, погодите, иные придут, и честь, государи, заменит вам кнут, а вече – каганская воля* (А. К. Толстой,

Змей Тугарин); *Пугачев и Перфильев приговорены были к четвертованию, Чика – к отсечению головы, Шигаев, Падуров и Торнов – к виселице* (Пушкин, История Пугачева).

4) Музыкальный инструмент – игра на нем, издаваемые им звуки: *флейта, фортепиано, скрипка* и др. *Вдруг из-за двери в зале длинной фагот и флейта раздались* (Пушкин, Евгений Онегин); *То флейта слышится, то будто фортепиано* (Грибоедов, Горе от ума); *Нес кое-что тебе я показать, но проходя перед трактиром, услышал скрипку* (Пушкин, Моцарт и Сольери); *Громче звон колоколов, гусли раздаются* (А. К. Толстой, Колокольчики мои...); *Балалайка и вольнка поныне раздаются в их жилищах* (Пушкин, Путешествие в Арзрум).

5) Инструмент для строительных и хозяйственных нужд, издающий звуки при его использовании – звуки, сопровождающие действие инструмента: *топор, пила, дрель* и др. *В лесу раздавался топор дровосека* (Некрасов, Крестьянские дети); *Соседи ремонт затеяли. Целый день то дрель, то пила. От этой “музыки” с ума можно сойти* (Устн. речь).

6) Спортивный снаряд – занятие спортом с использованием этого снаряда: *коньки, лыжи, кольца, брусья* и т.д. *С коньками у нее все хорошо, лыжи – похуже, а брусья вообще не получают* (Устн. речь); *Ведь вчера мы только брали с ним с тоски по банке, а сегодня он кричит: “Меняй коньки на санки!”* (В. Высоцкий, Про конькобежца на короткую дистанцию, которого заставили бежать на длинную).

7) Орудие письма – процесс письма. *И пишет боярин всю ночь напролет, перо его местию дышит* (А. К. Толстой, Василий Шибанов); *День за день, нынче, как вчера: к перу от карт и к картам от пера* (Грибоедов, Горе от ума).

8) Орудие работы художника – работа художника. *Видна кисть мастера.* (Устн. речь).

9) Орудия для разных видов хозяйственной работы – сама эта работа: *метла, швабра, утюг* и т.п. *Метла, утюг – ее призвание* (Устн. речь).

10) Предметы для разных видов игры – игра этими предметами: *карты, шашки, шахматы* и др. *Карты у них в доме были не приняты. Пусть отец сядет со мною в карты – обыграю и отца: Но зачем же отеческие чувства мешать с картами? Отечественные чувства сами по*

себе, а карты сами по себе (Гоголь, Игроки); *Шашки – это детская игра. Шахматы – другое дело.*

4. Средство действия – действие с использованием этого средства: *мышьяк, цианид, морфий, клофелин* и т.д. *Умер он совсем не от инфаркта, а от клофелина* (отравился) (Устн. речь).

5. Объект действия – действие (питье): *О пива он ужасно растолстел; Водка его погубила; Твой мед и бархатное пиво сегодня так язык мне развязали* (Пушкин, Борис Годунов); *Так лучше, чем от водки и от простуд* (В. Высоцкий, Здесь вам не равнина...); *Я не могу жить без кофе. До кофе утром она просто никакая; Чем так без дела заходить, ко мне на чай зашло бы* (В. Маяковский, Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским на даче).

6. Время – событие, происходящее в это время или связанное с ним: *вечер, весна, осень* и т.д. *Меня пригласили на торжественный вечер по случаю чествования юбиляра; Студенческая весна; Болдинская осень.*

Значение *nomina actionis* у слов чай, кофе, вино и др. отмечает М.М. Покровский. Ср. его пример: (*После чая я отправился гулять*) (Покровский 1959: 109). Показательно, что и в толковых словарях слово чай отмечено со значением “чаепитие”.

Что касается модели: объект – совершаемое над ним действие, то, как и при метонимии другого направления – от действия к актанту, она представлена, по нашим наблюдениям, не столь отчетливо и лишь в некоторых синтаксических структурах. *Не забудь – у тебя завтра музыка и английский; У меня сегодня подозреваемый* (допрос подозреваемого). В таких контекстах, как правило, присутствует обозначение лица-субъекта (у меня, у тебя) и времени действия.

У *nomina actionis* не бывает актантных метонимических значений причины, следствия, цели, условия, уступки (Ермакова 2015: 647), поэтому не может быть и обратной метонимии: от причины к действию, или от следствия, цели, условия к действию, событию, состоянию.

Таким образом, наблюдения показывают, что природа метонимии – та же, что у аффиксальных образований, называемых универбами: метонимические значения возникают на основе регулярной связи реалий, отраженной в привычных сочетаниях слов, представляют

собой замену двусловных словосочетаний одним словом, в значении которого присутствует и опущенный компонент. Метонимия служит цели речевой экономии, как и образование новых слов.

Повторю основные мысли статьи. Универбаты (они же конденсаты, они же компрессивы), на наш взгляд, не представляют собой специфическое явление словообразования, поскольку мы склонны по-прежнему считать любое образование новых слов (кроме калек и образований по аналогии) переназыванием. Названию реалии одним словом (независимо от способа образования) всегда предшествует наименование словосочетанием, не обязательно двусловным. “Предшественник”, как правило, содержится в словарных толкованиях слова. Изоморфность словообразования и семантических переносов хорошо известна, но признак, положенный в основу универбатов – образование на базе словосочетания – не позволяет разграничить эти явления.

Литература

- Юрий АПРЕСЯН, 1974: *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва.
- Владимир ГАК, 1998: *Языковые преобразования*. Москва.
- Ефим ГИНЗБУРГ, 1985: *Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия*. Москва.
- Ирина ГЛОТОВА, 1970: Семантическая конденсация в разговорной речи. *Язык и общество*. Вып. 2. Саратов, 104–108.
- Грамматика современного русского языка, 1970: Москва.
- Елена ЗЕМСКАЯ, 1979: *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. Москва.
- Александр ИСАЧЕНКО, 1958: К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков. *Slavia*, 342–360.
- Владимир ЛОПАТИН, 1967: Субстантивация как способ образования в современном русском языке. *Русский язык. Грамматические исследования*. Москва, 225–240.
- Михаил ПОКРОВСКИЙ, 1959: *Избранные работы по языкознанию*. Москва.
- Русская грамматика, 1, 1979: Academia Praha.
- Русская разговорная речь, 1973: ответ. ред. Е. А. ЗЕМСКАЯ, Москва. Л. А. КАПАНАДЗЕ, Глава о номинации, в частности, о конденсатах, 408–434.

Русский язык. Энциклопедия, 1997: Изд. 2-е, Москва.

Надия ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, 1964: Процессы включения в лексике и словообразования. *Развитие грамматики и лексики современного русского языка*. Москва, 28–40.

Univerbation and Metonymy

In article analogy between a univerbation and a metonymy is considered. It is claimed that the univerbation has specific properties among ways of word formation. The process of converting two-word names into single-word names is characteristic not only of various phenomena called universality, but also of metonymic transfers. In the article the main models of actant metonymy are considered: transfer of the name from actant to action, illustrating and reducing the two-word names and, accordingly, the language economy, which is also inherent in the universality.

Венера Фатхутдинова

Казанский федеральный университет, Россия, Казань
favenera@mail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ УНИВЕРБОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Объектом исследования выступили узуальные и окказиональные универбы, функционирующие в поэтических и прозаических текстах современной русской литературы конца XX - начала XXI века. Цель работы – выявление и описание функциональных возможностей универбов в рамках художественного текста. Материалом для лингвостилистического анализа послужили произведения двух известных русских авторов: поэта Евгения Евтушенко и прозаика Василия Аксёнова. Нами установлено, что характерные для разговорной речи способы конденсации неоднословных наименований активно и целенаправленно переносятся в художественный дискурс, а именно в сферу индивидуально-авторских новообразований. Будучи вторичными номинациями, они позволяют выразить то или иное отношение отправителя текста к обозначаемому явлению. Именно в рамках художественного текста происходит оживление внутренней формы нового производного слова. В рамках данной статьи последовательно доказывается следующая гипотеза: функциональная предназначенность универбов в текстах литературных произведений значительно расширяется: они могут выполнять, помимо компрессивной и экспрессивной, множество других языковых и стилистических функций.

Ключевые слова: словообразование, универб, стилистика, экспрессивность, языковая функция

The object of the study are occasional and language study univerbs functioning in poetic and prosaic texts of modern Russian literature of the late XX - early XXI century. The aim of this work is the identification and description of functionality of univerbs within a literary text. Material for linguostylistic analysis were the works of two famous Russian authors: the poet Yevgeny Yevtushenko, and writer Vasily Aksenov. We found that the colloquial ways of condensation of items actively and purposefully transferred to the discourse, namely in the scope of individually-copyright neoformations. As a secondary nominations, they allow to express a particular attitude of the sender of the text to the denoted phenomenon. In the framework of a literary text we come across the revival of the inner form of the new derived word. In this article, it has consistently been proved the

hypothesis that the functional relevance of univerbs in the texts of literary works is considerably broadened: besides compressive and expressive functions, they can perform many other linguistic and stylistic features.

Key words: word formation, univerb, stylistics, expressiveness, the language function

1. Введение

В современной русистике универбация как стилистически детерминированный способ образования слов неоднократно становилась предметом специального изучения. Будучи одним из видов компрессионного словообразования, в дериватологических исследованиях она всё чаще получает разную интерпретацию. Традиционным является определение универбации как суффиксального способа образования слов на основе атрибутивного словосочетания. В нашей работе универбация трактуется шире: как образование слов на базе синтаксических конструкций (предикативных структур) разной протяженности, при котором конденсация семантики может осуществляться за счёт суффиксации, сложения, аббревиации, усечения и субстантивации (Л. В. Сахарный, В. В. Лопатин, Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Н. А. Янко-Триницкая, J. Kaliszan и др.). Слова-универбы при этом получают общее деривационное значение предметности.

Учеными неоднократно констатировалось, что на фоне социокультурных и общественно-политических изменений в российском обществе в русском языке активно осуществляется процесс функционального динамизма: перемещение периферийных языковых явлений (свойственных сфере бытовой коммуникации) в кодифицированную литературную речь. В этой связи объектом нашего исследования выступили узуальные и окказиональные универбы, функционирующие в поэтических и прозаических текстах современной русской литературы конца XX – начала XXI века.

Цель работы – выявление и описание функциональных возможностей универбов в рамках художественного дискурса.

2. Материалы и методы

Материалом для непосредственного лингвостилистического анализа послужили произведения двух авторов: известного русского поэта Евгения Евтушенко и не менее именитого прозаика Василия Аксёно-

ва. Оба родились в 1932 году, и тот и другой относятся к творческой интеллигенции „эпохи шестидесятых“ прошлого века, которая отличалась остротой восприятия социально-политических преобразований, происходивших в то время в советском обществе.

По мнению Р. Ю. Намитоковой, авторские новообразования Евгения Евтушенко стали неотъемлемой частью его поэтического языка и объектом пристального внимания многих ученых (Намитокова 2009: 7). То же самое можно сказать и об Аксёнове, окказионализмы которого “представляют собой особый тип изобразительно-выразительных средств, эмоционально-экспрессивная окраска которых, как правило, сопровождается ярко выраженной оценочностью и образностью” (Спиридонов 2014: 112). Индивидуально-речевое творчество этих писателей характеризуется ярко выраженной экспрессией, креативностью языкового мышления и многообразием стилистических средств. Данное обстоятельство обусловило выбор окказиональных универбов Евтушенко и Аксёнова в качестве предмета исследования. В работе использовался структурно-семантический и функционально-стилистический методы научного анализа.

3. Результаты и обсуждение

Использование в художественной речи функционально маркированных универбов (разговорных и разговорно-просторечных) связано, на наш взгляд, с общим процессом коллоквиализации русского языка новейшего времени. В текстах современной русской литературы довольно часто встречаются общеизвестные, узуальные универбы с суффиксом *-к-* типа *курилка* - курительная комната, *газировка* - газированная вода, *военка* – занятия по военной подготовке, выражающие предметное, вещественное или отвлеченное значения. С точки зрения Е. И. Коряковцевой, возникновение универбов “обусловлено не только стремлением говорящего сообщества упорядочить практический опыт, сделать его передачу быстрой и удобной. Образование таких квазитерминов обусловлено также тенденцией к “национализации” лексической семантики, <...> понятной вне широкого контекста лишь носителям языка” (Коряковцева 2010: 284).

Исходя из того, что универбы “служат не только средством компрессии речи, но и средством экспрессии” (Земская 2000: 119), в рамках данного доклада мы позволим себе высказать следующую гипотезу:

функциональная предназначенность универбов в текстах литературных произведений значительно расширяется: они могут выполнять, помимо компрессивной и экспрессивной, множество других языковых и стилистических функций. Учитывая, что вопрос о систематизации функций языковых единиц „является очень сложным и очень важным для толкования сущности языка“ (Тошович 2000: 4), в работе используются традиционные и наиболее распространённые в современной лингвистике их признаки и обозначения; о принципах выделения языковых функций подробнее см.: (Tošović 2000).

Характерные для разговорной речи способы конденсации неоднословных наименований активно и целенаправленно переносятся в художественный дискурс, а именно в сферу индивидуально-авторских новообразований. Будучи вторичными номинациями, они позволяют выразить то или иное отношение отправителя текста к обозначаемому явлению. Именно в рамках художественного текста происходит оживление внутренней формы нового производного слова. Фактически окказионализмы снимают противоречие между возможностями словообразовательной системы языка и использованием дериватов в речи.

Так, в языке русской литературы и публицистики конца XX века широко использовалось слово *запрещёнка* – ‘запрещённые к публикации произведения литературы, искусства, публицистики’, уже мало актуальное как для современной медийной сферы, так и для общественного сознания.

*Я не мастер искушённый, / но надеюсь всё равно. / Я – Христос неразрешённый, / журавлёнок я в кино. / Но не старилась нисколько / **запрещёнка** – видит Бог* (Е. Евтушенко, Журавли ещё летят).

Формальная структура слова *запрещёнка*, по сравнению с мотивирующим словосочетанием *запрещённая литература*, характеризуется компактностью и простотой. “Устойчивый характер мотивирующего словосочетания обеспечивает суффиксальным универбам декодируемость семантики” (Гафарова 2011: 28). В результате синтаксической перекатегоризации у деривата появляется функционально-стилистическая окрашенность – оттенок разговорности и эмоциональности, что, возможно, соответствовало коммуникативным интенциям автора.

Типичные для разговорно-обиходного стиля способы конденсации неоднословных наименований в поэтическом дискурсе зачастую становятся элементами языковой игры:

*Здесь часа четыре до Парижу, / А в таверне **минералки** я не вижу. /
Здесь не слышали крестьяне никогда, / что такое **минеральная вода**.
/ И на черта **минералка**, / если здесь - / **неумиралка**? / не пройтись ли
нам, / любимая, туда? (Е. Евтушенко, Статуя свободы).*

Совместное употребление в тексте прямого и обратного вариантов для обозначения одного и того же понятия способствует раскрытию внутренней формы семантического конденсата. Узуальный универб с вещественным значением *минералка* составляет рифму окказионализму *неумиралка* – ‘место, где люди живут долго и счастливо, не умирают’. Он характеризуется отвлеченной семантикой и ласкательно-пренебрежительной коннотацией. Преднамеренное преобразование словообразовательной структуры слова здесь можно расценивать как стилистический приём, способствующий экспрессивизации данного отрезка текста. В этом случае наблюдается “каламбурное столкновение производных”, близких по звучанию, а также “шутливое с установкой на языковую игру членение и псевдочленение слова, приводящее к актуализации его внутренней формы” (Земская 1992: 169). Кроме того, корреляция *минералка* – *неумиралка* выполняет не только игровую, но и текстообразующую функцию.

Словообразовательная игра может строиться на преднамеренной замене мотивирующего универб слова. Так, результат номинализации целого предложения существительное *непроливайка* – ‘чернильница, сделанная так, что из неё при опрокидывании не выливаются чернила’ у Евтушенко превращается в разговорный окказионализм *невывливашка / невыливашечка*:

*Как в сугробищах, / в стыдобищах / вся страна, / но на урок / созывает,
/ как воробушек / вновь порхающий звонок. /Вновь я там – худей
опёнышка, чистая рубашечка, а в руках богатство – пёрышко / и
невывливашечка (Е. Евтушенко, Невывливашка).*

Уменьшительно-ласкательный суффикс -ечк(а) подчёркивает обиходную и социальную ценность обозначаемого предмета – чернильницы особой формы, которая была редкостью в довоенном детстве поэта, родившемся в маленьком сибирском городке. Номинативное

варьирование универба свидетельствует о разных возможностях разговорной речевой альтернативы.

Среди тематических групп универбов в современной русской речи Д. В. Дозорова выделяет тематический класс слов, служащих обозначениями одежды: *спецовка* – специальная одежда, *повседневка* – повседневная одежда, *спортивка* – спортивная одежда, *парадка* – парадная одежда и др. (Дозорова 2015: 3). На наш взгляд, к этой тематической группе примыкают многочисленные наименования головных уборов, образованные на базе поликомпонентных конструкций, например: *будёновка* – головной убор будёновцев: ‘красноармейский суконный шлем; первоначально шлем, который носили будёновцы – бойцы первой Конной армии, которой командовал Семён Михайлович Будённый в годы гражданской войны’.

Мотивированные наименования головных уборов, образованные по законам аналогии при помощи суффикса *-к(а)*, воплощают наиболее активную словообразовательную модель, обладают прозрачной внутренней формой и фразеологизированным типом семантики: *безкозырка* – фуражка без козырька; *бейсболка* – кепка с большим козырьком, надеваемая во время игры в бейсбол; *треуголка* – шляпа с полями, загнутыми так, что они образуют три угла; *конфедератка* – национальный польский головной убор с четырехугольным верхом; *кубанка* – популярный мужской головной убор на Кубани; *пилотка* – головной убор (первоначально пилотов) в виде сплюснутой с боков лёгкой шапочки; *ушанка* – теплая шапка, закрывающая уши и др.

В художественном тексте окказиональные наименования головных уборов могут иметь символическое значение, для раскрытия которого необходим специальный лингвокультурологический комментарий. Рассмотрим следующий отрывок из стихотворения Е. Евтушенко:

Надену кепку-смеляковку / и в рощу майскую пойду, / как на рабочую маёвку / в каком-то давешнем году (Е. Евтушенко, Маёвка).

Мотивирующим неоднословным наименованием для деривата *смеляковка* здесь выступает конструкция *кепка как у Смелякова*. В этом отрезке текста окказионализм *кепка-смеляковка* символизирует отношение автора к русскому советскому поэту очень непростой судьбы – Ярославу Васильевичу Смелякову, фигура которого для творческой интеллигенции 60-х годов XX века была знаковой.

Судьба Ярослава Васильевич Смелякова - непрерывная череда взлетов и испытаний. До последнего вздоха преданный эпохе социализма, истово верующий в ее историческое величие, никогда ни на йоту не сомневавшийся в ее правоте, он трижды попадал в круги лагерного ада. <...> Евгений Евтушенко, считавший Смелякова своим учителем, высказался о нем предельно точно: "Смеляков замкнул плеяду последних романтиков, чье Шоссе Энтузиастов закончилось Тупиком Пессимистов, когда в оклизлых от крови подвалах "мальчикам революции" всаживали пулю в затылок. Я не встречал более советского и, вместе с тем, более антисоветского человека" (URL: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/36386/ (дата обращения: 25. 3. 2017)).

Использование в другом стихотворении адъектива смеляковский свидетельствует об идеологической функции деривата:

...Я – Есенин и Маяковский, / я – с кровиночкой смеляковской, /а еще фронтовых корней (Е. Евтушенко, Злятся шавки, что я не в шайке).

Подобные номинации “отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным историческим периодом в жизни людей, их культурной и социальной принадлежностью” (Рацибурская 2014: 150). Если составное наименование *кепка-смеляковка* является индивидуально-авторским новообразованием, детерминированным соответствующей эпохой и не дающим в настоящее время исчерпывающего описания соответствующего денотата (кроме представления, что такого рода кепку носил поэт Ярослав Смеляков), то название другого головного убора *жириновка* – ‘чёрная фуражка, характерная для российского политика Владимира Жириновского’, без сомнения, известно современному российскому читателю. Так или иначе, периодическое появление подобных номинаций в русской разговорной речи, так же как и их исчезновение, свидетельствует о необходимости изучения семантики универбов с позиций речевой динамики.

Как известно, номинативную функцию в языке осуществляют прежде всего примарные слова. Однако многие исследователи полагают, что данная функция присуща также окказионализмам. По мнению И. С. Улуханова, отсутствие однословного обозначения какого-либо явления может рассматриваться как лакуна при наличии коммуникативной необходимости в таком обозначении (Улуханов 1996: 16). В этом случае окказиональное слово призвано восполнить соответ-

ствующую номинативную единицу. Рассмотрим ряд индивидуально-авторских новообразований Василия Аксёнова, созданных для обозначения тех или иных артефактов.

В этот самый момент его мысли были прерваны сильным стуком в дверь, произведенным львиной головой корбаховской персональной стучалкой (В. Аксенов, Редкие земли).

Слово *стучалка* можно интерпретировать следующим образом: ‘приспособление, при помощи которого стучат в дверь’ или ‘приспособление для стучания’. В русском языке не существует специальной лексической единицы для выражения этого понятия, поэтому в данном случае стяжение предикативного словосочетания выполняет номинативную функцию.

Существительное *стучалка* образовано от глагола *стучать* в значении ‘ударять (в дверь, окно и т.п.), стуком выражая просьбу впустить куда-либо’. Примечательно, что в словаре Владимира Даля фиксируются названия артефактов, образованных от глаголов *стучать* / *стучать* (оба глагола объединены в одну словарную статью), однако их функциональное предназначение совсем иное: *Стукало, стукальце* – ‘колотушка, молоток’; *стучалка* – ‘дубинка или палица’ (Даль 1995: 348). Поэтому, несмотря на простоту словообразовательной структуры, для семантики слова *стучалка* характерна определённая идиоматичность, раскрывающаяся только в контексте.

Проанализируем другое новообразование Аксёнова:

*Долго никакого ответа не было – наверное, гады сразу бросают все письма в какую-нибудь **письморубку** высокой технологии, как вдруг – звонок, не кто иной, как сам Стенли на линии* (В. Аксёнов, Новый сладостный стиль).

В этом случае окказионализм *письморубка*, образованный по аналогии со словом *мясорубка*, используется автором для названия денотата, не имеющего в русском языке своего собственного обозначения; ср. заимствование *шредер* (англ. *shredder* – измельчитель, кромсатель) – ‘офисное устройство (оргтехника) для измельчения бумаги в очень мелкие полоски или крошечные кусочки’. Слово *письморубка* не лишено социально-экспрессивной коннотации, перед нами предстаёт образ зловещей машины, уничтожающей долгожданные письма.

Следует отметить, что в современном русском языке практически нет сложносокращенных существительных женского рода, образованных по данной модели от глагола *рубить*, кроме профессионализма *тряпкорубка* – ‘машина для измельчения тряпья при переработке его в бумагу, искусственное волокно и т.п.; *тряпкорезка*’. Сложные производные с основой *-руб-* чаще являются существительными мужского рода и выражают разную семантику: *рубить лёд* - *ледоруб* ‘род топорика, кирки, применяемых альпинистами для вырубаения ступенек во льду при восхождении на горные вершины’; *рубить сучья* - *сучкоруб* ‘рабочий, занимающийся обрубкой сучьев на лесозаготовках’; ср. *сучкорез* / *сучкорезка* ‘приспособление для срезания сучков. *Сучкорезная машина*’.

Стремление к языковой игре, к контаминации номинативных единиц, приводящей к стяжению и семантической конденсации, проявляется у Аксёнова в образовании большого количества сложносокращенных слов.

Так, в русском языке узуальным универбом является существительное *короткометражка*, образованное на базе словосочетания *короткометражный фильм*. В художественных текстах Аксёнова встречается аналогичное новообразование (возможно, профессионализм) *двухчастёвка* – фильм, состоящий из двух частей:

*Самым печальным, да, пожалуй, и самым опасным периодом Сашиного образования оказался Институт кинематографии. Увлёкшись возможностями “скрытой камеры”, он сделал **двухчастёвку** о летних военных лагерях* (В. Аксёнов, Новый сладостный стиль).

Универб *двухчастёвка* – результат стяжения в аффиксально-сложное слово развёрнутого словосочетания *фильм из двух частей*. Оказиональные универбы-композицы у Акёнова зачастую образуются именно незузальными способами:

*Иногда было меньше: кто-то неожиданно отлучался, но чаще больше, потому что гости приглашали своих гостей: ведь Стас не откажет, он будет только в восторге, ведь он здесь истосковался без московского-то духа – ну без этой нашей **своеобычки*** (В. Аксёнов, Кесарево свечение).

Индивидуально-авторское новообразование *своеобычка* появилось на базе незузального словосочетания “*своеобразная обычность*” пу-

тем наложения (контаминации) начальных частей двух основ, содержащих взаимоисключающую семантику. Суффикс *-инк(а)* в данном случае образует имя существительное женского рода со значением признака, проявляющимся в слабой степени, ср. *лукавый – лукавинка, слабый – слабинка, горький – горчинка*. “Суффиксация как средство конденсации многословных наименований” (Виноградова 1984: 35) позволяет автору более кратко и семантически ёмко обозначить новое понятие.

Для описания универбов в художественной речи немаловажно значение имеет решение проблемы функционально-стилистической дифференциации словообразовательного типа. Так, образование универбов с суффиксом *-ух(а)* в русском языке носит сниженный, просторечно-разговорный характер: *бытовуха* – бытовое преступление, “*бээмвуха*” – легковой автомобиль марки BMW и др.

Жаргонно-просторечная окраска универбов с суффиксом *-ух(а)* в стихотворном тексте может приобретать социально-оценочное звучание или служить для характеристики сниженного стиля речи своих персонажей, придавая ей фамильярно-разговорный оттенок, например, в слове *депрессуха* – депрессивное состояние /депрессия.

*Нежусь своим одиночеством и оттягиваю подъём, потому что знаю, что несмотря на все упражнения и плавание меня вскоре обра- тает **депрессуха*** (В. Аксёнов, Редкие земли).

В другом примере существительное *дезуха* (от *дезинформация*) является жаргонизмом, принадлежностью социолекта диссидентов и антисоветчиков:

*Тут агентура рыщет в толпе, распускает **дезуху*** (В. Аксёнов, Редкие земли).

Подобные номинативные единицы (ср., например, *агентурка* – *агентурные сведения*) выполняют индексальную (социативную) функцию языка и широко используются в литературных произведениях.

Стилистически детерминированное употребление узуальных и окказиональных универбов в художественной речи, как правило, сопровождается пояснительным контекстом, иначе слово утрачивает определённую семантику и функциональную предназначенность.

Речь здесь идет о “текстовых номинациях” (термин Е. А. Земской), функционирующих в пределах конкретного отрезка текста.

4. Выводы

Итак, следует констатировать, что в художественном дискурсе универбы характеризуются целым рядом особенностей и многообразием функций. Наряду с компрессивной, в рамках поэтического и прозаического текста они могут выполнять эмоционально-экспрессивную, номинативную, игровую, “идеологическую”, текстообразующую и индексальную функции, что расширяет их стилистический потенциал. Перечисленные функции являются наиболее релевантными для толкования универбов в художественном дискурсе, поскольку находятся между собой в определённом взаимодействии. Если универбы Евтушенко чаще используются с целью языковой игры, т.е. реализуют игровую и эмоционально-экспрессивную функции, то новообразования-конденсаты Аксёнова, кроме экспрессивной, нередко выполняют собственно номинативную и индексальную функции.

Источником экспрессивности в художественном дискурсе могут быть как узуальные, так и незузальные универбы, причем семантика последних может варьироваться от конкретно-предметной до отвлечённой. Окаzionaliальные универбы образуются чаще всего на базе развёрнутых многокомпонентных предикативных структур, дающих определенную характеристику объекту номинации.

Динамика социокультурной жизни русского общества находит отражение в составе и тематической маркированности универбов: некоторые из них переходят в разряд слов-хронофактов и образуют периферию лексической системы русского языка, на их месте появляются новые, объективирующие актуальные в данный момент для людей смыслы и символы.

Интернет-ресурсы

ТВ канал “Культура”: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/36386/ (дата обращения 25. 03. 2017).

Литература

- Василий АКСЁНОВ, 1997: *Новый сладостный стиль*. Москва: Изограф.
- Василий АКСЁНОВ, 2002: *Кесарево свечение*. Москва, Эксмо.
- Василий АКСЁНОВ, 2007: *Редкие земли*. Москва: Эксмо.
- Валентина ВИНОГРАДОВА, 1984: *Стилистический аспект русского словообразования*. Москва: Наука.
- Раннета ГАФАРОВА, 2011: Избирательность суффиксальных универбов русского языка. *Культура народов Причерноморья*. № 211, 25–28.
- Владимир ДАЛЬ, 1995: *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* Т. 4. Москва: ТЕРРА.
- Дарья ДОЗОРОВА, 2015: Тематические сферы употребления дериватов в современной русской речи. *Электронный журнал “Вестник МГОУ”*. № 1. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/618> (дата обращения 25. 3. 2017).
- Евгений ЕВТУШЕНКО, 1997–2008: *Первое полное собрание сочинений в восьми томах*. Москва: ООО “Изд.АСТ”.
- Елена ЗЕМСКАЯ, 2000: Активные процессы современного словопроизводства. *Русский язык конца XX столетия*. Москва: Языки русской культуры, 90–141.
- Елена ЗЕМСКАЯ, 1992: *Словообразование как деятельность*. Москва: Наука.
- Елена КОРЯКОВЦЕВА, 2010: Инновации в словообразовании русских, польских и чешских *nomina abstracta*. ПЕТРУХИНА, Е. В. (под. ред.). *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование* (доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при международном комитете славистов). Москва: Изд-во МГУ, 270–286.
- Роза НАМИТОВА, 2009. *Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко*. Майкоп: ООО “Качество”.
- Лариса РАЦИБУРСКАЯ, Надежда САМЫЛИЧЕВА, Анна ШУМИЛОВА, 2014: Специфика современного медийного словотворчества. *Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография*. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 150–229.
- Александр СПИРИДОНОВ, Венера ФАТХУТДИНОВА, 2014: Экспрессивно-оценочная функция индивидуально-авторских новообразований в текстах романов Василия Аксёнова. *Филология и культура. Philology and Culture*. № 1 (35), 110–114.

- Бранко ТОШОВИЧ, 2000: Функции языка. *Язык и социум*. Минск: Изд-во Белорусского государственного университета, 3–22.
- Branko TOŠOVIĆ, 2000: Die Funktionen der Sprache. *Stylistyka*. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 315–337.
- Игорь УЛУХАНОВ, 1996: *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Stylistic Functions of Univerbs in a Fictional Text

The results of the formal analysis allow us to assert that in the artistic discourse of univerbs as lexical units, formed on the basis of phrases by condensation of semantics, are characterized by a number of features and variety of functions. Along with compressive, under poetry and prose text they can perform emotionally expressive, nominative, game-form, ideological, and text forming indexical function that expands their stylistic potential. Stylistical use of language usage and occasional univerbs in artistic speech, is usually accompanied by explanatory context, otherwise the word loses semantic certainty and functional relevance.

Source of expressiveness in art discourse acts language study and occasional univerbs. Their semantics can vary from specific to distracted. Non-language study univerbs are often formed on the basis of a deployed multicomponent predicative structures that give a certain characteristic of the object of nomination.

The dynamics of the sociocultural life of Russian society is reflected in the composition and thematic marking of univerbs: some of them go to the category of obsolete words and form the periphery of the lexical system of the Russian language, and on their place appear new ones, objectivising current for people meanings and symbols.

Зинаида Харитончик

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь, Минск
zkharitonchik@mail.ru

УНИВЕРБАТЫ-ОМОНИМЫ ИЛИ УНИВЕРБАТЫ-ПОЛИСЕМАНТЫ

Рассмотрение универбатов типа *маршрутка* с точки зрения производящих баз, словообразовательных средств и выражаемых значений приводит к выделению в их системе как несомненных омонимов, так и широкозначных и многозначных единиц с опосредованной связью значений. Тождество определительного элемента, остающегося после компрессии словосочетаний и потери определяемых слов, и выполнение им роли звена, связующего семантически разные идентичные формы, сближает универбацию и семантическую деривацию. Трактовка универбатов как полисемантов поддерживается гиперо-гипонимическими, фреймовыми и др. связями их значений. Таким образом, универбаты-полисеманты являются частью класса многозначных дериватов, а специфика связи значений, объединяющая универбаты и аффиксальные слова, является семантической чертой, отличающей производные единицы от многозначных простых слов с их непосредственной связью значений.

Ключевые слова: универбат, ономаσιологический признак, омоним, полисемант

The study of univerbs of *маршрутка* type viewed from their underlying bases, word formation means and meanings expressed brings about the differentiation within their system of homonyms, on one hand, polysemantic words and words with wide semantics, on the other, with their indirectly tied meanings. The identity of the specifying element which remains after the compression of the word combination and loss of the specified word, together with its role as a semantic link tying identical forms unites univerbalization and semantic derivation. The interpretation of univerbs as polysemantic units is supported by hypero-hyponymic, frame, etc. relations between their meanings. Polysemantic univerbs thus become an integral part of the class of polysemantic derivatives while the specific nature of the semantic relationship between their meanings which unites univerbs and affixal derivatives is a semantic feature which draws a line between polysemantic derivatives and polysemantic simple words characterized by the immediate ties of their meanings.

Key words: univerb, onomasiological feature, homonym, polysemantic word

Из всех видов компрессивных процессов, значительно активизировавшихся в русском языке в последние десятилетия в связи с активным проникновением элементов разговорной речи во все жанры и стили его функционирования, универбация, под которой понимают в широком смысле способ образования слов на базе словосочетаний, а в узком “образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично” (Лопатин 1997: 577), является, по-видимому, одним из самых интересных феноменов. Несмотря на постоянный в течение всего XX столетия и резко возросший в последнее время интерес со стороны лингвистов к универбации как процессу, если не универсальному, то достаточно распространенному в самых разных (не только славянских) языках (см., например, описание универбации в английском, французском, немецком и других языках (Елдышев 1985, Косарева 2003, Кардубан 2013, Курило 2005, Klégr 2002, Антропова 2006 и др.), проблемы ее определения, природы формирования словного эквивалента на базе словосочетания, диапазона действия, регулярности и продуктивности, особенностей функционирования универбатов и т.д. и т.п. далеки от своего решения. Из многочисленных вопросов, возникающих при исследовании универбации, под которой мы будем понимать образование суффиксально маркированных единиц типа *гуманитарка*, *двухэтажка*, *маршрутка* и др. в отличие от субстантивации, аббревиации и других сопряженных процессов, мне бы хотелось затронуть, во-первых, деривационную сущность данного способа образования однословных единиц от устойчивых словосочетаний, многие из которых имеют терминологический характер и функционируют параллельно с возникшими на их базе однословными наименованиями, и, во-вторых, предложить некоторую их семантическую характеристику. Обращение к этим же проблемам коллег по Комиссии, в докладах которых также обсуждается вопрос о деривационной природе универбации и раскрываются так или иначе семантические аспекты универбов, указывает на их ключевой характер. Используемые языковые данные взяты из словарей современного русского языка и текстов СМИ.

1. Размышляя о сущности универбации, необходимо подчеркнуть, что в словообразовании, осуществляющем наряду с многочисленными ономасиологическими заданиями разного типа компрессию исходных единиц, наблюдаются строгие закономерности соотношения формы и содержания, в целом, как утверждает теория Естественной морфологии Майерталера-Вурцеля-Дресслера (Dressler 1987; Mayerthaler 1981;

Wurzel 1984), характерные для языка и согласующиеся как с иконичностью языковых знаков, так и когнитивными способностями человека “восстанавливать” на основе формально ограниченных входных данных богатство репрезентируемого содержания. Принимая это положение в качестве исходного тезиса, нельзя согласиться с интерпретацией универбации и близких по своей сущности процессов аббревиации, субстантивации, при которых совершается формальное преобразование комплексной исходной единицы (преимущественно опущение какого-то или каких-то ее компонентов или их частей), как формирования варианта слова/словосочетания, его альтернативной формы (дублета). Неправомерно, на мой взгляд, отказывать образуемым единицам в статусе производных слов, а сами процессы характеризовать как имитацию словообразовательного акта (Дьячок 2015: 28). Ср. также ее более раннее утверждение:

Вышеизложенное свидетельствует о том, что, во-первых, универбы являются альтернативными формами номинативом исследуемого типа и, во-вторых, являются их речевыми реализациями. В связи с этим также было бы некорректным считать универбы (универбаты) результатом деривационного процесса, а процесс их возникновения – деривационным (Дьячок 2009: 22).

Чисто семантический критерий, или денотативная идентичность значений, выражаемых новыми трансформами, содержанию исходных единиц и видение в данных процессах только действие принципа экономии энергии и времени явно недостаточны, ибо в стороне остается аналогия мотивирующих универбаты словосочетаний с мотивирующими классические производные суждениями (Кубрякова 1981). На задний план уходят функциональные (эффективность и экспрессивность более краткой формы), когнитивные (замена родового наименования видовым, иная когнитивная значимость нового обозначения) и другие характеристики данных процессов. Функции словообразования сводятся сторонниками вариантной концепции универбации лишь к одной его прототипической функции – собственно номинативной, предполагающей обязательное выражение некоторого нового содержания новой производной единицей, в то время как другие: конструктивная, компрессивная, экспрессивная, стилистическая, о которых так убедительно писала Е. А. Земская (Земская 1992: 8–12) не рассматриваются. Из поля зрения исчезает также (и это, по-видимому, главное), что словообразование в процессуальном плане представляет собой целую систему, включающую разные по своему типу формальные операции, связанные соответ-

ственно с разными семантическими преобразованиями. Важно, на мой взгляд, осознавать, что в словообразовании действует общий закон формальной асимметрии, согласно которому любые производные слова, являясь свернутым трансформом некоторого мотивирующего комплекса, некоторого синтаксического целого и сохраняя в том или ином преобразованном виде мотивирующие их единицы, всегда характеризуются формальной структурой меньшей длины. Однако в общем стремлении к более экономной форме производящие единицы подвергаются формальным изменениям в разной степени, и это приводит к существованию в словообразовании градуируемой шкалы представленности исходных единиц, в которой находит прямое отражение вариативность их формальной репрезентации в производных словах. Необходимо также признать и зависимость степени возможных семантических преобразований мотивирующих единиц и их отражения в семантике дериватов от типа формальных изменений. Иначе говоря, для системы словообразования характерна и шкала семантических преобразований мотивирующих единиц, и соответственно типов смыслов, которые могут быть выражены или приращены к их семантике. Чем больше формальных изменений претерпевает производящая база, будь то слово или словосочетание, тем меньше в ходе деривационных процессов разрешается ее семантических модификаций. Не случайно, что там, где исходные единицы представлены в дериватах наиболее полно (корень, основа или словоформа), там возможно и выражение на их базе кардинально новых значений (ср. формирование словообразовательных значений деятеля, действия, места действия и многих других, что не означает, однако, полной выводимости лексических значений дериватов). Если же взять другую полярную точку формальной шкалы – аббревиацию, при которой исходная единица, в подавляющем большинстве случаев многокомпонентное образование, представлена в аббревиатурах минимальными формальными отрезками – слогом, буквой и т.д. в зависимости от типа аббревиации, а также примыкающие к ней на шкале универбацию и субстантивацию, то в них семантические модификации производящих единиц минимальны и сводятся преимущественно к стилистико-функциональным. Обязательным при декодировании образуемых слов становится соответственно установление формальной корреляции производной (компрессивной) формы с исходной, или реконструкция мотивирующей единицы, и установление на ее основе референциальной соотнесенности нового образо-

вания, что и предполагает его расшифровка. Не случайно, например, что подавляющее число аббревиатур не демотивируется, приобретая статус единственного выражения того или иного содержания (типа *радар*, *лазер* и др.), но сосуществует в виде сокращенных наименований, употребление которых сопровождается в тексте наличием когнитивно-коммуникативных опор для распознавания их значений в виде полных развернутых наименований, предшествующих или последующих за аббревиатурой, гипонимов, гиперонимов, синонимов и т.д., позволяющих однозначно поместить сокращенное имя в соответствующий контекст (см. подробнее (Курило 2005) в английском и (Харитончик 2004) русском языках).

Таким образом, в компрессивных процессах, включающих и образование универбов типа названных ранее *маршрутка*, в которых роль ономазиологического базиса берет на себя суффикс, наблюдается вследствие опущения определяемого или определяющего слова переход от эксплицитного комплексного наименования к частично имплицитному. Этот переход, приводящий к значительной экономии на поверхностном уровне, влечет за собой минимальные семантические и одновременно кардинальные функционально-стилистические изменения производных единиц, что не позволяет трактовать их как эквиваленты, как это утверждает Н. В. Дьячок, исходных наименований. Денотативно тождественные, они не совпадают в коннотативных компонентах своих значений, и именно это заставляет многих ученых вместо эквивалентности говорить о смысловой соотнесенности такого рода единиц с их мотивирующими словосочетаниями, или синонимичности, придавая им статус новых слов, а не вариантов исходного слова, а сам процесс относить к словообразованию. Правы, на мой взгляд, В. А. Косова и Сунь Мяо, а также и их многочисленные предшественники (см. обзор в (Елдышев 1983)), утверждая, что

Универбация служит, таким образом, механизмом деривационной „реструктуризации“ стилистических ресурсов русского языка. Переводя раздельно оформленные номинации в естественную форму языкового знака - слово, она ускоряет и упрощает обмен информацией; стилистически маркируя, порождает „средства опознания “своих”, „...“; экспрессивно (эмоционально / оценочно / образно) насыщая, психологически приспособливает книжную лексику к условиям обыденного общения в среде себе подобных (Косова, Сунь Мяо 2015: 72).

Необходимо подчеркнуть, что переход к более скрытой, имплицитной форме репрезентации после того, как некоторая мысль получила свое

развернутое наименование, полностью согласуется с общими принципами словообразования (здесь я солидарна с А. А. Лукашанцем, А. В. Никитевичем и др.) и, шире, общими закономерностями нашего мышления. С когнитивной точки зрения описываемые компрессивные процессы словообразования, разделяя по своей природе основополагающий для интеллектуальной деятельности человека принцип соединения разных сущностей на основе их смежности, являются, как отмечал еще Г. Стерн (Stern 1931: 167, 237–281), частным случаем метонимии в синтаксической ее разновидности и фактически близки сочетаниям типа *слушать (пения) птиц, выдвигать на (должность) главного инженера* и др., рассматриваемых в докладе О. П. Ермаковой. Думается, что в будущем нас ждет общая типология языковых выражений, в которой будет раскрыто все их многообразие и дана, несомненно, богатая картина действий, выполняемых в языке на основе нашей способности к инференции, способности конструировать на базе сравнительно ограниченных эксплицитных выражений, имеющих на входе, огромную толщу информационного, употребляя метафору Е. С. Кубряковой, айсберга. Такая типология не только значительно расширит разработанную Дж.Байби типологию значений, которые предстают в языках мира предпочтительно или только как грамматические значения (Вубее 1985), но демонстрируя стратификацию знания по типам и способам его представления в языке, сможет дать ученым еще один ключ к тайнам нашего мышления.

Подчеркивая весьма часто совершаемый говорящим предпочтительный выбор частично или полностью имплицитного способа выражения тех или иных смыслов, нельзя забывать о следующем. Учитывая нашу способность легко восстанавливать пропущенные звенья, говорящий тем не менее не отказывается и от полнословного наименования, выбирая в зависимости от контекста коммуникации и слушателя(ей), полную или сокращенную форму выражения. Таким образом и в выборе формы репрезентации мы руководствуемся тем же принципом, что и в выборе передаваемого смысла. „И когда, – как пишет Р. Джекендофф, – я не знаю, кто составляет мою аудиторию, за исключением того, что они говорят по-английски, я должен выбрать подходящий нейтральный или минимальный смысл, который, возможно, и имел в виду Фреге, называя его публичным“ (Jackendoff 2002: 284–285).

2. Признание за сжатой формой мотивирующего словосочетания статуса производного слова влечет за собой ряд серьезных последствий,

в первую очередь лексического характера, ибо новая цельноформенная единица оказывается в языковой системе зачастую формально идентичной, с одной стороны, уже существующим словам (типа *белка* ‘небольшой лесной зверёк-грызун с пушистым хвостом, а также мех его’ и *Белка* ‘Белорусский вокзал’, *белка* ‘белая горячка’, а также способной закреплять за собой не одно значение, типа *персоналка* ‘1) персональное дело; 2) персональный компьютер; 3) персональная машина; 4) персональная охрана’, с другой. Соответственно встает вопрос об омонимии/полисемии универбатов. Разброс семантических отношений, наблюдаемых в данной подсистеме, не дает возможности однозначно признать какую-либо одну из двух сложившихся в лингвистической литературе интерпретаций этих образований: как омонимов (более распространенная точка зрения) или же как многозначных слов, тем более что за той или иной трактовкой универбатов весьма часто не следует раскрытия каких-либо ее оснований.

Осознавая всю сложность разрешения проблемы омонимии/полисемии на данном этапе развития лингвистики, а также преимущественную опору в поиске решений на семантические (субъективные) критерии, отметим, что в подсистеме универбатов современного русского языка имеют место и омонимичные, и полисемантические отношения, и, возможно, широкозначность. Так, не вызывает сомнения омонимичность слов типа *курок* ‘часть ударного механизма в ручном огнестрельном оружии’ – *Курок* ‘Курский вокзал в Москве’, *веник* ‘связка веток, прутьев, сухих длинных стеблей’ – *веник* ‘венерический больной (мол., угол., мед.)’, *белка* ‘небольшой лесной зверёк-грызун с пушистым хвостом, а также мех его’ – *Белка* ‘Белорусский вокзал’, *белка* ‘белая горячка’ и др., демонстрирующих совпадение универбатов по форме с производными словами и отсутствие между ними какой-либо семантической связи.

Не столь однозначно признание омонимии или полисемии производных слов. Для определения их лексической природы релевантным представляется последовательное рассмотрение единиц данного типа с точки зрения: а) производящих баз, б) словообразовательных средств и, что особенно важно, в) выражаемых словообразовательных значений. С этих позиций бесспорными омонимами являются случаи отраженной словообразовательной омонимии типа *белочка* ‘уменьш.-ласк. к *белка*’ – *Белочка* ‘Белорусский вокзал’, в основе которых лежат омонимичные производящие базы *белка* ‘небольшой

лесной зверёк-грызун с пушистым хвостом, а также мех его' – *Белка* 'Белорусский вокзал'. Омонимичными являются также слова типа *полька* 'женщина польского происхождения' и *полька* 'полевая сумка', *казачок* 'уменьш.-ласк. к казак' и *казачок* 'Казанский вокзал (жарг.)', *индюшка* '(разговорное) крупная домашняя птица сем. куриных' – *индюшка* 'индийский чай (угол., торг., шутил.-ирон.)' и др., различающиеся своими мотивирующими сочетаниями, формальные преобразования которых привели к идентичности форм, сохраняющих каждая свою индивидуальную семантическую характеристику. Руководствуясь различиями производящих баз и выражаемых словообразовательных значений, возникших в результате разных словообразовательных процессов, можно, по-видимому, признать словообразовательными омонимами и производные типа *разделка* от *разделявать*, *разделать* и *разделка* 'индивидуальная гонка с разделным стартом', *опаска* '(разговорное) осторожность в предвидении чего-нибудь нежелательного, опасности' и *опаска* '(ол., уг.) опасная бритва', *птичка* 'уменьш.-ласк. к птица' – *птичка* 'птичий рынок в Москве', *высотка* '(разговорное) небольшая возвышенность, горка' и *высотка* 'высотное здание', *вышка* 'высокое строение' и *вышка* 'высшая мера наказания', 'высшее училище', 'высшая школа экономики'. Разные словообразовательные акты с разными словообразовательными значениями со скрытой за конечной формой разницей производящих баз лежат и в основе производных наименований лиц женского пола *пиратка*, *гражданка*, *художница*, *санитарка*, *комсомолка* и универбатов *пиратка* 'пиратский контент', *гражданка* '1) неформенная, гражданская одежда. 2) невоенная, гражданская жизнь в отличие от службы в армии', *художница* 'спортсменка, занимающаяся художественной гимнастикой (спорт.)', *санитарка* 'санитарная машина', *комсомолка* 'газета „Комсомольская правда“' и другие. По тем же основаниям различаются также *холостяк* 'холостой мужчина (обычно о немолодом мужчине)' и *холостяк* 'холостой пробег'), *краснота* 'красный как отвлеченный признак' и *краснота* 'красное вино (жарг.)', *глубинка* 'глушь, захолустье' и *глубинка* 'глубинная бомба' и им подобные слова. Признавая их словообразовательными омонимами, аналогично грамматическим или лексико-грамматическим в предложенной А. И. Смирницким общей типологии омонимов, построенной на типе значения, различающего идентичные формы, следует одновременно отметить и определенную смысловую близость данных форм, продиктованную принадлежностью их производящих

баз к единому словообразовательному гнезду. Из этого вытекает возможность их трактовки как многозначных лексических единиц, реализуемая в некоторых лексикографических источниках. Ср., например, описание слов *гражданка*, *краснота*, *японка* и др. в Толковом словаре русского языка онлайн (Толковый словарь русского языка онлайн). Таким образом, словообразовательная омонимия не всегда ведет к лексической, или, как отмечает Л. И. Осипова, “Суффиксальные универбы могут вступать в омонимичные отношения со словами других словообразовательных типов, но при этом, как правило, возникает не лексическая, а словообразовательная омонимия” (Осипова 2004).

Еще более проблематичной кажется омонимичная интерпретация универбатов, возникающих в результате многократных словообразовательных актов на базе словосочетаний с тождественным определительным словом, но с разными определяемыми и соответственно с разной денотативной отнесенностью. Это производные типа *коммуналка* ‘коммунальная квартира, коммунальные расходы, коммунальные услуги’, *служебка* ‘служебная записка, служебное помещение, служебное жильё’, *овсянка* ‘овсяная крупа, каша’ и многие другие. В пользу их описания как многозначных слов говорит несколько факторов. Во-первых, тождество определительного элемента, остающегося после компрессии словосочетаний и потери определяемых слов, скорее не разъединяет, а семантически объединяет результаты разных словообразовательных актов. Выполняя роль звена, связующего семантически разные идентичные формы, определительный компонент создает возможность для потенциальной широкозначности производной единицы и ее лексикографической дескрипции в виде формулы “что-л., характеризующее указанным признаком”, аналогичной реальным лексикографическим дефинициям производных слов типа “относящийся к тому, связанный с тем, на что указывает производящая база”. Ср. также дескрипцию слова *плетенка* ‘1. Плетёное изделие. 2. Продолговатый витой белый хлеб’ в Толковом словаре русского языка онлайн, в которой за первым значением скрывается то, что *плетенкой* называется и ‘плетеная мебель’, и ‘корзина, сплетенная из прутьев’, и ‘обувь с плетеным верхом’, и ‘леска’, и ‘узор из плетеных линий’. К этой же группе принадлежат и *пуховик* ‘1. пуховая перина, 2. куртка или пальто на пуху’, *ковбойка* ‘1. плотная клетчатая рубашка простого покроя с отложным воротом, 2. шляпа’, *Таганка* ‘1. театр на Таганке, 2. Таганская тюрьма’, *подземка* ‘1. подземный переход,

2. подземная часть метро’, *секретки* ‘1. гайки с секретом, 2. секретные ключи, 3. секретные болты’ и многие другие, широкозначность исходной формулы которых открывает большие возможности для потенциальных универбатов. Так, как убедительно демонстрируют данные Юань Цуй (Юань Цуй 2007), слово *отказник* употребляется более чем в 20 частных словообразовательных значениях, которые автор сводит в три группы: *Отказник*¹ – тот, кто отказался 1) участвовать в переписи населения (МК, 20. 07. 01); 2) служить в армии (Известия, 04. 12. 05); 3) играть за определенную команду (Газета, 10. 08. 02); 4) участвовать в соревновании (www. rtr-sport. ru; 17. 10. 05); 5) от ребенка (www. mosreg. ru; 26. 09. 05); 6) от медали (Агентство ДО-инфо, 06. 03. 05); 7) от льгот (Orel.tv); 8) от жилищных сертификатов (28. 11. 05, www. ltv. ru); 9) от мандата (Грани.ру, 22. 12. 04); 10) принять сырой проект бюджета (Время новостей, 25. 11. 05); 11) платить „дань“ (местной мафии) (26. 11. 05, Инф. агентство Regnum); 12) от получения российского паспорта (АНН, 01. 10. 05); 13) принять единую Европейскую Конституцию (Город, 06. 03. 05); 14) от поста президента (Курсор.ру); 15) от контакта с ВИЧ-инфицированными (КМ.ru, 29. 11. 05); 16) переселяться (с арабских территорий) (Вести, 17. 08. 05); 18) давать объяснения членам комиссии (Время новостей, 21. 11. 05); 19) делать прививку (КП, 27. 09. 95); *Отказник*² – ‘тот, от кого отказались’ 1) ребенок, от которого отказались родители (22. 10. 05, Тверская жизнь); *Отказник*³ – ‘тот, кому отказали’ 1) в выезде за границу (в советское время); 2) во въездной визе (МН, 10. 12. 04); 3) в получении лицензии (Turist.ru); 4) в праве проводить шествия и демонстрации (НГ, 25. 11. 05).

Референциальная многоплановость, затемняющая и отодвигающая на второй план общность ономаσιологического признака, скрывает и близость универбатов метафорическим переносам, обязательным условием для которых является, как известно, наличие некоторого концептуального интегративного пространства в виде семантического компонента, общего как для цели, так и для источника номинации. Функциональная аналогия универбации и метафоры в этом плане еще более склоняет нас к трактовке универбатов ранее названного типа как полисемантов с опосредованной связью их значений, а не как омонимов. Универбаты-полисеманты с опосредованной связью своих значений становятся частью класса многозначных дериватов, дополняя и расширяя подсистему аффиксальных производных слов, полисемантность которых возникает в результате вовлечения в

акты словообразования производящих баз как в основных, так и вторичных, хотя не так часто, значениях (Харитончик 1971). Ср. идею отраженной полисемии Л. И. Осиповой (Осипова 2004).

Вторым немаловажным фактором в пользу рассмотрения единиц данного типа как многозначных является связь их значений. Эта связь может быть гиперонимической (*выделенка* ‘выделенная линия’, ‘выделенная полоса для общественного транспорта на трассе’, *служебка* ‘служебное помещение’, ‘служебное жилье’) или метонимической (*овсянка* ‘овсяная крупа’, ‘каша из овсяной крупы’; *гречка* ‘гречневая крупа’, ‘каша из гречневой крупы’; *шотландка* ‘пёстрая клетчатая ткань’, ‘клетка’, ‘юбка из пёстрой клетчатой ткани’). Между разными значениями универбатов могут устанавливаться также фреймовые отношения (*коммуналка* ‘коммунальная квартира’, ‘коммунальные расходы’, ‘коммунальные услуги’; *гарантийка* ‘гарантийный отдел’, ‘гарантийная мастерская’, ‘гарантийный чек’; *уголовка*, ‘уголовное преступление’, ‘уголовные преступники’, ‘уголовный розыск’ и др.). Значения некоторых универбатов могут различаться лишь направленностью характеризующих определяемое предикатов (ср. *аварийка* ‘машина, потерпевшая аварию’, ‘машина, приходящая на помощь в аварии’), что также наблюдается в производных аффиксальных словах. Специфика связи значений, сближая универбаты и аффиксальные слова, становится семантической чертой, отличающей производные единицы от многозначных простых слов с их непосредственной связью значений.

Главным при этом представляется становление системных отношений иного плана – отношений нетаксономических. В отличие от таксономических объединений, основанных на общности категориальных сем денотативных значений производных слов, благодаря которой последние входят в соответствующие семантические поля, или лексико-семантические группы, нетаксономические группировки объединяют производные единицы, характеризуемые тождеством семантического компонента, детерминируемым общностью мотивирующих их единиц. Таким образом словообразование, наряду с другими функциями, выполняет еще одну – системообразующую – функцию, и формируя разноплановые типы объединений слов, расширяет также возможные типы семантических связей слов в лексиконе, что, несомненно, способствует эффективному и моментальному поиску нужной единицы в процессе коммуникации.

Подводя итоги рассмотрению универбации в русском языке, необходимо еще раз подчеркнуть, во-первых, деривационную ее природу, обусловленную структурными и когнитивными характеристиками данного процесса, и, во-вторых, неоднородность семантических отношений в подсистеме универбатов русского языка, вызванную сосуществованием в ней омонимичных, многозначных и широкозначных универбатов.

Литература

- Наталья А. АНТРОПОВА, 2006: *Словообразование немецкой разговорной лексики (на материале имени существительного)*. Автореф. дис... д-ра филол. наук: 10. 02. 04. Москва.
- Наталья В. ДЬЯЧОК, 2015: *Універбація в російській мові: структурно-семантичний та ономаціологічний опис*. Автореф. дис... д-ра філол. наук: 10. 02. 02. Київ.
- Наталья В. ДЬЯЧОК, 2009: О трансформации универбов в лексические дериваты. *Східнослов'янська філологія*. Зб. наук. праць. Вип. сімнадцятий. Мовознавство. Горлівка, 17–24.
- Андрей Н. ЕЛДЫШЕВ, 1983: Проблемы аббревиатурного словообразования. *Особенности словообразования в терминсистемах и литературной норме*. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 114–152.
- Андрей Н. ЕЛДЫШЕВ, 1985: Стрoение и мотивированность сокращенных слов (К проблеме взаимодействия формально-содержательных признаков в слове). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04. Москва.
- Елена А. ЗЕМСКАЯ, 1992/2005: *Словообразование как деятельность*. Москва: Комкнига.
- Юлія М. КАРДУБАН, 2013: *Абрэвіятуры ў англійскай і беларускай мовах і іх намінатыўны патэнцыял* : Дыс. ... канд. філал. навук: 10. 02. 02. Мінск, Мінскі дзярж. лінгвіст. ун-т.
- Оксана Г. КОСАРЕВА, 2003: *Аббревиация в языке современной прессы (На материале французского, английского и русского языков)*. Дис. ... канд. филол. наук. Тверь.
- Вера А. КОСОВА, СУНЬ МЯЮ, 2015: Функциональная семантика универбов в русских социолектах. *Филология и культура. Philology and culture*. №3 (41), 67–72. //https://m.cyberleninka.ru/article/v/
- Елена С. КУБРЯКОВА, 1981: *Типы языковых значений. Семантика производного слова*. Москва: Наука.

- Наталия А. КУРИЛО, 2005: *Сокращения в современном английском языке: функциональный аспект*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04. 10. 02. 04. Минск: Мин. гос. лингвист. ун-т.
- Владимир В. ЛОПАТИН, 1997: Универбация. *Русский язык. Энциклопедия*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 577.
- Людмила И. ОСИПОВА, 2004: Суффиксальная универбация как продуктивный способ образования новых слов в русской разговорной речи. *Русский язык: исторические судьбы и современность*. Тезисы докладов II Международного конгресса русистов-исследователей. 18–21 марта 2004 г. Москва, 285–286.
- Толковый словарь русского языка онлайн*.
- Зинаида А. ХАРИТОНЧИК, 2004: О сохранении мотивированности аббревиатур. *Проблемы теорії і історії славянського словаїтварєння*. Доклади Шостай міжнароднай канф. Камісії па славянскаму словаїтварєнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск/Беларусь, 2–6 сакавіка 2003 г. Мінск: Права і эканоміка, 176–184.
- Зинаида А. ХАРИТОНЧИК, 1971: *Семантика суффиксального производного слова*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: Московский госпединститут иностранных языков им. М. Тореза.
- Юань ЦУЙ, 2006: *Коллоквиализация языка современной прессы (на материале словообразования имен существительных)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова.
- Joan BYBEE, 1985: *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam: J. Benjamins Publ. Co.
- Wolfgang DRESSLER, 1987: Word formation as Part of Natural Morphology. DRESSLER, W. U., MAYERTHALER, W., PANAGL, O., WURZEL, W. (Hg.). *Leitmotifs in Natural Morphology*. Amsterdam – Philadelphia, 99–125.
- Ray JACKENDOFF, 2002: *Foundations of language. Brain. Meaning. Grammar. Evolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Aleš KLÉGR, 2002: Wellingtons, or elliptic shortening. *Acta Universitatis Carolinae – Philologica 2. Prague studies in English*. XXIII, 95–110.
- Willi MAYERTHALER, 1981: *Morphologische Natürlichkeit*. Wiesbaden.
- Gustaf STERN, 1931: *Meaning and Change of Meaning. With Special Reference to the English Meaning*. Göteborg.
- Wolfgang WURZEL, 1984: Flexionsmorphologie und Natürlichkeit: ein Beitrag zur morphologischen Theoriebildung. *Studia Grammatika* 21. Berlin.

Univerbs: Homonymous or Polysemantic

The paper is an attempt to find structural and cognitive analogies between univerbalization and other types of word formation in order to account for the derivational character of the process and its resulting units and to describe semantic properties of univerbs of *маршрутка*- type in Russian. The semantic heterogeneity of Russian suffixal univerbs which comprise homonyms, polysemantic words and units with wide semantics is revealed. Homonymy within the domain of suffixal univerbs arises due to their formal identity with semantically unrelated simple units (*Белка* ‘Белорусский вокзал’ – *белка* ‘зверек’) or is a case of reflected homonymy (*Белочка* ‘Белорусский вокзал’ – *белочка* ‘зверек’), while polysemy results due to the multiple compression of underlying word combinations with identical specifying elements. The polysemy of the univerbs of this group is supported by various semantic relations (hyponymic, metonymic, etc.) which unite different meanings of the corresponding forms into one semantic structure (*коммуналка* ‘коммунальная квартира, коммунальные расходы, коммунальные услуги’, *гречка* ‘гречневая крупа’, ‘каша из гречневой крупы’, etc.).

Nicol Janočková

Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied,
Slovenská republika, Bratislava
nicol.janockova@juls.savba.sk

K ELIPTICKEJ UNIVERBIZÁCII V SLOVENČINE¹ (typ *krstný otec* → *krstný*)

Eliptická univerbizácia ako jeden typ univerbizácie v jazyku sa interpretuje aj z hľadiska teórie lexikálnej motivácie – ide tu o syntaktickú demotiváciu a nadobudnutie morfolologickej motivácie – motivačná determinácia (Ološtiak 2011). Zameriame sa na jej vzťah k derivačnej univerbizácii (*hovädzie mäso* – *hovädzina*). Ďalej sa pokúsime porovnať substantivizované adjektíva ako výsledok slovnodruhového prechodu (adj. *miestny [obyvatel']* → subst. *miestny*; Dokulil 1982) a substantivizované adjektíva ako výsledok univerbizácie (adj. *krstný otec* → subst. *krstný*), pretože nie každé substantivizované adjektívum je univerbát. Je lexikalizované spojenie zárukou, že ide o univerbát? Budeme uvažovať o elipse a lexikalizácii, o spontánnosti a zámernosti v jazyku.

Kľúčové slová: eliptická univerbizácia, morfológická motivácia, univerbizačná a neuniverbizačná substantivizácia, substantivizované adjektívum

The univerbization realized by an ellipsis is one type of the univerbizational process. One interpretation of this univerbization stems from the theory of lexical motivation – it is a syntactic demotivation in favour of gaining a morphologic motivation, in a process called motivational determination (Ološtiak 2011). We will analyse its relation to univerbization realized by derivation (e. g. *hovädzie mäso* – *hovädzina*; *beef*). Further we will compare nouns converted from adjectives in adjective-noun connections, which have the status of a free word connection (adj. *miestny [obyvatel']* – n. *miestny*; *citizen*; Dokulil 1982) that are not results of univerbization; and nouns converted from adjective-noun connections, which have the status of a lexicalized word connection and are results of univerbization (adj. *krstný otec* → n. *krstný*; *god-father*), because not every noun converted from an adjective is a result of univerbization. Is the lexicalization of an adjective-noun connection a guarantee that the adjective converted to noun is a result of univerbization? We will contemplate ellipsis and lexicalization in a language, as well as spontaneity and deliberateness.

¹ Príspevok bol vypracovaný v rámci grantového projektu VEGA č. 2/0017/17 *Slovník súčasného slovenského jazyka – 6. etapa (Koncipovanie a redigovanie slovníkových hesiel a s tým spojený lexikologicko-lexikografický výskum)*.

Key words: the univerbization realized by an ellipsis, the morphologic motivation, the conversion of adjectives from adjective-noun connections to nouns – univerbization and non-univerbization, the adjective conversed to noun

1. V našom príspevku sa pristavíme pri najstaršom, v súčasnosti však menej využívanom type univerbizácie – pri univerbizácii realizovanej pomocou elipsy substantíva v adjektívno-mennom spojení, ktorú sprevádza substantivizácia adjektíva² (*materská dovolenka* → *materská*). V literatúre tento typ univerbizácie nemá ustálený názov, porov. univerbizácia substantivizáciou (Jodłowski 1964; Kučerová 1973, 1974; Horecký – Buzássyová – Bosák a kol., 1989), eliptická univerbizácia alebo univerbizácia elipsou (Kaliszan 1984; Krško 1996; Furdík 2004), elipsa (Buttler 1978; Kolářová 2011), univerbizácia prostredníctvom morfológicko-syntaktickej slovo-tvorby – substantivizácia adjektív (Blagoeva 2003), syntaktická derivácia, substantivizácia, elipsa (Koriakowcewa 2006), sémantické, nemorfematické včlenenie (Nikolajev 2012), najnovšie morfológická univerbizácia (Ološtiak – Ivanová 2013; Palková 2015a, b).

1.1. G. Nikolajev (2012) univerbizáciu charakterizuje ako včlenenie (rus. *включение*), pri ktorom sa včleňuje význam toho slova z viacslovného spojenia, ktoré je v univerbáte zastúpené formantom (pri derivačnej univerbizácii), alebo toho slova, ktoré vypadáva (pri eliptickej univerbizácii). Toto včlenenie sa realizuje buď morfematicky, morfológicky pri derivačnej univerbizácii, alebo nemorfematicky, sémanticky pri eliptickej univerbizácii a dezintegrácii. Rezultát sémantického včlenenia, výsledok substantivizácie, nazýva autor substantívom, napr.

вечерняя служба → morfematický univerbát: *вечерница*
→ nemorfematický univerbát: *вечерняя*.

1.2. V slovenskej lingvistike sa univerbizácia interpretuje ako jeden z prejavov tendencie k demokratizácii v jazyku, popri hovorovosti, slangovosti, neologizácii a okazionalizmom (Bosák 1984, 1987; Horecký – Buzássyová

² Nazdávame sa, že prípady univerbizácie elipsou adjektíva (*filozofická fakulta* → *fakulta*), hodnotené aj ako kontextová simplifikácia (Bosák 1984, 1987), sú kontextovou, situačnou, nie lexikalizovanou záležitosťou, preto sa im na tomto mieste nebudeme venovať. Pomenovanie tohto typu univerbizácie aj ako deadjektivizácia (napr. Szczepańska 1994) nevystihuje presnú podstatu pojmu, lebo deadjektivizácia je proces utvorenia lexémy od adjektíva, teda napr. *chudnúť*, *slepota*, *nahluchlý*. Pojem deadjektivizácia by sme mohli uplatniť pri prvom prípade – pri univerbizácii substantivizáciou, keď z adjektíva v adjektívno-substantívnom viacslovnom pomenovaní vzniká prehodnotením jeho kategoriálnych vlastností substantívum.

– Bosák a kol. 1989). J. Bosák rozlišuje univerbizáciu v širšom a užšom zmysle. V širšom zmysle ide o všeobecnú tendenciu vychádzajúcu z princípu ekonómie v komunikácii³. V užšom zmysle sa uplatňuje v lexikálnej rovine ako tvorenie slov na pozadí viacslovných spojení, a to deriváciou (*presilová hra* → *presilovka*), substantivizáciou (*triedna učiteľka* → *triedna*), synekdochou (*skok o žrdi* → *žrd'*), kompozíciou (*hráč prvej ligy* → *prvoligista*) alebo ako simplifikácia viacslovných spojení: kontextová (*vláda ČSSR* → *vláda*⁴) a skracovanie, akronymizácia (*Slovenská akadémia vied* → *SAV*).

J. Bosák (Horecký – Buzássyová – Bosák a kol. 1989) konštatuje, že pri týchto univerbátoch je tendencia odstraňovať rozpor medzi starou adjektívnou formou a novým substantívnym významom tak, že univerbáty sa ďalej upravujú (*generálny riaditeľ* → **generálny** → *generál*). Nazdávame sa však, že tu nejde o reťazový, ale o paralelný proces alebo o metonymiu: *generálny riaditeľ* → *generálny* a *generálny riaditeľ* → *generál*.

1.3. Pri eliptickej univerbizácii sa substantivizované adjektívum dostáva do homonymického vzťahu s pôvodným adjektívom (*lyžiarsky¹ výcvik* → *lyžiarsky²*) a nadobúda adjektívnu substantívnu deklináciu (Sokolová 2007: 31). K homonymii môže dôjsť aj medzi substantivizovanými univerbátmi (*vysoká škola* → **vysoká**, *vysoká zver* → **vysoká**), tieto prípady sú lexikograficky spracované obyčajne ako polysémia. Vzťah dvoch variantných univerbátov (substantivizovaného a derivačného – sufixálneho) typu *hovädzie mäso* → *hovädzie/hovädzina* neplatí systémovo (*hovädzie* sa významovo neprekrýva úplne s lexémou *hovädzina*, ktorá má navyše aj význam “hovädzia koža”).

Keďže univerbáty vznikajú na podklade viacslovných pomenovaní, je medzi nimi aj motivačný vzťah (*Eiffelova veža* → *Eiffelovka*). A keďže medzi viacslovným pomenovaním a univerbátom je zároveň aj vzťah slovo- tvornej synonymie⁵, motivačný a synonymický vzťah sa tu prekrývajú.

³ C. Avramova (2013: 215) v zhode s K. Gutschmidtom (1998) toto tvrdenie dopĺňa tým, že snaha o ekonómiu jazykových prostriedkov je všeobecný komunikačný princíp a nemožno ju stotožňovať s jazykovou tendenciou.

⁴ Prípady kontextovej simplifikácie iní autori (napr. Szczepańska 1994) zaraďujú k adjektivizujúcej elipse (deadjektivizácia), napr. čes. *okresní výbor* → *výbor*, alebo ich vyčleňujú ako osobitný typ univerbizácie prostredníctvom lexikálno-sémantickej slovo- tvorby (Blagoeva 2003), príp. ich hodnotia ako sémantický typ univerbizácie (Palková 2015b).

⁵ Ďakujem kolegyni doc. PhDr. Ivane Bozděchovej, CSc., za upozornenie, že synonymia sa týka skôr lexém s rozdielnym slovo- tvorným základom, čo v tomto prípade neplatí.

Pri klasickej slovotvornej motivácii sa hovorí o motivačnom vzťahu medzi motivantom a motivátom, nie však o synonymii, a to ani v prípade modifikačnej derivácie, napr. pri deminutívach (*škatuľa* → *škatuľka*). Tak ako je pri sufixálnej univerbizácii slovotvorný význam univerbátu totožný s motivujúcim viacslovným pomenovaním (*minerálna voda* → *minerálka* “minerálna voda”), podobne je to aj pri eliptickej univerbizácii (*domáca úloha* → *domáca* “domáca úloha”).

2. Jednou z možností, ako interpretovať univerbizáciu, je aj **teória lexikálnej motivácie** (Furdík 2008). Tento metodologický nástroj použili M. Ološtiak, M. Ivanová (2013) a L. Palková (2015a, b). Univerbizáciu vysvetľujú ako syntaktickú demotiváciu, pri ktorej sa z viacslovného (syntakticky motivovaného) pomenovania stáva jednoslovné pomenovanie. V tomto jednoslovnom (univerbizovanom) pomenovaní, univerbáte, sa zároveň aktivizuje niektorý z typov lexikálnej motivácie, t. j. podľa druhu univerbizácie sa môže aktivizovať slovotvorná motivácia (*kruhový objazd* → *kruháč*), morfológická motivácia (*rodičovské združenie* → *rodičovské*), sémantická (*skok do výšky* → *výška*), abreviačná motivácia (*mestská hromadná doprava* → *MHD*), pričom jednotlivé typy motivácie môžu spolupracovať (*Šafárikovo námestie* → *Šafko* – slovotvorná a abreviačná motivácia). Autori vyčleňujú univerbizáciu ako **proces** vzniku univerbátu z viacslovného pomenovania, **vzťah** medzi viacslovným pomenovaním (motivantom) a univerbátom (motivátom) a ako **vlastnosť** univerbátu.

Pri morfológickej motivácii:

... dve identické formy označujú dva rozdielne kategoriálne a sčasti aj nekategoriálne významy. Kondenzačná funkcia spočíva v tom, že na pomenovanie nového obsahu sa nevyužíva nová forma, ale existujúca forma, vyrastajúca z konkrétneho gramatického tvaru alebo morfológickej subparadigmy motivantu... (Ološtiak 2011: 41).

L. Palková (2015a: 187) podáva vlastnosti univerbizačného motivanta a univerbizačného motivátu, ktoré sú v podstate založené na opozícii:

Univerbizačný motivant

viacslovnosť
lexikálna analytickosť
väčšia miera onomaziol. explicitnosti

Univerbizačný motivát

jednoslovnosť
lexikálna syntetickosť
menšia miera onomaz. explicitnosti

Navrhujeme uvažovať napríklad o ekvivalencii medzi viacslovným pomenovaním a univerbátom.

väčšia nákladnosť	väčšia úspornosť
väčšia presnosť	menšia presnosť
väčšia miera jednoznačnosti	väčšia miera viacznačnosti
nepríznačnosť	príznačnosť
genetická primárnosť	genetická sekundárnosť
oficiálnosť	neoficiálnosť
(skôr) písomnosť	(skôr) ústnosť
vyššia miera spisovnosti	vyššia miera nespisovnosti

Väčšina autorov podmieňuje vznik univerbátu ustálenosťou, lexikalizovanosťou viacslovného spojenia. K tomu sa prikláňa aj J. Kaliszan (1984), pretože ak by sme za motivanta univerbizácie považovali akékoľvek spojenie, univerbizácia by sa stotožnila s deriváciou a vyčleňovanie univerbizácie ako takej by nemalo vlastne zmysel. M. Ološtiak a M. Ivanová (2013) v nadväznosti na A. Jarošovú (2000a, b) rozlišujú 4 typy viacslovných pomenovaní ako motivantov univerbizovaných pomenovaní:

1. neutrálne viacslovné pomenovanie: *nezisková organizácia* → *neziskovka*, *materská dovolenka* → *materská*,
2. viacslovný termín: *lumbálna punkcia* → *lumbálka*,
3. viacslovné proprium: *Lomnický štít* → *Lomničák*, *Višňová voda* → *Višňová*,
4. frazeologizmus: *Jóbova zvesť* → *jóbovka*.

3. Eliptická univerbizácia (sprevádzaná substantivizáciou adjektív) patrí pod širší pojem **substantivizácie**. Elipsa substantíva je iba prvým krokom k samotnej substantivizácii (Jodłowski 1964; Kučerová 1973, 1974). J. Jodłowski rozlišuje dva procesy substantivizácie:

1. postupné prehodnotenie adjektíva na substantívum,
2. momentný, slovotvorný akt utvorenia substantív pomocou adjektívnych sufixov, napr. poľ. *szefowa* „šéfova žena“ (odvodené od *szef*, nie od *szefowy*); slov. *chyžná* (← *chyža*), *najhoršie* (← *zle*), *komické* (← *komika/komický*). Priebeh substantivizácie podľa autora:

1. elipsa rozvíjaného substantíva,
2. lexikalizácia adjektívneho výrazu a zmena jeho kategórie na substantívum,
3. ustálenie adjektívneho sufixu ako substantívneho formantu.

3.1. V slovenčine sa eliptickej univerbizácii adjektív najviac venovala E. Kučerová (1973, 1974). Autorka nestotožňuje univerbizáciu s elipsou, pre-

tože elipsa vzniká vypustením časti výrazu bez narušenia zmyslu daného slova, ktorý vyplýva z kontextu, z danej situácie. Elipticky sa podľa nej dá použiť akékoľvek spojenie – voľné aj ustálené. Substantivizovať sa môže voľné spojenie (*choryj, miestny*) aj ustálené spojenie (*domáca [pálenka], tanečná [škola]*). Univerbizovať sa dá len ustálené spojenie. Substantivizáciu vníma E. Kučerová ako slovotvorný postup a konverziu. Elipsu pokladá za počiatkové štádium neskoršej substantivizácie:

Univerbizácia nie je totožná s eliptickým použitím dvojslovného pomenovania, ale s lexikalizáciou eliptickej podoby (Kučerová 1974: 24).

S týmto tvrdením súhlasíme. Ďalej autorka doplňuje:

... tak ako pri univerbizácii odvodzovaním nie je prítomná elipsa ani pri univerbizácii substantivizáciou (Kučerová 1974: 25).

minerálna voda → *minerál-ka*
materská dovolenka → *materská*

Autorka radí k univerbizácii aj prípady s nerovnakým gramatickým rodom (typ *manipulačný poplatok* → *manipulačné*). Odlišný gramatický rod adjektíva vo viacslovnom pomenovaní a substantivizovaného adjektíva je pre autorku argumentom, že v týchto prípadoch nejde o elipsu. Tieto prípady hodnotí ako univerbáty aj S. Sojda (2011). Na druhej strane M. Dokulil (1962) a K. Hegerová (1991) ich považujú za deriváciu, a nie za univerbizáciu.

Treba si ujasniť pojmy univerbizácia – substantivizácia – elipsa. Substantivizáciu – prechod slova z istého slovného druhu do substantíva – ako aj ostatné lexikalizačné procesy (adjektivizáciu, verbalizáciu, adverbializáciu atď.) začleňuje M. Dokulil (1982) medzi slovnodruhovú prechody. Ide o spontánny, dlhotrvajúci proces, lexikalizáciu. Nie je to ani transflexia, pretože sa nemení tvaroslovná paradigma substantivizovaného adjektíva (ak odhliadneme od prípadov s nezhodným gramatickým rodom: *manipulačný poplatok* → *manipulačné*), ale skôr konverzia, keďže slovo prešlo do nového slovného druhu v pôvodnej forme. Dôkazom, že ide o elipsu substantíva, je podľa autora to, že adjektívum sa substantivizuje len v tom význame, ktorý má v spojení s elidovaným substantívom, a nie v celom sémantickom spektre adjektíva (Dokulil 1982: 264). Toto možno vnímať ako istý protiargument k tvrdeniu E. Kučerovej, ktorá hovorí, že elipsa nie je prítomná pri eliptickej univerbizácii.

4. V našej úvahe budeme používať pomenovanie **univerbizácia substantivizáciou adjektív** (na rozdiel napr. od derivačnej, kompozičnej, abreviačnej univerbizácie) alebo **univerbizačná substantivizácia** (na rozdiel od neuniverbizačnej, čistej substantivizácie). Substantivizované adjektívum budeme nazývať **substantivátom**.

4.1. Skúmali sme substantivizované adjektíva na materiáli Slovníka súčasného slovenského jazyka (A – G 2006; H – L 2011, M – N 2015), čiastočne doplnené o jednotky z Krátkeho slovníka slovenského jazyka (2003) a Slovníka slangu a hovorovej slovenčiny (Oravec 2014). Substantivizované adjektíva (substantiváty) sú výsledkom rozdielnej derivačnej histórie. Pozorujeme tieto **typy substantivátov**:

I. Motivantom je voľné spojenie, ide o čistú, neuniverbizačnú substantivizáciu:

1. substantivát z voľného spojenia, ktoré obsahuje adjektívum – frekvencovaný typ:

chorý človek → chorý, malý chlapec/syn → malý, drobné mince → drobné

2. substantivát z voľného spojenia, ktoré obsahuje pôvodné trpné alebo činné prídavné slovo – potenciálne produktívny typ:

nezamestnaný človek → nezamestnaný, obžalovaný človek → obžalovaný; cestujúci človek → cestujúci

II. Motivantom je ustálené spojenie, ide o univerbizačnú substantivizáciu:

3. substantivát z ustáleného spojenia:

detská izba → detská, krčné oddelenie → krčné, krstný otec → krstný

III. Motivantom je:

4. a) voľné (?) spojenie; substantivát z voľného (?) spojenia – ide o transflexnú univerbizáciu a následnú substantivizáciu:

manipulačný poplatok → manipulačné “manipulačný poplatok”

4. b) lexéma, nie spojenie – ide o substantivizačnú deriváciu:

manipulovať → manipulačné “poplatok za manipulovanie”

manipulácia → manipulačné “poplatok za manipuláciu”

IV. Motivantom nie je spojenie, ale lexéma, ide o analogickú deriváciu:

5. substantívát s adjektívnu formou, nemá zodpovedajúce adjektívum:

chyža → *chyžná*, *hádzať* → *hádzaná*

6. substantívát s adjektívnu formou, má zodpovedajúce adjektívum, príp. iný motivant:

epický → *epické* (substantivizácia) alebo *epika* → *epické* (analogická derivácia)

dobrý → *dobré* (substantivizácia) alebo *dobro* → *dobré* (analogická derivácia)

Substantiváty môžu byť jednak produktmi **čistej, neuniverbizačnej substantivizácie**, teda konverzie, pri rekonštrukcii ide o voľné spojenia s elidovaným substantívom, napr. *človek*, *osoba*, *muž*, *obyvateľ* – 1. a 2. typ (iné príklady: *blízky*, *bohatý*, *dotyčný*, *hluchý*, *chudobný*, *kompetentný*, *miestny*, *mocný*, *mŕtvy*, *nezvestný*, *príbuzný*; *hľadaný*, *napadnutý*, *nepočujúci*, *veriaci*) – patria sem pôvodné neodvodené aj odvodené adjektíva a lexikalizované trpné alebo činné prídavia. Práve pri nich sú najväčšie problémy stanovenia hranice, kedy ide o prídavie a kedy už o adjektívum, napr.

prídavie: *Pacienta **nakazeného** žltáčkou hospitalizovali v nemocnici.*

adjektívum: *Treba izolovať **nakazené** deti.*

substantivát: *Medzi **nakazenými** bolo veľa detí.*

Substantiváty ďalej môžu byť aj výsledkom **univerbizačnej substantivizácie** – 3. typ, príp. 4. typ – pri rekonštrukcii ide o ustálené slovné spojenia, resp. typické spojenia. Pri vzniku substantivátov sa môže uplatniť **analogická derivácia** – 5. a 6. typ, keď dané substantiváty môžu a nemusia mať zodpovedajúce adjektívum.

4.1.1. Neuniverbizačné substantiváty majú s univerbizačné substantivátmi spoločnú adjektívnu formu a substantívny obsah. Pri výslednom substantivizovanom adjektíve už nie je podstatné, či ide o produkt univerbizácie alebo čistej substantivizácie, pretože svoj účel daný univerbizačný alebo čisto substantivizačný akt splnil. Zaujímavý názor na substantivizované prídavia podáva M. Avramovová (2014), ktorá hovorí, že prípady typu *cestujúci*, *besedujúci*, *dovolenkujúci*, *kupujúci* ako substantivizované prídavia predbehli vznik samotného adjektíva z činného prídavia, o ktorom sa predpokladá, že sa lexikalizovalo ako prvé (*čakáreň pre cestujúcich*,

na ostrove je veľa dovolenkujúcich, kupujúci si uplatňuje reklamáciu na chybný tovar).

4.2. Pozrime sa na niektoré lexikálno-sémantické skupiny substantívátov:

1. Neuniverbizačné substantiváty:

Feminína:

Pomenovania osôb: *domáca, generálová, hostinská, chyžná, ministrová;*

bývalá, dotyčná, drahá, druhá, hluchá, hluchonemá, chorá, iná, malá, maličká, maloletá, milá, milená, milučká, milovaná, milostivá, mladá, mladistvá; menovaná, nadriadená, napadnutá

Pomenovania farieb: *červená, modrá*

Pomenovania častí tela: *ľavá, pravá (noha, ruka)*

Neutrá:

Pomenovania poplatkov: *balné, bolestné, cestovné, členské, dovozné, funkčné, hovorné, hrubé, invalidné, kilometrovné, manipulačné, materské, nájomné, nočľažné, odškodné, štartovné, vdovské, vdovecké, výpalné*

Pomenovania filozofických, estetických a iných abstraktných pojmov: *dobré, epické, estetické, etické, chcené, jednotlivé, lyrické, nadskutočné*

Pomenovania mláďat: *malé, maličké, mladé*

Pomenovania čeľadí v botanike a zoológii (plurálové tvary): *chochláčovité, kosatcovité, ľaliovité, medvedíkovité, muchárikovité, nosáčikovité*

2. Univerbizačné substantiváty:

Feminína:

Pomenovania osôb: *krstná (mama), triedna (učiteľka)*

Pomenovania miestností, ciest, miest: *detská, host'ovská, čeľadná (izba); hradská, hlavná (cesta), konečná (stanica/zastávka), Hlavná (ulica); interná (1. ambulancia, 2. klinika), ekonomická, hudobná, tanečná (škola)*

Pomenovania (aj abstraktných) vecí: *trvalá, vodová (ondulácia), fúkaná (nemá dvojslovný ekvivalent, asi analógia podľa trvalá), horká (pálenka),*

domáca (1. pálenka, 2. úloha), *pevná* (linka), *materská* (dovolenka), *polnočná* (omša), *nemocenská* (dávka), *malá, veľká* (potreba), *denná, nočná* (zmena), *výborná, chválitebná, dobrá, dostatočná, nedostatočná* (známka), *držková, francúzska, gulášová* (polievka), *cigánska* (pečienka)

Neutrá:

Pomenovania vín, potravín: *burgundské, tokajské, šampanské* (vino); *bravčové, hovädzie, jahňacie, kuracie* (mäso)

Pomenovania miest, vecí: *infekčné, interné, krčné* (oddelenie), *protidrogové* (1. oddelenie, 2. liečenie), *národné* (1. divadlo, 2. múzeum), *študijné* (oddelenie), *denné, diaľkové* (štúdium)

4.3. Lexikografické spracovanie univerbizovaných substantívátov:

bicie *bicích* m. pomn. ► sústava bicích hudobných nástrojov: *aktívny hráč na b.; nevhodný úder na b.; príjemná gitarová muzika s výraznými bicími; Mimoriadne rýchle bicie a bublavá basgitarra tvorili podklad rebelantských skladieb.* [Pc 1994]

Slovník súčasného slovenského jazyka. A – G (2006)

krčné *-ného* pl. N *-né* G *-ných* s. hovor. ► krčné oddelenie nemocnice, kliniky: *ísť na krčné; ležať na krčnom*

Slovník súčasného slovenského jazyka. H – L (2011)

4.3.1. Feminínne tvary (neuniverbizačných aj univerbizačných substantívátov) sú lexikograficky spracované dvojako:

1. ako samostatné heslové slová, keď vystupujú ako primárne v porovnaní s maskulínom, resp. substantivizované maskulínium nie je zastúpené. Väčšina z nich má zodpovedajúce adjektívum (*konečný*):

konečná *-nej* pl. N *-né* G *-ných* ž. ► zastávka al. stanica na konci trasy, cesty a pod., po ktorej už nenasleduje ďalšia: *vystúpiť na konečnej; zaviezt' sa až na konečnú; z konečnej sa pohlol trolejbus; vlak tu má konečnú; Po konečnú sú už iba dve zastávky.* [D. Dušek]; *Pri konečnej je už len pole. Električka tu stojí desať minút.* [L. Ťažký]

Slovník súčasného slovenského jazyka. H – L (2011)

2. sú prihniedzované pri substantivizovanom maskulíne:

bývalý² -lého pl. N -lí m. hovor. ► bývalý partner, obyč. manžel: *to je môj b.;* *b. posíela na deti peniaze* ► **bývalá** -lej pl. N -lé G -lých ž.: *navštívila ho b.*

Slovník súčasného slovenského jazyka. A – G (2006)

Iné substantiváty vystupujú ako generické maskulína (*blízky, miestny, mocný, núdzny*), často iba v plurálovej podobe, napr. *oslavovať v kruhu blízkych, obchodný duch sa miestnym nedá uprieť, mocní tohto sveta, pomáhať núdzným a trpiacim*.

5. Záver. Vzhľadom na existenciu aj čistej, neuniverbizačnej substantivizácie sa prikláňame skôr k pojmu **univerbizačná substantivizácia** (alebo substantivizačná univerbizácia), pričom si uvedomujeme, že univerbizácia ako tendencia k tvoreniu jednoslovných pomenovaní z viacslovných pomenovaní sa realizuje rozličnými prostriedkami (deriváciou – sufixáciou, kompozíciou, simplifikáciou, skracovaním). Univerbizačná substantivizácia využíva slovnodruhový prechod (konverziu), nie typické slovotvorné prostriedky. Elipsa je prvým krokom substantivizácie. Výsledok substantivizácie nazývame substantivát (teda nielen tie jednotky, ktoré vznikli analogickou substantivizáciou). Ak je motivantom substantivátu voľné spojenie, ide o neuniverbizačný substantivát (*nezamestnaný človek* → *nezamestnaný*). Ak je motivantom ustálené spojenie, hovoríme o univerbizačnom substantiváte (*krstný otec* → *krstný*). Na odlíšenie univerbizačných a neuniverbizačných substantivátov je v prvom rade relevantné odlíšiť voľné spojenie a ustálené spojenie, čo býva problém, lebo nie všetky ustálené spojenia sú lexikograficky registrované. Ustálený viacslovný motivant vystupuje zároveň aj ako neutrálne slovotvorné synonymum (resp. ekvivalent, porov. poznámku pod čiarou č. 5) výsledného substantivátu, čiže medzi viacslovným pomenovaním a univerbizačným substantivátom funguje zároveň motivačný aj synonymický (resp. ekvivalentný) vzťah.

Univerbizačné substantiváty sú homonymné s príslušným adjektívom z viacslovného pomenovania (adj. *krstný¹ list*; adj. *krstný¹ otec* → subst. *krstný²*) – lexikograficky spracované ako homonymá. K homonymii môže dôjsť aj medzi samotnými univerbizačnými substantivátmi (*vysoká zver* → *vysoká, vysoká škola* → *vysoká*) – lexikograficky spracované v rámci polysémie. Univerbizačné substantiváty môžu vstupovať do korelácie s paralelne utvorenými univerbátmi iného typu, napr. *hovädzie mäso* → *hovädzie/hovädzina*. Podobne je to aj pri neuniverbizačných substantivátoch, napr. *neveriaci človek* → *neveriaci/neverec*.

Menšia sonda do lexicografického spracovania substantívátov v slovenčine naznačuje, že prevažujú skôr neuniverbizačné substantíváty (*drahý, malý, hendikepovaný, nepočujúci*). Lexikalizované (činné, trpné) príchastia sa substantivizujú skôr neuniverbizačne, čo súvisí pravdepodobne s tým, že príchastia nebývajú súčasťou ustálených spojení (*cestujúci, nastávajúci, nakazený, obžalovaný* a príslušné prechýlené mená *cestujúca, nastávajúca, nakazená, obžalovaná*). Často dochádza k substantivizácii príchastia skôr ako k adjektivizácii príchastia (*záujem kupujúcich vzrástol*).

Pri nezhode gramatického rodu vo viacslovnom pomenovaní a substantíváte sa nateraz prikláňame buď k transflexnej univerbizácii a následnej substantivizácii (*manipulačný poplatok* → *manipulačné*), alebo k (viacnásobnej) substantivizačnej derivácii (*manipulácia/manipulovať* → *manipulačné*).

Univerbizačné substantíváty – feminína bývajú lexicograficky zachytené obyčajne v samostatnom hesle (*konečná zastávka/stanica* → *konečná*; adjektívum *konečný* má samostatné heslo). Prihniezdované bývajú skôr feminína pri neuniverbizačných substantívátoch (*bývalá* k *bývalému*, *nevinná* k *nevinnému*).

Literatúra

- Cvetanka AVRAMOVA, 2013: Univerbáty v lexikálnom systéme jazyka. BUZÁSSYOVÁ, Klára, CHOCHOLOVÁ, Bronislava (eds). *Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka*. Bratislava: Veda, 214–224.
- Miroslava AVRAMOVOVÁ, 2014: Komu dobre v hniezde. Spracovanie femininých tvarov spodstatných adjektív vo výkladovom slovníku. ONDREJOVIČ, Slavomír, SATINSKÁ, Lucia, VRÁBLEOVÁ, Júlia (eds). *Štefan Peciar a moderná lexikografia. Zborník k 100. výročiu narodenia Štefana Peciaru*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, 141–162.
- Ján BOSÁK, 1984: Hovorovosť ako dynamický faktor. *Slovenská reč*. Roč. 49, č. 2, 65–73.
- Ján BOSÁK, 1987: O vymedzení univerbizácie. *Slovenská reč*. Roč. 52, č. 4, 231–237.
- Danuta BUTTLER, 1978: Procesy uniwerbizacji w nowym słownictwie polskim i rosyjskim. *Slavia Orientalis*. XXVII, č. 3, 385–391.
- Klára BUZÁSSYOVÁ, Alexandra JAROŠOVÁ (eds.), 2006: *Slovník súčasného slovenského jazyka. A–G. [I. zv.]*. Bratislava: Veda.

- Miloš DOKULIL, 1962: *Tvoření slov v češtině 1. Teorie odvozování slov*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.
- Miloš DOKULIL, 1982: K otázce slovnědruhových převodů a přechodů, zvl. transpozice. *Slovo a slovesnost*. Roč. 43, č. 4, 257–271.
- Juraj FURDÍK, 2004: *Slovenská slovtvorba*. OLOŠTIAK, Martin (ed.). Prešov: Náuka.
- Juraj FURDÍK, 2008: *Teória lexikálnej motivácie v lexikálnej zásobe*. OLOŠTIAK, Martin (ed.). Košice: Vydavateľstvo LG.
- Katarína HEGEROVÁ, 1991: Názvy s príponou *-né*. *Kultúra slova*. Roč. 25, č. 10, 327–333.
- Ján HORECKÝ, Klára BUZÁSSYOVÁ, Ján BOSÁK a kol., 1989: *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava: Veda.
- Alexandra JAROŠOVÁ, 2000a: Viacslovný termín a lexikalizované spojenie. BUZÁSSYOVÁ, Klára (ed.). *Človek a jeho jazyk. 1. Jazyk ako fenomén kultúry. Na počesť profesora Jána Horeckého*. Bratislava: Veda, 481–493.
- Alexandra JAROŠOVÁ, 2000b: Spracovanie ustálených spojení vo výkladovom slovníku. Návrh. MARTINCOVÁ, Olga, SVĚTLÁ, Jindra (eds.). *Nová slovní zásoba ve výkladových slovnících*. Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 41–54.
- Alexandra JAROŠOVÁ (ed.), 2015: *Slovník súčasného slovenského jazyka. M–N*. [3. zv.]. Bratislava: Veda.
- Alexandra JAROŠOVÁ, Klára BUZÁSSYOVÁ (eds.), 2011: *Slovník súčasného slovenského jazyka. H–L*. [2. zv.]. Bratislava: Veda.
- Stanisław JODŁOWSKI, 1964: Substantywizacja przymiotników jako jeden z elementów procesu rozwojowego języka. *Język Polski*. XLIV, 7–14.
- Ján KAČALA, Mária PISÁRČIKOVÁ, Matej POVAŽAJ (eds.), 2003: *Krátky slovník slovenského jazyka*. Bratislava: Veda.
- Ivana KOLÁŘOVÁ, 2011: Univerbizace. ŠTÍCHA, František (ed.). *Kapitoly z české gramatiky*. Praha: Academia, 273–410.
- Jaromír KRŠKO, 1996: Polyonymia chotárnych názvov Muránskej doliny. *Slovenská reč*. Roč. 61, č. 3, 136–141.
- Eleonóra KUČEROVÁ, 1973: Univerbizácia substantivizáciou dvojslovných pomenovaní mužských osôb. *Slavica Slovaca*. Roč. 8, č. 1, 3–14.
- Eleonóra KUČEROVÁ, 1974: Z problematiky univerbizácie substantivizáciou. Podstatné mená so ženským gramatickým rodom. *Slavica Slovaca*. Roč. 9, č. 1, 23–34.
- Martin OLOŠTIAK, 2011: *Aspekty teórie lexikálnej motivácie*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

- Martin OLOŠTIAK, Martina IVANOVÁ, 2013: *Kapitoly z lexikológie (Lexikálna syntagmatika a viacslovné pomenovania)*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.
- Peter ORAVEC, 2014: *Slovník slangu a hovorovej slovenčiny*. Praha: MAXDORF.
- Lenka PALKOVÁ, 2015a: O univerbizácii z hľadiska teórie lexikálnej motivácie. *Slovenská reč*. Roč. 80, č. 3–4, 177–193.
- Lenka PALKOVÁ, 2015b: Univerbizácia – syntaktická demotivácia. OLOŠTIAK, Martin (ed.). *Viacslovné pomenovania v slovenčine*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 281–356.
- Sylwia SOJDA, 2011: *Procesy uniwerbizacyjne w języku słowackim i polskim. Rozprawa doktorska*. Katowice: Uniwersytet Śląski. Wydawnictwo Gnome. Dostupné na: http://www.slav.us.edu.pl/Procesy_uniwerbizacyjne.pdf
- Miloslava SOKOLOVÁ, 2007: *Nový deklinačný systém slovenských substantív*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.
- Elżbieta SZCZEPAŃSKA, 1994: *Uniwerbizacja w języku czeskim i polskim*. Kraków: Universitas.
- Диана БЛАГОЕВА (Diana BLAGOEVA), 2003: Универбизацията в найновото славянско словообразуване (върху материал от българския, руския и чешкия език). *Съпоставително езикознание*. 3, 5–21.
- Карл ГУТШМИДТ (Karl GUTSCHMIDT), 1998: Общие тенденции и специфические формы их реализации в современных славянских языках. *Jazykovedný časopis*. Roč. 49, č. 1–2, 15–26.
- Ежи КАЛИШАН (Jerzy KALISZAN), 1984: К уточнению понятия универбации (на материале русского языка). *Slavia Orientalis*. XXXIII, č. 3–4, 401–408.
- Елена И. КОРЯКОВЦЕВА (Elena I. KORIAKOWCEWA), 2006: О словообразовательной компрессии (на материале русского и польского языков). ЛУКАШАНЕЦ, Аляксандр А., ХАРЫТОНЧЫК, Зінаіда А. (рэд.). *Функцыянальныя аспекты словаўтварэння*. Доклады Міжнароднай IX навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск/Беларусь 9 – 14 кастрычніка 2006 г. Мінск: Права і эканоміка, 122–131.
- Геннадий А. НИКОЛАЕВ (Gennadij A. NIKOLAJEV), 2012: Универбаты и субстантиваты в истории русского словообразования. ДРАГИЋЕВИЋ, Рајна (гл. ур.) *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима*. Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету славіста. Београд: Филолошки факултет, 245–254.

On the Univerbization Realized by an Ellipsis (Noun in an Adjective-Noun Connection) in Slovak⁶ (type *krstný otec* → *krstný*)

In the paper we deal with the substantivization in Slovak, which is result of the univerbization as realized by an ellipsis (e. g. *krstný otec* → *krstný*), and the substantivization which is result of the non-univerbization (e. g. *chorý človek* → *chorý*). The substantivization works with the conversion, not with typical word-formative instruments. The result of substantivization is named as substantivated noun. On the basis of an analysis of The Dictionary of Contemporary Slovak Language (A – G 2006, H – L 2011, M – N 2015), The Concise Dictionary of the Slovak Language (2003) and The Dictionary of Slang and Spoken Slovak Language (2014) we can differentiate the six types of substantivated nouns.

As it reveals, in the Slovak language, there are predominated non-univerbizational substantivated nouns (e. g. *drahý, malý, hendikepovaný, nepočujúci*) over univerbizational substantivated nouns. Lexicalized (active, passive) participles are substantivated frequently as a result of non-univerbization (e. g. *cestujúci, nakazený, nastávajúci, obžalovaný*). The substantivization of a participle is realised more frequently than its adjectivization (e. g. *záujem kupujúcich vzrástol*).

---

⁶ Ďakujem kolegyniam PhDr. Dane Guričanovej, Mgr. Elene Guričanovej a PhDr. Anne Šebestovej za pomoc s anglickým prekladom.

Євгенія А. Карпіловська

Інститут української Мови НАН України, Україна, Київ
karpilovska@gmail.com

УНІВЕРБАЦІЯ В КОЛІ ІНШИХ СПОСОБІВ МОВНОЇ КОМПРЕСІЇ

Універбацію як наслідок згортання аналітичного найменування – словосполуки чи висловлення – доречно розглядати в колі інших способів мовної компресії, скерованих на створення однослівної назви: композиції, юкстапозиції, абрєвіації, усічення, субстантивації, голофразису. Прибічники вузького трактування універбації вважають, що про її наслідки можна говорити лише за умови паралельного функціонування у мові аналітичного найменування (*гуманітарка – гуманітарна допомога, мережевик – мережевий магазин*). Проте наявність найменувань того ж об'єкта або поняття різними способами мовної компресії, творення універбів за аналогією дають підстави для ширшого трактування універбації як прояву закону мовної економії та різновиду компресивного словотворення. Для аналізу універбів необхідно визначити площину їхнього розгляду в часовій перспективі. Як універби в синхронному словотворенні розглядаємо деривати, створені за регулярними моделями згортання атрибутивних і предикативних словосполук. Вважаємо, що універби становлять однослівні деривати, які функціонують паралельно з кількаслівним найменуванням, на базі якого їх створено (*цифровик – цифровий фотоапарат, набирати номер телефону когось – набирати когось*). Розрізняємо контекстно залежні і контекстно незалежні універби.

Ключові слова: мовна компресія, словотворення, універбація, універб

Univerbation as the result of the reduction of analytical name - word-combination or phrase – is appropriate to analyse in correlation with other ways of language compression, aiming at the creation of one-word name: composition, juxtaposition, abbreviation, clipping, substantivization, holophrasis (conflation). Supporters the narrow interpretation of univerbation consider that about its effects can speak only on the condition parallel functioning of analytical name (*гуманітарка – гуманітарна допомога, мережевик – мережевий магазин*). Yet the names of the same object or concept with different ways of language compression, creation of univerbs by analogy give the opportunities for the broader interpretation of univerbation as the expression of the law of language economy and the kind of compressive word-formation. For the analysis of univerbs to determine the plane of their consideration in time perspective is necessary. As univerbs

in the synchronous word-formation consider derivatives created by regular models of reduction the attribute and predicate combinations of words. We think that univerbs are simple (with one root) derivatives that function in parallel with analytic name, on which they were created (*цифровик – цифровой фотоапарат, набирати номер телефону когось – набирати когось*). We distinguish context-dependent and context-independent univerbs.

Key words: language compression, word-formation, univerbation, univerb

1. Сама внутрішня форма термінів-дублетів *універбація/універбізація* – *unus* “один” + *verbum* “слово” – і пов’язаних з ними термінів на позначення результатів такого процесу *універб/універбат* спонукає до розгляду цього явища – творення однослівної (синтетичної) номінації на базі кількаслівної (аналітичної) у загальному контексті способів і засобів мовної компресії. Однак термін *універбація* (я далі буду використовувати цей термін з огляду на його самодостатність, а також на праці О. В. Ісаченка, який уживав саме цей варіант), через край загальний характер свого змісту закликає й до точнішого окреслення позначуваного ним явища, до визначення його місця в колі інших способів мовної компресії. Інакше є ризик “розмити” його зміст до позначення словотворення в цілому, бо, як відомо, мета будь-якого словотворчого акту – побудова однослівної назви. О. В. Ісаченко, увівши термін *універбація*, трактував це явище як різновид словотворення внаслідок згортання атрибутивних аналітичних найменувань. Як твірну базу такого способу словотворення вчений виділив ад’єктивні (рос. *сетчатая оболочка – сетчатка*, чes. *železná dráha - železnice*) і генітивні (прийменникові) (рос. *аттестат зрелосту*, пол. *dziurka do klucza*) словосполучки. Як універби він розглядав наслідки згортання таких словосполучок за допомогою різних способів словотворення: композиції, юстапозиції, зрощення (його терміни – рос. *сопряжение*, чes. *spřežka*, нім. *Zusammenrückung*), аббревіації, суфіксального словотворення, усичення й субстантивації. Для позначення наслідків універбації О. В. Ісаченко, крім термінів *універбоване суфіксальне утворення* (рос. *универбированное суффиксальное образование*), залучав визначення *еліптична форма* (рос. *эллиптическая форма*), *еліптичний пропуск* (рос. *эллиптический пропуск*). Вирізняльною рисою універбів вчений вважав *семантичну конденсацію* (рос. *семантическая конденсация*). Він розумів її як “втрату семантичної розчленованості найменувань” і як наслідок цього процесу – “згущення семантичного змісту в одному слові” порівняно з

базовим аналітичним найменуванням (Исаченко 1958: 340). Отже, у трактуванні О. В. Исаченка, універбація становить загальне позначення всіх способів компресивного словотворення на базі аналітичних найменувань – атрибутивних словосполук.

1.1. В українському мовознавстві поширене трактування універбації як способу суфіксального словотворення, при якому словосполука за допомогою суфікса згортається в однослівне найменування (Клименко 2007: 776; Нелюба 2007). Показові приклади, які до цього визначення подала Н. Ф. Клименко: *записна книжка – записник, залікова книжка – заліковка, носова хусточка – носовик, вівсяна каша – вівсянка*. У цій же статті в енциклопедії “Українська мова” Н. Ф. Клименко звернула увагу на різні стадії універбації, або згортання базової словосполуки в одне слово, наявні в сучасній українській мові, – через абrevіатуру до простого афіксального деривата: *спеціальний одяг – спецодяг – спецівка*. До цього її прикладу додаю *стінна газета – стінгазета – стіннівка, медійна реклама – медіареклама – медійка*. Часто ж компресія словосполуки зупиняється на етапі складного слова і в абrevіатурах може лише коливатися між різними їхніми типами: *Центральна виборча комісія – центрвиборчком – ЦВК або державне страхування – держстрахування – держстрах* (Клименко 1984). Універби можуть і оминати стадію складного слова, виявляючи різний ступінь деталізації загального значення субстантивованого атрибута базової словосполуки: *страва зі смажених продуктів, смажена страва – смажене* (будь-яка страва, з будь-яких продуктів) – *смаження, смажениця* (страва зі смажених яєць, яєчня), *смаження* (страва зі смаженого м’яса). Саме таке розширене трактування універбації як не лише творення суфіксального деривата на основі атрибута базової словосполуки, а й його субстантивації (*величальна пісня – величальна*) запропонував у своєму дослідженні І. М. Думчак (Думчак 1998).

1.2. Однак мовна компресія в українській мові може виявлятися на різних рівнях її системи, а для її вираження застосовують різні формальні засоби: фонетичні, акцентні, словотворчі, морфологічні, правописні (цілісне оформлення словосполуки чи висловлення, тобто їхнє написання разом або через дефіс). Вона може бути спрямована як на створення слова на базі словосполуки, висловлення чи й логічно завершеного фрагмента тексту, так і на згортання (редукцію) самого слова. Прикладами останнього можуть слугувати такі усічення

в апелятивах і онімах, а також наслідки накладання морфем, як *фанатик – фанат – фан, завідувач – зав, Олександр – Олесь – Лесь або піти* (п[і+і]ти, пор. з *пі-знати*), *какаовий* (кака[о+о]вий).

Прикладом мовної компресії, спрямованої на створення слова на базі словосполук і висловлень, можуть бути різні способи компресивного словотворення, морфологічного: 1) композиція, або основоскладання (*екологічна тканина – екотканина, знати воду – водогін*), телескопія як її різновид (*музичний автомат – музикомат, інтернет+нетрі – інтернетрі*); 2) юкстапозиція, або словоскладання (*добридень* (з *добрий день*), синтетичні форми майбутнього часу дієслів недоконаного виду *читатиму, читатимеш, читатиме* з *читати + йму, ймеш, йме* – особові форми дієслова *йняти*; модальні слова *далебі, дастьбі, помагайбі, пробі, простибі, спасибі*, де **-бі** становить редукований варіант слова *Біз/Бог*; складні прислівники *бозна-де, бозна-звідки, бозна-коли; казна-де, казна-звідки, казна-коли*, у яких основи **бозна-, казна-** є наслідком компресії предикативних словосполук *бог знає, кат знає*), зрощення як його різновид (*панотець, паніматка, начебто, малодоступний*); 3) абрєвіація (*вища школа – виш, народний депутат – нардеп, державна автомобільна інспекція – державтоінспекція – ДАІ*), а також неморфологічного: 4) субстантивіація атрибута словосполуки (*дотична лінія – дотична, відпускні гроші – відпускні, знайомий чоловік – знайомий*); 5) голофразис (злиття, інтеграція), або стягнення в слово висловлення (пор. *можеайбожеябпоїхавтаквоно якстріляєтакбахкаєаптичкажвонахочежити* з *може, ай, Боже, і я б поїхав, так воно як стріляє, так бахкає, а птичка ж, вона хоче жити* (Остап Вишня), фраза, яка передає особливості мовлення відомого українського поета ХХ століття Павла Тичини (приклад з (Колоїз 2015: 118), образні позначення людини *нерозливвода* “щирі друзі”, *не-минай-корчма* “п’яниця” або народні назви *не-займай-мене, не-руш-мене* декоративної рослини *розрив-трава, недотика*, рос. *недотрога* (лат. *Impatiens noli-tangere* з *Noli me tangere* “не торкайся мене” – перших слів Ісуса Христа після воскресіння, звернених, за Євангелієм від Іоанна, до Марії Магдаліни) (Карпіловська 2005; Колоїз 2007). Окрему групу універбів становлять відфраземні деривати на зразок *теревенити* з *теревені правити* чи *нісенітниця* з *ні се ні те* (Стишов 1991; Белоусова 2011). За всієї строкатості виявів такої мовної компресії їх вирізняє розчленованість формальної структури, збереження в слові вказівок на складники базового аналітичного найменування.

2. Розгляд універбації не як прояву мовної компресії взагалі, а вужче – як різновиду компресивного словотворення – неминуче ставить питання про площину аналізу унвербів в історичній перспективі функціонування мови, про регулярність моделей згортання в слово аналітичних назв, про прозорість зв'язку між універбом та базовою словосполукою. Питання модельованості, відтворюваності унвербів спричинює й інше питання: які різновиди словосполук можна вважати базою для творення унвербів, чи не сплутуємо ми часом опис, експлікацію семантики деривата, його перифразу, з паралельним аналітичним найменуванням того ж об'єкта? Чи коректно вважати унвербами, наприклад, назви мешканців населених пунктів, якщо вони співвідносяться зі стандартними сполуками “житель (мешканець) + назва населеного пункту чи місцевості”, на *киталт киянин/киянка – житель/жителька Києва*? Виділяючи різні ступені універбації, чи можемо ми вдаватися до етимологічного аналізу питомих і запозичених слів, розглядати універбацію не лише на осі одночасності, в синхронії, а й на осі послідовності, у діахронії, за визначенням Ф. де Сосюра, з'ясовувати і “як роблять слова”, і “як зроблені слова”, вдаючися до цього влучного визначення Л. В. Щерби?

2.1. У сучасній українській мові стикаємося з унвербами, що демонструють різний ступінь прозорості формально-семантичного зв'язку зі словосполуками, на базі яких вони постали. Такі деривати виявляють різний ступінь компресії колись аналітичного найменування, а отже, й різний ступінь подільності своїх основ. Мінімальний ступінь універбації й повну подільність основи подають зрощення на зразок *запридух* “назва дуже міцних горілки чи тютюну”, *усередині* чи *маловживаний*, які залежно від контексту можуть функціонувати як слова чи словосполуки й, відповідно, писатися разом чи окремо, пор. *усередині споруди* й *у середині рядка*. Метафоричні унверби на взір *горицвіт* “назва квітки – адоніс”, *паливода*, *зірвиголова*, *шибайголова* “бешкетник, відчайдух”, *варивода* “вередун”, *вернивода*, *вернидуб* “велетень”, що утворилися на базі сполук форми 2-ої особи однини дієслова в наказовому способі та іменника в ролі об'єкта дії, становлять прикметну рису українського словотворення. Вони закріпилися в українському антропоніміконі як прізвищеві назви, пор. такі прізвища, як *Убийвовк*, *Непийвода*, *Печиборц*, *Куйбіда*, *Затуливітер*, *Задерихвіст*, *Недайкаша* та ін. (Масенко 1990). Максимальний ступінь універбації виявляють деривати, які за визначенням О. В. Ісаченка, втратили будь-який змістовий зв'язок з базовою словоспо-

лукою, пор. його приклад – російський універб *перчатки*, історично пов'язаний з втраченою в сучасній російській мові аналітичною назвою *перчатые рукавицы* (Исаченко 1958: 341). В українській мові до таких універбів належить слово *сóдухи* в значенні “кінець, смерть”, зафіксоване в “Словарі української мови” за редакцією Б. Грінченка в 1909 р. (СГ IV: 164). У цьому джерелі подано й фразеологізм *сóдухи спустити* зі значенням “померти”. Сьогодні вже лише ті українці, хто добре знає службу Божу в церковнослов'янській редакції, впізнають у слові *сóдухи* початок заупокійної молитви про новопреставлених “*Со духи праведных скончавшихся душу раба Твоего, Спасе, упокой*”, де *со духи* є старою формою орудного відмінка множини іменників чоловічого роду (пор. *со товарищи*, *со отцы*). В українській редакції зачин цієї молитви звучить уже так: *З духами спочилих праведників душу раба Твого, Спасе, упокой*, зникла ця стара граматична форма й із сучасного російського тексту цієї молитви, пор.: *Со святыми упокой*. Затемнення зв'язку універбу *сóдухи* з базовою прийменниково-іменниковою словосполукою підтримує й наголос, зміщений з першого складу іменника на прийменник *со*. Зміна наголосу часто супроводжує згортки словосполук, пор. *добрідень*, *добрівечір* і *дóбрый день*, *дóбрый вечір*. Натомість початок іншої відомої християнської молитви “Отче наш”, імовірно, через активність форми кличного відмінка в українській мові зазнав лише мінімальної універбації. Він згорнувся у цілком прозоре зрощення й у такій формі закріпився у фразеологізмах *знати як отченаш* “знати дуже добре” (СКЕ III: 218) й *прочитати отченаш* “дати прочухана, нагінку” (СУС II: 134).

Між мінімальним і максимальним ступенями універбації як виявами мовної компресії пролягає строката зона часткової універбації у такому її широкому трактуванні. Її засвідчують, зокрема, колишні композити *макітра* і *дровітня*, в основах яких відбулося спрощення і внаслідок цього вони стали не цілком подільними. Історично в основі цих слів лежали дієслівно-іменникові словосполуки, відповідно, *мак+терти* (пор. виразнішу вказівку на таку базову словосполуку в іншому варіанті цього композита *макотертъ*) і *дрова+тну*. Нині українці сприймають ці слова як прості суфіксальні похідні з недостатнім ступенем подільності основи, співвідносні лише зі словами *мак* і *дрова*. Інший тип часткової універбації виявляє слово *первак*, співвідносне не з однією, а з кількома словосполуками: 1) перша дитина, 2) першокласник, дитина, яка вчиться у першому класі загальноосвітньої школи; 3) наливка, квас першого настою; 4) горіл-

ка з початку відгону; 5) дьоготь першого виділення; 6) перший рій бджіл; 7) перший сніп (СУМ VI: 118). Сучасне нормативне означення в таких базових словосполуках – порядковий числівник *перший*, а не *первий*. Останній, застарілий, варіант зберігся в ряді простих і композитних дериватів: *первісток*, *первина*, *первинний*, *первісний*, *первозим'я*, *перволіток*, *перворідний* та ін. Проте його ненормативність затемнює формально-семантичний зв'язок між універбом і базовими атрибутивними словосполуками. Співвідношення ж універба *первак* зі спектром словосполук провокує й питання про те, чи маємо ми тут справу з розвитком семантики універба, формуванням його полісемії, чи перед нами явище повторного використання тієї ж моделі згортання базової атрибутивної словосполуки із застарілим порядковим числівником *первий* (Ермакова 1999)?

Окрему проблему становить і різний ступінь універбації, віддалення від етимону слів, сформованих на базі запозичених словосполук. Твірна база таких одиниць непрозора для українського мовця, який не знає мови-джерела запозичення, що спонукає його до часом кардинального перетворення етимону, пор. українську назву горілки *оковита* з її латинським етимonom *aqua vitae* “вода життя” чи назву виду боротьби *самбо* від рос. *самооборона без оружия*. З недавніх запозичень додамо *онлайн*, *офлайн*, спершу в написанні як окремо, так і через дефіс (з англ. *on line* “на лінії”, *off line* “поза лінією”). Плеоназми доводять сприйняття українцями таких запозичень в узагальненому значенні однослівної номінації, пор. *він-персона* (з англ. *very important person* “дуже важлива персона”) або *смс-повідомлення* (з англ. *short message service* “служба коротких повідомлень”).

3. Проте в історичній перспективі ми шукаємо пояснення окремим фактам, усталеним у мові, тоді як у сучасній мовній практиці маємо змогу простежити процес творення таких фактів. Саме такий процес універбації й вважаємо способом компресивного словотворення. Серед його моделей в українській мові, як і в інших слов'янських, найбільшу активність виявляють атрибутивні словосполуки. Стабільну регулярність за даними українських словників і текстів ХХ – початку ХХІ ст. демонструють сполуки іменників з атрибутом-ад'єктивом. Ось лише кілька новотворів-універбів цього типу: *медійка* (медійна реклама), *цифровик* (цифровий фотоапарат), *цифра* (будь-які цифрові прилади), *безліміт* (безлімітна послуга мобільного зв'язку, безлімітний Інтернет), *віртуал* (віртуальна реальність), *муні-*

ципал, муніципальник (муніципальний працівник, працівник муніципальної адміністрації, представник муніципальної влади, гравець муніципальної футбольної команди), *корпоратив* (корпоративна вечірка), *конкретика* (сукупність будь-чого конкретного) та ін. Подані приклади унааявнюють розмаїття засобів створення універбів на базі атрибута вихідного аналітичного найменування. Це може бути: а) суфіксація його основи: *автоцивілка* з поетапного згортання базової словосполуки *страхування цивільно-правової відповідальності власників наземних транспортних засобів – цивільне страхування авто*; б) усічення атрибута з включенням позначуваного й генералізацією семантики універба: *неліквід* (неліквідоване майно, вироби), *безвіз* (безвізовий режим перетину кордону), *позитив/негатив* (будь-що позитивне/негативне, сукупність позитивного/негативного); в) субстантивація атрибута (позначення) з включенням позначуваного і наступною деталізацією такого субстантивата за допомогою різних суфіксів: *страва, напій з варених продуктів, варені страва (напій) – варене* (будь-які продукти) – *варенуха* (горілка, зварена з медом, сухими фруктами та ягодами), *вареник* (варений виріб з прісного тіста, начинений сиром, ягодами, фруктами, капустою тощо), *варениця* (варений шматок прісного тіста без начинки; лінивий вареник); г) заміна сполуки іменником зі значенням сукупності, спільнокореневим з атрибутом: *хімічні речовини (домішки, виробництво) – хімія* (Це не їжа, а суцільна хімія; Мені ця хімія руки роз’їдає; Його послали на “хімію”), *цифрове телебачення, цифровий фотоапарат (термометр, тюнер) – цифра*. О. В. Ісаченко вважав, що такий спосіб творення універбів заслуговує на особливу увагу, пор. його приклади – рос. “Объединенное стекло”, *Главтабак, Главрыба* (Ісаченко 1958: 343). Якщо в історичній перспективі універби активно створювали за допомогою субстантивації (пор. назви грошових виплат – *акордні, відпускні, відрядні, декретні, добові* або математичні й фізичні терміни *пряма, крива, дотична, обвідна* (лінія), *ціле* (число), *рівнодійна* (сила), то серед новотворів не натрапляємо на універби-субстантивати. Очевидно, унаслідок ще недостатнього усталення, ступеня відтворюваності нових аналітичних найменувань. Однак виявляє активність, хоч і невисоку, універбація сполук шляхом включення атрибута в семантику їхнього опорного іменника з конкретизацією значення такого універба: *глобальна (всесвітня) комп’ютерна мережа – мережа “об’єднання локальних і регіональних комп’ютерних мереж, мережа мереж”*. Контекстну незалежність цього універба посилює його на-

писання з великої літери – *Мережа*. Цей же спосіб універбації демонструє й український відповідник англійської словосполуки *World Wide Web* – *Всесвітнє Павутиння* – *Павутиння*.

Аналіз означень у складі атрибутивних словосполук дає підстави твердити, що перепоною на шляху їхнього згортання в універб може ставати загальний характер їхньої семантики. Для того, щоб стати твірною основою універба, атрибут має набути вирізняльної, характеризувальної функції, стати прикметою, знаком впізнаваності такої синтетичної номінації. Це міркування підтверджує, на мою думку, зіставлення атрибутивних словосполук з тим самим означуваним словом. Зокрема, з розмаїття назв книжок для виконання спеціальних функцій – *домова книга, книга скарг та пропозицій, оцядна, чекова, трудова книжка, Червона книга* тощо в універби згорнулися лише деякі з аналітичних назв таких книг для спеціальних потреб: *книга для читання – читанка, залікова книжка – заліковка, записна книжка – записник*. На функціонування таких універбів свій відбиток накладає час, мовні смаки спільноти в певні періоди. Так, словники початку ХХ ст. подають лише *зálічна (іспитова) книжка* (СКЄ II: 108), а в словниках початку ХХІ ст. натрапляємо як на аналітичну назву *залікова книжка*, так і (з кваліфікатором *розм. (розмовне)* на універб *заліковка* (СЖ: 314).

4. Творення універбів, хоча і менш активно, відбувається в українській мові на базі генітивних (прийменникових) словосполук. Цей тип сполук зазнає перетворень на базі атрибута і дає універби, більш залежні від контексту комунікації, ніж створені на базі ад'єктивних сполук. Такі універби можуть поставати завдяки: а) суфіксації на базі атрибута: *книжка для читання – читанка, збірник для співу (співання) – співаник, полиця (шафа) для мисок – мисник*; б) включенню позначення (атрибута) – *золото з домішками інших металів (міді, срібла) – золото без домішок (чисте, самородне), одержати диплом доктора наук – одержати диплом або в) включенню позначення (атрибута) з додаванням оцінного компонента: добрий/поганий смак їжі (напою) – тепер їжа (напій) має смак (+ добрий, приємний для мовця).*

5. Універбацію, як правило, обмежують атрибутивними словосполукми. Проте явище включення, як позначуваного, так і позначення вихідної словосполуки, дає підстави розширити твірну базу універбів і за рахунок предикативних словосполук, зокрема сполук дієслова з об'єктними поширювачами. На цей тип сполук як базу включен-

ня позначення звернула увагу Н. О. Янко-Триницька, подавши такі приклади цього процесу в російській мові: *нести яйця – нестись, накупить брови – накупиться, оскалить зубы – оскалится, беречь себя – беречься* и др. (Янко-Триницкая 2001: 376). В українській мові також досить регулярний такий тип універбації: *слухати старших (батьків, учителів) – слухатися; стримати емоції (гнів, роздратування) – стриматися, визначити свою думку (позицію, ставлення до когось/чогось) – визначитися*. Найвний і інший тип згортання вербальних словосполук з об'єктними детермінантами – звуження (конкретизація) семантики дієслова завдяки включенню значення об'єкта дії: *набирати номер телефону когось – набирати когось, дзвонити по телефону комусь – дзвонити комусь*. Такі універби виявляють різний ступінь залежності від контексту (ситуації) спілкування, пор. контекстно незалежні факти системи мови *Набери його, подзвони йому* і контекстно залежні факти мовної практики, конкретної ситуації мовлення: *постукай йому*, які залежно від ситуації можна потрактувати по-різному, як *постукай у двері (у вікно, стінку його кімнати, по батареї, у підлогу), дай йому знати, що ми прийшли, чекаємо на нього або щоб він не шумів, притишив музику, телевізор*.

6. Внутрішня форма терміна *універбація* дає підстави трактувати це явище широко – як прояв закону економії мовних засобів, мовних зусиль, компресії будь-якого аналітичного найменування в синтетичне, однослівне. Разом з тим модельованість, регулярність згортання в слово певних типів атрибутивних і предикативних словосполук уможлиблює й вузьке трактування універбації як способу компресивного словотворення. Його ознаками є: а) структурна та б) семантична компресія (конденсація) базової словосполуки до лише одного з її членів; в) модель і спеціалізовані формальні засоби творення універба; г) прозорість семантичного зв'язку універба з базовим аналітичним найменуванням.

Джерела ілюстративного матеріалу

КФІ – *Комп'ютерний фонд інновацій в українській мові Інституту української мови НАН України*

СГ – *Словарь української мови*, збрала редакція журналу “Киевская Старина”. Упорядкував з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. Київ, 1907–1909, I–IV.

СЖ – *Російсько-український словник* / За ред. В. В. Жайворонка. Київ: Абрис, 2003.

СКЄ – *Російсько-український словник* / Голов. ред. С. Єфремов. Київ: Держ. вид-во України, 1924–1933, I–III.

СУМ – *Словник української мови*. Київ: Наукова думка, 1970–1980, I–XI.

СУС – *Словарь російсько-український* / Зібрали і впорядкували М. Уманець і А. Спілка. Львів: Друкарня Наукового Товариства імени Шевченка, 1893–1898. I–IV.

Література

Татьяна БЕЛОУСОВА, 2011: *Фразеологическая универбация в современном русском языке*. Каменец-Подольский: ПП Буйницький О. А.

Іван ДУМЧАК, 1998: *Універбация в українській мові*. Івано-Франківськ: Прикарпатський нац. ун-т ім. Василя Стефаника.

Ольга ЕРМАКОВА, 1999: Влияние идиоматичности семантики производных слов на вторичную реализацию словообразовательных моделей в русском именном словообразовании последних десятилетий (к проблеме взаимодействия словообразования и лексики). *Новые пути изучения словообразования славянских языков*. 239–245.

Александр ИСАЧЕНКО, 1958: К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. *Slavia*. XXVII, 3, 334–352.

Євгенія КАРПІЛОВСЬКА, 2005: Неузуальне словотворення: правила “гри без правил”. *Вісник Київського нац. лінгв. ун-ту. Філологія*. 8, 1, 106–117.

Ніна КЛИМЕНКО, 1984: *Словотворча структура і семантика складних слів в сучасній українській мові*. Київ: Наукова думка.

Ніна КЛИМЕНКО, 2007: Універбация, універбізация. *Українська мова: Енциклопедія*. Київ: “Українська енциклопедія” ім. М. П. Бажана, 776.

Жанна КОЛОЇЗ, 2015: *Неузуальне словотворення*. Кривий Ріг: НПП Астерікс.

Жанна КОЛОЇЗ, 2007: *Українська оказіональна деривация*. Київ: Акцент.

Андре МАРТИНЕ, 1960: *Принцип економии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии)*. Москва: Изд-во иностр. лит-ры.

Лариса МАСЕНКО, 1990: *Українські імена і прізвища*. Київ: Тов-во “Знання” Української РСР.

Анатолій НЕЛЮБА, 2007: *Явища економії в словотвірній номінації української мови*. Харків: Харків. нац. ун-т ім. В. Каразіна.

Александр СТИШОВ, 1991: *Отфраземные образования в современном украинском языке*. Киев: Ин-т языковедения им. А. А. Потебни АН УССР.

Надия ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, 2001: Выводимые слова, соотносимые с несколькими базовыми словами или со словосочетанием. *Н. А. Янко-Триницкая. Словообразование в современном русском языке*. Москва: Индик, 342–387.

Univerbation Among Other Kinds of Language Compression

Univerbation as the result of the reduction of analytical name – word-combination or phrase – is appropriate to analyse in correlation with other kinds of language compression, aiming at the creation of one-word name: composition, juxtaposition, abbreviation, clipping, substantivization, holophrasis. We distinguish this kind of language compression from the reduction of the formal structure inside of particular word: *фанатик* – *фанат* – *фан*. Supporters the narrow interpretation of univerbation consider that about its effects can speak only on the condition parallel functioning of analytical name (*гуманітарка* – *гуманітарна допомога*, *мережевик* – *мережевий магазин*). But creation of univerbs by analogy give the opportunities for the broader interpretation of univerbation as the manifestation of the law of language economy and the kind of compressive word-formation. As univerbs in the synchronous word-formation consider derivates created by regular models of reduction the attribute and predicate combinations of words. Semantic condensation in basic attributive combination of words may be undergone an attribute (*глобальна комп'ютерна мережа* – *мережа/Мережа*) as well as the main word of such combination (*хімічні речовини* – *хімія*). In predicate combinations of words the object actants are reduced usually (*визначити свою позицію* – *визначитися*). We think that univerbs are simple (with one root) derivates that function in parallel with analytic name, on which they were created. Such features distinguish the univerbation from other types of compressive word-formation: 1) structural and 2) semantic condensation of basic combination of words (phrase); 3) transparent relation with basic analytical nomination

Лариса Кислюк

Інститут української мови НАН України, Україна, Київ
larysa.kysliuk@gmail.com

СЛОВОТВІРНІ МОДЕЛІ УНІВЕРБАЦІЇ В СУЧАСНИХ ТЕКСТАХ І СЛОВНИКАХ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Статтю присвячено розгляду суфіксальної універбації. Дотримано загальноприйнятого в українській дериватології погляду на універбацію як на різновид суфіксального словотворення.

Порівняно функціонування та активність творення у словниках і текстах універбів за словотвірними моделями **A+к(а)**, **A+івк(а)**, **A+иц(я)**, **A+ик**, **A+як**, **N+ець**, **N+анин**. Виявлено процеси стабільної активності у словниках і текстах, активізації та пасивізації окремих моделей у текстах. Зростання активності демонструє словотвірна модель **A+к(а)**, де більше половини прикладів – текстові неологізми. Баланс у функціонуванні виявили моделі **A+івк(а)**, **A+ик**. Процеси пасивізації ілюструють моделі: **A+иц(я)**, **A+як**, **A+ець**, які не поповнюються неологізмами. Засвідчено динаміку: перехід універбів із розряду розмовних у літературні; у лексикографічних працях, виданих із проміжком у 50 років; між словниковим і текстовим матеріалом за критерієм розширення/звуження мотиваційної бази.

Ключові слова: універбація, суфіксальний універб, словотвірна модель

The article is devoted to consideration suffixal univerbization. In Ukrainian derivatology adheres view univerbization as the kind of suffixal word-formation.

In article is compared functioning and activity of univerbates of word-forming models **A+к(а)**, **A+івк(а)**, **A+иц(я)**, **A+ик**, **A+як**, **N+ець**, **N+анин** in dictionaries and texts. Detected processes stable activity in dictionaries and texts, enhance activity and passive some models in the texts. Activity of word-forming model **A+к(а)** increases, more than half of examples - text neologisms. Models **A+івк(а)**, **A+ик** follow the balance in functioning. Models **A+иц(я)**, **A+як**, **A+ець** not replenished neologisms and demonstrate passivity.

Detected dynamics: the transition from suffixal univerbates from conversational level to literary standard; in lexicographical publications issued with an interval of 50 years; between the dictionary and text material with use of criteria of expansion/constriction motivational base.

Key words: univerbization, suffixal univerbat, derivational model

1. Розуміння процесу універбації і терміну ‘універбація’ має різні трактування в сучасному мовознавстві: від найширшого, як процес перетворення комплексного, найчастіше двочленного, найменування в однослівне, що корелює з розумінням деривації як такої; до вузького, яке передбачає згортання атрибутивного словосполучення в слово з основою-атрибутом та суфіксом, який перебирає функцію іменника. Вперше термін ‘універбація’ використано в статті О. В. Ісаченка “К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков”, опублікованій 1958 року в часописі слов’янської філології “Slavia” в Празі. Вчений називав процес, пов’язаний з утратою семантичної розчленованості у так званих “комплексних найменувань”, які складаються з двох чи декількох словникових одиниць, “семантичною конденсацією”, а терміном “універбація” підкреслював наслідок цього процесу – “згущення семантичного змісту в одному слові” (Ісаченко 1958: 340), що відповідає латинському джерелу: *unusverbum* – одне слово. Тому універб називають у мовознавчій літературі ще компресатом, конденсатом, що точніше відображає його сутність – стискання, згущення, конденсацію семантики розгорнутого найменування в одному слові.

1.1. Українські дослідники дотримуються думки, що універбація – це формально-семантична компресія розчленованих номінативних одиниць в однослівні найменування (Думчак 1998). Похідне мотивується повною назвою, є тотожним їй за значенням (або відрізняється лише стилістичним забарвленням), але відмінне за формою. Мотивувальна назва-синонім і її дериваційний корелят – однослівний дериват паралельно функціонують на певному синхронному зрізі. Загальноприйнятим в українській дериватології є вузьке розуміння універбації як різновиду суфіксального словотворення, де атрибутивне словосполучення згортається в слово з основою-атрибутом та суфіксом, який перебирає функцію іменника зі збереженням семантичної еквівалентності твірного словосполучення і похідного слова (Клименко 2007: 776). Суфіксальна універбація є найпоширенішим в українській мові засобом стягнення двокомпонентної назви в однослівну.

Сучасні дослідники розглядають універбацію як стискання дво- чи багатослівного словосполучення до однієї лексеми водночас із конденсацією семантики (Копоть 2005), як семантичну компресію, яка відбувається разом із компресією формальною в декілька способів:

1) без використання спеціальних афіксів через еліптичний пропуск з подальшою субстантивацією (*докладная*); і 2) з допомогою спеціалізованих суфіксів (*пленарка*) (Коряковцева 2016: 88).

1.2. Універбація пов'язана з законом мовної економії та є універсальним явищем, однак у різних мовах відбувається по-різному. О. В. Ісаченко у названій статті показав різні стадії та особливості семантичної конденсації за критерієм ступеня самостійності значущих елементів на матеріалі російської та чеської мов. Різні способи універбації вчений трактує як різні стадії конденсації: 1) словоскладання (*местожительство*), 2) зрощення (*накануне*), 3) еліipsis означуваного (субстантивація) (*прямая*) або означального (*Рождество*), 4) афіксальна деривація (*сетчатка*), а також: 5) усунення граматичної “різнооформленості” двочленних словосполучень (*жар-птица*), 6) з нульовим суфіксом (*самоцвет*), 7) різні типи складноскорочених слів, зокрема аббревіатури (*медсестра*, *тюз*) тощо (Ісаченко 1958: 341–343). Максимальним ступенем семантичної конденсації він вважає суфіксальні утворення, де один зі значущих елементів замінений афіксом, і подає приклади основних стадій конденсації: *ловля рыб – рыбная ловля – рыболов – разг. рыбалка* (Ісаченко 1958: 341).

Статус універбів у мові визначається типологічними особливостями конкретної мови, історією її розвитку, особливостями формування літературної мови. В українській мові є приклади різних стадій семантичної конденсації (за О. В. Ісаченком) із тяжінням до суфіксації, пор: *знайома людина – знайомий – знайомець; холостий чоловік – холостий – холостяк; бідна людина – бідний – бідняк; спеціальний одяг – спецодяг – спецівка*.

1.3. Порівнюємо функціонування суфіксальних універбів у літературній мові (на матеріалі Граматичного словника української літературної мови (інверсійний – за алфавітом з кінця слова, близько 140 тис. слів, на основі Орфографічного словника 1999 р., далі – ГС) і Словника української мови в 11-ти томах, 1970–80 рр. (тлумачний, понад 134 тис. слів, далі – СУМ) та мовній практиці (на матеріалі текстів публіцистичного стилю: підкорпус публіцистичного стилю, 17 705 122 слововживань, який дав верифікацію кількості вживань у текстах (*мова.info*) та дослідницького комп'ютерного фонду інновацій ІУМ НАНУ (понад 28 тис. інновацій, далі – КФІ).

Розрізняємо звичайні деривати й універби за теоретичним критерієм (деривація як акт первинної номінації творить нові номінації; універбація як акт вторинної номінації трансформує, верифікує уже наявні найменування) та практичним (різною є мотиваційна база: для універбів – лексикалізовані стійкі словосполучення (*мобільний телефон – мобільник*), для дериватів – вільні синтаксичні конструкції, здебільшого предикативного типу (*візник – той, хто когось возить*); конденсати та вихідні одиниці утворюють синонімічні ряди “словосполучення – слово”). Для аналізу словникового матеріалу зручно користуватися практичним критерієм: в універба експліцитно виражена атрибутивна (переважно прикметникова) основа, яка є атрибутивним означувальним членом в розгортаному стійкому словосполученні: *залізниця – залізна дорога; мобільник – мобільний телефон*. Натомість дериват розгортається в перифразу: *залізничник – той, хто працює на залізниці*.

Дослідники називають понад двадцять суфіксів української мови, які можуть брати участь в оформленні універбів (Думчак 1998). Найактивнішими з них є суфікси **-к-**, **івк-**, **-ик**, **-иц-** (Клименко 2007: 776). У статті порівняно активність словотвірних моделей **A+к(а)**, **A+івк(а)**, **A+иц(я)**, **A+ик**, **A+як**, **A+ець**, які оформляють універби у літературній мові та сучасній мовній практиці.

2. Проаналізовано функціонування близько 500 одиниць. Кількісний аналіз названих моделей виявив картину: 1) збереження активного функціонування універбів у сучасних текстах; 2) активізації та 3) пасивізації окремих моделей у текстах.

2.1. Зростання активності виявила словотвірна модель **A+к(а)**. Виявлено близько 100 прикладів універбів, утворених за цією моделлю, у словниках та понад 50 текстових неологізмів. Зіставлення словникового й текстового матеріалу дало 4 групи універбів (цифра у дужках – кількість слововживань у корпусі публіцистичних текстів):

1) функціонують у словниках і текстах із тим самим значенням:

вишиванка (162) ‘вишивана сорочка’ (СУМ I: 540) (розм.); *писанка* (103) ‘розписане великоднє яйце’ (СУМ VI: 359); *комуналка* (60) ‘комунальні послуги’, (12) ‘комунальна квартира’, (3) ‘комунальне господарство’, пор. *комунальний* (СУМ IV: 254); *землянка* (40) ‘викопане в землі житло’ (СУМ III: 559); *бляшанка* (16) ‘бляшана коробка/банка’

(СУМ I: 205); *білявка* (11) ‘білява (світловолоса) дівчина/жінка’ (СУМ I: 185) (розм.);

2) функціонують у словниках і текстах, але з різними значеннями (відбулося розширення або звуження мотиваційної бази):

підземка (148) ‘метро’, (20) ‘підземне газосховище’, пор. ‘підземна залізниця’ (СУМ VI: 427); *маршрутка* (146) ‘маршрутне таксі’, пор. ‘маршрутний поїзд’ (СУМ IV: 635); *висотка* (52) ‘висотний будинок’, пор. зменш. до ‘висота’ (СУМ I: 496); *масовка* (53) ‘масові виступи протесту, часто проплачені’, (2) ‘масова сцена, учасники масової сцени в кіно, театрі’, пор. (розм.) – ‘у дореволюційній Росії таємні масові зібрання, мітинг’ (СУМ IV: 641); *похоронка* (26) ‘офіційне сповіщення про смерть чи загибель, надіслане з діючої армії’, пор. *похоронна* (розм.) ‘офіційне сповіщення про смерть чи загибель, надіслане з діючої армії’, *похоронка* (діал.) ‘схованка’ (СУМ VII: 458);

3) функціонують тільки у словниках (відсутні в корпусі):

розкладушка (0) ‘розкладне ліжко’ (у текстах: *розкладачка* (9), *розкладайка* (1); *чорнявка* (0) ‘чорнява дівчина’; *шкірянка* (0) ‘шкіряна куртка’;

4) функціонують тільки у текстах (належні до розмовного стилю або неологізми):

короткометражка (46) ‘короткометражне кіно/фільм’, ‘короткий метраж’; *флешка* (24) ‘флеш-диск’, ‘комп’ютерний накопичувач даних’, від англ. flash; *мажоритарка* (17) ‘мажоритарна система виборів’; *соціалка* (12) ‘соціальні виплати’; *мобіллка* (11) ‘мобільний телефон’; *гуманітарка* (9) ‘гуманітарна допомога’; *малосімейка* (7) ‘малосімейна квартира’; *офшорка* (5) ‘офшорна зона’; *персоналка* (4) ‘персональна виставка’, (1) ‘персональна справа’, (1 – наук. підкорпус) ‘персональний комп’ютер’; *аварійка* (3) ‘аварійна сигналізація’; *документалка* (1) ‘документальне кіно’.

Перша група універбів виявляє стабільне функціонування їх у літературній мові та мовній практиці. Деякі з них виявляють динаміку, яка відбулася в лексикографічних джерелах за 50 років: у СУМі (1970–80 рр.) подані лише атрибутивні словосполучення (комунальна квартира, комунальні послуги), але засвідчені ГС (2011): *комуналка*.

У другій групі – універби, які в сучасних текстах мотивовані іншими стійкими словосполученнями, аніж у словниках, тобто відбулася зміна мотиваційної бази: *підземка* – не лише ‘метро’ чи як у СУМ – ‘підземна залізниця’, а й ‘підземне газосховище’; *маршрутка* – ‘маршрутне таксі’, а в СУМ – ‘маршрутний поїзд’; *висотка* – ‘висотний будинок’, у СУМ – дериват, зменш. до ‘висота’; *масовка* – ‘масові виступи протесту, часто проплачені’, ‘масова сцена чи учасники масової сцени в кіно, театрі’, у СУМ (розм.) ‘у дореволюційній Росії таємні масові зібрання, мітинг’; *похоронка* – ‘офіційне сповіщення про смерть чи загибель, надіслане з діючої армії’, СУМ у цьому значенні подає *похоронна* (розм.), а *похоронка* (діал.) – як ‘схованка’.

Третя група засвідчує перехід частини універбів, наявних у літературній мові, в пасив, оскільки вони не трапилися в публіцистичних текстах корпусу.

Четверта – текстові приклади, яких не подають словники. Частина слів – відомі раніше конденсати, належні до розмовної лексики: *аварійка*, *малосімейка*, *попутка*, до професіоналізмів: *короткометражка*, *документалка*, а частина – неологізми, які мають шанси увійти до словників: *флешка*, *мобіллка*, *офшорка*.

2.2. Баланс у функціонуванні виявили моделі **A+івк(а)**, **A+ик** (приблизно по 75 одиниць) Кожна становить приблизно три однакові (по 25 одиниць) групи, які:

1) функціонують у словниках і текстах:

багатоповерхівка (175) ‘багатоповерховий будинок’ (ГС 2011: 16), нема в (СУМ I: 82); *вантажівка* (183) ‘вантажна машина’, вантажний (судно, авто, поїзд) (СУМ I: 289); *гвинтівка* (150) (снайперська, малокаліберна, пневматична, автоматична, штурмова) ‘рушниця, в стволі якої є гвинтова різьба’ (СУМ II: 44); засвідчують спад активності у текстах: *асфальтівка* (4) ‘асфальтована дорога’ (ГС 2011:16), нема в (СУМ I: 69); *спецівка* (3) ‘спеціальний одяг’ (СУМ IX: 502) (розм.);

тижневик (200) ‘щотижневе періодичне видання’, пор. щотижневик (СУМ X: 110); *холодильник* (142) ‘холодильний пристрій’, пор. приміщення, пристрій, вагон, заст. погріб, спец. пристрій (СУМ XI: 115); *молодик* (104) ‘молодий парубок’, пор. 1) молодий місяць, 2) молодий парубок (СУМ IV: 786); *легковик* (55) ‘легкова автомашини’ (СУМ IV: 464) (розм.); *обмінник* (29) ‘обмінний пункт валюти/ пункт обміну ва-

лют', пор. 'обмінний' (пункт) (СУМ V: 540); *наплічник* (29) 'заплічний мішок', пор.: *рюкзак* (100) – з нім. Rucken+Sack 'заплічний речовий мішок' та 1) 'наплічна прикраса', 2) 'наплічний захист воїна' (СУМ V: 153); *спальник* (12) 'спальний мішок', (1) 'придворний', пор. 'придворний' (СУМ IV: 487) (іст.), у корпусі (2) 'спальний район'; *броньовик* (12) 'бойова броньована автомашина', пор. бронеавтомобіль, бронемашини (СУМ I: 238/240); *купальник* (11) 'купальний костюм', пор. 1) людина, 2) костюм (СУМ IV: 401).

2) функціонують лише у текстах (неологізми):

візитівка (71) 'візитна картка', пор. *візитка* (заст.) 'піджак для візитів', 'візитна картка' (СУМ I: 668); *автівка* (63) 'автомашина', пор. *авто* – те саме, що автомобіль – самохідна машина (СУМ I: 10/13), або *легковик*, розм., легкова автомашини (СУМ IV: 464); *приватник* (120) приватний підприємець, приватний перевізник; *мобільник* (31) мобільний телефон; *пошуковик* (9) пошуковий сервер; *морозильник* (5) / *морозилка* (1); пор. морозильна камера (СУМ IV: 804); *броник* (2), пор. бронежилет (200) – 'броньований жилет'.

3) функціонують лише у словниках:

назви напоїв (понад 20) 'горілка', 'наливка', 'настоянка': *смородинівка*, *ожинівка*, *калинівка*, *малинівка*, *полинівка*, *вишнівка*, *перцівка*;

назви страв: *товченик* 'страва з товченого м'яса' (СУМ X: 169); *січеник* 'страва з посіченого м'яса' (СУМ IX: 235) (розм.); *крученик* 'обкручена м'ясом начинка' (СУМ IV: 378).

Універби за моделлю **A+івк(а)** засвідчують перехід одиниць із розмовних у кодифіковані (є у Граматичному словнику (2011), але ще відсутні в Словнику української мови (1970-80): *асфальтівка* 'асфальтована дорога', *багатоповерхівка* 'багатоповерховий будинок', *вантажівка* 'вантажна машина', *морозильник* / *морозилка* 'морозильна камера' й ілюструють динаміку універбів у лексикографічних виданнях, виданих з проміжком у 50 років. Наявна динаміка між текстовим і словниковим матеріалом за критерієм форми: поява словотвірного конкурента візитівка 'візитна картка' (*поверх роздруковано, фотографій, візитівок, флешок валялася пошарпана книжчина; "Золотий Лев" – візитівка Львова*), пор. із візитка (СУМ I: 668); або синоніми автівка 'автомашини', пор. авто, автомобіль (СУМ I: 10/13).

У групі **A+ик** засвідчено: 1) динаміку універбів у лексикографічних виданнях (нема в СУМ, але є в ГС): *обмінник*; 2) динаміку між текстовим і словниковим матеріалом за критерієм появи нового значення: *спальник* (район). Особливістю є конкурування з моделлю **A+к(а)** і як наслідок – тенденція до витіснення останньої, зумовлена динамікою сучасної словотвірної норми, пор.: *обмінник* (29) – *обмінка* (0) ‘обмінний пункт’, *морозильник* (5) – *морозилка* (1) ‘морозильна камера’, *мобільник* (31) – *мобіллка* (11) ‘мобільний телефон’. Нові універби не конкурують з моделлю **A+к(а)**, коли мотивовані різними стійкими словосполученнями: масовик ‘організатор масових розваг’ – *масовка* ‘масові виступи протесту’, *страховик* ‘страховий агент’ – *страховка* ‘страховий поліс’. Питомі універби конкурують з іншомовними: *наплічник* (29) – *рюкзак* (100) – ‘заплічний мішок’. Мотиваційна база у текстах розширюється: *спальник* (‘спальний район’), або звужується (відсутні у текстах): *молодик* (‘молодий місяць’), *купальник* (‘людина’).

2.3. Процеси пасивізації ілюструють моделі: **A+иц(я)**, **A+як**, **A+ець**, які майже не поповнюються новими універбами. Їх наповнюють приклади, засвідчені в словниках, частина активно функціонує в текстах. Ці універби:

1) функціонують у словниках і текстах:

митниця (800) ‘митна служба’ (СУМ IV: 721); *залізниця* (787) ‘залізниця дорога’ (СУМ III: 189); *оздоровниця* (132) ‘оздоровчий заклад’ (СУМ V: 653); *світлиця* (37) ‘світла (парадна) кімната’ (СУМ IX: 92); *шахівниця* (переносне) (45) ‘шахова дошка’ (СУМ XI: 423); *правиця* (13) ‘права рука’, (13) ‘праві політичні (патріотичні) сили’, пор.: 1) права рука, 2) (рідко) реакційна, консервативна, ворожа партія; (діал.) пряма, рівна солома (СУМ VII: 505);

вітряк (67) ‘вітряний млин’ (СУМ I: 689); *бідняк* (39) ‘бідна людина’ (СУМ I: 178); *кругляк* (33) ‘круглі колоди’, пор. ‘круглі колоди’, ‘круглий камінь’, ‘круглий предмет’ (перен.) (СУМ I: 369); *біляк* (24) ‘білий заєць’, пор. 1) заєць з білим хутром, 2) (бот.) білий *гриб*, 2) (заст., зневажл.) білогвардієць (СУМ I: 185); *порожняк* (18) ‘порожній(ий) поїзд(и)’, а також ‘щось порожнє’ (СУМ I: 269); *сіряк* (3) ‘верхній, часто сірий одяг’, пор. 1) одяг, 2) бідняк (зневажл.) (СУМ I: 232);

сміливець (45) ‘смілива людина’ (СУМ ІХ: 406); *щасливець* (17) ‘щаслива людина’ (СУМ ХІ: 571); *знайомець* (9) ‘знайома людина’ (СУМ ІІІ: 638); *ревнивець* (6) ‘ревнива людина’ (СУМ VІІІ: 472);

2) функціонують лише у словниках:

яловиця (0) ‘ялова корова’ (ГС 2011: 579), пор. ялівка (СУМ ХІ: 643); *сніговиця* (0) ‘снігова заметіль’ (СУМ ІХ: 424);

вишняк (1) ‘вишневий садок, вишнева молода поросль’ (СУМ І: 543); *драбиняк* (0) ‘драбинчастий віз’ (СУМ І: 404) (розм.);

миршавець (0) ‘миршавий чоловік’ (СУМ ІV: 716); *справедливець* (0) ‘справедлива людина’, ‘борець за справедливість’ (СУМ ІХ: 590).

Не поповнюється новими прикладами модель **А+иц(я)**. Деякі одиниці виявляють високу функціональну активність у текстах (*митниця*, *залізниця*), частина не трапилася зовсім (реалії стали неактуальними для публіцистичних текстів). Набули метафоричного значення у сучасній мовній практиці: *шахівниця* в текстах – *європейська, кадровва, світова, великої політики*, а не просто ‘шахова дошка’; *правиця* у значенні ‘права політична партія’ має позитивну конотацію “патріотична” порівняно зі словниками радянського періоду “реакційна, ворожа”.

Давні універби з суфіксом **-як**, засвідчені словниками, вживаються як стилістично нейтральні одиниці: *вітряк*, *бідняк*. У сучасних текстах деякі приклади звужують семантику: *кругляк* (лише як ‘круглі колоди’, у СУМі – 3 значення), *біляк* (лише як ‘білий заєць’, у СУМі – 3 значення), *сіряк* (лише як ‘верхній, часто сірий одяг’, у СУМі – 2 значення). Частина належить до застарілої лексики: *драбиняк*. Поодинокі неологізми мають виразне розмовно-жаргонне забарвлення: *висяк* (2) ‘зависла (нерозкрита) кримінальна справа’ і не мають шансів увійти до літературної мови.

Групу універбів за моделлю **А+ець** формують назви осіб за їхніми якостями (близько 30). Ці суфіксальні конденсати пройшли через проміжну стадію субстантивації: *щаслива людина* – *щасливий* – *щасливець*, *знайома людина* – *знайомий* – *знайомець*. Активні текстові одиниці: *податківець* (500) ‘службовець податкової служби України’, пор. ‘податковий інспектор’ (СУМ VІ: 734) та *посадовець* (510) ‘посадова особа’, пор. посадовий – стос. до посади (СУМ VІІ: 308), який має

низку синонімів-універбів: *високопосадовець, службовець, держ-службовець, урядовець*.

3. Розширення/звуження мотиваційної бази універбів є рушієм динаміки їх у текстах. Розширення мотиваційної бази відбувається, коли у текстах корпусу порівняно зі словниками з'являються нові словосполучення-мотиватори: *підземка* ‘підземна залізниця’ (СУМ VI: 427) і ‘підземне газосховище’ (*відокремлення “підземок” від магістральних газопроводів буде несвоєчасним*); *маршрутка* ‘маршрутний поїзд’ (СУМ IV: 635) і ‘маршрутне таксі’ (*громадський транспорт, зокрема тролейбуси і маршрутки, був частково паралізований*); *спальник* ‘спальний мішок’ (ГС: 344) ‘придворний’ (СУМ IV: 487) і ‘спальний мішок’, ‘спальний район’ (*пропонували намет і спальник; жителі славного київського спальника*); *масовка* ‘таємні масові зібрання’ (СУМ IV: 641) і ‘масові виступи протесту за гроші’, ‘масова сцена в кіно, театрі’. У текстах *масовка* має значення не тільки як подане М. Навальною “масові виступи протесту” (*масовки з прапорами*) (Навальна 2013: 111), а з оцінно-зниженим уточненням “масові виступи протесту за гроші”, про що свідчать контексти (*проплачені масовки, провладна масовка, радо виконують роль масовки на мітингах і зустрічах, найманці з масовки*), а також “масова сцена (учасники масової сцени) в кіно, театрі”: *масовка на знімальному майданчику; великі актори і масовка навколо центральної мізансцени*.

На розширення мотиваційної бази універба впливає метафоризація, пор.: *шахівниця* не просто ‘шахова дошка’ (СУМ XI: 423), а *шахівниця великої політики, газова шахівниця Євразії*; або ж зміна конотації, пор.: *правиця* ‘права політична партія’ – “реакційна, ворожа” (СУМ VII: 505) і “патріотична” (*реально такої сили, як “українська правиця”*), в нас немає).

Нові універби можуть бути оформлені як словотвірні варіанти, але відрізнятися значеннями: у словнику *броньовик* від *броневий автомобіль / бронемашина* ‘броньований автомобіль’, ‘бойова броньована автомашина’ (СУМ I: 238/240) зі збереженою основою **броньов-**, у текстах *броник* від *бронезилет* – ‘броньований жилет’ (*танк не зачепив мобільник, що лежав у броніку*), де основу усічено як **брон-**.

Розширення мотиваційної бази універбів може супроводжуватися явищами конкуренції, синонімії та омонімії. Конкуренція наявна між універбами-синонімами – словниковими і неологізмами,

пор.: багатоповерхівка ‘багатоповерховий будинок’ (ГС: 16) (*жители багатоповерхівок у спальних мікрорайонах міста*) і висотка ‘висотний будинок’, ‘хмарочос’ (*висотки спотворюють схили Дніпра; висотки нью-йоркського Манхеттена*); легковик ‘легкова автомашина’ (СУМ IV: 464) (*підїхали легковик і два мікроавтобуси*) і автівка ‘автомашина’ (*їхав автівкою з волонтерами*); наплічник ‘наплічна прикраса’, ‘наплічний захист воїна’ (СУМ V: 153), ‘заплічний мішок’ (*до школи візьму наплічник з канцтоварами*) і рюкзак ‘заплічний речовий мішок’ (СУМ VIII: 919) (*мандрівники з рюкзаками за плечима*).

Висотка як “висотний будинок” є неологізмом, синонімічним до *багатоповерхівка* “багатоповерховий будинок”, який зберігає активність у сучасній мовній практиці, пор.: *висотка* (52) : *багатоповерхівка* (175). Їх не можна вважати повними синонімами, вони мають тенденцію до диференціації, до того ж, у деяких контекстах висотка позначає хмарочос, тобто відрізняється за висотою на порядок разів. Синонімія між універбами: *автівка* (63) : *легковик* (55) є практично повною. *Легковик* засвідчує стале активне вживання (*якісні та недорогі легковики, повний цикл виробництва легковиків, підїхали легковик і два мікроавтобуси*), а *автівка*, хоч і не є новим словом, однак набуло активності вживання порівняно недавно, не трапляється в словниках, але в текстах нарощує активність (*їхав автівкою з кількома тернопільськими волонтерами, ексклюзивних і найдорожчих автівок в Україні, немає дефіцитних коліс автівок радянського зразка*). Остання пара синонімів *наплічник* (29) – *рюкзак* (100) ‘заплічний мішок’ відрізняється походженням, і в словниках *наплічник* функціонує в іншому значенні, аніж у текстах.

Явище омонімії засвідчене між універбами у словниках: *дощовик* (плащ, гриб, черв’як), *молодик* (місяць, парубок), *порожняк* (віз, поїзд), *сіряк* (людина, одяг) та між універбами у словниках і текстах: *спальник* (мішок, район), що інтерпретуємо як наслідок розширення мотиваційної бази універба. Інший різновид омонімії – між універбом і суфіксальним дериватом у словниках *спальник* (мішок і придворний), *купальник* (костюм і людина) та між універбом у тексті та суфіксальним дериватом у словнику, пор.: *висотка* зменш. до ‘висота’ (СУМ I: 496) і ‘висотний будинок’ (*висотки спотворюють схили Дніпра*), ‘хмарочос’ (*висотки нью-йоркського Манхеттена*).

Звуження мотиваційної бази універбів у текстах означає зникнення з ужитку тієї чи іншої реалії, наприклад: *візитка* як ‘піджак для візи-

тів', або низьку популярність реалії в медіях: молодик у текстах трапилося лише як 'молодий парубок' (*хвалькуватий і зухвалий **молодик**, талановитий і честолюбний **молодик***); а *кругляк* лише як 'круглі колоди' (*відправляти за кордон не просто заготовлений у карпатських лісах **кругляк**, а організувати його переробку на території області*).

У всіх групах засвідчено: перехід універбів із розряду розмовних у літературні й динаміку універбів у лексикографічних виданнях, виданих з проміжком у 50 років (відсутні в СУМ, наявні в ГС); динаміку між текстовим і словниковим матеріалом за критеріями: розширення/звуження мотиваційної бази, яке може супроводжуватися змінами в оформленні (*візитка – візитівка*). Спостереження показують, що на вибір оформлення універба далеко не завжди впливає рід іменника у вихідному словосполученні, частіше тисне сучасна словотвірна норма й аналогія (*морозильник – 'морозильна камера'*).

Джерела

- В. І. КРИТСЬКА, Т. І. НЕДОЗИМ, Л. В. ОРЛОВА, Т. К. ПУЗДИРЄВА, Ю. В. РОМАНЮК, відп. ред. Н. Ф. КЛИМЕНКО, 2011: Граматичний словник української літературної мови, Київ, <http://www.mova.info/grmasl.aspx>
- СУМ: 1970–1980: Словник української мови в 11-ти томах. Київ. http://ukrlit.org/slovnky/slovnky_ukrainskoi_movy_v_11_tomakh
- Мова.інфо: Корпус текстів української мови – лінгвістичний портал MOVA.info, <http://www.mova.info/corpus.aspx>
- КФІ: Дослідницький комп'ютерний фонд інновацій ІУМ НАНУ

Література

- Іван ДУМЧАК, 1998: *Універбація в українській мові*. Івано-Франківськ: Прикарпат. ун-т ім. В. Стефаника.
- Александр В. ИСАЧЕНКО, 1958: К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков. *Slavia*. Роčník XXVII, Praha, 334–352.
- Ніна КЛИМЕНКО, 2007: Універбація. *Українська мова: Енциклопедія*. Київ: Вид-во "Українська енциклопедія" ім. М. П. Бажана, 776.
- Лилия В. КОПОТЬ, 2005: *Універбація как вид компрессивного словообразования в современном русском языке*. <http://www.dissercat.com/content/univerbatsiya-kak-vid-kompressivnogo-slovoobrazovaniya-v-sovremennom-russkom-yazyke#ixzz49wV3Ixgg>

Елена И. КОРЯКОВЦЕВА, 2016: Образование универбатов – nomina abstracta. *Очерки о языке современных славянских СМИ*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 88–98.

Марина НАВАЛЬНА, 2009: Універбати в мові сучасної української періодики. *Актуальні проблеми слов'янської філології*. Вип. ХХІ. Бердянськ, 535–541.

Марина НАВАЛЬНА, 2013: Функціонування універбатів у мові інтернет-видання “Українська правда” на початку ХХІ століття. *Науковий вісник Східноєвропейського національного університету ім. Лесі Українки*. Серія “Філологічні науки. Мовознавство”, № 22(271), 111–115.

Word-forming Models of Univerbization in Modern Ukrainian Texts and Dictionaries

The article is devoted to consideration suffixal univerbization. In Ukrainian derivatology adheres view univerbization as the kind of suffixal word-formation.

In article is compared functioning and activity of univerbates of word-forming models **A+к(а)**, **A+івк(а)**, **A+иц(я)**, **A+ик**, **A+як**, **N+ець**, **N+анин** in dictionaries and texts. Detected processes stable activity in dictionaries and texts, enhance activity and passive some models in the texts. Activity of word-forming model **A+к(а)** increases, more than half of examples – text neologisms. Models **A+івк(а)**, **A+ик** follow the balance in functioning. Models **A+иц(я)**, **A+як**, **A+ець** not replenished neologisms and demonstrate passivity.

Detected dynamics: the transition from suffixal univerbates from conversational level to literary standard; in lexicographical publications issued with an interval of 50 years; between the dictionary and text material with use of criteria of expansion/constriction motivational base.

Expansion of motivational base of the univerbates from the dictionary happens when in corps appear new phrases-motivators: *підземка* ‘underground railroad’ (СУМ VI: 427) and ‘underground gas storage’ (<http://www.mova.info>) and can be accompanied by phenomenon of competition, synonymy and homonymy. Narrowing of motivational base of the univerbates means to the disappearance of the realities of everyday life (*візитка* as ‘jacket for visits’) or the low popularity of reality in the media.

Krystyna Kleszczowa

Uniwersytet Śląski w Katowicach, Polska, Katowice
krystyna.kleszcz@us.edu.pl

OD UNIWERBIZACJI DO DERYWATÓW PREDYKATYWNYCH

W artykule uniwerbizmy skontrastowane są z derywatami, które powstały na bazie jednego wyrazu i wpisują się w strukturę predykato-argumentową (derywaty predykatywne). Generalnie uniwerbizmy tworzą klasę bardzo rozproszoną i pod względem formalnym, i semantycznym. Stan ten rodzi siły, które zmierzają do uporządkowania zbioru powstałego drogą uniwerbizacji; pojawia się ciśnienie w kierunku kategorii opartych o struktury predykatywne. Powyższa interpretacja wpisuje się w teorię chaosu deterministycznego.

Słowa klucze: uniwerbizacja, derywaty predykatywne, reinterpretacja, nowe sufiksy

In the article univerbisms are contrasted with derivatives which arose on the basis of one word and which are incorporated into its predicative-argumentative structure (predicative derivatives). Generally speaking, univerbisms constitute a diffuse class, both as far as their formal as well as semantic aspects are concerned. This state of affairs generates forces which intend to arrange the set which arose by means of univerbisation; there arises gravitation toward categories based on predicative structures. The interpretation presented above belongs to the realm of the theory of deterministic chaos.

Key words: univerbisation, predicative derivatives, reinterpretation, new suffixes

W tytule mojego artykułu pojawiają się dwa terminy – uniwerbizacja oraz derywat predykacyjny. Zaczę od wyjaśnienia drugiego terminu, bowiem pierwszy będzie definiowany z perspektywy derywatu predykacyjnego, jego treść i zakres wyznacza opozycja obu terminów.

Derywatem **predykacyjnym** nazywam wyraz powstały na bazie struktury predykato-argumentowej. Typowa, prototypowa słowoforma zbudowana jest na jednowyrazowej podstawie słowotwórczej, choć w strukturze głębokiej mieści się całe zdanie, por. *czytelnik* = ‘ten, kto **czyta**’ (Ag) – wyraz *czytelnik* formalnie powstał na bazie czasownika *czytać*,

przejmując funkcję jednego z argumentów struktury predykatowo-argumentowej, mianowicie agensa. Z kolei *czytanka*, oparta również na bazie *czytać*, strukturalizuje argument obiektowy, wszak w skład predykatu *czytać* wchodzi: agens (Ag), obiekt (Pt), czas (Temp) i miejsce (Loc). Do tego zestawu można dorzucić jeszcze wyraz *czytelnia*, ten strukturalizuje argument Loc. Z innych przykładów derywatów predykatywnych przytoczyć można: *pisak* = ‘coś, czym x **pisze**’ (Instr); *leżak* = ‘miejsce, gdzie x **leży**’ (Loc). Interpretacja ta zgodna jest z przypisaniem derywatów struktury głębokiej, opartej o Fillmore’wskie role semantyczne w *Gramatyce współczesnego języka polskiego* (Grzegorzczkova, Laskowski, Wróbel 1998), choć nie używa się tam terminu derywat predykatywny. Ważne, że właśnie funkcje argumentów wyznaczają role syntaktyczno-semantyczne – wykonawca czynności, patiens, rezultat, instrument, miejsce, czas. Nawet jeśli budujemy derywat na wyrażeniu nieczasownikowym, przypisujemy mu strukturę predykatowo-argumentową – *rybak* ‘ten, kto **łowi** ryby’ = agens w stosunku do *łowić*, *księgarz* ‘ten, kto **sprzedaje** książki’.

Pojęcie jednostki leksykalnej jest szersze niż jednoczłonowy leksem. Przede wszystkim mamy do czynienia ze związkami frazeologicznymi, ich skład jest przynajmniej dwuczłonowy. I właśnie tymi dwuczłonowymi jednostkami leksykalnymi stojącymi u podstaw konstrukcji słowotwórczych zamierzam zająć się w dalszym ciągu artykułu.

1. Mocno tu trzeba podkreślić, że granice między stałymi związkami frazeologicznymi (idiomami), a grupami syntaktycznymi są nieostre. Z jednej strony mamy wyrażenia, których znaczenie nie wynika z treści jego składników, por. *biały kruk* ‘osobliwość, rzadkość, unikat’, *czarna owca* ‘osoba przynosząca wstyd swojemu środowisku’, z drugiej zaś strony mamy połączenia rzeczownika z przymiotnikiem w funkcji określenia, np. *biała koszula*, zatem grupę składniową. Między tymi krańcami stoją połączenia o mniejszym lub większym stopniu stabilności, nie są to jeszcze stałe związki frazeologiczne, idiomy, ich znaczenie można wyprowadzić drogą analizy sensu składników, ale też nie są to luźne połączenia składniowe, przejawia się to w ograniczonej łączliwości – można powiedzieć *rozterki sercowe*, ale już nie **rozdarcie sercowe* czy **szarpanina sercowa*; da się wymiennie stosować *dziecięcy* i *dziecinny* dla *choroba*, *szpital*, ale już tylko *dziecięca literatura*, a *dziecinne* mogą być np. *wykrety*. Zestawienia różnią się od połączeń syntaktycznych także szykiem – na ogół mówimy *woda mineralna*, a nie *mineralna woda*, lepiej brzmi *łódź żaglowa* niż *żaglowa łódź*. Ciekawe też to, że w mocno ustabilizowanych

zestawieniach mamy blokadę w transponowaniu wyrażenia na zdanie z funkcją orzecznika przymiotnikowego. Można powiedzieć: *biała koszula* = *Ta koszula jest biała*, ale już nie: *łódź żaglowa* = **Ta łódź jest żaglowa*.

Uniwerbizacja to termin różnie definiowany, rozmytość jego granic widać już w łacińskim źródłosłowie: *unus* ‘jeden’, *verbum* ‘słowo’ – wszak efektem technik słowotwórczych jest właśnie jedno słowo. Wachlarz stanowisk wobec terminu uniwerbizacja widać było wyraźnie na zorganizowanej przez Profesor Amelę Šehović konferencji pt. *Univerbacija/univerbizacija u slavenskim jezicima* w dniach 4-8 IV 2017 r. Na gruncie polskiej lingwistyki mamy dwie monografie (Szczepańska 1994, Sojda 2011), w których w rzetelny sposób zaprezentowana jest literatura słowiańska na temat uniwerbizacji. Z diachronicznego punktu widzenia interpretuje uniwerbizmy Artur Rejter (Rejter 2010).

W niniejszym tekście uniwerbizację zakreślimy do substantywizującej sufiksacji. Tak więc na bazie wyrażenia przymiotnikowo-rzeczownikowego powstaje jeden wyraz – w dwuwyrazowym wyrażeniu członem podrzędnym jest przymiotnik, formant zastępuje nadrzędny rzeczownik, por. *zupa grochowa* → *grochówka*, *karta pocztowa* → *pocztówka*.

2. W tym miejscu warto postawić pytanie: Czy są jakieś charakterystyczne cechy różniące uniwerizmy od derywatów predykatywnych? Oto ich zestaw:

2.1. Na pierwszym miejscu należy postawić typ formantów – tworzące je sufiksy są “puste” pod względem semantycznym. Najczęściej mamy tu *-ka*, *-ik*, *-ec*, *-ica*. Warto zauważyć, że te same formanty, gdy tworzą derywat odrzeczownikowy, mają funkcję deminutywną (*koń* → *konik*, *książka* → *książeczka*) lub żeńską (*nauczyciel* → *nauczycielka*, *kot* → *kocica*), modyfikują zatem znaczenie podstawy. Warto dodać, że w doborze formantów obowiązuje zgoda rodzajowa – deminutywa na *-ka* tworzą się od rzeczowników żeńskich, zdrobnienia z przyrostkami *-ek* i *-ik* – od męskich. Nazwy żeńskie tworzone są od rzeczowników męskich. Tymczasem w uniwerbizmach formant jest obojętny wobec wartości rodzajowych. Mamy zatem przykłady:

◆ dla formantu *-ka*: rodzaj żeński: *kamienica czynszowa* → *czynszówka*,
rodzaj nijaki: *ciastko*

drożdżowe → *drożdżówka*; rodzaj męski: *dom noclegowy* → *noclegówka*;

◆ dla formantu *-ec*: rodzaj żeński: *gazeta brukowa* → *brukowiec*; rodzaj nijaki: *drzewo*

kakaowe → *kakaowiec*; rodzaj męski: *skrót literowy* → *literowiec*.

2.2. Drugą cechą uniwerbizmów jest rozproszenie semantyczne. Bo jakież to kategorie słowotwórcze: *fasolówka*, *transportowiec*, *handlówka*? W uniwerbizacji formant przechwytytuje konkretne znaczenie nadrzędnego rzeczownika, a nie – jak to się dzieje w predykatywach – funkcję jednego z argumentów abstrakcyjnej struktury predykatywo-argumentowej. Skutkiem tego są kłopoty z przypisaniem uniwerbizmu do kategorii słowotwórczej.

2.3. Uniwerbizmy powstają na bazie grup nominalnych i przynajmniej jakiś czas współfunkcjonują z nimi – raz powiemy *zupa pomidorowa*, innym razem – *pomidorówka*. Nie mają takich zdolności derywaty powstałe na bazie predykatywnej. Powiemy: **Pisarz** *usiadł przy stoliku*, natomiast dziwaczne byłoby: **Ten, co pisze**, *usiadł przy stoliku*, zwłaszcza że nazwy wykonawców czynności zazwyczaj reprezentują typ, a nie okaz (Kleszczowa 1998: 46-52)¹. Gdy mówimy: *On jest pisarzem*, mamy na uwadze cechę habitualną, a nie okazjonalną.

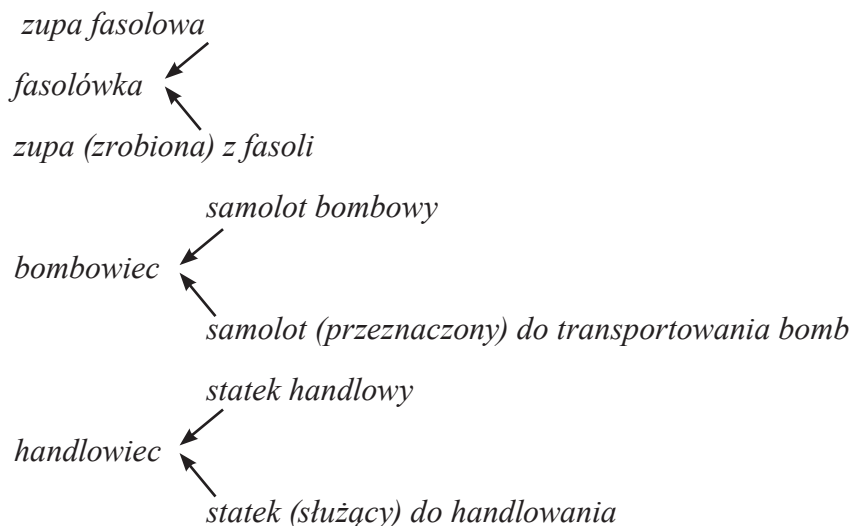
2.4. Znamienną cechą derywatów powstałych w wyniku uniwerbizacji jest dodatkowa motywacja, mówią niektórzy – podwójna motywacja. Możemy leksem *pokazówka* motywować za pomocą grupy przymiotnikowo-rzeczownikowej albo rzeczownikiem *pokaz*: *To była pokazówka* albo *To był proces pokazowy*, albo *To był proces na pokaz*. Możemy zamiast *obyczajówka* powiedzieć *policja obyczajowa* albo *policja pilnująca obyczajów*; *dochodzeniówka* to albo *policja dochodzeniowa* (grupa syntaktyczna), albo *policja zajmująca się prowadzeniem dochodzeń* (peryfraz).

3. Jednym z większych problemów w badaniach lingwistycznych jest weryfikacja stawianych tez. Złożoność, różnorodność i bogactwo analizowanej materii sprawia, że odszukanie przykładu czy przykładów potwierdzających bądź obalających stawianą hipotezę zazwyczaj nie stanowi problemu. Uwaga ta dotyczy także cech wymienionych w poprzednim (2.) fragmencie artykułu. W dalszym ciągu zamierzam szukać potwierdzenia

¹ Przykłady derywat-okazów to: *Zbawiciel*, *Stwórca* – w ich strukturze głębokiej występuje kwantyfikator ogólny. Derywat-typ pełni w zdaniu funkcję wyrażenia predykatywnego, mieszczą się tu: 1/ nazwy, dla których predykat jest cechą stałą, np. *obżarciuch*, *awanturnik*; 2/ nazwy, w których wykonawca zawodowo wykonuje jakąś czynność: *piekarz*, *pasterz*.

specyfiki uniwerbizacji w ewolucji języka. Jeżeli wydzielanie uniwerbizacji jest zasadne, powinno się to w jakiś sposób odcisnąć w odmiennym “życiu” słów z jednej strony opartych na zdaniu (*księgarz*), z drugiej – słów opartych na grupie nominalnej (*żaglówka*).

Jak już wcześniej sygnalizowałam, w klasie powstałej w efekcie uniwerbizacji mamy często do czynienia z tzw. podwójną motywacją. Jest to sygnał, że zaczął się już proces reinterpretacji. Na miejscu przymiotnika, stojącego przed substancywizującym formantem, pojawia się rzeczownik bądź czasownik, który wcześniej był jego podstawą słowotwórczą:

Łatwo zauważyć, że w efekcie reinterpretacji uniwerbizmów następuje przesunięcie ich do klasy derywatów predykatywnych. Można zatem mówić o ogólnym procesie, który polega na ciężeniu uniwerbizmów w kierunku podstawowej dla słowiańskiego słowotwórstwa klasy – do zbioru derywatów predykatywnych. Jest to główną przyczyną procesu, choć oczywiście, jak zwykle w takich wypadkach, wskazać można przyczyny cząstkowe, te współfunkcjonują z zasadniczym kierunkiem rozwojowym, co więcej – wspomagają go. Oto niektóre z tych przyczyn cząstkowych².

3.1. Zdarza się, że zanika przymiotnik, który razem z rzeczownikiem stał u podstaw uniwerbizmu, np. *komora lepiana* → *lepianka* (SL); *bojowny/wojowny mąż* → *bojownik, wojownik*, *naczynie kadzielne* → *kadzielnica* (SDor), w SL: *kadzilny* → *kadzidlinica/ kadzilnica*; *dżdżowa glista* → *dżdżownica* (SXVI):

² Piszę “niektórych”, bo być może dalsze analizy wykażą ich więcej.

Lumbricus, glista robak który się w żołądku luckim zaląga/ też których w ziemi pełno/ dżdżowe glisty albo dżdżownice jako niektórzy zową. Mącz 199b (SXVI).

Funkcjonujący dziś w polszczyźnie leksem *urzędnik* to efekt uniwerbizacji odnotowanego w staropolszczyźnie wyrażenia sędzia urzędny (SStp). Brak już dziś przymiotnika *urzędny* ‘urzędujący’, motywacja jest inna, mianowicie *urzędować*.

3.2. Zerwanie związku między uniwerbizmem a zestawieniem może wynikać ze zmiany znaczenia przymiotnika. I tak przymiotnik *czeladny* powstał na bazie rzeczownika *czeladź* w znaczeniu ‘ludzie z najbliższego otoczenia, domownicy, służba’. Dawało to zestawienia *ojciec czeladny, gospodarz czeladny, chleb czeladny, dom czeladny, czeladna izba*. Ciągłość uzyskał *czeladnik* ukuty na bazie przymiotnika *czeladny* w znaczeniu ‘służebny’.

3.3. Reinterpretacjom sprzyja też wygaśnięcie zestawienia, na którym powstały uniwerbizmy, tu przykładów znajdziemy wiele w historii polszczyzny. Wymienię tylko: *cegła dachowa* (SL) → *dachówka*, łaźnia parowa/ kąpiel parowa → *parówka* (SDor); *pióro stalowe* → *stalówka* (SW), *jedwabny robak* → *jedwabnik* (SXVI).

4. Skala uniwerbizacji jest w języku na tyle duża, że w jakimś stopniu procesy w niej zachodzące muszą odciskać się na specyfice systemu słowotwórczego. W dalszym ciągu artykułu pokazane będą efekty procesów, które dotyczą klasy derywatów powstałych po przesunięciu uniwerbizmów do derywatów predykatywnych. Tak więc zdarza się, że po reinterpretacji uzyskujemy derywat, który łatwo przyporządkować do istniejącej już kategorii słowotwórczej. Efektem jest powstanie nowych formantów – z morfemem przymiotnikowym wraz z substancywizującym sufiksem rzeczownikowym, zatem *-ow’-ec, -ów-ka*. Pokażmy to na przykładach.

4.1. We współczesnym języku polskim klasa osobowych nazw na *-owiec* jest mocno rozbudowana, por. *branżowiec, fachowiec, dźudowiec, handlowiec, ideowiec, komputerowiec, pechowiec* (150 nazw, tyle według: Grzegorzczkowska, Puzynina 1979: 68–69). Zaskakujące, że u progu polszczyzny, w okresie staropolszczyzny odnotowano jedynie *synowiec* w znaczeniu ‘wnuk, potomek, bliski krewny’ – derywat można motywować rzeczownikiem *syn* albo przymiotnikiem *synowy*³, wtedy formantem będzie

³ ~ (o Jezusie Chrystusie): *Bo jina jest persona ócowa, jina synowa, jina ducha świętego jedno jest bóstwo, rowna sława* Fl Ath 5–6 (SStp).

-ec. Domyślać się można, że *synowiec* to efekt uniwerbizacji. Sytuacja się zmienia w SXVI – pojawiają się nowe: *borowiec* ‘mieszkaniec boru’; *domowiec* ‘domownik’; *mózgowiec* ‘człowiek, który uparcie trzyma się tego, co wymyślił’ (SXVI). Dla niektórych można wskazać przymiotnikowe podstawy, bo były: *borowy*, *domowy*, *mózgowy*, ale chyba lepiej tu mówić o wyodrębnieniu się nowego formantu -owiec. Widać wyraźnie, że klasa osobowych nazw agentywnych “wchłonęła” zreinterpretowane uniwerbizmy. Efektem jest nowy formant.

Nie znaczy to oczywiście, że omawiany proces już się zakończył, wszak i dzisiaj pojawiają się uniwerbizmy o zakończeniach ~owiec, por. *naukowiec* (← *pracownik naukowy*), *stoczniovec* (← *pracownik stoczniowy*). Wczesniejsze rozważania dają podstawy do prognozowania, że podane przykłady będą w przyszłości derywatami na -owiec, wszak już dziś powiedzieć można: *Naukowiec to człowiek zajmujący się nauką. Stoczniovec to człowiek pracujący w stoczni.*

4.2. Podobnie interpretować można powstanie formantu -ownik. Znajdziemy w materiale staropolskim i XVI-wiecznym przymiotniki na -owny, których nie ma już współcześnie, a które śmiało mogły być elementami uniwerbizmów na -ik, zatem: *buntowny* – *buntownik*, *bojowny* – *bojownik*, *czarowny* – *czarownik*, *harcowny* – *harcownik*, *hołdowny* – *hołdownik*, *pracowny* – *pracownik*, *wojowny* – *wojownik*. Dziś interpretuje się te rzeczowniki jako odczasownikowe nazwy wykonawców czynności z formantem -nik. Piszą autorki słowotwórstwa współczesnego języka polskiego, że takie formacje, jak *buntownik*, *bojownik*, *pracownik*, *użytkownik* mają podwójną motywację czasownikowo-rzeczownikową (Grzegorzczkova, Puzynina 1979: 195). Jeśli postrzegać będziemy motywację rzeczownikową (*bunt*, *praca*, *użytek*), to mamy do czynienia z formantem -ownik.

4.3. Rozrzut funkcji w staropolskiej klasie rzeczowników na -nica jest duży. Spotykamy derywaty, w których sufiks ma funkcję strukturalną (*kramnica* ‘budka targowa, kram, sklep’ od *kram*), nazwy wykonawców (*bębennica* ‘bębnista’ od *bęben*), derywaty i znaczeniu czasu (*maślnica* ‘ostatnia niedziela przed Wielkim Postem, (...)’ od *masło* itd. W niektórych można doszukać się relacji pochodzenia, np. *miednica* ‘misa metalowa (...)’ od *mieź*; *jajecznicca* ‘cibus ex ovis coctis confectus’ od *jajko*, a są i takie, których znaczenia strukturalne są jednostkowe, np. *dannica* ‘jakaś miara miodu’ od *dań*; *światlnica* ‘lampa, świeca, pochodnia’ od *światło*; *wieżnicca* ‘rodzaj działa średniej wielkości umieszczanego w wieży’ od *wieża* (Kleszczowa 1996: 59-63). Jest to typowa sytuacja dla klasy uniwer-

bizmów. Ale w ramach tak rozproszonej klasy leksemów o zakończeniu *-nica* największą klasę tworzą nazwy miejsc. Powiedzieć można, że w obrębie rozproszonego zbioru klasa nazw miejsc scalała się w grupę derywatów, która podporządkowała się typom predykatowo-argumentowym, utworzyły nazwy miejsc na *-nica*.

W tym miejscu pojawia się problem argumentowania tez historycznojęzykowych. Trudno nieraz znaleźć zestawienie, które mogłoby motywować XX-wieczny uniwerbizm, a co powiedzieć o zestawieniach XV-, XVI-wiecznych? Tu należy szukać pośrednich dróg wnioskowania. Tak więc przy wielu leksemach na *-nica* można domyślać się baz zestawieniowych rzeczownika z przymiotnikiem. Bo choć nie mamy odnotowanego zestawienia *komora/ pomieszczenie piwne*, łatwo się takiego domyślić, skoro w XVI wieku były: *dom piwny, karczma piwna* (SXVI); brak poświadczenia dla zestawienia, które mogłoby motywować wyraz *łożnica*, ale mieliśmy przymiotnik *łożny* (SXVI); skoro był *ogród oliwny*, mógł być też *ogród winny* dla *winnica*, skoro był przymiotnik *spowiedny* (SL), mógł wiązać się z jakimś rzeczownikiem i tworzyć słowoformę *spowiednia*, dla *składnica* zestawienie był w stanie tworzyć przymiotnik *składny* ‘dotyczący składu towarów’ (SDor).

4.4. Jednym z formantów tworzących uniwerbizmy był formant *-ica*. Niektóre twory wpisywały się w semantyczną klasę nazw żeńskich, np. *czarownica, cudzołożnica, czeladnica, robotnica, przeciwnica*. Dziś podobne twory interpretujemy jako powstałe drogą derywacji wymiennej – formant *-nik* zastępowany jest formantem *-nica*, przykładów we współczesnej polszczyźnie jest wiele – *pomocnica, niewolnica, pracownica, przodownica, nieszczęsnica*... Materiał historyczny nakazuje ostrożność w tak prostym przekładaniu współczesnej kompetencji językowej na wieki przeszłe. Okazuje się bowiem, że u progu polszczyzny funkcjonowało zestawienie *czarowna niewiasta, cudzołożna żona, robotna czeladź* (*robotna* = ‘pracująca fizycznie’). Interpretowanie zatem nazw żeńskich na *-nica* jako pochodnych od męskich już w staropolszczyźnie to podporządkowywanie efektów uniwerbizacji do ogólnych zasad słowiańskiego słowotwórstwa – że nazwy żeńskie wywodzą się od męskich. Tymczasem materiał historyczny daje podstawy do wysunięcia tezy, że zarówno *czarownik*, jak i *czarownica* powstały niezależnie, a słowotwórczy związek między nimi mógł powstać później. Rodzi się nawet podejrzenie, że kategoria modyfikacyjna nazw żeńskich w słowiańskiej derywacji u progu miała charakter uniwerbizyjny.

5. Zdarza się, że w wyniku uniwerbizacji powstają twory, które trudno dopasować do konkretnych kategorii słowotwórczych. Rzecz ciekawa – mają one skłonność grupowania się w klasy semantyczne, rozbudowywane drogą analogii. Oto ich przykłady:

- nazwy samochodów: *ciężarówka, terenówka, osobówka, półtonówka, wyścigówka, taksówka*;
- nazwy zup: *fasolówka, grochówka, pomidorówka, jarzynówka, kalafiorówka, szczawiówka, kuroniówka*⁴;
- nazwy pomieszczeń: *jadalnia, poczekalnia, sypialnia, pijalnia, oczyszczalnia, przebieralnia, umywalnia, smażalnia, pakowalnia*;
- oddziały szpitalne: *urazówka* ← *oddział urazowy*; *porodówka* ← *oddział porodowy*; *zabiegówka* ← *gabinet zabiegowy*
- terminy okulistyczne: *blona twarda* (SW) → *twardówka*, ale również *białkówka, spojówka, naczyniówka*.

Oczywiście pozostaje cała reszta, stanowiąca obrzeża systemu słowotwórczego. Mam tu na myśli jednostkowe przykłady, które nie wpisały się w żadną większą klasę – ani predykatywną, ani semantyczną, np. *miętówka* (← *cukierek miętowy*); *makówka* (← *główka maku / makowa*), *gadzinówka* (← *gazeta gadzinowa*).

Zakończenie

W okresie strukturalizmu historycy języka starali się podporządkować swoje opisy ujęciom systemowym. Czas zmienić perspektywę. I mocno trzeba podkreślić, że nie jest powrót do czasów młodogramatyków (!). Mamy za sobą doświadczenia wnikliwych obserwacji współczesnego języka. Czas je uzupełnić o perspektywę diachroniczną, co wyjaśnia stan aktualny, także zjawiska aktualnie się dziejące. Wiele z nich burzy porządek, trzeba je obserwować, ale też warto rozpoznawać siły, które wprowadzają ład w systemie języka naturalnego. Na konferencji w Grazu pokazywałam, że nowości językowe są niestabilne, że zdecydowana ich większość nie ma żadnego znaczenia w ewolucji systemu leksykalnego (Kleszczowa 2016). W tym artykule starałam się pokazać obrzeża słowotwórstwa, które choć wykraczają poza podstawowe reguły derywacyjne, podlegają siłom porządkującym ten obszar. Tym samym referat wpisuje się w teorię chaosu deterministycznego – ważny tu jest drugi człon terminu.

⁴ *Kuroniówka* to bezpłatny posiłek dla biednych, zwykle zupa od nazwiska Kuroń (minister pracy i polityki społecznej w latach 1989–1993).

Wykorzystane słowniki i ich skróty

- Witold DOROSZEWSKI, red., 1958–1969: *Słownik języka polskiego*, t. 1–11. Warszawa (SDor).
- Samuel Bogumił LINDE, 1854–1860: *Słownik języka polskiego*. Wyd. 2, t. 1–6. Lwów (wydanie pierwsze Warszawa 1807–1814) (SL).
- Adam Antoni KRYŃSKI, Jan KARŁOWICZ, Władysław NIEDŹWIEDZKI (red.), 1900–1927: *Słownik języka polskiego*. Warszawa (SW).
- Maria Renata MAYENOWA, (red.): *Słownik polszczyzny XVI wieku*, t. 1–36. (Red.) Wrocław – Warszawa – Kraków, 1966–2012 (SXVI).
- Stanisław URBAŃCZYK (red.), od 2002. Waclaw Twardzik (red.), 1953–2002: *Słownik staropolski*, t. 1–11. Wrocław – Warszawa – Kraków (SStp).

Literatura

- Renata GRZEGORCZYKOWA, Jadwiga PUZYNNINA, 1979: *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne rodzime*. Warszawa.
- Renata GRZEGORCZYKOWA, Roman LASKOWSKI, Henryk WRÓBEL (red.), 1998: *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Warszawa.
- Krystyna KLESZCZOWA, 2016: Internet jako narzędzie w ocenie stabilności neologizmów. Na przykładzie polskich przymiotników. W: TOŠOVIĆ, Branko, WONISCH, Arno (Hg./ред./ur.). *Wortbildung und Internet; Словообразование и интернет; Tvorba riječi i internet*. Graz, 137–149.
- Krystyna KLESZCZOWA (red.), 1996: *Słowotwórstwo języka doby staropolskiej. Przegląd formacji rzeczownikowych*. Katowice.
- Krystyna KLESZCZOWA, 1988: *Staropolskie kategorie słowotwórcze i ich perspektywiczna ewolucja. Rzeczowniki*. Katowice.
- Artur REJTER, 2010: *Uniwerbizacja jako problem historycznojęzykowy*. W: KUŹMIŃSKI, Marcin, OSIEWICZ, Marek (red.): *Żywe problemy historii języka polskiego*. Poznań, 75–85.
- Sylwia SOJDA, 2011: *Procesy uniwerbizacyjne w języku słowackim i polskim*. Katowice.
- Elżbieta SZCZEPAŃSKA, 1994: *Uniwerbizacja w języku czeskim i polskim*. Kraków.

From Univerbisation to Predicative Derivatives

Univerbisation is a term which is variously defined. A common element of its significance is the basis of two or more words of the derivative. The article discusses univerbisation as a result of substantivising suffixation – in a two-word expression the dependent element constitutes an adjective, and the formant replaces the main noun, cf. *zupa fasolowa* → *fasolówka*. In this article such univerbisms are contrasted with derivatives which arose on the basis of one word and which are incorporated into its predicative-argumentative structure, cf. *czytelnik* [a reader] = ‘the one who **reads**’, *pisak* [a felt-tip pen] = ‘a thing with which x **writes**’ (Instr); *czytelnia* [a reading room] = ‘a place where x **reads** something’ (Loc). Such word forms, which arose on the basis of a sentence, are referred to as predicative derivatives. This is consistent with the attribution of a deep structure based on Fillmore’s semantic roles to derivatives.

The derivatives which arose on the basis of two-word lexical units are created by means of multifunctional formants: *-ek, -ik, -ka, -ec, -ica*. This is one of the reasons that, generally speaking, univerbisms constitute a diffuse class, both as far as their formal as well as semantic aspects are concerned. This state of affairs generates forces which intend to arrange the set which arose by means of univerbisation; there arises gravitation toward categories based on predicative structures – these constitute the basis of Slavic word formation. Re-interpretation occurs, cf. *łódź żaglowa* [sailing ship] → *żaglowi-ec* → *żaglowiec* ‘a ship fitted with a **sail**’; *zapekane ciasto* [casserole-like food] → *zapekan-ka* → *zapek-anka* ‘something which is baked in such a way that its ingredients combine and a crispy crust is formed at the top’. New formants arise as a result of re-interpretation, e.g. *-anek, -inek, -alnik, -ownik, -anka, -awka*, – these elements are capable of creating *per analogiam* depredicative structures – this time without the basis of univerbism.

Ніна Клименко

Інститут української мови НАН України, Україна, Київ
nina_klymenko@ukr.net

УНІВЕРБИ В ТЕРМІНОСИСТЕМАХ СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ ТА НОВОГРЕЦЬКОЇ МОВ

У статті розглянуто процеси універбації в східнослов'янських та новогрецькій мовах, особливу увагу приділено їм в терміносистемах; підкреслено необхідність аналізу цього явища в контексті нових парадигм словотвору, розрізнення його з компресивами (згортками) в зіставному вивченні мов. Виявлено відмінності й подібності субстантивації, універбації як суфіксального явища, крізь призму основокладання та афіксоїдного словотворення. Запропоновано розгляд універбації в аспекті співвідношення з перифрастичним словотворенням юкстапозитів та темогнізд розчленованих номінацій.

Ключові слова: універбація, субстантивація, основокладання, афіксоїдне словотворення, перифрастичне словотворення, темогнізда

The article studies the processes of univerbation in Eastern Slavic and Modern Greek, special attention is paid to their role in terminological systems, the need to conduct this analysis in the context of new paradigms of word-formation is emphasized. It is also essential to distinguish it from compressives in language comparative research. The analysis has established similarities and differences of substantivation, univerbation being suffixational phenomenon through the prism of compounding and affixational word-formation. It has put forward a study of univerbation from the perspective of correlation between periphrastic word-formation of juxtaposits and families of split nominations.

Key words: univerbation, substantivation, compounding, affixational word-formation, periphrastic word-formation, families of nominations

На сьогодні найпоширенішим у мовознавстві є визначення універба як одиниці, що виникає внаслідок перетворення (найчастіше) згортання стійкого словосполучення в еквівалентне йому за значенням окреме слово. У виниклому похідному в сконденсованому вигляді

реалізоване значення словосполучення. При цьому з його формою відбуваються певні зміни. Замість стрижневого слова з'являються іменникові суфікси, характерні для кожної мови. Набір цих суфіксів з часу появи терміна універб описаний у багатьох мовах. У сучасній українській мові до найпоширеніших в універбах належать суфікси *-к(а)* з варіантами *-ивк(а)/-івк(а),-янк(а)*: згадаймо ряд назв настоянок *абрикосівка, агрусівка, анісівка, вишнівка, горобинівка, калинівка, малинівка, марганцівка, ожинівка, перцівка, полинівка, цитрусівка* тощо, нарад різного роду: *оперативка, п'ятихвилинка*, а також інші на взір: *азбука Морзе – морзянка, ник записний зошит – записник, блокнот для нотаток – нотатник, -иц(я) залізна дорога – залізниця* і т.ін.

Семантичне поле іменника *універб* з часом розширилося і його стали розглядати в різних мовах у контексті субстантивації, конверсії, композиції, зрощення, абрєвіації. За умови конверсії запроваджено термін словотворчий формант, у ролі якого виступає словозмінна парадигма слова. Найтиповішою в мовах у синхронії є субстантивація прикметника. Завдяки транспозиції відбувається перетворення його в іменник. Форма твірної одиниці при цьому трансформується: прикметник втрачає зміну за родами, ступені порівняння, коли він є якісним: *маніпуляційна кімната – маніпуляційна, біле вино – біле*.

Такі трансформації твірних одиниць можуть бути критеріями в зіставному вивченні різних мов, яке передбачає систематизацію різних форм трансформацій, співвідносних із універбами. Важливе окреслення кола їх, як і врахування діахронного та синхронного аспекту вивчення цих явищ.

Окрема словоформа, втрачаючи деякі свої граматичні характеристики, набуває нової синтаксичної поведінки і статусу окремого слова. При цьому її семантика опредметнюється в статусі іменника і оформлюється відповідно новими словозмінними показниками, напр. *перше* (страва). Саме вони, точніше їхня сукупність, і виступають у ролі словотворчого форманта (Honowska 1979). У цьому випадку не реалізується співвідношення словосполучення – універб, хоча і має місце словотвірний акт. Отже, вони ніби не відповідають згадуваному визначенню універба, однак такі одиниці вияскравлюють місце універбів серед інших явищ, пов'язаних з конденсацією (компресією) семантики (Исаченко 1958) базової одиниці (мотиватора) при переході його в похідне.

Це стає очевидним у зіставленні механізмів семантичної компресії інформації під час словотворення у різних мовах. Так, східнослов'янські словосполучення укр. *комунальні послуги*, рос. *коммунальные услуги* згортаються в *комунальні*, *коммунальные*, отож субстантивуються. У новогрецькій іменник *τα κοινόχρηστα* – місячна грошова оплата загальних витрат (за електричний струм, користування ліфтом тощо залежно від мешканців багатопверхівки) – це наслідок субстантивації прикметника *κοινόχρηστος* загальновикористовуваний. Від нього за допомогою артикля оформлено іменник середнього роду в множині. Таке оформлення збірних назв типове для новогрецької мови. Подібний до нього за способом творення іменник *τα θαλασσινά* від прикметника *θαλασσίος* – морський. Еквівалентом його є східнослов'янські *морепродукти*, отже, композит – наслідок основоскладання. У грецькій це назва страв із щойно виловлених з моря риби, молюсків, ракоподібних: *τα θαλασσινά* – морепродукти свіжі, смачні. Субстантив розвинув додаткові значення. Ідеться не просто про мешканців моря, а про страву з них.

Розгляд компресивного словотворення в зіставному плані дозволяє систематизувати субстантиви з формантом-парадигмою іменника в східнослов'янських мовах та артиклями, а також іменниковою парадигмою у новогрецькій і власне універби: пор. з названими одиницями пару *το οικολογικό σύστημα* – екологічна система і *το οικοσύστημα* екосистема, де представлено композит – згорток словосполучення. Отже, йдеться про субстантиви, універби, композити, оформлені основоскладанням. Їх можна порівняти ще із зрощеннями слів на взір *удаванохворий* та *ψευδοάρρωστος*.

Цей підхід робить помітнішими перехідні зони в словотвірних системах, подібності та відмінності компресивного словотворення: конверсії, універбації, основоскладання, афіксоїдного способу творення слів і перифрастичного їх оформлення та групування як розчленованих номінацій. Адже всі перераховані способи – різновиди компресивного словотворення.

Розуміння конверсії як тотожності означувачів двох чи кількох різних лінгвістичних знаків, котрі належать до різних граматичних категорій і мають різні означувані, вимагає розрізнення динамічної та статичної конверсії. Динамічна конверсія є засобом внутрішнього (безафіксного) словотворення.

Українській мові властива найбільше конверсія–перетворення прикметника в іменник. Порівняно з російською у неї вужчий обсяг конверсії. У багатьох випадках конверсію замінено в українській афіксацією, пор.: рос. *беглец, бедняк, дозорный, домовой, духовная, жаркое, животное, заключенный, крепостной, наличные, нарочный, начинающий, некурящий, нищий, отдыхающий, пирующий, подданный, подлежащие, поступающий, рабочий, столовая, холодное* та відповідні їм українські слова: *утікач, бідняк, дозорець, домовик, духівниця, печеня, тварина, в'язень, кріпак, готівка, посланець, початківець, некурець, відпускник, бенкетник, підданець, підмет, вступник, робітник, їдальня, холодець*.

У новогрецькій мові від прикметників досить широко шляхом конверсії утворюють співвідносні за родами назви осіб чоловічої та жіночої статі: *άγνωστος* незнайомий – о *άγνωστος* незнайомиць, *άγνωστη* незнайома – η *άγνωστη* незнайомка, *άγριος* дикий – о *άγριος* дикун, *ακαδημαϊκός* академічний – о *ακαδημαϊκός* академік, *ιστορικός* історичний – о *ιστορικός* історик, *χημικός* хімічний – о *χημικός* хімік.

Продуктивно утворюються назви багатьох абстрактних понять, оформлених у жіночому роді: *αισθητικός* естетичний – η *αισθητική* естетика, *κεραμικός* керамічний – η *κεραμική* кераміка, *πρακτικός* практичний – η *πρακτική* практика.

На відміну від української та російської мов, у яких субстантивуються переважно порядкові числівники: (пор. укр. *перше, друге, третє*, рос. *первое, второе, третье* і дуже рідко кількісні *один (один у полі не воїн!)*), у новогрецькій, крім порядкових *εκατοστός* сотий – то *εκατοστό* відсоток, *τέταρτος* четвертий – то *τέταρτο* четверть години, субстантивуються за допомогою артиклів і кількісні числівники: *δύο* два – то *δύο* двійка, *δέκα* десять – то *δέκα* десятка.

Засвідчено випадки неоказіонального творення іменників від займенників: *ποιος* хто? який? – *τοποιο* якість, *ολος* увесь – *τοολο* ціле, *σουкупність*, *ποσος* який? (за кількістю) – *τοποσο* кількість.

Конверсії в новогрецькій мові підлягають прислівники, що перетворюються на прикметники: *κάτω* – η *κάτω πόλη* – нижнє місто.

Історичний вимір конверсії підтверджує можливість субстантивації дієслівних форм: *το είναι* буття від *είναι* бути, *το πιστεύω* кредо від

πιστεύω вірити, το έμπα вхід, початок від έμπα заходь!, το διάβα прохід від διάβα прохоть!

Узагальнення цих випадків дозволяє по-іншому подивитися на творення численних субстантивів у систематиці біології східнослов'янських мов на взір: *бичкові, ігуанові, камбалові, коропові, лінивцеві, оленеві, ластівкові, одудові, чайкові, чаплеві; гречкові, дзвоникові, кропивові, папоротеві, пальмові, півникові* тощо. Це – назви угруповань тварин, птахів, рослин, що не мають у багатьох випадках прикметникових мотиваторів. Їхнє творення відбувається за моделю найменувань класів, підкласів, родин, рядів за ознаковим словом. Воно містить приховані компоненти: *подібний* (за певними ознаками) до іменника-основи функційного прикметника. Багато таких слів – це згортки, схожі на відносні прикметники, що фіксують характерні розпізнавальні ознаки тварин, рослин, але вони не мають ад'єктивних мотиваторів. Серед них своєю характерністю (нетиповим для інших поєднань ознак) виділяються композитні іменники: *двозяброві, кишковозяброві, пластинчатозяброві, пучкозяброві*.

Вони підкреслюють саме рідкість поєднаних у назві ознак тварин. На тлі нормальних *двопарноногих* виділяються *веслоногі, головоногі, зяброногі, крилоногі, ластиногі, лопатоногі, пухироногі, ротоногі, червононогі, членистоногі*. До таких утворень належать численні іменники: *гострозубці, голкошкірі, трубконосі, пластинчастовусі*. Деякі з них об'єднуються у підгрупи за другою основою: *голонасінні, покритонасінні; горлопері, кистепері, колючопері; рогахвості, чіпкохвості; кошикоцвіті, лускоцвіті, сережкоцвіті, хрестоцвіті; гострогубці, круглогубці, плоскогубці*. Усі вони – згортки перифрастичних словосполучень на зразок *хтось з ногами, (що ростуть) з голови, щось, (що дає) голе насіння, з голим насінням*.

Численні іменники з рефlekсами прикметника реалізують у другій позиції компонент *подібний* (до): *амебоподібні, горобцеподібні, голубоподібні, журавлеподібні, зайцеподібні, кулікоподібні, куроподібні, лелекоподібні, лемуруподібні, пастушкоподібні, совоподібні, тріскоподібні, чистикоподібні* тощо. Як бачимо, ця модель дуже продуктивна в біологічній систематиці.

Не мають корелятив субстантиви-композити з другою прикметниковою основою, співвідносною з дієсловом: *зябродишні, кишководишні, трахейнодишні; пальцехідні, стопохідні*.

Наведені приклади підтверджують перехідність=перетин зон універбації та компресивів=комполітивів, що ґрунтуються на існуючих перифрастичних моделях=формулах їхньої семантики. Названі приклади теж можна кваліфікувати як двокомпонентні (двоосновні) універби.

У новогрецькій мові в науковій систематиці, зокрема біології, подібно до східнослов'янських мов використовуються субстантиви. Оформлені вони як іменники середнього роду в множині й здебільшого нагадують збірні, точніше узагальнювальні поняття. Багато з них не мають співвідносних прикметників і побудовані за аналогією: та ελλαβοκαρπα зернобобові, рос. зернобобовые, та δημητριακά зернові, зерновые, та μηριστικά жуйні, жвачные, та όσπρια бобові, бобовые, та χορταρικά овочі. У цьому плані цікаву лексичну та словотвірну паралелі демонструють пари субстантивів новогрецької, оформлені як універби: та δευτρικά – та λαχανικά і українські суфіксальні утворення *садовина* – *огорожина*.

Значну частину субстантивів становлять лексеми з афіксоїдом -ειδή (-подібні): та εσπεροειδή цитрусові, цитрусовые, та ελαιοειδή маслинові, масличные, та μαλαχοειδή мальвові, мальвовые, та μαγνολιοειδή магнолієві, магнолиевые, та μηκονοειδή макові, маковые, та μυειδή мишині, мышья, та σολομοειδή лососеві, лососевые, та λειριοειδή (=τα θολοειδή) цибулиноподібні, луковицеобразные.

Новогрецька набагато ширше використовує питомі афіксоїди, ніж східнослов'янські мови. Це виявляється і в найменуваннях біологічної систематики, наприклад, у композитах з -φαγα (-їд) на взір οι χορτοφάγοι вегетаріанці, а також *антропофаги*, *бактеріофаги*, *копрофаги*, *макрофаги*, *мікрофаги*, *монофаги*, *олігофаги*. Частина з них увійшла, як бачимо, до найменувань східнослов'янських мов як прями запозичення. Інша частина функціонує поряд із кальками на зразок: та ζώα διακρίνονται σε φυτοφάγα, σαρκοφάγα, παμφάγα – тварини поділяються на рослиноїдів, растительноядных (фітофагів), труподів, трупоядних (саркофагів), всеїдних, всеядних (пантофагів).

Виразним прикладом засвоєння комполітивів цього типу шляхом прямого запозичення і перифразування є субстантив *амфібії* від та αμφίβια з синонімом *земноводні* (які живуть на землі та у воді).

Паралелі з українськими та російськими композитами, побудованими за моделями універсальних комполітивів, утворюють слова з пер-

шим компонентом δι- (дво-), пор. укр. двоцишні, рос. двоякодышащие і грец. Τα δίπνοα, двозяброві, двужаберные, та διβράγχια, двокопитні, двукопытные, та δίχηλα, двокрилі, двукрылые та δίπτερα.

У новогрецькій значно частіше, ніж у східнослов'янських використовуються поєднання іменників із атрибутивними відношеннями: пор. бульбоцибулина, клубнелуковица та οι βουνοκορυφές, що передає значення гірські вершини, та κοιλέντερα (та κοιλεντερικά) – значення іменника кишково-порожнинні.

Такі паралельні універби свідчать про подібність упорядкування наукової систематики в добу глобалізації за рахунок інтернаціоналізмів – назв абстрактних понять. Більше того, став актуальним вимір їх у середовищі гіперо-гіпонімів, оскільки до складу цих об'єднань увіходять подібні за словотвірною будовою та схемою семантичного творення терміни.

Скажімо, гіперонім ζώα тварини об'єднує паралельні за лексичними значеннями і семантичною мотивацією іменники. Лексема *ссавці* мотивована в українській мові дієсловом *ссати*, в російській – це млекопитающися – універб-комполит, що апелює до об'єкта їжі – грудного молока. У новогрецькій – відповідник=субстантив та θηλαστικά утворено від віддієслівного прикметника θηλαστικός (θηλάζω – ссати, харчуватися грудним молоком).

Гіпонімами ζώο є та πετεινά (та πετούμενα) птахи, буквально ті, що літають, від πετώ літати, а також композити-універби та ωοτόκα яйцеродні, та κυνοειδή собачі, та αλουροειδή котячі.

У багатьох випадках виявляють лексико-словотвірний паралелізм термінів у темогніздах. Адже йдеться про утворення першого ступеня конденсації, тобто про об'єднані в семантично єдине ціле словосполучення. До темогнізда з ключовим словом та πτηνά птахи входять та αποδηματικά πτηνά перелітні птахи, перелетные птицы, та αρπακτικά πτηνά хижі птахи, хищные птицы, та υδροβία πτηνά водоплавні птахи, водоплавающие птицы, та ημερόβια πτηνά денні, дневные птицы, та νυκτερόβια πτηνά нічні птахи, ночные птицы, та ωοτοκά πτηνά яйцеживородні птахи, яйцеживородящие птицы, та ωδικά πτηνά співочі птахи, певчие птицы, то παραδείσιον πτηνό райская птица.

Словотвірний паралелізм у цьому темогнізді виявляє більшість атрибутивних компонентів словосполучень: прикметники αποδηματικός

віддієслівний (від давньогрец. *αποδημιό* відлітати), *ωδικός* відносний прикметник від *ωδή* ода, пісня. *παραδείσιος* – райський, що пов'язаний з біблійним, а також міфічним, фольклорним уявленням про рай, став означенням райського птаха, якого називають ще в східнослов'янських мовах *жар-птицею*, *жар-птицей*.

Композит *ωτοκά* скальковано в СУБТ як яйцеживонароджувальний. У новогрецькій словотворчо більш вирівняно ряд з основою *-βίο* від *βίος* життя: *υδροβίος* який живе на воді, *ημεροβίος* який веде денний спосіб життя, *νυκτοβίος* – нічний спосіб життя. У східнослов'янських цей об'єднавчий компонент семантики слів, що уточнюваний дієсловом *живе*, перейшов до розряду прихованих, натомість вираженням є атрибутивний означувач життя. Але в цьому і виявляється конденсація універба: у субстантивах, перш за все суфіксальних, лишаються означувальні компоненти.

Композити демонструють два напрямки компресії значень. З одного боку, джерелом виникнення їх є словосполучення, які належать до часто використовуваних у текстах різних функційних стилів. Особливо це характерно для наукових текстів, де такі словосполучення згортаються у композитні слова. На продуктивність згортання впливає будова словосполучень. До поширених належать прикметниково-іменникові, іменникові та прислівниково-прикметниково-іменникові словосполучення. Так, у мовознавстві словосполучення *абрєвіатурна морфема* (морфема, використовувана в творенні абрєвіатур, точніше афіксоїдів) витіснено *аброморфемою*, *поділ на складди – складоподіл*, *фразеологічне словосполучення – фраземосполученням*. У біології *білі кров'яні тільця* перетворилися на *білокрівці*, *червоні кров'яні тільця* – на *червонокрівці*, *генетично модифікований організм* оформлено абрєвіатурою *ГМО*.

Однак це потужний, але не єдиний спосіб компресії розчленованих номінацій у терміносистемах. Існує ємний і також продуктивний спосіб компресії композитоутворень – афіксоїдний. У мовознавстві прикладом таких згорток-моделей афіксоїдних слів є *етно-/пресо-/психо-/соціо-лінгвістика*, які виразно виділяються на тлі існуючих розчленованих номінацій на взір: *структурно-математична*, *комунікативна*, *комунікативно-прагматична лінгвістика*.

Утворювані афіксоїдним способом композити складені з кількох основ. Вони теж є своєрідними універбами, що дуже поширені в різних

терміносистемах, ілюструючи компресію змісту та форми. Це розпізнавані клішовані одиниці терміносистем. Списки продуктивних афіксоїдів увесь час поповнюються. У біології поряд із давно відомими *авто-*, *агро-*, *антропо-*, *біо-*, *гео-*, *еко-*, *кріо-*, *псевдо-*, *психо-*, *психро-*, *термо-* тощо використовуються новіші *алело-*, *ало-*, *хромосо-*/*хромосо-*: *автоімунізація*, *авторепродукція*, *автотип*, *автотрансплантація*; *агрокультура*, *агросфера*; *бактеріологія*, *бактеріоносій*, *бактеріориза*, *бактеріофаги*, *бактеріофлора*; *термонастія*, *термоподи*, *термофіли*; *алелогенія*, *алелогонія*, *алеломорфоз*, *алелопатія*; *алозигота*, *алокарпія*, *алометрія*, *алоплазма* і т.ін.

У інформатиці здобули нове дихання *програмо-*: *програмосумісний*, *програмнокерований*, *програмотехніка* та афіксоїд *само-*: *самоадаптація*, *самодіагностика*, *самодокументований*, *самозавантаження*, *самозаписуваний*, *самоконтроль*, *самомодифікація*, *самонастроюваний*, *самонавчання*, *самоорганізація*, *самопуск*, *саморегулювання*, *самопогоджений* тощо.

У фізиці та інформатиці поширилася афіксоїдна основа *нано-*: *нанокомп'ютер*, *наноманіпулятор*, *нанометр*, *нанонаука*, *нанопланктон*, *нанорівень*, *наноробот*, *наносезон*, *наносекунда*, *наноструктура*, *наносистема*, *нанотруба* і т.ін, у суспільних науках: *інтернет-*, *мас-*, *медіа-*, *піар-*, *ретро-*, *соціо-*: *медіа-акція*, *медіа-барон*, *медіа-бомба*, *медіа-курс*, *медіа-життя*, *медіа-ідеал*, *медіа-індустрія*, *медіа-інститут*, *медіа-квиток*, *медіа-клуб*, *медіа-компанія*; *ретроанекдот*, *ретродійство*, *ретромандрівка*, *ретромода*, *ретроновина*, *ретроромантичний*, *ретростатика*, *ретростиль*, *ретрохіт*, *ретрошлягер*, *ретрошоу* тощо.

Завдяки ЗМІ та інтернету такі афіксоїдні утворення поповнюють загальнолітературну мову і стають надбанням загалу: *кровомобіль*, *біопротези*, *біороботи*, *кріобанки*, *наноматеріали*, *нанотехнології*.

За логікою розвитку наук такі композитоугруповання утворюють нові прошарки лексики на тлі тих композитів, мотивація яких словосполученнями в сучасних мовах відчутна їхніми носіями. У цю сферу здебільшого потрапляють у східнослов'янських мовах запозичені афіксоїди: вони не переобтяжені багатьма значеннєвими зв'язками з іншими словами. Їх семантика уніфікована і регулярно повторювана.

Однак і питомі афіксоїди теж здатні розвивати свої угруповання в терміносистемах. Компоненти одних із них поєднуються як рівноправні складники сполучником *i*: *склобетон, склогіпс, склоемаль, склокераміка, склокераміт, склокремнезит, склокристал, скломармур, склотекстоліт, склоцемент, склопластик, склоруберойд*.

В інших першій складник виконує роль атрибута *скляний* (виготовлений із скла): *склоблок, скловата, скловолокно, скломаса, скломозаїка, склопласт, склопакет, склопосуд, склотканина*.

Щойно названі два типи композитів відрізняються від тих, в основі яких лежать дієслівно- (або віддієслівно-) об'єктні словосполучення: *скловар, скловиробництво, складув, склозавод, склоомивач, склоочисник, склоочищувач, склопакунок, склопідійомник, склоприрізування, склоріз, склорізання, склороб, склоробство, склошліфувальний*.

Перший різновид похідних з основою *скло-* відрізняється від другого та третього своїм внутрішнім синтаксисом. Його семантика має вищий ступінь афіксоїдності, ніж члени другого і третього угруповань, побудованих на ґрунті підрядного, отже, більш керованого зв'язку.

Наведені приклади афіксоїдного способу творення похідних показують, що механізм компресії семантики складних за будовою, але єдиних з погляду змісту одиниць дедалі агресивніше впливає на словотворення мов. За свідченнями учених, уже в шістдесяті роки ХІХ ст. у слов'янських літературних мовах почала різко збільшуватися кількість складних слів. Це підтверджувало зростання в них аналітизму, з одного боку. З другого, відбувається подальша інтелектуалізація мов, розвивається їхній науковий стиль, що, в свою чергу, впливає на інші функційні стилі. У загальній літературній мові нагромаджується значна кількість термінів та детермінованої лексики. У добу глобалізації ці тенденції посилюються. У самій мові діють обмеження як на розгортання афіксоїдних структур (не більше чотирьох), так і на їх згортання. Усе, що довше цієї межі, легко розпадається і головне не відтворюється регулярно в мові.

Навіть у тричленних розчленованих номінаціях препозитивні атрибути, виражені відносними прикметниками, перебувають на периферії терміносистем, наприклад у біології це словосполучення на зразок: *шкіро-м'язово-апоневретичний утвір*, чотиричленні випадають із зони відтворюваності в мові: *палісадо-трихо-дермо-поверхнева*

тканина (Гродзинський 2012: 549). Подібну картину спостерігаємо в інших терміносистемах, наприклад, запропонований у механіці термін *термов'язкопружнопластичне деформування* з оформленим як композит чотиричленим прикметником не увійде в лексикон нормативних одиниць. Він громіздкий, хоча і поєднує в собі існуючі двочленні прикметники з інших словосполучень *в'якопружне тіло* або тричленні *пружно-пластичний деформативний стан* (Звіт 2013: 62–63).

Невпинно зростає кількість двоосновних афіксоїдних похідних. Меншою мірою, але збільшується кількість триосновних утворень. Серед названих уже афіксоїдів у препозиції до двоосновних композитів здатні перебувати *авто-*: *автомеханохорія*, *автораціографія*, *автоцитоліз*, *агробіологія*, *агроекологія*, *агробіоценоз*, *агрометеорологія*, *агрофітоценози*; *бактеріохлорофіл*, *бактеріоценогенність*, *псевдополіембріонія*, *псевдополіплоїдія*, *псевдоксерофіт*, *псевдогідроцефалія*, *ретрокінозал*, *спектрогеліограф*, *спектрогеліоскоп*, *спектрофотометр*, *спектрофлуорометр*, *термоанемометр*, *термогальванометр*, *терморадіометр*, *термополяриметр*, *термоклейстогамія*, *цитоморфологія*, *цитофізіологія*, *цитофотометрія* та ін. Цією здатністю наділені й деякі питомі афіксоїди та гібриди: *склоасфальтобетон*, *склозалізобетон*, *склоцементокераміка*, *медіа-бізнес-успіх*. Чотирикомпонентних афіксоїдних утворень набагато менше: *агробіогеоценоз*, *біогеоценогоризонти*, *нейроцитоархітектоніка*, *спектрогеліокінематограф*, *радіофототелеграф*. Ось чому спроби деяких термінологів розширити межі атрибутивно-іменникових словосполучень, а далі згорнути їх, навіть із намаганням писати їх через дефіс, не є вдалимими. Вони межують із творенням оказіоналізмів. Ці межі підтверджує грецька мова, яка поряд із німецькою відома своїм продуктивним основокладанням. У ній теж типові двоосновні неологізми з афіксоїдами: то *αεροάθλημα* повітряне змагання, η *αεροστεγανότητα* герметичність, η *βιοσυμβατότητα* біосумісність, η *βιοτοξίνη* біотоксин, η *ευρωάμυνα* євробезпека, η *ευρωκρίση* єв록риза, то *ιστολόγιο* блог, η *ιστοσελίδα* веб-сторінка, то *ιστόσημο* банер, то *νανομόριο* наномолекула, ο *νανοσωλήνας* нанотрубка, то *νανοϋλικό* наноматеріал.

Численні триосновні неологізми: то *αεροδιαστημολάνο* повітряний космічний корабель, η *αεροπυρόσβεση* пожежогасіння у повітрі, η *ανοσοχημειοθεραπεία* імунохіміотерапія, η *αστροφωτογραφία* фото-

графія зірок, η βιοσταθεροποίηση біостабілізація, ο βιοτρομοκράτης біотерорист, η διαδουκτιοτρομοκρατία тероризм у мережі, το ευρωδημοψήφισμα єврореферендум, το ευρωπρωτάθλημα єврочемпіонат.

Поодинокі чотирикомпонентні афіксоїдні композити: η αμφιβλαστηροειδοπάθεια ретинопатія, η νανοβιοτεχνολογία нанобіотехнологія.

Розгляд універбів і компресивів вимагає додаткового аналізу матеріалу стосовно злиття словосполучень словоформ, у якому вони змінюють значення та функцію для вираження одного складного поняття завдяки постійній дистрибуції кількох (2-4) словоформ, субстантивациї цілих речень, повторенню однакових словоформ. Важливо врахувати в такому аналізі діахронний аспект і синхронний, який засвідчує компресію одиниць всіма названими способами в літературній розмовній мові та в усно-писемному спілкуванні в інтернеті.

Ці стійкі конгломерати словоформ мають єдине змістове значення, відмінне від суми значень компонентів, постійний і незмінний порядок розташування елементів. При цьому написання слів разом чи окремо ніяк не позначається на значеннях таких об'єднань, їхній граматичній функції.

Залежно від структури, значення і функцій можна виділити такі об'єднання в українській та російській мовах: субстантивні (еквівалентні іменникові), прикметникові, прислівникові, дієслівні, дієприкметникові, прийменникові, сполучникові. Такі утворення виділяємо з врахуванням історичного аспекту. Вони засвідчені словниками як окремі слова, отже універби.

Перший тип об'єднань подібно до іменників використовується для позначення осіб, рослин, тварин, предметів, приміщень тощо. Одні з них співвідносні синхронно з другою особою однини дієслова в наказовому способі та іменником, пор. укр. *вертишийка, вертихвістка, держидерево, держиморда, дурисвіт, не-руш-мене, шибайголова*; рос. *вертихвостка, вертишейка, держиморда, сорвиголова*; нім. *das Vergissmeinnicht* незабудка, гр. *το μη με λησμονεί!* (букв. не забудь мене!).

Іншими паралельними зі словосполученнями з двох іменників у називному відмінкові найменуваннями є: *батько-мати* (батьки),

грим-баба, козир-дівка, буркун-зілля, брат-і-сестра, Іван-чай (зніт), *мати-й-мачуха, рай-дерево, розрив-трава, сон-трава*; рос. *отец и мать* (родители), *гром-баба, мать-и-мачеха*.

Окремий різновид становлять словосполучення з прикметником, які після субстантивації всього словосполучення втрачають свою первісну категорію, пор. укр. *кручені паничі* (квітка), *названий батько*.

Прислівникові об'єднання іноді утворюються за допомогою повторення тих же або дещо видозмінених компонентів із службовими словами чи без них: *будь-що-будь, всього-на-всього, де-не-де, день у день, з боку в бік, з краю в край, коли-не-коли, ледве-ледве, нога в ногу, раз у раз, тихо-тихо, хоч-не-хоч, як-не-як*.

Іншим їхнім різновидом є словосполучення на позначення приблизно єдиного проміжку часу: *без кінця краю, від ранку до вечора, година-друга, день-другий, другого дня, іншим разом, не сьогодні-завтра, серед білого дня, темної ночі, тим часом, цим разом*. Деякі з них вказують на спосіб дії і є поєднанням антонімів: *більш-менш, видимо-невидимо, волею-неволею* або синонімів: *гидко-бридко, зроду-віку, тишком-нишком, часто-густо*. Серед них трапляються також поєднання прислівників з частками: *а як же, годі ж бо, коли б то, отже ж, хоча б, якби ж, якби не* тощо.

Наведені приклади ілюструють одиниці, що давно зайняли своє місце в лексиконах мов. Не всі різновиди однаково поповнюються у сучасних мовах. У східнослов'янських перехідну зону, що активно поповнюється новими словами, формують прислівники, які функціонують паралельно з прийменниково-іменниковими формами на зразок: *назустріч – на зустріч, напередодні – напередодні, напереріз – на переріз, невпору – не в пору*.

Ця зона безпосередньо стосується процесів універбації, оскільки показує наслідки компресії семантики і форми одиниць, що засвідчують перехід словозмінних явищ у словотвірні.

У цьому плані важливе також окреслення перифрастичного словотворення, що повинно зайняти своє місце серед компресивів. Слідом за грецькими дослідниками Хр. Клерисом та Й. Бабінйотісом до перифрастичного словотворення відносимо моделі творення іменників, дієслів, прикметників, які є первісно словосполученнями (Κλαίρης, Μπαμπινιώτης 2005: 102–105, 719–720). А. О. Білецький називав слова

цього типу юкстапозитами (Білецький 1962: 15–16). Еталоном зіставлення виступають моделі таких утворень. У новогрецькій а) іменник та іменник у родовому відмінку *το λεξικό τσέπης* кишеньковий словник, рос. карманный словарь, *το κουτάλακ ιτσαγιού* чайна ложка, чайная ложка; б) прикметник та іменник: *η ηλκικακή ενέργεια* сонячна енергія, *ο εκδοτικός οίκος* видавничий дім, *ο ψυχρός πόλεμος* холодна війна; в) іменник та іменник у називному відмінку *η λέξη-κλειδί* ключові слова, *το παιδί θαύμα* чудо-дитина, нім. Wunderkind, вундеркінд, *η χώρα μέλος* країна-член.

Ці моделі можуть відігравати роль критеріїв у зіставному вивченні універбації та виявляти паралелі й відмінності мов. Вони показують подібність випадків а) та б) і відмінності мов (випадок в). Останній – показник тяжіння грецької мови до вираження значення належності формами іменників у родовому відмінку, в східнослов'янських – відносними та присвійними прикметниками.

У східнослов'янських мовах, як і в новогрецькій, поширені юкстапозити на взір: *το αυτοκίνητο-ψυγείο* автомобіль-холодильник, *η επιστολή-καταγγελία* лист-замовлення, *το πλοίο-φάντασμα* корабель-привид, *ο χειρουργός-οδοντίατρος* хірург-стоматолог.

Перифрастичним словотворенням називаємо також формування розчленованих номінацій – словосполучень, що є наслідком компресії семантики. Вони теж компресиви, що особливо поширені в науковому стилі, в якому лєвова пайка припадає на термінологічні словосполучення. Угруповання таких словосполучень з однаковими стрижневими словами-темами називаємо темогніздами. У біології таким є, наприклад гніздо, утворюване іменником *імунітет*: укр. *імунітет адаптивний*, рос. *иммунитет адаптивный/ активний, активный/ видовий, видовой/ клітковий, клеточный/ набутий, приобретенный/ природний, естественный*; *імунітет тканин, иммунитет тканей*.

Для розгляду універбації темогнізда цікаві тим, що виявляють у наукових текстах стійкі колокації=словосполучення, які стають термінами, виражаючи поняттєву єдність. Частина з них з часом може згортатися в слова (універби) внаслідок частоти використання в текстах. Прикладом їх може бути неологізм *кровомабіль* (автомобіль для швидкого (негайного) забору крові), а також численні утворення з *еко-*: *екобезпека, екоосвіта, екорух, екокультура* тощо.

На особливу увагу заслуговують зрощення, які прийнято розглядати серед універбів. У зіставному плані показові мови з артиклями, які засвідчують перетворення формально розчленованої єдності в цілісність. Артикли “цементують” словосполучення і цілі речення. У новогрецькій прикладом їх є то πολύ то “Κύριε, ελέησον!” то βαριέται κι ο Θεός/ ο παπάς – Багато “Господи помилуй!” занудить і Бога/ і попа. Частина фрази між першим артиклем то перед багато πολύ та другим то перед звертанням об’єднує=трансформує в іменник саме артикль. Субстантивом може стати фразеологізм. Таким у реченні στα πολιτικά είναι ο που φυσάει ο άνεμος, υλοστηρίζει κάθε φορά το κόμμα που κατέχει την εξουσία – у політиці він – звідки вітер віє: щоразу підтримує партію, яка здобуває владу. У ньому використано фразеологізм όπουφυσάειοάνεμος, українським еквівалентом якого є *звідки вітер віє* – про людину без твердих переконань, пристосуванця.

Подібні до цього зрощення у функції однієї семантично єдиної одиниці не характерні для наукового стилю, натомість вони дедалі більше поширюються в усно-писемному спілкуванні через інтернет і під його впливом і в публіцистичному стилі. Згадаймо укр. *забава-для-власне-літератури, свій-у-дошку хлопець, впередукраїнець, гіпер-купер-екстра-архівідкриття, місце-куди-можна-повернутися*, пор рос. *Трошкиникувезде! каковоседостало, яинтеллигент, онаatemala, онжеребенок* (Чумиріна 2016).

Аналіз процесів та наслідків універбації вимагає нової систематизації матеріалу, уточнення перехідних способів словотворення та їхніх наслідків, що дозволяє відрізнити універби від інших компресивів у контексті співвідношення слів та словоформ, що стають словами, слів та словосполучень і речень. Ряд термінів субстантив, універб, словотвірне гніздо, композитоугруповання, темогніздо відповідає перебігу компресії семантики і форми одиниць (від словоформ до слова, від словосполучень до композитів, від композита до композитоугруповань афіксоїдів, а також від словосполучень – перифраз до юкстапозитів та темогнізд).

Словари и корпусы

Дмитро ГРОДЗИНСЬКИЙ, Людмила СИМОНЕНКО, 2012: *Словник української біологічної термінології*. Київ: КММ.

Звіт про діяльність Національної академії наук України у 2012, 2013: НАН України; 62–63.

Ніна КЛИМЕНКО, Олександр ПОНОМАРІВ, Євген ЧЕРНУХІН, 2005: *Новогрецько-український словник*. Київ: Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана.

Γεώργιος ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ, 2005: *Λεξικό της νέας Ελληνικής γλώσσας*. Αθήνα: Κέντρο λεξικολογίας.

Иван ХОРИКОВ, Михаил МАЛЕВ, 1980: *Новогреческо-русский словарь*. Москва: Русский язык.

Література

Андрей БЕЛЕЦКИЙ, 1977: Отношение компонентов языка. *Структурная и математическая лингвистика*. 5, 3–9.

Андрій БІЛЕЦЬКИЙ, 1962: *Програма курсу “Загальне мовознавство”*. Київ: Вид-цтво Київ. університету.

Александр ИСАЧЕНКО, 1958: К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков. *Slavia*. 27, №3, 334–352.

Χρίστος ΚΛΑΙΡΗΣ, Γεώργιος ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ, 2005: *Γραμματική της νέας Ελληνικής γλώσσας. Δομολειτουργική. Επικοινωνιακή*. Αθήνα: Ελληνικά γράμματα.

Maria HONOWSKA, 1979: *Ewolucja metod polskiego słowotwórstwa synchronicznego (w dziesięcioleciu, 1967–1977)*. Wrocław – Warszawa: PAN.

Виктория ЧУМИРИНА, 2016: *Безаффиксный способ создания слов (на материале сети Facebook)*. *Wortbildung und Internet*. Graz, 75–89.

Надя ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, 1963: Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах. *Развитие современного русского языка*. Москва: Наука, 83–97.

Univerbs in Terminological Systems of Eastern Slavic and Modern Greek

Univerbation is chiefly viewed as a process of set expression compression into a single semantically equivalent word. It is achieved due to suffixation. In Eastern Slavic languages a stem is preserved in univerbs, which correlates with the word modifier and the headword is changed by the noun suffix. Adjectives do not have genders and degrees of comparison if they are qualitative.

Word forms of different parts of speech can undergo substantivation, mainly nominal parts of speech. In Modern Greek articles adjectives, adverbs, pronouns, ordinal and cardinal numerals are transformed into nouns, in diachrony – verb forms.

Univerbation is the result of word combinations compression, consequently it should be studied in a broader context in synchrony within compressives – results of transformation-compression of word combinations into composites, juxtaposits, split nominations united into families of nominations.

From synchronic point of view not all composites correlate with word combinations. Part of stems is root affixes which form new composite formations, functioning as centres of their further compression in front position, e.g.: *скловата, залізобетон, склозалізобетон* or rear position: *магнітометр і аеромагнітометр*.

Periphrastic word-formation, which includes juxtaposits *мов – немов – немовби – немовбито* and split nominations – word combinations, which are grouped into families of nominations, form fields of compressives with similar semantics, but different from univerbs in form.

Elena Koriakowcewa

Wydział Humanistyczny, Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach,
Polska, Siedlce
elena.koriakowcewa@gmail.com

УНИВЕРБАЦИЯ КАК ВИД КОМПРЕССИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ, ПОЛЬСКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируются русские, польские и чешские универбаты с “универсальными” суффиксами *-k(a)/-k(a)*, *-ovk(a)/-óvk(a)/-ovk(a)*, обнаруженные с помощью поисковых систем ЯНДЕКС и GOOGLE. В сопоставительном плане рассмотрены тематические группы универбатов, выявлены особенности универбатов, разграничены “чистый” и “осложнённый” типы универбация.

Ключевые слова: компрессия, универбация, универбаты, универсальные суффиксы

The article is devoted to Russian, Polish and Czech univerbs with “universal” suffixes *-k(a)/-k(a)*, *-ovk(a)/-óvk(a)/-ovk(a)* detected using the search engines YANDEX and GOOGLE. The thematic groups of the univerbs are examined in a comparative plan, the peculiarities of the univerbs are revealed, the “clean” and “complicated” types of the univerbation are defined.

Key words: compression, *univerbation*, *univerbates*, universal suffixes

1. Как известно, термин **универбация** впервые употребил А. В. Исаченко, обозначив им передачу “одним словом (простым, производным или сложным) комплекса значений, выражаемых в аналитических конструкциях сочетаниями слов” (Isačenko 1956). Непосредственной причиной появления универбатов он назвал господствующую в языке тенденция к устранению напряженности между многословным названием и сопряженным с ним единичным значением.

Современные лингвисты-слависты терминам **универбация**, **универбат/универб** приписывают различные объем и содержание. В данной статье мы исходим из того, что универбация – это “образование слова

на базе словосочетания, которому оно синонимично” (Лопатин 1997: 577). При универбации происходит свёртывание мультиверба до одного из его компонентов, сопровождающееся прибавлением аффикса, утратой формальной расчлененности и конденсацией значения путем включения, т.е. “расширения значения номинативной единицы, которое осуществляется за счет семантики другой номинативной единицы, не получающей в данном слове отдельного морфемного выражения” (Янко-Триницкая 1964: 18). Основываясь на определениях процесса универбации, данных в работах В. В. Лопатина и Н. А. Янко-Триницкой, считаем целесообразным рассматривать **универбат** как словообразовательный компрессат, заменяющий собой либо синонимичное многословное наименование, либо синонимичное устойчивое парафрастическое словосочетание.

Цель данной статьи – сопоставительный анализ словообразовательной семантики и прагмастилистических свойств русских, польских и чешских универбатов с формантами $-k(a)/-k(a)$, $-ovk(a)/-ówk(a)/-ovk(a)$, направленный на углубление представлений о коммуникативно-языковой природе универбации.

2. Поскольку в дефиницию универбата входит понятие **компрессия**, в самых общих чертах рассмотрим его объём, а также содержание понятий **языковая компрессия** и **словообразовательная компрессия**. Термин **компрессия** был заимствован российскими лингвистами в начале 60-х годов XX века из теории связи, где этим термином обозначено “сжатие речевого сигнала без утери объёма содержащейся в нем информации” (Харкевич 1952: 13). **Компрессия**, или **сжатие данных** (англ. *data compression*), – это преобразование информации с целью уменьшения занимаемого ею объёма, более экономного сохранения и сокращения времени передачи по каналам связи. В теории информации общепризнанны два **типа компрессии**: 1) сжатие без потерь (т.е. полностью обратимое); 2) сжатие с потерями (когда часть данных утрачивается и полное восстановление невозможно). Обычно указывают на следующую закономерность: **чем больше потери** данных, тем выше степень сжатия, т.е. коэффициент компрессии, и тем сильнее искажения и сложнее декодировка компрессатов (см.: Фомин 1998: 6).

2.1. Применительно к языку термином **компрессия** обозначают сжатие прецедентного текста до размеров словосочетания или словосочетания до размеров слова, слога, комбинации звуков (букв) при

сохранении семантического содержания этого текста. Компрессия возможна ввиду информационной избыточности языка, языковые же единицы, более компактные по сравнению с исходными, появляются в соответствии с законом экономии произносительных усилий, времени, физической и моральной энергии носителей языка (ср. Мурзин 1979). При интенсификации коммуникативного процесса потребность в компрессатах резко возрастает, причём компрессия происходит за счёт избавления от единиц речи, несущих второстепенную информацию, известную коммуникантам. Выбирается такой способ уменьшения объёма сообщения, который позволяет избежать существенного ущерба для выполнения коммуникативной задачи. В зависимости от речезыковых средств, подвергаемых сокращению, компрессия может быть: 1) слоговой, 2) словообразовательной, 3) лексической, 4) синтаксической. Каждый из видов речевой (языковой) компрессии имеет свои специфические способы преобразования исходной языковой единицы.

2.2. Компрессивное словообразование объединяет те “способы, по которым образуются номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой” (Земская 1981: 120). Вслед за А. В. Исаченко (Isačenko 1958), российские, польские и чешские лингвисты, изучавшие процессы сжатия мультивербизмов, считают компрессивными способами словообразования аббревиацию, композицию, субстантивацию, усечение и универбацию / универб(ал)изация (см., например: Buttler 1977, Buttler 1981; Kaliszan 1986; Szymczak 1996; Siatkowska 1964; Sojda 2011; Szczepańska 1994; Helcl 1963; Jedlička 1969; Kolářová 2011; Prošek 2005).

2.2.1. Полагаем, что в соответствии с общей теорией компрессии данных могут быть выделены две разновидности компрессии словообразовательной: 1) формально-структурная компрессия, представляющая собой линейное свертывание исходного, мотивирующего словосочетания (без прироста дополнительной информации); ср. сжатие без потерь (или полностью обратимое); 2) семантическая конденсационная компрессия (изменение референтного содержания, главным образом, за счет коннотативных и ассоциативных значений); ср. сжатие с потерями. Самый высокий коэффициент не только семантической конденсационной, но и формально-структурной компрессии имеет место при создании аббревиатур на базе многослов-

ных названий, поскольку они абсолютно непонятны реципиентам, не знающим языкового кода, контекста высказывания или макротекста либо не обладающих соответствующими социокультурными фоновыми знаниями. Ср.: русск. *СБур* (= Союз Белоруссии и России) и польск. *ZBiR, zbir* ‘бандит, головорез’, англ. *SBIR* (= *Small Business Innovation Research*), а также: русск. *ЧП* ← *частное предприятие* и *ЧП* ← *чрезвычайное происшествие*.

Самый низкий коэффициент как семантической конденсационной, так и формально-структурной компрессии имеет место при создании универбатов – семантически регулярных дериватов, т.е. мотивированных слов, наряду с которыми употребляются синонимичные устойчивые словосочетания с мотивирующими словами в их составе (ср.: Лопатин 1978: 73). Ср.: русск. “Представители Минфина и ЦБ решили не торопиться с *безналичкой*. Но уже на следующий день министр финансов Антон Силуанов сказал, что крупные покупки свыше 600 тысяч рублей все-таки надо бы перевести на *безналичные расчеты*” //www.gazeta-parus.ru/; польск. “Realizatorzy Studenckiego Projektu Społecznego zaprasza na bezpłatne *warsztaty rozwojowe* “Nie bądź letni w lato! Letnia *rozwojówka* 2010”. //www.warszawa.ngo.pl/wiadomosc/569975.html; чешск. “*Individuální výuka angličtiny. Individuálka* je oprávněně považována za nejkvalitnější způsob studia...” // www. lektorka.anglictiny.cz/?page=rozball8&reklama=no&icon=1&language=pl&vyberstyl=1

3. Универбация, являясь эффективным механизмом стилистическо-деривационной реструктуризации текста, в русском, польском и чешском языках достаточно часто осуществляется с помощью общеславянских суффиксов *-к(a)/-k(a)*, *-овк(a)/-ówk(a)/-ovk(a)*. Эти “*univerzální sufixy s různými významy*” (M. Helcl) в универбатах не имеют регулярного значения, “если не считать таким значением сигнал стяжения комплексного наименования” (Глотова 1977: 8–9). Исходный мультиверб и производный от него универбат разностильны, причём последний всегда имеет более сниженную стилистическую окраску, чем исходное комплексное наименование (ср.: Янко-Триницкая 2001: 24; Helcl 1963: 58; Kaliszan 1986).

3.1. Универбаты с универсальными суффиксальными формантами *-к(a)/-k(a)*, *-овк(a)/-ówk(a)/-ovk(a)* образуются для обозначения денотатов, принадлежащих практически ко всем социальным сферам, поэтому тематические группы универбатов довольно многочисленны. Большинство из них не являются абсолютно новыми, они хорошо

изучены и детально описаны, хотя и не все универбаты удаётся тематизировать.

3.1.1. Более 20 тематических групп русских универбатов выделены и охарактеризованы в диссертации Л. И. Осиповой (Осипова 1994). Среди них наиболее многочисленными являются следующие тематические группы:

ТГ “Помещение” (*вторичка* = *вторичное жилье*, *лекционка* = *лекционная аудитория*, *малогабаритка* = *малогабаритная квартира*, *читалка* = *читальный зал*);

ТГ “Общественные заведения и учреждения” (*музыкалка* = *музыкальная школа*, *публичка* = *публичная библиотека*, *районка* = *районная больница*);

ТГ “Дороги” (*канатка* = *канатная дорога*, *федералка* = *федеральная трасса*, *железка* = *железная дорога*, *выделенка* = *выделенная полоса для общественного транспорта*);

ТГ “Транспорт” (*аварийка* = *аварийная машина*, *маршрутка* = *маршрутное такси*);

ТГ “Денежные средства” (*кредитка* = *кредитная карта*, *наличка* = *наличные деньги*);

ТГ “Бумажные носители информации” (*визитка* = *визитная карточка*, *зачётка* = *зачётная книжка*, *методичка* = *методическое пособие*);

ТГ “Пищевые продукты” (*натуралка* = *натуральные продукты*, *овсянка* = *овсяная крупа / каша*, *сгущенка* = *сгущенное молоко*, *молочка* = *молочная продукция*);

ТГ “Одежда” (*джинсовка* = *джинсовая куртка*, *спецовка* = *специальная одежда*, *спортивка* = *спортивная форма*);

ТГ “Лекарственные средства” (*аскорбинка* = *аскорбиновая кислота*, *касторка* = *касторовое масло*, *салицилка* = *салициловая кислота*);

ТГ “Болезни” (*атипичка* = *атипичная пневмония*, *ветрянка* = *ветряная оспа*).

3.1.2. Такие же тематические группы универбатов с т.н. универсальными суффиксами *-k(a)*, *-ówk(a)* выделяются в современном польском языке, однако в нём есть и группы, отсутствующие в русском языке (см. Sojda 2011:73-80). Это, например:

ТГ “Фабрики, заводы” (*bawelnianka*, *blaszanka*, *pluszówka*);

ТГ “Профессии” (*frezerka*, *ślusarka*, *trenerka*, *treserka*);

ТГ “Билеты” (*miejscówka*, *peronówka*, *wejściówka*);

ТГ “Лампы” (*jarzeniówka, karbidówka, neonówka, rtęciówka*);
 ТГ “Спортивные игры” (*koszykówka, siatkówka*);
 ТГ “Бомбы, гранаты” (*plastykówka, sidolówka, wodoródka*);
 ТГ “Лечебные ванны” (*kwasowęglówka, parówka*);
 ТГ “Люди, занятые определенной деятельностью (*nomina collectiva*)”:
budżetówka = sfera budżetowa ‘работники бюджетной сферы’, *drogówka*
 = *policja drogowa* ‘дорожная полиция’.

3.1.3. Чешскому языку известны группы универбатов с формантами *-k(a)*, *-ovk(a)*, сходные с русскими и польскими, однако чешские универбаты с формантом *-ovka* – это также а) названия жанров фильмов (*bondovka* ← *film s agentem 007 Jamesem Bondem* ‘сериал о Джейсе Бонде’, *disneyovka* ← *film vytvořený americkým umělcem W. Disneyem* ‘фильм, снятый на студии Уолта Диснея’); б) песенных жанров (*festivalovka* ← *festival* ‘песня, написанная специально для фестиваля’, *hitovka* ← *hit* ‘песня, ставшая хитом’, *kytarovka* ← *kytar* ‘песня, исполняемая под гитару’, *rockovka* ← *rock* ‘песня в стиле рок’); в) названия посуды (*čajovka* ← *nádoba na čaj*; *jogurtovka* ← *lahvička na jogurt*); г) названия растений (*cukrovka* ← *řepa cukrová*) (см. Kolářová 2011).

3.1.4. В современном польском и чешском языках суффиксы *-k(a)/-óvk(a)/-ovk(a)* более продуктивны, чем русские *-k(a)/-ovk(a)*, а универбаты с этими формантами пополняют еще и следующие тематические группы: а) названия отделений в больницах – в польском языке (*porodówka* ← *oddział porodowy* ‘родильное отделение’, *urazówka* ← *oddział urazowy* ‘травматологическое отделение’, *odwykówka* ← *oddział odwykowy* ‘наркологическое отделение’), реже – в чешском (*úrazovka* ← *úrazová ambulance*); б) названия предприятий, фабрик, отраслей промышленности – в польском и чешском языках: польск. *odzieżówka* ← *przemysł odzieżowy* ‘легкая промышленность; швейная фабрика’, *przemysłówka* ← *budownictwo przemysłowe* ‘промышленное строительство’, чешск. *akciówka* ← *akciová továrna*, *automobilka* ← *závod na automobily*.

3.1.5. До середины XX века русские, польские и чешские универбаты с формантами *-k(a)/-k(a)*, *-ovk(a)/-óvk(a)/-ovk(a)* пополняли идентичные тематические группы: а) названия транспортных средств (русс. *самоходка, электричка*; польск. *wyścigówka* ← *łódź wyścigowa*; чешск. *osmiveslovka* ← *sport. lod' pro osm veslařů*); б) названия учебных заведений (русс. *мореходка*; польск. *podstawówka*

← *szkoła podstawowa, zawodówka* ← *szkoła zawodowa*; чешск. *základka* ← *základní škola, mistrovka* ← *mistrovská škola průmyslová, Karlovka* ← *Univerzita Karlova*); в) названия одежды (русск. *кожанка, шпормовка*; польск. *cyklistówka, sztormówka*; чешск. *juchtovka* ← *bota z juchtoviny, kokardovka* ← *čepice s kokardou*); г) названия напитков, кушаний (русск. *газировка, запеканка, тушенка*; польск. *cytrynowka, grochówka, wiśniówka*; чешск. *anýzovka* ← *anýzový likér, minerálka* ← *minerální voda, bramboračka/bramborovka* ← *bramborová polévka*); д) названия болезней (русск. *ветрянка* ← *ветряная оспа*; польск. *wiatróvka* ← *ospa wietrzna*; чешск. *cukrovka* ← *úplavice cukrová, diabetes*).

3.1.6. Со второй половины XX века в русском и чешском языках свёртке в универбаты стали подвергаться устойчивые адъективно-субстантивные словосочетания, в состав которых входят имена действия или состояния, ср.: рус. *безналичка* ← *безналичный расчёт, индивидуалка* ← *индивидуальное обучение, индивидуальная программа, капиталка* ← *капитальное строительство*; чешск. *individuálka* ← *individuální výuka* ‘индивидуальное обучение’, *komunálky* ← *komunální volby* ‘коммунальные выборы’, *rozvojovka* ← *rozvojová spolupráce* ‘развивающее сотрудничество’, *stresovka* ← *stresová situace* ‘состояние стресса, стрессовая ситуация’.

Польские универбаты – *nomina abstracta*, не отмеченные в неологических словарях и Национальном корпусе польского языка (НКЯ), были обнаружены нами с помощью поисковой системы GOOGLE на интернет-форумах, где они стали появляться с начала XXI века как стилистические синонимы адъективно-субстантивных мультивербов, напр.: *rozwojówka* ← *trening rozwojowy*, *stresówka* ← *sytuacja stresowa* ‘стрессовая ситуация’.

Следует отметить, что номинационная вторичность русских, польских и чешских универбатов с формантами *-к(а)/-к(а), -овк(а)/-ówк(а)/-овк(а)* нередко приводит к их полиреферентности, ср.: русск. *авиационка*¹ = *авиационная деятельность*, *авиационка*² = *авиационная специальность*, *авиационка*³ = *авиационный бензин*, *авиационка*⁴ = *авиационная резина* и *авиационка*⁵ = *авиационное масло*, *гуманитарка*¹ = *гуманитарная помощь* и *гуманитарка*² = *гуманитарные науки*, *пенсионка*¹ = *пенсионный налог* и *пенсионка*² = *пенсионная книжка*; польск. *rozwojówka*¹ = *trening rozwojowy*, *rozwojówka*² = *gra rozwojowa*, *rozwojówka*³ = *warsztaty rozwojowe* и *rozwojówka*⁴ = *psychologia rozwojowa*; чешск. *rozvojovka*¹ =

rozvojová spolupráce и *rozvojovka*² = *rozvojová společnost, seznamka*¹ = *seznamovací služba* и *seznamka*² = *seznamovací rubrika* и др.

3.1.7. Словообразовательным novum конца XX – начала XXI века в русском, польском и чешском языках является возникновение абстрактных универбатов с формантами *-к(а)/-k(a)*, *-овк(а)/-ówk(a)/-ovk(a)* – названий компьютерных игр и программ. Ср.: русск. *бегалка* ‘компьютерная игра, где игрок вынужден постоянно *бегать*’, *бродилка* ‘компьютерная игра, где игрок вынужден *бродить* в лабиринтах’, *виртуалка* ‘ролевая игра, в которой все действия персонажа являются *виртуальными*, т.е. проговариваются на словах, а не производятся в реальной действительности’, *взламывалка* ‘программа, *взламывающая* антивирусную защиту’, *выключалка* ‘программа, *выключающая* компьютер в установленное пользователем время’, *генералка* ‘компьютерная игра, в ходе которой игрок участвует в *генеральном* сражении войск’, *демонстрашка* ‘*демонстрационная* версия компьютерной игры или программы’, *запускалка* ‘настройка, *запускающая* компьютерные программы в установленное пользователем время’, *инсталяшка* ‘*инсталяционная* программа’, *искалка* ‘компьютерная игра, где игроку приходится постоянно что-то *искать*’, *ломалка* ‘программа, *ломающая* антивирусную защиту’, *напоминалка* ‘программа, регулярно *напоминающая* определенный текст’, *обучалка* ‘*обучающая* компьютерная игра’, *одевалка* ‘программа, *рисующая* одежду, *одевающая* персонажей компьютерной игры’, *перезагрузалка* ‘программа, *перезагружающая* компьютер в установленное пользователем время’, *полезняшка* ‘компьютерная игра, *полезная* для развития детей’, *развивалка* ‘*развивающая* игра’, *рисовалка* ‘*рисующая* программа, графический редактор’, *стрелялка* ‘компьютерная игра, где игроку приходится часто *стрелять*’; польск. *platformówka* ← *gra platformowa* ‘игра, персонажи которой перемещаются по платформам’, *przygodówka* ← *gra przygodowa* ‘игра, содержанием которой являются приключения’, *rozwojówka* ‘развивающая игра’, *wyścigówka* ← *gra z wyścigami* ‘игра, содержанием которой являются гонки’, *zręcznościówka* ← *gra zręcznościowa* ‘игра, развивающая ловкость’; чешск. *onlinovka* ← *online hra* ‘компьютерная игра *online*’, также *virtuálka* ← *virtuální realita* ‘*виртуальная реальность*’.

Возникнув в компьютерном жаргоне, в специализированной прессе и на игровых сайтах, эти неоунивербаты спорадически появляются на страницах газет и в т. н. общем жаргоне, пополняя группу названий

действий и процессов социокультурной сферы. В целом количество русских, польских и чешских универбатов–*nomina abstracta* невелико, но оно постоянно растёт. Так, в русском языке конца XX века универбаты – абстрактные существительные – составляли 16% от общего числа новых универбатов, однако к началу XXI века темпы роста количества единиц с процессуальной семантикой уже почти совпали с темпами роста общего количества универбатов (см. Редькина 2004: 12). Эта динамика роста свидетельствует о том, что образование универбатов–*nomina abstracta* соответствует актуальным коммуникативным запросам говорящих, удовлетворяя их потребность в компрессатах, называющих те сложные понятия, для выражения которых требуются описательные конструкции предикативного типа.

3.2. Считается, что исходное словосочетание, подвергнутое формально-структурной компрессии, отражает минимальную (субъектно-предикативную) пропозицию, лежащую в основе значения универбата, и поэтому такой универбат – модификационный дериват – легко декодируется. В условиях коммуникации “эллиптированный субъект пропозиции восстанавливается благодаря сильным ассоциативным связям по смежности между компонентами базового словосочетания” (Косова 2015: 69). Проблема состоит, однако, в том, что эти сильные ассоциативные связи по смежности хорошо известны только коммуникантам, обладающим сходной кодовой компетенцией, т.е. носителям одного социолекта (биолекта, профессиолекта). Обычно использование универбата – синонима составного наименования – связано как с серьёзными стилистическими ограничениями, так и с коммуникативными затруднениями адресатов, поскольку вне контекста или при недостаточном контексте компрессивный дериват утрачивает точность и определенность семантики.

Полагаем, что о т.н. **чистых модификационных универбатах** можно с уверенностью говорить только при наличии текстуального сопровождения синонимами – производящими мультивербами, например: русск. “Минобразования, запретившее было *совмещённый экзамен*, снова его разрешило. *Совмещёнка* очень популярна среди старшеклассников...” (“Московский комсомолец”, 26. 5. 2003); польск. “Na ogół gry *zręcznościowe* zawierają jedynie *szczałkowy* zarys fabularny, a sama zabawa skupia się na dynamicznej akcji. Historia *zręcznościówek* sięga początków branży...” //www.gry-online. pl; чешск. “*Komunálky* v

Británii. 4. května 2017, proběhly v Británii *komunální volby*” // www.cs-cz.facebook.com/KonvaMartin/posts/1757942367820260.

В отсутствие текстуального сопровождения синонимами – производящими составными наименованиями – универбаты с формантами *-k(a)/-k(a)*, *-ovk(a)/-ówk(a)/-ovk(a)* выступают как модификационно-мутационные семантически нерегулярные дериваты – продукты универбации, осложнённой, в основном, за счет коннотативных и ассоциативных сем.

Потенциальная многозначность универбатов с универсальными суффиксами *-k(a)/-k(a)*, *-ovk(a)/-ówk(a)*, их полиреферентность, а также случаи межъязыковой омонимии универбатов (ср. польск. *rozwojówka*^{1,2,3,4} и чешск. *rozvojovka*^{1,2}) свидетельствуют о том, что процесс компрессивного словообразования определяется прежде всего социолингвистическим фактором, а именно характером ситуации общения и кодовой компетенцией коммуникантов – носителей тех или иных социолектов.

4. Анализируя универбаты, обычно называют следующие факторы их возникновения: 1) “стремление к экономии средств выражения и облегчения таким образом процесса коммуникации...; 2) тенденция к регулярности внутриязыковых отношений, к выработке языкового автоматизма, стремление к преодолению внутреннего противоречия между расчлененностью формы наименования и единством его значения; 3) психологический фактор – фактор саморегуляции количества морфем и слогов в слове в пределах, оптимальных для оперативной памяти человека” (см. Дьячок 2015: 122).

Подводя итоги сопоставительного анализа словообразовательной семантики и прагмастилистических свойств русских, польских и чешских универбатов, образованных с помощью суффиксов *-k(a)/-k(a)*, *-ovk(a)/-ówk(a)/-ovk(a)*, считаем необходимым подчеркнуть, что в ряду причин возникновения универбатов доминирующим является социолингвистический фактор, поскольку именно с этим фактором связаны выбор языкового кода и стиля, установка на конкретного адресата, а также сам характер вербального общения, являющегося сознательным социальным актом (ср. Журавлев 1982: 50; Косова 2015). Универбаты, продукты вторичной (компрессивной) номинации, создаются носителями русского, польского и чешского языков в условиях неформального, непринужденного либо профессионального общения, а затем функционируют как стилистические синонимы нейтральных производящих

мультивербов преимущественно в просторечии и разговорной речи, жаргонах и социолектах, а также в устной профессиональной коммуникации, которая характеризуется общностью знаний и восприятия коммуникантов, стереотипностью ситуаций их общения.

Литература

- Ирина Павловна ГЛОТОВА, 1977: К вопросу об универбации (о функционально-стилевом и общелитературном употреблении). *Вопросы стилистики*. 12, 3–17.
- Наталья Васильевна ДЬЯЧОК, 2015: *Универбация в русском языке: структурно-семантическое и ономазиологическое описание*. Дис. ... докт. филол. наук. Артемовск.
- Анатолий Федорович ЖУРАВЛЕВ, 1982: Технические возможности русского языка в области предметной. ШМЕЛЕВ, Дмитрий Николаевич (отв. ред.). *Способы номинации в современном русском языке*. Москва: Наука, 45–111.
- Елена Андреевна ЗЕМСКАЯ, Маргарита Васильевна КИТАЙГОРОДСКАЯ, Евгений Николаевич ШИРЯЕВ, 1981: *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. Москва: Наука.
- Вера Алексеевна КОСОВА, Сунь МЯО, 2015: Функциональная семантика универбов в русских социолектах. *Филология и культура. Philology and Culture*. 3(41), 67–74.
- Владимир Владимирович ЛОПАТИН, 1978: Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов. КОТЕЛОВА, Надежда Захаровна (отв. ред.). *Новые слова и словари новых слов*. Ленинград: Наука, 72–80.
- Владимир Владимирович ЛОПАТИН, 1997: Универбация. КАРАУЛОВ, Юрий Николаевич (отв. ред.). *Русский язык: Энциклопедия*. Москва: Большая Российская энциклопедия.
- Леонид Николаевич МУРЗИН, 1979: Компрессия и семантика языка. АДЛИВАНКИН, Соломон Юрьевич и др. (ред.). *Семантика и производство лингвистических единиц (проблемы деривации)*. Пермь: Пермский университет.
- Людмила Ивановна ОСИПОВА, 1994: *Активные процессы в современном русском словообразовании (суффиксальная универбация и усечение)*. Дис. ... докт. филол. наук. Москва: Московский педагогический государственный университет.

- Тамара Юрьевна РЕДЬКИНА, 2004: *Особенности номинации в публицистическом тексте (на материале универбов-неологизмов)*. Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург.
- Александр Александрович ХАРКЕВИЧ, 1952: *Спектры и анализ*. Москва: Физматгиз.
- Александр Александрович ФОМИН, 1998: *Основы сжатия информации*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный технический университет.
- Надия Александровна ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, 1964: Процессы включения в лексику и словообразовании. МУЧНИК, Иосиф Павлович, ПАНОВ, Михаил Викторович (ред.). *Развитие грамматики и лексики современного русского языка*. Москва: Наука, 18–35.
- Надия Александровна ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, 2001: *Словообразование в современном русском языке*. Москва: Индрик.
- Danuta BUTTLER, 1977: Niektóre problemy opisu zjawisk uniwerbizacji. *Slavistična revija*. 25, 435–448.
- Danuta BUTTLER, 1981: Tendencje rozwojowe w zasobie słownym powojennej polszczyzny. KURKOWSKA, Halina (red.). *Współczesna polszczyzna. Wybór zagadnień*. Warszawa: PWN, 187–219.
- Miloš HELCL, 1963: Univerbizace a její podíl při růstu dnešní slovní zásoby. *Slovo a slovesnost*. 24, 29–37.
- Aleksander Vasiljevič ISAČENKO, 1956: O některých zákonitostech v oblasti pojmenování. *Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci. Jazyk a literatura*. Praha. III, 17–23.
- Aleksander Vasiljevič ISAČENKO, 1958: Obecné zákonitosti a národní specifičnost ve vývoji slovní zásoby slovanských jazyků. *K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků*. Olomouc – Praha, 143–151.
- Alois JEDLIČKA, 1969: Univerbizace a multiverbizace v pojmenovacích strukturách. *Slavica Pragensia*. XI, 93–101.
- Jerzy KALISZAN, 1986: *Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке*. Poznań: UAM.
- Ivana KOLÁŘOVÁ, 2011: Univerbizace. ŠTÍCHA, František (ed.). *Kapitoly z české gramatiky*. 1. vyd. Praha: Academia, 273–410.
- Martin PROŠEK, 2005: O jednom typu uniwerbizovaných pojmenování míst na -ák. *Naše řeč*. 88/2, 57–66.
- Ewa SIATKOWSKA, 1964: Syntetyczne i analityczne nazwy w języku czeskim i polskim. *Prace Filologiczne*. XVIII, 2, Warszawa, 219–237.
- Sylwia SOJDA, 2011: *Procesy uniwerbizacyjne w języku słowackim i polskim*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Wydawnictwo Gnome.

Elżbieta SZCZEPAŃSKA, 1994: *Uniwerbizacja w języku czeskim i polskim*. Kraków: Universitas.

Mieczysław SZYMCZAK, 1996: Tendencje uniwerbizacyjne i multiwerbizacyjne we współczesnych stylach funkcjonalnych języka słowackiego. BLUSZCZ, Anna Jolanta, TKACZEWSKI, Dariusz (red.). *Rozwarstwienie stylistyczne języków słowiańskich. Style funkcjonalne i stylizacje literackie*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 107–115.

Univerbation as the Compressive Type of Word Formation in Modern Russian, Polish and Czech Languages

The research involved the linguistic observation, comparison, classification and systematization allows us to conclude the following: 1) univerbation as a way of word-formation is a rather specific phenomenon of the secondary compressive nominalization, 2) the derivation of univerbs being nomina abstracta from propositional phrases with the help of “universal” suffixes *-κ(a)/-k(a)*, *-овκ(a)/-ówk(a)/-ovk(a)* is productive in the modern Russian, Polish and Czech languages and has reached a high level of activity; 3) the sociolinguistic factor dominates in the hierarchy of reasons for the emergence of univerbs, since it includes the choice of the language code, style, and the very fact of communication.

Paweł Kowalski

Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk, Polska, Warszawa
kowalion@wp.pl

UNIWERBIZACJA W POLSKIEJ I SŁOWEŃSKIEJ TERMINOLOGII JĘZYKOZNAWCZEJ

W artykule ukazane zostaną procesy uniwerbizacyjne i rezultaty tych procesów uniwerbizmy w dwóch systemach terminologicznych w językach polskim i słoweńskim. Omówione zostaną najbardziej charakterystyczne kategorie i typy słowotwórcze, w których występują terminy syntetyczne, z uwzględnieniem struktury derywatów i wyrażen motywujących. Korpus tekstów poddanych analizie tworzy polska i słoweńska literatura językoznawcza, przede wszystkim prace wydane w drugiej połowie XX wieku i początkach XXI wieku.

Słowa kluczowe: język polski, język słoweński, terminologia językoznawcza, uniwerbizacja

The article studies the univerbial processes and results of these processes the univerbs in the two terminological systems in Polish and Slovenian languages. The article discusses the most distinctive categories and word formation types in which the results of univerbation are synthesized. Particular attention is paid to showing the structures of derivatives and motivating elements. The corpus of analyzed texts consists of Polish and Slovenian linguistic literature, especially the works published in the second half of the twentieth century and the beginning of the 21st century.

Key words: Polish language, Slovene language, linguistic terminology, univerbation

1. Przedmiotem niniejszego artykułu jest uniwerbizacja w terminologii językoznawczej w dwóch językach słowiańskich: w języku polskim, który należy do grupy języków zachodniosłowiańskich i w języku słoweńskim, reprezentującym grupę języków południowosłowiańskich. Zagadnienia uniwerbizacji, rozumianej najogólniej jako tworzenie nazwy jednoelementowej z nazwy kilkuelementowej, będącej nazwą motywującą i funkcjonującą jako nazwa stała w danym języku, wpisywać można w szerokim ujęciu w zjawiska kompresji strukturalnej. Procesy uniwerbizacyjne mogą być opisywane z perspektywy słowotwórczej i leksykologicznej, sytuują

się bowiem na pograniczu jednej i drugiej dyscypliny językoznawczej (por. m.in. Nykiel-Herbert 1989; Szczepańska 1994; Mieczkowska 2002). Przy tworzeniu jednostek syntetycznych wykorzystywane są mechanizmy słowotwórcze, jednocześnie wzbogacany jest zasób leksykalny danego systemu językowego.

1.1. Terminologię w niniejszej pracy należy rozumieć jako pewien podzbiór leksyki języka ogólnonarodowego, charakteryzujący się stosunkowo wąskim zakresem zastosowania i rozpowszechnienia oraz ograniczonym (do grona specjalistów) stopniem rozumienia; terminologia więc to zbiór terminów o ściśle ustalonym znaczeniu w danej dziedzinie nauki lub techniki (zob. Bojar 2002: 277; zob. też Jadacka 2008: 141). W warsztacie badawczym językoznawców stanowi narzędzie służące opisowi przedmiotu badań (języka) – pełni wtedy funkcję metajęzykową – w tym opracowaniu jest jednocześnie przedmiotem opisu, stanowiąc dynamiczny leksykon, w którym tworzone są nowe werbalizacje i odzwierciedlane mechanizmy odpowiedniego myślenia środowiskowego (por. Lukszyn, Zmarzer 2006: 53–60). Ze względu na ograniczone ramy niniejszego opracowania przedstawione teoretyczne i materiałowe rozważania mają charakter wstępny. Wskazane zostały w obydwu systemach terminologicznych typowe kategorie i typy słowotwórcze, w których wystąpiły uniwerbizmy rzeczownikowe. Wybór rzeczowników jako materiału badawczego procesów uniwerbizacyjnych podyktowany był tym, że to formacje rzeczownikowe stanowią najliczniejszą grupę uniwerbizmów w obydwu językach, tak w słownictwie ogólnym, jak i konwencjonalnym (por. Buttler 1977: 436). Źródłem ekscerpcji materiału były polskie i słoweńskie gramatyki, słowniki oraz encyklopedie, a także inne opracowania językoznawcze, w tym system informacyjno-wyszukiwawczy bibliografii językoznawstwa sławistycznego iSybislaw, w którym terminologia językoznawcza wykorzystywana jest w funkcji słów kluczowych (zob. źródła zamieszczone na końcu artykułu).

1.2. Terminologia językoznawcza podlega podobnym zmianom jak słownictwo ogólne danych języków; pozwala to zaobserwować tożsame tendencje w obrębie dwóch warstw słownikowych danego języka. Jak zauważa Mieczysław Szymczak:

Mechanizmy i środki językowe służące do tworzenia terminów naukowych, technicznych i zawodowych są w zasadzie takie same, jak mechanizmy i środki służące do tworzenia nazw w języku ogólnonarodowym. Nie ma ani jednego elementu fonetycznego, fleksyjnego czy słowotwórczego,

który występowałby w terminologii, a nie występowałby w języku ogólnonarodowym (Szymczak 1979).

Szereg faktów występujących w systemie słownictwa ogólnego można więc odnieść do systemów słownictwa konwencjonalnego (systemów terminologicznych). Podobnie ocenia te fakty Danuta Buttler, podkreślając jednak autonomiczny charakter leksyki specjalnej i wskazując zróżnicowanie mechanizmów słowotwórczych, które służą tworzeniu nowych jednostek w obu systemach. Proces ten przejawia się przede wszystkim w zróżnicowaniu mechanizmów słowotwórczych, które służą tworzeniu nowych jednostek w obu warstwach słownikowych; inny jest w nich dziś stopień produktywności tych samych formantów i modeli (Buttler 1979).

1.3. W obydwu systemach terminologicznych nie występuje pełna symetria terminów odnoszących się do zagadnienia uniwerbizacji. Do językoznawstwa polskiego zagadnienie to wprowadziła Ewa Siatkowska w artykule „Syntetyczne i analityczne nazwy w języku czeskim i polskim” (Siatkowska 1964), używając terminu *uniwerbalizacja*. W kolejnych pracach upowszechnił się wariant *uniwerbizacja*, który jest stosowany także obecnie (zob. np. Buttler 1977, 1979; Szczepańska 1994, 2012). Rezultaty uniwerbizacji w polskiej terminologii językoznawczej funkcjonują w trzech wariantach: *uniwerbalizm*, *uniwerb* i *uniwerbizm*, przy czym największą frekwencję w tekstach wykazuje wariant ostatni *uniwerbizm*; poświadczenia pierwszych dwóch przykładów są jednostkowe. W słoweńskich pracach pojawiają się dwa warianty internacjonalne *univerbizacija* i *univerbacija*. Znacznie częściej w odniesieniu do szeroko pojmowanych procesów uniwerbizacyjnych stosowany jest termin *poenobesedenje*. Nazwy jednostek uniwerbizowanych to *univerb*, *univerbizem* i *poenobesedenka*.

1.3.1. Polski dorobek językoznawczy w zakresie uniwerbizacji w porównaniu ze słoweńskim jest bogatszy. W Polsce powstały liczne prace teoretyczne i materiałowe, poświęcone jednemu językowi lub prace porównawcze (konfrontatywne), m.in. języka polskiego z językiem czeskim, języka polskiego z językiem słowackim, w tym także praca Marii Wtorkowskiej o uniwerbizacji w językach polskim i słoweńskim na przykładzie derywacji paradygmatycznej (Wtorkowska 2011). Porównywane było słownictwo ogólnonarodowe, jak i leksyka przynależąca do różnych stylów funkcjonalnych polszczyzny. W językoznawczych pracach słoweńskich termin uniwerbizacja występuje rzadko. Odnotowany jest w Słowniku słoweńskiego języka literackiego wraz z terminem rodzimym *poenobesedenje* (SSKJ). W Encyklopedii języka słoweńskiego Jože Toporišiča termin in-

ternacionalny nie występuje. W pracy tej odnotowana jest jedynie nazwa rodzima *poenobesedenje* (zob. EJS 1992: 187).

1.3.2.1. Wśród językoznawców polskich i słoweńskich występują rozbieżności w definiowaniu pojęcia uniwerbizacji, co wynika z odmiennych tradycji metodologicznych. W przypadku badaczy z wielu krajów różnice te są często rezultatem odmiennego w danym państwie rozwoju dyscypliny językoznawstwa. W Encyklopedii językoznawstwa ogólnego uniwerbizacja została zdefiniowana jako mechanizm słowotwórczy, który polega na tym, że zastępuje się wyrażenia złożone z rzeczownika i określającego go przymiotnika wyrazami pojedynczymi. Uniwerbizacja stanowi jeden z przejawów tendencji do skrótu w słowotwórstwie, który ma charakter podwójny: formalny i semantyczny. Strona formalna tego skrótu polega na tym, że z dwóch jednostek wyrażenia, jedno, przymiotnikowe, staje się tematem nowego wyrazu, drugie zaś, rzeczownikowe, reprezentuje sufiks. Natomiast strona semantyczna polega na tym, że ta sama treść jest wyrażana nie za pomocą dwóch słów, lecz jednego (EJO 1993: 620). Takie rozumienie uniwerbizacji, czyli tworzenie jednego wyrazu z syntagmy przy wykorzystaniu mechanizmu derywacji sufiksальной, przyjmuje wielu badaczy (zob. np. Ćorić 1996; Šehović 2012¹). Danuta Buttler w swoich pracach traktuje uniwerbizację szeroko. Do jej mechanizmów obok sufiksacji włącza także elipsę, kompozycję, abrewiację, dezintegrację, adideację. Według niej zabiegi uniwerbizujące mogą prowadzić do: 1) zespolenia dawniej samodzielnych członów nazwy złożonej w jeden leksem; 2) do redukcji składników nazwy wielowyrzowej aż do przybrania przez nią postaci jednego wyrazu (Buttler 1977: 437–438). Takie rozumienie uniwerbizacji przyjęte zostało w polskich badaniach językoznawczych m.in. w pracach Elżbiety Szczepańskiej, Sylwii Sojdy (por. Sojda 2011; Szczepańska 1994, 2012). Halina Mieczkowska w artykule *Nowe techniki derywacyjne w języku polskim i słowackim* do jednostek uniwerbizowanych obok derywatów sufiksalnych i formacji powstałych derywacją ujemną zalicza zrosty typu *šéfproducent*, *šéfredaktor* oraz konstrukcje złożone będące wynikiem procesów adverbializacji i interiekcjonalizacji, por. *do zelena* – *dozelena*, *z vysoka* – *zvysoka*. Przytacza także jako uniwerbizmy konstrukcje występujące w funkcji nazw własnych *Amerbank*, *Kredytbank* powstałych najprawdopodobniej pod wpływem analogii do już istniejących typów (zob. Mieczkowska 2002: 295; także Szczepańska 2012: 205).

¹ Tam także dalsza literatura.

1.3.2.2. W pracach słoweńskich rodzimy termin *poenobesedenje* obejmuje bardzo różnorodne procesy słowotwórcze. W Encyklopedii języka słoweńskiego definiowany jest jako:

nastanek ene besede iz dveh ali več besed npr seveda iz se ve, da – Prim. sklapljanje. 2 Zamenjava dvo- ali večbesednega poimenovanja z enobesednim po besedotvornem postopku, npr. nedovršni glagol – nedovršnik, cesta za avte – avtocesta, drugi/nišji predsednik – podpredsednik (ESJ 1992: 187).

Dlatego nie może być traktowany jako synonim absolutny terminu uniwerbizacja, choć w niektórych pracach słoweńskich oba terminy są stosowane wymiennie (zob. Žele 2009). Wydaje się, że należałoby go traktować jako termin nadrzędny, inkluzywny w stosunku do uniwerbizacji.

1.4. Przytoczone powyżej w formie skrótowej opisy i definicje procesów uniwerbizacyjnych pozwalają na przyjęcie pewnych wstępnych założeń, w których wyodrębnia się uniwerbizację właściwą (słoweń. *univerbizacija*), obejmującą zjawisko przejścia wyrażenia dwu lub kilkuelementowego, które funkcjonuje jako nazwa stała, w jeden wyraz przy udziale sufiksacji, por. pol. *przedrostek* ← *formant przedrostkowy*, *nosówka* ← *głoska nosowa*; słoweń. *nedovršnik* ← *nedovršni glagol*. Formacje powstałe przy udziale pozostałych mechanizmów wchodzą w zakres wykraczający poza uniwerbizację właściwą, stanowiąc mniej lub bardziej peryferyjne przykłady będące rezultatem kompresji strukturalnej. W słoweńskiej terminologii tego typu mechanizmy mogą być objęte terminami *poenobesedenje* (proces) i *poenobesedenka* (rezultat tego procesu). W perspektywie słowotwórczej rezultaty derywacji sufiksальной stanowią więc będą centrum zjawiska uniwerbizacji, natomiast rezultaty innych mechanizmów słowotwórczych jego peryferie.

2. Biorąc pod uwagę najnowsze badania konfrontatywne systemów językowych, opis uniwerbizmów powinien być skierowany od treści do formy, czyli od pojęcia, które reprezentowane jest przez definicję do reprezentującego to pojęcie terminu. Podążając tym tokiem rozumowania, podstawą opisu powinny być wyodrębnione kategorie semantyczne sformalizowane słowotwórczo (por. Baltova, Siatkowski 1993). W przypadku terminologii uznanie, czy mamy do czynienia z uniwerbizacją, wydaje się łatwiejsze niż w przypadku języka ogólnonarodowego i jego różnych odmian, co wynika z charakteru i istoty samego terminu, który jest w danym leksykonie

jednostką stałą. Łatwo więc zweryfikować, czy jednowyrazowy termin funkcjonuje wraz ze stabilnym terminem kilkuwyrazowym.

3. W zebranych materiale daje się wyodrębnić kilka charakterystycznych klas derywatów (kategorii słowotwórczych) i typów słowotwórczych dla obydwu systemów, w których pojawiły się uniwerbizmy.

3.1. Najliczniejszą kategorią z formacjami uniwerbalnymi w obydwu systemach jest kategoria *nomina attributiva impersonalia* (nazwy nieosobowych nosicieli cech): pol.: *archaizm* ← *element archaiczny*, *białorusycyzm/białorutenizm/białorusyzm* ← *element białoruski*, *dialektyzm* ← *element dialektalny*, *ekspresywizm* ← *element ekspresywny*, *emocjonalizm* ← *wyraz emocjonalny*, *familiaryzm* ← *wyraz familiarny (element familiarny)*, *grecozizm* ← *element grecki (element z języka greckiego)*, *gwaryzm* ← *element gwarowy*, *kroatozizm* ← *element chorwacki (element z języka chorwackiego)*, *regionalizm* ← *element regionalny*, *serbizm* ← *element serbski (element z języka serbskiego)*, *wulgaryzm* ← *wyraz wulgarny (element wulgarny)*, *żargonizm* ← *wyraz żargonowy (element żargonowy)*; słoweń.: *arhaizem* ← *arhaični element*, *beneškoslovenizem* ← *beneškoslovenski element (element beneškoslovenščine)*, *hrvatizem* ← *hrvaški element (element hrvaščine v drugem jeziku)*, *latinizem* ← *latinski element (element latinščine v drugem jeziku)*, *slavizem* ← *element slovanskih jezikov*, *slovenizem* ← *slovenski element (element slovenščine v drugem jeziku)*, *srbizem* ← *srbski element (element srbščine v drugem jeziku)*.

3.1.1. W tej grupie wyróżnić można przede wszystkim formacje uniwerbizowane utworzone sufiksem internacjonalnym w polszczyźnie *-izm* i jego wariantem w języku słoweńskim *-izem*. Najczęściej derywaty są pochodne od syntagmy rzeczownikowo przymiotnikowej o postaci N Adj w polszczyźnie i Adj N w języku słoweńskim, por. pol.: *element archaiczny*, *element gwarowy*, słoweń.: *dialektološki element*, a także stałych wyrażen o bardziej skomplikowanej strukturze, por. *latinizem* ← *element latinščine v drugem jeziku*. W tym drugim wypadku struktury uniwerbizowane byłyby pochodne od członu rzeczownikowego.

3.1.2. W przypadku takich polskich jednostek, jak: *archaizm*, *gwaryzm*, *polonizm* można by przyjmować za syntagmy motywujące także terminy: *wyraz archaiczny*, *wyraz gwarowy*, *wyraz pochodzący z języka polskiego (wyraz polski)*. Wydaje się, że nawet przykłady słoweńskich form uniwerbizowanych *arhaizem*, *hrvatizem*, *slovenizem* również można by interpretować jako pochodne od syntagm: *arhaična beseda*, *hrvaška be-*

seda, *slovenska beseda*, ponieważ, jak już zostało udowodnione, rodzaj rzeczownika z podstawy nie musi być zachowany w derywacie powstałym w procesie uniwerbizacji (por. Nykiel-Herbert 1989: 194–195). Przy takim ujęciu termin motywujący byłby jednak semantycznie węższy niż w przykładach podanych powyżej (por 3.1. i 3.1.1.).

3.2. Nazwy języków

Typ bardzo liczny w zakresie uniwerbizacji w języku słoweńskim, nieco mniej aktywny w zakresie uniwerbizacji w polszczyźnie. Formy uniwerbizowane, takie jak *bosansščina*, *slovaščina*, *poljščina*, *angleščina* są w tekstach słoweńskich neutralne stylistycznie, podczas gdy polskie formy uniwerbizowane, jak np. *angielszczyzna*, *serbszczyzna*, *białoruszczyzna* wykazują pewne nacechowanie stylistyczne, dlatego też są znacznie rzadziej poświadczane w tekstach polskich niż nazwy analityczne. W dużej mierze ich frekwencja jest uzależniona od stylu naukowego badacza (użycie może więc wynikać z cech idiolektalnych) pol.: *angielszczyzna* ← język angielski, *bośniacczyzna* ← język bośniacki, *francuszczyzna* ← język francuski, *niemczczyzna* ← język niemiecki, *hiszpańszczyzna* ← język hiszpański, *polshzczyzna* ← język polski, *ruszczyzna* ← język rosyjski, *serbszczyzna* ← język; słoweń.: *angleščina* ← *angleški jezik*, *bosansščina* ← *bosanski jezik*, *hrvaščina* ← *hrvaški jezik*, *poljščina* ← *poljski jezik*, *srbsščina* ← *srbski jezik*. Różnice ilościowe między dwoma systemami w tej grupie nie wynikają więc z ograniczeń formalnych przy tworzeniu tego typu derywatów, a z ograniczeń spowodowanych skomplikowanymi zjawiskami natury stylistycznej i semantycznej, por. np. *ukraińszczyzna*, *bułgarszczyzna* i zleksykalizowane już w języku polskim *włoszczyzna*, *chińszczyzna*. Derywaty w tej grupie tworzone są odmiennymi sufiksami w obydwu językach. W polszczyźnie wyspecjalizował się w tym zakresie sufiks *-yzna*, w języku słoweńskim *-ina*.

3.3. Nazwy pisma

Bardziej rozbudowany typ w języku słoweńskim tworzą także derywowane uniwerbizmy nazywające nazwy pisma, tworzone wspólnym sufiksem *-ica*: pol.: *cyrylica* ← *alfabet cyrylicki*, *głagolica* ← *alfabet głagolicki*, *latynica* (por. też łacinka) ← *alfabet łaciński*; słoweń. *brajlica* ← *brajlova pisava*, *cirilica* ← *cirilična pisava*, *dajnčica* ← *pisava P. Dajnko*, *glagolica* ← *glagolska pisava*, *latinica* ← *latinska pisava*, *slovenica* ← *slovenska pisava*. W polskim ten typ nie jest tak produktywny, jak w języku słoweń-

skim, co wynikać może z niewykorzystania możliwości derywacyjnych polskiego systemu terminologicznego.

3.4. Nazwy czasów

Wyrazistą grupę uniwerbizmów w słoweńskim językoznawczym systemie terminologicznym stanowią utworzone jednowyrazowe nazwy czasów gramatycznych. Uniwerbizmy w tej grupie występują jedynie w języku słoweńskim. W polszczyźnie poświadczono są wyłącznie nazwy opisowe (analityczne): słoweń.: *predpreteklik* ← *predpretekli čas* *predprihodnik* ← *predprihodnji čas*, *preteklik* ← *pretekli čas*, *prihodnjik* ← *prihodnji čas*, *sedanjik* ← *sedanji čas*; pol. *czas przeszły*, *czas przyszły*, *czas teraźniejszy*.

3.4.1. Można ostrożnie założyć, że brak derywatów uniwerbalnych w języku polskim w tej grupie semantycznej nie wynika z ograniczeń formalnych polskiego systemu terminologicznego, ale podobnie jak w przypadku niektórych nazw pisma stanowi niewykorzystanie możliwości derywacyjnych systemu. Wszystkie słoweńskie derywaty w tej grupie są pochodne od syntagm przymiotnikowo rzeczownikowych i utworzone zostały sufiksem *-ik*. Warto zwrócić uwagę, że w tekstach polskich używane są także terminy internacjonalne odnoszące się do tych samych desygnatów (używane synonimicznie do nazw analitycznych, por. *present*, *futur*, *perfectum*). Obecność takich internacjonalizmów, zwłaszcza w dobie silnej globalizacji kodu naukowego, może stanowić zaspokojenie pragmatycznych potrzeb użytkowników tego kodu do skrótu i ekonomii komunikacji naukowej.

3.5. Nazwy znaków interpunkcyjnych w polszczyźnie

W języku słoweńskim w tworzeniu nazw znaków interpunkcyjnych dużą produktywność wykazuje sufiks *-aj*, zob. *deljaj*, *klicaj*, *narekovaj*, *uklepaj*, *vprašaj*. W polszczyźnie natomiast nazwy znaków interpunkcyjnych utworzone są sufiksem *-ik*, zob. *myślnik*, *pytajnik*, *średnik*, *ukośnik*, *wykrzyknik*. Nie wszystkie derywaty w tej grupie można jednak uznać za uniwerbizmy. Za wyrażenia motywujące takich przykładów, jak pol.: *pytajnik*, *wykrzyknik*; słoweń.: *klicaj*, *vprašaj* można przyjąć nazwy analityczne (*znak zapytania*, *znak wykrzyknienia*, *vprašalni znak*, *klicalni znak*), z którymi współwystępują w systemie terminologicznym. Jednak inne jednostki typu pol.: *średnik*, *myślnik*, *ukośnik*; słoweń.: *deljaj*, *oklepaj*, *pomišljaj*, *uklepaj*, *zaklepaj* nie są derywowane od stałych kilkuele-

mentowych wyrażen i nie posiadają swoich odpowiedników w postaci terminów analitycznych. Być może interpretować je należy jako utworzone na wzór analogii do już istniejących form uniwerbizowanych.

3.6. Nazwy subiektów niewyrażonego predykatu (odobiektowe nazwy subiektów)

Obok kategorii *nomina attributiva*, w której podstawę uniwerbizmu stanowił człon przymiotnikowy syntagmy, w materiale pojawiły się przykłady typu: *dialektolog* ← *badacz dialektologii*, *fonetyk/fonetysta* ← *badacz fonetyki*, *fonolog* ← *badacz fonologii*, *dialektolog* ← *badacz dialektologii*, *gwarysta* ← *badacz gwary*, *składniowiec* ← *badacz składni diachronista* ← *badacz języka w ujęciu diachronicznym*, *synchronista* ← *badacz języka w ujęciu synchronicznym*, *fonetyk* ← *badacz fonetyki*. Formacje te Andrzej Sitarski klasyfikuje jako uniwerbizmy (zob. Sitarski 1981: 189). Wydaje się jednak, że tego typu nazwy można interpretować także nieco inaczej, a mianowicie jako derywaty motywowane od wyrażen jednoelementowych nazw dyscyplin, poddyscyplin, kierunków badawczych językoznawstwa, zob. *diachronista* ← *diachronia*, *składniowiec* ← *składnia*, *synchronista* ← *synchronia* (por. Gramatyka 1984: 375–376). Przy takiej interpretacji tego typu przykłady nie mogą być zaliczane do uniwerbizmów.

4. W terminologii językoznawczej dwóch omawianych języków zauważalna jest obecnie stale rosnąca liczba poddyscyplin językoznawczych (kierunków lingwistycznych), tworzących klasę nazw rodzajów działalności, które na pierwszy rzut oka wydawać się mogą formacjami z pogranicza uniwerbizacji (utworzonych drogą kompozycji), ponieważ obok terminów syntetycznych funkcjonują synonimicznie także terminy analityczne², pol.: *aksjolingwistyka* (*aksjologia lingwistyczna*, *lingwistyka aksjologiczna*), *ekolingwistyka* (*ekologia języka*), *geonomastyka* (*geografia onomastyczna*), *infolingwistyka* (*informacja lingwistyczna*), *pragmalingwistyka* (*pragmatyka lingwistyczna*), *socjolingwistyka* (*lingwistyka socjologiczna*); słoweń.: *ekolingvistika* (*ekologia jezika*), *pragmalingvistika* (*pragmatična lingvistika*, *pragmatično jezikoslovje*).

Tego typu formacje w polszczyźnie i słoweńszczyźnie nie mogą jednak być zaliczone do rezultatów uniwerbizacji, ponieważ w większości przy-

² Abstrahując tutaj od pewnych różnic znaczeniowych w tego typu parach, np. *ekolingwistyka* – *ekologia języka*, *socjolingwistyka* – *socjologia języka* wynikających z różny uwarunkowań kształtowania się myśli językoznawczej.

padków zostały w całości przejęte (zapożyczone) z języków obcych (por. *geonomastics*, *pragmalinguistics* i *geographic onomastics*, *social linguistics*). Najczęściej są to internacjonalizmy, które przeniknęły do polskiego i słoweńskiego systemu pod wpływem języka angielskiego. Stanowiąc mogą rezultaty procesów kompresji strukturalnej zachodzących na gruncie innych języków.

5. Zebrany i przedstawiony materiał pozwala na porównanie najbardziej charakterystycznych sufiksów biorących udział w tworzeniu uniwerbizowanych derywatów rzeczownikowych w polskiej i słoweńskiej terminologii językoznawczej. Część z nich wykazuje swoistą specyfikację, tworząc jednostki przejrzyste strukturalnie i semantycznie. Do wspólnych obu językom sufiksów należą następujące formanty: *-ica* (3.3.), *-ik* (3.4., 3.5.). Warianty internacjonalne: pol. *-ista*, słoweń. *-ist*, pol. *-izm* (3.1.), słoweń. *-izem* (3.1.). W materiale wystąpiły również sufiksy, które poświadczone są tylko w jednym z języków: w języku polskim *-yzna* (3.2.), w języku słoweńskim *-ina* (3.2.), *-aj* (3.5.).

6. Opisany materiał z obu języków pozwala stwierdzić, że dwa porównywane systemy terminologiczne, jeśli chodzi o zjawisko uniwerbizacji, są dość podobne. Różnice wiążą się przede wszystkim z odmienną produktywnością poszczególnych typów semantyczno-strukturalnych (por. 3.2., 3.3., 3.4.) i inną dystrybucją sufiksów. Uniwerbizmy liczniej poświadczone są w poszczególnych klasach w słoweńskim systemie terminologii językoznawczej. Fakt ten jest interesujący, jeśli porównać rezultaty Marii Wtorkowskiej, która, badając uniwerbizmy powstałe derywacją paradygmatyczną w słownictwie ogólnym, socjolektalnym i żargonowym w języku polskim i słoweńskim, stwierdza, że więcej formacji skondensowanych występuje w języku polskim niż w słoweńskim (Wtorkowska 2012: 37). Pokazuje to różnice słowotwórstwa terminologicznego i słowotwórstwa języków ogólnych. Przytoczony materiał pozwala także na pewne wnioski ogólne dotyczące słowotwórstwa terminologicznego. Uniwerbizacja w systemach terminologicznych wprowadza jednoznaczność terminu syntetycznego poprzez tworzenie jasnych i przejrzystych klas strukturalno-semantycznych (zasada adekwatności). Wpisuje się w ogólną tendencję słowotwórstwa terminologicznego do regularności semantyczno-pragmatycznej. Uniwerbizmy terminologiczne w odróżnieniu od uniwerbizmów funkcjonujących w języku ogólnym są jednoznaczne. Uniwerbizacja jest też jednym ze źródeł ekwonomimii terminologicznej, rozumianej jako synonimia absolutna. Na koniec warto podkreślić, że powyższe rozważania,

dotyczące jedynie niewielkiego wycinka materiałowego (derywatów rzeczownikowych utworzonych derywacją sufiksalną), pokazują różnorodność i bogactwo procesów uniwerbizujących. W celu uzyskania pełnego obrazu takich procesów w systemach terminologicznych i słownictwie ogólnym obydwu języków należałoby uwzględnić szerszy materiał obejmujący różne zjawiska kompresji strukturalnej, w tym także derywaty od innych części mowy.

Skróty

- EJO – *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Kazimierz POLAŃSKI (red.), 1993. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo.
- EJS – *Enciklopedija slovenskega jezika*. Jože TOPORIŠIČ, 1992. Ljubljana: Cankarjeva založba.
- Gramatyka – *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Renata GRZEGORCZYKOWA, Roman LASKOWSKI, Henryk WRÓBEL (red.), 1984. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Źródła

- Bibliograficzna baza danych światowego językoznawstwa slawistycznego i Sybislaw*: <http://isybislaw.ispan.waw.pl>
- Enciklopedija slovenskega jezika*. Jože TOPORIŠIČ, 1992. Ljubljana: Cankarjeva založba.
- Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Kazimierz POLAŃSKI (red.), 1993. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika*: <http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html>
- Slovenska slovnica. 4., prenovljena in dopolnjena izdaja*. Jože TOPORIŠIČ, 2004. Maribor: Obzorja.

Literatura

- Julia BALTOVA, Janusz SIATKOWSKI, 1993: Koncepcja opisu słowotwórstwa w konfrontatywnej gramatyce bułgarsko-polskiej. KOSESKA-TOSZEWA, Violetta, KORYTKOWSKA, Małgorzata (red.). *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. Tom V–VI*. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 11–27.
- Bożenna BOJAR (red.), 2002: *Słownik encyklopedyczny informacji, języków i systemów informacyjno-wyszukiwawczych*. Warszawa: Wydawnictwo SBP.

- Danuta BUTTLER, 1979: O wzajemnym oddziaływaniu terminologii i słownictwa ogólnego. *Poradnik Językowy*. 2, 58–66.
- Danuta BUTTLER, 1977: Niektóre problemy opisu zjawisk uniwerbizacji. *Slavistična revija*. 4, 435–448.
- Božo ĆORIĆ, 1996: O sufiksalfnoj univerbaciji u srpskom jeziku. *Srpski jezik*. I, 60–64.
- Renata GRZEGORCZYKOWA, Roman LASKOWSKI, Henryk WRÓBEL (red.), 1984: *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Hanna JADACKA, 2008: Terminologia [Hasło]. JADACKA, Hanna, MARKOWSKI, Andrzej. *Poprawna polszczyzna : hasła problemowe*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 141–148.
- Jerzy LUKSZYN, Wanda ZMARZER, 2006: *Teoretyczne podstawy terminologii*. Warszawa: Katedra Języków Specjalistycznych.
- Halina MIECZKOWSKA, 2002: Nowe techniki derywacyjne w języku polskim i słowackim. RUSEK, Jerzy, BORYŚ, Wiesław, BEDNARCZUK, Leszek (red.). *Dzieje Słowian w świetle leksyki*. Kraków: Wydaw. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 291–299.
- Barbara NYKIEL-HERBERT, 1989: Jeszcze raz o uniwerbizacji. *Polonica*. XIV, 193–201.
- Kazimierz POLAŃSKI (red.), 1993: *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo.
- Ewa SIATKOWSKA, 1964: Syntetyczne i analityczne nazwy w języku czeskim i polskim. *Prace Filologiczne*. 18, 219–237.
- Andrzej SITARSKI, 1981: Kompresja strukturalna w terminologii językoznawczej. *Studia Studia Rossica Posnaniensia*. 16, 183–191.
- Sylwia SOJDA, 2011: *Procesy uniwerbizacyjne w języku słowackim i polskim*. Katowice: Uniwersytet Śląski.
- Elżbieta SZCZEPAŃSKA, 2012: O wciąż obecnej w języku uniwerbizacji słów kilka. *Bohemistyka*. 3, 204–213.
- Elżbieta SZCZEPAŃSKA, 1994: *Uniwerbizacja w języku polskim i czeskim*. Kraków: Universitas.
- Mieczysław SZYMCZAK, 1979: Rola i miejsce terminologii w języku ogólnonarodowym. *Poradnik Językowy*. 2, 49–57.
- Amela ŠHOVIĆ, 2012: Univerbacija u bosanskom jeziku. ДРАГИЋЕВИЋ, Рајна (гл. ур.). *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима*. Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 407–417.
- Jože TOPORIŠIČ, 1992: *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: Cankarjeva založba.

Maria WTORKOWSKA, 2011: Wybrane procesy uniwerbizacji w języku polskim i słoweńskim (na przykładzie derywacji paradygmatycznej). *Południowosłowiańskie Zeszyty Naukowe*. 8, 27–38.

Andreja ŽELE, 2009: Pomenotvorne zmožnosti z vidika /de/terminologizacije (v slovenščini). LEDINEK, Nina, ŽAGAR KARER, Mojca, HUMAR, Margeta (ur.). *Terminologija in sodobna terminografija*. Ljubljana: Založba ZRC, 125–139.

Univerbation in Polish and Slovenian Linguistic Terminology

The article studies univerbial processes in the two terminological systems in Polish and Slovenian languages. The Analysis of the terminological material shows that the two comparable systems in terms of the phenomenon of univerbation are quite similar. The differences are primarily related to the different productivity of the various semantic-structural types and different distribution of suffixes. Univerbs more often occurred in particular classes in the Slovenian terminological system. The similarity between the two systems can be tied to the tendency to simplify terminology. Univerbation in these systems introduces the uniqueness of the synthetic term by creating clear and transparent structural-semantic classes. It falls into the general tendency of terminological word formation to semantic-pragmatic regularity.

Аляксандр Лукашанец

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай
акадэміі навук Беларусі, Беларусь, Мінск
alukashanets@tut.by

УНІВЕРБАЦЫЯ/УНІВЕРБІЗАЦЫЯ: СУТНАСЦЬ ПАНЯЦЦЯ І МЕСЦА Ў ТЭРМІНАСІСТЭМЕ СЛОВАЎТВАРЭННЯ

У артыкуле робіцца спроба ахарактарызаваць сутнасць словаўтваральных паняццяў “універбацыя/універбізацыя/універбалізацыя” і акрэсліць кола моўных з’яў, якія ўключаюцца сучаснымі даследчыкамі славянскага словаўтварэння ў сферу ўнівербацыі/універбізацыі, разгледзець суадносіны паняцця “ўнівербацыя/універбізацыя” з іншымі паняццямі і адзінкамі сіхроннага словаўтварэння. Таксама з улікам функцый словаўтварэння, характару семантычнай матывацыі, спосабаў і сродкаў словаўтварэння, сэнсавых і фармальна-граматычных суадносін матывавальнай базы і ўніверба ў артыкуле будуць сфармуляваны крытэры, на падставе якіх тыя ці іншыя катэгорыі і групы матываваных адзінак могуць быць аднесены да класа ўнівербаў, і прапанавана іерархічная структура поля ўнівербізацыі ў залежнасці ад актуалізацыі крытэрыяў ўнівербізацыі ў славянскім словаўтварэнні. Асноўныя палажэнні артыкула ілюструюцца беларускім моўным матэрыялам.

Ключавыя словы: універбацыя/універбізацыя, суфіксальнае словаўтварэнне, спосаб словаўтварэння, тэрмінасістэма словаўтварэння, поле ўнівербізацыі

The article presents an attempt to characterize the essence of the word-formation concepts of “univerbation / univerbization / univerbalization” and to outline the circle of linguistic phenomena included by modern researchers in the sphere of univerbation / univerbization, as well as to consider the relation of the notion “univerbation / univerbization” with other concepts and units of synchronous word-formation. Also, taking into account the functions of word-formation, the nature of the semantic motivation, the ways and means of word-formation, the semantic and formal grammatical relations between the motivating base and the univerb, in the article the criteria will be formed that allows to include certain categories and groups of motivated units in the class of univerbization. We also propose a hierarchical structure of the field of the univerbization that depends on the actualization of certain criteria in the Slavic word-formation. The main provisions of the article are illustrated with the Belarusian language material.

Key words: univerbation/univerbization, suffixed word-formation, means of word-formation, terminology of word-formation, the field of univerbization

1. Уводзіны

Універбацыя як моўная і маўленчая рэалізацыя ўніверсальнай тэндэнцыі да эканоміі моўных сродкаў ужо больш за стагоддзе прыцягвае ўвагу лінгвістаў, у тым ліку і славянскіх. У сферы славянскага словаўтварэння гэты феномен таксама разглядаўся на шырокім моўным матэрыяле і з самых разнастайных пазіцый. Разнастайнасць поглядаў і падыходаў да праблем універбацыі ў сферы славянскага словаўтварэння добра адлюстроўваюць шматлікія працы па славянскай дэрываталогіі (гл., напрыклад, Нешчыменко 2003: 288–306; Дзячок 2015). Пастаянная цікавасць спецыялістаў да ўнівербацыі таксама падтрымліваецца актыўным папаўненнем лексіконаў сучасных славянскіх моў новымі матываванымі адзінкамі, якія адпавядаюць крытэрыям універбізацыі, у першую чаргу крытэрыю эканоміі моўных сродкаў (Нешчыменко 2003: 288–306).

Тым не менш, нягледзячы на наяўнасць велізарнай колькасці даследаванняў і вельмі шырокі дыяпазон пунктаў погляду у гэтай галіне лінгвістычнай навукі, нельга сцвярджаць, што асноўнае кола тэарэтычных аспектаў словаўтваральнай універбацыі/універбізацыі атрымала адназначную і агульнапрынятую інтэрпрэтацыю, што акрэслена і даследавана кола моўных з’яў, што ўключаюцца ў гэтую сферу славянскага словаўтварэння, а таксама сфарміравана стройная тэрмінасістэма, суадносная з тэрміналогіяй сінхроннага словаўтварэння. Больш за тое, трэба прызнаць, што нават на пачатку XXI стагоддзя ў асобных славянскіх мовах матываваная лексіка з пазіцый універбацыі/універбізацыі фактычна не даследавана. Так, напрыклад, пры наяўнасці дастаткова поўнага і паслядоўнага апісання сістэмы словаўтваральных спосабаў і сродкаў у сучаснай беларускай мове ўнівербацыя/універбізацыя з’яўляецца фактычна **terra incognita**.

Усё гэта яшчэ раз пацвярджае актуальнасць і надзённасць дэтальнага абмеркавання праблемы словаўтваральнай універбацыі/універбізацыі ў славянскіх мовах, што дазволіць паглыбіць разуменне сутнасці і спецыфікі гэтага феномену ў мове і словаўтварэнні, паслужыць штуршком для вызначэння месца і ролі універбацыі/універбізацыі ў сістэме нацыянальнага словаўтварэння, будзе садзейнічаць поўнаму сістэмнаму даследаванню гэтай з’явы ў асобных славянскіх мовах.

2. Сутнасць паняцця і месца ў тэрмінасістэме словаўтварэння

У адным асобным артыкуле ў прынцыпе немагчыма зрабіць хаця б павярхоўны агляд навуковай літаратуры па праблеме ўнівербацыі ў славянскіх мовах. Таму ўяўляецца мэтазгодным каротка засяродзіцца на а) сутнасці ўнівербацыі/універбізацыі менавіта як словаўтваральнага феномену, што вызначае яе месца ў сістэме словаўтварэння і паказвае суадноснаць паняцця ўнівербацыі/універбізацыі і яе тэрмінаў з іншымі паняццямі і адзінкамі сінхроннага словаўтварэння; б) вызначыць асноўныя крытэрыі словаўтваральнай універбацыі/універбізацыі; в) зрабіць спробу акрэсліць кола моўных з’яў, якія могуць быць уключаны ў сферу словаўтваральнай універбацыі/універбізацыі, і прапанаваць структурную іерархію поля ўнівербацыі/універбізацыі.

2.1. Па-першае, аксіяматычным трэба лічыць палажэнне, што ўнівербацыя – гэта адно з праяўленняў універсальнай тэндэнцыі да эканоміі моўных сродкаў выражэння пэўнага зместу. Параўн.:

Синкретизм в словообразовании проявляется в универбации – выражении одним словом (простым, производным или сложным) комплекса значений, выражаемых в аналитических конструкциях сочетаниями слов. Ср. “широкоплечий” и “широкий в плечах”, “барабанить” и “бить в барабан”, “столик” и “маленький стол”, “библиотекариша” и “женщина-библиотекарь” и т. п. (Гак 1990: 451);

Универбация, компрессивное словообразование, – образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично. Универбация – одна из основных функций словообразовательных средств языка... В явлении универбации обнаруживается общезыковая тенденция к экономии средств выражения (Лопатин 1998: 577);

УНИВЕРБАЦІЯ, універбізацыя – різновид суфіксальнага спосабу словатворэння, пры якому словасполучэння за дапамогаю суфіксацыі згортаецца в слово (Клименко 2007: 776).

Такім чынам, паняцце “ўнівербацыя/універбізацыя/універбалізацыя” атрымлівае дзве характарыстыкі:

1. Функцыянаванне адзінак мовы ў маўленні (абумоўлена кантэкстуальным скарачэннем вуснага і пісьмовага тэксту, у тым ліку за кошт выкарыстання аднаслоўных матываваных адзінак замест неаднаслоўных намінацый).

Пры такім разуменні ўнівербалізацыя некаторымі даследчыкамі наогул выводзіцца за межы дэрывацыі, хаця разглядае функцыянаванне ў маўленні ў першую чаргу аднаслоўных матываваных (!) адзінак замест адпаведных неаднаслоўных. Параўн.:

В силу вышесказанного следует считать, что универбализация - это ситуация, когда слово, замещающее словосочетание, выступает в качестве его дублета в пределах тождества единой номинативной единицы – номинатемы. Процесс замены словосочетания словом здесь должен трактоваться не как деривация, не как формирование новой номинации, а как усвершенствование старой, как акт замены расчлененного наименования универбализованным однословным на-именованием. (Теркулов 2010: 138).

2. Утварэнне адзінак мовы (= словаўтварэнне) паводле пэўных словаўтваральных семантычных, фармальных і граматычных крытэрыяў, якія адпавядаюць прынцыпу моўнай эканоміі.

Напрыклад: *заликовая книжка* → *заликоўка*,
мінімальная зарплата → *мінімалка*,
мінеральная вада → *мінералка* і інш.

У такім выпадку тэрмін **універбацыя/універбізацыя** ўключаецца ў рад паняццяў, якія характарызуюць функцыі словаўтварэння: намінатыўная, стылістычная, кампрэсіўная (= універбацыя) і г.д.

У сучаснай навуковай літаратуры пашыраны паралельныя тэрміны **ўнівербацыя, універбізацыя і ўнівербалізацыя**, якія з'яўляюцца фактычна ўзаемазамяняльнымі. Тым не менш яны не з'яўляюцца абсалютнымі тэрмінамі-дублетамі. Уяўляецца, што ў адносінах да функцыянавання адзінак мовы ў маўленні больш мэтазгодна выкарыстанне тэрміна **ўнівербалізацыя** (Теркулов 2010: 138).

У адносінах да сферы словаўтварэння мэтазгодна выкарыстоўваць паняцці **ўнівербацыя/універбізацыя**, якія, таксама могуць быць дыферэнцыраваны наступным чынам:

Універбацыя – функцыя сродкаў словаўтварэння, якая рэалізуе тэндэнцыю да эканоміі сродкаў выражэння (= **кампрэсіўнае словаўтварэнне**).

Універбізацыя – працэс утварэння аднаслоўных матываваных адзінак, лексічна эквівалентных неаднаслоўным найменням (= **словаўтварэнне**).

Тэрмін **універбацыя** ў прапанаваным азначэнні ўключаецца ў рад паняццяў словаўтварэння, якія характарызуюць семантычныя сферы ўтварэння: **трансфармацыя – мутацыя – мадыфікацыя – універбацыя**.

Уключэнне паняцця і тэрміна **універбацыя/ўнівербізацыя** ў сферу сінхроннага словаўтварэння выяўляе тэрміналагічную недастатковасць паняццёвага раду і абумоўлівае неабходнасць дапаўнення тэрміна **універб (універбат)** яшчэ двума суадноснымі тэрмінамі і выбудаваць узаемазвязаны трохкампанентны рад тэрмінаадзінак:

Універбант – неаднаслоўнае найменне (мультыверб), якое выступае зыходнай базай для ўтварэння новай лексічнай адзінкі, семантычна эквівалентнай зыходнаму неаднаслоўнаму найменню (**універба**).

Універбатар – словаўтваральны сродак, з дапамогай якога ўтвараецца новая лексічная адзінка

Універб (універбат) – матываваная лексічная адзінка (вынік словаўтваральнага працэсу ўнівербізацыі), семантычна эквівалентная зыходнаму базавому неаднаслоўнаму найменню.

Пры такім падыходзе паняцці **ўнівербант – універбатар – універб (універбат)** уключаюцца ў рад субстанцыйных адзінак словаўтварэння як відавыя ў адносінах да родавых паняццяў **база – фармант – дэрыват**.

Напрыклад:

<i>кніжны магазін</i>	+	суф. -арн(я)	→	<i>кнігарня</i>
<i>гуманітарная дапамога</i>	+	суф. -к(а)	→	<i>гуманітарка</i>
<i>мабільны тэлефон</i>	+	суф. -нік	→	<i>мабільнік</i>
↓		↓		↓
база (універбант)	+	фармант (універбатар)	→	матываванае слова (універб/універбат)

Як уяўляецца, тэрміналагічнае размежаванне паняццяў універбацыя, універбізацыя і ўнівербалізацыя і прапанаваны рад тэрмінаў **універбант – універбатар – універб (універбат)** пэўным чынам упарадкаўвае і лагічна завяршае тэрмінаапарат сучаснага сінхроннага словаўтварэння і дазваляе ўключаць універбацыю/універбізацыю ў сферу словаўтварэння.

3. Крытэрыі ўнівербацыі/універбізацыі ў словаўтварэнні

Адной з важных і актуальных задач сучаснай славянскай дэрываталогіі застаецца праблема вызначэння межаў словаўтваральнай **універбацыі/універбізацыі**, а таксама іерархічнае структурыраванне яе поля.

На працягу ўсяго фактычна стагадовага перыяду даследавання праблем словаўтваральнай **універбацыі/універбізацыі** ў славянскіх мовах розныя даследчыкі пры ў прынцыпе аднолькавым разуменні яе сутнасці вельмі па-рознаму бачылі і працягваюць бачыць межы яе пашырэння і ўключаюць у гэтую сферу рознае кола словаўтваральных з'яў. Таму на сённяшні дзень існуе вельмі шырокая разбежка меркаванняў адносна межаў **універбацыі/універбізацыі** ў славянскім словаўтварэнні: ад вельмі вузкага да вельмі шырокага.

Пры вузкім разуменні ўнівербізацыя ў словаўтварэнні можа быць зведзена толькі да аднаго словаўтваральнага тыпу, напрыклад, суфіксальных утварэнняў з суфіксам **-к(а)** на базе атрыбутыўных словазлучэнняў. Параўн.:

...способ стяжения сочетания “прилагательное + существительное” посредством суффикса -к(а) в слово, в результате которого функции опорного слова исходного оборота берет на себя названный суффикс, был продуктивным давно (Шанский 1968).

Пры шырокім разуменні паняцця ўнівербізацыя ахоплівае ўсю сістэму словаўтварэння і фактычна ўключае ўсе матывананыя словы розных тыпаў і спосабаў у славянскіх мовах. Параўн.:

Яркой иллюстрацией тенденции языковой экономии является универбизация, т.е. свертывание многословных наименований в одну лексему (впрочем, свертывание, сжатие исходной конструкции лежит в основе строения и любого деривата, что полностью соответствует известному принципу бинарности структуры производного слова) (Нещименко 2000: 262).

Як уяўляецца, у аснову вызначэння межаў словаўтваральнай **універбізацыі** павінны быць пакладзены пэўныя крытэрыі, якія вызначаюць яе сутнасць. З улікам характару моўнага матэрыялу (матываваных лексічных адзінак), што ўключаецца рознымі даследчыкамі ў сферу словаўтваральнай універбацыі/універбізацыі, яе асноўнымі крытэрыямі (абавязковымі і факультатыўнымі) можна лічыць наступныя:

3.1. Рэалізацыя кампрэсіўнай функцыі (адпаведнасць тэндэнцыі эканоміі моўных сродкаў)

Універбация, компрессивное словообразование, – образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично. **Універбация** – одна из основных функций словообразовательных средств языка... В явлении універбации обнаруживается общезыковая тенденция к экономии средств выражения (Лопатин 1998: 577);

Сущность компрессивного словообразования, по мнению лингвистов, заключается в “построении слов, которые представляют собой разного рода сокращения имеющихся в языке номинативных единиц – слов и словосочетаний (Дьячок 2015: 87).

3.2. Наяўнасць семантычнай эквівалентнасці ўнівербанта і ўніверба

Синкретизм в словообразовании проявляется в універбации – выражении одним словом (простым, производным или сложным) комплекса значений, выражаемых в аналитических конструкциях сочетаниями слов (Гак 1990: 451).

3.3. Тоеснасць намінатыўнай функцыі ўнівербанта і ўніверба (абавязковая суаднеснасць з адным і тым жа дэнататам)

Исследователи единодушны во мнении, что о феномене вербальной экономии можно говорить лишь тогда, когда компактные номинации сосуществуют с **устойчивыми** (а не **интерпретационными**) синонимическими описательными номинациями одного и того же денотата (Г. П. Нецименко 2003).

3.4. Адпаведнасць пэўнай словаўтваральнай мадэлі

В русистике к области компрессивного словообразования относят в основном універбаты, являющиеся субститутами устойчивых адъективно-субстантивных наименований, типа *читалка* ← *читальный зал*... Словацкие дериватологи значительно расширяют область універбизации, включая в неё различные способы замены мультивербизмов однословными наименованиями. Так, Ю. Фурдик выделил два способа універбизации: 1) эллипсис устойчивого адъективно-субстантивного словосочетания, в результате которого носителем его семантического содержания становится субстантивированное прилагательное (*studijné oddelenie* → *studijné*); 2) універбизацию с помощью деривационных средств, когда из мультивербального суб-

стантивного или глагольного наименования изымается определенная часть, которая в производном слове замещается словообразовательным суффиксом - носителем категориального значения: *diplomová práca* → *diplomovka*, *učitel' slovenčiny* → *slovenčin-ár*, *vykonávat' dozor* → *dozor-ovat'* (Коряковцева 2006: 122–131).

Нови думи се образуват и на основата на устойчиви словосъчетания, т. нар. унвербиране – когато в резултат на продължителна употреба в свързаната реч граматично зависимата дума се изпуска и значението ѝ изцяло се съсредоточава върху опорната дума, например: *изкуствен спътник* → *спътник*, *вавилонско стълпотворение* → *стълпотворение* (Аврамова 2004: 214–224).

3.5. Адпаведнасць пэўнаму інвентару словаўтваральных сродкаў

Параўн.:

- суф. **-к(а)** (Шанский 1968, Земская 1992);
  - суф. **-ec, -ka, -ak** (Grzegorzczkova 1979: 45);
  - **суфікальнае словаўтварэнне** (Клименко 2007: 776);
  - **суфікацыя, абрэвіяцыя, складанне, субстантывацыя** (Лопатин 1998: 577);
- і г.д.

3.6. Наяўнасць граматычнай эквівалентнасці ўнівербанта і ўніверба

Najważniejsze narzędzie uniwerbizacji to sufiksy **-ec** i **-ka**, które przekształcają nazwy z określonym członem rodzaju męskiego (*samolot odrzutowy* → *odrzutowiec*) lub żeńskiego (*łódź żaglowa* → *żaglówka*). Wyrażenia z rzeczownikiem nijakim przekształcają się na formę żeńską (*auto wyścigowe* → *wyścigówka*, *Stare Miasto* → *Starówka*), lub męską (*liceum ogólnokształcące* → *ogólniak*). Trzeci sufiks tworzący nazwy uniwerbizowane, charakterystyczny głównie dla gwary miejskiej Warszawy, to suf. **-ak**. Tworzy on derywaty od wyrażen zawierających rzeczowniki wszystkich trzech rodzajów: *pośpieszniak* ← *pośpieszny autobus*, *produkcyjniak* ← *powieść produkcyjna*, *ogólniak* ← *liceum ogólnokształcące* (Grzegorzczkova 1979: 45).

4. Універбізацыя ў славянскім словаўтварэнні (межы і тыпы матываваных адзінак)

З улікам асаблівасцей актуалізацыі (рэlevantнасці) названых крытэрыяў могуць быць устаноўлены межы ўнівербізацыі ў славянскім словаўтварэнні, а таксама вызначаны ступені іх пашырэння/звужання, якія адлюстроўваюць характар эвалюцыі поглядаў на гэтую з'яву. Ніжэй прапануецца наступная шасціступенная градацыя поглядаў на межы ўнівербацыі ў славянскім словаўтварэнні ў напрамку ад самага вузкага да самага шырокага разумення з'явы (ілюструецца прыкладамі беларускай мовы).

4.1. Першая ступень (універбізацыя ў межах граматычнай мадэлі словаўтваральнага тыпу)

Дадзеная ступень патрабуе актуалізацыі ўсіх названых вышэй шасці крытэрыяў:

1. Рэалізацыя кампрэсіўнай функцыі.
2. Семантычная эквівалентнасць універбанта і ўніверба.
3. Тоеснасць намінатыўнай функцыі ўнівербанта і ўніверба.
4. Адпаведнасць пэўнай словаўтваральнай мадэлі (мультыверб $A+N \rightarrow$ універб N).
5. Выкарыстанне аднаго канкрэтнага словаўтваральнага сродка (суф. **-к(а)**).
6. Граматычная эквівалентнасць універбанта і ўніверба ($A+N_f \rightarrow N_p$).

Прыклады: *гуманітарная дамамога* $\rightarrow$ *гуманітарка*, *заліковая кніжка* $\rightarrow$ *залікоўка*, **чыгунная дарога* $\rightarrow$ *чыгунка* (параўн. укр. *залізниця*, славацк. *díplotová práca* $\rightarrow$ *díplotovka*). Прыклад **чыгунная дарога* $\rightarrow$ *чыгунка* ілюструе магчымасць словаўтваральнай універбізацыі на аналогіі, паколькі ў сучаснай беларускай мове не існуе рэальнай неаднаслоўнай намінатыўнай адзінкі *чыгунная дарога* (параўн. рус. *железная дорога* $\rightarrow$ *железка*).

4.2. Другая ступень (універбізацыя ў межах словаўтваральнага тыпу)

На дадзенай ступені актуальнасць захоўваюць першыя пяць крытэрыяў, а шосты (граматычны крытэрыі) становіцца нерэlevantным, што істотна пашырае кола суфіксальных універбаў з суф. **-к(а)**:

1. Рэалізацыя кампрэсіўнай функцыі.

2. Семантичная эквівалентнасць універбанта і ўніверба.
3. Тоеснасць намінатыўнай функцыі ўнівербанта і ўніверба.
4. Адпаведнасць пэўнай словаўтваральнай мадэлі (мультиверб $A+N \rightarrow$ універб N).
5. Выкарыстанне аднаго канкрэтнага словаўтваральнага сродка (суф. **-к(а)**).
6. Граматычная эквівалентнасць універбанта і ўніверба ($A+N_f \rightarrow N_f$).

Прыклады: $A+N$ (**f**) + суф. **-к(а)** $\rightarrow N$ (**f**): *гуманітарная дамамога* $\rightarrow$ *гуманітарка*, *заліковая кніжка* $\rightarrow$ *залікоўка*;

$A+N$ (**м,п**) + суф. **-к(а)** $\rightarrow N$ (**f**): *электрычны поезд* $\rightarrow$ *электрычка*, *маршрутнае таксі* $\rightarrow$ *маршрутка*.

4.3. Трэцяя ступень (універбізацыя ў межах словаўтваральнай катэгорыі)

На гэтай ступені пашырэння межаў словаўтваральнай універбізацыі мадыфікуецца пяты крытэрыі (здымаецца абмежаванне адным словаўтваральным фармантам **-к(а)**):

1. Рэалізацыя кампрэсіўнай функцыі.
2. Семантичная эквівалентнасць універбанта і ўніверба.
3. Тоеснасць намінатыўнай функцыі ўнівербанта і ўніверба.
4. Адпаведнасць пэўнай словаўтваральнай мадэлі (мультиверб $A+N \rightarrow$ універб N).
5. Выкарыстанне розных словаўтваральных суфіксаў.
6. Граматычная эквівалентнасць універбанта і ўніверба ($A+N_f \rightarrow N_f$).

Прыклады: $A+N$ (**f**) + суф. **-к(а)** $\rightarrow N$ (**f**): *гуманітарная дамамога* $\rightarrow$ *гуманітарка*, *заліковая кніжка* $\rightarrow$ *залікоўка*;

$A+N$ (**м,п**) + суф. **-к(а)** $\rightarrow N$ (**f**): *электрычны поезд* $\rightarrow$ *электрычка*, *маршрутнае таксі* $\rightarrow$ *маршрутка*;

$A+N$ (**м,ф,п**) + універбатар $\rightarrow N$ (**м,ф,п**): *таварны поезд* $\rightarrow$ *таварняк*, *кніжны магазін* $\rightarrow$ *кнігарня*, *мабільны тэлефон* $\rightarrow$ *мабільнік*.

4.4. Чацвёртая ступень (універбізацыя ў межах розных словаўтваральных катэгорыі)

Ступень прадугледжвае далейшую мадыфікацыю пятага крытэрыю і накіравана на выхад за межы адной словаўтваральнай катэгорыі і аднаго спосабу словаўтварэння.

1. Рэалізацыя кампрэсіўнай функцыі.
2. Семантычная эквівалентнасць універбанта і ўніверба.
3. Тоеснасць намінатыўнай функцыі ўнівербанта і ўніверба.
4. Адпаведнасць пэўнай словаўтваральнай мадэлі (мультыверб $A+N \rightarrow$ універб N).
5. Выкарыстанне розных словаўтваральных сродкаў і спосабаў словаўтварэння.
6. Граматычная эквівалентнасць універбанта і ўніверба ($A+N_f \rightarrow N_f$):

Прыклады: $A+N$ (f) + суф. -к(a) $\rightarrow$ N(f): *гуманітарная дамамога* $\rightarrow$ *гуманітарка*, *заліковая кніжка* $\rightarrow$ *залікоўка*;

$A+N$ (m,n) + суф. -к(a) $\rightarrow$ N(f): *электрычны поезд* $\rightarrow$ *электрычка*, *маршрутнае таксі* $\rightarrow$ *маршрутка*;

$A+N$ (m,f,n) + універбатар $\rightarrow$ N(m,f,n): *таварны поезд* $\rightarrow$ *таварняк*, *кніжны магазін* $\rightarrow$ *кнігарня*, *мабільны тэлефон* $\rightarrow$ *мабільнік*;

$A+N$ (m,f,n) $\rightarrow$ N (складанаскарочанае слова): *медыцынская сястра* $\rightarrow$ *медсястра*, *спецыяльны карэспандэнт* $\rightarrow$ *спецкар*.

4.5. Пятая ступень (універбізацыя ў межах розных словаўтваральных катэгорый)

Пераход на чарговую пятую ступень пашырэння межаў універбізацыі звязаны з пашырэннем яе словаўтваральнай базы (нерэлевантнасцю чацвёртага крытэрыю):

1. Рэалізацыя кампрэсіўнай функцыі.
2. Семантычная эквівалентнасць універбанта і ўніверба.
3. Тоеснасць намінатыўнай функцыі ўнівербанта і ўніверба.
4. Адпаведнасць пэўнай словаўтваральнай мадэлі (мультыверб $A+N \rightarrow$ універб N).
5. Выкарыстанне розных словаўтваральных сродкаў і спосабаў словаўтварэння.
6. Граматычная эквівалентнасць універбанта і ўніверба ($A+N_f \rightarrow N_f$):

Прыклады: $A+N$ (f) + суф. -к(a) $\rightarrow$ N(f): *гуманітарная дамамога* $\rightarrow$ *гуманітарка*, *заліковая кніжка* $\rightarrow$ *залікоўка*;

$A+N$ (m,n) + суф. -к(a) $\rightarrow$ N(f): *электрычны поезд* $\rightarrow$ *электрычка*, *маршрутнае таксі* $\rightarrow$ *маршрутка*;

A+N (м, f, n) + універбатар → N(м, f, n): *таварны поезд → таварняк, кніжны магазін → кнігарня, мабільны тэлефон → мабільнік;*

A+N (м, f, n) → N (складанаскарочанае слова): *медыцынская сястра → медсястра, спецыяльны карэспандэнт → спецкар;*

любая неаднаслоўная намінацыя → N (складанаскарочанае слова): *кабінет міністраў → кабмін, Мінстэрства адукацыі → Мінадукацыі, Арганізацыя Аб'яднаных Нацый → ААН.*

4.6. Шостая ступень (універбізацыя ў межах сістэмы словаўтварэння)

Апошняя ступень пашырэння дыяпазону ўнівербізацыі на ўсю сістэму словаўтварэння звязана са зняццем аднаго з самых галоўных крытэрыяў універбізацыі – семантычнай эквівалентнасці ўнівербанта і ўніверба:

1. Рэалізацыя кампрэсіўнай функцыі.
2. Семантычная эквівалентнасць універбанта і ўніверба.
3. Тэснасць намінатыўнай функцыі ўнівербанта і ўніверба.
4. Адпаведнасць пэўнай словаўтваральнай мадэлі (мультыверб A+N → універб N).
5. Выкарыстанне розных словаўтваральных сродкаў і спосабаў словаўтварэння.
6. Граматычная эквівалентнасць універбанта і ўніверба ($A+N_f \rightarrow N_f$).

Прыклады: **A+N (f) + суф. -к(а) → N(f):** *гуманітарная дамамога → гуманітарка, заліковая кніжка → залікоўка;*

A+N (м, n) + суф. -к(а) → N(f): *электрычны поезд → электрычка, маршрутнае таксі → маршрутка;*

A+N (м, f, n) + універбатар → N(м, f, n): *таварны поезд → таварняк, кніжны магазін → кнігарня, мабільны тэлефон → мабільнік;*

A+N (м, f, n) → N (складанаскарочанае слова): *медыцынская сястра → медсястра, спецыяльны карэспандэнт → спецкар;*

любая неаднаслоўная намінацыя → N (складанаскарочанае слова): *кабінет міністраў → кабмін, Мінстэрства адукацыі → Мінадукацыі, Арганізацыя Аб'яднаных Нацый → ААН.*

любая словаўтваральная база → **любое матываванае слова**: усе астатнія тыпы матываваных адзінак: *заплечнік (= рукзак), футбаліст, падарожнік, перапланіроўка, крытыкаваць, пералесак, падводнік, сувязны, арыстакратычны, спец, інтэлектуал, танцаўшчыца* і інш.

5. Структура ўнівербацыйнага поля ў сферы словаўтварэння

Такім чынам, у залежнасці ад актуалізацыі тых ці іншых крытэрыяў універбізацыі ўяўляецца магчымым структурыраваць словаўтваральнае поле ўнівербізацыі з выдзяленнем у ім цэнтра, бліжняй і дальняй перыферыі. Пры такім падыходзе цэнтр поля ўнівербізацыі адмяжоўваецца ад яго перыферыі толькі асаблівасцямі ўнівербатара (толькі словаўтваральны суфікс **-к(а)**) і абмяжоўваецца фактычна адным словаўтваральным тыпам (1-я і 2-я ступені).

Размежаванне бліжняй і дальняй перыферыі поля ўнівербізацыі звязана з асаблівасцямі ўнівербанта і яго сематычнымі суадносінамі з універбам (неаднаслоўнае найменне, сематычна тоеснае вытворнаму ўнівербу). Бліжняя перыферыя ўключае, такім чынам, 3-ю, 4-ю і 5-ю ступені і па сваёй сутнасці збліжаецца з цэнтрам поля. Дальняя ж перыферыя поля ўнівербізацыі з'яўляецца найбольш размытай, ахоплівае найбольшую колькасць матываваных адзінак (6-я ступень), адзінай падставай для ўключэння якіх у поле ўнівербізацыі служыць крытэрыі моўнай эканоміі.

5.1. Цэнтр поля ўнівербізацыі ўключае толькі матываваныя адзінкі, ўтвораныя па мадэлі: “**мультиверб A+N (м, f, n) + суф. -к(а) → універб N(f)**”:

электрычны поезд → *электрычка*

мінімальнае зарплата → *мінімалка*

маршрутнае таксі → *маршрутка*

5.2. Бліжняя перыферыя поля ўнівербізацыі ўключае ўсе матываваныя адзінкі, якія адпавядаюць мадэлі “**мультиверб A+N (м, f, n) → універб N (м, f, n)**”, а таксама ўсе суфіксальныя суфіксальныя дэрываты, абрэвіятуры, складаныя і складанаскарочаныя намінацыі, утвораныя на базе неаднаслоўных намінатыўных адзінак. Актуальнасць для бліжняй перыферыі, такім чынам, захоўвае крытэрыі

семантичнай эквівалентнасці ўніверба неаднаслоўнаму найменню (мультивербу).

5.3. *Дальняя перыферыя* словаўтваральнага поля ўнівербізацыі ахоплівае ўсе астатнія матываваныя адзінкі, паколькі ў іх таксама прысутнічае ў скрытым відзе моўная кампрэсія.

6. Заключэнне

Заключэнне можа быць сфармулявана ў выглядзе адказу на пытанне: Што дае паняцце “**ўнівербацыя**”/“**універбізацыя**” для апісання сістэм сінхроннага словаўтварэння славянскіх моў?

У прынцыпе сістэма сінхроннага словаўтварэння можа быць поўна і паслядоўна апісана з пазіцый існуючых і замацаваных лінгвістычнай традыцыяй у кожнай мове спосабаў і сродкаў словаўтварэння. У гэтых адносінах увядзенне ў сістэмныя апісанні словаўтварэння любой нацыянальнай мовы паняцця “ўнівербізацыя” можа лічыцца збытکوўным. Менавіта таму акадэмічныя апісанні словаўтваральных сістэм сучасных славянскіх моў, як правіла, не выкарыстоўваюць паняцце ўнівербізацыі і звязаныя з ёй тэрміны, падыходы і прынцыпы.

Разам з тым, вывучэнне матываванай лексікі кожнай славянскай мовы з пазіцый універбізацыі дазваляе:

- выявіць словаўтваральныя механізмы і словаўтваральныя сродкі ўніверсальнай тэндэнцыі моўнай эканоміі;
- устанавіць характар узаемадзеяння кампрэсіўнай функцыі з іншымі функцыямі (намінатыўнай, стылістычнай і г.д.) словаўтварэння;
- устанавіць інвентар матываванай лексікі, у якой кампрэсіўная функцыя з’яўляецца дамінуючай;
- вызначыць межы і структуру семантичнай сферы ўнівербізацыі ў славянскім словаўтварэнні.

Літаратура

Cvetanka AVRAMOVA, 2013: Univerbáty v leksikálnim systému jazyka. BUZÁSSYOVÁ, Klára, CHOCHOLOVÁ, Bronislava (ed.). *Votivované slovo v lexikálnom systéme jazyka: Zborník zo 7. medzinárodnej konferencie*

- Komisie pre výskum tvorenia slov v slovanských jazykoch pri Medzinárodnom komitete slavistov.* Bratislava: Veda, 214–224.
- Renata GRZEGORCZYKOWA, Jadwiga PUZYNNINA, 1979: *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego: rzeczowniki sufiksalne rodzime.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe.
- Владимир Г. ГАК, 1990: Синтетизм. ЯРЦЕВА, В. Н. (гл. ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь.* Москва: Издательство “Советская энциклопедия”, 451.
- Наталья В. ДЬЯЧОК, 2015: Универбация в русском языке: структурно-семантическое и оносиологическое описание : дис. ... канд. филол. наук. 10. 02. 02. Артемовск.
- Елена А. ЗЕМСКАЯ, 1992: *Словообразование как деятельность.* Москва.
- Ніна Ф. КЛИМЕНКО, 2007: Універбация. Українська мова. Енциклопедія. 3-е видання, виправлене і доповнене. Київ: Вид-во “Українська енциклопедія” ім. М. П. Бажана, 776.
- Елена И. Коряковцева, 2006: О словообразовательной компрессии (на материале русского и польского языков). ЛУКАШАНЕЦ, А. А. (научовы рэдактар). *Функцыянальныя аспекты словаўтварэння: даклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў.* Мінск: Права і эканоміка, 122–131.
- Владимир В. ЛОПАТИН, 2003: Универбация. КАРАУЛОВ, Ю. Н. (ред.). *Русский язык: Энциклопедия.* Москва: Научное издательство “Большая Российская энциклопедия”, 577.
- Галина П. НЕЩИМЕНКО, 2000: Словообразование разговорного языка в свете тенденции языковой экономии (на материале русского и чешского языков). OHNHEISER, Ingeborg (herausgegeben von). *Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem.* Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim internationalen Slawistenkomitee. Innsbruck, 253–270.
- Галина П. НЕЩИМЕНКО, 2003: Языковая экономия как импульс динамики номинационной системы. OHNHEIZER, Ingeborg (redaktor naukowy). *Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja.* Opole: Uniwersytet Polski, 288–306.
- Вячеслав И. ТЕРКУЛОВ, 2010: Универбализация: постановка проблемы. *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение.* № 3, 135–142.
- Николай М. ШАНСКИЙ, 1968: *Очерки по русскому словообразованию.* Москва: Издательство Московского университета.

Univerbation/Uniberbization: the Essence of the Concept and the Place in the Terminology System

In the article the main features of the univerbation/univerbization in the Slavic word-formation are considered; the expediency of distinguishing between the concepts of univerbalization (functioning of language units in speech), univerbation (the function of word-formation) and univerbization (the process of the formation of univerbs on the basis of non-single-word nominations) is grounded; introduced the notion of the univerbant and the univerbator and the terminology was built: the univerbant – the univerbator – the univerb; the criteria for word-formative univerbization are formulated, and on their basis six stages of expansion / narrowing of the sphere of univerbization in word-formation are singled out; the three-component structure of the field of univerbization is proposed, which includes the center, the near and far periphery.

Елена Лукашанец

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь, Минск
elukashanets@rambler.ru

СПЕЦИФИКА УНИВЕРБАЦИИ ВО ВНЕЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ

Два различных понимания универбации – широкое и узкое – ставит перед исследователем вопрос о выборе одного из них. Ответ на этот вопрос обусловлен, прежде всего, типом языка (аналитический или синтетический); кроме того, важным оказывается учет материала внелитературных языковых подсистем, так как в устной некодифицированной речи максимально ясно проявляются те тенденции, которые заложены в самой языковой системе и которые нередко сковываются нормативным характером литературного языка. Материал русской внелитературной речи, представленный в онлайн-словарях сленга и разговорной лексики и в “Региональном словаре сленга”, позволяет выявить основные типы универбации, свойственные русскому языку, и определить некоторые условия создания универбатов. К таким условиям следует отнести, во-первых, характер исходного словосочетания (устойчивое или нет, каково по структуре), во-вторых – характер структуры самого универбата – (суффиксальное / усеченное).

Ключевые слова: универбация, производное слово, нулевая суффиксация, усечение, сленг

Two different understandings of univerbation, wide and narrow, confronts the researcher with the question of choosing one of them. The answer to this question is conditioned primarily by the type of language (analytic or synthetic). Also, it is important to consider the material of non-standard language varieties, because the non-codified oral speech clearly manifests the tendencies which are inherent in the language system and which are often constrained by the normative character of the standard language.

The material of the Russian non-standard speech presented in online slang and informal language dictionaries and in the “Regional Slang Dictionary” allows you to identify the main types of univerbation characteristic of the Russian language and to determine some of the conditions for creating univerbs. Such conditions should include, firstly, the nature of the original phrase (its sustainability and structure); and, secondly, the nature of the structure of the univerb itself (whether it is suffixal or truncated).

Key words: univerbation, derived word, zero suffixation, truncation, slang

1. Большинство работ по универбации начинается приблизительно такими словами: термин “универбация” можно понимать в узком и широком смысле. Подобная фраза, на наш взгляд, и верна, и не очень: указанный термин можно понимать в достаточно различных смыслах, и это понимание градуируется, варьируясь от максимально широкого (как любой процесс свертывания неоднословной номинативной единицы в однословную) до максимально узкого. Достаточно широких пониманий универбации много, и они могут различаться. Некоторые ученые (Лопатин 2003) включают в универбацию слова, образованные разными способами словообразования (аффиксацией, сложением, сокращением, сращением), а некоторые – также и семантические дериваты с сужением значения (*высокая температура* → *температура*) (Гак 1990; Копоть 2005; Николаев 2012); другие сосредотачивают свое внимание на аффиксации, но при этом в универбацию включают не только существительные, но и глаголы (Белюсова 2011; Нецименко 2000: 265). Кроме того, не всегда выдерживается и то, что лежащее в основе универбата словосочетание должно реально существовать в качестве воспроизводимой номинации, так как многочисленные примеры, приводимые в разных работах, свидетельствуют о том, что нередко универбату соответствует лишь интерпретативное сочетание, представляющее собой эксплицитное выражение внутренней формы (мотивировки) универбата.

Возможно, что для типологического неславянского или общего языкознания понятие универба, противопоставленное понятию мультиверба (по А. В. Исаченко), и имеет свой смысл, но для славянских и, в частности, русского языков, как языков с чрезвычайно развитой морфологической деривацией, термин универбация, если он обозначает что-то вроде стяжения, компрессии и т. п., нам кажется излишним. Другими словами, если понимать универбацию как любой процесс свертывания неоднословной номинативной единицы в однословную (с суффиксом или без, сложносокращенную и проч.), понятие универбации объединит почти все словообразовательные акты, что делает бессмысленным сам термин универбация.

Поэтому нам кажется более правомерным гораздо более узкое и довольно распространенное среди исследователей разных славянских языков определение универбации как типа суффиксального образования существительных, семантически мотивированных определительными сочетаниями. Нам также близка та точка зрения, что уни-

вербаты – это образования только от тех словосочетаний, которые являются официальными, устойчивыми наименованиями, см., например (Лопатин 2003).

Однако даже и при таком, достаточно узком, понимании универбации анализ конкретных языковых явлений ставит перед исследователями все новые и новые проблемы. Для решения некоторых из этих проблем обратимся к материалу внелитературной лексики русского языка, что нам представляется вполне оправданным с методологической точки зрения: именно в некодифицированных подсистемах с максимальной полнотой проявляются те тенденции, которые заложены в самой языковой системе и которые нередко сковываются нормативным характером литературного языка. Источниками материала исследования послужили в основном онлайн-словари русского сленга и разговорной лексики (Словарь молодежного сленга-[www](#); Словоборг-[www](#); Словоново-[www](#)), а также “Региональный словарь сленга” (Никитина, Рогалева 2006). Всего мы проанализировали 740 универбатов и близких к ним образований, различия между которыми будут показаны ниже. В нашем докладе мы не сосредоточиваем внимания на строгом разграничении различных внелитературных подсистем русского языка (общем сленге, молодежном жаргоне, просторечии, разговорной речи и т.д.), считая всех их проявлениями стилистики устной речи, не скованной строгими нормами. Во всяком случае сленг, представленный в указанных онлайн-словарях, составляет в настоящее время ядро внелитературной речи русского языка (Лукашанец 2016: 60).

Для окончательного уяснения того, что имеет смысл называть универбацией в русском языке, проанализируем характер обоих членов универбной пары: как исходное сочетание, так и сам универбат.

2. Как было уже сказано, обычно считается, что основной единицей, мотивирующей универбат, является определительное сочетание.

Наиболее ясные случаи встречаются а) сферах, которые достаточно близки к профессиональным, или б) в образованиях от имен собственных, особенно городских топонимов и эргонимов (названий учреждений). Например: а) *бутадионка* ‘бутадионовая мазь’ и *гепаринка* ‘гепариновая мазь’ (жаргон наркоманов), *полигонка* ‘полигонная игра (большая ролевая игра на специально оборудованной террито-

рии) и *павильонка* ‘павильонная игра (ролевая игра в помещении)’ (сленг геймеров) и б) *Гостинка* ‘Гостинный двор’, *Лиговка* ‘Лиговский проспект’. Отметим кстати, что, как и следовало ожидать, набор суффиксов, используемых при универбации, в сленге гораздо шире, чем в более близких к нормативному языку подсистемах: *артяга* ‘артиллерийское училище’, *абстяк* ‘абстинентный синдром’, *курсач* ‘курсовая работа’, *Павелюга* ‘Павелецкий вокзал’, *наркушка* ‘наркологическая больница’. Подобные перечни словообразовательных средств, используемых при универбации в сленге, можно найти в других работах (Барт 2010; Сунь 2016), поэтому мы не сосредоточиваемся на этом вопросе. Кроме того, следует учитывать, что недостатки субстандартной лексикографии приводят к тому, что нередко словарная дефиниция не эксплицирует универбный статус сленгизма. В этих случаях приходится прибегать к другим средствам. Например, в онлайн-словаре *материнка* трактуется как ‘объединительная, системная плата компьютера’, между тем как понятно, что *материнка* является универбатом от сочетания *материнская плата*. Другой пример: *квартирник* ‘домашний концерт’ на самом деле мотивируется широко употреблявшимся в определенный период сочетанием *квартирный концерт*.

К вышеперечисленным примыкают случаи, когда сленгизм формально мотивируется не прилагательным, а словом существительным, выполняющим в исходном словосочетании определяющую роль: *потребка* ‘магазин потребкооперации’, *молотуха* “‘коктейль Молотова’”; чаще всего таким существительным является фамилия. Особенно много здесь неофициальных городских топонимов: *Алтайка* ‘улица Алтаева’, *Лепешинка* ‘улица Лепешинского’, *Меркурьевка* ‘улица Меркурьева’, *Пуцинка* ‘улица Декабриста Пущина’, *Шафранка* ‘улица Шафранского’. Простота структуры мотивирующих сочетаний первого и второго типа способствует их устойчивости в речи, и это позволяет считать их **универбатами**.

Более сложной является ситуация, когда либо существительное, либо прилагательное не связано подчинительной связью с главным словом (существительным) исходного словосочетания: *групповка* ‘преступление, совершенное группой’, *усилок* ‘ИТУ усиленного режима’. Нам кажется, что только если исходное сочетание достаточно устойчиво употребляется в профессиональной речи (как в немногочисленных примерах выше), можно говорить здесь об универбации. Однако

слова типа *подготовишка* ‘ребенок в подготовительной группе детского сада’ или *фольклорка* ‘ролевая игра по сюжетам фольклора какого-либо народа’ могли бы быть названы только **семантическими квазиунивербатами**, поскольку, будучи суффиксальными производными, они не соотносятся с определительными сочетаниями, как рассмотренные выше *гепаринка* и *меркурьевка*, хотя и формально воспроизводят модель универбации. Тем самым универбату здесь соответствует, по сути, лишь интерпретативное сочетание.

Кроме описанных случаев, в ненормированной речи можно найти и то, что мы назовем **семантическими псевдоунивербатами**: образования с суффиксом *-к(а)*, которым не соответствует никакое словосочетание с мотивирующим словом, при том что это слово лишь семантически (например, метафорически) связано с прилагательным (реже – существительным) исходного словосочетания (или мотивирующее слово является синонимом прилагательного). Так, маловероятно существование сочетания **сортирная бумага*, зато есть *туалетная бумага*, которая в сленге получает название *сортирка*. Ср. также похожие примеры *халявка* ‘бесплатная СМС с просьбой перезвонить’ (= **халявная СМС*), *нулёвка* ‘помещение в милиции, куда попадают граждане, задержанные “до выяснения”’ (= **нулевое помещение*), *неходячка* ‘человек, который малоподвижен, малоактивен в сетевых играх’ (= **неходячий игрок*). Таким образом, если семантические квазиунивербаты актуализируют связь с каким-либо, хотя и интерпретативным, словосочетанием, то у семантических псевдоунивербатов такая связь полностью отсутствует.

На наш взгляд, ни семантические квазиунивербаты, ни семантические псевдоунивербаты универбатами не являются и должны получить какую-то иную трактовку (см. рис. 1).

гепаринка подготовишка халявка
Меркурьевка фольклорка неходячка

←

универбаты семантические семантические
квазиунивербаты псевдоунивербаты

Рисунок 1

3. Мы рассмотрели проблемы, связанные со статусом мотивирующей универбат единицы. Теперь обратимся к самой этой единице, точнее к ее структуре. Самый главный вопрос возникает в связи с

т.н. ноль-суффиксальными образованиями, которые обычно также рассматривают в сфере универбации. Мы имеем в виду прежде всего слова типа *виртуал* ‘виртуальная реальность’ или *ненорматив* ‘ненормативная лексика’.

Первая, традиционная точка зрения на такие слова отражена в “Русской грамматике” 1980-го года, где сказано, что слова типа *интим*, *гуманитар*, *нелегал* и т.д. – это существительные с нулевым суффиксом, мотивированные прилагательными, причем добавляется, что “многие образования этого типа – синонимы словосочетаний с мотивирующими прилагательными в качестве определяющего слова: *синхрон*, *термояд*, *ультрафиолет*” (Шведова 1980: 225). Последняя цитата явно указывает на то, что такие слова могут считаться универбатами (напомним, что термина *универбация* в “Русской грамматике” нет). Отсечению в них подвергаются суффиксы прилагательных *-н-*, *-ск-* и др.: *адекват*, *брутал*, *казуал*, *коматоз*, *концептуал*, *креатив*, *легал*, *минимал*, *позитив*, *синхрон* и т.д. Как видно, чаще всего эти слова имеют иноязычный корень, хотя имеются и исконные единицы такого типа: *Загород* ‘Загородный переулок’.

Другая точка представлена, например, в работах Л. И. Осиповой, которая относит их к бессуффиксным универбатам, констатируя лишь их усеченный характер (Осипова 1999).

Первая точка зрения (ноль-суффиксация) нам кажется более обоснованной. Во-первых, аналогичному усечению производящей (мотивирующей) основы практически всегда подвергаются ноль-суффиксальные (да и вообще суффиксальные) отглагольные образования, причем нередко отсекается достаточно большая часть: *ремонтровать* → *ремонт*. Во-вторых, усечение по аббревиатурному образцу, или, точнее, “аббревиация как средство стилистической модификации”, – это способ образования существительных от других существительных (Шведова 1980: 256), в то время как рассматриваемые образования имеют в качестве производящих прилагательные. Тем самым слова типа *виртуал* и *ненорматив* с полным правом могут считаться универбатами.

Однако в сленге имеются в большом количестве не только такие образования. Сравним: *лаба* ‘лабораторная работа’, *двур* ‘двуручный меч’, *Ижы* ‘улица Ижорского батальона’, *Профа* ‘Профсоюзная улица’, *Тими* ‘улица Тимирязева’. Каков статус этих образований? В “Рус-

ской грамматике” в продолжение цитаты, приведенной выше, можно прочесть: “возможны и другие, нерегулярные усечения: ... *термояд...*, *кибер...*” (Шведова 1980: 255). Это, по сути, означает, что любое прилагательное, подвергшееся усечению и используемое в функции существительного, должно пониматься как ноль-суффиксальное.

Однако находить нулевой суффикс в таких словах нам все-таки не кажется правомерным. Тем самым слова типа *лаба* и *деур* следует признать образованными каким-то другим способом. Усечением? Однако, как было уже сказано, при усечении мотивирующими являются только существительные. Другим способом?

Мы склоняемся к точке зрения, изложенной в известной монографии И. С. Улуханова (Улуханов 1996: 31–35), в которой говорится о неморфемном усечении при мотивации прилагательным. При этом автор указывает, что в случаях типа *ахилл* ‘ахиллесово сухожилие’ мотивированное слово чаще всего приобретает грамматические свойства существительного, что, по-видимому, означает, что в состав форманта в данном случае входит еще одно словообразовательное средство – “перевод прилагательного в синтаксическую позицию существительного с изменением частеречного грамматического значения” (там же). Нулевого суффикса здесь нет, так как функция перехода в другую часть речи здесь уже выполняется не им.

Поскольку такие усеченные единицы образованы не суффиксацией, мы отнесем их не к универбатам, а к **формальным квазиунивербатам**.

Наконец, для некоторых усеченных слов возможно и другая трактовка. Речь идет о тех словах, которые, будучи семантически мотивированными определительным словосочетанием с прилагательным, формально совпадают с существительным, являющимся однокоренным с прилагательным, а нередко и мотивирующим к нему. Например, *стратеги* ‘стратегическая авиация’, *медицина* ‘медицинские препараты, применяемые в наркотических целях’. Ср. также сленговые топонимы: *Ботаник* ‘Ботанический сад’, *Влас* ‘Власьевская башня Псковского кремля’, *Кулак* ‘Кулаковский лес’, *Поганки* ‘музей-заповедник “Поганкины палаты”’, *Чудо* ‘Чудское озеро’.

Здесь нам кажется возможным вообще отрицать факт морфологической деривации и считать подобные образования дериватами семантическими, появившимися в основном в результате метонимии

или сужения значения. Некоторые же образования в результате подобного “усечения” совпадают со словами общелитературного языка, не связанными семантически с мотивирующими словами, а лишь формально им созвучные: *каша* ‘улица Кошевого’, *фабрика* ‘улица Фабрициуса’, *металлолом* ‘улица Металлистов’, *челюсти* ‘улица Челюскинцев’. Такие производные мы относим к результатам паронимической аттракции, под которой понимается “подбор для обозначения какого-то явления общелитературного слова, сходного по звучанию с другим социолектизмом, словом литературного языка или немотивированным словом, обозначающим это же явление. Подобранное словопароним может не быть однокоренным с исходным словом и имеет в ЛЯ другое значение, нежели исходное слово” (Лукашанец 2012: 158). Вследствие этого, такие слова могут быть признаны лишь **формальными псевдоунивербатами** (см. рис. 2). Тем самым различие между формальными квазиунивербатами и формальными псевдоунивербатами видится в том, что для первых единственно возможной является трактовка как морфологических дериватов, в то время как вторые предпочтительнее считать образованиями неморфологического характера.

виртуал лаба стратеги
ненорматив двур медицина

ø (+усечение) усечение (+субстантивация) семантическая
деривация,
паронимическая
аттракция

универбаты формальные формальные
квазиунивербаты псевдоунивербаты

Рисунок 2.

Таким образом, максимально суженное понимание универбации и, соответственно, универбатов исключает как квазиунивербаты, так и псевдоунивербаты (формальные и семантические), оставляя в поле зрения дериватологов только два подтипа универбации: образования с материально выраженным и с нулевым суффиксами, мотивированные определительным словосочетанием устойчивого характера. На наш взгляд, именно первый подтип составляет чисто славянское деривационное явление.

В то же время в связи с ярко выраженной в последние десятилетия тенденцией увеличения продуктивности всех усеченных типов в русском словообразовании вообще и вследствие воздействия других языков (в первую очередь английского) расширяется сфера влияния ноль-суффиксального подтипа (да и вообще всех усечений), что, возможно, изменит и статус формальных квази- и псевдоунивербатов.

Литература

- Мария В. БАРТ, 2010: *Словообразовательные модели современного русского компьютерного жаргона*. АКД. Курск.
- Татьяна П. БЕЛОУСОВА, 2011: *Фразеологическая универбация в современном русском языке*. Каменец-Подольский: ПП Буйницкий О. А.
- Владимир Г. ГАК, 1990: Синтетизм. ЯРЦЕВА, В. Н. (гл. ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Издательство “Советская энциклопедия”, 451.
- Лилия В. КОПОТЬ, 2005: *Универбация как вид компрессивного словообразования в современном русском языке*. АКД. Майкоп: Адыгейский государственный университет.
- Владимир В. ЛОПАТИН, 2003: Универбация. КАРАУЛОВ, Ю. Н. (ред.). *Русский язык: Энциклопедия*. Москва: Научное издательство “Большая Российская энциклопедия”, 577.
- Елена Г. ЛУКАШАНЕЦ, 2012: *Словообразование в арго: система способов и типов деривации*. Saarbrücken: LAP LAMBERT.
- Елена Г. ЛУКАШАНЕЦ, 2016: Методология исследований русского сленга: новые источники. KORIAKOWCEWA, Elena (red. nauk.). *Współczesne językoznawstwo słowiańskie: teoria i metodologia badań*. Т. 2: Metody analizu i opisu jednostek leksykalnych i tekstowych. Siedlce: Academia Podlaska w Siedlcach, 51–60.
- Галина П. НЕЩИМЕНКО, 2000: Словообразование разговорного языка в свете тенденции языковой экономии (на материале русского и чешского языков). OHNHEISER, Ingeborg (herausgegeben von). *Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem*. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim internationalen Slawistenkomitee. Innsbruck, 253–270.
- Татьяна Г. НИКИТИНА, Елена И. РОГАЛЕВА, 2006: *Региональный словарь сленга: Псков и Псковская область*. Москва: ЭЛПИС.
- Геннадий А. НИКОЛАЕВ, 2012: Универбаты и субстантиваты в истории русского словообразования. ДРАГИЋЕВИЋ, Рајна (гл. ур.). *Творба речи*

и њени ресурси у словенским језицима. Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 245–254.

Людмила И. ОСИПОВА, 1999: *Активные процессы в современном русском словообразовании: Суффиксальная универбация, усечение.* АДД. Москва: Московский педагогический государственный университет.

Словарь молодежного сленга-www: <http://teenslang.su/>. Дата доступа: 02. 03. 2012.

Словоборг-www: <http://slovoborg.su/>. Дата доступа: 20. 02. 2012.

Словоново-www: <http://slovonovo.ru/>. Дата доступа: 24. 04. 2012.

Мяо СУНЬ, 2016: *Компрессивные номинации с предметной семантикой в русском жаргоне.* АКД. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Игорь С. УЛУХАНОВ, 1996: *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация.* Москва: Институт русского языка РАН.

Наталья Ю. ШВЕДОВА (гл. ред.), 1980: *Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.* Москва: Наука.

Peculiar Properties of Univerbisation in Non-standard Language

For Slavic languages, as languages with a developed morphology, a narrow interpretation of *univerbisation* and, accordingly, *univerb* is more suitable, that is also confirmed by the material of Russian sociolects. The so-called “*ka*”- *univerbisation* is considerably developed there, i.e., the formation of nouns from sustainable adjective-noun collocations with the help of the suffix *-k(a)* and some other suffixes.

These sociolectisms may be viewed as the center of the field of univerbisation. Its periphery is formed, on the one hand, by suffixal derivatives of noun phrases with nouns in genitive; and, on the other hand, by univerbs with zero suffixation.

The other words, formally or semantically different from these types of derivatives, are excluded from the field of univerbisation and considered as either quasi- or as pseudo-univerbs (formal and semantic).

Quasi-univerbs, as derivatives close to univerbs, may be referred to the latter ones due to the recent decades’ distinct trend of increasing productivity for all types of truncation in the Russian word-formation in general and as a result of other languages influence (mainly English). Univerbs, in their turn, will remain outside the considered phenomenon.

Swetlana Mengel

Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Germany, Halle
swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

РОЛЬ И ОСОБЕННОСТИ КОМПРЕССИВНОГО СЛОВООРАЗОВАНИЯ И СЛОВОСЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ В НЕМЕЦКОГОВОРЯЩИХ СТРАНАХ

В статье рассматриваются особенности функционирования способов компрессивного словообразования – универбации и апокопирования – и словосложения в русском языке диаспоры в немецкоязычных странах. Проводятся параллели с развитием русского языка в России в периоды нестабильных общественно-политических ситуаций, во время которых особенно ярко прослеживаются тенденция к демократизации и тенденция к интернационализации, характерные для развития современных литературных языков.

Ключевые слова: универбация, апокопирование, словосложение, русский язык в диаспоре

The article characterises the function of some compressive word formation patterns – the univerbation and the apocoping – and the composition in the Russian language of the diaspora in german speaking countries. It draws parallels to the development of the Russian language in Russia during periods of unstable social and political situations, in which the characteristic tendencies for modern literary languages – democratisation and internalisation – are particularly apparent.

Key words: Univerbation, Apocope, Composition, Russian language in the diaspora

1. Теоретические предпосылки

1.1. В своем широко известном исследовании “Словообразование как деятельность” Е. А. Земская (1992), характеризуя словообразование с функциональной точки зрения, наряду с собственно номинативной, конструктивной, экспрессивной и стилистической функциями словообразования в языке выделяет и его компрессивную функцию, определяемую следующим образом:

Компрессивное словообразование служит целям сокращения уже имеющихся в языке номинативных единиц. Оно включает разного рода сокращенные номинации. Компрессивное словообразование обслуживают разные способы словообразования: суффиксальная универбация, сложносокращенный способ, аббревиация (Земская 1992: 9).

При этом исследователь отмечает, что суффиксальные универбаты (ср.: *пятиэтажка* ← *пятиэтажный дом*) свойственны прежде всего разговорному языку, а “сложно-сокращенные” наименования, т.е. апокопы (нем. *Apokopierung*), могут употребляться как в профессиональной речи (ср.: *старпом* ← *старший помощник*), в том числе и для создания терминов (ср.: *экоэнергетика* ← *экологическая энергетика*), так и в речи “обычной, неспециальной” (ср.: *морвокзал* ← *морской вокзал*) (Земская 1992: 58 след.).

Наряду с вышеназванными способами словообразования активным “средством создания разного рода уточняющих наименований” служит словосложение (Земская 1992: 90).

Наличие этой общей функции, а также их противопоставленность многословным наименованиям (в плане механизма экономии языковых средств) позволяет нам, как представляется, в соответствии с целями нашего исследования рассмотреть и словообразовательный способ словосложения (нем. *Komposition*) в функциональных рамках “компрессивного” словообразования. Сферой действия композитов в русском языке является, как известно, преимущественно язык-стандарт, т.е. кодифицированный литературный язык.

1.2. В периоды нестабильных общественно-политических ситуаций наблюдается ослабление кодифицированных языковых норм и их переоценка (Поливанов 1931). Это проявляется в усилении процессов заимствования в язык-стандарт явлений и единиц из иностранных языков и из субстандарта, т.е. некодифицированных форм существования языка. Последующая кодификация подобных заимствований отражает перманентное действие двух ведущих тенденций, характерных для становления и развития современных литературных языков: тенденции к интернационализации и тенденции к демократизации (колоквиализации) (Gutschmidt 1995). Заимствованию (и последующей кодификации) подвергаются при этом не только отдельные лексемы, но структуры различных языковых уровней (Mengel 2017). Для нашего исследования в этом плане представляет интерес поведение

словообразовательных моделей словосложения и компрессивных способов словообразования.

Язык-стандарт в России по настоящий день пережил, по нашему мнению, три периода нестабильных общественно-политических ситуаций: (1) Петровские реформы в начале XVIII века, явившиеся по сути дела толчком к возникновению русского литературного языка нового типа (т.е. будущего языка-стандарта), (2) период Октябрьской революции 1917–1920-х годов и (3) период Перестройки 1985–1990-х годов. В каждый из этих периодов наблюдаются аналогичные процессы, отражающие действие двух выше названных тенденций (Mengel 2017). Относительно предмета нашего исследования это представлено в интенсивном заимствовании моделей словосложения из иностранных языков и способов компрессивного словообразования из субстандарта или русского разговорного языка.

Так, анализируя язык “революционной эпохи”, А. М. Селищев (1928/2003) констатирует резкое увеличение в литературном языке количества сложных слов, образованных без соединительного гласного, т.е. по модели, не характерной для русского языка или в нем непродуктивной, ср.: *Волховстрой, Невастрой, пионеротряд, социалпредатель* и др. Исследователь связывает это явление с “вливанием немецкого языка” (ср.: *Pionierbewegung, Geldkasse*; Селищев 1928/2003: 36, 98), что говорит о заимствовании из немецкого соответствующей модели словосложения. Аналогичное явление наблюдается в эпоху Перестройки, когда образование композит без соединительного гласного происходит по модели, заимствованной из английского, ср.: *бизнес-клуб, имидж-центр, маркетинг-директор, шопинг-туризм, ракета-носитель, купи-продай (Сейчас тружусь на nive купи-продай)* (Костомаров 1994: 160) и др. Увеличение продуктивности способов компрессивного словообразования, характерных для разговорного языка, отражается в языке средств массовой информации как в эпоху Октябрьской революции, так и в период Перестройки, ср., например, образованные способом апокопирования наименования 1920-х годов: *партзанятия* (← *партийные занятия*), *политэкономия* (← *политическая экономия*), *спецодежда* (← *специальная одежда*), *спец* (← *специалист*) и др. (Селищев 1928/2003: 36), и 1990-х годов: *Госдума* (← *Государственная Дума*), *оргпреступность* (← *организованная преступность*), *бандформирование* (← *бандитское формирование*) (Gutschmidt 1995: 386), *наив* (← *наивные пред-*

ставления), *беспредел* (← *беспредельные [вnezаконные] действия*) и др. (Костомаров 1994: 161 след.), а также универбаты, возникшие и продуктивные в эти периоды: *вечорка* (← *вечерний выпуск газеты*), *передовица* (← *передовая статья в газете*) (Селищев 1928/2003: 82), *совок* (← *советский человек, Советский Союз*), *комок* (← *комиссионный магазин*), *порнуха* (*порнографическая кинопродукция*) (Костомаров 1994: 158, 177 след.), *дешёвка* (← *дешевые вещи, дешевые продукты*), *глубинка* (← *глубокая провинция*) и др.

1.3. Существование русского языка в диаспоре, по нашему убеждению, постоянно подвержено воздействию нестабильной общественно-политической ситуации, в которой находятся его носители, сравнимой с тремя выше названными периодами в России (Mengel 2011, Mengel/Plaksina 2014, ср. Berend 2003). Это касается прежде всего представителей первого поколения всех волн эмиграции, для которых русский язык является родным, первым языком (L1), и навыки овладения его кодифицированными нормами получены (в школе, вузе и т.д.) в России. Наши исследования показали аналогичное языковое поведение носителей русского языка первого поколения всех волн эмиграции в диаспоре и в нестабильных общественно-политических ситуациях в России, которое наблюдается на уровне словообразования в механизмах интеграции заимствованной лексики в языковую систему русского языка и в навыках использования различных способов словообразования и его функций. При этом оно отличается от языкового поведения представителей последующих поколений всех волн эмиграции с “унаследованным” русским языком (*heritage language* или L2) (Mengel/Plaksina 2012; 2014, Менгель/Челбаева 2015).

Относительно функционирования моделей словосложения и компрессивных способов словообразования, отражающих тенденции к интернационализации и демократизации (см. 1.2.), в языке русскоязычной диаспоры в немецкоговорящих странах наблюдаются в этом плане некоторые особенности, достойные внимания исследователя.

2. Особенности компрессивного словообразования и словосложения в русском языке в немецкоязычном окружении

Рассмотрим данные особенности на примере языковых фактов, зафиксированных нами в языке первого поколения 4-ой волны эмигра-

ции (Земская 2001: 35 след.), т.е. людей, покинувших Советский Союз и/или Россию в период Перестройки в конце 1980-х годов и в 1990-е годы (см. 2.1.), и их потомков, родившихся в эмиграции или прибывших с родителями в раннем дошкольном возрасте (см. 2.2.).

2.1. Для представителей первого поколения эмиграции – как и для носителей русского языка в России – характерно, как отмечалось выше (см. 1.3.), активное использование механизмов русского словообразования (наряду с механизмами формообразования) для интеграции заимствованной лексики в языковую систему русского языка. При этом заимствуются в первую очередь наименования реалий, отсутствующих в русском языке в предшествовавшей общественно-политической ситуации или представленных в ней неадекватно. Для эмигрантов таковыми являются прежде всего наименования различных учреждений, занимающихся интеграцией мигрантов в стране иммиграции, и способствующих интеграции мероприятий. В немецком языке номинации данных реалий зачастую образованы способом словосложения, высоко продуктивным – в отличие от русского языка (см. 1.1.) – не только в языке-стандарте или его официальном стиле, но и в нейтральном стиле, а также в разговорном немецком языке (см. ниже). Таким образом, заимствованию и интеграции в систему русского языка активно подвергаются и немецкие композиты. Рассмотрим следующие примеры:

- [1] *Вчера была в **арбайтсáмте**, антра́ги поставила* (нем. *Arbeitsamt* ‘бюро по трудоустройству, биржа труда’; *Antrag stellen* ‘подать заявление’).
- [2] *У них в ванной новый **боденхáйцунг*** (нем. *Bödenheizung* ‘пол с подогревом’).
- [3] *Я пришла на п^утцáлку, включила **шп^ульку**. Хочу купить **шп^ульку*** (нем. *putzen* ‘убирать, делать уборку’, *Spülmáchine* ‘посудомоечная машина’, см. Mengel/Plaksina 2012: 186 след., Mengel/Plaksina 2014: 58).
- [4] *Сегодня поздно прид^у: у нас **шп^етка** – завтра утром концерт* (нем. *Spätproben* ‘вечерняя репетиция’).
- [5] *На этой недел^е у меня **шп^етка**, а на следующ^{ей} – **фр^юшка*** (нем. *Spätschicht* ‘вечерняя/ночная смена’, *Frühschicht* ‘утренняя/дневная смена’).
- [6] *В **социале** сколько раз были! Никак не хотели нам кварти^{ру} плат^{ить}* (нем. *Sozialamt* ‘социальный офис, бюро социальной поддержки’).

- [7] *Как приехали, нам социал дали. Так на социале и сидим* (нем. *Sozialhilfe* ‘социальная (взаимо)помощь’).
- [8] *Ну, сначала на шпрахи надо было ходить, не очень у меня это дело получалось* (нем. *Sprachkurs* ‘языковой курс’).
- [9] *Мне дочка помогает штойер делать* (нем. *Steuererklärung* ‘налоговая декларация’, *Steuern* ‘налоги’).

Как показывает контекст, включенные в русский язык диаспоры словосложения заимствованы как из официального стиля немецкого языка-стандарта (примеры [1], [6], [7], [8], [9]), так и из бытовой сферы функционирования языка, т.е. из нейтрального стиля и немецкого разговорного языка (примеры [2], [3], [4], [5]). Все они зафиксированы в разговорном языке русскоязычной диаспоры, который представляет собой основную форму существования (русского) языка в диаспоре вообще. Если примеры [1] и [2] свидетельствуют о механизмах интеграции немецких композит в систему русского языка, не отличающихся от интеграции односоставных слов, то примеры [3] – [9] отражают примечательные особенности такой интеграции. Рассмотрим сделанное наблюдение подробнее.

Слова [1] *арбайтсáмт* (одно из самых частотных заимствований в языке русско-язычной диаспоры в Германии) и его структурный аналог [2] *боденхáйцунг* включаются в языковую систему русского языка на морфологическом уровне с помощью формообразующих русских флексий: падежно-родовых окончаний. При этом последнее претерпевает одновременно смену грамматического рода по аналогии с русскими существительными мужского рода с нулевым окончанием в именительном падеже и твердым согласным в конце основы, ср.: *новый боденхайцунг* мужского рода, тогда как *Bodenheizung* в немецком языке, как и все существительные с суффиксом *-ung*, женского рода. Адаптация в языковую систему русского языка происходит и на фонетическом уровне: характерное для немецкого языка ударение на первом слоге, но практически невозможное для многосложных слов в русском языке (ср.: *самолёт*, *нефтепровод* и др.), переносится на последующие слоги, а именно на второй компонент сложения. Аналогичные механизмы наблюдаются и при адаптации односоставных заимствований, ср. [1] *антра́ги* с русским окончанием множественного числа и переносом ударения с первого на второй слог.

Интеграция немецких композит, представленных в примерах [3] – [9], в систему русского языка происходит иным образом: прежде фор-

мообразующих языковых средств включаются механизмы русского словообразования, полностью изменяющие первичную структуру заимствований.

Причина этих двух различных подходов к освоению немецких сложных слов скрыта, как нам представляется, в различной структуре немецких композит первого и второго типа и соответствующих ей различных способов многословной номинации в русском языке.

Примеры [1] и [2] являют собой т. наз. “сложные слова сочинительного типа” (нем. *Kopulativkomposita*, ср., напр.: Günther 1984: 154-155), состоящие из двух равноправных опорных компонентов. На уровне синтаксиса в русском языке им соответствуют словосочетания с синтаксическими связями управления (нем. *Rektion*), ср.: [1] нем. *Arbeitsamt* – рус. *бюро по трудоустройству, биржа труда*; [2] нем. *Bodenheizung* – рус. *пол с подогревом* и др. В примерах [3] – [9] в немецком языке представлены т. наз. “сложные слова подчинительного типа” (нем. *Determinativkomposita*, ср.: Günther 1984: там же), где первый компонент детерминирует (уточняет, определяет) второй компонент, являющийся опорным. В русском языке таким немецким композитам соответствуют словосочетания прилагательного и существительного, объединенные синтаксическими связями согласования (нем. *Kongruenz*), ср.: [3] нем. *Spülmachine* – рус. *посудомоечная машина*, [9] нем. *Steuererklärung* – рус. *налоговая декларация* и др.

Одной из важных закономерностей существования и развития любого языка является стремление к экономии языковых средств, что на лексическом уровне отражается в замене многословных наименований однословными. В этом плане заимствование немецких композит в русский язык диаспоры вместо употребления уже имеющихся русских многословных наименований или создания новых представляется вполне логичным, что прослеживается в процессах заимствования сложений “копулативного” (ср.: [1] – [2]).

При заимствовании и адаптации сложений “детерминативного” типа (ср.: [3] – [9]), которым в русском языке соответствуют двусловные наименования, состоящие из прилагательного (в соответствии с “детерминирующим” компонентом композита) и существительного (в соответствии с его опорным компонентом), в языке русско-язычной диаспоры наблюдается, однако, кроме того дополнительное использование компрессивных способов словообразования, служащих

в русском языке созданию однословных номинаций на месте многословных (см. 1.1.). Указанные процессы проявляются в усечении немецкого композита до первого “детерминирующего” компонента с помощью продуктивных способов компрессивного словообразования универбации и апокопирования, которые в русском языке используются для создания однословных наименований на месте словосочетаний прилагательного и существительного (см. 1.1. – 1.2.). Подобное усечение немецких “копулативных” композит в процессе их адаптации невозможно без потери лексического значения. По той же причине компрессивные способы словообразования универбации и апокопирования не используются в русском языке для образования однословных номинаций на месте словосочетаний с синтаксическими связями управления.

Действие выше названной аналогии относительно функционирования компрессивных способов словообразования для создания однословных номинаций в русском языке, с одной стороны, и различных способов освоения двух типов немецких композит в языке русскоязычной диаспоры, с другой стороны, подтверждается, как нам кажется, также различиями в способах адаптации последних в языке диаспоры в зависимости от сферы их происхождения и употребления. Если заимствованные “копулативные” композиты одинаково принадлежат как официальной (ср.: [1] *арбайтсамт*), так и бытовой (ср.: [2] *боденхайцунг*) лексике, то для интеграции в систему русского языка немецких композит “детерминативного” типа используются различные способы компрессивного словообразования в зависимости от того, из какой сферы употребления пришли заимствования. Рассмотрим примеры [3] – [9] подробнее.

В примерах [3] – [5] интеграция немецких “детерминативных” композит в систему русского языка осуществляется с помощью суффиксальной универбации, высоко продуктивного способа компрессивного словообразования в русском языке (ср: *пятиэтажный дом* → *пятиэтажка* в Земская 1992: 9, см 1.1.). При этом – аналогично суффиксальной универбации двусловных номинаций – первый, “детерминирующий”, компонент композита (которому в двусловном русском наименовании соответствует прилагательное) становится носителем лексического значения, а на месте второго, опорного, компонента (соответствующего в двусловном русском наименовании существительному) выступает суффикс *-к-*, принимающий на себя

категориальное значение предметности: [3] *Spühlmaschine* ('посудомоечная машина') → *шпюль-к-а / шпюль-к-а* (см. Mengel/Plaksina 2012: 186 след., Mengel/Plaksina 2014: 58), [4] *Spätproben* ('вечерняя репетиция') → *шпет-к-а*, [5] *Spätschicht* ('вечерняя/ночная смена') → *шпет-к-а*, *Frühschicht* ('утренняя/дневная смена') → *фрю-шк-а*. Таким образом, при заимствовании немецких композит возникают русские дериваты с заимствованной основой, интегрируемые соответствующим образом в систему русского языка на морфологическом уровне с помощью формообразующих флексий. Примечательно при этом, что род и число создаваемого деривата ориентированы, как кажется, на род и число двусловного русского наименования, ср.: [4] *Spätproben* ('вечерняя репетиция') → *шпет-к-а*, где немецкое словосложение представляет собой *pluralium tantum*, тогда как образованный при его интеграции в русский язык дериват является существительным единственного числа женского рода в соответствии с существительным русского двусловного наименования *репетиция*.

Следует отметить, что высоко продуктивный в русском языке суффикс *-к-* со значением предметности активно используется в языке диаспоры и для интеграции в систему русского языка немецких аббревиатур, ср.: нем. (из английского) *CD* (ЦэДэ) 'компакт-диск, компакт-диск, пластинка (СиДи)' → *цэдэшка* (*Давай ей цэдэшку подарим!*), что соответствует аналогичным процессам в русском языке метрополии, ср.: *СМ* (ЭсЭм) 'счетная машина' → *эсмка* (Земская 1992: 50), *SMS* (ЭсЭмЭс) 'короткое сообщение, весточка' → *эсмэска*. Тот же суффикс *-к-* широко применяется в диаспоре для интеграции немецких глаголов с помощью транспозиционного словообразования, ср.: [3] *putzen* 'убирать, делать уборку' → *путцать* → *путцалка* 'уборка' (см. Mengel/Plaksina 2012: 186 след., Mengel/Plaksina 2014: 58).

О высокой продуктивности способа суффиксальной универбации в целях интеграции в систему русского языка немецких композит "детерминативного" типа свидетельствует возникновение в языке диаспоры лексических омонимов на месте неомонимичных немецких наименований, ср.: [4] *шпетка* 'вечерняя репетиция' ← *Spätproben* и [5] *шпетка* 'вечерняя/ночная смена' ← *Spätschicht*. Этот факт противоречит основной цели компрессивного словообразования – стремлению к экономии языковых средств. Учитывая также и то, что немецкие композиты, осваемые подобным образом в русском языке диаспоры, уже являлись однословными номинациями в языке-источ-

нике, приходим к выводу, что использование компрессивного словообразования обусловлено здесь, в первую очередь, не стремлением к экономии языковых средств, но, прежде всего, процессами аналогии продуктивным словообразовательным механизмам в русском языке метрополии.

Как показывают наши наблюдения, данная аналогия проявляется, очевидно, и в том, что суффиксальные универбаты возникают только на месте тех немецких “детермина-тивных” композит, которые представители диаспоры употребляют в “обычной” речи. Этот факт полностью совпадает с утверждением Е. А. Земской (1992: 9 и др., см. 1.1.), что суффиксальные универбаты свойственны прежде всего русскому разговорному языку. Высказывания в примерах [3] – [5] принадлежат пробантам различных социальных групп, в которых употребляемые на месте композит универбаты обозначают реалии, характерные для их повседневной жизни: так [3] *штупьлка/штюлька* отмечено как в речи женщины, занимающейся уборкой помещений, так и у работников Российского посольства в Берлине (см. Mengel/Plaksina 2012: 186 след., Mengel/Plaksina 2014: 58). *Шнетка* обозначает вечернюю репетицию в речи музыкантов [4] и вечернюю/ночную смену в речи заводских рабочих [5].

В примерах [6] – [9] представлены заимствования из официальной лексики. Интеграция немецких словосложений “детерминативного” типа в языковую систему русского языка осуществляется здесь с помощью другого способа компрессивного словообразования – (радикального) апокопирования. Немецкие композиты усекаются до первого “детерминирующего” компонента, который используется в качестве самостоятельного наименования, ср.: [6] *Sozialamt* (‘социальный офис, бюро социальной поддержки’) → *социал*, [7] *Sozialhilfe* (‘социальная (взаимо)помощь’) → *социал*, [8] *Sprachkurs* (‘языковой курс’) → *шпрахи*, [9] *Steuererklärung* (‘налоговая декларация’) → *штоуер*. Такого рода апокопы от двусловных номинаций из существительного и прилагательного отличаются очень высокой продуктивностью в русском языке периода Перестройки, когда они особенно активно используются в средствах массовой информации, ср.: *беспредельные [внезаконные] действия* → *беспредел*, *конструктивные меры* → *конструктив* и др. (Костомаров 1994: 161 след., см. 1.2). Таким образом, аналогия продуктивным словообразовательным механизмам в языке метрополии, которая отражается здесь также в аналогии сфер произ-

хождения и употребления интегрируемой заимствованной лексики и русской исконной – официальная лексика немецкого языка в соответствие с лексикой российских средств массовой информации –, и здесь налицо. Это тем более показательно, если учесть, что представители первого поколения 4-ой волны русской эмиграции, языковое поведение которых здесь рассматривается, выехали из СССР или России именно в период Перестройки.

Образование омонимов в результате апокопирования, ср: [6] *социал* ‘социальный офис, бюро социальной поддержки’ ← *Sozialamt*, [7] *социал* ‘социальная (взаимо)помощь’ ← *Sozialhilfe*, и грамматическая ориентация апокопов на опорный компонент двусловного русского наименования отражают процессы, аналогичные показанным на примере анализа процессов универбации (см. выше). В последнем случае характерен пример [8]: образование *инпрахи* (← *Sprachkurs* ‘языковой курс’) зафиксировано нами только во множественном числе, образованном с помощью русского окончания *-и*. Думается, что это обусловлено частотностью употребления в русском языке наименования (*языковые курсы*), ср.: *ходить на курсы*, именно во множественном числе.

Итак, интегрируя заимствованную лексику в языковую систему русского языка, который в диаспоре употребляется, в основном, как разговорный, представители первого поколения эмиграции стремятся, по возможности, избавиться от словосложений, характерных в русском языке преимущественно для стилей языка-стандарта. Для этого они широко используют способы компрессивного словообразования – универбацию и апокопирование –, продуктивные в русском разговорном языке, а также в текстах публицистики и масс-медиа в периоды нестабильных общественно-политических ситуаций (см. 1.2.). Наблюдаемое явление соотносимо с процессами развития русского языка в России и отражает тенденцию к демократизации. Использование способов компрессивного словообразования возможно, однако, только при интеграции немецких “детерминотивных” композитов – т. наз. “сложных слов подчинительного типа”, которым в русском языке соответствуют двусловные наименования, представляющие собой словосочетания прилагательного и существительного.

2.2. Как показали наши наблюдения, потомки первого поколения эмиграции, т.е. представители её второго и последующих поколений, не используют механизмы компрессивного словообразования при

интеграции немецких композит в систему русского языка и, очевидно, ими не владеют, ср.:

[10] *На абитур я не буду мате сдавать, я из натурвissenschaftен био выбрала* (нем. *Abitur* ‘экзамены на атестат зрелости’, *Mathe* ← *Mathematik* ‘математика’, *Naturwissenschaften* ‘естественные науки’, *Bio* ← *Biologie* ‘биология’).

Приведенный пример свидетельствует о том, что апокопирование как продуктивный способ компрессивного словообразования известно нашему информанту из немецкого языка, ср.: *мате* (нем. *Mathe* ← *Mathematik*), *био* (нем. *Bio* ← *Biologie*), однако не применяется им в русском. Немецкие апокопы выступают как прямые заимствования наряду со словосложением “детерминативного” типа *натурвissenschaftен* (нем. *Naturwissenschaften*), хотя в последнем случае мог бы ожидаться как универбат *натурки (*из *натурок* – в бытовом употреблении), так и апокоп *натуры (*из *натур* – при интергрировании официальной лексики), как это наблюдается у представителей первого поколения эмиграции (см. 2.1.).

В отличие от русского языка, где композиты обоих типов, также имеют место, ср.: *лесостепь* (“копулативное” сложение), *водоснабжение* (“детерминативное” сложение), и характерны, в основном, для языка-стандарта (см. 1.1.), словообразовательный способ словосложения в немецком языке несравнимо более продуктивен и не ограничен какой-либо сферой употребления языка. Объединить в одно слово можно практически неограниченное количество самостоятельных слов, ср.: нем. *Zungenspitzenkontakt-stellung* – рус. *контактное положение кончика языка* (фонетический термин), нем. *Wildgänsedaunenjacke* – рус. *куртка с наполнителем из пуха диких гусей* (официальное коммерческое наименование) или *пуховик* (бытовое наименование), нем. *Fingernagelfrau* ‘женщина, которая профессионально занимается уходом за ногтями на пальцах рук’ (из детского языка: девочка рассказывает, кем она хочет стать, какую хочет выбрать профессию) – рус. *маникюрищица* или *маникюрша*.

Представители непервого поколения эмиграции не испытывают, как кажется, потребности “избавиться” от немецких словосложений при их заимствовании в русский язык и не стремятся их адаптировать, в том числе при помощи компрессивного словообразования. Напротив

немецкая модель словосложения без соединительного гласного выступает на первый план и заимствуется в русский язык диаспоры, ср.:

[11] *Дай мне ... лейканне!* (нем. *Gießkanne* ‘лейка’).

[12] *У него сзади висят такие колёса ..., ну ... эрзацколёса* (нем. *Ersatzreifen* ‘запасные колёса’).

[13] *Захвати их за руку и выбегайте из дом и закрывайте заходидверь!* (рус. *входная дверь*).

Если в примерах [11] – [12] представлены ещё т. наз. “гибридные” образования, где первый (ср. [12] *эрзацколёса*) или второй (ср. [11] *лейканне*) компонент словосложения являют собой составные части соответствующих немецких композитов, то пример [13] *заходидверь* демонстрирует конечный этап процесса заимствования немецкой модели словосложения в русский язык диаспоры. Возможная окказиональность образования *заходидверь* (которому в русском языке в России соответствует двусловная номинация *входная дверь* или её апокоп *дверь*) не противоречит нашему утверждению, но, напротив, свидетельствует о продуктивности заимствованной модели словосложения в русском языке диаспоры. Данные процессы (в том числе, примеры [11]–[13]) подробно рассматриваются в наших работах Mengel/Plaksina (2012) и Mengel/Plaksina (2014), поэтому ограничимся здесь лишь следующим выводом.

В то время как использование представителями первого поколения эмиграции компрессивных способов словообразования для интеграции немецких композитов в систему русского языка отражает тенденцию к демократизации (см. 2.1.), заимствование немецкой модели словосложения их потомками в русский язык диаспоры соотносимо с тенденцией к интернационализации, активирующейся в русском языке в России также в периоды нестабильных общественно-политических ситуаций (см. 1.2.). Обе тенденции характерны для развития литературных языков. В этом плане язык диаспоры следует рассматривать как преимущественно устную (разговорную) форму существования языка-стандарта.

3. Заключение

Существование русского языка в диаспоре соотносимо с периодами нестабильных общественно-политических ситуаций в России, во время которых наблюдается ослабление кодифицированных языковых

норм и их переоценка, что проявляется в усилении процессов заимствования в язык-стандарт явлений из иностранных языков, а также из разговорных форм существования языка. Последующая кодификация подобных заимствований отражает перманентное действие двух ведущих тенденций, характерных для становления и развития современных литературных языков: тенденции к интернационализации и тенденции к демократизации. Заимствованию подвергаются при этом не только отдельные лексемы, но структуры различных языковых уровней. В нашем исследовании было рассмотрено поведение словообразовательных моделей словосложения и компрессивных способов словообразования в языке русскоязычной диаспоры в немецкоязычном окружении.

Удалось установить, что интегрируя заимствованную лексику в языковую систему русского языка, представители первого поколения эмиграции стремятся избавиться от немецких композитов, для чего широко используют способы компрессивного словообразования – универбацию и апокопирование. Последние продуктивны в русском разговорном языке и в текстах публицистики и масс-медиа в периоды нестабильных общественно-политических ситуаций, тогда как способ словосложения характерен преимущественно для различных стилей русского (письменного) языка-стандарта. Наблюдаемое явление отражает тенденцию к демократизации и соотносимо с соответствующими процессами развития русского языка в России. По аналогии с русскими двусловными наименованиями, состоящими из прилагательного и существительного, интеграции с помощью компрессивных способов словообразования могут, однако, подвергаться только немецкие композиты “детерминативного” типа.

Потомки первого поколения эмиграции, т.е. представители её второго и последующих поколений, не используют компрессивные способы словообразования для интеграции немецких композитов в систему русского языка. Напротив, они заимствуют немецкую модель словосложения без соединительного гласного как стилистически нейтральную в русский язык диаспоры. Данное явление сопоставимо с тенденцией к интернационализации, которая активизируется в русском языке в России также в периоды нестабильных общественно-политических ситуаций.

Литература

- Елена ЗЕМСКАЯ, 1992: *Словообразование как деятельность*. Москва: Наука.
- Елена ЗЕМСКАЯ, 2001: Словообразование. ЗЕМСКАЯ, Елена (ред.). *Язык русского зарубежья, общие процессы и речевые портреты*. Москва-Вена: Языки славянской культуры, 128–135 (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 53).
- Виталий КОСТОМАРОВ, 1994: *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Москва: Педагогика-Пресс.
- Светлана МЕНГЕЛЬ, Татьяна ЧЕЛБАЕВА 2015: Особенности отражения категории деминутива в языке русскоязычной диаспоры в неславянских странах. STRAMLjIČ BREZNIK, Irena (ur.). *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblaka in vloga*. Maribor: Univerza v Mariboru, 221–232 (Zora 113).
- Евгений ПОЛИВАНОВ, 1931: *За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей*. Москва: Федерация.
- Афанасий СЕЛИЩЕВ, 11928/2003: *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917 – 1926)*. Москва: УРСС.
- Nina BEREND, 2003: Zur Dynamik von Sprachveränderungsprozessen in gesellschaftlichen Umbruchsituationen. REITEMEIER, Ulrich (Hg.). *Sprachliche Integration von Aussiedlern im internationalen Vergleich*. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 21–36.
- Erika GÜNTHER, 1984: Wortbildung. GABKA, Kurt (Hg.). *Die russische Sprache der Gegenwart. Band 4. Lexikologie*. Leipzig: Enzyklopädie, 149–202.
- Karl GUTSCHMIDT, 1995: Struktur, Substanz und Normen slawischer Gegenwartssprachen. *Zeitschrift für Slawistik*. 40(4), 382–387.
- Swetlana MENGEL, 2011: Typologischer Wandel im systemischen Ausdruck der Kasusfunktion im Russischen. KOTIN, Michail, KOTOROVA, Elizaveta (Hg.). *Geschichte und Typologie der Sprachsysteme*. Heidelberg: Winter, 257–263.
- Swetlana MENGEL, 2017: Russisch im Wandel: Sprache während gesellschaftlicher Umbruchsituationen. WITZLACK, Kai, WULFF, Nadja (Hg.). *Handbuch des Russischen in Deutschland. Migration – Mehrsprachigkeit – Sprachwerb*. Berlin: Frank & Timme, 239–259.
- Swetlana MENGEL, Elena PLAKSINA, 2012: Интерференция словообразовательных механизмов в языковых системах билингвов (на примере русского в диаспоре и языков-партнёров). ДРАГИЋЕВИЋ, Рајна (ур.). *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима*. Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. Београд: Филолошки факултет, 177–192.

Swetlana MENGEL, Elena PLAKSINA, 2014: Interferenz von Wortbildungsmechanismen in den Sprachsystemen bilingualer Sprachträger (am Beispiel des Russischen in der Diaspora und seiner Partnersprachen). *Zeitschrift für Slawistik*. 59(1), 46–62.

The role and Particularity of the Compressive Word Formation and the Composition in the Language of the Russian Speaking Diaspora in German Speaking Countries

The condition of the Russian language in the diaspora correlates with periods of unstable social and political situations in Russia. During these periods a weakening of the codified linguistic norms can be observed as well as their overevaluation. Expressions of both are the increase of foreign borrowings into the standard language and borrowings from the spoken language. The subsequent codification of this type of borrowings reflects a permanent effect of two main trends, which are characteristic for the emergence and the development of modern literary languages: the trend of internationalisation and the trend of democratisation.

The article describes word formation patterns and analyses their function, e.g. composition and some compressive types of word formation in the Russian language of the German speaking diaspora. In general, first generation migrants rather incorporate borrowings into the Russian language system in order to reject german composites, and for this reason they often use the compressive word formation – the univerbation and the apocoping, which are also productive in the Russian language as well as in journalistic and mass media texts in times of unstable social and political situations. The observed phenomenon reflects the trend of democratisation and correlates with the respective development processes of the Russian language in Russia. The descendants of the first generation of migrants, i. e. the representatives of the second and the succeeding generations don't use compressive word formation in order to incorporate german composites into the Russian language system. On the contrary, they borrow the german pattern of word formation without a connecting vowel into the Russian language of the diaspora, which is commensurable with the trend of internationalisation.

Sonja Nenezić

Filološki fakultet, Crna Gora, Nikšić

sonjan@t-com.me

SINTAGMA I TVORBA RIJEČI

U radu je riječ o tijesnoj vezi sintakse i tvorbe riječi preko sintagme. Taj se odnos prepoznaje i utvrđuje u motivaciji, strukturi i značenju različitih tvorbenih riječi. Analiza se zasniva, kao što je to u savremenoj tvorbi riječi uobičajeno, na sinhroniji. Međutim, pošto se tvorba bavi procesima nastanka riječi i njihovim rezultatima, nemoguće je u potpunosti se osloboditi dijahronijskog pristupa.

Ključne riječi: sintagma, složenica, sraslica, skraćenica, univerbat, sufiksna izvedenica

This paper discusses the close relation between syntax and word formation through syntagm. This relationship is recognized and determined by the motivation, structure and meaning of various constituent words. As it is usually the case with the modern word formation, the analysis is based on synchrony. However, since morphology has to do with the processes of word formation and their results, it is impossible to completely reject the diachronic approach.

Key words: syntagm, compound, reduced phrase, abbreviations, univerbal, suffix-derivatives

1. Uvod

Kad se govori o mjestu tvorbe riječi kao samostalne lingvističke discipline među drugim lingvističkim disciplinama, obično se ističe njena povezanost s morfologijom, pod čijim je plaštom dugo obitavala kao derivacijska morfologija naspram fleksijske, i s leksikologijom, budući da tvorenice kao proizvodi tvorbenih procesa čine najveći ili veliki dio leksikona svakog jezika. Pored toga, tvorba se posmatra i u odnosu na etimologiju, semantiku, sintaksu, stilistiku i druge discipline. Nas ovom prilikom zanima njena veza sa sintaksom odnosno sa sintagmom, budući da su tvorbeni odnosi u sinhronijskoj ravni sintagmatski, a sintagma se može prepoznati u motivaciji, strukturi i značenju tvorbene riječi. Pritom u vidu imamo morfemsku tvorbu, mada ova lingvistička grana u širem smislu podrazumijeva ne samo gramatičku nego i semantičku tvorbu, koja je tradicionalno u fokusu

leksikologije. Posmatraćemo odnos sintagme sa složenicom, sraslicom, skraćenicom, univerb(at)om i sufiksalmom izvedenicom.

2. Sintagma

U definisanju sintagme kao sintaksičke jedinice polazimo od Belićeve (Belić 1998 [1958]), odnosno Stevanovićeve koncepcije (Stevanović 1986), iz srpskohrvatskog jezičkog perioda, po kojoj je ona spoj dvije ili više punoznačnih riječi vezanih jedinstvom funkcije ili jedinstvom pojma /značenja, prema čemu se razlikuju dvije grupe sintagmi: nezavisne ili koordinativne (*otac i sin, mlad i neiskusn* itd.), i zavisne ili subordinativne, koje dalje, u zavisnosti od toga da li njihov podređeni član određuje ili dopunjuje upravni, mogu biti odredbene (*mudar otac, tiho čitati* itd.) i dopunske (*čitati knjigu, pisanje pjesme* itd.). Takva koncepcija se održala i u današnje vrijeme (npr. Piper 2005: 34), mada se, s druge strane, u jezičkim standardima nastalim poslije srpskohrvatskog, u srpskom, hrvatskom, bosanskom i crnogorskom, sve više smatra da pod sintagmom treba podrazumijevati samo spoj punoznačnih riječi povezanih odnosom sintaksičke zavisnosti odnosno podređenosti (Čirgić i dr. 2010: 233, Jahić i dr. 2000: 333), dok se za riječi u naporednom sintaksičkom odnosu kaže da predstavljaju funkcionalno paralelne sintaksičke jedinice (Stanojčić, Popović 2004: 202–203) ili da ne čine sintagmu nego sintaksičku konstrukciju (Piper, Klajn 2013: 259–260) i sl. No, bez obzira na to, kad su u pitanju veze riječi naporednog sintaksičkog odnosa, jedno je sigurno – mnogo su slabije zastupljene kao motivatori u tvorbi riječi od podređenih spojeva riječi, koji kao da su, zahvaljujući zavisnom odnosu, korak bliže tvorbenom procesu.

3. Sintagma i složenica

Još je Aleksandar Belić više puta isticao kako složenice nijesu ništa drugo do sintagme, te da isti razlozi koji od dvije ili tri riječi čine sintagme, čine od njih i složene riječi (Belić 1998 [1958]: 173). Na isti način prirodu složenica objašnjava i Mihailo Stevanović, tvrdeći da složenicama postaju oni djelovi rečenice ili cijele rečenice koje čine riječi što su dugom, tradicionalnom upotrebom bile čvrsto međusobno sintaksički povezane, te da su složenice nekadašnje sintagme, a rjeđe i nekadašnje cijele rečenice (Stevanović 1986: 399). Pritom je potrebno da u tim skupovima riječi nastupe izvjesne promene u značenju, akcentu i kvantitetu ili u samom glasovnom sklopu.

To što su Belić i Stevanović veliku pažnju poklanjali postanku složenica od sintagmi, smatra se dijahronijskim pristupom (Klajn 2002: 16–17).

Međutim, i kad složenice analiziramo sa danas dominantnijeg, sinhronijskog stanovišta, baveći se njihovom motivacijom, strukturom i značenjem, sintagmu ne možemo zaobići ni u jednom od ova tri segmenta. Npr. od motivne sintagme *pisac romana* dobili smo složenicu *romanopisac*, čiji je semantički opis podudaran s motivnom sintagmom (*pisac romana* → *roman-o-pisac* = *pisac romana*)¹. Nijesu složenice motivisane samo dvjema punoznačnim riječima, kao što često čitamo u literaturi (Barić 1980: 15, Vukićević 1995: 127), već i njihovim sintaksičkim odnosom, jer to nijesu bilo koje dvije riječi nego one koje su sintaksički i semantički spojive. I kad se složenice definišu polazeći od njihovog sastava, opet nije dovoljno samo reći da su to tvorenice koje nastaju od dviju ili više osnova / riječi (Babić 1986: 30), zanemarujući njihovu sintaksičko-semantičku vezu. To, na kraju, potvrđuje i semantički opis složenice, pogotovo ako nije došlo do promjene njenog značenja u odnosu na motivnu sintagmu.

Priroda složenica može se objasniti kao priroda sintagmi: sintaksički odnos složeničkih djelova, jednako kao sintagmatskih članova, može biti nezavisan, koordinativan (*kupoprodaja, gluhonijem...*) i zavisian, subordinativan. Među subordinativnim složenicama mogu se razlikovati odredbene ili determinativne, motivisane sintagmama u kojima zavisni član određuje upravni (*svjetloplav, milozboran...*) i dopunske ili komplementarne složenice motivisane sintagmama u kojima zavisni član dopunjuje upravni (*staklozrac, pravdoljubiv...*). Koordinativne sintagme se dosta rijetko javljaju kao motivatori složenica, za razliku od subordinativnih, među kojima opet nad dopunskim svojom produktivnošću dominiraju odredbene, ali ne u onolikoj mjeri koliko subordinativne nad koordinativnim.

U obzir smo uzeli i sufiksalne složenice, nastale kombinovanjem slaganja i sufiksacije, koje su mnogo brojnije od nesufikslnih (tzv. čistih ili pravih). Dok kod nesufikslnih drugi složenički dio predstavlja upravni član motivirajuće sintagme (*minobacač* = *bacač mina*, *ribolov* = *lov ribe*), dotle kod sufikslnih to može i ne mora biti slučaj (up. *vatrogasac* = *onaj koji gasi vatru* i *palikuća* = *onaj koji pali kuću*).

I značenje složenice posmatra se u odnosu na motivnu sintagmu, pa ona u tom smislu može biti endocentrična ili egzocentrična. Ako sastavne komponente čuvaju u složenici ono značenje koje su imale u motivnoj sintagmi, ako je centar značenja unutar složenice, govori se o složenici endocentrične semantičke usmjerenosti (*prestolonasljednik, bogougodan...*), a ako

¹ Mada se može tumačiti i širom, složenom sintagmom *onaj koji piše roman(e)*.

je značenje složenice drukčije od značenja njenih sastavnih djelova, ako je centar značenja van nje, radi se o složenici egzocentrične semantičke usmjerenosti (*vinograd, visibaba...*). Što se tiče najbrojnijih i najbolje opisanih složenica, može se reći da su imeničke složenice pretežno egzocentrične a pridjevske endocentrične.

Ovdje treba pomenuti još jednu vrstu složenica – polusloženice, koje Stjepan Babić drži jezičkom pojavom na granici između sintakse i tvorbe, jer pravom tvorbom smatra način kojim nastaje nova jedinstvena riječ (1986: 32). U Barić i dr. definišu se kao nepotpune složenice, koje se od dvočlanog pojma razlikuju samo “nesklonjivom upotrebom prvoga dijela” (1997: 297). Činjenica je da polusloženični djelovi, koji se povezuju crticom, zadržavaju svoj akcenat i svoje značenje. Mnogi istraživači im ne posvećuju posebnu pažnju, već njihove primjere navode zajedno s drugim vrstama složenica. Najbrojnije su i najraznovrsnije imeničke polusloženice, koje najčešće nastaju od odredbenih sintagmi što bi se mogle nazvati atributivnim, pošto imenica u prvom polusloženičkom dijelu predstavlja atributiv imeničkog upravnog člana: *trač-partija, jež-frizura čovjek-žena* itd.², i pridjevske polusloženice, koje su najčešće, u stvari, koordinativne sintagme: *usmeno-zubni* (suglasnik), *složeno-sufikalna* (tvorba)..., te predstavljaju veliku konkurenciju pridjevskim koordinativnim složenicama (Nenezić 2004: 402–403).

4. Sintagma i sraslica

Zajedno sa složenicama moramo govoriti i o sraslicama. Prvo, zato što je veza sintagme i tvorbe riječi relevantnija i transparentnija kod tvorenica nastalih srastanjem nego kod onih nastalih slaganjem. Drugo, jer se srastanje ni tradicionalno (Belić 1998: 173, Stevanović 1986: 399), a nerijetko ni danas (Čirgić i dr. 2010: 139), ne razdvaja od slaganja ili se u najboljem slučaju uzima kao jedna njegova vrsta (Babić 1986: 31, Klajn 2002:), ali se ni tada, sudeći po primjerima, obično ne razlikuje posve od njega. Smatramo da nedoumice u njihovom razgraničenju izaziva i glagol *srastati*, koji se koristi i u definisanju složenica, pogotovo onih s nultim interfiksom. Međutim, u novije vrijeme srastanje se sve više smatra posebnim tvorbenim

² Sintagme tipa *čika Marko* u zavisnim padežima predstavljaju polusloženice jer prvi član sintagme ostaje nepromjenljiv i spaja se s drugim crticom. Za razliku od Ivana Klajna, ovakve polusloženice ne smatramo koordinativnim već, takođe, atributivnim. A i on sam kaže da “odnos među [njihovim] delovima nije potpuno ravnopravan” (Klajn 2002: 49).

načinom (Barić i dr. 1997: 298, Mihaljević, Ramadanović 2006: 197, Jahić i dr. 2000: 306), kao u drugim granama slavistike, u rusistici, npr., mada ne pod nazivom sintaksička odnosno leksičko-sintaksička tvorba, koji se ondje koristi i kojim se posebno ukazuje na vezu tvorbe i sintakse u ovom slučaju. S obzirom na sve rečeno, očekivano je da ne postoji ni opšteprihvaćeno mišljenje o tome šta je sraslica.

Uprkos mnogim nepreciznim, tautološkim i nedorečenim definicijama³, zapažamo kako je za većinu pomenutih autora koji izdvajaju sraslice neosporno da je riječ o tvorenicama motivisanim sintagmom⁴. Međutim, nema slaganja oko njihove formalne strukture, odnosno postavlja se pitanje da li je sraslica samo ona tvorenica koja razdvajanjem sastavnih djelova biva identična s motivirajućom sintagmom (*Durđevdan* : *Durđev dan*), ili se dozvoljava i da njeni djelovi budu nešto drukčijeg oblika, da zamijene mjesta (*kućevlasnica* : *vlasnica kuće*) i sl. Prvo gledište eksplicitno zastupaju, recimo Barićeva (1980) i Klajn (2002), dok se neki autori o tome ne izjašnjavaju, ali među primjerima kojima ilustruju sraslice nalazimo i tvorenice *domazet*, *zlurad*, *dangubiti* i sl. (Babić 1986, Barić i dr. 1997), premda bi kod njih običniji bio obrnut raspored. No, mora se reći da raspored riječi u sintagmama svakako nije fiksiran, pa ovo ne bismo uzimali kao bitan kriterijum u prepoznavanju sraslice. O njenom značenju odnosno o tome da li mora ispuniti uslov očuvanja prvobitnog značenja (*tamnosiv*) ili se dozvoljava i promjena značenja (*daninoć*), mnogo se ne govori. Jedino kod Klajna čitamo da većina sraslica potpuno srasta, dajući nov i jedinstven pojam (2002: 29). Primjetno je, međutim, da kod pridjevskih sraslica značenje uglavnom ostaje isto kao u motivnoj sintagmi, dok kod imeničkih, glagolskih i inih češće dolazi do njegove promjene.

Nije nam prihvatljivo gledište pojedinih hrvatskih autora po kojem je sraslica svaka tvorenica bez spojnog vokala *o*, pa i *čuvarkuća*, *zimzelen*, *duvankesa* i sl., a sa istim tim spojnim vokalom složenica (Mihaljević, Ra-

³ Babić drži da sraslice nastaju spajanjem riječi stalnijeg skupa u složenicu, ostavljajući nama da odgonetamo šta je to stalniji skup riječi, a inače ih zbog nedovoljno jasnih kriterijuma smatra teškim problemom i u teoretskom i u praktičnom pogledu (1986: 31), Barić i dr. da je “srastanje [je] takav tvorbeni način pri kojem najmanje dvije osnovne riječi srastaju u tvorenicu” (1997: 298).

⁴ U *Gramatici bosanskoga jezika* sintagma se ne pominje u definiciji srastanja (“Srastanje je takva tvorba pri kojoj barem dvije osnovne riječi – zadržavajući u cjelosti svoju morfološku strukturu – srastaju u jednu; tako nastala riječ zove se sraslica (*dan gubiti* > *dangubiti*, *kalcij karbonat* > *kalcijkarbonat*, *kuće vlasnica* > *kućevlasnica*, *tako zvani* > *takozvani*, *od malehna* > *odmalehna*, *na vrh* > *navrh*.”) (Jahić i dr. 2000: 307–308).

madanović 2006: 204–205). Ono, u stvari, razdvaja tvorenice sa spojnim vokalom *o* od tvorenica sa nultim i drugim spojnim vokalima, čemu ne nalazimo ni opravdanje ni svrhu.

5. Sintagma i skraćenica

I skraćenice su motivisane sintagmama, kako dvočlanim tako i višečlanim. Višečlanim češće od drugih analiziranih tvorenica. Te sintagme su imeničke, i to determinativne zavisne (jedina nezavisna koja se sreće u literaturi je *PTT – Pošta, telefon i telegraf*), a najčešće predstavljaju zvanične nazive preduzeća, saveza, organizacija i sl. Tradicionalno su se u serbokroatišćkoj literaturi skraćenice podvodile pod kompozicioni tvorbeni način, najčešće pod nazivom *složene skraćenice* (Stevanović 1964: 451; Barić i dr. 1997: 299) odnosno *skraćeničke složenicice* (Klajn 2002: 165), mada su mnogi lingvisti isticali neobičnost njihove tvorbe koja se ne uklapa najsrećnije u već utvrđene tvorbenične načine. Vjerovatno su ih zbog veze sa sintagmama svrstavali u složenicice, ali uz komentare da je riječ “o složenicama naročite vrste” (Stevanović 1964: 451), da predstavljaju “naročit tip reči” (Nikolić 1954: 9) i sl. Klajn među složenicice, i to posebnog tipa, ubraja samo tzv. formatne skraćenice (slogovne i mješovite, slogovno-slovne, premda često nije riječ o slogovima nego o početnim fragmentima). Međutim, ako uzmemo da se složenicama smatraju tvorenice u kojima se prepoznaju dvije osnove / riječi, onda ni tu vrstu skraćenica ne možemo smatrati proizvodom slaganja. Odnosno, u tom smislu jednako posmatramo i formantne kakve su *Koni (Konfekcija Nikšić)*, *Titeks (Titogradski tekstilni kombinat)*, *Monstat (Montenegro statistika)* i sl., i slovne koje su verbalizovane, kao *MANS (Mreža za afirmaciju nevladinog sektora)*, *KIC (Kulturno-informativni centar)*, *FIAT (Festival internacionalnog alternativnog teatra)* i sl. Abrevijacija je tvorbeni proces koji je srodniji univerbaciji shvaćenoj u najužem smislu nego kompoziciji, samo je skraćivanje kod abrevijacije izraženije te su abrevijature značenjski nedostatnije od univerb(at)a, odnosno njihovo značenje je netransparentno bez obzira na to da li su sastavni djelovi višečlanih naziva predstavljeni jednim do dva-tri slova, fragmenta ili mješovito. Uprkos tome one opstaju jer služe kao jednočlane zamjene za višečlane nazive, iako, kako kaže Klajn, “zbog formalne vezanosti za tako dugačke sintagme, one vrlo teško mogu izgubiti karakter specifičnog naziva i pretvoriti se u reči” (2002: 172). Dodajmo da i Babić smatra da je u tvorbi tzv. složenih skraćenica tvorbeni samo način, da su tvorenice većinom netvorbenične riječi, budući da se na osnovu njihove strukture ne mogu značenjski identifikovati (1986: 35).

6. Sintagma i univerb(at)

Veza između sintagme i univerba(ta) kao proizvoda univerbizacije shvaćene u najužem smislu otkriva se već u samoj njegovoj definiciji. Obično se kaže da je takav univerb(at) motivisana riječ nastala skraćanjem sintagme kao ustaljene jezičke nominacije, sa kojom je u sinonimnom odnosu. Pri ovoj transformaciji ispušta se upravni, identifikujući član sintagme, čiju ulogu preuzima sufiks, koji se dodaje zavisnom, diferencijalnom članu. Npr. *nuklearna (centrala)* → *nuklearka, naslovna (stranica)* → *naslovnica, buvlja (pijaca)* → *buvljak, daljinski (upravljač)* → *daljinac, mini (suknja)* → *minić* itd. Šta ovakva univerbizacija predstavlja, u literaturi nije baš najpreciznije određeno: da li je to poseban tvorbeni način, ili posebna vrsta izvođenja, ili kombinacija skraćivanja i sufiksacije i sl., mada se nama čini da je ovdje sufiksacija samo pomoćni način u odnosu na skraćivanje. No, taj problem i nije trenutno u fokusu naše pažnje već odnos sintagme i njoj odgovarajućeg univerb(at)a.

Tu se najprije postavlja pitanje motivatora. Da li je univerb(at) motivisan sintagmom ili samo njenim zavisnim članom? Odnos između motivatora i tvorenice trebalo bi da se transparentno ostvaruje i na formalnom i na semantičkom planu, odnosno motivator se uglavnom prepoznaje u osnovi tvorenice. Na formalnom planu, u strukturi univerb(at)a prepoznaje se samo zavisna komponenta sintagme, obično kao pridjevska tvorbeno osnova, ali činjenica je da on stoji u semantičkoj vezi sa polaznom sintagmom a ne samo sa njenim determinativnim dijelom. Pretpostavljamo da Božo Ćorić upravo iz ovog razloga izdvaja univerbalnu motivaciju kao posebnu vrstu (2008: 30). Motivisane riječi su po pravilu formalno i semantički složenije od motivnih. Kad je o univerb(at)u riječ, ako se posmatra u odnosu na sintagmu, on je formalno prostiji, a semantički su u istoj ravni, ako se zanemari konotativna vrijednost po kojoj se mnogi univerb(at)i razlikuju od sintagmatskih nominalizacija. Jedino je za tu vrijednost univerb(at) semantički nadograđen u odnosu na sintagmu. Štaviše, može se reći da je on značenjski netransparentniji od nje, pogotovo što može biti i višeznačan, a i slabo rasprostranjen u upotrebi, odnosno komunikativno markiran tako što se koristi samo u razgovornom i profesionalnom registru. Stana Ristić kaže da “uprkos ostvarenog principa ekonomičnosti, univerbizacija bi bila neproduktivan i nepoželjan proces u jeziku jer su univerbi najčešće komunikativno nedostatni”, te da je za nastanak univerb(at)a mnogo presudniji princip ekspresivnosti (1995: 126). Iako se slažemo s njom da mnogi univerb(at)i nastaju prije svega u cilju postizanja ekspresivnosti, humornosti i

sl., a ne jezičke ekonomije, koja je i inače u osnovi tvorbe uopšte, primjećujemo da su abrevijature više komunikativno nedostatne od univerb(at)a, a nijesu ekspresivne, što znači da njihov nastanak podstiče samo princip ekonomičnosti.

Obično se dvočlane atributske sintagme javljaju kao motivne baze imeničkih univerb(at)a, ali ima i višečlanih, kao što su: *dobitnik Nobelove nagrade* → *nobelovac*, *učenik osnovne škole* → *osnovac*, *minimalni lični dohodak* → *minimalac* itd., i čini se da su oni neekspresivni, stilski neutralni, pa se mogu javiti i u zvaničnom izražavanju. Primjećujemo da se i ovdje osnova uzima od pridjevske riječi iako ona ne određuje upravni nego zavisni sintagmatski dio.

S obzirom na to da se univerb(at) shvaćen u najužem smislu dobija pomoću sufiksa, dešava se da poneki istraživači ubroje u univerb(at)e i tvorenice koje su po našem mišljenju obične izvedenice, odnosno upitno je da li su baš svi primjeri što ih nalazimo u radovima o univerbizaciji univerb(at)i, pošto prema sebi nemaju ustaljenu dvočlanu sintagmu nego onu čiji je zavisni član klauza, ili im upravni član predstavlja neki opštiji pojam kao lice uopšte: *domac* – *osoba koja stanuje u domu*, *dođoš* – *onaj koji je došao/doselio (negdje)*, *depresivac* – *osoba sklona depresiji*, *dosadnjaković* – *dosadan čovjek*, *perverznjak* – *perverzan čovjek*, *emotivac* – *emotivna osoba*, *anonimac* – *anonimna osoba*, *genijalac* – *genijalna osoba*, *smotanac* – *smotana osoba*, *žgoljavac* – *žgoljava osoba* i sl. Ne razlikuju se, po našem shvatanju, od primjera *pijanac*, *škrtac*, *partijac*, *gerilac*, *osobenjak*, *nespretnjak* i sl., koji se navode u tvorbenoj litearturi kao obične izvedenice, sem što su novijeg postanja, ali vrijeme nastanka tvorenice ne smatramo validnim kriterijumom za razlikovanje uiverb(at)a i (sufiksalnog) derivata.

7. Sintagma i sufiksna izvedenica

Poglavlje *Sintagma i izvedena riječ* u knjizi *O jezičkoj prirodi i jezičkom razvitku* Belić započinje konstatacijom da je značenje složenica i izvedenica (pod kojima podrazumijeva sufiksne derivate) podjednako sintagmatsko. On po ko zna koji put ističe da su nepravne riječi, odnosno riječi jedne kategorije postale od riječi druge kategorije, uvijek sintagmatske po svome osnovnom značenju. Nekad je tvorbeno osnova izvedenice uzeta od upravnog člana, obično kod izvedenica subjektivne ocjene (*mali lonac* : *lončić*), gdje je sufiks reprezentuje zavisni, odredbeni član, ali je češći slučaj da je osnova od zavisnog člana, a sufiks predstavlja njegov nadređeni

član (*srećan čovjek* : *srećnik*). Na međusobnom sintaksičkom odnosu osnova izvedenih riječi i njihovih sufiksa posebno se zadržava i Stevanović (1986: 453). Njihovo tumačenje svakako pripada dijahroniji, ali sinhroniji zasigurno ostaje značenje izvedenica, koje je uvijek sintagmatsko. Naime, u semantičkom opisu, odnosno u preoblici, naspram izvedenica stoje sintagme. Tako je *bolesnik – bolestan čovjek*, *ljepotica – lijepa žena*, *stariti – postajati star* itd.

8. Zaključak

Tvorba riječi je tijesno povezana sa sintaksom preko sintagme. Sintagma, najčešće determinativna, ima motivirajuću ulogu u tvorbi složenica, sraslica, skraćenica, univerb(at)a, a u najširem smislu i izvedenica. Učestvuje u strukturi sraslica, složenica i skraćenica, i to tako što sraslice svojom formom u potpunosti odgovaraju formi združenih članova motivne sintagme, jedan ili oba složenička dijela imaju donekle izmijenjenu strukturu u odnosu na konstituente motivne sintagme, dok su u skraćenici motivne riječi predstavljene jednim do nekoliko početna slova, sloga ili fragmenta, što će reći da je skraćenica u tom pogledu najneprozirnija. Svim analiziranim tvorenica značenje se opisuje sintagmatskom konstrukcijom, s tim da je semantički opis identičan motivnoj sintagmi kod sraslica i svih vrsta složenica endocentrične semantičke usmjerenosti, te kod univerb(at)a i skraćenica.

Literatura

- Stjepan BABIĆ, 1986: *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Nacrt za gramatiku*. Zagreb: JAZU, Globus.
- Eugenija BARIĆ, 1980: *Imeničke složenice neprefiksalske i nesufiksalske tvorbe*. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo.
- Eugenija BARIĆ i dr., 1997: *Hrvatska gramatika*. Zagreb: Školska knjiga.
- Aleksandar BELIĆ, 1998 [1958]: *O jezičkoj prirodi i jezičkom razvitku*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.
- Adnan ČIRGIĆ i dr., 2010: *Gramatika crnogorskoga jezika*. Podgorica: Ministarstvo prosvjete i nauke Crne Gore.
- Božo ĆORIĆ, 2008: *Tvorba imenica u srpskom jeziku*. Beograd: Društvo za srpski jezik i književnost Srbije.
- Dževad JAHIĆ i dr., 2000: *Gramatika bosanskoga jezika*. Zenica: Dom štampe.
- Ivan KLAJN, 2002: *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku. Prvi deo. Slaganje i prefiksacija*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, Matica srpska, Institut za srpski jezik SANU.

- Milica MIHALJEVIĆ, Ermina RAMADANOVIĆ, 2006: Razradba tvorbenih načina u nazivlju (s posebnim obzirom na odnos među složenicama bez spojnika -o-, sraslicama i tvorenicama s prefiksoidima). *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. 32, 193–211.
- Sonja NENEZIĆ, 2004: *O jednoj malobrojnoj grupi složenica*. Srpski jezik. IX/1–2, 397–403.
- Svetozar NIKOLIĆ, 1954: O građenju složenih skraćenica u našem savremenom književnom jeziku. *Naš jezik*. V, n. s., 9–17.
- Predrag PIPER i dr., 2005: *Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, Beogradska knjiga, Matica srpska.
- Predrag PIPER, Ivan KLAJN, 2013: *Normativna gramatika srpskog jezika*. Novi Sad: Matica srpska.
- Stana RISTIĆ, 1995: Univerbizacija kao sredstvo ekspresivizacije razgovorne leksike. *Južnoslovenski filolog*. LI, 125–133.
- Živojin STANOJČIĆ, Ljubomir POPOVIĆ, 2004: *Gramatika srpskog jezika (udžbenik za I, II, III i IV razred srednje škole)*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.
- Mihailo STEVANOVIĆ, 1986: *Savremeni srpskohrvatski jezik (gramatički sistemi i književnojezička norma) I*. Beograd: Naučna knjiga.
- Duškanka VUKIĆEVIĆ, 1995: Imeničke složenice u srpskom književnom jeziku. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. XXXVIII/1, 127–174.

Syntagm and Word Formation

This article speaks about a close relationship between syntax and word formation realised through syntagm. The syntagm has a motivating role in the formation of compound words, reduced phrases, abbreviations, unverbals and the formation of derivatives in the broadest sense of the word. It participates in the structure of reduced phrases, compounds and abbreviations in the sense that the form of reduced phrases completely matches the form of the joint members in the motivational syntagm, one or both of the compound parts have a slightly altered structure in relation to the constituents of the motivational term while in the case of abbreviations motivational words are represented by one or several initial letters, syllables or fragments which means that abbreviations are in this sense rather opaque. In all of the analysed formations the meaning is described by a syntagmatic structure and the semantic description is identical with that of the motivational syntagm in reduced phrases and all kinds of compounds of endocentric semantic orientation, unverbals and abbreviations.

Pavol Odaloš

Filozofická fakulta Univerzity Mateja Bela, Slovenská republika, Banská Bystrica
pavol.odalos@umb.sk

UNIVERBIZÁCIA V JAZYKU A KOMUNIKÁCII SLOVENČINY

Zámerom príspevku je predstaviť chápanie univerbizácie ako ekonomizujúceho lexikálneho procesu, poukázať na jeho využívanie v slangu a zdokumentovať používanie univerbizovaných prostriedkov (univerbizmov) a ich neuniverbizovaných náprotivkov vo vybraných sociálnych skupinách.

Kľúčové slová: vymedzenie univerbizácie, vekové skupiny, slovenčina

The goal of the contribution is to introduce an understanding of univerbisation such as economisation of lexical process, to show its usage in slang and to document a usage of univerbisative means (univerbisms) and their nonuniverbisational counterparts in selected social groups.

Key words: determination of univerbisation, age groups, Slovak language

1. Vymedzenie univerbizácie v odbornej literatúre

1.1. Odborná literatúra problematiku univerbizácie zaznamenáva od druhej polovice 20. storočia najmä z lexikálneho, sémantického a štylistického hľadiska. Lexikálne chápanie spája prístup k univerbizácii ako k náhrade viacslovného/dvojslovného pomenovania jedným slovom (Helcl 1963). Sémantické chápanie nachádza podstatu univerbizácie v desémantizácii znaku, ktorej dôsledkom je univerbizované slovo ako dôsledok spájania slovného spojenia do jedného celku (Horalík 1967). Štylistické chápanie hodnotí univerbizáciu ako spôsob skracovania pomenovania (Mistrík 1985).

1.2. Odborná literatúra problematiku univerbizácie výraznejšie analyzuje najmä z pohľadu vymedzenia lingvistického javu univerbizácie. Vyprofilovalo sa širšie a užšie chápanie univerbizácie.

Širšie chápanie univerbizácie sa v československých podmienkach odvíja od myšlienok A. V. Isačenka (1956, 1958, ešte skôr P. Brugman v roku

1904), ktorý vychádza z myšlienky o rozpore medzi dvojčlennosťou pomenovania a jednotnosťou významu a snahou o odstránenie tohto rozporu, ktorý sa dosahuje viacerými spôsobmi univerbizácie. A. V. Isačenko najprv vychádza z tvrdenia, že združené pomenovania sa odstraňujú univerbizáciou (1956: 18), neskôr univerbizáciu spája so stratou samostatnosti jedného z členov pôvodného dvojčlenného pomenovania, so zrastom dvoch členov v jeden celok. Uvedený lingvistický jav však rámcuje širším procesom a termínom kondenzácia, do ktorého okrem univerbizácie zaraďuje aj prechod slova z triedy motivovaných do triedy nemotivovaných slov (1958: 145).

Užšie chápanie univerbizácie s rôznymi obmedzeniami predstavili viacerí autori a súvisí napr. s problematikou ustálenosti alebo zjednotenosti/zjednocovania viacslovného pomenovania. V českej lingvistike M. Dokulil (1962: 114–117) za univerbizáciu považuje len spôsob, keď v jazyku koexistuje dvojslovné pomenovanie ako syntetické ustálené pomenovanie a jeho univerbizovaný náprotivok. V slovenskej lingvistike sa univerbizácia v teórii lexikálnej motivácie interpretuje ako dôsledok syntaktickej demotivácie. Syntaktická demotivácia je proces straty syntaktickej motivácie, pri ktorom sa z viacslovného (syntakticky motivovaného) pomenovania stáva syntakticky nemotivované pomenovanie (Ološtiak, 2011: 137). Na základe uvedeného prístupu musí existovať východiskové ustálené viacslovné pomenovanie. Sú uvádzané aj ďalšie obmedzenia vo vzťahu k univerbizácii (Palková, 2015: 180–182). V českej lingvistike bol prezentovaný aj názor, že univerbizácia je len zjednotenie dvoch slov do jedného, pričom sú zachované obidve pôvodné zložky viacslovného pomenovania. Nové jednoslovné pomenovanie nie je preto utvorené vypúšťaním jednej alebo úpravou druhej jeho zložky, ale ich zjednotením (Helcl, 1963: 31).

1.3. Univerbizáciu väčšina autorov nepovažuje za slovotvorný postup, za ktorý sa tradične považuje odvodzovanie a skladanie, resp. ich kombinácie. Pokladá sa skôr za ekonomizujúci proces. Otázne je však to, či je potrebné slovotvorbu viazať len na odvodzovanie a skladanie a aké lingvistické kvality by vstúpili do slovotvorby pri jej širšom chápaní (pozri aj Avramova, 2013: 214–224).

1.4. V problematike univerbizácie má výrazné miesto predstavenie spôsobov jej realizácie.

A. V. Isačenko (1958: 146–147) vyčlenil päť spôsobov univerbizácie združených pomenovaní: 1. prechod do rôznych kompozít, 2. kondenzácia do

zrazenín, 3. typ prídavné a podstatné meno stráca druhý člen, 4. typ prídavné meno a podstatné meno sa nahrádza sufixálnym tvarom, 5. časovo posledným typom je tvorenia rôznych druhov skratkových slov z dvojčlených a viacčlenných pomenovaní. M. Helcl (1963: 35) doplnil ešte šiesty spôsob, keď význam substantíva zo spojenia sa zúži na špecifický význam celého spojenia. A. V. Isačenko (1956: 17–22) tiež konštatuje, že združené pomenovania sa univerbizujú na základe kompozície, derivácie, substantivizácie a abreviácie.

J. Bosák (1987) vymedzuje univerbizáciu v širšom a v užšom zmysle. Univerbizáciu v širšom zmysle chápe ako všeobecnú tendenciu vychádzajúcu z princípu ekonómie dorozumievacieho procesu, ktorá sa uplatňuje vo všetkých rovinách. Neuvádza však príklady na týchto rovinách. Univerbizáciu v užšom zmysle, používa na jej pomenovanie aj termín kondenzácia (nespomína však A. V. Isačenko, ani ho neuvádza v literatúre), predstavuje v rámci lexikálnej roviny ako: 1. tvorenie jednoslovných pomenovaní na pozadí viacslovných motivujúcich pomenovaní prostredníctvom a) derivácie (presilová hra – *presilovka*), b) substantivizácie (triedna učiteľa – *triedna*), c) synekdochy (skok o žrdi – *žrd'*), d) kompozície (hráč prvej ligy – *prvoligista*), 2. simplifikáciu viacslovných pomenovaní a) kontextovú (vláda ČSSR – *vláda*), b) skracovaním/ akronymizáciou (Slovenská akadémia vied – *SAV*).

V Encyklopedickom slovníku češtiny (2002: 505–506) sa univerbizácia chápe ako vznik jednoslovného pomenovania (lexémy), ktoré je motivované synonymom viacslovného pomenovania. Náhrada ustáleného viacslovného pomenovania jednoslovným môže prebiehať rôznymi spôsobmi: a) prechodom do kompozít (stará čeština – *staročeština*), b) prechodom do zrazenín (prolití krve – *krveprolití*), c) nahradením spojenia slov sufixálnym útvarom (maturitní ples – *maturák*), d) substantivizáciou adjektív pri strate substantívneho člena dvojslovného pomenovania (plzeňské pivo – *plzeňské*), e) elipsou (zemské jablko – *jablko*), f) tvorením skratkových slov (Občanská demokratická strana – *Odéeska*), g) metonymicky motivovaným tvorením, pri ňom sa univerbizovaným pomenovaním stáva východiskové substantívum, z ktorého bolo odvodené určujúce adjektívum motivujúce viacslovné pomenovanie (bronzová medaila – *bronz*). Pri užšom vymedzení sa niekedy za univerbizovanú jednotku považujú len typy a) a b), pri ktorých si univerbizmus zreteľne uchováva po významovej aj formálnej stránke základy, z ktorých vznikli.

2. Univerbizácia pri profesionalizmoch a slangizmoch

Vo všeobecnosti sa prijíma konštatovanie, že univerbizácia sa častejšie používa v hovorenej reči. Naše výskumy v basketbalovom prostredí potvrdili, že univerbizácia pri profesionalizmoch a slangizmoch je často využívaná (Odaloš, 1997).

V československom prostredí sa popri slangizmoch vyprofilovali aj profesionalizmy. Termín profesionalizmy priamo súvisí s premenou viacslovného/ dvojslovného na jednoslovné pomenovanie a poukazuje na zmenu štylistiky jednoslovného pomenovania v uvedenom prostredí z príznakového na nepríznakové/ bezpríznakové pomenovanie.

Professionalizmy chápeme ako výsledok tendencií k ekonomizácii dorozumievania. S ekonomizujúcou funkciou profesionalizmov je často spojená ich jednoslovnosť ako univerbizovaných pendentov viacslovných pomenovaní, jazyková stabilita a tiež malá miera expresívnosti. Frekventovanosť používania profesionalizmov produkuje ich nocionálnosť v rámci vlastného komunikačného prostredia s možnosťou posunutia ich štylistiky medzi hovorové slová, prípadne medzi spisovné pomenovania.

Slangizmy chápeme ako výsledok tendencie k aktualizácii pri komunikácii. S aktualizácnou funkciou slangizmov tesne súvisí variantnosť a veľká miera expresivity. Expresivita sa následne prejavuje v nenormatívnom slangizmov, ktoré sú často aj štruktúrne nápadné.

V monografii *Sociolekty v basketbalovom a penitenciárnom prostredí* (Odaloš, 1997) pracujeme s univerbizáciou deriváciou, univerbizáciou substantivizáciou, univerbizáciou odsekávaním, univerbizáciou elipsou a univerbizáciou kompozíciou vždy s uvedením príkladov.

Pri univerbizácii deriváciou sa viacslovné alebo dvojslovné pomenovanie zjednoslovňuje tak, že zostávajúci člen, väčšinou prívlastok ako syntakticky podradený člen vyjadrený prídavným menom, príberá rôzne prípony, napr. príponou *-ka* sa vytvárajú profesionalizmy *trojka* (trojbodový kôš), *dvojka* (dvojbodový kôš), *prenáška* (prenášanie lopty), *tepláčka* (tepláková súprava) a slangizmy *kožka* (kožená basketbalová lopta), *gumenačka* (gumená basketbalová lopta), príponou *-ák* sa tvoria slangizmy *gumák* (gumená basketbalová lopta), *národ'ák* (národné reprezentačné družstvo), *osobák* (osobná chyba), *techničák* (technická chyba) a pod.

Pri univerbizácii substantivizáciou je základom univerbizmu hlavne prídavné meno, napr. profesionalizmy *technická* (technická chyba), *stredný*

(stredný rozohrávač), *podkošový* (podkošový hráč), menej číslovka pri profesionalizme *piata* (piata osobná chyba), *príslovka* pri profesionalizme *osobne* (osobne bránime po celom ihrisku) alebo predložka pri profesionalizme *medzi* (rozsok medzi dvoma hráčmi).

Pri univerbizácii odsekávaním sa základom univerbizmu zväčša stáva časť viacslovného pomenovania, ktoré tvorí prídavné meno (implicitne je prítomná aj transflexná morféma), napr. profesionalizmy *stred* (stredný rozohrávač), *oddych* (oddychový čas) a pod.

Pri univerbizácii elipsou sa v základe univerbizmu nachádza syntakticky nadradený člen viacslovného pomenovania (podstatné meno) a komunikačne nadbytočné časti pomenovania sa elidujú, napr. profesionalizmus *sekundy* (tri sekundy), *kruh* (stredový kruh) a pod.

Pri univerbizácii kompozíciou sa objektom univerbizácie stáva dvojslovné pomenovanie, ktorého komponenty sú zväčša zrozumiteľné aj v novovzniknutom univerbizme, napr. slangizmy *stridor* (starší dorastenec), *zónpre* (zónový presing) a pod.

3. Univerbizácia vo vekových skupinách

Lingvistický pohľad na univerbizáciu sa primárne zameriaval v druhej polovici 20. storočia na jej teoretické vymedzenie s dôrazom na zaznamenanie všetkých stránok univerbizácie. Až následne sa skúmala univerbizácia a jej využívanie vo varietách národného jazyka. Predstavené prístupy k univerbizácii mali hlavne rysy systémovolingvistického prístupu ako dôrazu na obsah a formu pomenovaní.

Sociolingvistika skúma vplyv spoločnosti na jazyk, napr. sociolingvistická lexikológia sa zameriava na slovnú zásobu, ktorá funguje v sociálnych skupinách. Vybrali sme si preto dve skupiny, ktorými boli stredoškólači a dôchodcovia, a zamerali sme sa na ich jazyk s dôrazom na používanie viacslovných/ dvojslovných pomenovaní a ich univerbizovaných náprotivkov. Vybrané skupiny budeme skúmať z vekového hľadiska ako generačné skupiny. Generácia je v Krátkom slovníku slovenského jazyka (2003, s. 172) charakterizovaná ako vrstva ľudí spojených vekom, zmýšľaním, záujmami a pod. Na základe uvedeného výkladu chápeme v tomto texte generáciu ako zoskupenie profilované na základe veku a skúmané skupiny ako zástupcov generácie študentov a dôchodcov.

3.1. Projekt výskumu

Skúmané generačné skupiny nie sú aktívne zapojené do pracovného procesu a je medzi nimi viac ako štyridsaťročný rozdiel. Študenti stredných škôl sa pripravujú na svoje budúce povolanie a dôchodcovia sú na odpočinku po odpracovaní potrebného počtu rokov.

Používanie slovnej zásoby generačnými skupinami v rámci dorozumievania sme skúmali v neoficiálnej komunikácii. Pri predchádzajúcich našich výskumoch si mohli respondenti vybrať, či lexiku používajú v oficiálnych alebo v neoficiálnych komunikačných situáciách. Výskumy poukázali na rôznu mieru distribúcie lexiky do oficiálnych a do neoficiálnych komunikačných situácií (Odaloš, 1997, 1999a, b, 2002, 2010, 2016).

Neoficiálnu komunikáciu sme si vybrali preto, lebo používanie slovnej zásoby v nej nie je obmedzené spoločenskými ani inými obmedzeniami ako napr. v úradnej/ oficiálnej komunikácii, kde musia respondenti v zmysle zákona o štátnom jazyku používať spisovnú slovnú zásobu. Neoficiálna/ neúradná komunikácia nie je preto limitovaná spoločenskými príkazmi či inými zákazmi a pri dorozumívaní medzi priateľmi, v rodine či v každodennej komunikácii je možné používať akékoľvek lexikálne prostriedky. Jedinou podmienkou je zrozumiteľnosť komunikácie.

Výskum sme uskutočnili v Banskej Bystrici, Brezne, Dolnom Kubíne, Kysuckom Novom Meste, Lučenci, Námestove, Prievidzi, Púchove, Revúcej, Ružomberku, Sabinove, Spišskej Novej Vsi, Zvolene, Žiari nad Hronom a v okolí týchto miest prostredníctvom študentských výskumných spolupracovníkov na vzorke pri väčšine lexiky od 375 do 425 respondentov. Skúmali sme 54 synonymických radov, ktoré obsahovali 152 lexém, združených a viacslovných pomenovaní.

Lingvistické výskumy neoficiálnej komunikácie sa zvyčajne realizujú na základe nahrávania textov, napr. pri výskume používania slovnej zásoby alebo skladby neoficiálnej komunikácie ako celku vyhovuje zaznamenávanie textu pomocou diktafónu. Pri zameraní sa na vybranú lexiku ju nie je možné zachytiť v rámci prirodzenej komunikácie, preto sme ju skúmali pomocou dotazníka a jej používanie sa následne overovalo na základe rozhovorov s respondentmi.

3.2. Charakteristika generačných skupín

Vybrané generačné skupiny spája skutočnosť, že nepracujú, t.j. že sa každodenne nezúčastňujú pracovného života v spoločnosti.

Vybrané generačné skupiny sa tiež výrazne odlišujú.

Stredoškolskí študenti majú väčšinou 15 – 18 rokov. Na strednej škole získavajú študenti už špecializovanejšie a zložitejšie poznatky ako na základnej škole. Prísun nových vedomostí a ich osvojovanie vyžaduje od stredoškolákov zvýšenie intelektuálnej činnosti. Stredoškoláci ako zástupcovia svojej generácie sú preto otvorení novým a moderným myšlienkam, činnostiam a technológiám.

Dôchodcovia majú väčšinou viac ako 60 rokov. Počas svojho pracovného života prežili v práci rozličné situácie a v spoločnosti rôzne jej vývinové premeny. Na základe prežitého času a dosiahnutého veku majú bohaté životné skúsenosti a ustálené názory. Dôchodcovia ako zástupcovia svojej generácie sa s novými a modernými myšlienkami, činnosťami a technológiami stretávajú menej, častejšie sprostredkovane z televízie či od vnukov a vnučiek.

3.3. Výskumné výsledky, používanie slovnej zásoby generačnými skupinami

Výskumný dotazník bol rozdelený do dvoch častí. Na otázky k používaniu 54 synonymických radov odpovedalo pri 22 synonymických radoch 425 respondentov, pri 17 synonymických radoch 400 respondentov, pri 6 synonymických radoch 375 respondentov a pri 9 synonymických radoch 350 a o čosi menej respondentov.

Z výskumného dotazníka sme z 54 synonymických radov vybrali 16 synonymických radov, ktoré boli zamerané na pomenovania vecí, činností a inštitúcií a ich univerbizované náprotivky.

- V **generačnej skupine stredoškolákov** uprednostňovali respondenti jednoslovné univerbizované náprotivky dvojslovných pomenovaní vecí, činností a inštitúcií v 12 zo 16 synonymických radov. Univerbizmus *mi-krovlnka* používalo 93,75% (375) respondentov a dvojslovné pomenovanie *mikrovlnná rúra* 6,25% (25) respondentov, univerbizmus *kopírka* využívalo 91,76% (390) respondentov a dvojslovné pomenovanie *kopírovací prístroj* 3,76% (16) respondentov, univerbizmus *cédečko* používalo 88,00%

(374) respondentov a dvojslovné pomenovanie *cédé platňa* 2,82% (12) respondentov, univerbizmus **kreditka** využívalo 82,00% (328) respondentov a dvojslovné pomenovanie *kreditná karta* 18,00% (72) respondentov, univerbizmus **eseročka** používalo 80,25% (321) respondentov a viacslovné pomenovanie *spoločnosť s ručením obmedzeným* 19,75% (79) respondentov, univerbizmus **prezenčka** využívalo 73,17% (311) respondentov a dvojslovné pomenovanie *prezenčná listina* 26,83% (114) respondentov, univerbizmus **rodičko** používalo 70,00% (243) respondentov a dvojslovné pomenovanie *rodičovské združenie* 25,50% (102) respondentov, univerbizmus **priemyslovka** využívalo 66,94% (251) respondentov a dvojslovné pomenovanie *priemyselná škola* 21,33% (80) respondentov, univerbizmus **cestovka** používalo 55,75% (223) respondentov a dvojslovné pomenovanie *cestovná kancelária* 44,25% (177) respondentov, univerbizmus **prijímačky** využívalo 54,12% (230) respondentov a dvojslovné pomenovanie *prijímacie pohovory* 10,12% (43) respondentov, univerbizmus **výška** využívalo 45,75% (202) respondentov a dvojslovné pomenovanie *vysoká škola* 33,18% (141) respondentov, univerbizmus **zdravotka** používalo 44,75% (179) respondentov a dvojslovné pomenovanie *zdravotnícka škola* 23,00% (92) respondentov.

- V **generačnej skupine dôchodcov** uprednostňovali respondenti jednoslovné univerbizované náprotivky dvojslovných pomenovaní vecí, činností a inštitúcií v 5 zo 16 synonymických radov. Univerbizmus **mikrovlnka** používalo 76,50% (306) respondentov a dvojslovné pomenovanie *mikrovlnná rúra* 23,50% (94) respondentov, univerbizmus **cédečko** využívalo 63,53% (270) respondentov a dvojslovné pomenovanie *céde platňa* 23,53% (100) respondentov, univerbizmus **kopírka** používalo 62,12% (264) respondentov a dvojslovné pomenovanie *kopírovací prístroj* 21,18% (90) respondentov, univerbizmus **eseročka** využívalo 55,00% (220) respondentov a viacslovné pomenovanie *spoločnosť s ručením obmedzeným* 45,00% (180) respondentov, univerbizmus **kreditka** využívalo 52,25% (209) respondentov a viacslovné pomenovanie *kreditná karta* 47,75% (191) respondentov.

Čiastkový záver č. 1

V **generačnej skupine stredoškolákov** sa uplatňovalo používanie jednoslovných univerbizmov ako náprotivkov dvojslovných pomenovaní vecí, činností a inštitúcií na väčšej ploche, pretože univerbizmy sa používali v 12 zo 16 prípadov a častosť ich používania kolísala od 93,75% až po 44,75%. V **generačnej skupine dôchodcov** sa uplatňovalo používanie jed-

noslovných univerbizmov ako náprotivkov dvojslovných pomenovaní vecí, činností a inštitúcií na menšej ploche, pretože sa dvojslovné pomenovania používali v 5 zo 16 prípadov a častosť ich používania kolísala od 76,50% až po 47,75%.

●V **generačnej skupine dôchodcov** uprednostňovali dvojslovné pomenovania vecí, činností a inštitúcií v 11 zo 16 prípadov. Dvojslovné pomenovanie **bodovací systém** využívalo 87,38% (284) respondentov a univerbizmus **bodovník** 9,24% (30) respondentov, dvojslovné pomenovanie **rodičovské združenie** používalo 82,50% (330) respondentov a univerbizmus **rodičko** 15,00% (60) respondentov, dvojslovné pomenovanie **akciová spoločnosť** využívalo 81,41% (346) respondentov a univerbizmus **akciovka** 18,59% (79) respondentov, dvojslovné pomenovanie **kupónová knižka** využívalo 79,43% (139) respondentov a univerbizmus **kupónka** 20,57% (36) respondentov, dvojslovné pomenovanie **prezenčná listina** používalo 77,88% (331) respondentov a univerbizmus **prezenčka** 22,18% (94) respondentov, dvojslovné pomenovanie **kupónová privatizácia** používalo 70,91% (195) respondentov a univerbizmus **kupónka** 29,09% (80) respondentov, dvojslovné pomenovanie **cestovná kancelária** využívalo 69,50% (278) respondentov a univerbizmus **cestovka** 30,50% (122) respondentov, dvojslovné pomenovanie **zdravotnícka škola** používalo 68,50% (274) respondentov a univerbizmus **zdravotka** 10,25% (41) respondentov, dvojslovné pomenovanie **vysoká škola** používalo 66,58% (283) respondentov a univerbizmus **výška** 5,18% (22) respondentov, dvojslovné pomenovanie **prijímacie pohovory** používalo 42,59% (181) respondentov a univerbizmus **prijímačky** 30,59% (130) respondentov.

●V **generačnej skupine stredoškolákov** uprednostňovali dvojslovné pomenovania ako náprotivky univerbizmov v 4 zo 16 prípadov. Dvojslovné pomenovanie **bodovací systém** používalo 82,77% (269) respondentov a univerbizmus **bodovník** 13,23% (43) respondentov, dvojslovné pomenovanie **kupónová knižka** využívalo 76,00% (133) respondentov a univerbizmus **kupónka** 24,00% (42) respondentov, dvojslovné pomenovanie **akciová spoločnosť** využívalo 65,18% (277) respondentov a univerbizmus **akciovka** 34,82% (148) respondentov, dvojslovné pomenovanie **kupónová privatizácia** používalo 63,64% (175) respondentov a univerbizmus **kupónka** 36,36% (100) respondentov.

Čiastkový záver č. 2

V **generačnej skupine dôchodcov** sa uplatňovalo používanie dvojslovných pomenovaní ako náprotivkov univerbizmov na väčšej ploche, pretože sa dvojslovné pomenovania používali v 11 zo 16 prípadov a častosť ich používania kolísala od 87,38% až po 42,59%. V **generačnej skupine stredoškôľakov** sa uplatňovalo používanie dvojslovných pomenovaní ako náprotivkov univerbizmov na menšej ploche, pretože sa dvojslovné pomenovania používali v 4 zo 16 prípadov a častosť ich používania kolísala od 82,77% až po 36,36%.

4. Záverečné sumarizujúce poznámky

Univerbizácia ako proces je výrazom dynamického prístupu k jazyku, ktorý zjednoslovňuje dlhé a komunikačne nadbytočné časti viacslovných pomenovaní. Univerbizmy (univerbémy, univerbáty) ako výsledok univerbizácie sú štylisticky širokospektrálne hodnotené lexémy od slangizmov až po spisovné pomenovania, ktoré konkurujú v rámci komunikácie rovnoznačným dvojslovným/ viacslovným pomenovaniám.

Predstavený výskum slovnej zásoby používanej po roku 1989 v neoficiálnej komunikácii v generačných skupinách stredoškôľských študentov a dôchodcov preukázal vplyv veku ako faktora formujúceho generačné používanie slovnej zásoby.

V generačnej skupine stredoškôľských študentov sa prejavila tendencia frekventovanejšieho používania nových domácich a prevzatých cudzích pomenovaní osôb, vecí a činností v porovnaní s ich domácimi jednoslovnými alebo viacslovnými ekvivalentmi a tiež častejším využívaním jednoslovných univerbizmov v porovnaní s ich dvojslovnými ekvivalentmi. Generačná skupina stredoškôľských študentov sa prejavila ako dynamická časť používateľov jazyka, ktorá je nositeľom novej a novo sa formujúcej lexiky.

V generačnej skupine dôchodcov sa prejavila tendencia k častejšiemu používaniu domácich jednoslovných alebo viacslovných pomenovaní osôb, vecí a činností v porovnaní s ich novými domácimi a prevzatými cudzími ekvivalentmi a tiež frekventovanejším využívaním dvojslovných pomenovaní v porovnaní s ich jednoslovnými univerbizovanými podobami. Generačná skupina dôchodcov sa prejavila ako konzervatívnejšia časť používateľov jazyka, ktorá väčšinou využíva slovnú zásobu už dlhšie fungujúcu v spoločnosti.

Univerbizmy a ich používanie v sociálnych skupinách je prejavom dynamickosti alebo konzervatívnosti sociálnej skupiny vo vzťahu k istému typu slovnej zásoby.

Literatúra

- Cvetanka AVRAMOVA, 2013: Univerbáty v lexikálnom systéme jazyka. BUZÁSSYOVÁ, Klára, CHOCHOLOVÁ, Bronislava (ed.). *Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka*. Bratislava: Veda, 214–224.
- Ján BOSÁK, 1987: O vymedzení univerbizácie. *Slovenská reč*. 52, 231–237.
- Miloš DOKULIL, 1962: *Tvoření slov v češtině I. Teorie odvodzování*. Praha: Nakladatelství ČSAV.
- Petr KARLÍK, Marek NEKULA, Jana PLESKALOVÁ, 2012: *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny.
- Miloš HELCL, 1963: Univerbizace a její podíl při růstu dnešní slovní zásoby. *Slovo a slovesnost*. 24, 29–37.
- Ladislav HORALÍK, 1967: O univerbizaci a homonymii z hlediska principu ekonomie. *Československá rusistika*. 12, 140–143.
- Alexander Vasilievič ISAČENKO, 1956: O některých zákonitostech v oblasti pojmenování. *Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci. Jazyk a literatura III*. Praha, 17–23.
- Alexander Vasilievič ISAČENKO, 1958: Obecné zákonitosti a národní specifičnost ve vývoji slovní zásoby slovanských jazyků. *K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků*. Praha, 143–151.
- Ján KAČALA, Mária PISÁRČÍKOVÁ, Matej POVAŽAJ, 2003: *Krátky slovník slovenského jazyka*. Bratislava: Veda.
- Jozef MISTRÍK, 1985: *Štylistika*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- Martin OLOŠTIK, 2011: *Aspekty teórie lexikálnej motivácie*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity.
- Pavol ODALOŠ, 1997a: *Sociolekty v basketbalovom a penitenciárnom prostredí*. Banská Bystrica: Pedagogická fakulta Univerzity Mateja Bela.
- Pavol ODALOŠ, 1997b: Lexika slovenčiny po roku 1989. *Fluminensia*. 9, 105–120.
- Pavol ODALOŠ, 1999a: Stará a nová“ lexika v komunikácii učiteľov. ODALOŠ, Pavol (ed.). *Retrospektívne a perspektívne pohľady na jazykovú komunikáciu*. 2. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, 174–183.
- Pavol ODALOŠ, 1999b: Lexika slovenčiny versus zahraniční Slováci. ONDREJOVIČ, Slavomír (ed.). *Sociolinguistica Slovaca*. 4. *Slovenčina v kontaktoch a konfliktoch*. Bratislava: Veda, 98–104.

- Pavol ODALOŠ, 2000: Nová lexika v komunikácii sociálnej skupiny robotníkov. Mesto a jeho jazyk. ONDREJOVIČ, Slavomír (ed.). *Sociolinguistica Slovacca*. 5. Bratislava: Veda, 217–229.
- Pavol ODALOŠ, 2002: *Dynamika špecifických sfér komunikácie*. Banská Bystrica: Pedagogická fakulta Univerzity Mateja Bela.
- Pavol ODALOŠ, 2016: Slovná zásoba versus národné a globálne tendencie. Používanie slovnej zásoby slovenčiny po roku 1989 sociálnymi skupinami. KUREK, Halina (ed.). *Globalizácia a przemiany języków słowiańskich*. Bydgoszcz: Uniwersytet Kazimierza Wielkiego. 141–152.
- Lenka PALKOVÁ, 2015: O univerbizácii z hľadiska teórie lexikálnej motivácie. *Slovenská reč*. 80, 177–193.
- Lenka PALKOVÁ, 2016: O dôvodoch vzniku univerbizácie. *Slovenská reč*. 81, 325–334.

Univerbisation in Language and Communication of the Slovak Language

Presented research of the word stock used after the year 1989 in non-official communication in generation groups of secondary school students and pensioners had shown an influence of age such a factor that is creating a generation usage of the word stock.

A tendency of more frequent usage of new domestic and adapted foreign appellation of persons, things and activities in comparison with their domestic one word or composite equivalents and also a frequent usage of one word univerbisms in comparison with their two words equivalents was signified in the generation group of secondary school students. The generation group of secondary school students became evident as dynamic part of language users that is a carrier of a new and a new creating vocabulary.

A tendency of more frequent usage of domestic one word or composite appellation of persons, things and activities in comparison with their new domestic and loan foreign equivalents and also more frequent usage of two words naming in comparison with one word univerbisational modifications was noticed in the group of pensioners. The generation group of pensioners was signified as more conservative part of language users that prevailingly are using the word stock that is used in a society for a longer period.

Magdalena Pastuch

Uniwersytet Śląski, Polska, Katowice
magdalena.pastuch@us.edu.pl

STARE I NOWE NIESUFIKSALNE TECHNIKI UNIWERBIZACYJNE

Artykuł poświęcony jest niesufiksalnemu sposobowi uniwerbizacji. We wstępnej części przedstawione jest rozumienie uniwerbizacji jako terminu i jako zjawiska. Autorka odnosi się do najważniejszych ustaleń terminologicznych, a następnie prezentuje własne kryteria uznania derywatu za uniwerbizm. Przedstawione są kolejno następujące techniki prowadzące do powstania konstrukcji uniwerbalnej: ucięcie morfemu słowotwórczego, kompozycja, substancywizacja. Rozważania ilustrowane są przykładami zarówno z języka współczesnego, jak i z dawniejszych etapów rozwojowych polszczyzny.

Słowa klucze: uniwerbizacja, bezafiksarność, dezintegracja, kompozycja, substancywizacja

The article is devoted to non-suffixional techniques of univerbation. In the introduction the author explains how the term *univerbation* is understood in the linguistic literature. Next, she proposes her own perception of this term and phenomena. In the main part of the paper the researcher sequentially describes all of the non-suffixional ways of univerbation. They are as follow: cutting of derivational morpheme, compound, substantivation. The writer illustrates her considerations using the examples both from contemporary Polish and former development stages of that language.

Key words: univerbation, non-suffixality, desintegration, compounding, substantivation

1. Wstęp

Terminy *uniwerbizm* i *uniwerbizacja* są jednymi z tych, których rozumienie może być różne, budzi wątpliwości. Źródłem tej niepewności jest przede wszystkim nakładanie się znaczenia strukturalnego *uniwerbizacji* na znaczenie terminologiczne. Nie jest to zresztą jedyny przypadek tego typu (por. np. *leksykalizacja* strukturalnie ‘stawanie się leksemem, nadawanie cech leksemu’ – podobnie jak *archaizacja* ‘nadawanie cech archaicznych, *arabizacja* ‘nadawanie cech arabskich’ – jednak terminologiczne znaczenie leksykalizacji jest inne, zdecydowanie szersze).

W przypadku *uniwerbizacji* łaciński źródłosłów *unum verbum* ‘jedno słowo’ krzyżuje się z ograniczeniami, które zostały nałożone na to połączenie w procesie terminologizacji. Ciągłe jednak nie można mówić o pełnym, precyzyjnym funkcjonowaniu tej jednostki jako terminu, zdarza się bowiem, że jest ona różnie rozumiana. Odmienności te są szczególnie wyraźne, kiedy porównamy zjawiska językowe uważane za uniwerbizmy w różnych językach, nawet tak bliskich sobie genetycznie, jak języki słowiańskie. Nie ma potrzeby, aby szczegółowo przedstawiać wszystkie problemy związane z używaniem terminu *uniwerbizm*, *uniwerbizacja* w lingwistyce, konieczne jest jednak zarysowanie, choćby tylko szkicowe, granic obszaru językowego, który pozostaje w polu moich zainteresowań. Należy też pamiętać o dodatkowej komplikacji, która wynika z pogranicznego usytuowania terminu: dotyczy on zarówno leksykologii, jak i słowotwórstwa. Choć co prawda coraz częściej mówi się o słowotwórstwie leksykalistycznym, to jednak czasami konieczne jest ustanowienie granicy pomiędzy tymi poziomami opisu, a wspólnota terminologiczna z pewnością tego zadania nie ułatwia.

Najszerze rozumienie zjawiska (i tym samym terminu) proponuje Danuta Buttler w pracy z 1981 roku (Buttler 1981: 215). Według badaczki za uniwerbizmy uznać należy wszystkie formacje słowotwórcze powstałe w wyniku zespolenia w jednostkę ciągłą podstaw dwujednostkowych. Wskazuje na następujące techniki derywacyjne:

1. derywacja (np. *odblaskówka* < *lampa odblaskowa*);
2. kompozycja (*odporność na mróz* > *mrozoodporność*, *kawiarnia-klub* > *klubokawiarnia*);
3. elipsa (*rzut karny* > *karny*, *milicja obywatelska* > *milicja*);
4. dezintegracja (*plyta długogrająca* > *długograja*);
5. abrewiacja (tworzenie skrótów) – *Centrala Przemysłu Ludowego i Artystycznego* > *Cepelia* (Buttler 1981: 215).

Jak widać z powyższych przykładów jest to rozumienie bardzo szerokie, nie wykluczające nawet obecności w podstawie elementu wyraźnie predykatywnego (*plyta długogrająca*). Podejście to zostało jeszcze rozszerzone w artykule Artura Rejtera *Uniwerbizacja jako problem historycznojęzykowy* (Rejter 2010: 75–85), który w krąg rozważań “uniwerbizacyjnych” włącza nawet takie formacje, jak: *brać naukę* > *uczyć się*, *brać pomnażanie* > *pomnażać się*, *brać wzrost* > *wzrastać*, *brać pomstę* > *mścić się*, *postępek brać* > *postępować* (w znaczeniu ‘rozвивać się’), *brać (po)radę* > *radzić się*, *śmiałość brać* > *ośmielać się*, *brać trwogę* > *trwożyć się*,

brać wzór > *wzorować się*, *poznanie brać* > *poznawać*, *brać zdrowie* > *zdrowieć*. Wydaje się jednak, że jest to ujęcie zbyt szerokie, rozmywające granice zjawiska, a dodatkowo niepotrzebnie zbyt ściśle wiąże go z problemem analityczności i syntetyczności w języku.

W proponowanym przeze mnie rozumieniu podstawą motywacyjną uniwerbizmu jest (musi być) struktura nominalna (np. *kompakt* < *plyta kompaktowa*). Akceptuję natomiast w pełni fakt, iż uniwerbizm może powstać w wyniku wielu technik derywacyjnych, a zatem uważam, że nie tylko substancywizująca sufiksacja jest metodą tworzenia konstrukcji uniwerbalnych. Co więcej, sądzę, że właśnie techniki inne niż sufiksacja wyraźniej pokazują potencję i dynamikę uniwerbizacji. W przedstawianym artykule koncentruję się właśnie na niesufiksalnych sposobach tworzenia jednowyrazowych jednostek, które kondensują znaczenie dwóch leksemów.

2. Ucięcie morfemu słowotwórczego jako technika uniwerbizacyjna

O przemianach (para)systemu słowotwórczego we współczesnej polszczyźnie pisze się stosunkowo dużo (np. Jadacka 2001, Waszakowa 1993, 1994, 2005) – głównym powodem jest fakt, że to właśnie w zasobie leksykalnym języka¹ najwyraźniej i, co ważniejsze, najszybciej widoczne są zmiany językowe. Różna jest ich wartość, różna “głębokość” (por. Kleszczowa, 2005) czy wreszcie różna trwałość, ale z pewnością obserwacja poziomu leksykalnego daje możliwości, aby orzekać o pewnych kierunkach zmian.

Jedną z takich obserwacji jest potwierdzone przez lingwistów przekonanie o bardzo istotnej zmianie słowotwórczej, która dokonuje się na naszych oczach. Jak pisze Halina Mieczkowska:

(...) tradycyjny typ słowotwórstwa sufiksального (tak bliski prastłowiańszczyźnie i Profesorowi Sławskiemu), słowotwórstwa typowego dla języków flekcyjnych, w ostatnich latach zdaje się wyraźnie ustępować miejsca słowotwórstwu niesufiksalnemu. Drugim, bardzo istotnym zjawiskiem jest wyraźne nasilenie się wszelkiego typu derywatów złożonych kosztem formacji prostych (Mieczkowska 2000: 291–292).

¹ Należy podkreślić, że wyrazy motywowane stanowią w zasobie leksykalnym języka znaczną jego część. Jak podaje słowacki lingwista Juraj Furdik w języku słowackim mamy 65% jednostek motywowanych, w rosyjskim 66%, we francuskim 57%, w węgierskim 80%, a w fińskim 88% (Furdik 1993).

To sformułowanie stało się dla mnie punktem wyjścia do rozważań o źródłach i roli derywacji dezintegralnej w procesie uniwerbizacji. Chodzi mi przede wszystkim o wskazanie podstawowych typów uniwerbizmów dezintegralnych oraz ich relacji do konstrukcji niezuniwerbizowanych. Wśród konstrukcji “ściągniętych” można wyróżnić kilka typów.

Jednym z nich są formacje oparte tylko na podstawie przymiotnikowej, która ulega redukcji, zwykle o formant przymiotnikowy. Przykładów na ten typ jest sporo w polszczyźnie współczesnej², zob. np. *kompakt* ‘płyta kompaktowa’, *laser* ‘drukarka laserowa’, *szwajcar* ‘ser szwajcarski’, *akut* ‘akcent akutowy’, *perm* ‘okres permski’, *akryl* ‘farba akrylowa’, *postkomuna* ‘ugrupowania postkomunistyczne’, itp.

Nie można zapominać, że ta technika obecna była już w najdawniejszej polszczyźnie. Słowniki dokumentujące dawną polszczyznę (np. *Słownik staropolski*³, *Słownik polszczyzny XVI wieku*, elektroniczny *Słownik XVII i XVIII wieku*, *Słownik języka polskiego* Bogumiła Lindego) odnotowują następujące konstrukcje objaśnione w sposób sugerujący, iż są one efektami uniwerbizacji:

chłód ‘miejsce chłodne’ (SXVI) ‘powietrze chłodne’: *Obrocił fie wnet z drogi/ áby vlzył głodu/ A iżby odpoczynął w gorącości w chłodu* (SXVI),

chłód “(...) często jedno znaczy, co **powietrze chłodne**” (z definicji w SL),

drób ‘drobne zwierzęta domowe’: *Gospodarstwo około drobiu albo ptactwa domowego* (SL); *Tákże wszystkie dziesięciny/ z rogátęgo bydła y z drobnęgo bydła/ wszystkiego co przechodzi pod laską pásterską, kázde dziesiąte/ będzie poświęcone Pánu [!]*. BG Kpł XXVII, 32–33. (SXVII–XVIII)

*Już ja więcej czabanów rogatych na wasze Ani **bydła drobnęgo** nie pożonę pasze.* ZimBSiel 133 (SXVII–XVIII).

We współczesnym języku polskim *drób* oznacza już tylko ‘ptactwo domowe, jak kury, gęsi, kaczki itp., hodowane ze względu na mięso, pierze i jaja’ (USJP). Mamy zatem do czynienia z jednoznacznym interpretacyjnie

² Przykłady czerpię głównie z monografii Sylwii Sojdy *Procesy uniwerbizacyjne w języku słowackim i polskim* (Sojda 2011).

³ Wykaz wykorzystanych słowników wraz ze skrótami znajduje się w sekcji Literatura.

przykładem zawężenia znaczenia, które dokonało się już po procesie uniwerbizacji.

Nie ma natomiast pewności, czy leksemy *kwas* ‘substancja kwaśna’ czy *głębia* ‘głęboka woda’ można interpretować jako efekty uniwerbizacji, nie ma bowiem poświadczeń w materiale historycznym, które uprawomocniałyby tę hipotezę. Nie można jej jednak wykluczyć. Materiał dawny nie daje nam stuprocentowej pewności, czy połączenie, które hipotetycznie mogło motywować derywat dezintegralny było ustabilizowane, a to przecież jeden z warunków powstania uniwerbizmu. Są to zatem przypuszczenia, których uzasadnieniem mogą być tylko analogiczne procesy zachodzące współcześnie, ponieważ do ich weryfikacji możemy wykorzystać kompetencję językową.

Również na późniejszych etapach rozwoju języka takich przykładów nie brakowało. Prezentuję tylko te, które przetrwały do czasów współczesnych, choć należy pamiętać, że ta technika jest z jednej strony produktywna, z drugiej zaś formacje powstałe z jej udziałem często miały charakter kontekstowy. Potwierdzeniem owej kontekstowości jest między innymi to, że ich znaczenie aktualizowało się w tekście, por. np. *kryształ* ‘szkło kryształowe’ lub ‘cukier kryształowy’.

Wiele z nich to językowe efemerydy, ściśle związane z określonym momentem historyczno-społecznym (np. *nylony* pończochy nylonowe’, *loden* ‘płaszcz lodenowy’, *tranzystor* ‘radio tranzystorowe’). Przyjrzyjmy się przykładom, które przetrwały do dziś⁴:

kreda < papier kredowy,
kryształ < cukier kryształowy, szkło kryształowe,
odblask < wisior odblaskowy, trójkąt odblaskowy,
olej < obraz olejny,
pasażer < statek pasażerski,
puchar < zawody pucharowe, mecz pucharowy⁵,
smyczki < instrumenty smyczkowe⁶,
szczotka < odbitka szczotkowa,

⁴ W tym miejscu korzystam z przykładów podanych w książce Jadwigi Chłodzińskiej-Świąteczkiej *Rzeczowniki postadiektywne. Studium słowotwórczo-leksykalne*

⁵ Uniwerbizm *puchar* w znaczeniu ‘zawody pucharowe’ utrwalał w wielu nazwach własnych, np. Puchar Narodów (skoki narciarskie), Puchar Narodów Afryki (piłka nożna).

⁶ Tu kolejnym etapem jest personifikująca substancywizacja ‘ludzie grający na smyczkach’.

tryb < koło trybowe,
żałoba < ubiór żałobny⁷,
szkła ‘wyroby szklane’
srebra ‘wyroby srebrne’
brąz ‘medal brązowy’
ortalion ‘płaszcz ortalionowy’
pianka ‘fajka piankowa’
piszczel ‘kość piszczelowa’
pergamin ‘papier pergaminowy’
słupek ‘obcas słupkowy’
pers ‘dywan perski’, ‘kot perski’ (kontekstowy)
francuz ‘choroba francuska; ‘klucz francuski’.

Ciekawe, że wiele nazw etnicznych i geograficznych powstało właśnie w wyniku uniwerbizacji dezintegracyjnej i te uniwerbizowane są zwykle częściej używane (także w nomenklaturze oficjalnej) niż ich wielowyrzowe odpowiedniki (np. *Atlantyk* < Ocean Atlantycki, *Hel* < *Półwysep Helski*, *Karaiby* < Wyspy Karaibskie, *Balkany* ‘kraje bałkańskie’). Jak widać z przytoczonych przykładów uniwerbizmy dezintegralne przynależą do różnych kategorii słowotwórczych (ogólnorelacyjne, np. *pasażer* ‘samolot pasażerski’, materiałowe, np. *szkła* ‘wyroby szklane’). Są też zróżnicowane, jeśli chodzi o charakter podstawy: mogą nią być konstrukcje o charakterze porównawczym (np. *piszczel* ‘kość piszczelowa’ < *piszczel* ‘narzędzie niby rura do piskania’ (SL), *motylek* ‘styl motylkowy’); mogą to być przymiotniki prefigowane, np. *anty doping* ‘akcja antydopingowa’ bądź przymiotniki powstałe od wyrażen syntaktycznych, (np. *nadbałtyk* ‘kraje nadbałtyckie’).

Ze zgromadzonego materiału wynika kilka wniosków szczegółowych:

- uniwerbizacja dezintegralna jest w polszczyźnie modelem produktywnym;
- model ten był obecny już w najdawniejszej polszczyźnie, co potwierdzają przykłady;
- model ten jest “silny”, to znaczy powstanie uniwerbizmu doprowadza zwykle do zaniku konstrukcji syntaktycznej, np. *migdałowy orzech* > *migdał*, *kokosowy orzech* > *kokos*. Ten wniosek ma charakter wstępny

⁷ W wyniku przeniesienia ten uniwerbizm ma też dzisiaj znaczenie, które jest dominujące ‘czas, w którym nosi się żałobę’. Rzecz jasna tego znaczenia nie można już interpretować jako uniwerbizmu, ponieważ nie mamy utrwalonego połączenia *żałobny czas*.

- należałoby potwierdzić tę obserwację na większej liczbie przykładów;
- wydaje się, że najważniejszą przyczyną zaniku synonimicznych konstrukcji syntaktycznych jest polisemiczność podstawowego przymiotnika, rozumiana jako potencja do przyłączania wielu rzeczowników: np. *migdałowy* (orzech, olej, smak, kształt, itp.). Powstały uniwerbizm (*migdał*) konkretyzuje treść, wykluczając tym samym wieloznaczność. Wydaje się, że podobne zjawisko ma miejsce w leksemie *drób*, który również, jak można przypuszczać, jest efektem uniwerbizacji. Inaczej jest z przymiotnikami, których łączliwość jest mocno ograniczona, np. *permski* (okres) > *perm*, *akutowy* (akcent) > *akut* - wówczas uniwerbizm i połączenie syntaktyczne współlistnieją w jednej płaszczyźnie czasowej (choć czasami są zróżnicowane stylistycznie).

Materiał historyczny pozwala też podjąć polemikę z prezentowanym w opracowaniach synchronicznych sądem, że model ten uaktywnił się w latach 70. (por. np. Jadacka 2000: 89). Trzeba bowiem przypomnieć, że bogaty materiał zawarty w monografii Chłudzińskiej-Świąteczkiej został przedstawiony co prawda w roku 1979, ale pochodzi z bardzo różnych okresów polszczyzny, także tych najdawniejszych⁸.

3. Kompozycja jako technika uniwerbizacyjna

Drugi typ bezafiksальной uniwerbizacji reprezentują złożenia, które jednocześnie spełniają podstawowe wyznaczniki uniwerbizacji.

Kierunek zmian polegający na wzroście roli derywacji niesufiksальной w słowiańskim słowotwórstwie potwierdza zatem także inna technika uniwerbizacyjna – kompozycja. Oczywiście nie wszystkie kompozita są jednocześnie uniwerbizmami. Za takie uważam złożenia mające w podstawie konstrukcję nominalną (i jest to zarazem wielowyrazowy odpowiednik), na którą składają się dwie samodzielne jednostki. Nie rozpatruję zatem leksemów z tzw. prefiksoidami typu *pro-*, *auto-*, *neo-*, *inter-*, itp. W tych przypadkach mamy bowiem do czynienia z tzw. złożeniami hybrydalnymi. Interesujące mnie kompozycje, będące jednocześnie uniwerbizmami, ilustrują następujące przykłady:

⁸ Źródłem dla Chłudzińskiej-Świąteczkiej był między innymi leksykon Bogumiła Lindego, a on gromadzi, jak wiadomo, leksykę od XVI wieku.

ekoturystyka < turystyka ekologiczna⁹,
ekobiznes < biznes ekologiczny,
ekogospodarstwo < gospodarstwo ekologiczne,
sekturystyka < turystyka seksualna
fotopodróż < podróż fotograficzna
ekowędrowka < wędrowka ekologiczna
eurowędrowka < wędrowka europejska¹⁰

Omawiane przeze mnie techniki uniwerbizacyjne łączy bezsufiksalsność i ucięcie (dezintegracja). Jednakże są pomiędzy nimi także znaczne różnice. W poprzedniej (1.) części artykułu opisałam uniwerbizmy, które w sensie strukturalnym oparte są na jednym morfemie. Znaczenie zostaje ściągnięte do tematu przymiotnikowego (np. *pers* ‘dywan perski’). Dodatkowo następuje jeszcze dezintegracja polegająca na usunięciu morfemu przymiotnikowego (-*ski*). W złożeniach, które wymieniam teraz i które również należy uznać za uniwerbizmy sytuacja wygląda nieco inaczej: w uniwerbizmie mamy obie podstawy (to istota złożenia), ale ze złożonego morfologicznie leksemu przymiotnikowego do uniwerbizmu wchodzi tylko jedna część – ta, która jest głównym nośnikiem znaczenia. Model wyglądałby zatem tak:

ekologia – *ekologiczny* – *ekogospodarstwo*,
fotografia – *fotograficzny* – *fotopodróż*
Europa – *europejski* – *eurowędrowka*

Oczywiście możemy też przyjąć bezpośrednią motywację rzeczownikową, ale zgodnie z regułami synchronicznej analizy słowotwórczej ta przez przymiotnik jest bardziej uzasadniona. Istnieją również inne powody, aby przyjmować taki kierunek działania reguł słowotwórczych: do uniwerbizacji dochodzi, gdy konstrukcja syntaktyczna ma charakter stały lub przynajmniej ustabilizowany, a zatem mamy prawo zakładać, że najpierw połączenie się stabilizuje, a potem dopiero uniwerbizuje. Kolejnym argumentem przemawiającym za takim sposobem wnioskowania jest fakt, iż interesujące mnie uniwerbizmy oparte są na podstawach zapożyczonych.

⁹ W przypadku niektórych podanych tu przykładów istnieją ich odpowiedniki angielskie (np. *ecotourism*, *sextourism* - zob. <http://www.thefreedictionary.com/ecotourism>, ale można podejrzewać, że polskie odpowiedniki nie są kalkami, lecz niezależnie utworzonym derywatem. Wnioskuje tak na podstawie drugiego członu złożenia, jakim jest *turystyka*, a więc leksem od dawna obecny w zaadaptowanej formie w polszczyźnie.

¹⁰ Przykłady *ekowędrowka*, *eurowędrowka* *fotopodróż* pochodzą z artykułu Iwony Burkackiej (Burkacka, w druku)

Jak wiadomo, najczęściej zapożyczaną częścią mowy jest rzeczownik, który w miarę osadzania się w zasobie leksykalnym języka biorcy, zaczyna wykazywać aktywność derywacyjną, czyli powstaje przymiotnik (np. *ekologiczny*) (zob. Bartmiński 1992: 10–11). Kolejnymi etapami są stabilizacja połączenia (np. *ekologiczne gospodarstwo*) i powstanie uniwerbizmu (*ekogospodarstwo*).

Należy podkreślić, że jest to model stosunkowo nowy w polszczyźnie: nie został na przykład omówiony w syntetyzującym opracowaniu Hanny Jadackiej, poświęconym polskiemu systemowi słowotwórczemu w latach 1945–2000 (Jadacka 2001). Nie trzeba dodawać też, że w historycznej polszczyźnie ten wzorzec nie istniał (nie potwierdza go materiał ze *Słownika staropolskiego*). Dodatkowym, o nieco mniejszej wadze, argumentem poświadczającym, że został on ukształtowany niedawno, jest to, że we wszystkich poddanych obserwacji przypadkach, definicja strukturalna pokrywa się w pełni ze słowotwórczą, co zdarza się zwykle na początkowym etapie obecności jednostki w inwentarzu leksykalnym danego języka. Proces rozluźniania więzów semantycznych pomiędzy podstawą a derywatem trwa bardzo długo i, jak wiemy, w wielu przypadkach prowadzić może do leksykalizacji. Opisywane złożenia nie są, w przeciwieństwie do modelu omówionego w poprzednim podrozdziale, zależne od kontekstu, a także nie ma wśród nich formacji polisemicznych.

4. Substantywizacja jako technika uniwerbizacyjna

Wśród bezafiksalnych uniwerbizmów można zaobserwować jeszcze jeden wzorzec, który co prawda nie jest tak produktywny, jak te poprzednio omówione, tym niemniej należy o nim wspomnieć, aby dopełnić obraz bezsufiksalnych technik uniwerbizacyjnych. Myślę tu o substantywizacji adjektywnego członu zestawienia. Przykłady pochodzą w tym przypadku z bardzo różnych stadiów rozwojowych polszczyzny:

W okresie staropolskim stosunkowo dużo było formacji, które nazywały daniny, opłaty, podatki czy powinności. Zwykle mają one postać przymiotnikową i można przyjąć dwojaką ich interpretację:

- a. motywuje je rzeczownik (np. *budne* ‘opłata za budę’ < *buda*; *achtelowe* ‘danina od piwa’ < *ahtel* ‘mała beczka’)
- b. motywuje je połączenie (odnotowane bądź nie) (np. *budne* < *budna oplata*; *ahtelowe* < *achtelowa oplata*).

W tym drugim przypadku mielibyśmy do czynienia właśnie z substancywizacją przymiotnika wchodzącego w skład połączenia nominalnego, a zatem tym samym z procesem uniwerbizacyjnym bezafiksальnym. Typ ten jest ciągle produktywny nie tylko w języku polskim (zob. np. Sojda, 2011: 54–58). W tak rozumianej uniwerbizacji pojawia się tzw. elipsa kontekstowa, w wyniku której następuje substancywizacja, czyli z ustabilizowanego połączenia usunięty zostaje składnik rzeczownikowy. Przyjrzyjmy się współczesnym przykładom:

pracownik mundurowy > *mundurowy*

pociąg osobowy > *osobowy*

kotlet mielony > *mielony*

siostra salowa > *salowa*

dyrektor naczelny > *naczelny*

Oczywiście do procesów uniwerbizacyjnych zaliczamy tylko substancywizacje odnoszące się do ustalonych połączeń wyrazowych. Warunkiem jest tutaj nie tylko przejęcie przez substancywizowany rzeczownik znaczenia całego określenia wyrazowego, ale także cech kategoryalnych rzeczownika (Sojda 2011: 57)

5. Zakończenie

Podjmując rozważania o uniwerbizacji bezafiksальной w polszczyźnie stawiałam sobie kilka celów. Chciałam między innymi potwierdzić obecne w polskiej literaturze lingwistycznej sądy o wzroście roli słowotwórstwa bezafiksального w naszym systemie słowotwórczym. Jak się okazuje także w obrębie procesów uniwerbizacyjnych można zaobserwować stale rosnącą liczbę konstrukcji powstałych w oparciu o techniki bezafiksalne. Zgromadzony materiał poświadcza, że nie chodzi tutaj tylko o liczby bezwzględne, ale przede wszystkim o tworzenie się nowych modeli derywacyjnych (*ekogospodarstwo*).

Starłam się także pokazać, że odwoływanie się do materiału historycznego (choćby tylko sondażowe) może uwiarygodnić niektóre rozważania oraz zwrócić uwagę na dynamikę procesów językowych. W tym konkretnym przypadku chodzi mi o postępowanie po śladach, jakie zostawiły po sobie niektóre (często nieodnotowane) połączenia wyrazowe. Tymi “śladamimi” były w przypadku moich analiz zuniwerbizowane (lub podejrzewane o uniwerbizację) konstrukcje odnotowane w dawnej polszczyźnie. Jest to

z pewnością jeden ze sposobów, aby nie tylko obserwować współczesność, ale także dopełniać obraz zasobu leksykalnego polszczyzny w przeszłości.

Literatura

- Jerzy BARTMIŃSKI, 1992: Nazwiska obce na tle kontaktów językowych i kulturowych. MAĆKIEWICZ, Jolanta, SIATKOWSKI, Janusz (red.). *Kontakty języka polskiego na tle kontaktów kulturowych. Język a kultura. T. 7*. Wrocław: Wydawnictwo Fundacji dla Uniwersytetu Wrocławskiego, 9–15.
- Iwona BURKACKA: *Słowotwórczy obraz podróży i wędrówki*, w druku.
- Danuta BUTTLER, 1981: Tendencje rozwojowe w zasobie słownym powojennej polszczyzny. KURKOWSKA, Halina (red.). *Współczesna polszczyzna. Wybór zagadnień*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 186–220.
- Jolanta CHLUDZIŃSKA-ŚWIĄTECKA, 1979: *Rzeczowniki postadiektywne. Studium słowotwórczo-leksykalne*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Stanisław DUBISZ (red.), 2003: *Uniwersalny słownik języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN (USJP).
- Juraj FURDIK, 1993: *Slovotvorná motivácia a jej jazykové funkcie*. Levoca.
- Włodzimierz GRUSZCZYŃSKI, red. *Elektroniczny słownik polszczyzny XVII i XVIII wieku*: <http://sxvii.pl/lista> (dostęp luty - kwiecień 2017) (SXVII–XVIII)
- Hanna JADACKA, 2001: *System słowotwórczy polszczyzny 1945–2000*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Krystyna KLESZCZOWA, 2005: Czas i język. MORZYMAS, Jan (red.). *Biuletyn Studium Generale. Seminaria Interdyscyplinarne. T. 10*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 57–73.
- Samuel BOGUMIŁ LINDE, 1854: *Słownik języka polskiego*, Lwów (wydanie drugie, przedruk Warszawa 1994) (SL).
- Renata MAYENOWA (red.), 1996: *Słownik polszczyzny XVI wieku*. Wrocław – Warszawa – Kraków (SXVI).
- Halina MIECZKOWSKA, 2002: Nowe techniki derywacyjne w języku polskim i słowackim. RUSEK, Jerzy, BORYŚ, Wiesław, BEDNARCZUK, Leszek (red.). *Dzieje Słowian w świetle leksyki*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 291–299.
- Artur REJTER, 2010: Uniwerbizacja jako problem historycznojęzykowy. KUŹMIŃSKI, Marek, OSIEWICZ, Marek (red.). *Żywe problemy historii języka polskiego*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 75–85.

- Sylvia SOJDA, 2011: *Procesy uniwerbizacyjne w języku słowackim i polskim*. Katowice: Uniwersytet Śląski Wydawnictwo Gnom.
- Stanisław URBAŃCZYK (red.), 1953–2001: *Słownik staropolski*. Wrocław – Warszawa – Kraków (Sstp).
- Krystyna WASZAKOWA, 1993: *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki z formantami paradygmatycznymi*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Krystyna WASZAKOWA, 1994: *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne obce*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Krystyna WASZAKOWA, 2005: *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

The Old and New Non-suffixal Techniques of Univerbation

The paper presents three ways of creating univerbism: 1. cutting of word formative morpheme (eg. *kompakt* < *plyta kompaktowa*), 2. compound (eg. *ekogospodarstwo* < *gospodarstwo ekologiczne*), 3. substantivation (eg. *mielony* < *kotlet mielony*). The author proves that non-suffixional derivation predominates in the contemporary Polish word formative system. The gathered material dates back to Old Polish as well as to the contemporary language. The analyses demonstrate that some univerbation techniques were present also in the historical Polish (eg. substantivation – compare *budna oplata* > *budne* and disintegration of the word stem – compare *chłodne miejsce* > *chlód*). The author is convinced that the research of the contemporary Polish could support and enrich the analyses of old Polish language and, at the same time, the old material can verify the hypothesis on modern language.

Зоя Ю. Петрова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия, Москва
zoyp@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОМОНИМИЯ УНИВЕРБАТОВ – ПРОИЗВОДНЫХ ОТ НАЗВАНИЙ СТРАН: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект исследования – имена существительные с суффиксом *-к(a)*, образованные путем универбации от прилагательных – производных от названий стран. По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) определяются все значения рассматриваемых универбатов, употребительность каждого и время его появления в языке. Рассматривается взаимодействие словообразовательной и семантической деривации в исследуемом классе слов. Выделяются смысловые подгруппы дериватов с рассматриваемым суффиксом, определяется их продуктивность. Для подтверждения и дополнения данных НКРЯ привлекаются сведения из Интернета. Проводится сравнение с данными словарей. Полученные результаты могут быть полезны для лексикографов при словарном описании лексико-семантической структуры соответствующих слов.

Ключевые слова: универбаты, словообразовательная омонимия, полисемия, суффикс *-к(a)*, лексикография

The article considers Russian nouns with the suffix *-k(a)* formed by means of univerbation from adjectives – derivatives from the names of countries. On the basis of the Russian National Corpus (RNC) all meanings of these derivatives are determined, their usage frequency is counted, the time of appearance in the language is detected. The interaction of word-formation and semantic derivation in the investigated class of words is considered. The semantic subgroups of derivatives with the suffix under consideration are identified, their productivity is determined. Information from the Internet is used to confirm and supplement the data of the RNC. Comparison with the data of the dictionaries is carried out. The obtained results can be useful for lexicographers in the dictionary description of the lexico-semantic structure of the corresponding words.

Key words: univerbation, word-formation homonymy, polysemy, suffix *-k*, lexicography

1. В работе рассматриваются имена существительные с суффиксом *-к(а)*, образованные путем стяжения неоднословных наименований, – производные от прилагательных, образованных в свою очередь от названий стран. В. Н. Виноградова относит эту группу слов к разговорным словообразовательным средствам, отмечая недолговечность многих из них (Виноградова 2012: 91)¹.

Как и другие слова с суффиксом *-к(а)*, мотивированные словосочетаниями, они чаще всего имеют несколько лексических значений, обозначая денотаты разных тематических групп; каждому из значений соответствует определенное мотивирующее словосочетание (Русская грамматика, т. I: 171). Даже беглый взгляд на наличие / отсутствие таких наименований в словарях позволяет отметить их разный статус в плане закрепления в языке: одни фиксируются в виде лексико-семантических вариантов слова в большинстве словарей (например, *венгерка* ‘куртка’), другие не во всех словарях (например, *венгерка* ‘сорт сливы’), третьи вообще не фиксируются словарями (например, *венгерка* ‘булочка с творогом по венгерскому рецепту’).

Цель данного исследования – очертить круг всех возможных значений (употреблений) рассматриваемых универбатов и по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) определить употребительность каждого и по возможности время его появления в языке. В подобной четко очерченной семантически группе слов можно выделить смысловые подгруппы дериватов с рассматриваемым суффиксом и попытаться определить, слова каких тематических групп чаще всего образуются с данным суффиксом от словосочетаний с прилагательными, образованными от названий стран. Для подтверждения и дополнения данных НКРЯ привлекались также данные Интернета. Проводилось сравнение с данными шести словарей (БАС 2004–; МАС 1957–1961; Ожегов, Шведова 1992, Ушаков 1994; Ефремова 2000; БТС 2004).

Анализируемые языковые единицы отбирались следующим образом: на основании списка стран, взятого из “Википедии”, был составлен список производных с суффиксом *-к(а)* от соответствующих прилагательных. Все эти слова в качестве одного из (или единственного ЛСВ) имеют значение ‘представительница населения соответствующей

¹ Широкое распространение универбации как способа стяжения наравне с аббревиацией в русском языке в 40-е – 60-е гг. XX в. отмечено в книге “Русский язык и советское общество” (Алексеев, 1968).

щей страны’. Затем все они были проверены по НКРЯ на предмет наличия контекстов, в которых они имеют некоторое другое значение (или несколько значений), кроме топонимического (например, *Молдаванка* – район Одессы) и значения ‘учительница определенного языка’ (*англичанка, немка* и т. п.). Получился список из 28 слов: *американка, афганка, болгарка, венгерка, голландка, датчанка, ирландка, испанка, итальянка, канадка, киргизка, литовка, македонка, немка, осетинка, полька, украинка, финка, шведка, швейцарка, шотландка, эстонка, японка*; некоторые из них употребляются преимущественно в форме множественного числа: *вьетнамки, норвежки, румынки, чешки*. И одно слово – дериват от названия *Китай* – *китайка* – практически не употребляется для обозначения лица женского пола. В этом значении употребляется слово *китаянка*.

2. Рассмотрим основные из указанных дериватов в порядке убывания количества контекстов их употребления в НКРЯ.

Финка: универбаты употребляются в 320 контекстов из 654 (49%), распределение значений следующее: ‘нож’ – 312 контекстов (с 1920-х по 2010-е гг.), ‘шапка’ – 6 контекстов (1924–2008), ‘лошадь’ – 1 контекст (1958 г.), ‘шлюпка’ – 1 контекст (1888). Словари фиксируют в большинстве случаев те же четыре значения.

Интернет добавляет к этому еще одно значение слова, в форме мн.ч.: ‘сани’: “Финские сани (финки) – сани с длинными полозьями и рукоятками на спинке сидения”. Это употребление тоже является неофициальным синонимом словосочетания прилагательного с существительным.

Венгерка: 231 контекст употреблений универбатов из 325 (71%). Чаще всего употребляется значение ‘куртка’ – 325 контекстов (с 1826 по 2004 г.), далее – ‘танец (музыка)’ – 52 контекста (с 1855 по 2005 г.), ‘слива’ – 5 контекстов (1887–2008 г.), ‘сирень’ – 3 контекста (2004 г.), ‘шапка’ – 2 контекста (1870 г.) и ‘стрижка’ – 1 контекст (1998 г.). Три словаря из шести просмотренных (Ожегов – Шведова, МАС и Ушаков) фиксируют всего два значения – ‘куртка’ и ‘танец’, в остальных трех отмечено и значение ‘сорт слив’. Связь с мотивирующим словосочетанием с прилагательным у значений слова *венгерка* не столь очевидна, как в случае, например, *финка – финский нож*. Слово *венгерка* не синонимично словосочетаниям *венгерская куртка, венгерский танец*, прилагательное *венгерский* связано с этими значениями

более сложным образом, ср., например, МАС: “венгерка 1. Вышедшая из употребления куртка с нашитыми поперечными шнурами *по образу формы венгерских гусар*; 2. Бальный танец, в основу которого положены движения и мелодия, *характерные для венгерских народных танцев*, а также музыка к этому танцу”.

Все значения, найденные в НКРЯ, встречаются и в Интернете. Кроме того, Интернет позволяет дополнить круг значений такими, как ‘ватрушка’ и ‘рыболовная резинка’. В первом из них связь с мотивирующим словосочетанием простая и очевидная, во втором требуется привлекать из Интернета специальные поясняющие сведения: “Венгерка ещё бывает и круглого сечения. Вначале трудно было получить резину с такими характеристиками нужного диаметра, поэтому применяли переплетённые шнуры, свитые из тонких нитей. В России прижилось название, действительно по аналогии с гусарской формой венгров”.

Надо отметить, что помета “устар.”, имеющаяся у значения ‘куртка’ в словаре Ожегова – Шведовой, не подтверждается данными НКРЯ и Интернета: в НКРЯ есть вполне современные контексты его употребления, в Интернете на ряде сайтов обсуждаются элементы венгерки в современной одежде. Можно говорить не о том, что устарело слово, а о том, что вышла из употребления соответствующая реалья.

Китайка: 110 контекстов из 149 (74%): ‘материал’ – 67 контекстов, ‘яблоня (яблоки)’ – 37 контекстов, ‘пшеница’ – 1 контекст. Словари фиксируют первые два значения, Интернет тоже.

Голландка: 109 контекстов из 190 (57%): ‘печь’ – 91 контекст (1870-е – 2000-е гг.), ‘рубашка’ – 12 контекстов (1895–1979), ‘корова’ – 3 контекста (1878–1951), ‘курица’ – 2 контекста (2000-е гг.), ‘мельница’ – 1 контекст (1928–1940). Словари фиксируют все значения, кроме ‘мельницы’, объединяя ‘корову’ и ‘курицу’ в одно, например, Словарь Ожегова – Шведовой: “Животное (самка) голландской породы (корова, курица)”. Те же употребления, которые встретились в НКРЯ, обнаружались и в Интернете, в том числе и редкое ‘мельница’: *Есть на родине М. В. Ломоносова редчайший памятник деревянного зодчества – ветряная мельница шатрового типа, чаще мельницы такого типа называются “голландками”*.

Испанка: 106 контекстов из 403 (26%): ‘грипп’ – 97 контекстов (1919–2011, ‘пилотка’ – 5 контекстов (1982–2001), ‘шахматная партия’ – 2 контекста (2002–2004), ‘борода’ – 1 контекст, ‘собака’ – 1 контекст, который демонстрирует не универбацию, а семантическую деривацию (перенос ‘человек’ → ‘животное’), подчеркнутую местоимением эта: *Лохматую и коротконогую, которая после борзых казалась как бы соскочившей с ходуль, звали спаниель. Уши у этой низкорослой испанки свисали до земли, а короткий хвост все время качался с неустанностью маятника* (Марта Баранова, Евгений Велтистов 1962).

Всеми словарями фиксируется первое значение, только БАС включает еще и значение ‘головной убор’, не объясняя происхождение названия: “Головной убор в виде прямоугольника с кисточкой на переднем уголке”. В Интернете мы находим объяснение: *Испанка – это не просто пилотка, а высокая, с кисточкой на передней вершине, появилась в СССР со времён испанской войны. У* не включенного в словари значения ‘борода’ в Интернете находим синонимичное словосочетание *испанская бородка*.

Американка: 62 контекста из 729 (8,5%). У этого деривата самое большое количество значений, выделяемых по данным НКРЯ: ‘разновидность бильярда’ – 21 контекст (наиболее ранние контексты в НКРЯ датируются 1930-ми гг.), ‘пари’ – 14 контекстов (с 1960-х гг.), ‘экипаж’ – 13 контекстов (6 из них – цитаты известной песни “Ах, шарабан мой, американка...”), остальные 7 датируются 1854–1925 гг.; можно предположить, что в этом значении дериват выходит из употребления), ‘печатная машина’ – 9 контекстов (1910–1942), ‘игра в мяч’ – 2 контекста и довольно много значений, которые представлены всего одним контекстом: ‘картошка’, ‘тушенка’, ‘трамвай’, ‘промывочная машина’, в форме множественного числа: ‘санки’, ‘стекла очков’, ‘часы’. Данные Интернета подтверждают большинство этих значений, приводятся определения терминов, например: “Американка – промывочный аппарат, в котором промывка сопровождается грохочением”, “Американка – трамвайный поезд ЛМ-33 + ЛП-33 в парке имени Леонова” и т. п.

Просмотренные словари выбирают разные значения деривата: значение ‘экипаж’ отражено в трех словарях: Ушакова, Ефремовой и БАС, значение ‘печатная машина’ фиксирует Словарь Ушакова, значение ‘пари’ имеется в БАС. Кроме того, в Словаре Ушакова имеется не

встретившееся ни в НКРЯ, ни в Интернете значение ‘Сорт яровой пшеницы на юге СССР (спец.)’

Поиск в Интернете позволил выявить еще довольно много значений деривата *американка*. Некоторые из них относятся к области техники: ‘вид разъемного соединения труб’, ‘лапка швейной машины’, другие – к области спорта: ‘подтягивание на турнике’, ‘волейбол’, ‘вариант игры в теннис’, третьи – к области ботаники. Кроме ‘пшеницы’, к последнему классу относятся ‘яблоня’: Яблоня “Американка”. *Яблоки американка получили такое название, так как пришли к нам из-за океана. Их родиной по праву считается Америка; ‘сорняк’: Одоле-ла американка. Как с ней бороться? Известный сорняк, называемый американкой – это трава галинсога. Она действительно была завезена из Америки вместе с семенами возделываемых зерновых культур.* Встречаются и другие значения деривата: ‘юбка’, ‘отделочная доска’. В ряде контекстов *американка* обозначает автомобиль, например, на автомобильном сайте: “У меня американка”. Представляется, что такие словоупотребления иллюстрируют не универбацию, а семантическую деривацию (‘человек’ → ‘машина’) (ср. выше: *испанка* – о собаке: перенос ‘человек’ → ‘животное’). Это подтверждает и наличие соответствующих обозначений мужского рода: *американец: Продажа американских автомобилей в Москве. <...> Совсем не удивительно, что “американцы” так популярны в нашей стране.* Такая семантическая деривация – называние автомобилей определенной страны-производителя именем лица (мужского или женского рода) – представителя населения этой страны – достаточно продуктивная метафорическая модель в языке последних лет, ср. *немка, немец; итальянка, итальянец; японка, японец* (например: *Выбираем машину: “японка” или “немка”?*; *В плане тюнинга удобнее “японцы”*).

Вьетнамки: 27 контекстов из 50 (54%) (употребляется во мн.ч., хотя форма ед.ч. возможна), ‘обувь’. Из просмотренных словарей зафиксировано в БАС и Словаре Ефремовой. Судя по НКРЯ, употребительно в современном языке (контексты датируются 1984–2012 гг.), встречается чаще, чем обозначение национальности. Данные Интернета подтверждают это. В Интернете можно найти и вероятную мотивацию названия: *Скорее всего, вьетнамки в СССР начали импортировать именно из Вьетнама.*

Шотландка: 20 контекстов из 56 (35%): ‘ткань’ – 16 контекстов (с 1850-х гг. по настоящее время), ‘кепка’ – 3 контекста (1868, 2001),

‘юбка’ – 1 контекст. Все исследованные словари фиксируют одно значение – ‘ткань’. Интернет добавляет к имеющимся в корпусе еще несколько значений: ‘кошка’, ‘корова’, ‘брюки’.

Канадка, канадки – 13 контекстов из 42 (31%): ‘куртка’ – 5 контекстов (1962–1983), ‘стрижка’ – 5 контекстов (1996–2013), *канадки* – ‘коньки’ – 2 контекста, ‘дом’ – 1 контекст. В трех словарях – Ефремовой, БАС и БТС – представлены значения ‘куртка’ и ‘стрижка’. В Интернете обнаружены три значения, кроме ‘дом’.

Румынка, румынки – 8 контекстов из 61 (13%): ‘женские ботинки’ – 5 контекстов (1964–1994), ‘печь’ – 3 контекста (1935–1976). Значение ‘ботинки’ есть в трех словарях: Ушакова, БАС и в Словаре Ефремовой. В Интернете это значение тоже есть, при этом указаний на мотивирующее словосочетание с прилагательным румынский не обнаружено, зато указано время появления реалии: *Румынки – тёплые короткие зимние дамские ботинки на пуговицах или на завязках спереди. Носили румынки в Советском Союзе в 50-х годах XX века* (время самого раннего контекста в НКРЯ вполне соответствует этим данным). Значения ‘печь’ в Интернете не найдено, можно предположить, что оно вышло из употребления, и раньше будучи достаточно редким. Зато Интернет добавляет к списку значений еще одно, типичный универбат – разговорное стяжение официального наименования, – относящееся к спортивной терминологии: ‘румынская становая тяга в бодибилдинге’.

У нескольких слов ни одно значение, отличающееся от обозначения представительницы населения соответствующей страны, не зафиксировано в словарях, однако в НКРЯ и Интернете эти значения, хотя и редко, отмечены: *афганка* ‘армейский костюм / куртка’ – 3 контекста, ‘кепка’ – 1 контекст (Интернет добавляет еще значение ‘собака’ – *афганская борзая*; употребляется и слово мужского рода *афганец*), *ирландка* ‘собака’ – 2 контекста, ‘курица’ – 1 контекст; *датчанка* ‘елка’ – 1 контекст, ‘судно’ – 1 контекст, ‘собака’ – 1 контекст; *македонка* ‘бомба’ – 3 контекста; *осетинка* ‘водка’ – 1 контекст, ‘шляпа’ – 1 контекст; *эстонка* ‘лошадь’ – 1 контекст, *литовка* ‘яблоня’ – 1 контекст.

3. Подведем некоторые итоги

Корпусный анализ рассматриваемых производных от названий стран позволил выявить круг значений каждого деривата, определяемых различными обозначаемыми реалиями; подсчет количества контекстов, в которых реализуется каждое значение, показывает его употребительность.

3.1. Полезным источником для дополнения информации об употреблении рассматриваемых универбатов, полученной из НКРЯ, является Интернет. Часто данные Интернета подтверждают данные НКРЯ, выявляя у универбата то же множество значений (например, для слов *голландка*, *китайка*). Но еще чаще Интернет добавляет одно или несколько значений к этому множеству, например, *итальянка* ‘стрижка’, *американка* ‘вид соединения труб’, ‘лапка швейной машины’, ‘волейбол’, ‘вид плетения цепочки’, ‘яблоня’, ‘сорняк’, *венгерка* ‘ватрушка’, ‘стрижка’, ‘рыболовная резинка’, *полька* ‘сорт малины’ и т. д. Во многих случаях Интернет помогает прояснить значение деривата, предоставляет сведения для выяснения причины связи деривата с мотивирующим словосочетанием.

3.2. Сравнение данных НКРЯ с данными шести толковых словарей показало, что между количеством контекстов, иллюстрирующих каждое значение деривата в корпусе, и его фиксацией в словарях есть прямая связь: значения, зафиксированные в словарях, имеют значительно больше контекстов в НКРЯ. К самым употребительным универбатам, которые фиксируются всеми словарями, относятся, например, *финка* ‘нож’, *испанка* ‘грипп’, *голландка* ‘печь’, *китайка* ‘ткань’ и др. Во включении менее употребительных универбатов и их отдельных значений между словарями наблюдаются расхождения. Например, *испанка* ‘пилотка’ есть только в БАС, *американка* ‘печатная машина’ – в Словаре Ушакова, *американка* ‘пари’ – в БАС, такие широко распространенные наименования, как *вьетнамки* и *чешки*, фиксируют не все словари: *вьетнамки* находим в БАС и Словаре Ефремовой, *чешки* – только в БТС. У слова *шведка* Словарь Ушакова, БТС и БАС отмечают значение ‘лошадь’, Словарь Ушакова включает еще и значения ‘фуфайка для гимнастики’ и ‘шведская мушка’, которые отсутствуют в НКРЯ, но представлены в Интернете. У слова *японка* значение ‘покрой рукава’ фиксирует только Словарь Ефремовой. У слова *молдаванка* в Словаре Ефремовой отмечено значение ‘куртка’, которое не представлено ни в НКРЯ, ни в Интернете.

3.3. Наличие датировки контекстов в Корпусе дает возможность определить временной период употребления дериватов в каждом из значений. Здесь можно отметить такую закономерность: время появления деривата в узусе (по данным НКРЯ) соответствует времени фиксации соответствующей реалии. Например, *испанка* ‘грипп, охвативший многие страны мира в 1918–1919 гг.’ фиксируется в НКРЯ с 1919 г. Ряд производных от названий стран бывшего социалистического лагеря появляется в советское время, когда в СССР начали появляться соответствующие предметы: *румынки* ‘женская зимняя обувь’, *болгарка* ‘шлифовальная машина’, *вьетнамки* ‘сандалии’ и др.

Если с какого-то времени контекстов в НКРЯ больше нет, то можно делать предположения о неупотребительности или малоупотребительности деривата в современном языке (например, *шведка* ‘лошадь’, *итальянка* ‘шляпа’ и ‘гармонь’, *китайка* ‘пшеница’ и др.). Такого рода сведения (в том числе количественные и хронологические) дают материал лексикографам при решении о включении / невключении в словари определенного слова и его различных значений, о приписывании словам пометы “устар”.

3.4. Анализ данных НКРЯ и Интернета позволил выявить в некоторых классах производных от названий стран взаимодействие универбации с семантической деривацией. Это явление характерно для дериватов с суффиксом $-к(a)$, обозначающих животных, растения и транспортные средства – автомобили и реже корабли. В разных контекстах семантическая деривация присутствует в разной степени. Иногда можно говорить о ее взаимодействии с универбацией при образовании деривата, например: *швейцарка* ‘собака’ – белая швейцарская овчарка, *шотландка* ‘кошка’ – шотландская вислоухая, *японка* ‘собака’ – собака японской породы, *ирландка* ‘курица’: во всех этих и подобных им случаях наряду со словами женского рода столь же активно употребляются и слова мужского рода – *швейцарец*, *шотландец*, *ирландец* и пр. (такое же явление наблюдается и при назывании транспортных средств: *немка* – *немец*, *японка* – *японец* и пр.)

Эти два процесса – формальное словообразование и семантическая деривация – взаимодействуют в языке и часто друг друга поддерживают, способствуя развитию и пополнению исследуемого класса слов с суффиксом $-к(a)$.

3.5. Рассматриваемые дериваты различны с точки зрения их связи с мотивирующим словосочетанием. Обычно универбаты определяют-ся как эквиваленты словосочетаний, однословные синонимы (часто в неофициальной речи) соответствующих полных (официальных) наименований. Полные наименования стилистически нейтральны, универбаты имеют разговорную стилистическую принадлежность. Таких слов достаточно много среди исследованного класса: *финка* – *финский нож*, *шведка* – *шведская стенка*, *шведки* – *шведские шахматы*, *румынка* – *румынская становая тяга в бодибилдинге*, *афганка* – *афганская борзая*, *голландка* – *голландская печь*, *итальянка* – *итальянская забастовка*, *пчелы украинки* – *украинская порода пчел*, *швейцарка* – *швейцарская система проведения спортивных турниров* и т. д. В некоторых случаях, однако, параллельно деривату не существует синонимичного словосочетания с прилагательным, образованным от названия страны. Например, *американка* ‘трамвай’ – совсем не *американский трамвай*, *румынки* ‘обувь’ – не *румынские ботинки*. Бывают и случаи, когда словосочетание не полностью соответствует значению универбата, например: *полька* – *польский сорт малины*, *венгерка* – *венгерский танец*, *венгерская куртка* (значение словосочетаний шире, значение универбатов более специфично). Т.е. рассматриваемый класс слов включает как чистые случаи универбации, так и не вполне. Название страны может включаться в исходное для стяженной формы словосочетание (в частности, в толковых словарях) в виде производного прилагательного, но не в сочетании “прилагательное + существительное”, а более сложным образом, например: *венгерка* ‘куртка с высокой талией и нашитыми поперечными шнурами (*по образцу формы венгерских гусар*’, *японка* ‘покрой рукава женского платья, *напоминающий японское кимоно*’. Оно может присутствовать в толковании и не в виде прилагательного: *испанка* ‘особая тяжелая форма гриппа, охватившая в 1918–1919 гг. многие страны мира и *впервые описанная в Испании*’, *китайка* ‘шелковая ткань, *ввозившаяся в Россию из Китая*’, а может и вообще отсутствовать в толковании, например: *вьетнамки* ‘легкая (обычно резиновая) обувь в виде подошвы с ремешком между первым и вторым пальцем’². Часто для выяснения связи деривата с исходным мотивирующим – названием страны – приходится прибегать к своего рода

² Т. Д. Соколовская называет подобные слова, не имеющие синонимичного словосочетания, “квазиунивербатами” (Соколовская 2000: 19).

энциклопедическим сведениям. Как представляется, эти сведения полезно по возможности указывать в описании значения дериватов.

3.6. Надо отметить, что с формальной точки зрения рассматриваемые универбаты довольно часто выступают в роли приложения, выполняя атрибутивную функцию, например: *Дунул на чуб, выбившийся из-под кожаной шапки-финки, которую у нас “фимкой” зовут* (В. Астафьев 1968–1991); такая функция, видимо, свидетельствует об их недостаточной самостоятельности, промежуточном этапе в освоенности языком. Сходную семантику недостаточной освоенности, некоторой остраненности имеют и кавычки: *Наши же организм подорван необычной диетой, и над закаленным телом спортсмена берут власть малокровие от систематического уменьшения питательности употребляемой пищи <...>, “испанка” и другие недуги* (М. Рассо 1919). Кавычки могут быть сигналом терминологичности названия: *Тигельное оборудование впервые стало применяться в США, где и было изобретено во второй половине 19 века. Именно поэтому в России эти машины назывались “американками”* (Интернет).

3.7. Многие дериваты, исходными мотивирующими для которых служат названия стран, группируются в семантические классы, количество элементов которых различно. Наибольшее число универбатов от словосочетаний с прилагательными, образованными от названий стран (19), принадлежат к классу “Животные”: ‘курица’: голландка, ирландка; ‘лошадь’: финка, шведка, эстонка, киргизка; ‘корова’: голландка; ‘собака’: афганка, датчанка, ирландка, немка, швейцарка, японка; ‘кошка’: британка, шотландка; ‘пчела’: немка, украинка, ‘муха’: шведка; ‘утка’: украинка. Следующий по количеству элементов класс – “Растения” (12): ‘яблоня’: китайка, американка, литовка, ‘пшеница’: американка, китайка, украинка; ‘картофель’: американка; ‘слива’: венгерка, ‘малина’: полька, ‘хурма’: россиянка, ‘сирень’: венгерка, ‘сорняк’: американка. Далее идут классы “Одежда” (8): венгерка, голландка, канадка, японка, шведка, афганка, американка, молдаванка, “Головные уборы” (7): финка, испанка, шотландка, венгерка, итальянка, американка, осетинка, “Техника” (6): болгарка, американка ‘печатная машина’, ‘промышленная машина’, ‘соединение труб’, ‘лапка швейной машины’, шведка ‘разводной ключ’, “Обувь / коньки” (5): румынки, вьетнамки, чешки, канадки, норвежки; “Стрижка” (4): полька, канадка, венгерка, британка; “Печь” (3): голландка, румынка, шведка, “Ткань” (2): китайка, шотландка и некоторые другие классы.

Чем больше элементов в определенном классе, тем выше продуктивность соответствующего словообразовательного подтипа, вероятнее образование новых производных. Например, класс “Животные”, содержащий давно вошедшие в язык слова *голландка* ‘корова’, ‘курица’, *киргизка* ‘лошадь’, *шведка* ‘лошадь’, которые имеются в НКРЯ (даты с XIX века) и толковых словарях, пополняется, судя по данным НКРЯ (более поздние даты) и Интернета, словами *афганка*, *японка*, *швейцарка*, *британка*, *шотландка*.

3.8. Наличие у исследуемых универбатов омонимичных слов, обозначающих представительниц населения соответствующих стран, делает возможной языковую игру – контексты каламбурного сталкивания омонимов: *Я в самом начале знакомства ей говорю: “У вас в домике камин, а у меня большая хорошая голландка”. А она мне: “И эта голландка все лето будет с вами жить?”* (Евгения Пищикова 2007).

В дальнейшем было бы полезно сравнить результаты проведенного исследования универбатов – производных от названий стран с производными от названий городов и других административно-территориальных единиц.

Литература

- Дмитрий И. АЛЕКСЕЕВ, 1968: Создание новых словообразовательных способов (аббревиация). ПАНОВ, М. В. (ред.). *Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского литературного языка*. Москва: Наука.
- БАС, 2004–: *Большой академический словарь русского языка*. В 30 тт. / Под ред. К. С. Горбачевича. Санкт-Петербург: Наука. Тт. 1–23.
- БТС, 2004: *Большой толковый словарь русского языка*. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: “Норинт”.
- Валентина Н. ВИНОГРАДОВА, 2012: *Система русского словообразования в функционально-стилистическом аспекте*. Москва: ООО “Инфотех”.
- Татьяна Ф. ЕФРЕМОВА, 2000: *Новый словарь русского языка*. В 2 тт. Москва: “Русский язык”.
- МАС, 1957–1961: *Словарь русского языка (“Малый академический словарь”)*. В 4 тт. Москва: АН СССР, Институт русского языка.
- НКРЯ: *Национальный корпус русского языка* // URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (даты обращения: январь – февраль 2017 г.)

Сергей И. ОЖЕГОВ, Наталия Ю. ШВЕДОВА, 1992: *Толковый словарь русского языка*. Москва: Российская академия наук, Институт русского языка; Российский фонд культуры.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА, Т. 1, 2005: *Русская грамматика*. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Татьяна Д. СОКОЛОВСКАЯ, 2000: *Категория нормативности во вторичных наименованиях сокращенного типа*. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Москва.

Дмитрий Н. УШАКОВ (ред.), 1994: *Толковый словарь русского языка*. Москва: Русские словари.

Word-formation Homonymy of Univerbates Derived from Names of Countries: A Corpus-based Study

One of productive and semantically clearly delineated groups of univerbates in Russian language consists of nouns with the suffix *-k(a)* formed from word combinations with adjectives – derivatives from the names of countries. From each considered adjective, the suffix *-k(a)* forms a whole series of units that have different status in terms of fixation in the language in the form of lexical-semantic variants of the word: some are fixed in most dictionaries, others are not in all dictionaries, the third units are not fixed by dictionaries at all. The Russian National Corpus (RNC) makes it possible to determine more accurately the range of all possible meanings of the univerbates under consideration, to describe the usage of each of them and, if possible, the time of its appearance in the language. In addition to the RNC, useful information is provided by the Internet: it helps to clarify the meaning of each derivative, provides information for clarification of the relationship of the derivative with the motivating word combination.

A detailed corpus-based study of such a small but productive group of univerbates makes it possible to describe its functioning in the language over a significant period of time, to reveal the degree of productivity of its semantic subclasses, to detect interaction of univerbization with semantic derivation in this class of derivatives. These two processes – formal word formation and semantic derivation – interact in the language and often support each other, contributing to the development and replenishment of the investigated class of words with the suffix *-k(a)*.

Елена Петрухина

МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва

elena.petrukhina@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА УНИВЕРБАТОВ И СУБСТАНТИВАТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

Основное внимание в статье уделено исследованию суффиксальной универбации и субстантивации в русском языке. Предварительно в первом разделе рассматриваются принятые в российской лингвистике термины в связи с изучением универбации. Предпринята попытка объяснения функциональных и стилистических различий между такими производными словами, как *пятиэтажка* (суффиксальный универбат) и *столовая* (субстантиват), с использованием фактов истории русского литературного языка. Субстантивация представлена в русском языке шире, чем в других славянских языках. Большое значение для субстантивации имеют аналогические законы словообразования.

Ключевые слова: русский язык, словообразование, универбация, субстантивация

The main attention in the article is given to the study of suffixal univerbation and substantivization in the Russian language. The first part of the article deals with the terms accepted in Russian linguistics in the connection with the study of the univerbation. An attempt has been made to explain the functional and stylistic differences between such derived words as *piatietazska* (the five-story building) and *stolovaja* (dining room), using data on the history of the Russian literary language. Substantivization is presented in Russian more widely than in other Slavic languages. Rules of analogy are important for substantivization.

Key words: Russian language, word formation, univerbation, substantivization

1. Терминология и определение основных понятий

1.1. Введение

В славистике существует большая научная литература, посвященная производству слов от двухсловных и многословных наименований, в

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532а "Исконные и заимствованные форманты и модели в русском словообразовании на славянском фоне: семантические отношения, типы взаимодействия, стилистический потенциал".

которой представлены различные точки зрения на данный языковой механизм, непосредственно реализующий принцип экономии (Мартине 1963: 532–537) в языке. Впервые системно и с сопоставительной точки зрения в славянских языках его описал А. И. Исаченко, предложив термин “универбизация” (русский вариант “универбация”, который мы используем в данной статье) (Исаченко 1959: 339). В современной славистике есть расхождения в интерпретации этого механизма; наиболее распространены 1) широкое понимание универбации (как у А. И. Исаченко) и 2) более узкое, связанное лишь с аффиксальной деривацией (типа *зачетка* ← *зачетная книжка*), по М. Докулилу (Dokulil 1962: 114).

Несмотря на большую аналитическую и исследовательскую литературу по данной теме (см. обзоры работ в (Аврамова 2003; Клобуков 2015) и др. публикациях, вошедших в библиографию данной статьи), универбация продолжает вызывать оживленные дискуссии лингвистов, о чем свидетельствует и конференция 2016 г. в Сараево. Ряд важных вопросов данной тематики рассматривается в следующем разделе.

1.2. Универбация и компрессивное словообразование

Широкое понимание универбации охватывает деривационные преобразования многословных номинаций в однословные с помощью таких способов словообразования, как буквенная и звуковая аббревиация (*МГУ, ООН*); сложение с сокращением (*завлаб* ← *заведующий лабораторией*; *госучреждение* ← *государственное учреждение*); чистое сложение с интерфиксом (*первоисточник* ← *перв[ый] источник*; *новостройка* ← *нов[ая] стройка*); сращение (*вечнозеленый* ← *вечно + зеленый*); субстантивация (сущ. *выходной* ← *выходной день*), суффиксация (*зарядка* ← *зарядное устройство*, *пятиэтажка* ← *пятиэтажный дом*). У А. И. Исаченко приводится еще один тип “семантической конденсации”, характеризующей универбацию в целом, который не ведет ни к словообразовательным, ни грамматическим изменениям конденсата, а достигается за счет пропуска одного из членов устойчивого наименования – эллипса означающего члена (*Рождество [Христово]* → *Рождество*, чеш. *[železná] dráha* → *dráha*) (Исаченко 1959: 341).

При таком широком понимании универбация в российской лингвистике практически отождествляется с компрессией и компрессивной функцией, определенной Е. А. Земской (Земская 1992: 9). Например, в энциклопедии “Русский язык” автор словарной статьи В. В. Лопатин дает такое определение:

Универбация ... , компрессивное словообразование, – образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично. ... В отличие от собственно номинации, универбация используется не для обозначения словом нового понятия, а для однословного обозначения понятия, уже имеющего в языке устойчивое наименование, но составное, неоднословное (Лопатин 1997: 577).

Универбация как словообразовательный механизм может пониматься еще шире – при синтаксическом подходе к словообразованию: как процесс возникновения однословной (нерасчлененной) формы наименования, независимо от того, зафиксированы ли в языке соответствующие расчлененные номинации. Е. С. Кубрякова подчеркивала единство когнитивного механизма компрессии мотивирующего суждения в однословную номинацию независимо от того, является ли это суждение устойчивым наименованием или нет. Производное слово при этом рассматривается как свертка поверхностной структуры словосочетания, предложения или описательной номинации. Поэтому компрессия, по мнению Е. С. Кубряковой, это скорее общий “процедурный механизм” словообразовательных актов разного типа, чем конкретная функция (Кубрякова 2006).

Действительно, почти любое производное слово (за исключением некоторых дериватов, в частности стилистических модификаций типа *книжка* ← *книга* и сокращений типа *зам*) в той или иной степени можно рассматривать как компрессию мотивирующей синтаксической конструкции (номинации или дескрипции), свертку суждения об обозначаемом. Например: *фигурист* ← спортсмен, занимающийся фигурным катанием; *школьник* ← тот, кто учится в школе; *хрущевка* ← пятиэтажный блочный дом, построенный во времена Хрущева; *рассмеяться* ← начать сильно смеяться.

Широкое понимание механизма словообразовательного акта заложено и в классическом определении значения производного слова, данного Г. О. Винокуром на основе анализа его отношения с производящим.

*Значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно **такое разъяснение значения производных основ** (выделено – Е. П.), а не прямое описание соответствующего предмета действительности, и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов (Винокур 1959а: 421).*

При этом, несмотря на сходство “процедурного механизма” словообразовательных актов разных типов, семантические и функциональные различия между производными, которые соотносятся (1) с метаязыковыми дескрипциями и (2) с устойчивыми номинациями, все же являются существенными и должны быть отражены в терминологии. Поэтому мы употребляем термин “универбация” для обозначения словообразовательного механизма традиционно, в духе А. И. Исаченко – только по отношению к образованию слов второй группы, эквивалентных по значению исходным номинациям-словосочетаниям. Различия между первой и второй группами заключаются в комбинации номинативной и компрессивной словообразовательных функций у соответствующих дериватов.

У производных слов первой группы основной функцией является номинативная. У производных слов второй группы – компрессивная функция, так как номинативная функция в конкретном тексте может ослабевать. Например, в следующем тексте к одному терминологическому словосочетанию *операционный усилитель* приводятся два компрессионных производных: аббревиатура ОУ, которая введена как пояснение в скобках (и с одной целью – экономии в данном конкретном тексте), а также суффиксальный универбат *операционник*. У последнего ослабление номинативной функции отражается в употреблении кавычек, но при этом появляется дополнительная стилистическая функция разговорности.

*... Выпускается огромное количество более универсальных микросхем – так называемых операционных усилителей (ОУ). Являясь по сути своей интегральными усилителями постоянного тока с большим коэффициентом усиления, ...“**операционники**” хорошо знакомы опытным радиолюбителям (<http://modelist-konstruktor.com/pribory-promoshniki/operacziionnik-universal>).*

Со временем данное слово может стать основной номинацией для обозначения каких-либо операционных систем, как это произошло

с целым рядом универбатов, например таких как *открытка* (← *открытое письмо*). Поэтому, с нашей точки зрения, не следует универбацию (в широком ее понимании) противопоставлять деривации, как это представлено в (Теркулов 2010) и в (Дьячок 2015). Тем самым не будет противопоставлены и словообразовательные механизмы, действующие в языковой системе и тексте.

1.3. Узкое понимание универбации

В российской лингвистике встречается также более узкая трактовка универбации, восходящая, как мы уже упоминали, к М. Докулилу, когда универбат соотносится с эквивалентным по смыслу устойчивым словосочетанием, выступающим его мотивирующей базой. Так, дериват *jehličnan* М. Докулил рассматривал как универбат, так как он соотносится с терминологическим устойчивым словосочетанием *jehličnatý strom* (*хвойное дерево*), а производное слово *stařec* (*старик*) не считал универбатов, потому что оно соотносится со свободным сочетанием слов *starý člověk* (*старый человек*) (Dokulil 1962: 114–115). Отметим, что в российской лингвистике производные типа старик также обычно не рассматриваются среди суффиксальных универбатов. Все это вновь подтверждает тезис Е. С. Кубряковой о едином когнитивном механизме словообразовательной деривации, в основе которого лежит свертка (компрессия) мотивирующего суждения в однословную номинацию (см. выше).

Е. А. Земская использует термин “универбация” так же, как М. Докулил, в узком смысле, т.е. при соотнесении производного суффиксального имени (например, *пятиэтажка*) с производящим словосочетанием (*пятиэтажный дом*). Отметим, что мотивирующее словосочетание может быть как с согласованным определением, так и с несогласованным (*площадь Маяковского* → *Маяковка*), но последнее встречается значительно реже. Еще более редки случаи, в “которых перекрещиваются оба типа мотивации: существительное определяется через другое существительное с согласованным определением: *группа продлённого дня* – *продлёнка*; *машина медицинской неотложной помощи* – *неотложка*” (Улуханов 2005: 307).

При этом Е. А. Земская называет универбацию способом словообразования (Земская 1992: 9). Но Е. В. Клобуков показал, что в систему способов русского словообразования ни сама Е. А. Земская,

ни другие исследователи универбацию (в узком ее понимании) не включают (Клобуков 2015), относя соответствующие производные к суффиксальному способу. “Слова-универбаты составляют лишь особую семантическую разновидность в рамках отадъективных суффиксальных типов существительных” (Лопатин 2007: 253), таких как, например, *международник* ← ‘специалист по международным отношениям’; *заочник* ← ‘тот, кто проходит курс в учебном заведении по системе заочного обучения’. Все это свидетельствует об общем компрессионном механизме разных суффиксальных производных, с разными типами мотивирующих баз – от устойчивых словосочетаний-номинаций до свободных словосочетаний и описательных дескрипций. Суффиксальные универбаты (*пятиэтажка*, *Маяковка*), мотивированные словосочетаниями-номинациями, отличаются от других типов производных суффиксальных имен (*заочник*, *школьник*) стилистической окраской разговорности.

Е. В. Клобуков предложил обоснование трактовки суффиксальной универбации как самостоятельного способа словообразования, характеризуя в рамках данного способа особый словообразовательный формант смешанного типа, включающий помимо суффикса неаффиксальное операционное средство – “полное сокращение обычно одной из лексических единиц, входящих в производящее словосочетание” (Клобуков 2015).

1.4. Семантические процессы при суффиксальной универбации и субстантивации

Свои рассуждения об универбации как об особом способе словообразования Е. В. Клобуков построил на основе анализа формальных изменений при преобразовании словосочетания в одно слово (Клобуков 2015). Эти преобразования сопровождаются семантическими процессами конденсации и включения, проанализированными Н. А. Янко-Триницкой. Включение **определяемого** в значение определяющего может происходить двумя словообразовательными способами: 1) образованием универбата от усеченной основы прилагательного с помощью суффиксации (*подсобка* ← *подсобное помещение*; *оперативка* ← *оперативное совещание*); 2) субстантивацией прилагательного (*учительская* ← *учительская комната*; *русский* ← *русский язык*), т.е. при помощи изменения семантики и грамматических

свойств прилагательного без изменения его формы (Янко-Триницкая 2001: 378–387).

Данные типы однословных номинаций с включением, по верному определению Н. А. Янко-Триницкой, “представляют самый разительный, причем массовый, случай расхождения морфологической выводимости и семантической мотивированности” (Янко-Триницкая 2001: 387). Действительно, формально они мотивируются одним словом, а семантически – двумя. Во второй части статьи более подробно рассматриваются и сопоставляются суффиксальные универбаты (в дальнейшем – универбаты) и субстантиваты. Данные деривационные модели известны всем славянским языкам, их знали также древнерусский и старославянский (и церковнославянский) языки (Николаев 1996, 2012; Шапорева 2010), но их функциональные границы и стилистические характеристики в современных славянских языках не совпадают.

2. Семантические типы и стилистические характеристики универбатов и субстантиватов в русском языке

2.1. Универбаты

А. И. Исаченко отмечает, что русским “двучленным комплексным наименованиям” (т.е. номинациям-словосочетаниям) в других славянских языках часто соответствуют суффиксальные производные. Он объясняет это историческими особенностями формирования литературных славянских языков, в частности исторически обусловленной консервативностью “русского литературного языка в области научной, технической, политической и общественной номенклатуры”. Суффиксальная универбация продуктивна во многих славянских языках, при этом в русском языке она связана прежде всего с разговорной речью (Исаченко 1959: 338–339).

Все исследователи суффиксальной универбации в русском языке отмечают разговорность и отчасти сленговость и бытовой характер соответствующих производных. В современных работах по русскому словообразованию подробно описаны тематические группы универбатов, такие как “пищевые продукты” (*сгущенка, пшенка, тушенка*), “деньги” (*наличка, безнал, кредитка*), “помещение” (*пятиэтажка, гримерка*), “дороги” (*встречка, подземка*), “транспорт” (*электрич-*

ка, *легковушка*), “одежда” (*кожанка, спецовка*), “бытовая техника” (*микроволновка, морозилка*), “лекарственные средства” (*касторка, марганцовка*), “болезни” (*ветрянка, базедка*) и целый ряд других рядов слов, отражающих повседневные реалии и потребности современного человека (Осипова 1999, Дозорова 2015).

Универбация распространена также в разговорном языке профессиональных сообществ – строителей, врачей, компьютерщиков, физиков, атомщиков, лингвистов и др., ср., например: *атомка* ← *атомная электростанция*, *атипичка* ← *атипичная пневмония*; *операционка* ← *операционный усилитель*; *снятник* ← *корпус текстов со снятой омонимией*. Данный словообразовательный механизм, кроме экономии, позволяет среди профессионалов выразить некоторую “фамильярность” по отношению к объектам деятельности, как бы приближая их к себе, вводя в свою личную сферу и тем самым “осваивая”. Все производные такого типа характеризуются стилистической окраской разговорности.

Разговорность универбатов создается при участии деривационных суффиксов – в первую очередь суффикса *-к(а)*, который в ряде других словообразовательных типов связан со стилистической модификацией (например, *колени* – *коленка*). Универбаты и с другими суффиксами в русском языке часто имеют разговорную окраску, что отмечается во всех публикациях на данную тему, представленных в библиографии настоящей статьи. По все видимости, сама словообразовательная модель характеризуются разговорностью на фоне нейтральных и книжных двухсловных номинаций. Если универбат становится основным обозначением соответствующей реалии, то он, как правило, теряет разговорную окраску, например: *открытка, грузовик*.

Необходимо отметить, что со стилистической точки зрения **суффиксальные универбаты** принципиально отличаются от **субстантиватов**, хотя в основе обоих словообразовательных механизмов лежит компрессия мотивирующего словосочетания и включение значения определяемого члена словосочетания в семантику деривата.

2.2. Субстантиваты

Историческая связь словообразовательных моделей суффиксальной универбации и субстантивации, которые известны всем славянским языкам (включая древнерусский, старославянский и церковнославян-

ский), подробно проанализирована в работах А. А. Потебни, А. М. Пешковского и ряда других исследователей (Потебня 1968, Пешковский 1956, Николаев 2012, Шапорева 2010).

Как уже было отмечено, функциональные границы и стилистические характеристики данных словообразовательных моделей в современных славянских языках не совпадают. А. И. Исаченко объясняет это историческими закономерностями развития каждого славянского литературного языка. “Русский язык не знает той прямолинейности словообразовательных приемов, которые характерны для славянских литературных языков, возникших в условиях национального Возрождения”. В целом отмечается большая стандартность и продуктивность словообразовательных моделей в чешском языке, чем в русском. Многим русским комплексным наименованиям в чешском языке соответствуют суффиксальные однословные номинации (Исаченко 1959: 341–342). Но при этом чешская субстантивация по продуктивности и широте использования уступает субстантивации в русском языке (Исаченко 1959: 341, 350). Попробуем дать объяснение высокой продуктивности субстантивации в русском языке, привлекая некоторые факты истории русского языка.

Известно, что русское словообразование испытало влияние церковнославянского языка и наследовало комплекс церковнославянских словообразовательных формантов (суффиксы *-тель*, *-тельн*, *-ств(о)*, *-стви(е)*, *-ени(е)*, *-ость*, *-ейш-*, суффиксы причастий, приставки *пре-*, *пред-*, *воз-/вос*, *из-*, *чрез-*, *со-* и др.), а также некоторые модели словообразования (Петрухина 2012). Процесс сложного взаимодействия близкородственных древнерусского и старославянского языков в диахронии были проанализирован в ряде отечественных и зарубежных публикаций (Винокур 1959б, Цейтлин 1977, Улуханов 2004, 2009). Установлено также, что субстантивированное употребление прилагательных, испытывавшее влияние древнегреческого языка, является одной из важных черт старославянского и церковнославянского языков (Цейтлин 1977: 94), причем субстантивация в церковнославянском языке получила более широкое распространение, чем универбация. Согласно подсчетам В. С. Ефимовой, уже в евангельском старославянском тексте среди наименований лиц число номинаций, созданных субстантивацией прилагательных и причастий (с учетом окказиональных употреблений), почти в два раза превышает число

суффиксальных существительных, например: *преподобный, святой, юродивый, маловерный, православный* (Ефимова 2010, 2011).

По мнению исследователей текстов древнерусской письменности, древнее имя заключало в себе “двойственность субстанций”, то есть слитность предметного и качественного значений. Такой синкретизм был связан с синтагменным построением текста. Синтагма представляла своего рода языковую формулу, в которой оба ее члена имели общие семы в их семантике. Это позволяло первое слово употреблять вместо словосочетания: если *вороной*, то *конь*; если *грешный*, то *человек* (Потебня 1968: 37–67). В древних текстах вообще “всякое прилагательное могло употребляться и в смысле прилагательного, и в смысле существительного” (Пешковский 1956: 134–135). Это универсальное свойство прилагательного проявляется при контекстной субстантивации в современном русском языке (как и в других славянских языках), особенно при номинации людей.

С разрушением синтагменного построения древнего текста и семантического синкретизма основных языковых единиц в русском языке наблюдается рост активности субстантивации и универбации как в церковнославянских книжных текстах, так и в памятниках исконно русских (Николаев 1996, 2012). Особенностью русского языка является использование субстантиватов в книжных стилях (в отличие, например, от чешского языка). Так, субстантиваты активно употребляются в научных текстах, например, в математике: *переменная* (функция), *производная от сложной функции*; в геометрии: *касательная, кривая, ломаная, прямая, наклонная* (линия); в биологии: *животное, насекомое, сумчатое, млекопитающие, пресмыкающиеся* (животные); в лингвистике: *шипящий, согласные, гласные* (звуки), *прилагательное, числительное* (имя), *производящее* (слово) и т.д. У большинства приведенных слов можно восстановить мотивирующие словосочетания с прилагательными, но у некоторых это невозможно – у слов *животное, насекомое*.

Семантические области субстантивации сложились в связи с историческими закономерностями формирования русского литературного языка и, возможно, влиянием церковнославянского языка. Известно, что в церковнославянском языке субстантиваты активно употребляются для выражения богословских и абстрактных понятий, как в форме множественного числа (греческая модель: *бессмертная, телесная*), так в форме единственного числа среднего рода (*благое, бу-*

дущее, прошлое, прекрасное). Именно последняя модель выражения абстрактных понятий продуктивна в современном русском языке. Ср. примеры из Философской энциклопедии: *Прекрасное – эстетическая категория, характеризующая явления, обладающие высшим эстетическим совершенством*. Ср. также категории “*благородное*”, “*трагическое*”, “*безобразное*”, “*возвышенное*”, “*умиротворяющее*”, “*просветленное*” (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/). И навряд ли мы найдем мотивирующие словосочетания, синонимичные данным абстрактным именам. Еще А. А. Потебня отмечал, что для некоторых разрядов субстантивированных слов определяемого существительного вообще не было, например у субстантиватов среднего рода единственного числа – “средний род – это средство обозначения качества субстанции; *ночное, озимое, бывшее* и т.д.” (Потебня 1968: 42).

В современном русском языке модель образования существительных адъективного типа склонения без опоры на словосочетание и без семантических процессов конденсации и включения также является продуктивной. Подобные существительные образуются суффиксальным способом от имен существительных по аналогии с субстантиватами. Приведем пример. Субстантиват *столовая* (← *столовая комната*) в результате метонимического переноса значения употребляется также для номинации предприятий общественного питания, например *университетская столовая*. Далее по аналогии с субстантиватом *столовая* образуются номинации подобных заведений при отсутствии соответствующих атрибутивных сочетаний и условий для субстантивации прилагательного. Некоторые существительные, имеющие адъективный тип склонения, образуются в русском языке суффиксальным способом (при помощи суффикса *-н-*): *блинная* (‘предприятие питания, где подаются блины’), *закусочная* (‘предприятие питания, в котором подаются закуски и блюда, не требующие сложного приготовления’). Аналогично: *пельменная, чебуречная, кондитерская* и др. Подобные производные слова в стилистическом отношении нейтральны.

3. Заключение

В статье был реализован объяснительный подход (Улуханов 2005: 40) к описанию русского словообразования, когда изучение и интерпре-

тация синхронных связей и отношений между языковыми явлениями проводится с учетом исторических процессов в русском, а также других славянских языках.

Рассмотренные в настоящей статье проблемы широко понимаемой универбации в русском языке (с учетом также некоторых фактов чешского языка) позволяют сделать вывод о том, что в ее основе лежат механизмы концептуализации и категоризации действительности, в результате которых в производном слове происходит свертка **суждения** об обозначаемом фрагменте действительности (Кубрякова 2013: 22). В словообразовании как системе механизмов, моделей, категорий и производных единиц действуют также мощные законы аналогии, порождающие аналогическое повторение данных моделей и единиц в серии производных слов как в самой языковой системе, так и в тексте (Кубрякова 1998: 56). Эти законы, с нашей точки зрения, недостаточно изучены в славистике.

Наш языковой материал показал стилистические различия между универбатами и субстантиватами. Как было показано в разделе 2.1, среди суффиксальных универбатов в русском языке преобладают стилистически маркированные имена, характеризующиеся разговорностью, тогда как среди субстантиватов имеются обширные семантические зоны, связанные как с разговорным, так и с нейтральным и даже книжным стилем (см. раздел 2.2.).

Можно наметить пути дальнейших исследований конкретных типов широко понимаемой универбации, а именно суффиксальной универбации и субстантивации. К актуальным проблемам данной тематики мы относим изучение конкуренции, семантических и стилистических различий между производными словами, соотносимыми с одним и тем же мотивирующим словосочетанием, но образованными по разным моделям. Сравните, например, мотивированные одним словосочетанием субстантиваты и универбаты, расположенные по возрастанию разговорности: *курсовая* // *курсовик* / *курсач* (сленг.) ← *курсовая работа*; *мобильный* // *мобильник* / *мобила* (сленг.) ← *мобильный телефон* (<http://slovonovo.ru/>).

Важным и неизученным вопросом является сопоставление семантических зон субстантивации в славянских языках, в частности в русском и чешском языках. Так, в чешском языке в значительно меньшей степени, чем в русском, используется механизм субстантивации для

образования философских абстрактных имен (типа рус. *прекрасное, прошлое, бывшее*), научных терминов (ср. например, лингвистические термины, употребленные в данной статье *означаемое, означающее, производное*). В чешском языке практически не образуются субстантиваты для обозначения помещений (*учительская, гостиная, ванная*), пород собак (*легавая, гончая, борзая*), документов, официальных бумаг (*докладная, объяснительная*), лекарств (*снотворное, болеутоляющее*) и др. С другой стороны, в русском языке нет субстантиватов для названия спортивных игр (*odbijená, košíková, koraná*), не образуются имена адъективного типа склонения для обозначения ряда отвлеченных понятий (типа *podívaná, uvítaná, rozloučená, výbraná*) и др. Но между русским и чешским языками довольно много и общих зон субстантивации – в номинации людей, блюд, цветов, денежных выплат, топонимов и др. Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что важной задачей славистики считаем комплексный подход к исследованию и описанию словообразовательных единиц, типов и категорий – с учетом общности процедурного механизма компрессии в словообразовательных актах разного типа и действия законов аналогии.

Литература

- Цветанка АВРАМОВА, 2003: *Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX в.* София.
- Д. В. ДОЗОРОВА, 2015: Тематические сферы употребления универбатов в современной русской речи. *Электронный журнал “Вестник МГОУ”/ www.evestnik-mgou.ru. № 1. <http://evestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/618>.*
- Г. О. ВИНОКУР, 1959а: Заметки по русскому словообразованию. *Избранные работы по русскому языку*. Москва: Учпедгиз, 419–443.
- Г. О. ВИНОКУР, 1959б: О славянизмах в современном русском литературном языке. *Избранные работы по русскому языку*. Москва: Учпедгиз, 443–459.
- Н. В. ДЬЯЧОК, 2015: *Универбация в русском языке: структурно-семантическое и ономазиологическое описание*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Артемовск.
- Е. А. ЗЕМСКАЯ, 1992: *Словообразование как деятельность*. Москва: Наука.

- В. С. ЕФИМОВА, 2010: О субстантивации как способе образования наименований лица в старославянском языке: влияние греческих оригиналов. *Византийский временник*. Т. 69. 219–229.
- В. С. ЕФИМОВА, 2011: *Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинации и приоритеты выбора*. Москва: Индрик.
- А. В. ИСАЧЕНКО, 1959: К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. *Slavia*. №3, 334–352.
- Е. В. КЛОБУКОВ, 2015: Универбация в ее отношении к системе способов современного русского словообразования. *Язык. Литература. Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания*. Выпуск 11. Москва: МАКС Пресс, 68–80.
- Е. С. КУБРЯКОВА, 1998: Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков. *Научные доклады филологического факультета МГУ. К XII Международному съезду славистов в Кракове*. Выпуск 3. Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 53–71.
- Е. С. КУБРЯКОВА, 2006: О новых задачах в изучении функций словообразования. ЛУКАШАНЕЦ, А. А., ХАРЫТОНЧЫК, З. А. (рэд.). *Функцыянальныя аспекты словаўтварэння*. Мінск: ВТАА “Права і эканоміка”, 141–148.
- Е. С. КУБРЯКОВА, 2013: О мотивированности производных слов (когнитивно-семиотический аспект проблемы). BUZÁSSYOVÁ, K., ŠNOCHOLOVÁ, B. (ed.) *Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka*. Zborník zo 7. medzinárodnej konferencie Komisie pre výskum tvorenia slov v slovanských jazykoch pri Medzinárodnom komitáte slavistov (Bratislava 27. 9–1. 10. 2004). Bratislava: Veda.
- В. В. ЛОПАТИН, 1997: Универбация. *Русский язык. Энциклопедия*. Москва: Большая Российская энциклопедия; Дрофа.
- В. В. ЛОПАТИН, 2007: Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. *Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку*. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Москва: Азбуковник, 106–139.
- Андре МАРТИНЕ, 1963: Основы общей лингвистики. *Новое в лингвистике*. Вып. 3. Москва: Прогресс, 366–566.
- Г. А. НИКОЛАЕВ, 1996: Из истории становления и развития субстантивно-адъективных словообразовательных отношении. *Das Adjektiv im Russischen (Geschichte, Strukturen, Funktionen)*. *Beiträge zur Slavistik*. Bd. XXIX. Frankfurt am Main, 239–252.
- Г. А. НИКОЛАЕВ, 2012: Универбаты и субстантиваты в истории русского словообразования. ДРАГИЋЕВИЋ, Р. (гл. ур.). *Творба речи и њени ре-*

- сурси у словенским језицима*. Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. Београд: Филолошки факултет.
- Л. И. ОСИПОВА, 1999: *Активные процессы в современном русском словообразовании: суффиксальная универбация, усечение*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва.
- Е. В. ПЕТРУХИНА, 2012: Использование словообразовательных ресурсов церковнославянского языка в современном русском языке (в сопоставлении с сербским языком). ДРАГИЋЕВИЋ, Р. (гл. ур.). *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима*. Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. Београд: Филолошки факултет, 271–287.
- А. М. ПЕШКОВСКИЙ, 1956: *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Наука.
- А. А. ПОТЕБНЯ, 1968: Об изменении значения и заменах существительного. *Из записок по русской грамматике*. Т. 3. Москва: Наука.
- В. И. ТЕРКУЛОВ, 2010: *Номинатема: опыт определения и описания*. Горловка : ГППИИЯ (Серия “Знак – Сознание – Знание”). Вып. 1.
- И. С. УЛУХАНОВ, 2004: *Славянизмы в русском языке*. Москва: Управление технологиями.
- И. С. УЛУХАНОВ, 2005: *Мотивация в словообразовательной системе русского языка*. Москва: Азбуковник.
- И. С. УЛУХАНОВ, 2009: *О языке древней Руси*. Москва: URSS.
- Р. М. ЦЕЙТЛИН, 1977: *Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв.* Москва: Наука.
- О. А. ШАПОРЕВА, 2010: Субстантиваты со значением лица в церковнославянских акафистах. *Вестник ПСТГУ, III: Филология*. Вып. 2 (20), 42–59.
- Н. А. ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, 2001: *Словообразование в современном русском языке* (Отв. ред. Е. В. Красильникова). Москва: Индрик.
- Miloš DOKULIL, 1962: *Tvoření slov v češtině*. 1. *Teorie odvozování slov*. Praha.

Semantic and Stylistic Properties of Univerbats and Substantivats in Russian

The topic of the article falls within the explanatory approach to the Russian language system where synchronic links and relations among linguistic phenomena are studied and interpreted with regard to diachronic processes, particularly to the origin of linguistic models, as well as with regard to cross-linguistic comparison among closely related languages. A comparative analysis of word-formation models, of their semantics and usage, allowed us to reveal which peculiarities Russian has in this domain in connection with common processes in the Slavic word-formation. At the center of our research is the fundamental question of the relation between different mechanisms of word compression (compounding, suffixal univerbation, substantivization and etc.). Comparison of the groups of these words in Russian language showed that words formed via suffixal univerbation are characterized by a colloquial style in Russian (for example читалка, атомка [chitalka, atomka] – *reading room, nuclear power plant*), whereas nouns formed via substantivization may have neutral or even book style (like военный, млекопитающие [voennyj, mlekopitayushchiye] – *military, mammals*). So, the peculiarity of the Russian language is the usage of substantivatives not only in the colloquial speech, but also in scientific texts, in particular to denote abstract notions and terms (прекрасное как эстетическая категория [prekrasnoye kak esteticheskaya kategoriya] – *beauty as an aesthetic category*). We assume the influence of the Church Slavonic language on Russian language in this field of word formation. The semantic and functional areas of substantivization in the Slavic languages do not coincide. This issue requires further study.

Anja Pohončowa

Sorbisches Institut/Serbski institut, Deutschland/Němska, Bautzen/Budyšin
anja.pohoncowa@serbski-institut.de

UNIWERBIZACIJA W HORNJOSERBŠĆINJE

Zjawy uniwerbizacije w hornjoserbšćinje běchu dotal zředka předmjet přepytowanja. Wotpowědne přispomnjenja wobmjazuja so zwjetša na naličenje příkladow; teoretiske rozestajenje z uniwerbizaciju we wobłuku serbšćiny pak njeeksistuje. Mjeztym zo Helmut Faska zwěsći ředku rozšěrjenosć zjawow uniwerbizacije w hornjoserbšćinje, hódnoći Ewa Siatkowska po swojim přepytowanju słownička ratarskeje terminologije z lěta 1966, zo uniwerbizacija často wustupuje. Přinošk chce přičiny za tute rozdžělné konkluzije wuswětlić kaž tež přehlad wo najwažnišich formalnych srědkach podać, kotrež wjedu pola substantiwow k uniwerbizaciji.

Ključowe słowa: hornjoserbšćina, uniwerbizacija, deriwacija, kompozicija, elipsa, substantiw

Univerbation can generally be defined as the formation of a single-word unit based on a semantically equivalent multi-word denomination.

Until recently, univerbation in Upper Sorbian has rarely been the focus of linguistic analysis. Usually, references to the phenomenon could only be found in itemised examples. A theoretical methodology, however, has not been developed yet. When analysing agricultural terms in 1966, Ewa Siatkowska concluded that univerbation is common in Upper Sorbian. In contrast, other scholars claim that multi-word expressions – such as complex nominals, compounds and syntagm – are preferred over single-word units with synonymous meaning.

Applying an independent approach, the following paper is going to reveal reasons for those contrasting conclusions. In addition, a general synopsis of significant formal techniques used in univerbation processes will be given.

Key words: Upper Sorbian, univerbation, derivation, composition, ellipsis, noun

1. Zawod do problematiki

Helmut Faska podawa w nastawku “Der Weg des Sorbischen zur Schriftsprache” (Faßke 1994) mjez druhim krótki přehlad wo wuwicu hornjoserbskeje leksiki wot drugeje połojcy 19. lětstotka sem. W zwisku z naliče-

njom příkladov za deriwaty, kotrež nastachu jako rezultat uniwerbizacije, zwěšći, zo so město nich kompleksne pomjenowanja dla jich semantiskeje jasnosće zwjetša preferuja: “In der Regel wird jedoch die komplexe Bezeichnung ihrer Eindeutigkeit wegen bevorzugt.” (Faßke 1994: 281) Někotre lěta do toho bě so Ewa Siatkowska dokładnišo zaběrała ze zjawami uniwerbizacije w hornjoserbšćinje, wobmjezujó pak so při tym na material ze słownička ratarskeje terminologije (Jenč 1966). W swojim nastawku “Uniwerbizacija na tle innych procesów słowotwórczych we współczesnej górnołużyckiej terminologii rolniczej” (Siatkowska 1989) zwěšći, zo uniwerbizacija w hornjoserbskej ratarskej terminologii často wustupuje: “Uniwerbizacija we współczesnej górnołużyckiej terminologii rolniczej jest procesom częstym.” (Siatkowska 1989: 101) Předležitej tuž dvě napřeciwnej wuprajeni wo rozšěrjenosći zjawow uniwerbizacije w hornjoserbšćinje, tež hdyž počahuje so wuprajenje Faski powšitkownje na hornjoserbsku spisownorěčnu leksiku a wuprajenje Siatkowskeje na konkretnu terminologisku zběrku.

W swojim přinošku chcu přičiny za tutej rozdźelnej wuprajeni wuswětlić a swojsku interpretaciju wo rozšěrjenosći zjawow uniwerbizacije w hornjoserbšćinje předstajić. Při tym ma so wuzběhnyć, zo so teoretiski diskurs wo zjawach uniwerbizacije a jeje formalnych srědkach w serbšćinje dotal wjedł njeje.¹ Na zakładze podatych příkladow za uniwerbizimy, kotrež so w někotrych džělach naliča (mjez druhim Faßke 1994: 280 sc.; Starosta 1992: 246; Bypa 2017:199 sc.), hodži so indirektnje wotwodźeć, zo je we wobłuku serbšćiny šěrše zrozumjenje zapřijieća uniwerbizacije rozšěrjene.²

¹ Hlej tež wuprajenje Ewy Siatkowskeje: “W szeregu współczesnych języków słowiańskich doczekała się opisów, w górnołużyckim jednak na zjawisko to dotychczas nie zwrócono większej uwagi.” (Siatkowska 1989: 94). – Hakle po konferency słowotwórbneje komisije při Mjezynarodnym komiteju slawistow w Sarajewje 4.–7. apryla 2017 dósta awtorka předležaceho přinoška zběrník Moskowskeje konferency wo mjeńšinowych a regionalnych rěčach a kulturach, w kotrejž je nastawk pólskeje slawistki Renaty Bury na temu “Uniwerbizacija w hornjoserbšćinje” wozjewjeny (hlej Bypa 2017). Tež wona so njerozestaja z teoretiskimi prašenjemi uniwerbizacije w hornjoserbšćinje, ale přepytuje zjawy uniwerbizacije w *Němsko-hornjoserbskim słowniku noweje leksiki* (Jenč/Pohončowa/Šoćina 2006).

² Přehlad wo wšelakim zrozumjenju uniwerbizacije w zapadosłowjanskich rěčach podawa Martincová (2015).

2. Tworjenje neologizmov na zakladže němčiny a zjawy uniwerbizacije – wuslědki analizy E. Siatkowskeje (1989)

Ewa Siatkowska wopisuje proces uniwerbizowanja jako skrótšenje semantisce transparentnych dwudžělnych pomjenowanjow do mjenje transparentnych deriwatow (Siatkowska 1989: 93). Při tym wuchadža z němskeje zestajenki a wopisuje potom strukturu hornjoserbskeho wotpowědnika.³

Nazběrany material rozdźěli do dweju skupinow. Do přenjeje skupiny liči hornjoserbske wotpowědniki němskich kompozitow, kotrychž strukturne elementy samsny woznam wotbłyščuja (něhdže 800 přikładow), na přikład ně. *Allesfresser* – hs. *wšožračk*, *wšohožrawc*, *wšojědžk*, ně. *Kaltblütler* – hs. *zymnokrejnik*, ně. *Bruteier* – hs. *jeja k nasadženju*, ně. *Jungbauer* – hs. *mlodobur*, ně. *Obstbau* – hs. *sadarstwo*, ně. *Teichwirtschaft* – hs. *hatnistwo*. Do druheje skupiny liči přikłady, hdžež semantiska přezjednosć mjez elementami němskeho pomjenowanja a serbskeho wotpowědnika njewobsteji (něhdže 100 přikładow), na přikład ně. *Tiefkultur* – hs. *hlubokoworanje*, *hlubokorólnistwo*, ně. *Milchhof* – hs. *wulkomlokarnja*, ně. *Frühbeet* – hs. *kwětkarnja*, ně. *Strohpresse* – hs. *wjazawa*.

Jako uniwerbizmy wobhladuje substantiwiske deriwaty, w kotrychž přewozmje serbski sufiks funkciju determinowaneho elementa němskeho pomjenowanja njewotwisnje wot eksistencije wjacesłowneho pomjenowanja. W přenjeje skupinje jewja so mjez druhim tute přikłady: hs. *konjenc* (← ně. *Pferdestall*), hs. *holbjenc* (← ně. *Taubenschlag*), hs. *bahnowina* (← ně. *Moderboden*), hs. *slowčina* (← ně. *Pflaumenbaum*), hs. *sadžawa* (← ně. *Pflanzenmaschine*), hs. *sadarstwo* (← ně. *Obstbau*), hs. *hatnistwo* (← ně. *Teichwirtschaft*); podžěl uniwerbizmow wučinja 30 % (něhdže 240 přikładow). W druheje skupinje su to mjez druhim: hs. *trawnišća pl* (← ně. *Grünland*), hs. *kwětkarnja* (← ně. *Frühbeet*), hs. *wjazawa* (← ně. *Strohpresse*); podžěl uniwerbizmow wučinja 40 % (něhdže 40 přikładow).

Ewa Siatkowska wobhladuje tuž uniwerbizaciju w hornjoserbsčinje w zwisku z tworjenjom neologizmov na zakladže němčiny. Kriterij za přirjadowanje serbskeho deriwata k uniwerbizmam je semantiske zhusćenje němskeho kompozituma z pomocu sufiksa, při čimž serbski sufiks funkciju determinowaneho elementa němskeho pomjenowanja přewozmje.

³ Tute postupowanje wopodstatni z tym, zo chce zwěsćić počah hornjoserbskeho pomjenowanja k dokładnemu němskemu pomjenowanju pod semantiskim aspektom: “o uchwycenie relaciji nazwy górnołużyckiej do precyzyjnej pod wzgędem semantycznym nazwy niemieckiej.” (Siatkowska 1989: 95)

3. Zjawy uniwerbizacije znutřka serbšćiny

3.1. Teoretiske wuchadžišćo

Přístup k problematice w předležacym přepytowanju njech je serbšćina, tež hdyž su serbske pomjenowanja nastali na nastork němčiny. Formalne srědki, kiž wjedu k uniwerbizowanju syntaktiskich wjazbow⁴, njewobmjezuju na deriwaciju, ale zapřijam dalje.

Wobhladuju uniwerbizaciju jako proces přetworjenja kruteje syntaktiskeje wjazby do jednočłonoweje leksikalneje jednotki. Nastaty konstrukt nješluži pomjenowanju noweho denotata, ale so do rjada synonymow hižo eksistowaceje syntaktiskeje wjazby zarjaduje resp. móže ju narunać. Pola uniwerbizowanja so tohodla jenož forma změni abo modifikuje, nic pak woznam. Uniwerbizmy maja porno syntaktiskim wjazbam lěpšinu formalneje kompaktnosće, su pak semantisce zhusćene a tohodla semantisce druhdy njeprawidne.⁵

3.2. Typy uniwerbizacije w hornjoserbšćinje

W serbšćinje nastawaja najčascišo substantiwiske deriwaty přez sufigaciju determinowaceho słowa syntaktiskeje wjazby, wobstejaceje z adjektiwa a substantiwa, determinowane słowo so naruna ze sufiksom. Faßke (1994: 280 sc.) naliči přikłady kaž *džěćacy dom* → *džěšćownja*, *štomowa šula* → *štomownja*, *sadowy štom* → *sadowc*, *ćěšne džěćo* → *ćěšenk*, *radna chěža* → *radnica*, *serbska rěč* → *serbšćina*⁶ jako rezultaty uniwerbizacije. Nastaje tutych deriwatow srjedž 19. lětstotka zwisuje z tehdyšimi prócowanjenmi wo slawizaciju hornjoserbskeje spisowneje rěče (hlej Jentsch 1999: 180 sc.).⁷ Tež w 20. lětstotku wobkedžbujemy wotwodženje jednočłonowych leksikalnych jednotkow wot syntaktiskich wjazbow, na přikład *wječorne*

⁴ Syntaktiske wjazby móža wšelaku strukturu měć: a) adjektiw a substantiw (*bankowy překupc*), b) substantiw a substantiw w genitiwje (*nawoda reesorta*), 3) substantiw z prepozicionalnej wjazbu (*poplatk za wotpadki*), 4) bóle kompleksne pomjenowanje (*připrawa za čišćenje woplóčkow*).

⁵ Hle k tomu mjez druhim Jedlička (1978: 170 sc.), Bruns (2001: 156), Nagórko (2007: 294 sc.), Szczepańska (1994: 10 sc.).

⁶ W druhej połojcy 19. lětstotka přesadži so zasadnje tworjenje pomjenowanjow rěčow po přikładze deriwatow *maćeršćina*, *serbšćina* město syntaktiskich wjazbow *maćerna rěč*, *serbska rěč* (Jentsch 1999: 181).

⁷ Podate přikłady su w literaturje dokładžene. Wot nich maja so rozeznawać deriwaty, kiž nastachu jako wotpowědniki němskich kompozitow bjeztoho, zo eksistowaše do toho w serbšćinje analytiske pomjenowanje.

nowiny → *wječornik*, *brjowkowy pisak* → *brjowkowc*, *přiručna kniha* → *přiručka*, *kopjenska přestrjeń* → *kopjeniščo*, *jězorata krajina* → *jězorina*, *generalna proba* → *generalka*, *aktualne powěšće* → *aktualki*, *při dróže bydłacy* → *přidróžnik*, *jězdzer z balonom* → *balownik*, *nawoda ressorta* → *ressortownik*. Zrědka tworja so ze zestajenkow ze skrótšenku jako přěnim člonom deriwaty, na přikład *pdf-dataja* → *pdf-ka*.⁸

Mjeztym zo nastachu uniwerbizmy kaž *radnica*, *serbščina* jako scěh puristiskich tendencow 19. lětstotka najprjedy w spisownej řeči, wustupuja nowše wotwodženki kaž *generalka*, *aktualki* abo *mineralka* – potajkim z pomocu sufiksa *ka* tworjene deadjektiwiske substantiwy – skerje najprjedy we wobchadnej řeči a zadobuwaja so – jeli scyła – po času do spisowneje řeče, wobchowaja pak swój salopny charakter.

Uniwerbizmy nastawaja tohorunja přez kompoziciju, rezultaty su tak mjenowane o-kompozita, na přikład *wodowa milinarnja* → *wodomilinarnja*, *srjedźny wěk* → *srjedźowěk*, *fachowa wěda* → *fachowěda*, *twarstwo mašinow* → *mašinotwarstwo*, *twar modelow* → *modelotwar*, *statny škit* → *statoškit*, *wysoka garaža* → *wysokogaraža*, *krótka powěšć* → *krótkopowěšć*. Tute zestajenki su skerje neutralne abo spisownorěčne. Wosebitu rólu hraja hybridne zestajenki z cuzym přěnim (často z jendželšćiny přez posrědkowanje němčiny požčenym) a indigenym druhim člonom kaž *facebookstrona*, *widejopask*, *countryhudźba* (typiske za wobchadnu řeč a salopnu ertnu formu spisowneje řeče). Paralelnje k nim eksistuja w spisownej řeči semantisce identiske syntaktiske wjazby kaž *facebookowa strona*, *widejowy pask*, *countryjowa hudźba*. Dale wustupuja z jendželšćiny přez posrědkowanje němčiny požčene zestajenki, za kotrež wužiwaja so tohorunja paralelnje syntaktiske wjazby, na přikład *countrysong* – *countryjowy song*, *widejoshow* – *widejowa show*. W tajkich padach mamy pak skerje z toho wuchadžeć, zo su dwučlonowe pomjenowanja sekundarne (Bypa 2017: 200).

Zrósty typa *kofejwarjenje* (← *kofej warić*), *wěrywuznaće* (← *wuznaće wěry*), w kotrychž je forma přěnjeho člona postajena přez pravidla rekci-je abo adjunkcije, hodža so tohorunja jako uniwerbizmy wopisować (hlej Faßke 1994: 280).

⁸ Renata Bura (Bypa 2017: 200 sc.) naliči scěhowace sufiksy, z kotrychž pomocu so najčastišo uniwerbizmy, dokładžene w jeje materialu, tworja: *ščina* (za pomjenowanje řečow), *arnja/ernja*, *ownja*, *niščo/iščo* (za pomjenowanja městna), *nik/ownik* a *nica/ownica* (za muske resp. žónske pomjenowanja), *ak* a *owc* (za pomjenowanja nastrojow).

Jako wosebity pad uniwerbizacije može so wobhladować substantiwizacija determinowaceho słowa syntaktiskeje wjazby při runočasnym wuwostajenju determinowaneho słowa (forma elipsy), štož je typiski zjaw we wobchadneje řeči (tež tam: 281); substantiwizowany adjektw wobchowa genus (gramatiski ród) spočatneje syntaktiskeje wjazby, na přikład *wólbna zhromadźizna* → *wólbna*, *žitny palenc* → *žitny*, *motorske koleso* → *motorske*.⁹

Dale wustupuja kontekstuelne uniwerbalne jednotki, pola kotrychž so město dokładneho kompleksneho pomjenowanja z determinowacym adjektiwom jenož substantiw wužiwa, a to ze samsnym woznamom kaž kompleksne pomjenowanje (hlej Jedlička 1978: 171).¹⁰ Tajke kontekstualne uniwerbizmy wustupuja w ertnej komunikaciji abo w nowinskih tekstach. Husto počahuja so na mjena institucijow, zawodow, towarstwow, zředka na mjena nowinow abo časopisow a pod., na přikład *Založba za serbski lud*¹¹ – *založba/Založba*, *Serbski institut*¹² – *institut*, “*Katolski Posol*”¹³ – “*Posol*” (hlej Pohončowa 2013).

3.3. Analiza materiala z ratarskeje terminologije

Na zakładze runje rysowanych móžnosćow tworjenja uniwerbizmow w hornjoserbsčínje sym analizowala serbske wotpowědniki w hižo mjenowanej ratarskej terminologiji. Hladajo na rozšěrjenosć uniwerbizacije w tutej terminologiskej zběrce su moje konkluzije hinaše hač te wot Ewy Siatkowskeje:

⁹ Džensa powšitkownje rozšěrjene pomjenowanja krajow kaž *Česka*, *Pólska*, *Francoska* hodža so tohorunja interpretować jako uniwerbizmy, nastate přez wuwostajenje substantiwa ze syntaktiskeje wjazby *česka zemja*, *pólska zemja*, *francoska zemja* (hlej Pohontsch 2016: 2816).

¹⁰ Přirunuj k tomu Jedlička (1978: 171); pólsce: deadiektiwizacija.

¹¹ *Založba za serbski lud* je založba zjawneho prawa a založi so 19. 10. 1991. Jeje nadawk wobsteji w spěchowanju institucijow, kotrež haja kulturu a wumělstwo Serbow, kaž tež we wobchowanju a dalewuwiwanju serbskeje řeče a kulturelneje identity w serbskich kubłanskich a wědomostnych institucijach. Nimo toho spěchuje projekty, kotrež tutym zaměram wotpowěduja. Zo by tuta založba swoje nadawki spjelniła, dóstawa lětnje přiražki ze stron Zwjazka a krajow Sakskeje a Braniborskeje (hlej Schön/Scholze 2014: 420 sć.).

¹² Serbski institut založi so spočatk lěta 1992 jako zwonkauniwersitarne srjedzišćo za kompleksne slědženje řeče, stawiznow a kultury Serbow w Hornjej a Delnjej Łužicy. Jeho předchadnik bě w lěće 1951 založeny Institut za serbski ludospyt (hlej Schön/Scholze 2014: 378 sć.).

¹³ To je tydžensce wuchadźacy časopis katolskich Serbow; wudawaćel je Towarstwo Cyrila a Metoda.

Pola něhdže 180 němskich hesłow su jako hornjoserbske wotpowědniki nimo wjacesłownych pomjenowanjow tež jednočłonowe leksikalne jednotki registrowane, kotrež bychu – formalnje widžane – z wjacesłowneho pomjenowanja nastać a tuž jako rezultat uniwerbizacije ličić móhli. Serbskim wotpowědnikam su w tutej terminologiji zwjetša žórła připisane. Tohodla hodži so zwěsćić, hač bě wjacesłowne pomjenowanje přenjotne (a z tym motiwowace) abo jednočłonowe pomjenowanje resp. hač stej prawdžepodobnje paralelnje nastaloj. Pobrachowace podaće žórła rěka, zo jedna so pak wo “powšitkownje z podatym woznamom trjebane a znate [słowoj]”, pak wo nowotwórbu (Jenč 1966: 7). W tajkich padach sym přidatnje pīrunowala podaća w terminologiskej zběrce ze starsimi słownikami, wosebje z Pfulowym (Pfuhl 1866) a Kralowym słownikom (Kral 1927/1931). Na tajke wašnje móžach hrubje zwěsćić, kotre serbske pomjenowanje je prawdžepodobnje přenjotne: wjace- abo jednosłowne pomjenowanje.

Po tajkim postupowanju zwěsćich mjez serbskimi wotpowědnikami w ratarskej terminologiji maksimalnje 37 přikładow, kotrež nastachu prawdžepodobnje jako rezultat uniwerbizacije,¹⁴ mjez druhim: *zymnokrejnik* (← *zymnokrejny kón*), *brunoblakatosć* (← *brunoblakata chorosć*), *slónčnica* (← *slónčna róža*), *šrótowanski młyn* (← *šrótownik*), *wulka myš* (← *wulkomyš*), *čornozemja*, *čornozem* (← *čorna zemja*), *běrnysadženje* (← *sadženje běrnow*), *spěšnokormjenje* (← *spěšne kormjenje*), (*ratarske*) *prodrustwo* (← *ratarske produkciske drustwo*). Podžěl deriwacije a kompozicije je něhdže jenaki, skrótšenje a elipsa zrědka wustupujetej.¹⁵

Wuchadźamy-li potajkim ze serbšćiny sameje, zwěsćamy, zo w ratarskej terminologiji z lěta 1966 zjawy uniwerbizacije jara rozšěrjene njejsu. Nawopak, zwěsćamy na zakładže podatych informacijow – wosebje hladajo na doporučenje słownikarja, radšo wjacesłowne pomjenowanja město deriwatow wužiwać – skerje tendencu k multiwerbizaciji, štož zwisuje runje we wobłuku terminologije z trěbnej semantiskej přewidnosću zapřijećow. Serbšćina steji w sylnej konkurency z němčinu, kotraž je runje w fachowym wobłuku wo wjele bóle rozšěrjena hač serbšćina jako mjeńšinowa rěč. EksPLICITNOSĆ wotpowědnych fachowych wurazow je tohodla

¹⁴ Tuchwilu njehodži so wuzamknýć, zo nastachu znajmjeńša někotre z tutej wotpowědnikow samostatnje resp. paralelnje; ličba 37 je tohodla optimistiska ličba. Wažne w tutym zwisku je tendenca, kiž pokazuje na preferowanje kompleksnych pomjenowanjow.

¹⁵ W słowniku noweje leksiki (Jenč/Pohončowa/Šoćina 2006) přewahuje mjez uniwerbizmami podžěl zestajenkow porno deriwatam (hlej Bypa 2017: 202).

ćim važniša. Tole docpěje so předewšěm přez wužiwanje kompleksnych pomjenowanjow.

4. Zjeće

W sorabistiskej literaturje so dotal teoretiski diskurs wo zjawach uniwerbizacije w serbšćinje wjedł njeje. Pokiwy na uniwerbizaciju w serbšćinje wobmjzujaja so hłownje na nalićenje uniwerbizmow. Na zakładže podatych přikładow hodži so pak indirektnje wučitać, zo nałožuje so w zwisku ze serbšćinu šěrše zrozumjenje uniwerbizacije.

Rozdžělna konkluzije nastupajo rozšěrjenosć uniwerbizmow w hornjoserbšćinje su zawinowane přez rozdžělny přistup: Wuchadžišćo za Ewu Siatkowska je němčina, Faskowe kaž tež moje je serbšćina. Wobhladujemy-li sej přidatnje słowny material z *Němsko-hornjoserbskeho słownika noweje leksiki* (Jenč/Pohončowa/Šoćina 2006) abo z aktualnych terminologijow za wšelake šulske předmjety, spóznamy podobny wobraz, mjenujcy ředke wužiwanje uniwerbizmow.

Hłowna přičina uniwerbizacije leži bjezdwěla w tendency k řečnej ekonomiji. W serbšćinje wobkedžbujemy jón tohorunja w zwisku z puristiskimi tendencami (na přikład srjedź 19. lětstotka). Procesej uniwerbizowanja napřeco skutkuje tendenca k maksimalnej diferencowanosći (explicitnosći). Krute, zdžěla terminologizowane syntaktiske wjazby so semantiskeje přewidnosće dla w hornjoserbskej spisownej řeči často preferuja.

Literatura

- Thomas BRUNS, 2001: *Russische Internet-Terminologie. Unter vergleichender Berücksichtigung des Französischen und des Deutschen*. Frankfurt/M. a dr.: Lang.
- Рената БУРА, 2017: Универбизация в верхнолужицком языке (к постановке проблемы). СКОРВИД, С. С. (red.). *Миноритарные и региональные языки и культуры славян*. Москва: МИК, 196–204.
- Helmut FAßKE, 1994: Der Weg des Sorbischen zur Schriftsprache. FODOR, István, HAUGÈGE, Claude (wud.). *Language Reform. History and Future*. Hamburg: Buske, 258–283.
- Alois JEDLIČKA, 1978: *Spisovný jazyk v současné komunikaci*. Praha: Univerzita Karlova.

- Rudolf JENČ, 1966: *Ratarska terminologija*. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina.
- Helmut JENTSCH, 1999: *Die Entwicklung der Lexik der obersorbischen Schriftsprache vom 18. Jahrhundert bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts*. Bautzen: Domowina-Verlag.
- Helmut JENČ, Anja POHONČOWA, Jana ŠOŁĆINA, 2006: *Deutsch-obersorbisches Wörterbuch neuer Lexik = Němsko-hornjoserbski słownik noweje leksiki*. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina.
- Jurij KRAL, 1927/1931: *Serbško-němski Słownik hornjołužiskeje rěče = Serbisch-deutsches Wörterbuch der oberlausitzer Sprache*. Budyšin: Maćica Serbska.
- Olga MARTINCOVÁ, 2015: Multi-word expressions and univerbation in Slavic. MÜLLER, Peter O., OHNHEISER, Ingeborg, OLSEN, Susan, RAINER, Franz (wud.). *Word-Formation 40.1. An International Handbook of the Languages of Europe*. Berlin-Boston: De Gruyter Mouton, 742–757.
- Alicja NAGÓRKO, 2007: *Lexikologie des Polnischen*. Hildesheim-Zürich-New York: Olms.
- Christian Traugott PFUHL, 1866: *Lausitzisch Wendisches Wörterbuch = Łužiski serbski słownik*. Budissin: Maćica Serbska.
- Anja POHONČOWA, 2013: Wužiwanje swójskich mjenow w hornjoserbšćinje. *Lětopis*. 60, 2, 58–73.
- Anja POHONTSCH, 2016: Upper Sorbian. MÜLLER, Peter O., OHNHEISER, Ingeborg, OLSEN, Susan, RAINER, Franz (wud.). *Word-Formation 40.4. An International Handbook of the Languages of Europe*. Berlin-Boston: De Gruyter Mouton, 2811–2831.
- Franz SCHÖN, Dietrich SCHOLZE, 2014: *Sorbisches Kulturlexikon*. Bautzen: Domowina-Verlag.
- Ewa SIATKOWSKA, 1989: Uniwerbizacja na tle innych procesów słowotwórczych we współczesnych górnołużyckiej terminologii rolniczej. *Studia z Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej. Językoznawstwo*. XVIII, 93–103.
- Manfred STAROSTA, 1992: *Niedersorbisch schnell und intensiv. Lehrbuch für Fortgeschrittene und sorabistisch Interessierte. Teil 2*. Bautzen: Domowina-Verlag.
- Elżbieta SZCZEPAŃSKA, 1994: *Uniwerbizacja w języku czeskim i polskim*. Kraków: Universitas.

Univerbisation in Upper Sorbian

In the past, there has not been any theoretical discourse about univerbation in the Upper Sorbian language among Sorbian scholars. Relevant references merely named examples of single-word units formed by univerbation. Looking at these examples, it can be concluded that Sorbian scholars used to apply the term univerbation in a wider sense.

Current academic works, however, come to a different conclusion and assert that univerbation is not common. These discrepancies can be explained by different scholastic approaches.

On the one hand, Ewa Siatkowska claimed in 1966 that univerbates can be found frequently among Upper Sorbian agricultural terms. However, her findings must be viewed in the light of her methodology. First, she examined a German-Sorbian dictionary and extracted all German compounds. In a second step, she identified each Sorbian equivalent and analysed its structure.

On the other hand, the author of this paper analysed the process of univerbation within the Sorbian language. Using this different approach, the author found that univerbation is rare, both among agricultural terms as well as in Upper Sorbian in general. This conclusion is supported by a systematic study of further publications. Not only does the wide range of specific terms used in school books (Physics, Chemistry, Computer Science) show little presence of univerbates, but so does the dictionary *Deutsch-Sorbisches Wörterbuch neuer Lexik* (Jenč/Pohončowa/ Šoćina 2006).

A significant reason for univerbation is, without doubt, the speakers' tendency to use their native language efficiently. Furthermore, the use of univerbation within other Slavic languages had a significant impact on written Sorbian, especially in the second half of the 19th century.

However, the inclination to convey meaning exactly counterbalances the process of univerbation. Due to their semantical accuracy, fixed syntagmatic expressions are often preferred in written language.

Лариса Рацибурская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород
racib@yandex.ru

УНИВЕРБАТЫ-НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА

Усиление динамики жизни социума, интенсификация коммуникации обусловили активизацию процессов универбации в современной русской речи. Высокую продуктивность при образовании универбов проявляют суффикс -к(а) с предметной семантикой и суффиксы -ник, -щик с семантикой лица. Семантика подобных универбов в большинстве случаев известна говорящим или проясняется в контексте. В тех случаях, когда возможна неоднозначная трактовка универба, семантика последнего не всегда проясняется в современных медиатекстах. Дешифровка универбатов нередко зависит от социальной принадлежности, возраста и уровня образованности адресата.

В медийных текстах универбаты выполняют компрессивную, стилистическую, экспрессивно-оценочную функции, а также способны называть новые реалии. Активное использование неологизмов-универбов в СМИ свидетельствует об усилении разговорной составляющей современного медиатекста.

Ключевые слова: универбаты-неологизмы, масс-медиа, семантика, функции

Enhancement of social life dynamics, intensification of communication have stipulated the increased activity of univerbation processes in the modern Russian discourse. When producing univerbats high productivity is demonstrated by the suffix -к(a) with the semantics of a subject and by the suffixes -ник, -щик with the semantics of a person. In most cases the semantics of such univerbats is known to the interlocutor or becomes clear in the context. In the event of controversial interpretation of a univerbat the semantics of the latter seldom becomes clear in the modern media texts. Deciphering of univerbats often depends on the social background, age and education level of a listener. In media-texts univerbats perform a compressive, stylistic, expressive-evaluative functions and they are also able to name new realias. Active usage of neologisms-univerbats signals the enhancement of a colloquial constituent of a modern media text.

Key words: univerbats-neologisms, mass media, semantics, functions

По мнению Е. И. Коряковцевой,

отправной точкой каждой инновации, каждого инновационного словообразовательного процесса является общественная практика, поскольку на лексико-номинативную деятельность носителей языка оказывают непосредственное влияние культурно-исторические и социально-политические условия жизнедеятельности языкового сообщества (Коряковцева 2016: 130).

В последние десятилетия усиление динамики жизни социума, интенсификация коммуникации обусловили активизацию процессов универбации в современной русской речи.

*Универбация (от лат. *univerbum* – одно слово) представляет собой процесс производства разговорных эквивалентов устойчивых словосочетаний, преимущественно включающих имя прилагательное и имя существительное, с импликацией существительного и использованием различных суффиксов (Николина, Дозорова 2015: 156).*

Как отмечают исследователи,

...универбация распространяется на сочетания высокочастотные в том или ином кругу лиц и общественно актуальные в тот или иной временной период (Земская 1981: 120).

Подавляющее большинство неологизмов-универбов создается и употребляется в сфере повседневной жизни при неформальном, непринужденном общении. Их значение понятно большинству носителей русского языка независимо от их социального или профессионального статуса: *абонентка* (абонентская плата), *микроволновка* (микроволновая печь), *внедорожник* (внедорожный автомобиль), *обменник* (обменный пункт, пункт по обмену денег) и др.

Дериваты-универбы разговорного стиля в конце XX в. стали в большом количестве использоваться в языке СМИ благодаря их характерным особенностям – оценочности, экспрессивности, образности, экономности и даже сниженности. Медийные тексты выполняют не только информационную функцию, но и функцию воздействия. Используя подобные экспрессивы, медийщики не только информируют адресата, но и пытаются оказать на него влияние.

Высокую продуктивность при образовании (в процессе создания) неологизмов-универбов проявляют разговорные суффиксы *-к(а)*, *-уш-*

к(а) с предметной семантикой. Подобные универбаты широко представлены в медийных текстах: *На встрече* (встречной полосе – Л. Р.) *легковушка столкнулась с микроавтобусом* (Российская газета, 01. 12. 2017); *Шойгу передел “оборонку”* (оборонную промышленность – Л. Р.) *в форму* (Московский комсомолец, 04. 02. 2017); *Ведь большинство “офисных атлетов” приходят в тренажерки* (тренажерные залы – Л. Р.) *утром либо вечером...* (Вечерняя Москва, 30. 03. 2016); *Это произойдет, если проблема доступности обязательной “автогражданки”* (страхование автогражданской ответственности – Л. Р.) *так и останется нерешенной* (Полит.ру, 08. 06. 2016); *Последние выходные осени москвичи могут провести <...> на фестивале японского кино и на документалке* (документальное кино – Л. Р.) *Джима Джармуша об Игги Поне и его группе The Stooges* (РИА Новости, 25. 11. 2016); *Общественник Павел Сычев санкционку* (санкционные продукты – Л. Р.) *не переваривает* (Экспресс газета, 2015, № 9); *Но кому-то из чиновников понадобилось переселить школу в “блочку”* (блочное здание – Л. Р.) *с текущей крышей* (Аргументы недели, 8–14. 10. 2015). *“Пищевка”* (пищевая промышленность – Л. Р.) *показала рост. Нижегородстат подвел итоги производства продуктов питания в прошедшем году* (Курс Н, 05. 02. 2016); *Стало быть, пока суд да не дело (в смысле, уголовки (уголовного дела – Л. Р.) пока нет), надо быстрее пропихнуть изменения в генплан...* (Зеркало, 11. 11. 2016); *За две таких арендных платы можно купить “однушку”* (однокомнатную квартиру – Л. Р.) *в спальном районе города* (РИА Новости, 21. 12. 2016).

Семантика универбов в приведенных примерах обычно известна большинству говорящих, но в ряде случаев универб допускает неоднозначность семантической трактовки, которая обычно проясняется в более или менее широком контексте: *От постоянного собственного жилья “служебка”* (служебная квартира – Л. Р.) *отличается тем, что она представляется только на время прохождения военной службы* (Российская газета, 22. 12. 2016); *Клиентам, которые используют “операционки”* (операционные системы – Л. Р.) *более ранних версий, необходимо в диалоговом окне разговора из выпадающего языкового меню Skype Translator (под иконкой “глобуса”) найти и выбрать русский язык* (РИА Новости, 11. 10. 2016); *Экс-министр <...> отделался “условкой”* (условным сроком – Л. Р.) *и арестованным “Porsche”* (Открытый Нижний, 18. 03. 2016); *Только это не должна быть “ювелирка”* (ювелирные изделия – Л. Р.), это должны

быть слитки (Новое дело. Нижний Новгород. 07. 01. 2016); *Поэтому многие продавцы алкогольной элитки* (элитной продукции – Л.Р.) *уже вынуждены сворачивать свою деятельность* (Ленинская смена, 14–20. 11. 2016); *Для снижения холестерина пью статины. Но появились побочки* (побочные эффекты – Л. Р.) (Радио России, 20. 10. 2016); *Сначала ребенок подхватил кишечку* (кишечную инфекцию – Л. Р.) *и ОРВИ* (НТВ, 04. 03. 2017).

Вместе с тем в ряде случаев семантика универбатов не проясняется контекстом, что затрудняет восприятие текста адресатом. Как известно, многие универбаты представляют собой профессиональные сленгизмы и могут быть известны не всем говорящим: *Игровая индустрия Финляндии начиналась с нескольких энтузиастов, они собирались раз в год, показывали демки* (демонстрационные версии – Л. Р.) (Полит.ру, 08. 06. 2013); *Все независимое кино уходит на другие платформы - на телевидение и в интернет, сразу же появляется в сети на “пиратке”* (пиратских сетях – Л. Р.) (РИА Новости, 31. 03. 2016); *С учетом громких взломов почт и аккаунтов вряд ли они это и “в личке”* (личных сообщениях – Л. Р.) *обсуждают* (Взгляд, 04. 05. 2016); *Создать “чрезвычайку”* (службу по чрезвычайным ситуациям – Л. Р.) *несложно, но она, во-первых, нуждается в постоянном контроле со стороны первого лица, у которого ни на что другое просто не останется времени* (Взгляд, 12. 09. 2016); *Ну а для этого, как ни крути, надо провести публичку* (публичные слушания – Л. Р.) – *закон обязывает* (Зеркало, 11. 11. 2016); *Аналогичная ситуация складывается и для разномастных лоббистов, в том числе и политических. Но теперь, с возвращением “мажоритарки”* (мажоритарная избирательная система – Л. Р.), *ситуация изменилась в корне* (Наша версия, 04–10. 07. 2016).

Значения универбатов, как отмечают ученые,

не всегда могут быть с большей или меньшей степенью точности воссозданы на базе внутрисловного контекста (Коряковцева 2016: 94).

При анализе подобных универбатов учеными предлагаются критерии, учитывающие аналогию, внешний контекст, внутритекстовые пресуппозиции:

имплицитные смысловые компоненты выявляются, с одной стороны, в лексико-семантических парадигмах через оппозиции и кон-

текст, с другой – в процессе функционирования слова (Коряковцева 2016: 94).

Универбат

не всегда понятен адресату либо воспринимается им как многозначное слово именно потому, что для суффиксальных универбатов выбирается мотивировка одним каким-то признаком, а не всем содержанием мультивербизма, подвергаемого “свертыванию” (Коряковцева 2016: 93).

Дешифровка универбатов, являющихся семантически нерегулярными суффиксальными компрессатами, нередко зависит от таких факторов, как социальная принадлежность говорящих, их возраст и уровень образованности (Коряковцева 2016: 93).

В медийных текстах широко представлены универбаты с суффиксом *-(н)ик, -щик* с семантикой лица: Украинские **силовики** (представители силовых структур – **Л. Р.**) *за минувшие сутки 1302 раза нарушили режим “прекращения огня”* (РИА Новости, 12. 02. 2017); *В Нижнем Новгороде перед судом предстанет оперативник* (оперативный работник – **Л. Р.**) *одного из СИЗО (Про Город – Нижний Новгород, 21. 01. 2017); На второе полугодие запланировано повышение зарплаты бюджетникам* (работникам бюджетной сферы – **Л. Р.**) *в соответствии с указом президента* (Российская газета, 01. 02. 2017); *Именно поэтому можем “нарваться” на афериста, на вечного виртуальщика* (участника виртуального общения – **Л. Р.**), *который никогда не пойдет на реальную встречу, на женатого мужчину, альфонса или даже насильника* (Аргументы и факты – Владимир, 10. 09. 2015). Большинство существительных-неологизмов со значением лица “имеют разговорную окраску и употребляются как средство непринужденного общения, в том числе в деловой или официальной обстановке” (Радченко 2009: 140–144).

Ученые отмечают разные функции словообразовательных дериватов: номинативная, экспрессивная, стилистическая, компрессивная, конструктивная, игровая (Земская 2007а: 8, Земская 2007b). В универбации реализуется прежде всего компрессивная словообразовательная функция (Земская Е. А. 1992: 8–12, Лопатин 1997). Компрессивная функция универбов обычно сочетается со стилистической: разг. *атипичка* (←*атипичная пневмония*). Наряду с компрессивной и стилистической универбаты могут характеризоваться номинатив-

ной функцией, поскольку компактно называют новые реалии: разг. **аппаратчик** (← *работник аппарата*, где *аппарат* (офиц.) ‘органы центрального или местного управления; совокупность сотрудников таких органов’); *Авторы считают, что за счет “альтернативщиков”* (тех, кто находится на альтернативной службе – Л. Р.) *можно решить задачу привлечения рабочих рук туда, где их не хватает* (Наша версия, 31. 10–06. 11. 2016).

Вместе с тем, по мнению некоторых ученых,

создавая универб и принимая его в активный речевой оборот, социум делает это не с целью получения слова, служащего средством обозначения новой реалии, т.е. не для выражения нового номинативного значения (Клобуков 2015: 70).

Однако в случаях возможной неоднозначной трактовки универбата отсутствие нового номинативного значения не столь очевидно.

Универбы в СМИ выступают как экспрессивно-маркированные единицы, как единицы с яркой экспрессией: **желтяк** ← ‘желтая пресса’; **нервяк** ← ‘нервное состояние, нервное напряжение’; **новостняк** ← ‘новостная теле- или радиопередача’; **квартирник** ← ‘квартирная вечеринка’.

Слово-универб может быть окрашено не одним, а целым комплексом оценочных созначений, эмоционально-экспрессивных оценок: **злободневка** – ‘злободневная тема’ (с оттенком фамильярности), **вчерашика** – ‘вчерашняя (устаревшая) вещь’, **санкционка** – ‘санкционные продукты, товары’, **запретиловка** – ‘запретительные меры’, **девьяностики** – ‘типичные представители поколения девьяностных’, **мрачняк** – ‘мрачное настроение, ситуация’. Подобные универбы являются средством речевого воздействия.

В текстах современных российских СМИ активно употребляются универбаты-жаргонизмы с выраженным экспрессивным эффектом: *В чиле электронного “студака”* (студенческого билета – Л. Р.) *будет “защита” информации об отметках* (Российская газета, 05. 06. 2013); *“МК” выяснил, как антиплагиатные системы борются с левыми “курсаками”* (курсовыми работами – Л. Р.) *и “реферами” и как, в свою очередь, этому сопротивляются студенты* (Московский комсомолец, 02. 03. 2014); *В регионах, где ранее по указанию “Кремля” они “наезжали” на губернаторов, те начали давать “ответку”*

(ответное действие – Л. Р.) и *давить региональные организации* (Аргументы недели, 27. 10–02. 11. 2016).

Суффиксальные универбаты в медийных текстах могут быть действенным экспрессивно-оценочным средством: *При этом он заявил, что его подзащитный в бытность губернатором сам якобы добивался <...> проведения ремонтов, а не доносил “такую бытовуху”* (бытовую информацию – Л. Р.) *до президента* (РИА Новости, 05. 09. 2016); *На Западе и в России консорциум международных расследований готовит “вброс” информации, неприкрытую “заказуху”* (заказную информацию – Л. Р.) *о семье Владимира Путина, друзьях его детства, отметил пресс-секретарь главы российского государства Дмитрий Песков* (РИА Новости, 31. 03. 2016).

Активное использование в российских медийных текстах неологизмов-универбов свидетельствует об усилении разговорной составляющей современного медиатекста, что реализует основную стратегию современных масс-медиа – стратегию близости к адресату.

Употребление коллоквиализмов в языке СМИ имеет двойственный характер: с одной стороны, разговорные универбы отвечают актуальной речевой практике и экономии речевых усилий, обогащают язык, насыщая его новыми экспрессивными словами, но, с другой стороны, демонстрируют злоупотребление сниженными единицами. Неуместное и агрессивное использование в СМИ сниженных, фамильярных, негативно-оценочных универбов усиливает тенденцию к огрублению публичной речи. Поэтому авторы медийных текстов не должны забывать о журналистской этике, о нормотворческой роли языка СМИ в целом.

В целом, как отмечают исследователи,

медийные неодериваты, появление которых обусловлено тенденциями к языковой экономии, к большей выразительности, <...> играют важную роль в языковом развитии. В медийных неодериватах отражаются способы и механизмы приспособления общенародного языка к условиям его функционирования, изменяющимся под влиянием внешних факторов (Коряковцева 2016: 130).

Литература

- Елена ЗЕМСКАЯ, 2007: Игровое словообразование. *Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина*. Москва: Языки славянской культуры.
- Елена ЗЕМСКАЯ, 1981: Словообразование. *Русская разговорная речь*. Москва: Наука.
- Елена ЗЕМСКАЯ, 2007: *Словообразование как деятельность*. Изд. 3-е. Москва: Академия.
- Елена ЗЕМСКАЯ, 1992: *Словообразование как деятельность*. Москва: Наука.
- Евгений КЛОБУКОВ, 2015: Универбация в ее отношении к системе способов современного русского словообразования. *Язык, литература, культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей*. Москва: МАКС пресс. Вып. 11. 68–80.
- Елена КОРЯКОВЦЕВА, 2016: *Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты)*. Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach.
- Владимир ЛОПАТИН, 1997: Универбация. *Русский язык. Энциклопедия*. Москва: Большая Российская энциклопедия. Дрофа.
- Наталья НИКОЛИНА, Дарья ДОЗОРОВА, 2015: Универбаты-урбанонимы в социокультурном пространстве города. *Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции (г. Брянск, 24–25 апреля 2015 г.)*. Брянск: Брянская государственная инженерно-технологическая академия, 155–161.
- Марина РАДЧЕНКО, 2009: Словообразовательные неологизмы в современном русском и хорватском языках. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2: Языкознание. № 2, 140–144.

Univerbats-neologisms in the Modern Russian Mass Media

Enhancement of social life dynamics, intensification of communication have stipulated the increased activity of univerbation processes in the modern Russian discourse. When producing univerbats high productivity is demonstrated by the suffix $-κ(a)$ with the semantics of a subject and by the suffixes $-нук$, $-уик$ with the semantics of a person. In most cases the semantics of such univerbats is known to the interlocutor or becomes clear in the context. In the event of controversial interpretation of a univerbat the semantics of the latter seldom becomes clear in the modern media texts. Deciphering of univerbats often depends on the social background, age and education level of a listener.

In media-texts univerbats perform a compressive, stylistic, expressive-evaluative functions and they are also able to name new realias. Active usage of neologisms-univerbats signals the enhancement of a colloquial constituent of a modern media text.

Василка Радева

Софийски университет "Св. Климент Охридски", България, София
v.radeva@ranguelov.net

УНИВЕРБИРАНЕТО В ОТНОШЕНИЕТО МУ КЪМ АНТИНОМИЯТА ТЕКСТ : КОД

Като израз на тенденцията към езикова икономия, универбираните структури са илюстрация на съкращаване на *текста* в полза на *кода*. Те представляват еднoсловни формации, мотивационно свързани с номинационни словосъчетания, в чиито състав е включена признакова дума, на която се опира ономаσιологичният мотив, напр.: *тричленна комисия – тричленка*. Съкращаването на текста се изразява в заменяне на употребявано възпроизводимо съчетание с еднoсловна номинационна единица, при запазване на понятието, с което се свързват двата вида номинационни единици, срв.: *кирилска азбука и кирилица*.

Ключови думи: антиномия, код, езикова икономия, семантична кондензация, текст

As an expression of the tendency towards language economy, structures resulting from *univerbirane* illustrate the shortening of *the text* in favour of *the code*. They constitute one-word formations motivationally connected with denotational phrases, whose structure includes a modifying word underlying the onomasiological motive, e.g. *trichlenna komisiya – trichlenka*. The shortening of *the text* is manifested in replacing a generally used reproducible phrase with a one-word denotational unit. This is accompanied by the preservation of the concept, with which both types of denotational units are connected, cf. *kirilska azbuka* and *kirilitsa*.

Key words: antinomy, code, language economy, semantic condensation, text

1. Сред вътрешноезиковите противоположности, които моделират развойните тенденции в езика, антиномията *текст : код* заема особено място, тъй като характеризира отношението *език : реч*. Докато тенденциите, които са израз на вътрешноезиковия развой, като *традиционност* и *иновационност*, *интелектуализация* и *демократизация*, са обусловени от връзката с общността, носител на езика, антиномията *текст : код* е свързана с номинационната функция на езика

в нейното отношение към комуникационната, което обуславя връзката ѝ със словообразуването, респ. универбирането.

1.1. Във вътрешноезиков план универбирането като своеобразен акт на номинация е зададено от самия характер на думата като називна единица, която се характеризира с асиметрия на формата и съдържанието. Израз на тази асиметрия са синонимията и полисемията. Разглеждането на универбирането като словообразователен начин се основава на способността на производната дума да експлицира чрез формалната си структура мотивиращите признаци, а в значението си да съдържа имплицирани семантични компоненти, напр.: *визитка – визитна карта, двutomник – книга в два тома* (Радева 2007: 64).

Известно е, че спецификата на универбирането се обуславя от същността на мотивационното отношение, отразено в семантиката на универбираните структури, чиято формална характеристика ги свързва, но и отличава от семантичното словообразуване, суфиксацията, абревиацията и композицията. По своя характер универбирането представлява своеобразна “вторична номинация”, която разширява комуникативните възможности на езика чрез лексикални средства, израз на т. нар. комуникативна двойна функция (*kommunikative Doppelfunktion*) на словообразуването (Fleischer 1981).

1.2. Обособяването на универбирането като деривационен начин се основава на разграничението между словообразователната структура, израз на мотивационното отношение, и семантичната мотивация, отразена в значението на универбираните формации. Чрез характера на мотивационните отношения, които обхващат структурните и семантичните връзки между думите, се разкрива значението на универбатите, получени в резултат на *семантична кондензация* като израз на съкращаването на *текста* в полза на *кода*. Семантичната кондензация обаче е характерна и за композиционно структурираните названия със съкратени компоненти като *автомивка, биопродукти, фотоателие* и др., в чиято формална структура обаче е експлицирано двусловното съчетание, което ги отличава от универбатите (Аврамова 2008: 103 и сл.).

2. Независимо дали универбирането се разглежда в по-широк, или в по-тесен смисъл, неговото реализиране и активизиране се свързват с вътрешноезиковата антиномия *текст : код*, която се разрешава в полза на *кода*. Употребата и предпочитането на универбирани струк-

тури са обусловени от динамиката в живота на езиковите носители, а също и от желанието да се изрази “отношение” чрез използваното название. Не е случайно, че универбирането е характерно предимно за разговорната речева практика, като се среща в сленговата лексика, а също и в диалектите, където е слабо проучено.

2.1. Обикновено съкращаването на *текста* (езиковия израз) се търси предимно във формалната структура на еднословната називна единица, което свързва универбирането с деривацията като акт на номинация. Интерес представлява обаче значението на универбатите, интерпретирано като израз на мотивационната връзка между описателното и еднословното название. Ако сравним названията *стотарка*, *стотачка* и *столевка*, свързани семантично с числителното *сто*, експлицирано във формалната им структура, значението на първите две има отношение към съчетанието *сто лева*, независимо от банкнотите, които представят сумата, напр.: *това ми струва две стотачки / стотарки*. Съществителното *столевка*, в чиято форма е отразена връзката с общото значение ‘сто лева’, включва и значението ‘банкнота’, т.е. съответства на съчетанието *банкнота от сто лева*. В семантиката на еднословното название се изразява отношение към две субстанции – *лев* и *банкнота*, но формално са експлицирани атрибутивно употребеното съществително и неговото определение (*сто лева*). По-широкият семантичен обем на универбираната структура основателно се свързва с по-голямата ѝ смислова натовареност, със запазване и обогатяване на информационната стойност на съдържащия се в нея компонент (Аврамова 2008: 102–103). Разгърнато израженият смисъл на базовото съчетание се включва в значението на универбата, като е съкратен “планът на изразяването”, напр.: камуфлажна униформа – *камуфлажка*, късометражен филм – *късомертажка*, панелна сграда – *панелка*, пилотен автомобил – *пилотка* (бълг); аварийна машина – *аварийка*, валютният магазин – *валютка*, кредитна карточка – *кредитка*, поддълна картина – *подделка*, санитарна машина – *санитарка* (рус.); *minerální voda* – *minerálka*, *reklamné agentura* – *reklamka*, *rychlí vlak* – *rychlík* (чеш.).

Семантиката на универбата е по-сложно структурирана в сравнение с мотивационната връзка в деривационната двойка. Освен отношението към назованата субстанция, семантиката му предполага и отразява връзка и с друга формално неексплицирана субстанция. *Двудневка* не е ‘период от два дена’, а ‘процес (събитие), който трае два дена’.

Словообразователното значение съдържа в смет вид семантиката на прилагателното *двудневен* ‘който продължава два дена’. Имплициран семантичен компонент съдържа и универбатът *десетдневка*, който не означава ‘период от десет дена’, а ‘мероприятие (събитие), което се вмести в десет дена’ (напр. десетдневка на киното, на книгата, на модата и пр.).

2.2. Номинационните съчетания, които се поддават на универбиране, най-често представляват именни бинарни формации с атрибутивно свързани компоненти (патрулна кола – патрулка). Като производни структури, названията, резултат от универбиране, се характеризират с двойна референция – към назоваваната субстанция, и към съществуващо в езика номинационно съчетание. В същото време характерът на мотивационната връзка отразява и различието между двата деривационни начина. При наличието на отношение към две субстанции, характерно за универбираните структури, връзката с експлицитно изразената е опосредствана от производно прилагателно, срв.: *климат* – *климатична инсталация* – *климатик*, *сезон* – *сезонный билет* – *сезонка* (рус.) и др. Признаковите думи в базовото съчетание, много често са производни и отразяват отношение към субстанция: *визита* – *визитна карта* – *визитка*, *кабел* – *кабелна телевизия* – *кабеларка*, *маршрут* – *маршрутна кола* – *маршрутка* и др. Като проява на номинационен акт, характерен за славянските езици, универбираните формации показват различия, обусловени от избора на номинационен мотив, в който се отразява отношението към мотивиращото съчетание. Например докато в български език наред с най-разпространеното двусловно название *мобилен телефон* се предпочитат заетото съкращение *джиесем* (GSM) и *мобилен*, в чешки език се употребяват съчетанието *mobilní telefon* и универбатът *mobil*, в полски – *telefon komórkowy* и *komórka*, а в украински – *мобільний телефон*, *мобільний*, *мобілка* и *мобільник*.

3. Характерът на мотивационната връзка между думите в деривационната двойка, от една страна, и между базовото и универбираното название, от друга страна, е общото, което свързва универбирането със словообразуването, като обуславя и спецификата, която ги различава. Тази специфика се отнася не само до формалното изразяване на тази връзка, до използването / неизползването на общи или специални деривационни средства, както и до избора на номинационен мотив. Проектирана върху общността и различието на мотивацион-

ното отношение, тя дава основание за обособяване на универбирането, което заема по-особено място не само като номинационен акт, но и като средство за комуникация.

3.1. Обща особеност на универбирането и словообразуването е експлицираното съответствие между синтактичните, лексикалните и словообразователните връзки, отразени в базовите съчетания и в универбираните структури. В това съответствие е заложено и различието между тях. Словообразователните връзки, изразени чрез парафразата като синтактичен конструкт, както и създаването на номинационни словосъчетания, отразяват отношение между единици от различни равнища, докато универбирането остава в обсега на лексикалното, напр.: *глаголическа азбука – глаголица, кирилска азбука – кирилица, също латиница, арабица* и новообразуването *методиевица*, създадено по същия модел, без да се свързва с разгърнато название.

3.2. Характерно за универбирането е, че осъществяването му изисква наличие на номинационно съчетание, назоваващо дадената реалия, докато словообразователната парафраза се оформя при създаване на производна структура, за да се изрази нейното словообразователно значение. Разгърнатото съчетание, въз основа на което се изгражда универбатът, по своето значение и структура е различно от парафразата, израз на словообразователното значение, както и от тълкуването на лексикалното значение, срв.: *футболка* ‘спортна фланелка’ (рус.), *тениска* ‘блуза с къси ръкави от памучно трико’, *пилотка* ‘мека военна шапка’ (бълг), но *тричленна комисия – тричленка, кабелна телевизия – кабеларка*.

3.3. Друга особеност, характерна за универбирането, представлява съвместната употреба на универбата и базовото съчетание, напр. *патрулна кола* и *патрулка, фалшива банкнота* и *фалшивка*, докато парафразата не замества производната дума в речевата практика. Например названията *трибагреник* и *трикольор* със значение ‘(българско) знаме в три цвята’ по формалната си семантична структура имат характер на универбати, но не удовлетворяват изискването за паралелна употреба с базовото название, т. е. наред с *българския трибагреник* не се употребяват съчетания като **българското знаме в три цвята* или **българското трицветно знаме*.

Номинационната функция на някои универбирани формации, които експлицират мотивиращия признак, ги отнася към различни субстан-

ции, назовавани с отделни базови съчетания. Например *фалшифка*, както и *фалшивка* (рус.) означават не само ‘фалшива банкнота, картина, документ и пр.’, а изобщо ‘нещо, което не е истинско; фалшификат, имитация’. В чешки език *generálka* означава *generální mapa*; *generální repetice*; *generální oprava*. Образоването и семантиката на тези универбати също представляват своеобразен израз на съкращаването на текста.

4. В процесите на деривация и универбиране съществуват точки на пресичане не само защото при оформяне на универбатите се използват форманти и начини, характерни за словообразоването. Различieto и общността се откриват и в избора на мотивиращ признак, задължителен при създаване на номинационна единица. Известно е, че изборът зависи от актуалността на признака, като представлява преди всичко израз на субективното отношение на номинатора към назования факт.

В избора на номинационен мотив се отразява взаимодействието между субективния и обективния фактор при номинацията. На тази особеност обръща внимание още В. фон Хумболт при изясняване на т. нар. вътрешна форма на думата, израз на нейната мотивираност. В идеята на В. фон Хумболт е залегнала антиномията между субективното и обективното в номинационния акт, обусловена от неограничените възможности и подходи към фактите от заобикалящия свят, които човек опознава и назовава (Радева 1998: 85–87).

4.1. Ролята на субективния фактор се проявява още при избора на многословни названия, чието значение може да се изрази чрез еднословна структура. Универбират се предимно разгърнати названия, известни и често употребявани в дадена езикова общност, която може да бъде социално или териториално обособена. Те служат за номинация на значими за социума реалии, чиято честа употреба ги налага в речевата практика. Създават се и се предпочитат, тъй като изразяват “по-пестеливо” значението на добре известни съчетания, чието “съкращаване” не се нуждае от специално обяснение. Някои от тях се отнасят до често използвани в речта типови структури, чието универбиране създава по-икономични единици, характерни за разговорния стил, без да се допускат в писмената реч, както и в деловия стил. Например в речта на софийските жители за означаване на по-известни улици и булеварди, чието разгърнато (базово) название съдържа приложение, се използват съкратени еднословни названия:

улица Пиротска – *Пиротска*, също *Солунска*, *Витошка*, *Раковска*, *Московска*, някои от които са приети като официални. Чрез женсколичната форма на субстантивираното прилагателно се изразява връзката с изпуснатото съществително *улица*. В съкратеното название се запазва думата, която изпълнява идентифицираща функция, като се съкращава приложението, напр.: бул. “Княз Александър Дондуков” – *Дондуков*, бул. “Александър Стамболийски” – *Стамболийски*. С подчертана разговорност са названия като *графа* – ул. “Граф Игнатиев”, *патриарха* – ул. “Патриарх Евтимий” и др. Посочените примери заемат по-особено място поради идентифициращата си функция, но илюстрират характерна за универбирането особеност: чрез експлицирания семантичен компонент, те се свързват с “мотивиращото базово съчетание”, без да включват семантичен компонент, който да ги отличава от него, т.е. те осъществяват “дублираща” номинационна функция. Според теорията на номинацията, универбатите не се създават, за да назоват осъзнати и осмислени нови факти от действителността, а представляват трансформация на съществуваща номинационна единица, като невинаги са натоварени с модифицираща функция, срв.: *дигитален фотоапарат* – *дигиталка*, *кабелна телевизия* – *кабеларка*, *самоделно устройство* – *самоделка*, *петминутно съвещание* – *петминутка*, *фалшива банкнота* – *фалшивка* и др.

4.2. Като своеобразен израз на субективния фактор, проявяваната избирателност към разгърнатите названия, подлагани на универбиране, има отношение към тяхната семантика и фреквентност. Както някои словообразователни средства (суфиксите *-к(а)*, *-ник*), така и отделни компоненти на номинационните съчетания проявяват активност при участието си в универбирането. Като израз на универсалната връзка, обусловена от разполагането на субстанциите във времето, може да се приеме участието на названията, понятийно отнесени към концепта *време*, напр.: *утреник* ‘утринен вятър’, *вечеринка* ‘вечерно забавно представление’, *вечерник* ‘вечерен вятър’, *нощник* ‘нощна пеперуда’ (бълг.); *nočník* ‘noční představení’, *nedělník* ‘nedělní tisk’ (чеш.) и др. Тематично обединени са названията, свързани с периодични печатни издания, като *всекидневник*, *ежедневник*, *седмичник*, *двумесечник*, *двуседмичник*, *месечник*, *годишник* и пр., чиято основа отразява връзка с название, отнесено към времето в различните му определения.

4.3. За изразяване на количествена характеристика, осъзната като съществен белег на субстанциите, числителните имена са особено про-

дуктивни при суфиксно оформяне на универбати със сложна произвеждаща основа: *двувратка* ‘кола с две врати’, *двуцевка* ‘пушка с две цеви’, *десетолевка* ‘банкнота от десет лева’, *еднодръвка* ‘лодка от едно издълбано дърво’, *едноцевка* ‘пушка с една цев’, *петминутка* ‘петминутно съвещание’, *петолевка*, *петдневка*, *тричленка* ‘тричленна комисия’ (бълг.); *двестаграмка* ‘двестаграмова бутилка’, *двухетажка* ‘двуетажна сграда’, *пятизвездник* ‘петзвезден хотел’, *стоватт-ка* ‘стоватова крушка’, *стограмка* ‘стограмова бутилка’ (рус) и др.. Значимостта на количествената определеност обуславя създаването на универбати, оформени чрез специалното ѝ експлициране. Образованите структури са характерни предимно за диалектната лексика, напр.: *двоаяк* ‘голям звънец за добитък’, *осмак* ‘котел, който побира осем литра’, *деветина* ‘купчина от подредени девет снопа’, *осмак* ‘въже, дълго осем метра’, *петак* ‘подкова с пет дупки’ и др. (Витанова 2016). По-особеният характер на количествената определеност във функцията на мотивиращ признак дава възможност за отнасянето ѝ към различни субстанции за образуване на композиционно оформени прилагателни като *двустепенен*, *тристаен*, *четириместен*, *пететажен*, *шестметров*, *седемчленен* и пр. В българските диалекти се употребяват названия на различни субстанции, характеризирани с признак, който ги свързва с едно и също числително име, напр.:

*единак*¹ ‘самотен необщителен човек’; *първак*¹ ‘ученик в първи клас’;
*единак*² ‘единствен син в семейството’; *първак*² ‘първа ракия’;
*единак*³ ‘вълк, който не се включва в глутница’; *първак*³ ‘първо роене на пчели’;
*единак*⁴ ‘лук, който не оформя глава за семе’; *първак*⁴ ‘първородено дете’.

От числителното *седем* са образувани названията *седмак*¹ ‘дете в седмия месец’, *седмак*² ‘въже, дълго седем метра’, *седмак*³ ‘конски чул с размер седем педи’.

При интерпретацията на тези названия е необходимо да се вземат под внимание характерните им особености:

- Те се употребяват от носителите на различни диалекти (За географската им характеристика вж. Витанова 2016: 93–103).
- Наличието на общ семантичен инвариант е обусловено от мотивационната им връзка с една и съща произвеждаща дума.
- Не са резултат от семантично вариране на една лексема (полисемия), тъй като не се извеждат една от друга.

5. Своеобразната номинационна функция на универбатите, които съкращават *текста*, в системен план може да се рзглежда и като разрешаване на антиномията *текст* : код в полза на *текста*, тъй като за езиков израз на едно изградено понятие (факт от действителността) в речта се използват две названия. При това обаче трябва да се вземат под внимание не само тяхната понятийна отнесеност, а и семантиката им, обогатена с наличие на конотативни значения, които не се изчерпват само с израз на 'разговорност'. Тяхната употреба и редуване с базовото съчетание имат значителна роля за стилистичното разнообразяване на речта, което изисква езикова компетентност и култура. Мястото им в речта на средствата за информация е съществено търсено и предпочитано, без това да означава, че те придобиват узуалност, напр.:

Мутафова бе аплодирана бурно в Сатиричния театър навръх 95-ия си рожден ден...Тя отпразнува юбилея в сряда със "Столетие мое" в Сатирата и в четвъртък с "Госпожа Стихийно бедствие" в "Сълза и смях". (в-к "Стандарт", 3. 2. 2017).

5.1. За назоваване на отделните театри много по-често се предпочитат универбати като *военния, драматичния, младежкия, музикалния, сатиричния*, като се съкращава съществителното театър, чието значение е експлицирано чрез мъжколичната форма на прилагателното. Този тип назоваване, чиято принадлежност към универбирането не се приема еднозначно, се наблюдава при наличието на базови двусловни названия, създадени за изразяване на съществени родово-видови отношения, напр.: *пътни, дневни, джобни, квартирни* (разходи, пари); *главна, старша, дежурна* (медицинска сестра); *детска, дневна, гостна* (стая) и пр. Разглеждани като резултат от субстантивирание, те заемат особено място в лексикалната система, където имат отношение към нейното структуриране, особено характерно за терминологичната лексика. По своята същност еднословните структури представляват традиционен модел на субстантивация, при която е експлицирана връзката с детерминиращото прилагателно.

В тези случаи универбирането се предхожда от двусловно название, създадено за стесняване на семантичния обем на опорното съществително: *инспектор – старши инспектор – старшия, младши инспектор – младшия, главен инспектор – главния* и пр. Във формалната структура на универбата се експлицира признаковата дума, използвана за специализиране на значението, но в семантичен план

той “дублира” значението на двусловното название. Съществена особеност на тези формации е тяхната контекстова обусловеност, напр.: *главният е на визитация, а дежурният оформя някакви медицински картони*. образуването на номинационни словосъчетания е израз на “разгръщане” на текста при “стесняване” на значението, напр.: *борд – валутен борд, адрес – електронен адрес, коридор – транспортен коридор*. Номинационните единици с формално по-разгърнат езиков израз означават субстанции, свързани с по-тясно по обем понятие и илюстрират разрешаване на антиномията *текст : код* в полза на *текста*. Те имат особено отношение към процеса на универбирането, като изпълняват опосредстваща роля.

5.2. Често употребяваните двусловни названия допускат формално съкращаване, при което се отстранява атрибутивният (мотивиращ) компонент. Значението се поема от опорното съществително, което формално е равно на първичното еднословно название, но е с различно значение. В този случай универбирането се предхожда от по-сложен семантичен развой и промяна на първичното опорно название. Базовото двусловно название, възникнало чрез прибавяне на признак, които стеснява понятийния му обем, съдържа производно десубстантивно прилагателно: *валута – валутен борд, компютър – компютърен вирус, въздух – въздушен коридор, сатира – сатиричен театър* (бълг); *гигант – гигантский слалом, синхрон – синхронный перевод* (рус); *klasika – klasické lyžování, satelit – satelitní anténá* (чеш.). При тези съчетания в признаковата дума се запазва изразяваното отношение към субстанция, която при универбирането може да се експлицира като “мотивиращ признак”, напр.: *генералный директор – генерал, гигантский слалом – гигант* (рус.); *кабелна телевизия – кабел, сателитна антена – сателит* (бълг.); *satelitní anténá – satelit, klasické lyžování – klasika* (чеш.) и др. Отношението към субстанция в смет вид се отразява и в семантиката на суфиксно оформените универбати като *кадровик* ‘кадрови войник’, *строевак, тиловак, фронтовак* и др.

Своеобразна парадигма, която илюстрира противоположен резултат в изразяване на отношението *текст* и *код*, се оформя чрез връзката между номинационни единици като:

вирус¹ – компютърен вирус – вирус²
 коридор¹ – въздушен коридор – коридор²
 adresa¹ – elektronická adresa – adresa²
 satelit¹ – satelitní anténa – satelit²

Отношението между еднаквостъщащите названия (вирус¹ и вирус²) дава основание за различното му интерпретиране, отнасяно към омонимията и универбирането (за различните тълкувания вж. Аврамова 2008: 105 и сл.). Ако сравним съществителните *коридор*¹ ‘дълго и тясно жилищно помещение, откъдето се влиза в стаите’ и *коридор*² ‘достъп за преминаване по въздух’, чиято връзка е опосредствана от съчетанието *въздушен коридор*, техните значения не дават основание за интерпретирането им като резултат от семантична деривация. Създаването на универбата *коридор*² със значение ‘въздушен коридор’, е обусловено от утвърденото в практиката двусловно название, чиято узуализация е свързана с честотата на употребата му, активно поддържана от медиите. Също така наред със словосъчетанието *политически чадър* със значение ‘покровителство от страна на влиятелна с политическата си позиция личност’ се предпочита и използва опорното съществително *чадър*: *Вътрешният министър обвини депутата, че действа като чадър за фирмата*.

Образуването на опосредстващо двусловно название, чийто понятиен обем е стеснен чрез признакова дума, създава по-сложно отношение на универбирането към антиномията *текст* : *код*. Изследването на отделните случаи изисква деференциран анализ, който да взема под внимание речевата реализация и контекстовата обусловеност на универбираните формации. Известно е, че речевата реализация на тези универбати изисква задължителен лексикален контекст, срв.: *борд на самолета, пътниците на борда на кораба, но борд на директорите, въвежда се борд, бордът взема решение* и пр., който на речево равнище представлява “увеличаване” на текста.

6. Във вътрешносистемен план универбирането има отношение към *дескрипцията*, при която описателна конструкция замества еднословно название, с което е съотносима семантично, но не и формално, напр.: Рим – *Вечния град*, Варна – *Морската столица*, Япония – *Страната на изгряващото слънце*, Мексико – *Страната на ацтеките*. Речевата реализация на описателните названия също предполага възможност за взаимозаменяемост, напр.:

Еlegantност и феерия, “произведени в България” бяха аплодирани преди броени дни в Рим... Аплодираха моделите на София Борисова във Вечния град (в-к “Стандарт”, 3. 2. 2017).

Като съзнателно търсени стилистични средства, дескрипциите илюстрират възможността за разрешаване на антиномията *текст : код* в полза на *текста*, като описателното название е натоварено със стилистична функция.

Отношение към противопоставянето *текст : код* има т. нар. *мултивербиране*, чиито резултати представляват разширение на *текста* при запазване на изразяваното значение: *анализирам – правя анализ, наследявам – получавам наследство, отговарям – нося отговорност* и пр. Употребата на глагол или на глаголно-именна конструкция се обуславя от речевата ситуация, като “разгърнатата предикация” се предпочита при официално-деловото общуване (Железарова 2002).

7. Без да се отрича връзката му с тенденцията към демократизация (Мурдаров 1983: 115), както и с принципа за езикова икономия (Нещименко 2003), универбирането представлява своеобразен номинационен акт, разглеждан като словообразователен начин, чийто резултати обикновено изпълняват дублираща функция, която им отрежда особено място в системата на езика и на речта.

Чрез универбирането се отстранява семантично-структурната асиметрия между формата и значението, като многословните називни единици се преобразуват в една лексема, резултат от структурна компресия. Възможността за създаване и паралелна употреба на базовото съчетание и на съответния универбат е обусловена от характера на номинационната функция, която може да се осъществява от еднословна, многословна или фразеологична структура.

Литература

- Цветанка АВРАМОВА, 2008: Универбатите в лексикалната система на езика. *Съпоставително езикознание*. №1, 99–115.
- Диана БЛАГОЕВА, 2003: Универбизацията в най-новото славянско словообразуване (върху материал от българския, руския и чешкия език). *Съпоставително езикознание*. № 3, 5–21.
- Мариана ВИТАНОВА, 2016: Названия, производни от числителни, в българските диалекти. *Българска реч*. XXII/2, 93–104.
- Радост ЖЕЛЕЗАРОВА, 2002: Универбизация или мултивербизация? *Съпоставително езикознание*. №1, 48–53.

- Владко МУРДАРОВ, 1983: *Съвременни словообразователни процеси*.
София: Наука и изкуство.
- Галина П. НЕЩИМЕНКО, 2003: Проявление тенденции экономии в номинации славянских языков. OHNHEISER, Ingeborg (red.). *Komparacija współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacija*. Opole, 288–307.
- Василка РАДЕВА, 1998: Мотивираност на производната дума. *Славянска филология, том 22*. Доклади за XII международен конгрес на славистите. Краков, София: Анубис, 85–94.
- Василка РАДЕВА, 2007: *В света на думите. Структура и значение на производните думи*. София: Унив. изд. “Св. Климент Охридски”, 311 с.
- Wolfgang FLEISCHER, 1981: Zur Doppelfunktion der Wortbildung-Benennungseinheiten und syntaktische Parallelkonstruktion. *Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Zwickau* 17. H. 2, 9–16.

Univerbirane in Its Relation to Text : *Code*

Univerbirane represents a peculiar denotational act, treated as a derivational model, whose results usually fulfill a duplicating function, which assigns them a special place in the system of language and speech.

Establishing *univerbirane* as a derivational model is based on the distinction between derivational structure, which is an expression of the motivational relation, and semantic motivation reflected in the meaning of formations resulting from *univerbirane*. *Univerbat-s* are produced as a result of *semantic condensation*, which represents the shortening of *the text* in favour of the *code*. The meaning of *univerbat-s* is revealed through the nature of the motivational relations, which incorporate the structural and semantic links between words.

Independently of whether *univerbirane* is considered in a wider or narrower sense, its realization is connected with the intralinguistic antinomy *text : code*, which is resolved in favour of the *code*. The use of and preference for structures resulting from *univerbirane* are conditioned by the dynamism of speakers' life, as well as by their wish to show “an attitude” by means of the name used. It is not accidental that *univerbirane* is characteristic basically of the spoken language, and is found in slang vocabulary, as well as in the dialects, on which there is little research done.

Siniša Runjaić
Barbara Štebih Golub

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Hrvatska, Zagreb
srunjaic@ihjj.hr
bstebih@ihjj.hr

UNIVERBIZACIJA U HRVATSKOM NAZIVLJU*

Temom rada su univerbi u hrvatskome nazivlju. Korpus na kojem je provedeno istraživanje čine višerječni nazivi i njima motivirani univerbi ekscerpirani iz baze Struna.

Struna je terminološka baza hrvatskoga **strukovnog nazivlja** u kojoj se sustavno prikuplja, stvara, obrađuje i tumači nazivlje različitih struka radi izgrađivanja i usklađivanja nazivlja na hrvatskome jeziku. Prikupljeni se korpus analizira s obzirom na strukturu univerba te odnos univerba i višerječnog naziva kojim je motiviran s gledišta standardologije i terminologije (koji je od naziva u bazi označen kao preporučen, a koji kao dopušten).

Analizom potvrđenosti odabranih univerba u korpusima hrvatskoga jezika (Hrvatski mrežni korpus hrWac i Hrvatska jezična riznica), u internetskim izvorima, strukovnim rječnicima i strukovnoj literaturi nastoji se provjeriti teza iz slavističke literature o stilskoj, u ovome slučaju profesionalnoj obilježnosti univerba. Istom će se i pokušati odgovoriti na pitanje o prihvaćenosti naziva koje preporučuju terminolozi i standardolozi.

Ključne riječi: univerbi, terminologija, hrvatski jezik

This paper discusses univerbates in Croatian terminology. The corpus on which the research has been conducted consists of multiword terms and univerbates that were extracted from the Struna database.

Struna is a terminological database of Croatian special field terminology in which the terminology of various professional domains is systematically collected, created, managed and interpreted for the purposes of building and standardising terminology in the Croatian language. The collected corpus is analysed according to the structure of the univerbate and its relationship with the multiword term from which it was derived, from the point of view of standardology and terminology (which of the terms in the database are marked as recommended and which as allowed).

The analysis of the confirmation of the chosen univerbates in the Croatian language corpora (Croatian web corpus hrWac and Croatian language repository), in the inter-

---

* Ovaj je rad financirala Hrvatska zaklada za znanost u okviru projekta Izgradnja hrvatskoga drvnotehnološkog nazivlja (Struna-2016-05-02).

net sources, specialised dictionaries and domain specific texts is aimed at verifying the theses from Slavic literature about the stylistic, in this case professional, features of the univerbates. It is also aimed at providing an answer to the question of the actual use of the terms recommended by terminologists and standardologists.

Key words: univerbs, terminology, Croatian language

1. Uvod

Univerbizacija je pojava oko koje su u lingvističkoj literaturi neusuglašena mišljenja i po pitanju definiranja same pojave i po pitanju naziva za nju. Najopćenitije je se može definirati kao nastanak jedne riječi od značenjski istovrijednoga spoja riječi.

Đ. Otašević (1997: 52) prikupio je različite nazive za nastajanje leksičkih jedinica od sinonimnih sintagma: *univerbacija*, *univerbizacija*, *univerbalizacija*, *kondenzacija*, *semantička kondenzacija*, *brahilogizacija*, *sufiksalsna supstantivizacija*. U hrvatskome se jezikoslovlju usporedno koriste nazivi *univerbacija*¹ i *univerbizacija*.²

Za razliku od ruskih, čeških, slovačkih i poljskih lingvista kroatisti univerbizaciji nisu posvećivali pozornost: njome se bavio samo M. Mamić (1992) koji univerbizacijom smatra elipsu iza koje slijedi konverzija, npr. *hrvatska zemlja* > *Hrvatska*.

R. Simeon (1969: II, 667) univerbaciju definira kao spajanje u nepravu složenicu (fr. *plus tôt*) ili srastanje dviju riječi (njem. *wenngleich* < *wenn* + *gleich*), dakle niti se osvrće na pojavu u slavenskim jezicima, niti u obzir uzima razmatranja slavenskih (ruskih, čeških, poljskih) lingvista.

Prema Đ. Otaševiću (1997: 52–53) u lingvističkoj se literaturi univerbizacijom na leksičkom nivou smatraju: derivacija (*neutronska bomba* > *neutronka*), supstantivizacija (*razredni starešina* > *razredni*), sinegdoha (*predmeti od srebra* > *srebro*), kompozicija (*igrač prve lige* > *prvoligaš*).

U južnoj slavistici prevladava mišljenje da je univerbizacija postupak s pomoću kojega se višečlane sintaktičke konstrukcije transformiraju u jednu riječ bez promjene u značenju, što se ostvaruje derivacijom, tj. izvođenjem.

¹ Simeon (1969: II, 667).

² Mamić (1997: 71).

Tako B. Ćorić (1991: 327) univerbizaciju definira kao “postupak (i rezultat) pretvaranja višečlanih sintaksičkih konstrukcija u jednu jedinu reč tvorbenim sredstvima” i ističe da je jasno

da se ova tendencija neće realizovati identičnim tvorbenim načinima u svim jezicima. Tako će u nemačkom jeziku nekakav sadržaj biti predstavljen, na planu izraza, kompozitnom formom (složenicom), dok će u srpskom jeziku isti sadržaj imati, na planu izraza, formu izvedenice. Dakle, racionalizacija jezičkih sredstava u jednom jeziku vršiće se slaganjem, a u drugom izvođenjem. (Ćorić 2008: 160)

Stav da se univerbizacija realizira sufikslnim izvođenjem nalazimo i kod drugih južnoslavenskih lingvista, primjerice kod M. Ančić-Obradović (1969), S. Ristić (1997; 2004), I. Klajna (2003), M. Radovanovića (2004), A. Šehović (2012) i A. Žele (2008). Najčešće navođeni motivi za univerbizaciju u literaturi su jezična ekonomija i ekspresivizacija.

B. Ćorić spominje važnost jezične ekonomije u tvorbi riječi, ali ističe da iako na planu sadržaja između sintagme i univerba nema razlike, složeni naziv pripada standardnojezičnoj sferi, a univerbi razgovornom jeziku i profesionalnim govorima:

Sa stanovišta jezičke ekonomije kraća forma trebalo bi da ima prednost u odnosu na sintaksičku konstrukciju. Međutim, ta strukturna prednost očito nije dovoljna da bi se komunikativna vrednost derivata povećala. Potvrde ovih kraćih naziva retko možemo naći izvan razgovornog i profesionalnog govora. Sintagmatski naziv ima prednost u raznim sferama komunikacije jednostavno zato što je jednoznačan i semantički sasvim proziran, što se ne bi moglo kazati za sve univerbe. (Ćorić 2008: 164)

A. V. Babanov (1994: 131) ističe da je za univerbizaciju važnije načelo ekspresivizacije nego jezične ekonomije i da je jasno izražena ekspresivna komponenta značenja glavno obilježje univerba. Istražujući univerbe u razgovornom jeziku, do istoga zaključka dolaze i M. Ančić-Obradović (1969), S. Ristić (1997) te A. Šehović (2012).

I. Klajn (2003: 9) preuzima Ćorićevo tumačenje univerbizacije³ kao procesa nastanka jedne riječi od sintagme koju čine pridjev i imenica i to sufiksacijom. Kao motive univerbizacije spominje jezičnu ekonomiju i ekspresivizaciju, pa su i prema njegovom tumačenju univerbi dijelom razgovornoga jezika (*ljubavni roman > ljubić, buvlja pijaca > buvljak, sever-*

³ Primjeri koje donosi Klajn također su preuzeti od Ćorića.

ni vetar > severac, dobitnik Nobelove nagrade > nobelovac) ili stručnoga žargona (štitna žlezda > štitnjača).⁴

Samo Đ. Otašević (1996; 1997) iznosi mišljenje da se univerbi ne javljaju samo u žargonima, već i u stilski neutralnim tekstovima (npr. *havajka, nuklearka, saobraćajka*) te da čak mogu biti dijelom strukovnoga jezika, a ne samo žargona.

A. Žele (2008: 131) također ističe da univerbi razmjerno brzo gube svoju konotativnost (*daljinski upravljaec > daljinec*) i postaju dijelom neutralnoga leksika.

2. Predmet i ciljevi istraživanja

Potaknuti tezom prisutnom u lingvističkoj literaturi da se univerbi kao ekspresivne jezične jedinice javljaju samo u profesionalnim žargonima,⁵ dok u neutralnom strukovnom jeziku prevladavaju višerječne jedinice, proveli smo istraživanje na korpusu izvedenom iz baze hrvatskoga strukovnog nazivlja (Struna). Cilj istraživanja bilo je utvrditi:

- a) zastupljenost univerba u hrvatskome strukovnom jeziku
- b) utvrditi položaj univerba u terminološkom sustavu pojedinih struka (je li riječ o žargonizmima ili terminima)
- c) utvrditi strukturu univerba
- d) utvrditi motiv nastanka univerba (jezična ekonomija ili ekspresivizacija).

Pri tome – u skladu s tumačenjem u južnoslavenskim filologijama – univerbima smatramo jednorječne nazive nastale od sinonimnih sintagma (višerječnih naziva) s motivirajućom riječju u svojoj strukturi, nastale sufikslnim izvođenjem.

⁴ Sa stajališta hrvatskoga jezika ne bismo se mogli složiti da navedeni univerbi pripadaju isključivo razgovornom jeziku i profesionalnim žargonima. Dok *buvljak* i *ljubić* zaista spadaju u razgovorni jezik, *sjeverac* i *nobelovac* javljaju se u neutralnom jeziku, a štitnjača nije tek profesionalni žargonizam.

⁵ usp. Klajn (2003: 9). Ćorić (2008: 161–164) o univerbima ne govori kao o ekspresivnim jezičnim jedinicama, već kao o rezultatu djelovanja jezične ekonomije, no njihovu uporabu također veže za profesionalne govore, a ne za neutralni strukovni jezik.

3. Značajke baze hrvatskoga strukovnog nazivlja Struna i obuhvat istraživanja

Nekoliko je temeljnih razloga zbog kojih je za istraživanje odabrana upravo baza strukovnoga nazivlja Struna:

- a) Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje nacionalni je koordinator i temeljni pokretač teorijskoga i praktičnoga rada u toj bazi pa su nam time podatci dostupni za ciljano istraživanje.
- b) Nastala je tijekom posljednjega desetljeća te smatramo da je time dovoljno aktualna i može dovoljno vjerno pokazati tendencije suvremenoga hrvatskog standardnog jezika kada je riječ o temi univerbizacije u terminologiji.
- c) Utemeljena je na općoj (tradicionalnoj) terminološkoj školi koja kreće iz preskriptivističke pozicije, ali istodobno nudi i deskriptivistički aspekt te omogućuje sociolingvističko razvrstavanje istoznačnica (sinonima) za jedan pojam iz određene struke pa time uloga procesa univerbizacije postaje uočljiva i pogodna za ispitivanje.
- d) Ustroj baze od početaka se usklađivao i s relevantnim međunarodnim terminološkim preporukama i normama pa smatramo da način obrade strukovnoga jezika nije proizvoljan jer slijedi prilagođena terminološka načela tvorbe naziva te stoga rezultati mogu biti usporedivi sa stanjem u specijaliziranim leksikografskim i korpusnim izvorima.

Naravno, pokušaji uokvirenoga i institucijski potaknutoga organiziranoga načina normiranja strukovnoga jezika prisutni su još od prve faze standardizacije hrvatskoga jezika i druge polovice 19. stoljeća, a i 20. stoljeće obilježeno je s barem pet političkih ustroja i zajednica pa time i raznovrsnih jezičnih politika i načina jezične standardizacije pa možemo zaključiti da u suvremenom razdoblju hrvatski jezik prolazi kroz razdoblje određene restandardizacije. U tom je pogledu sustavna terminološka politika tek manji dio šire slike o stanju ukupne jezične politike, no na primjerima iz baze Struna možemo sagledati donekle indikativne rezultate toga procesa.⁶

Mišljenju da rezultati koje donosimo nisu proizvoljni ili rezultat nametnutih rješenja samih jezikoslovaca pridonosi i model rada koji je ustanovljen 2008. godine i od tada se sustavno provodi pri izgradnji baze Struna. Naime, utvrđen je sustav u kojemu postoji ravnopravan odnos stručnjaka za

⁶ O povijesti cjelokupnih terminoloških nastojanja s iscrpnim popisom relevantnih pokušaja i postignuća do razdoblja u kojemu nastaje Struna v. Brač, Bratanić, Ostroški Anić (2015: 4–14).

određena znanstvena i stručna područja i suradnika iz Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje i konačni rezultat izgradnje pojedinih terminoloških zbirki koji se prikazuje javnosti obavezno ovjeravaju svi sudionici u procesu. Hrvatska zaklada za znanost u određenim vremenskim razmacima raspisuje natječaj na koji se javljaju respektabilni stručnjaci u svojim poljima i potom predvode skupinu sustručnjaka i obrađuju nazivlje, a Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje pruža im punu teorijsku, tehničku i izvedbenu potporu preko terminologa i jezičnih savjetnika, odnosno stručnih redaktora. Obrada pojedinoga naziva smatra se dovršenom tek kada se sve strane u procesu izgradnje usuglase oko pojmovne i jezične usklađenosti i potom se daju javnosti na uvid na javnim mrežnim stranicama, čime se uvelike izbjegava mogućnost “nasilnih” ili pretjerano purističkih težnji jezikoslovaca s jedne strane, ali i nedovoljne terminološke i jezične osviještenosti stručnjaka s druge strane. Na taj je način u razdoblju od 2009. do 2014. godine dovršena i za pretraživanje javno dostupna zbirka od 17 pojmovnika iz sljedećih struka: anatomija i fiziologija, antropologija, arheologija, brodstrojarstvo, fizika, građevinarstvo, hidraulika i pneumatika, kartografija i geoinformatika, kemija, korozija i zaštita materijala, matematika, polimerstvo, pomorstvo, pravo EU-a, stomatologija, strojni elementi te zrakoplovstvo. Od jeseni 2016. godine odobreno je i novih šest projekata koji su još u fazi obrade i bit će dovršeni i javno dostupni u razdoblju od jeseni 2017. do proljeća 2018. godine, ali naravno zbog nedovršenosti i nepotpunosti podataka samo su djelomično obuhvaćeni ovim istraživanjem.⁷

Razdoblju izgradnje i sustavne obrade prvih projekata prethodilo je razdoblje tzv. *Projekta koordinacije*,⁸ a tijekom kojega je uz prvu funkcionalnu verziju terminološke baze za upisivanje natuknica nastao i *Hrvatski terminološki priručnik* L. Hudeček, Mi. Mihaljević i B. Nahoda. Ta je publikacija (uz detaljne tehničke upute za rad u bazi i pripremljene radionice) poslužila kao temeljno sredstvo učenja o osnovama sustavnoga terminološkog upravljanja jezičnim podatcima, a najistaknutije i nama najvažnije mjesto pri istraživanju zauzima devet temeljnih terminoloških načela o tvorbi naziva, koji redom naglašavaju da:

⁷ Valja na ovom mjestu napomenuti kako zbog interesa za usklađivanjem postoje i tri nazivlja koja se u Strunu trenutačno unose izvan redovnog načina financiranja, ali prema istom modelu suradnje stručnjaka i jezikoslovaca. Riječ je o fitomedicinskom, glazbenom i vojnom nazivlju, no njih također zbog nedovršenosti nismo obuhvaćali ovim istraživanjem.

⁸ V. <http://struna.ihjj.hr/page/o-struni/#povijest>.

- domaći naziv ima prednost pred stranim
- nazivi latinskoga i grčkoga podrijetla imaju prednost pred nazivima preuzetim iz engleskoga, francuskoga i njemačkoga itd.
- prošireniji i korisnicima prihvatljiviji naziv ima prednost pred manje proširenim
- naziv mora biti usklađen s fonološkim, morfološkim, tvorbenim i sintaktičkim sustavom hrvatskoga standardnog jezika
- kraći nazivi imaju prednost pred duljim
- naziv od kojeg se lakše tvore tvorenice ima prednost pred onim od kojeg se ne mogu tvoriti tvorenice
- treba izbjegavati višeznačnost naziva
- nazivi se ne smiju bez valjana razloga mijenjati
- naziv ima prednost pred drugim istoznačnim nazivima ako odgovara pojmu kojemu je pridružen i odražava svoje mjesto u pojmovnom sustavu.⁹

Zbog centralnoga mjesta načela “kraći nazivi imaju prednost pred duljim” u sustavu, očekivali smo u ekscerpiranom korpusu moguću čestu uporabu univerba. Kako je razvojem strukture baze u skladu sa svjetskim preporukama i normama utvrđeno da se prema normativnom jezičnom statusu u preskriptivističkoj prirodi nacionalne terminološke baze kakva je Struna za obrađeni pojam, odnosno obavezan podatak o preporučenom nazivu (engl. *preferred term*) mogu još deskriptivno (ali neobvezno) upisati različite vrste sinonima kao što su dopušteni naziv (engl. *admitted term*), predloženi naziv (engl. *suggested term*), žargonski naziv (engl. *colloquial term*), zastarjeli naziv (engl. *obsolete term*) i nepreporučeni naziv (engl. *deprecated term*),¹⁰ teorijski se otvaraju sva moguća upražnjena mjesta u terminološkom sustavu na kojima se univerbi mogu pojaviti prema postavkama slavističke jezikoslovne tradicije.

⁹ V. Hudeček, Mihaljević (2010: 69–78.). U načelu je riječ o prilagođenim i prerađenim načelima iz temeljne terminološke literature, napose norme ISO 704 (2009: 5).

¹⁰ Za detaljan opis shematske strukture svih obaveznih i neobaveznih polja i modela rada u bazi za članove projekata usp. primjerice Brač, Lončar (2012: 264–268).

Slika 1. Shematski prikaz otvaranja osnovnih polja u bazi Struna za unos novoga pojma. Na lijevoj se strani nalaze polja za upis svih mogućih istoznačnica na hrvatskom jeziku. (Preporučeni) naziv na vrhu je (uz definiciju i jezičnu odrednicu) određen kao obavezno polje pri unosu, a ispod te skupine podataka otvaraju se polja za opis sinonimije kako je prethodno opisano.

Na koncu sažetog opisa baze iz koje smo ekscerpitali potencijalne parove istoznačnih naziva kojima bi prema tvorbenom modelu mogli pripisati proces univerbacije, naglasimo još da je korpus obuhvatio ukupno više od 30000 preporučenih naziva i oko 10000 njihovih sinonima u različitim sociolingvističkim kategorijama u Struni. Omjer višerječnih preporučenih naziva u odnosu na jednorječne preporučene nazive bio je otprilike 77 %: 23 % u korist višerječnih naziva.

4. Rezultati istraživanja

Provedeno je istraživanje pokazalo da je broj univerba u terminološkoj bazi Struna veoma malen, tj. ekscerpirano ih je svega 13: *izvršni motor* > *izvršnik*, *noćni vjetar* > *noćnik*, *odušna cijev* > *odušnik*, *osjetni instrument* > *osjetnik*, *spojni priključak* > *spojnik*, *stožasti zupčanik* > *stožnik*, *štitna žlijezda* > *štitnjača*, *upitni uređaj* > *upitivač*, *vodunosni sloj* > *vodunosnik*,

žučni mjehur > žučnjak, uzbudni sklop, uzbudni generator, uzbudni uređaj > uzбудnik, smolni kanal > smolenica > smolnjak.¹¹

Zastupljeni su u nekoliko struka: brodstrojarstvo (*izvršnik, osjetnik*), elektrotehnika (*spojnik, uzбудnik*), građevinarstvo (*vodonosnik*), medicina (*štitnjača, žučnjak*), pomorsko nazivlje (*noćnik*), strojarstvo (*odušnik, stožnik*), tehnologija prometa i transport (*upitivač*) te drvena tehnologija (*smolenica, smolnjak*).

Svi univerbi iz našega korpusa pripadaju istome tvorbenom tipu: polazišnu sintagmu čine pridjev (koji je ujedno i motivirajuća riječ) i imenica, a nastali su sufiksacijom. U njihovom je izvođenju aktivno 6 sufiksa: *-enica, -ik, -ivač, -jača, -jak* i *-nik*.

Najfrekventnij je sufiks *-ik* potvrđen u 7 univerba: *odušnik, uzбудnik, spojnik, osjetnik, noćnik, vodonosnik, izvršnik*. Naša je analiza prijedloga za riječ godine časopisa *Jezik*¹² iz 2008. pokazala da je velik broj predloženi riječi izveden uz pomoć toga sufiksa (npr. *dodirnik* ‘screen touch’, *ispušnik* ‘ispušni lonac u automobila, auspuh’,¹³ *krajnjik* ‘krajnji rok, engl. deadline’, *osjetnik* ‘muz. pickup’, *pretjecajnik* ‘pretjecajni trak’, *produžnik* ‘produžni kabel’, *udisnik* ‘inhalator’, *sporednik* ‘sporedni ključ’) i da se mnoge od njih mogu smatrati univerbima (*krajnjik* < *krajnji rok, produžnik* < *produžni kabel, sporednik* < *sporedni ključ*). Smatramo da takva učestalost sufiksa *-ik* u novotvorenicama čiji su tvorci govornici hrvatskoga jezika nelingvisti, ukazuje na određene rječotvorne tendencije u suvremeno hrvatskom jeziku, tj. plodnost toga sufiksa, što potvrđuje i analiza univerba iz baze Struna.

Ostali navedeni sufiksi bitno su manje plodni: samo se sa sufiksom *-jak* javljaju dva primjera (*smolnjak, žučnjak*), dok su ostali potvrđeni u pojedinačnim slučajevima (*smolenica, upitivač, štitnjača, stožnik*). Dva su univerba tvorena od skraćениh osnova: *smolni kanal* > *smolenica, stožasti zupčanik* > *stožnik*.

¹¹ Napominjemo da je primjer *smolni kanal* > *smolenica* > *smolnjak* jedini primjer koji smo izdvojili iz tekućega nedovršenog projekta *Izgradnja hrvatskoga drvnotehnološkoga nazivlja* na kojemu zajednički surađujemo i još nije dostupan za javnost.

¹² Riječ je o godišnjem natječaju toga časopisa u kojem se između prijedloga čitatelja bira riječ godine. Najčešće je riječ o hrvatskim zamjenama za anglizme. Natječaj se provodi od 1993. godine; v. Babić 2009.

¹³ Riječ je potvrđena i u *Rječniku hrvatskoga jezika* gl. urednika J. Šonje.

Rod univerba ne slaže s rodom imenice koja čini upravnu riječ sintagme od koje je izveden samo u dvama slučajevima: *odušna cijev* > *odušnik*, *smolni kanal* > *smolenica* (uz *smolnjak*).

Zabilježen je i slučaj da univerb predstavlja jednoriječni ekvivalent za više istoznačnih višerječnih naziva (*uzbudni generator*, *uzbudni sklop*, *uzbudni uređaj* > *uzbudnik*), kao i slučaj pojave dvaju univerba kojima odgovara isti višerječni naziv (*smolni kanal* > *smolnjak*, *smolenica*).

Analiza položaja univerba u terminološkom sustavu pojedinih struka pokazala je da je u većem broju slučajeva riječ o preporučenim nazivima: *odušnik* (dopušteni: *odušna cijev*), *osjetnik* (dopušteni: *osjetni uređaj*, *senzor*), *spojnik* (dopušteni: *spojni priključak*, *sprežnik*), *štitnjača* (dopušteni: *štitna žlijezda*, *štitasta žlijezda*), *upitivač* (dopušteni: *upitni uređaj*, *radarski upitivač*), *uzbudnik* (dopušteni: *uzbudni generator*, *uzbudni sklop*, *uzbudni uređaj*) i *vodonosnik* (dopušteni: *vodonosni sloj*). Manji broj univerba ima status dopuštenih naziva: *izvršnik* (preporučeni: *pokretač*), *noćnik* (preporučeni: *noćni vjetar*) i *žučnjak* (preporučeni: *žučni mjehur*).¹⁴

Zanimljiv je primjer univerba *stožnik* koji se u projektu *Hrvatsko brodostrojarsko nazivlje* javlja kao preporučeni naziv, dok je *Hrvatskom nazivlju strojnih elementata* određen kao dopušteni naziv preporučenom nazivu *stožasti zupčanik*. Takav raspored obično je pokazatelj preferencije stručnjaka pojedinih područja, ali istodobno smo provjerili kakva je distribucija tih dvaju naziva za očito isti pojam u mrežnim i leksikografskim izvorima. Kada se pretražuju dostupni korpusi hrvatskoga općega ili svakodnevnoga jezika *Hrvatska jezična riznica* ili *Hrvatski mrežni korpus*, rezultati su zanimarivi je njima često nisu nikada zahvaćeni visokospecijalizirani funkcionalni stilovi. Kada se pak ti nazivi u najpopularnijoj svjetskoj tražilici *Google* pretražuju kao točan rezultat pretraživanja (uz navodnike), za upit “stožnik” pojavljuje se 850 rezultatata, a za “stožasti zupčanik” 437. No čak ni to ne znači da bi naziv *stožnik* bio češće u upotrebi u suvremenom hrvatskom jeziku jer se među prvih 20 rezultata od tih 850 nalazi čak 7 primjera za isti naziv ili leksem na slovenskom jeziku u potpuno drugom značenju. Posljednji i prema nama dokaz da bliski sustručnjaci doista prirodno upotrebljavaju ta dva naziva kao sinonime za isti strojarski pojam nalazimo u *Tehničkom leksikonu* (Jakobović 2007) kao jednom od temeljnih specijali-

¹⁴ Već smo naglasali da projekt *Izgradnja hrvatskoga drvnotehnološkoga nazivlja* još nije dovršen pa u analizu položaja univerba u terminološkom sustavu nisu uključeni primjeri *smolnjak* i *smolenica*.

ziranih leksikografskih djela novijega doba. Naime, na 835. str. bilježi jednorječni leksikonski zapis “stožnik” ne upućujući na “zupčanik, stožasti” kao sinonim, no pod opisom pojma “zupčanik” nalazimo rečenicu

Stožasti zupčanici (stožnici) s ravnim, kosim i lučnim zubima primjenjuju se na ukriženim vratilima. (Jakobović 2007: 1011)

Iz iznesenoga je vidljivo da ni jedan od univerba iz našega korpusa nije određen kao žargonizam, što znači da je riječ o nazivima koji su dijelom terminologije pojedine struke, a ne stručnoga žargona. Na temelju njihovoga položaja u hrvatskome nazivlju može se zaključiti da je motiv njihova nastanka jezična ekonomija, a ne ekspresivizacija.

5. Zaključak

Usprkos terminološkoj preporuci prema kojoj kraći naziv ima prednost pred duljim, broj univerba ekscerpiranih iz baze Struna veoma je malen (13). Smatramo da je to posljedica ustaljenosti višerječnih naziva kao i njihove transparentnosti. Naime, upravo višerječni nazivi sastavljeni od pridjeva i imenice u kojima varira samo pridjev, zrcale i cjelokupni hijerarhijski ustrojen terminološki sustav pojedine struke jer se u teoriji, ali i praksi rada u Struni ispod vršnoga pojma obično navode njegove podvrste, odnosno podređeni nazivi. Tako na slici 2. možemo vidjeti da se tijekom obrade nazivlja u fzici pod vršnim pojmom *sila* okupilo čak više od 30 podređenih naziva, većinom tvorenih od pridjeva i imenice *sila* ili pak nominativno-genitivnom svezom imenice *sila* s drugom.

The screenshot shows the Struna online dictionary interface. At the top, there is a search bar with the text 'upišite naziv za pretraživanje...' and a red 'TRAŽI' button. Below the search bar, the word 'sila' is displayed with its grammatical information 'im. ž. jd.'. The main content area is a table with the following rows:

definicija	uzrok promjene gibanja čestice ili tijela
istovrijednice	engleski: force francuski: force
podređeni nazivi	osnovne sile, nekonkurentne sile, konkurentne sile, Ampèreova sila, centrifugalna sila, centripetalna sila, Coriolisova sila, disipativna sila, dodirna sila, električna sila, elektroslaba sila, gravitacijska sila, harmonijska sila, impulsna sila, inercijska sila, konzervativna sila, kulonska sila, Lorentzova sila, magnetska sila, nekonzervativna sila, normalna sila, nuklearna sila, plimna sila, povratna sila, rezultantna sila, sila teretnica, sila teža, sila trenja, tangencijalna sila, uzgon, vremenski ovisna sila
jednadžba	$\vec{F} = \frac{d\vec{p}}{dt}$
napomena	Sila je vektorska veličina, prema drugome Newtonovu zakonu jednaka je derivaciji zaleta po vremenu.
razredba	polje: fizika grana: opća i klasična fizika projekt: Izgradnja, odabir i usuglašavanje hrvatskoga nazivlja u fizici

Slika 2. Prikaz zapisa pojma *sila* sa svim podređenim nazivima kao potpoveznicama kako je dovršen i ovjeren tijekom projekta *Izgradnja, odabir i usuglašavanje hrvatskoga nazivlja u fizici* te dostupan u javnom sustavu za pretraživanje Struna.

U tvorbi univerba od sintagma koje čine pridjev i imenica aktivno je 6 sufiksa: -enica, -ik, -ivač, -jača, -jak i -nik. Što se tiče položaja univerba u terminološkim sustavima pojedinih struka, istraživanje je pokazalo da ih veći broj ima status preporučenoga naziva (8), a manji (4) dopuštenoga naziva, što znači da su dijelom strukovnoga nazivlja, a ne stručnih žargona ili stručnih govora kao što tvrde neki istraživači.¹⁵

Kako univerbi iz našega korpusa imaju stilski neutralno značenje, motivom njihova nastanka može se smatrati samo jezična ekonomija, a ne i ekspresivizacija, što je u skladu s istraživanjima Ćorića (2008) i Otaševića (1996).

¹⁵ V. I. Klajn (2003) i B. Ćorić (2008).

Elektronički izvori

Hrvatska jezična riznica. <http://riznica.ihjj.hr/index.hr.html>.

Hrvatski mrežni korpus (hrWac). http://nl.ijs.si/noske/all.cgi/first_form?corpname=hrwac.

Struna: hrvatsko stukovno nazivlje. <http://struna.ihjj.hr/>.

Literatura

Marija ANČIĆ-OBRADOVIĆ, 1968/69: Izvedene imenice i uključivanje značenja ili semantička kondenzaciju. *Radovi Filozofskog fakulteta*. V, 241–254.

Andrej V. BABANOV, 1994: Univerbizacija kak stilističeskoe sredstvo. GAJDA, Stanisław, BALOWSKI, Mieczysław (ur.). *Stylistyczne konfrontacje*. Opole: Instytut Filologii Polskiej, 125–132.

Stjepan BABIĆ, 2009: Komentar natječaja za 2008. *Jezik*. 56, 76–78.

Ivana BRAČ, Maja BRATANIĆ, Ana OSTROŠKI ANIĆ, 2015: Hrvatsko nazivlje i nazivoslovlje od Šuleka do Strune: hrvatski jezik i terminološko planiranje. BRATANIĆ, Maja, BRAČ, Ivana, PRICHARD, Boris (ur.). *Od Šuleka do Schengena: terminološki, terminografski i prijevodni aspekti jezika struke*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Rijeka: Pomorski fakultet u Rijeci, 3–26.

Ivana BRAČ, Maja LONČAR. Terminology Planning for the Croatian National Terminology Database STRUNA. DE CEA, Guadalupe Aguado et al. (ur.). *Proceedings of the 10th Terminology and Knowledge Engineering Conference (TKE 2012)*, 19–22 June 2012. Madrid: Universidad Politécnica de Madrid, 258–269.

Božo ČORIĆ, 1991: O nekim tvorbenim modelima sa stanovišta jezičke ekonomije. *Naučni sastanak slaviste u Vukove dane*. 20/2, 325–333.

Božo ČORIĆ, 1995: Stilistički aspekti derivacije. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*. 23/2, 103–108.

Božo ČORIĆ, 2008: *Tvorba imenica u srpskom jeziku*. Beograd: Društvo za srpski jezik i književnost Srbije.

Wolfgang FLEISCHER, Irmhild BARZ, 1995: *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Max Niemeyer Verlag: Tübingen.

Raymond HICKEY, 2003: Tracking lexical change in present-day English. WILSON, Andrew, RAYSON, Paul, McENERY, Tony (ur.). *Corpus linguistics by the lute: a Festschrift for Geoffrey Leech*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 93–105.

Lana HUDEČEK, Milica MIHALJEVIĆ, 2010: *Hrvatski terminološki priručnik*. 2. ispravljeno izd. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

- Zvonimir JAKOBOVIĆ (gl. ur.), 2007: *Tehnički leksikon: A – Ž*. Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža.
- ISO 704 2009: *Terminology work – principles and methods*. Geneva: International Organization for standardization.
- ISO 860 2007: *Terminology work – harmonization of concepts and terms*. Geneva: International Organization for standardization.
- Ivan KLAJN, 2003: *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku II*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.
- Mile MAMIĆ, 1997: Univerbizacija, njezini uzori i ograničenja. BRATULIĆ, Josip et al. (ur.). *Prvi hrvatski slavistički kongres, zbornik radova*. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 71–75.
- Сунь МЯО, 2014: Модели и средства создания универбов в русском жаргоне. *Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык: Материалы научного издания размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, выпуск 3*, 160–166.
- Peter O. MÜLLER, Ingeborg OHNHEISER, Susan OLSEN, Franz RAINER (ur.), 2015: *Word-formation: an international handbook of the languages of Europe*, Vol. 1. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Bruno NAHOD, 2016: Can big national term banks maintain complex cross-domain conceptual relations? ERDMAN THOMSEN, Hanne, PAREJA-LORA, Antonio, MADSEN Bodil Nistrup (ur.). *Term Bases and Linguistic Linked Open Data, Proceedings of the 12th Terminology and Knowledge Engineering Conference (TKE 2016)*. Copenhagen: Business School, Department of International Business Communication, 1–13.
- Dorđe OTAŠEVIĆ, 1996: Varijantnost višočlanih termina (na materijalu željezničke terminologije). *Standardizacija terminologije*. Beograd: SANU, 57–60.
- Dorđe OTAŠEVIĆ, 1997: Univerbacija. *Naš jezik*. XXXII/1–2, 52–64.
- Milorad RADOVANOVIĆ, 2004: Dekompozicija i univerbizacija. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. XLVII/1–2, 41–49.
- Stana RISTIĆ, 1995: Univerbizacija kao sredstvo ekspresivizacije razgovorne leksike. *Južnoslovenski filolog*. LI, 125–133.
- Stana RISTIĆ, 2004: *Ekspresivna leksika u srpskom jeziku*. Beograd: Čigoja štampa.
- Rikard SIMEON, 1969: *Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva*. Zagreb: Matica hrvatska.
- Amela ŠEHOVIĆ, 2012: Univerbacija u bosanskom jeziku. DRAGIĆEVIĆ, Rajna (gl. ur.). *Tvorba reči i njeni resursi u slovenskim jezicima*. Zbornik radova

sa četrnaeste međunarodne naučne konferencija Komisije za tvorbu reči pri Međunarodnom komitetu slavista. Beograd: Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu, 407–417.

Jure ŠONJE (gl. ur.), 2000: *Rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža – Školska knjiga.

Rita TEMMERMAN, 1997: Questioning the univocity ideal: the difference between sociocognitive terminology and traditional terminology. *Journal of linguistics*. 18, 51–91.

Andreja ŽELE, 2008: Pomenotvorne zmožnosti z vidika /de/terminologizacije (v slovenščini) = Sense-formation capabilities of Slovene from the standpoint of /de/terminologisation. LEDINEK, Nina, ŽAGAR, Mojca (ur.). *Zbornik povzetkov*. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU, 38.

Univerbisation in Croatian Terminology

This paper discusses univerbates in Croatian terminology. The corpus on which the research has been conducted consists of multiword terms and univerbates that were extracted from Struna, the terminological database of the Croatian special field terminology in which the terminology of various professional domains is systematically collected, created, managed and interpreted for the purposes of building and standardising terminology in the Croatian language. The aim of the research was to determine the frequency of univerbates in the Croatian specialised languages, establish their position in the terminological system of particular professions (whether they are colloquial or proper terms), to and the motives behind their appearance (economy or expressivisation), and to analyse their structure. The research showed that the number of univerbates in Croatian terminology is very little (from the Struna database only 13 of them were extracted). In the formation of univerbates from the syntagms of adjective and nouns there are 6 active suffixes: -enica, -ik, -ivač, -jača, -jak and -nik. A larger number of extracted univerbates (8) has the status of a recommended term, and a smaller number (4) of an allowed one. None of the terms from our corpus has the status of a colloquial term, which disproves the theses that univerbates are units with an expressive meaning and that as such they belong to professional jargon. Since the univerbates from our corpus carry a stylistically neutral meaning, it is exclusively the economy of language that can be considered the motive of their appearance, and not expressivisation.

Сергей Л. Сахно

Университет Париж Запад, Франция, Париж
ssakhno@parisnanterre.fr

ДЕЛОКУТИВНОСТЬ И УНИВЕРБАЦИЯ, АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ФАКТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В ДИАХРОНИИ И В СИНХРОНИИ

Среди фактов делокутивной деривации, которая служит средством образования языковых элементов, содержащих в себе (в плане диахронии и/или в плане синхронии), элемент цитации определенного высказывания, выражения или речевой единицы в номинативной системе языка и в определенной типичной ситуации речевого взаимодействия, есть сложные и спорные случаи, по данным русского языка и других славянских языков. Делокутивность является важным источником для универбативной модели словообразования, если рассматривать универбацию в широком смысле.

Ключевые слова: делокутивность, речевой акт, универбация, диахрония, синхрония

Among the various data provided by delocutive derivation, which greatly contributes to word-formation, there are some tricky and debatable cases in Russian and other Slavic languages. By delocutive derivation, we mean creation of lexical units based, synchronically or/and diachronically, on quotations of an utterance, of a phrase or any other speech element, quotations placed in a typical situation of speech interaction. Delocutivity can be considered as kindred to univerbation in a broad sense.

Key words: delocutivity, speech act, univerbation, diachrony, synchrony

1. Делокутивность является важным источником для универбативной модели словообразования, если рассматривать универбацию в широком смысле (*univerbatio sensu lato*) – об определении универбации более подробно см. в статьях многих коллег¹ в данном сбор-

---

¹ Я благодарен участникам конференции за ценные замечания, и особенно Е. Карпиловской (за многие замечания и за украинские и польские данные). Особо

нике. Можно считать, что, например, русские разговорные глаголы *тыкать* ‘обращаться к кому-л. на ты’, *дакать* ‘часто говорить да’² заменяют соответствующие словосочетания: *обращаться к кому-л. на “ты”* и *часто говорить “да”* – и в этом смысле могут рассматриваться как универбаты. Аналогичным образом, глагол *приветствовать* соответствует словосочетанию *говорить “привет”*. Многие типичные делокутивы являются глаголами³, но есть и субстантивы, ср. *почемучка* ‘тот, кто часто говорит, спрашивает почему? – особенно ребенок’⁴; *вуйка* ‘девица, которая постоянно отвечает по-французски вуй, то есть *oui* “да”’ (окказионализм Ф. Достоевского, 1876)⁵. Понятие делокутивной деривации развивается и уточняется во многих работах, в частности, в плане семантической типологии языков (укажем лишь Perpillou 1996, Fryt 1997, Plank 2005). Особую ценность имеет исследование (Тамразов 2006), многие положения которого частично отражены в данной статье.

2. Делокутивная деривация в концепции Э. Бенвениста

Делокутивная деривация (Benveniste 1966) служит средством образования языковых элементов, содержащих в себе элемент цитации (т. е. *de locutio* – “от речения”) определенного высказывания, выражения или речевой единицы в номинативной системе языка и в определен-

---

благодарю проф. П.-Л. Тома (Paul-Louis Thomas), Университет Париж Сорбонна, за данные БСХЧ.

² Это регулярная и продуктивная в разговорной речи модель словообразования, через суффикс *-ка(-ть)* (Ефремова 2000: 241). Ср. также рус. *мамкать* ‘часто повторять слово *мама*’ и ‘непрерывно, постоянно звать маму’, *якать* ‘часто говорить я’, *мерсикать* ‘часто говорить *мерси*’ (у А. Чехова). Но в этой модели немало междометных и звукоподражательных глаголов типа *икать* или *мяукать*, которые близки к делокутивам, но не являются делокутивами в строгом смысле, если следовать концепции Э. Бенвениста (Тамразов 2006: 23–34).

³ Отметим, что вообще в явлении универбации глагольные универбы менее представлены и менее изучены, чем субстантивные универбы.

⁴ Но есть и неологизм *почемучать*, ср. *Почему мне, старой женщине, не стыдно здесь почемучать, чтокать и зачемкать?* (2011, web).

⁵ Спасибо Н. Николиной, напомнившей этот важный пример: *Вуйками я называю тех девиц, которые до тридцати почти лет отвечают вам: вуй да нон* (Достоевский, *Дневник писателя*, 1876). Не путать с укр. *вуйко* ‘дядя со стороны матери’. В разговорной речи *вуйками* называют в Украине жителей Зап. Украины и мужчин определенного внешнего вида, поведения, уровня интеллекта и культуры: это плотного телосложения, неуклюжие, диковатые на вид провинциалы из медвежьего угла (*вуйко* – также эвфемизм для называния медведя у гуцулов в Карпатах).

ной типичной ситуации речевого взаимодействия. Такой глагол, как лат. *salutare* ‘приветствовать’ определяется, следовательно, отношением к фразовой формуле, от которой он происходит, и называется Э. Бенвенистом отфразовым, или делокутивным (от латинского *locutio* ‘оборот речи, речение’). То есть лат. *salutare* ‘приветствовать’ явным образом связан с *salus, salutis* ‘здоровье; благо; спасение’, а также ‘привет!’ как формулой приветствия, и имеет в диахронии изначальный смысл ‘желать здоровья’. Ср. латинские формулы *salutem alicui dicere, salutem alicui dare, salutem alicui nuntiare* ‘приветствовать’ и формулу в письме *salutem mitto* ‘приветствую’. Точнее, лат. *salutare* связано в диахронии с прилагательным *salvus* ‘невредимый, целый’, так как *salus, salutis* ‘здоровье’ восходит к *salvus* и поскольку *salutare* является интенсивом от *salvere* ‘быть здоровым’ (< *salvus* ‘невредимый, целый’). Лат. *salve*, императив от *salvere*, являлось частой формулой приветствия. Но изначальную формулу, лежащую в основе *salutare* как делокутива установить трудно, так как это могло быть и *salus!*, и *salve!*, и *vale!*, и *have / ave!* ‘будь здоров!’ (Fryt 1997 : 65).

При этом в синхронии французское *saluer* ‘приветствовать’, восходящее к лат. *salutare*, воспринимается носителями языка как делокутив от современного сочетания *dire salut* ‘говорить *salut*, т. е. “привет”’ и непосредственно связывается с фр. *salut* ‘привет’ и (менее актуальное значение в синхронии) ‘спасение’, но не с книжным фр. *salubre* ‘здоровый (о климате, о жилище)’. Таким же образом фр. *remercier* ‘благодарить’ воспринимается в синхронии как делокутив от сочетания *dire merci* ‘говорить *merci*, т. е. “спасибо”’, но в диахронии это сложнее: *remercier* образовано от ст.-фр. *mercier* ‘оказывать милость, вознаграждать’, позже ‘благодарить’, а слово *merci* означало сначала ‘милость, пощада, жалость’, ср. фр. *demandeur merci* ‘просить пощады’. Семантически это частично аналогично рус. спасибо, от *Спаси (тя, васъ) Богъ!*.

3. Делокутивы от устойчивых речевых формул: параллели между славянскими данными и фактами других индоевропейских языков

Аналогичная латинскому *salutare* ‘приветствовать’ делокутивно-универбативная модель объясняет и факты типа рус. делокутивного глагола *здороваться* ‘приветствовать’ < ‘говорить *будь здоров, будь-*

*те здоровы!*⁶, что аналогично фактам других славянских языков, ср. чеш. *zdravit* ‘приветствовать’ < ‘говорить *bud’ zdráv !*’, а также сходные факты в других индоевропейских языках: готское *hails* ‘здоровый, целый’ и *hails* формула приветствия, *hailag* ‘святой’ (ср. этимологически родственные готскому *hails* русские слова *целый* и *целить*); швед. *hälsa* ‘здоровье’ и *hälsa* ‘приветствовать’, *hel* ‘целый’; англ. *hail* ‘приветствовать’ (и устар. формула приветствия *all hail!*), этимологически связанное с *heal* ‘лечить; выздоравливать’, *health* ‘здоровье’ и с *whole* ‘целый’; нем. *heil* ‘здоровый, целый’, формула приветствия (устар.) *heil wis / thu!*, *heilen* ‘лечить выздоравливать’.

Симметричным образом эта же делокутивно-универбативная модель объясняет связь рус. глаголов *прощаться* / *проститься* с речевыми формулами при расставании *прощай(те)!* и *прости(те)!* – но последнее в данном смысле устарело и воспринимается сегодня только как извинение. Что касается диахронической семантики поля *прощать* / *простить*, *прощаться* / *проститься* в плане сопоставления с другими европейскими языками, см. об этом (Sakhno, Hénault-Sakhno 2005: 76). Сходная модель наблюдается в *извиняться* / *извиниться* ‘говорить *извини, извините!* или *извиняюсь, извиняемся!*’.

Сложнее случаи типа рус. делокутивного глагола *благодарить*: он восходит к *быть благодарным*, т.е. ‘одаренным благом’, а не к *дарить благо*. Следовательно, *благодарить* означает в диахронии ‘говорить я *благодарен* в смысле “одарен благом”’ (Тамразов 2006: 13–14). Однако точная речевая формула для общеславянского языка трудно реконструируема и можно даже предполагать, что в старославянском языке она существовала лишь виртуально, так как соответствующие старославянские слова (*благодарити*, *благодать* / *благодѣть*, *благодатьнѣ* / *благодѣтьнѣ*, *благодѣяти*, и т.д.) связаны с кальками с древне-греческого в контексте христианского понятия *благодарности* как *благодати*⁷. Действительно, это аналогично древне-греч. *eu-kharisteō* ‘благодарить’, от *eu-kharistos* ‘благодатный, благожелательный, приятный’, в основе которого лежат древне-греч. элементы *eu-* ‘благо-

⁶ Эта диахроническая связь актуальна и в синхронии. Исходной формулой может быть и *здравствуй(те)!*, от славянизма *здравствовать* ‘быть здоровым, процветать’ (при этом *здравствовать* не может употребляться в смысле ‘приветствовать’). Есть и диал., простореч. *здорюваться*, по модели *якать* ‘говорить я’. В украинском сохранились *здоровити*, *здоровкатися*.

⁷ С этой точки зрения *благодарить* не является подлинным делокутивом.

и *kharis* ‘благо, благосклонность, милость, уважение, привлекательность, радость’ (ср. *kharis* и лат. *gratia* со схожими значениями).

Делокутивная деривация нередко прослеживается лишь в диахронии: этимон рус. делокутивного глагола *целовать*, старшим значением которого (в древнерусском, старославянском) было ‘благодарить, приветствовать; поздравлять’, имел самое первоначальное значение ‘желать здоровья и невредимости’, ср. *целый и целить*, – и его источником являлось древнее словосочетание, соответствующее речевой формуле типа русского *Будь цел и невредим!* (что не вполне узуально в современной русской речи). Это аналогично истории рум. *săruta* ‘целовать’, от лат. *salutare* ‘приветствовать’ (< *salus* ‘здоровье’) и старо-испанскому *saludar* ‘целовать’, а также значению (устар.) ‘целовать’ у англ. *to salute*. В старо-французском *saluder* имело значение ‘чествовать’ и ‘любить, обожать’, что частично изосемично *целовать*, учитывая семантику последнего в синхронии и диахронии.

Не совсем ясно точное происхождение в русском языке некоторых возможных делокутивов. Глагол *потакать* можно рассматривать в синхронии и диахронии как делибератив, если считать, что он связывается со словосочетанием типа *говорить “так!”* (в значении ‘да’). Ср. польск. *potakiwać* ‘потакать, потворствовать; поддакивать’, а также древне-рус. *такати, такнути* ‘подтверждать’, *потака* ‘потворство, пристрастие’, *потакова* ‘потворство, угождение’, *потаки, потакъвь* ‘потворство, уступка, лесть’. Но его источником могло быть и *так* в его прямом смысле (‘указанным образом’), то есть контексты вроде “делать *так*, как желает другой”. Кроме того, следует учитывать возможность контаминации *потакать* с делокутивными дериватами утвердительного *да*: *дакать* ‘часто говорить да’, *поддакивать*, что объясняет диалектные и просторечные глаголы типа *подакать, поддакивать, потакивать* (В. Даль).

Наконец, надо различать делокутивы и делиберативы. Так, делиберативом является древне-греч. *kyholegein* ‘говорить о собаках или о летней жаре’⁸ < *kyôn* ‘пёс’ + *legein* ‘говорить’. Подобные делиберативы в русском найти трудно, даже среди окказионализмов и неологизмов: например, есть разг. *собачить*⁹, но в совершенно ином значении

⁸ Связь пса с летней жарой объясняется особой яркостью звезды Сириус в созвездии Большого Пса в период летней жары.

⁹ Есть и разг. *кошатить*, но не в значении ‘говорить о кошках’, а в значении ‘гладить кошку / кошек’.

(см. об этом ниже, в 5). Есть разг. *литературить*, но не в значении ‘говорить о литературе’, а в значении ‘заниматься литературой’.

4. Делокутивы от устойчивых речевых формул: проблема семантико-прагматических или грамматических ограничений

После приветствий, во вторую очередь, к явным делокутивам относятся глаголы типа рус. божиться ‘клясться, упоминая имя Бога’¹⁰, *чертыхаться* (рус. диал. *чертыкаться*, *чертыкать*) < ‘говорить *Чёрт!* или *К чёрту!*’, рус. диал. *бесыкать* < ‘говорить *Бес!* или *К бесу!*’. Но не совсем ясно, почему нет *спасибожить ‘говорить *Спаси, Боже!*’, ни *кчертыхаться или *кчертухаться ‘говорить *К чёрту!*’, нет также *слёгкимпарить ‘говорить *С слёгким паром!*’. В этом плане другие языки могут идти дальше русского – ср. древне-греч. делокутив *skorakizein* ‘посылать к воронам, т.е. к чёрту’, то есть ‘говорить *es korakas!* ‘к воронам!’; испанский делокутив *podiosear* ‘просить милостыню, нищенствовать’, то есть ‘говорить *Por Dios* “Ради Бога”’. Правда, в русском есть внешне аналогичные диалектные *богарадить*, *богородить*, *богородствовать* (В. Даль) ‘посвящать себя богоугодным делам’, но это не делокутивы, так как эти глаголы не предполагают цитации речевой формулы *Бога ради* в контексте типа *Подайте, Бога ради!*, а предполагают скорее смысл ‘посвящать себя благотворительности Бога ради’.

Даже от частой формулы *спасибо*¹¹ в русском кодифицированном языке нет делокутива, а есть делокутивы только в русских диалектах и в просторечии, ср. *спасибать*, *спасибовать*, *спасибить*, *спасибкать*, *спасибковать*, *спасибствовать* ‘говорить *спасибо*’. Нет в русском кодифицированном языке и делокутива от формулы *до свидания!*, но среди разговорных и просторечных неологизмов есть *досвиданиться* и *досвиданить*:

А вдруг на скулах заиграют желваки, то лучше: досвиданиться, Иванович, и бочком, бочком к двери. (2013, web);

Оператор и пытался совершенно верно все объяснить. Но тот же не слушал и не слышал. Я бы не смог такому ничего объяснить. И

¹⁰ Однако жарг. неологизм *божить* ‘делать что-л. божественно’ – не делокутив.

¹¹ Но и само слово *спасибо* – компрессия от *Спаси (тя, вась) Богъ!*

таких “клиентов” надо сразу “досвиданить”. В сфере обслуживания я немного поработал. (2008, web);

Я вам песенку спою про 5 минут, досвиданить будем долго там и тут. (2017, web).

Досвиданить стало особенно популярным после 2011 года как ссылка на мем *Давайдосвидания!*, связанный с мейханой (азербайджанской речитативной импровизацией, похожей на современный рэп), исполняемой по-русски певцами И. и Э. Рустамовыми и ставшей интернет-мемом: *Ты кто такой? Давай, до свидания!*.

Кроме того, есть и некоторые подлинные параллели между отдельными русскими разговорными или просторечными делокутивами и фактами древних индоевропейских языков, ср. греч. *rappizein* ‘говорить *rappa* “папа”’ и рус. разг. *мамкать*, *папкать* (ср. *В каком возрасте детки начинают мамкать и папкать?* 2015, web)¹².

5. Делокутивные неологизмы и окказионализмы

Среди довольно распространенных делокутивов, связанных с цитацией речевых особенностей других субъектов (особенностей, к которым говорящий относится отрицательно), следует выделить “эрративы” – такие, как рус. разг. типать ‘часто говорить типа’¹³, неодобрительно рассматриваемое как слово-паразит’. Этот неологизм омонимичен рус. диал. *типать*, *типнуть* ‘легонько ударить; схватить; укусить, ущипнуть’. Вот другие подобные, разговорные или жаргонные, эрративы-делокутивы: *вообщекать*, *какбыкать*, *таксказакать*, *корочить*, соответственно ‘часто говорить *вообще*, *как бы*, *так сказать*, *короче*, неодобрительно рассматриваемые как слова-паразиты’, и т. п.¹⁴ Ср.:

Если “вообще не мне”, то принято извиняться, а не “вообщекать”. Классика, видимо, не всем на пользу идет. (2015, web);

¹² Данные глаголы (особенно *мамкать*) не являются неологизмами. Но *мамать*, *папать* можно считать неологизмами (*Мы умеем: мамать, папать и наш тарбарский развивается.* 2016, web).

¹³ См. об этом слове в нашей работе (Sakhno 2010: 171–200).

¹⁴ Отдельно следует отметить *напримерить* ‘привести примеры’, не эрратив и не делокутив (хотя *например* может рассматриваться иногда как слово-паразит): *Не понравились орфографические (например: “в сочок из рук” - сачок) и пунктуационные ошибки (слишком много, чтобы “напримерить”)* (2011, web).

Я стараюсь проводить работу среди своих знакомых, которые настолько привыкли “какбыкать”, что не замечают этой глупости в своей речи. (2017, web);

Я не удивлюсь, если дикторы по ТВ начнут “корочить”, потому как по радио – уже вовсю. Бесит. Предлагаю избавиться от этой шнягу... (2017, web).

Несколько лет назад нами был услышан эрратив-делокутив *смоस्कвить*, явный окказионализм и вероятный харах (Опять он смосквил!), в значении ‘неправильно сказать *с Москвы вместо правильно из Москвы’ (речь идет о распространенной среди русскоговорящих ошибке). Указанный окказионализм омонимичен другому окказионализму *смоस्कвить*, найденному нами в интернете, в совершенно ином значении, не делокутиву: ‘отнять у Ленинграда-Петербурга его особую красоту, приравняв его к Москве’.¹⁵ Более сложным случаем является жаргонный и ироничный неологизм *падежовать*, найденный нами в интернете:

Да купите уже местным писакам учебник русского языка, научите слова падежовать, заголовки чтобы можно было читать (2014, web).

Вполне возможно, что в его основе лежит некий эрратив-делокутив, связанный с известным русским анекдотом, где фигурирует неправильная форма *падежов вместо правильного *падежей*: – *В трамвае нет местов. – Не местов, а мест. Падежов не знаете. – А вам нет делов, что мы не знаем падежов!*

В области явных цитаций весьма характерен ироничный неологизм *крымнашить*, то есть ‘слишком часто и необоснованно говорить “Крым наш”’. Этот неологизм, основанный на недавнем лозунге (меме), неодобрительно рассматриваемом многими говорящими, не является эрративом в строгом смысле, но примыкает к эрративам с точки зрения сильного присутствия отрицательной оценки по отношению к данному речевому факту как социально-политическому явлению, ср.:

Цены растут, ЖКХ растёт, гайки подкручивают. Любишь крымнашить, люби и саночки возить? (2016, web).

¹⁵ *Я родился в глухом Ленинграде, С Ленинградом оставшись на “вы”. Твою царственность не скоμμуниздить, Не смоस्कвить эрмитажность твою! (2016, https://vk.com/wall-128755451_38)*

Но следует отметить жаргонные неологизмы крымить, не делокутивы и не делиберативы¹⁶: 1. ‘отдыхать в Крыму’ (*А мы вот свалим и будем на солнышке крымить*, 2007, web), 2. ‘отобрать, отнять’ (*Рано или поздно, Китай тоже начнет “крымить” Сибирь и Дальний Восток наш*, 2014, web). При этом дополнительным источником второго *крымить* (также *крымнуть*, *скрымить*) является, видимо, немецкий жаргонный глагол *krimmen* ‘отобрать, отнять’ (старшее значение: ‘хватать когтями, царапать’, ср. нем. диал. *Krimmer* ‘хищная птица’). Кажется, что сближение *krimmen* с *Krim* = *Крым* является в немецком совсем новым и вторичным.

Кроме того, интересно, что с формальной точки зрения *крымнашить* повторяет модель образования глагола *отченашить* ‘говорить молитву “Отче наш”’, по крайней мере внешне (в *отченашить* нет неодобрительности, и цитируется не столько некоторый речевой факт, сколько название известного религиозного текста по его двум первым словам)¹⁷:

Все мытарства и глупости - от блуждания во тьме, от того, что люди забыли Господа. Вы сами давно молились, поди? Отченашить хорошо умеете? (2013, web);

Пашка, врач, который меня пользует последние четыре года, обнадеживает: “Поздно, Даша, отченашить” (2012, web).

Однако абсолютный неологический характер глагола *отченашить* можно поставить под сомнение, если вспомнить рус. и укр. фамилии *Отченашев*, *Отченашенко*, чеш. фамилию *Očenašek*, *Očenašek* (от *Očenaš* < “*Otče náš*”). Данные фамилии можно рассматривать в диахронии как своего рода делокутивы, так как их источником явно было прозвище человека, который часто повторял *Отче наш* как начало известной молитвы.

¹⁶ То есть этот глагол не встречается в значении ‘говорить о Крыме’.

¹⁷ Делокутивная трактовка данного образования предполагает реальное произнесение субъектами слов *Отче наш* как начала молитвы. Во французском давно известно слово *patenôtre* ‘молитва “*Pater noster*”; чётки; невнятное бормотание’, от первых слов ее латинского варианта “*Pater noster*”.

6. Спорные примеры в области возможных делокутивов

Среди вероятных рефлексов о.-сл. *čьrtь ‘чёрт’ можно предполагать о.-сл. *čьrtiti ‘заклинать, клясть’, если рассматривать в диахронии сербохорв./БСХЧ (диал., устар.) *črtimti crtiti* ‘заклинать, клясть’ и словац. (диал., устар.) *črtit’ (sa)* ‘перечить’ как возможные древние делокутивы со значением ‘заклинать, клясть, упоминая *чёрта*’ (ср. рус. *чертыхаться*). Однако по (Трубачёв 1974–2016, 4: 161–166), о.-сл. *čьrtiti может быть связано не только с о.-сл. *čьrtь ‘чёрт’, но и с родственным ему о.-сл. *čьrta ‘черта’, ср. сербохорв./БСХЧ *črtamti crtati* ‘рисовать’. Не исключено развитие смысла от ‘проводить черты’ к ‘заклинать’. О семантике этимологического поля ‘чёрт’-‘черта’ см. (Sakho 2001: 311–312). При этом Daničić пишет о *črtimti crtiti*, указывая на *crta* ‘черта’ и *crtalo* ‘линейка; лезвие плуга’: “Postanja bi moglo biti istoga kojega je *crta* i *crtalo*, te bi bilo kao cijepati zakletvom, zakletvom činiti da se što razdire, cijepa, da puca” (Daničić 1880-1976: t. I) – то есть возможный смысл в диахронии: ‘клятвой разрубить, разрешить нечто’.

Не всегда ясно, реализуют ли русский язык и другие славянские языки возможности делокутивной универбации, наблюдаемой в других языках. Если принимать во внимание нем. делокутив *verhunzen* ‘осквернять’, от *ver-hund-z-en* ‘называть кого-л., что-л. *собакой*, то есть словом *Hund*’ (Plank 2005: 462), то рус. диал. *псовать, псувать* ‘портить, губить’ представляется аналогом (Фасмер 1987: 3, 398). Значения сербохорв./БСХЧ *псòвати псòвати* ‘клясться, кощунствовать; клясть, ругаться’ могут свидетельствовать в пользу древней делокутивности. Но так ли это?

В этой связи отметим рус. диал. *псуть* ‘1. портить, губить; 2. ябедничать, сплетничать’. В украинском есть *псувати / зіпсувати, попсувати* ‘портить, губить’¹⁸. Украинцы сегодня не связывают глагол *псувати* со словом *пес*, однако сохранились выражения *сходити / зійти на пси* со значением ‘портиться, приходить в негодность, ветшать’, а также ‘беднеть, нищать’ (они больше известны образованному кру-

¹⁸ Вот его значения: 1. *що*. Робити непридатним, пошкоджувати, спотворювати що-небудь. *П. апаратуру, зір, вигляд, одяг, Ложка дьогтю зіпсує бочку меду*. 2. *що*. Робити неприємним, поганим; погіршувати. *П. стосунки, настрої. Зіпсувати траву*. 3. *кого-що*. Негативно впливати на кого-, що-небудь; розбещувати. *Лихий доброго псує, П. душу*. (Словник української мови / За ред. В. В. Жайворонка. – Київ: Видавничий центр “Просвіта”, 2012, 935).

гу носителей языка, а во втором значении чувствуется налет устарелости). Подобные глаголы имеются в других славянских языках: польск. *psować / zepsować, psuć / popsuć, zepsuć* ‘портить, губить’. Ср. также известные польск. инвективы *psiakrew!* и *psiakość!*

В то же время в русском нет *собачить* в значениях ‘клясться’ или ‘портить, губить’, хотя есть разг. *собачить* в близком, казалось бы, к делокутивности значении: ‘бранить, ругать’. Но это все же не явная делокутивность, а относительно новое образование от *собачиться* ‘ссориться, браниться, ругаться, грызться’ (ср. выражение *грызться, как собаки*). Кроме того, в русских диалектах *собачиться* имеет значения ‘1. развлекаться, забавляться, вести себя несерьезно, озорно; шалить, баловаться; злить, раздражая чем-л., дразниться; 2. привыкать к буйной, неприличной жизни’. Ср. также рус. диал. *собачить* ‘1. баловаться, шалить; делать пакости, портить что-л.; 2. скреплять, соединять толстой жердью звенья плота’; рус. диал. *собарничить* (от *собарня* ‘свора собак’), ‘1. вести себя грубо, грубить; 2. буянить, скандалить’. Это аналогично польск. *psocić* ‘шалить, проказничать’.

Таким образом, вопрос о возможной исторической делокутивности славянских глаголов, связанных с упоминаниями *пса, собаки* как инвективных речевых формул остается открытым.

В качестве заключения отметим, что делокутивность – сложное и нередко спорное явление, что подтверждают данные русского языка и других славянских языков. В связи с описанием универбации было бы полезно посмотреть на делокутивную деривацию в более широком спектре языковых данных. Есть ли семантико-прагматические факторы, блокирующие возможности делокутивной деривации в том или ином языке, или же наоборот, факторы, способствующие делокутивной деривации? Можно предполагать, что в русском языке, по крайней мере в русском кодифицированном языке и в традиционной лексике, синтагмы, “слишком” маркированные семантически (а также прагматически) и/или грамматически, противятся делокутивной деривации. Но некоторые новейшие явления русского словообразования, наблюдаемые в интернете (правда, среди них немало жаргонизмов и окказионализмов), частично опровергают это предположение. Более точно семантически и описать эти факты и подобные им другие явления – задача будущего. Это возможно только путем углубленного анализа более обширных русских и славянских данных.

Литература

- Emile BENVENISTE, 1966: Les verbes délocutifs. BENVENISTE, Emile. *Problèmes de linguistique générale*, t. I. Paris: Gallimard, 277–288.
- Ђуро DANIČIĆ et alii, 1880–1976: *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, ili tzv. *Akademijin Rječnik* (ARJ), Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, t. I.
- Татьяна Ф. ЕФРЕМОВА, 2000: *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. Москва: Русский язык.
- Федот П. ФИЛИН, Федор П. СОРОКОЛЕТОВ et alii, 1965–2016: *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–49. Москва: Наука.
- FRYT, 1997: Les verbes délocutifs selon Benveniste. *Linx*. IX, 61–71.
- Jean-Louis PERPILLOU, 1996: *Recherches lexicales en grec ancien*. Paris: Peeters, chapitre 3 (*Verbes délocutifs en grec ancien*).
- Frans PLANK, 2005: Delocutive verbs, crosslinguistically. *Linguistic Typology*. IX, 459–491.
- Serguei SAKHNO, 2001: *Dictionnaire russe-français d'étymologie comparée. Correspondances lexicales historiques*. Paris: L'Harmattan.
- Serguei SAKHNO, 2010: *Les avatars du sens et de la fonction dans le phénomène de la grammaticalisation. Description systématique du lexème russe в роде в роде “dans le genre de” comparé à d'autres lexèmes russes grammaticalisés*. Nanterre: Université Paris Ouest. Monographie publiée en ligne <http://hal.archives-ouvertes.fr>.
- Serguei SAKHNO, Christine HENAUULT-SAKHNO, 2005: Typologie sémantique lexicale, problèmes de systématisation. Gilbert LAZARD, Claire MOYSE-FAURIE (eds). *Linguistique typologique*. Villeneuve-d'Ascq: Septentrion, 71–90.
- Армен В. ТАМРАЗОВ, 2006: *Делокутивная номинация в языке и речи (на материале французского и русского языков)*. Дисс. канд. филол. наук. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет.
- Олег Н. ТРУБАЧЁВ (гл. ред.), 1974–2016: *Этимологический словарь славянских языков*. Т. 1–40. Москва: Наука.
- Макс ФАСМЕР, 1987: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва: Прогресс.

Delocutivity and Univerbation: a Survey of Some Russian and Slavic Data in Diachrony and in Synchrony

As defined by E. Benveniste, delocutive derivation is based on quotation of typical speech acts : e.g., Latin *salutare* 'to greet' is a delocutive from *Salus!* or *Salve!* 'Health!, Be healthy!'. Russian and other Slavic languages display a rich word-formation system with some presumably delocutive units, but many of them need being questioned for a better understanding of the complexe phaenomenon of delocutivity, viewed as a particular case of univerbation.

Людвиг Селимски

Шльонски университет в Катовице, Полша, Катовице
selimski@wp.pl

УНИВЕРБИЗАЦИЯ И СХОДНИ ЯВЛЕНИЯ. ПОЯВА В БЪЛГАРСКАТА ДЕРИВАТОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВИ

Предмет на анализ е универбизацията като словообразователен способ, проникването в българската дериватология на концепцията за универбизация и мястото на универбизацията в системата на българското словообразуване. Предлагат се корекции в словообразователния анализ на някои думи, възникнали по този начин.

Ключови думи: универбизация, субстантивизация, композиция, структурна функция

The paper deals with univerbisation as a word-formation method, with the penetration into Bulgarian derivatology of the concept of univerbisation and the place of univerbisation in the system of word formation in Bulgarian. Any corrections in the word-formation analysis of some words arisen in this way have also been proposed.

Key words: univerbisation, substantivisation, composition, structural function

1. В доклада се поставят за разглеждане въпроси, засягащи универбизацията като словообразователен способ в сравнение предимно с композицията и субстантивизацията; концепцията за универбизация в българската дериватология – бележки за проникването на тази концепция в българската наука; мястото и ролята на универбизацията в системата на българското словообразуване; домашно (българско) и чуждо в лексиката, възникнала чрез универбизация; антиномиите старо vs. ново и народно vs. книжовно в тази част от производната лексика на българския език; прояви на универбизацията в областта на проприалната лексика; релацията универбизация (универбизми) vs. деминутиви и аугментативи; словообразователни средства на универбизацията с оглед и на антиномията омонимия vs. полисемия.

2. Концепцията за универбизацията в българската дериватология

2.1. В българската дериватология концепцията за универбизацията е твърде нова. За нея в Морфология 1983 не се споменава. Мнозина може би свързват въвеждането ѝ в българското езикознание със статията на М. Виденов (1976), в която универбизацията се определя като “присъща черта на българския разговорен стил”. За универбизацията и универбатите в българския език се пише повече едва от 80-те – 90-те год. на ХХ в. Докато в полското езикознание тя е предмет на нарастващ интерес още от началото на ХХ век, а през последните десетилетия на този словообразователен способ бяха посветени две монографии – за универбизацията в чешки в съпоставка с полски (Szczepańska 1994) и в словашки в съпоставка с полски (Sojda 2011).

Универбизацията като словообразователен способ се намира в най-тясна връзка с композицията, а след това и със субстантивизацията, без да свеждаме последната до вид безсуфиксно словообразуване (Крумова 1973; 1987), до елипса на определяемото от изходното съставно наименование (словосъчетание), както в примера гостна ‘стая за гости’ (← *гостна стая*).

В този принос искам да обърна внимание върху някои случаи на универбизация, която много полски и чешки автори наричат суфиксална субстантивизация.¹ Искам и да коригирам анализа на някои български словообразователни формации, получили неправилни тълкувания главно поради непопулярността и късното проникване в българската дериватология на концепцията за универбизацията. Като увод в тази проблематика припомням най-напред концепцията на Я. М. Розвадовски (1904) за бинарната (двучленната) структура на производната дума, също така почти непозната и късно въведена в някои изследвания по словообразуване.²

¹ След кратко представяне на три вида “универбизация (в широкия смисъл на това понятие)” – инициални и сричкови съкращения (ГФР/*гефере*), сложни названия (*алфа-лъчение*) и примери с елизия на определяемото (*говеждо* ← *говеждо месо*) – М. Виденов пише и за “няколко случая, ограничени по количество, в българския език”, в които вече “можем да наблюдаваме *същинска универбизация*, т.е. универбизация в тесния, истинския смисъл на този термин” (Виденов 1976: 30), без да прилага термина *суфиксална субстантивизация*.

² Вж. Селимски 1979; Деянова и др. 1980; Мурдаров 1983: 12–13; Радева 1991: 22. За въвеждането на термина *субстантив(из)ация* определена заслуга има Е. Захаревич (1959; 1965; 1972).

В противовес на В. Вунд, според когото назоваването на обекта се осъществява въз основа само на един негов признак, Я. М. Розвадовски доказва, че “в названието се осъзнава не само доминиращият признак, но и още нещо”, че думата “притежава и т. нар. формативен елемент”.³ В съответствие с установения от него закон за двучленната ѝ структура (пол. *prawo dwuczłonowości*) при словообразователния анализ на думата трябва да се отделят два компонента в строежа ѝ – словообразователна основа и словообразователен формант, съответстващи на двете съставки на словосъчетанието (съставното / двучленното наименование), на базата на което е възникнала тая дума.⁴

3. Мястото и ролята на универбизацията и субстантивизацията в българското словообразуване

3.1. Освен прецизното определяне на границата между основата и форманта, при словообразователния анализ е необходимо е да се определи също така точно и съставът на форманта и функцията, с която той участва в строежа на анализираната дума. В българския език, както и в другите славянски езици, ролята на словообразователни форманти изпълняват голям брой афикси. Те се различават едни от други по форма, по взаимодействието си с различни откъм частеречева принадлежност основи, както и по частеречевата принадлежност на производните, които се образуват с тяхна помощ. Трябва да се взема под внимание – не на последно място – и онова значение (семантика), с което те участват в изграждането на съответния дериват. Във връзка с това трябва да припомним, че В. Дорошевски, опирайки се върху концепцията на Я. М. Розвадовски за бинарната структура на думата, още в своите *Monografie słowotwórcze* (1928, 1929 и 1931 г.), както и в доклада си на I световен конгрес на славистите в 1929 г. “Към семантичната класификация на суфиксите в славянските езици” (Doroszewski 1931), при словообразователния анализ на съществителните, възникнали на базата на глаголи, прилагателни или словосъчетания, пише и за т. нар. структурна функция на су-

³ Rozwadowski 1905/1960: 24 сл.; 39 сл.

⁴ Концепцията за двуделната структура на речниковата единица Я. М. Розвадовски излага в монография на немски (Rozwadowski 1904), преведена и на полски (Rozwadowski 1960: 31–95). Основните идеи на книгата си авторът излага и в статия на полски език (Rozwadowski 1921), препечатана по-късно в сборник от негови статии (Rozwadowski 1950: 143–55).

фиксите, която дори смята за основна и първична спрямо техните реалносемантични и експресивни функции.⁵ Върху концепцията на Я. М. Розвадовски се базира и А. В. Исаченко в забележителната си статия “Общи закономерности и национална специфичност в развоја на речниковия състав на славянските езици”, в която на руски, чешки и словашки лексикален материал показва “как принципът на постепенното отстраняване на първоначалната двучленност определя целия по-нататъшен ход на развоја на речниковия състав на славянските езици” (Isačenko 1958: 144).

3.2. Какво рискува изследователят, ако не знае, или е пренебрегнал възможността да има работа с формант/суфикс в някаква структурна функция – обновяване на стара формация с вече неясен словообразователен строеж; формално приспособяване на лексикална заемка към съответна част на речта; пренасяне (транспозиция) на название от една част на речта в друга, както при интересуващата ни тук субстантивизация или/и универбизация? В подобен случай той може да се окаже в незавидната роля на “откривател” на неизвестна уж функция на формант/суфикс, както се заявява в заглавието на статия за “неотбелязано значение на суфикса *ица*” по повод на *сливовица* и под. (Русинов 1966). А се отнася за банален случай на суфиксална субстантивизация (срв. Zwoliński 1963) и/или универбизация: *сливов-а ракия* → *сливов-а /сливов-иц-а*.

3.3. Руската старобългаристка Р. М. Цейтлин смята стб. *трьзъвьць* за съставено от числителното *трь* и съществителното *зъвьць (Цейтлин 1977: 67) като означаващо “понятие со значением ‘трижды, три раза’” (Цейтлин 1986: 85). При друго решение на проблема, като отделя суфикса *ъць*, тя се колебае относно функцията му – дали изразява единичност или умалителност – и предполага, че “*трьзъвьць* не может члениться как *трьзъвь-ъць*, т. е. рассматриваться как производное от *трьзъвьць*”, което неправилно тълкува „как ‘маленькие вилы, ма-

⁵ “W *Monografiach słowotwórczych* [...] klasyfikację sufiksów (przedstawioną w artykule ‘Zarys klasyfikacji znaczeniowej sufiksów w językach słowiańskich’ – Praha 1931) oparłem na pojęciu funkcji, którą nazwałem strukturalną, a przez którą rozumiałem funkcję polegającą na przekształcaniu jednej części mowy w drugą. Ograniczyłem się do przekształceń w rzeczowniki tematów czasownikowych, przymiotnikowych i wyrażen syntaktycznych. Ująłem rzecz w ten sposób, że strukturalna funkcja sufiksów, które w tej ich funkcji nazwałem formantami, jest podstawowa w stosunku do ich funkcji realnoznaczeniowych i ekspresywnych” (Doroszewski 1972: 5; срв. Doroszewski 1962: 207; Doroszewski 1963: 283–284).

ленький тръзѣвъ” (Цейтлин 1978: 436). Докато според мене суф. *ѣвъ* в тази дума не е компонент на готово **зѣвъць*, а застъпва родовото понятие (‘жезъл’), като субстантивизира прилагателното **тръзѣвъць* ‘(който е) с три зѣба’, подобно на чеш. *trzub* (Machek 1968: 656), или като стяга в една дума словосъчетание от рода на *тризѣб жезъл* = *жезъл с три зѣба*, подобно на ст.-рус. *тръзубьць* (Dickenmann 1934: 331) и чеш. *trojzubec* = *trojzubé žezlo* (Dokulil 1967: 291). Срв. от същия тип, но с друга основа, (пол.) *jednorożec* ‘еднорог (митично животно с един рог)’, със съответствия в много славянски езици⁶.

3.4. Ако изследвачът не си дава сметка за функциите на суфиксите, както и за явлението многозначност или/и омонимия при суфиксите, също може да допусне грешка. Така някои имена на ветрове съвпадат по звукова форма с имена за лица по местоживеене или според народностна принадлежност, за обяснение на което се прибегва до предположение за “персонификация” на природната стихия (Koseska 1969). Според В. Косеска анализът на вентонимите показва, че “по-голямата част от [...] формантите означават преди всичко лица” (Koseska 1972: 113). Тя смята, че “за избора на словообразователните форманти е решавал процесът на персонификация”, според нея “в някои случаи [...] отишъл толкова далеч, че формите, означаващи лица, са били пренесени за определяне на атмосферни явления”, както в “*сърбин* ‘западен вятър’ и ‘жител на Сърбия’, *косач* ‘месец, в който се коси сено’ и ‘човек, който коси сено’, *софиянец* ‘западен вятър’, ‘жител на София’, *врачанин* ‘северен вятър’, ‘жител на Враца’”.⁷ Подобно неразграничаване на имена на ветрове от омонимни с тях имена за лица е допуснато и у друг изследвач, който при анализа на суф. *чанин* пише, че “първоначално това са [...] имена според място на живеене или рождение, т.е. жителски имена” и че те “по пътя на метонимията стават вентоними, омоними на жителските имена” (Ковачев 1968: 12).

Както ще видим, подобно съвпадане на имена на ветрове с жителски имена не се дължи на развитие на различни преносни значения на една и съща словообразователна формация. В редица случаи имаме един и същи по морфемен състав дериват, в който са съвпаднали по форма резултатите от отделни, различни словообразователни процеси. При един най-общ поглед върху събрания от посочените автори

⁶ Doroszewski 1928: 104–105; 1972: 5; Sławski 1: 549–550; за подробности вж. Селимски 1989.

⁷ Koseska 1972: 113; срв. Koseska 1969: 206; Koseska 1971: 212.

речников материал се забелязват в много случаи паралелни названия. Една част от тях са словосъчетания от прилагателно + *вятър*: *белия вятър*, *бесен вятър*, *вечерния вятър*, *дъждовен вятър* и т.н., които са се оказали неудобни за терминологична употреба и с времето са подлегнали на известна компресия, на универбизация. Лексикалният материал показва, че предполагаемата универбизация се е реализирала по два начина: 1) чрез елипса (изпускане) на определяемото *вятър*, което в съответния контекст или ситуация се подразбира, срв. названията (на ветрове) *анадолския*, *беломорския*, *врачанския*, *долния*, *дъждовния* и т. н.; 2) чрез суфиксална субстантивация на определението (прилагателното) в изходното описателно название (в някои случаи дезинтегрална – с отсичане на [част от] основата). По този начин от изброените по-горе двучленни наименования са се получили названията *врачанин* (от *врачанския* [**вятър**]), *долняк* // *долнянин*, *дъждар* и т. н., в които съответните форманти не “означават преди всичко лица”, а изпълняват само структурна функция – послужили са за преобразуване на адективния компонент на изходното название в съществително име (срв. Doroszewski 1931 и др.; Zwoliński 1963). А тъй като основата на определението в изходното название *врачанския* [**вятър**]) представлява име на селище, възникващата формация съвпада по форма с названието за жител на това селище, както и при някои марки на автомобили, като рус. “Запорожец” и “Москвич”. Някои двучленни наименования са подлежали на универбизация чрез композиция, суфиксация или елипса: *козодер*, срв. *дерияре* и – у Ковачев – *дери коза*, *кози вятър*, тур. *кече барадан*, от тур. *keçi* ‘коза’ и (произв.) от *bağırtaç* ‘викам, крещя’ // *козица*; *свиньодер*, *свиньодерец* // *свиняр*, *свинярко*, *свинския* (Ковачев 1968: 26 и др.; срв. Селимски 1973: 144–145).

3.5. Универбизацията и субстантивизацията в българския език са недостатъчно проучени. Субстантивизацията се свежда най-вече до случаите с елипса на определяемото от изходното словосъчетание (Крумова 1973; 1987). А универбизацията, както е изтъквано⁸, не винаги е добре разграничавана от композицията и абривиацията. Понякога може би истински универбизми или случаи на суфиксална субстантивизация биват интерпретирани по неприемлив начин. Така напр., към названията на действия (*nomina actionis*) със суф. *(a)нищ(a) / -енищ(a)*, като *блъсканица*, *гоненица* и др., са причислявани неправил-

⁸ Радева 1991: 56, 57; 2007: 64.

но *мѐсеница* и *цѐпеница*.⁹ Според мене те, като названия на конкретни предмети ('месена баница' и 'част от нацепено дърво'), не се извеждат пряко от глаголни основи. Те се основават върху причастия (*месен*, [на]цепен) и в крайна сметка са резултат от суфиксална субстантивизация (универбизация) на изходни съставни наименования: бълг. *мѐсеница* е от *месена баница* (за разлика от *точена баница* и *дърпана баница*), подобно на чеш. *mazanec*, парал. на "dial. *mazaný koláč*" при семантичната група "имена на носители на качества" (Dokulil 1967: 297), предполагащо развоен процес *mazaný koláč* → *mazanec*.

Неправилно са счетени за еднотипни *стàрец* и *храбрѐц*, от една страна, и *гòрненец* и *дòлненец*, от друга (Морфология 1983: 50) – вторите се извеждат не от прилагателни според "качество или признак на именуваното лице". Те са пример за суфиксална универбизация – базират не на прилагателни (*гòрен* и *дòлен*), а на съставни названия: *горен* и *долен* (**край/махала** [на селище]).

4. Антиномията домашно (българско) ~ чуждо (заемка) при речникови единици, възникнали чрез универбизация

От личен опит зная, че на българина, изучаващ чешки език, правят силно впечатление производни като *diplomov-ka* (← *diplomov-á práce*), *Václav-ák* (← *Václav-ské náměstí*), *rychl-ík* (← *rychlý vlak*), *jídeln-íč-ek* (← *jídelní líst-ek*) 'меню' и др. под., с които се среща много често, отколкото в българския, а и с такива, срещу които въобще няма български съответствия.¹⁰ В не по-малка степен това се отнася и за близкия до него словашки език, срв. *bakalár-ka* ← *bakalár-ska práca*, *káblov-ka* ← *káblov-á televízia* (Ološtiak 2011: 113). Както е известно вече, универбизацията в полски и руски се реализира обикновено като суфиксална деривация, а в българския обикновено се свежда до елипса на определяемото съществително; при това определението се явява заместител на цялото базисно словосъчетание¹¹, като се субстантивизира и смислово и синтактично, но запазва морфологичната

⁹ Радева 1987: 28; 1991: 137–138; 2007: 131–132.

¹⁰ Ако не е имал непосредствено впечатление от разгов. чешки език, М. Виденов не би написал посоч. статия (Виденов 1976), в която впрочем примерите от чешкия език значително преобладават.

¹¹ Walczak-Mikołajczakowa 1999: 151.

си форма на прилагателно. Могат да се смятат напълно основателни изводите на полската славистка и за това, че в българския език названията, възникнали чрез универбизация, са по-малко, отколкото в полския и руския.¹² Българинът схваща рус. *граждáнка* като ‘женщина гражданин’, но не и като ‘гражданская война’, пол. *pratyżantka* като ‘kobieta partyzant’ (‘жена партизанин’), но не и като ‘walka/wojna partyzantska’ (‘партизанска борба/война’) и т.н. Освен това трябва да се подчертае, че голяма част от универбизмите в българския език са от ХХ век, най-вече от втората му половина и са една от проявите на засиленото руско влияние върху речника и словообразуването на бълг. език.¹³ Голяма част от универбизмите, включително и от субстантивизираните прилагателни, като *военен*, *столова̀*, *строевѝ* и др., са и безспорни лексикални заемки от руски, някои с явни фонетични черти на русизми, неприспособени нито фонетично, като *маслѝдка* (// *ма̀сленка*, *масленѝца* ‘съд за машинно масло, за смазване на машини’), нито морфологично, като *часовѝ* (// *часовѝ*), *вестовѝ* ‘ординарец’ (ПРОДД), или словообразователно нечленими, като *дневален* (в СлР само като връх на гнездо). Срв. *ва̀тенка* “от рус.” (БЕР 1: 123), *винтѝвка*, липсващо в СлР, “от рус. *винтовка*, произв. от *винт*” (БЕР 1: 159), *земля̀нка* “от рус.” (БЕР 1: 634, s.v. земля), *зрелостник*, липсващо в СлР, не сметено в БЕР за руско и др. Може би по-късното проникване в българската наука на идеята за универбизацията се дължи до известна степен и на нейната по-слаба застъпеност в българското словообразуване.

Същевременно, при дериватите от сферата на народното и традиционното словообразуване, които са от времето далече преди появата на руското влияние, общността и различията между българския език и другите славянски езици се представят иначе. Срв. названията на празници *Врѝбница* // *Цветница* (и мак. *Цветници* pl.), подобни на хърв. *Svjѝtnica* (и срб. *Цветница*) и *Uljičnica* ‘ulična nedjelja’, “od

¹² Walczak-Mikołajczakowa 1999: 152–153. Това важи с по-голяма сила за съпоставянето на българския с чешкия (Виденов 1976: 31). Срв. и предпочитанието в полски на словообразователните средства за свързване на определяемото с определението пред синтактичните, напр. по-скоро *buty wieczorowe* отколкото *buty na wieczór* (Kleszczowa 2006), а тъкмо върху атрибутивни синтагми най-често се основават суфиксалните универбизми/универбати.

¹³ С руското влияние се обяснява продуктивността на типа с наст. *-ка*, а голяма част от представящите го производни са “преки заемки от руски”, някои “с не напълно прозрачна словообразователна структура” в български (Мурдаров 1983: 120–121).

ulika (grančica maline)” (Šetka 1976: 320), от една страна, и съставните рус. *вербное воскресенье*, пол. *niedziela palmowa*, укр. *вѣрбна (квітні) неділя*, слш. *Kvetná nedeľa*, чеш. *Květná neděle*, слн. *cvetna nedelja*, от друга, макар че и едните и другите са калки от грц. *Κυριακή τῶν βαΐων* или лат. *dominica palmorum*. Срв. също така народните термини за сродство бълг. *кръстник* и *кръстница* и пол. *chrzestny* (// *ojciec chrzestny*) и *chrzestna* (// *matka chrzestna*). Или названия на предмети, свързани с народния бит и съдържащи в състава си турски основи и/или наставки, като *кремъклийка* (← *кремъклия* ‘(пушка) която се подпалва с кремъчна запалка’), *памуклийка* (← *памуклия* ‘(дреха) попълнена с памук’), *топлийка* ‘игла с топчица на тъпия си край’, на базата на **топлия игла* (*топчица* е от *топка* ← *топ*), а съществителното *топлийка* е от прилаг. **топлия* ‘(която е) с топ’. И т. н.

5. И така, в заключение може да се каже, че в българската дериватология концепцията за универбизацията като словообразователен способ все още не е намерила истинска акцептация сред занимаващите се повече или по-малко със словообразуване. Както се изтъква в отделни публикации, в словообразователната система няма суфикси, които да са специализирани за произвеждане на универбизми (Радева 1991: 57; 2007: 64). А засега се посочват твърде незначителен брой суфикси, с помощта на които се формират универбизми. М. Виденов привежда примери с наст. *-(н)ик*, *-ка* (*-ки*, мн.ч.), *-ица* и *-ак* и заключава, че в българския език “явлението е много ограничено, случаите са сравнително малко” (Виденов 1976: 31), при това “голяма част от българските образувания със суфикс *-ка* са преки заемки от руски”, а някои от тях са “с ненапълно прозрачна словообразователна структура в модерния български език като *десетилетка*, *летучка*, *петилетка* и др.” (Мурдаров 1983: 120–121).

А в приведените по-горе критични бележки се отнася за речникови единици, които не могат да се свържат с руското влияние. Прочее, необходимо е при по-нататъшните изследвания да се държи сметка за мотивацията на анализираниите единици и за ролята и значението на суфиксите, с помощта на които е била осъществена деривацията. Още голям брой формации от разглеждания тук вид може би ще се открият и в микротопонимията.

Литература

- БЕР 1 – *Български етимологичен речник*. Т. 1, София: БАН, 1971.
- Михаил ВИДЕНОВ, 1976: Универбизацията – присъща черта на българския разговорен стил. *Език и литература*. XXXI/4, 28–35.
- Мария ДЕЯНОВА, Емилия ПЕРНИШКА, Лили ЛАШКОВА, Дина СТАНИШЕВА, 1980: *Словообразователна и семантична структура на сложните прилагателни в славянските езици*. София: БАН.
- Елена А. ЗАХАРЕВИЧ, 1959: Производные основы со значением лица в современном болгарском литературном языке. *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. Москва: АН СССР, 100–157.
- Елена А. ЗАХАРЕВИЧ, 1965: Суффиксация и субстантивация при образовании наименований лица в болгарском языке. *Очерки по словообразованию и словоупотреблению*. Москва: АН СССР, 44–58.
- Елена А. ЗАХАРЕВИЧ, 1972: К вопросу о субстантивации в болгарском языке (Субстантивация прилагательных в форме среднего рода). *Славянская филология*. № 2, Москва, 46–53.
- Николай КОВАЧЕВ, 1968: Принос към названията на ветровете в България. *Трудове на ВПИ “Братя Кирил и Методий” – В. Търново*. V, 1967/1968, София, 1–41.
- Лилия КРУМОВА, 1973: Субстантивация на прилагателните имена в български език (в съпоставка с някои случаи в руски). *Славистичен сборник (По случай VII Международен конгрес на славистите във Варшава)*. София: БАН, 213–221.
- Лилия КРУМОВА, 1987: *Субстантивацията на прилагателните в съвременния български книжовен език*. София: БАН.
- Морфология 1983: *Грамматика на българския книжовен език*. Том II. Морфология. СТОЯНОВ, Стоян (ред.). София: БАН.
- Владко МУРДАРОВ, 1983: *Съвременни словообразователни процеси*. София: НИ.
- Василка РАДЕВА, 1987: *Българското словообразуване*. София: УИ “Св. Климент Охридски”.
- Василка РАДЕВА, 1991: *Словообразуването в българския книжовен език*. София: УИ “Св. Климент Охридски”.
- Василка РАДЕВА, 2007: *В света на думите. Структура и значение на производните думи*. София: УИ “Св. Климент Охридски”.
- РРОДД: *Речник на редките и остарели диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век*. ИЛЧЕВ, Стефан (ред.). София: БАН, 1974.

- Русин РУСИНОВ, 1966: Неотбелязано значение на суфикса ица. *Български език*. XVI/6, 574–578.
- Людвиг СЕЛИМСКИ, 1973: Проучване на българската метеорологична лексика върху общославянски фон (V. Koseska. *Wułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim*, PAN, KomJęz 63, 1972). *Български език*. XXIII/1–2, 141–146.
- Людвиг СЕЛИМСКИ, 1979: Ян Розвадовски и първата задгранична българистика. *В-к “Наука и труд”*, бр. 15–16 (217–218), 30. X 1979, с. 2.
- Людвиг СЕЛИМСКИ, 1989: За словообразователния строеж на стб. *тръзъвьць* (Към въпроса за словообразователно-семантичните функции на суфикса *вьць*). *Старобългаристика/Palaeobulgarica*. XIII/4, 43–46. Препечат. В: Селимски 2017: 78–82.
- Людвиг СЕЛИМСКИ, 2017: *Приноси по словообразуване. Български език и други славянски езици*. В. Търново: УИ “Св. Кирил и Методий”.
- СЛР – *Словообразователен речник на съвременния български книжовен език А – Я*. ПЕНЧЕВ, Йордан (ред). София: АИ “Проф. Марин Дринов”, 1999.
- Раля М. ЦЕЙТЛИН, 1977: *Лексика старославянского языка*. Москва: Наука.
- Раля М. ЦЕЙТЛИН, 1978: Некоторые проблемы старослав. лексикологии (по материалe древнеболгарских рукописей X–XI вв.). *Славянское языкознание*. VIII Международный съезд славистов. Москва: Наука.
- Раля М. ЦЕЙТЛИН, 1986: *Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв.* София: БАН.
- Ernst DICKENMANN, 1934: *Untersuchungen über die Nominalcomposition im Russischen. Teil I. Einleitung und Material*. (Veröffentlichungen des Slavischen Instituts 12). Leipzig.
- Miloš DOKULIL, 1962: *Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov*. Praha: ČSAV.
- Miloš DOKULIL, 1967: *Jména nositelů vlastností. Tvoření slov v češtině. 2: Odvozování podstatných jmen*. Praha: ČSAV, 281–406.
- Witold DOROSZEWSKI, 1928–1931: *Monografie słowotwórcze. Prace Filologiczne*. XIII, 1–260; XIV–1929, 34–85; XV/1–1931, 275–300; XV/2–1931, 423–436.
- Witold DOROSZEWSKI, 1931: *Zarys klasyfikacji znaczeniowej sufiksów w językach słowiańskich. Sborník prací I sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929. Sv. II. Přednášky*. Praha, 505–513.
- Witold DOROSZEWSKI, 1962: *Studia i szkice językoznawcze*. Warszawa: PWN.
- Witold DOROSZEWSKI, 1963: *Podstawy gramatyki polskiej*. Część I. Warszawa: PWN.

- Witold DOROSZEWSKI, 1972: Z zagadnień słowotwórstwa, składni i semiotyki. *Prace Filologiczne*. XXIII, 5–25.
- Alexandr V. ISAČENKO, 1958: *K historicko-srovnávacímu studiu slovanských jazyků*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- Krystyna KLESZCZOWA, 2006: Derywaty w rywalizacji z grupami imiennymi. ЛЮКАШАНЕЦ, Александр (ред.). *Функциональные аспекты словаўтварэння*. Доклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск, 302–310.
- Violetta KOSESKA, 1969: Personifikacja i prawo tabu w bułgarskich nazwach ruchu powietrza. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, t. VIII. Warszawa, 201–207.
- Violetta KOSESKA, 1971: Próba analizy słowotwórczej na podstawie bułgarskich nazw wiatrów. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. X. Warszawa, 205–212.
- Violetta KOSESKA, 1972: *Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim*. PAN, Komitet Językoznawstwa, Prace Językoznawcze 63, Wrocław etc.
- Václav MACHEK, 1968: *Etymologický slovník jazyka českého*. 2. vyd. Praha: ČSAV.
- Martin OLOŠTIAK, 2011: *Aspekty teórie lexikálnej motivácie*. Prešov: Filozofická fakulta.
- Jan Michał ROZWADOWSKI, 1904: *Wortbildung und Wortbedeutung*. Heidelberg. Превод на полски: Doroszewski 1960: 21–95.
- Jan M. ROZWADOWSKI, 1921: O dwuczłonowości wyrazów. *Język Polski*. VI/5, 129–139.
- Jan M. ROZWADOWSKI 1950: *O zjawiskach i rozwoju języka*. Kraków.
- Jan M. ROZWADOWSKI, 1960: *Wybór pism. Tom III: Językoznawstwo ogólne*. Warszawa: PWN, 21–95. Превод на полски от немски [= Rozwadowski 1904].
- Franciszek SŁAWSKI, 1956: *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. I. Kraków: TMJP.
- Sylwia SOJDA, 2011: *Procesy uniwerbizacyjne w języku słowackim i polskim*. Katowice: wyd. UŚ, wyd. Gnome.
- Elżbieta SZCZEPAŃSKA, 1994: *Uniwerbizacja w języku czeskim i polskim*. Kraków: Universitas.
- Jeronim ŠETKA, 1976: *Hrvatska kršćanska terminologija*. II izd. Split: Slobodna Dalmacija.
- Mariola WALCZAK-MIKOŁAJCZAKOWA, 1999: Uniwerbizacja jako jedna z tendencji rozwojowych współczesnego języka polskiego, rosyjskiego

i bułgarskiego. ŚWIDZIŃSKI, Jerzy (red.). *IV kolokwium slawistyczne polsko-bułgarskie*. Poznań: POLINFO, 148–153.

Przemysław ZWOLIŃSKI, 1963: Substantywizacja sufiksalna przymiotników w językach słowiańskich. *Z polskich studiów slawistycznych*, t. I, ser. 2. Warszawa: PWN, 90–99.

Univerbisation and Similar Phenomena. Appearance into Bulgarian Derivatology and Perspectives

The report considers the univerbisation as a word-formation method compared to composition and substantivisation; the penetration into Bulgarian derivatology of the concept of univerbisation; the place and role of the univerbisation in the system of Bulgarian word formation; realisation of the univerbisation in the field of proprial names. In analyzing this part of the derived words, which has arisen in this way, an attention is paid to antinomies such as: inherited (Bulgarian) vs. foreign (borrowed, mostly Russian); old vs. new; popular vs. literally; homonymy vs. polysemy. Any corrections in the word-formation analysis of some words arisen in this way have also been proposed.

Ольга Северская

ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Россия, Москва
oseverskaya@yandex.ru

**НА ПОКЛОНКУ – С КУТУЗЫ?
КУТУЗКИ? КУТУЗОВКИ?
(К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ
И ОМОНИМИИ УНИВЕРБАТОВ
В МОСКОВСКОЙ ТОПОНИМИКЕ)**

В статье рассматривается универбация как продуктивный способ образования жаргонных топонимов на примере названий комплекса на Поклонной горе и ведущего к нему Кутузовского проспекта.

Если с *Поклонной горой* все ясно – в жаргонном варианте это *Поклонка*, то *Кутузовский проспект* называется по-разному, три наиболее распространенных варианта универбатов: *Кутуза*, *Кутузка*, *Кутузовка*. Первый встречается только в соц-сетях, второй – в сетях и официальной прессе. Третий вариант, *Кутузовка*, можно найти и в художественной литературе. Наблюдения над разговорной речью позволяют сделать вывод о том, что это – наиболее распространенный универбальный коррелят топонима.

Варианты различаются стилистической окраской – от нейтральной до разговорно-сниженной. Кроме того, два варианта из трех имеют омонимы: *кутузка* – это “тюрьма, арестантская камера”, а *Кутузовка* – это название 13 населенных пунктов на Украине, в Беларуси, Казахстане, России. Омонимия универбатов дает возможность для языковой игры, однако эта возможность используется редко.

Ключевые слова: универбация, жаргонные топонимы, Поклонная гора, Кутузовский проспект, вариативность

The article discusses univerbation as a productive way of slang names of complex on Poklonnaya Hill and lead to it Kutuzovsky Prospekt formation .

If Poklonnaya Hill in the slang version is always *Poklonka*, Kutuzov Avenue is named differently, the three most common variant: *Kutuzza*, *Kutuzka*, *Kutuzovka*. The first is found only in social networks, the second in networks and the official press. The third option, *Kutuzovka*, can be found either in fiction. Observation of conversational speech lead to the conclusion that this is the most common correlate of name.

The considered lexical units differ in stylistic nuances and connotations, from neutral to conversational reduced. In addition, two of the three variant are homonyms: the *kutuzka* (bull-pen) is a “prison, prisoner detention”, and *Kutuzovka* is the name of 13 villages in Ukraine, Belarus, Kazakhstan, and Russia. Homonymy universitv provides the opportunity for language play, but this opportunity is rarely used.

Key words: univerbation, slang toponyms, Poklonnaya Hill, Kutuzov Aven

1. Универбация, один из способов компрессивного словообразования (Земская 1992: 8)¹, при котором однословные номинации, возникающие в результате “сжатия” базовых словосочетаний, тождественны своей “производящей основе” по значению, но отличаются от нее не только краткой формой, но и стилистической, а именно – разговорной или жаргонной, окраской, в наши дни переживает бум продуктивности во всех областях номинации, включая ономастику и топонимику.

По мнению большинства ученых, среди существительных, образованных этим способом, первое место по продуктивности занимает суффикс *-к(а)*. Принято считать, что суффикс *-к(а)* носит предметный характер, придавая слову широкое значение предметности. При этом суффикс *-к(а)* не имеет регулярного значения, если не считать таким значением сигнал стяжения комплексного наименования.

1.1. В московской топонимике довольно много универбатов с суффиксом *-к(а)*: *Данилка – Даниловский рынок; Девичка – Девичье поле, Пушка – Пушкинская площадь, Славянка – Славянский бульвар* (улица и станция метро) и др. Универбации подверглись и топоним и соответствующее ему название активно посещаемого туристами комплекса на Поклонной горе, а также название ведущего к нему Кутузовского проспекта.

2. С *Поклонной горой* все ясно – в жаргонной топонимике это *Поклонка* без вариантов (в Национальном корпусе русского языка² зарегистрировано 6 употреблений в основном и 28 в газетном корпусе).

¹ Учёные рассматривают интересующий нас способ словопроизводства под разными терминологическими обозначениями: “универбация” (Земская 1992: 8, 35; Лопатин 1997: 577), “универбизация” (Сахарный 1974: 10; Сахарный 1980), “включение” (Янко-Триницкая 1964: 18; Николаев 2012: 245), “синтетическое сжатие” (Лопатин 1972: 72), “семантическая конденсация” (Исаченко 1958: 338), “эллипсис” и “эллиптизация” (Винокур 1965).

² Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) доступен по адресу: www.ruscorgo.ru. Далее примеры, кроме специально оговоренных случаев, приводятся по материалам НКРЯ.

2.1. Первые зарегистрированные употребления “закавычены”, что говорит о непривычности такой формы, ощущения ее излишней разговорности: *Сейчас, чтобы доехать до “Поклонки” общественным транспортом, все выходят на “Кутузовской” и дальше едут на троллейбусе или автобусе* [Синюков Дмитрий. КУДА ТЯНУТСЯ ВЕТКИ МЕТРО // Труд-7, 02. 07. 2001.]. Но буквально за год-два это ощущение исчезает, и разговорный вариант топонима занимает свое место в ряду других, вполне официальных названий излюбленных мест “гуляний”: *Можно по-разному относиться к ежегодным сборищам зачастую далеко не трезвой “крылатой пехоты” в Парке Горького, на Поклонке, ВДНХ и других излюбленных десантурой местах...* [Александр КОЦ. Сегодня – День десантника // Комсомольская правда, 02. 08. 2004.].

2.2. О Поклонке упоминают писатели (примеры на слайде), пишут публицисты: *Кайф от доски определенно есть. <...> Лично мне очень нравится <...> ездить по Поклонке – прям как на сноуборде, ощущение чуть ли не полета* [Николай Ванин. Летние покатушки (2004) // “Хулиган”, 15. 07. 2004.]; *Роллеры <...> приезжают на “Поклонку” практически каждый вечер, встречают друзей, пьют пиво или кофе и обмениваются последними новостями* [Титова Ольга. ЛЕТОМ НА КОНЬКАХ // Труд-7, 04. 06. 2001.]. Для журналистов – это нейтральный вариант названия *Поклонной горы*, допустимый во всех контекстах. Например, “Комсомольская правда” сообщает: *Поклонка – место проведения различных официальных мероприятий; Фонтанный комплекс на Поклонке – один из самых масштабных и величественных; на Поклонке вырастут почти висячие сады Семирамиды – зеленые террасы на высоте десяти метров; И до симфонического концерта, и после на Поклонке будет звучать музыка, и довольно фамильярно предупреждает: сотрудники ОВД <...> не могут “присесть” к гулякам на Поклонке* и т.д. Есть в НКРЯ и примеры из сети: [Kiska, nick] 8) Мы были на Поклонке и нас снимал фотограф, постановочные кадры делал. [Курьезы на свадьбах (форум) (2004)].

3. *Кутузовский проспект* называется по-разному. В сети и Национальном корпусе русского языка встречаются, в основном, три варианта универбатов: *Кутуза, Кутузка, Кутузовка*³.

³ В разговорной речи встречается еще один вариант: *Кутузник*, однако он не так распространен, как первые три, послужившие объектом нашего рассмотрения. В НКРЯ вариант не зарегистрирован ни в одном из подкорпусов. В сети встреча-

3.1. В НКРЯ *Кутузы* нет вообще, но поисковые системы выдают десятки тысяч результатов употребления этого универбата (около 50 тысяч, с учетом снятия омонимии словоформ). И можно утверждать, что именно *Кутуза* преобладает сегодня в живой речи.

Вариант *Кутуза* встречается, в частности, в составе хэштегов: *Женя полил цветочки #кутуза #лучшиедрузья*; нередко с указанием на мотивирующий топоним: *Срочно покиньте свои дома #айдагулять#москва#кутуза@Кутузовский проспект* (оба примера – Instagramm).

Довольно много таких употреблений в объявлениях о сдаче и найме жилья, например, на популярном сайте “Локалс” предлагаются *двушка на Кутузе, Шикарная Комната на Кутузе* и т.п.

Эта форма топонима может использоваться для локализации объекта и на таких серьезных потребительских сайтах, как “TripAdvisor”, например: *Бабай Клуб, Москва - фото: бабай клуб на кутузе - просмотрите достоверные фото и видео объекта Бабай Клуб от пользователей TripAdvisor*.

Клянут *Кутузу* за вечные пробки автомобилисты на автофорумах и в соцсетях (*ВечнаяПробкаНаКутузе* – притча по языщех); таксист, например, может поделиться тем, как “*наксов* (т.е. пассажиров – О. С.) *возил на корпоратив в Сресе на Кутузе*”.

Пользователи сети предупреждают: *На Кутузе шмотки тащат* (Prado Club.su).

Кутуза часто упоминается и как место криминальных разборок и серьезных ДТП, которые не только обсуждаются в соцсетях, но и попадают в криминальную хронику СМИ. В этих случаях приличествующее публицистическому стилю нейтральное обозначение места события нередко соседствует с жаргонным. Например, пользовательское сообщение о *пострелушках на Кутузе* на форуме Guns.

ется, преимущественно в блогах водителей такси и автомобилистов: *6 янв. 2005 г. - кутузник-мичуринский-домодедово. Сначала надо забрать человека от Триумфальной арки на Кутузовском, потом - еще 2 в начале Мичуринского и всех нас отвезти в Домодедово. С нами 2 комплекта лыж и сноуборд + сумки. Время - 9 января, 5.45-6.00 утра. Есть заинтересованные и почему? (ru.taxi.livejournal.com/33548.html); 07. 05. 2012 Еду домой с Поклонки через Кутузовский и ТТК. Кутузник перекрыт, как только разрешают ехать - делаю максимальный разгон (www.youtube.com).*

ги опирается на информацию агентства: “РИАМО – 16 сен. *Мужчина получил огнестрельное ранение в ходе дорожного конфликта на Кутузовском проспекте в Москве*”, а канал НТВ, сообщая о том, что *огненное ДТП на Кутузовском сняла камера наблюдения*, в сюжете говорит и о зеваках, что “снимали чужую боль и смерть на телефоны, чтобы потом, со словами: *ты прикинь, че было на кутузе*, посмотреть с друзьями”, и в этом случае жаргонная форма используется как цитата.

Поиск в Интернете позволяет обнаружить, что универбат *Кутуза* освоен и поп-культурой. Так, встретились подкасты песен Словетского (Константы) “*На Кутузе я нормальный дом себе приметил*” и “*На Кутузе Намба Ван*” Обе 1 Капове, а также текст популярного рэпера Pharaoh: *На Кутузе, на Кутузе. Эти деньги на Кутузе. <...> Делай вещи на Кутузе* и т.д.

3.2. Вариант *Кутузка* можно найти не только в Twitter’е и Instagramm’е (в личных сообщениях), но и в официальной прессе, в том числе “государственной”: *По Кутузке с авоськой*: [Москвичи жалуются: *на Кутузовском проспекте сегодня не осталось ни одного продуктового магазина.<...> А когда-то на Кутузке – так проспект называют старожилы – было немало хороших магазинов*] (заголовок и текст в “Российской газете”); “*Кутузка*” для элиты (заголовок материала в “Труде”). При этом в одном тексте могут встречаться варианты с кавычками и без таковых, ср.: *Оставшиеся “на Кутузке” аборигены лишились простых булочных и молочных, доступных мастерских – да почти всей необходимой инфраструктуры. <...> Моя знакомая, русская из Сиэтла, приехала погостить в Москву, где не была несколько лет. Удивлялась переменам, которые сделали столицу настоящим европейским городом. Но и ценам в московских супермаркетах. Призналась: при том, что в кармане у нее – кредитная карта, в магазины, расположенные на Кутузке, заглядывала с робостью. “Недемократичные, – говорит. – В Сиэтле нет таких магазинов, куда бы я не могла зайти”.* Разве нормально, что москвич даже на родной улице чувствует себя человеком второго сорта? [Труд, 10. 12. 2012]. В НКРЯ зарегистрировано 3 примера употребления.

3.3. Третий вариант, *Кутузовка*, можно найти не только в соцсетях и прессе, но и в художественной литературе (5 примеров употребления в НКРЯ): *Кутузовка встала. Пробка начинается возле Триумфальной арки и явно не рассасывается до поворота на Рублевку* [Ольга Нови-

кова. Каждый убивал // “Сибирские огни”, 2012]; *Силы изначально были неравны, а “красный свет”, как назло вспыхнувший перед самым носом преследователей на перекрестке напротив помпезного дома на Кутузовке, сделал погоню бессмысленной* [Сергей Гандлевский. НРЗБ // “Знамя”, 2002]; *Забрел как-то в наш двор и встретил тебя. Ты гремел на всю Кутузовку* [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)]. И, видимо, именно этот универбат, а не уже обсуждавшаяся *Кутузка*, изначально присутствовал в речи москвичей-старожилов, об этом свидетельствует фрагмент из “Я, следовательно...” братьев Аркадия и Георгия Вайнеров, датированный 1968-м годом: *Лист дела 42. Поликлиника №2 находится в районе Кутузовки. Я поехал туда на метро, чтобы успеть все не спеша обдумать.*

Сеть тоже дает немало примеров употребления этой формы топонима, в частности, в рекламных объявлениях – в названиях объектов и адресах их сайтов (*Питомник Девон рексов “На Кутузовке”* – OnKutuzovka.ru) или на форумах (*Моя школа на Кутузовке*, – под этим заголовком публикуются “Воспоминания выпускника 67-й школы, одноклассника первых её первоклассников” на сайте гимназии №1567, расположенной на *Кутузовском проспекте*).

Наблюдения над разговорной речью пассажиров московского транспорта и пешеходов позволяют сделать вывод о том, что это – довольно распространенный универбальный коррелят топонима, впрочем, присущий поколениям до 45 лет.

4. Если третий вариант (*Кутузовка*) имеет нейтральную стилистическую окраску, то первые два (*Кутуза* и *Кутузка*) можно сопроводить пометами “жарг. сниж.” и “разг. сниж.”. Кроме того, два варианта из трех имеют омонимы: *кутузка* (разг.) – это “тюрьма, арестантская камера”, а *Кутузовка* – это название 4-х населенных пунктов на Украине, 1-го в Беларуси, 1-го в Казахстане, 7 *Кутузовок* присутствуют на карте России.

5. Омонимия универбатов дает возможность для языковой игры, однако эта возможность используется редко. Можно привести только пример языковой игры в уже упоминавшемся заголовке “*Кутузка*” для элиты, где сталкиваются представления о проспекте для нуворишей и “тюрьме” для небогатых старожилов, и довольно спорно соотносящееся именно с *Кутузовским проспектом* обсуждение *Кутузки* на сайте otvet.mail.ru: **КУТУЗКА** *Что такое кутузка? А Кутузов*

имеет какое-нибудь отношение к **кутузке**? *el kop* – ЛУЧШИЙ ОТВЕТ – Росица Иванов: **кутузка** – “арестантская, каземат”. Преобр. (I, 422) предполагает происхождение от фам. **Кутузов**, аналогично архаровец (Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера). – лицо капитализма: конечно. где думаешь ему глаз выбили? – *Baldu Man*: Буанапартэ лучшие знает. У него и спросите! – Светлана Латина: Это **название для тюрьмы**, возможно, было образовано из заимствованного из тюркских языков **кутуз** – “узелок с вещами”⁴.

6. Можно предположить, что активному распространению в последнее время универбата *Кутуза* способствует именно отсутствие у него омонимичных форм, а не только общее снижение стилистики разговорной речи.

Литература

- Григорий ВИНОКУР, 1965: Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи. ЗЕМСКАЯ, Елена, ШМЕЛЕВ, Дмитрий (отв. ред.). *Развитие лексики современного русского языка*. Москва: Наука, 29–38.
- Елена ЗЕМСКАЯ, 1992: *Словообразование как деятельность*. Москва: Наука.
- Александр ИСАЧЕНКО, 1958: К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. *Slavia*. Roč. XXVII. Seš. 3, 338–342.
- Владимир ЛОПАТИН, 1978: Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов. КОТЕЛОВА, Надежда (отв. ред.). *Новые слова и словари новых слов*. Ленинград: Наука, 72–80.
- Владимир ЛОПАТИН, 1997: Универбация. КАРАУЛОВ, Юрий (отв. ред.). *Русский язык: энциклопедия*. Москва: Большая российская энциклопедия, 557.
- Геннадий НИКОЛАЕВ, 2012: Универбаты и субстинтиваты и истории русского словообразования. ДРАГИЋЕВИЋ, Рајна (гл. ур.). *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима*. Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. Београд: Филолошки факултет, 245–254.

⁴ Заметим, что в словаре Даля приводится и другое значение слова и связанные с ним производные: “кутуз, кутузик – подушка, на которой плетут кружева. || Костр. узел, вещи в узле. *Куту́зный*, к кутузу относящийся. *Куту́зник*, *куту́зница*, кто делает, продает кутузы”.

Леонид САХАРНЫЙ, 1974: Словообразование как синтаксический процесс. МУРЗИН, Леонид (гл. ред.). *Проблемы структуры слова и предложения*. Пермь: Издательство ПГУ, 17–19.

Леонид САХАРНЫЙ, 1980: *Словообразование в речевой деятельности (образование и функционирование слова в русском языке)*: автореф. дис. д-ра филол. наук. Ленинград: ЛГУ.

Надия Янко-ТРИНИЦКАЯ, 1964: Процессы включения в лексику и словообразования. МУЧНИК, Иосиф, ПАНОВ, Михаил (отв. ред.). *Развитие грамматики и лексики современного русского языка*. Москва: Наука, 43–49.

On the *Poklonka* – from *Kutuza*? *Kutuzka*? *Kutuzovka*? (Variability and Homonymy of the Univerbation in the Moscow Toponymy)

Univerbation, one of the compressive word-formation varieties, is nowadays the most productive in all areas of the nomination, including onomastics and toponymy. In the Russian language among nouns formed in this way, the first place in terms of productivity is occupied by those that are produced with the suffix *-k(a)*.

In the Moscow toponymy, we find a lot of nouns with the suffix *-k(a)*, including the name of the actively visited by tourists complex on Poklonnaya Hill, as well the name of Kutuzovsky Prospekt leading to it: in the slang toponymy it is *Poklonka* without variants and three versions of the univerbated nominations *Kutuza*, *Kutuzka*, *Kutuzovka*, which are not only characteristic of colloquial speech, but also mastered by fiction, publicism and pop culture. Variants differ stylistic color from neutral to vulgar. In addition, the version of *Kutuzka* is homonymous to the noun denoting the place of detention of prisoners, the prison. Homonymy provides an opportunity for a language game, but this opportunity is rarely used. The most widespread are jargon nominations that do not have homonyms.

Irena Stramljič Breznik

Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru, Slovenija, Maribor
irena.stramljic@um.si

UNIVERBIZACIJA V SLOVENSKI SLOVARSKI PRAKSI

Uporaba termina in teoretično razpravljanje o univerbizaciji v slovenski besedotvorni teoriji nima tradicije niti v starejši niti v novejši literaturi vse do prvega desetletja 21. stoletja.

Je pa zato teoretična obravnava obširnejša v drugih slovanskih jezikih, čeprav je tudi tukaj razumevanje univerbizacije pogosto definicijsko in terminološko neenotno.

Za slovenski terminološki približek poimenovanju univerbizacija lahko štejemo izraz poenobesedenje, ki je naveden v *Enciklopediji slovenskega jezika* Jožeta Toporišiča, vendar je iz razlage razvidno, da gre v tem primeru za razumevanje univerbizacije v širšem smislu. Šele v sodobni slovenski leksikografski praksi, in sicer v *Slovarju novejšega besedja* (SNB 2012) se termin uporablja v ožjem smislu, ki ustreza uveljavljeni slavistični interpretaciji, da gre za poenobesedenje ustaljene besedne zveze (sintagme) v eno besedo (tvorjenko) najpogosteje s pomočjo tvorbenega obrazila (sufiksa).

S te ožje perspektive bodo v *Slovarju novejšega besedja* pregledane iztočnice, ki vsebujejo razlago "univerbizirano iz", z namenom, da predstavimo skladenjsko-, besedotvornopodstavne, obrazilne in pomenske lastnosti tako nastalih tvorjenk.

Ključne besede: besedotvorje, sufiksalna univerbizacija, slovenski jezik, slovaropisje

In Slovene word-formational theory, the term univerbation has not been a subject of theoretical studies and discussion until the first decade of the 21st century. Theoretical discussions of univerbation have been more active in other Slavic languages, although these discussions do not offer a unified understanding or terminology of the concept of univerbation.

The Slovene term closest to univerbation is the expression poenobesedenje ('turning into a single word') used by Toporišič in the *Enciklopedija slovenskega jezika* 'Encyclopaedia of the Slovene language', although it is clear from the given explanation that Toporišič's understanding of univerbation is very broad. The term defined more narrowly and corresponding to the established interpretation in Slavic linguistics is first used in contemporary Slovene lexicographic practice in the *Slovar novejšega besedja* 'Dictionary of new words' (SNB 2012). Here the concept of is interpreted as turning an established word phrase (a syntagm) into a single word (a derived word) mostly with the use of suffixation.

Taking this into account, the paper looks at the entries from the Slovar novejšega besedja ('Dictionary of new words') which include the explanation "unverbiated from", with the purpose of presenting the characteristics of the syntactic base, word-formational base, affixes and semantic properties of such formations.

Key words: word-formation, suffixed unverbation, the Slovene language, lexicography

1. Univerbizacija v slovenistiki

1.1. Pregled temeljnih monografskih opisov slovenskega besedotvorja (Bajec 1950–1959; Toporišič 42000; Vidovič Muha 22011) kaže, da v njih univerbizaciji ni bilo posvečene večje pozornosti. To je po svoje presenetljivo iz več razlogov.

Prvi je povezan z A. Isačenko, ki je konec tridesetih let 20. stoletja nekaj časa predaval tudi na ljubljanski in nato od 1970 do smrti v neposredni bližini, tj. na celovski univerzi. Kljub intenzivnim raziskovalnim stikom s slovenistiko njegovo delo, citirano v vseh slovanskih delih, ukvarjajočih se z univerbizacijo, ni našlo odmeva med slovenskimi jezikoslovci. Isačenko namreč prvi omenja univerbizacijo tako s stališča sinhronije, znotraj katere jo pojmuje kot aktivni besedotvorni proces, kot s stališča diahronije, znotraj katere jo razume kot tendenco preraščanja večbesednega poimenovanja v enobesedno (Isačenko 1958 po Babanov 1994: 125).

Drugi razlog izhaja iz dejstva, da je bilo slovenistično jezikoslovje s terminom seznanjeno vsaj posredno, saj so Tine Logar, Jože Toporišič, France Tomšič in Anton Bajec aktivno sodelovali pri sestavi slovenskega dela lingvistične terminologije v delu *Slovník slovanské lingvistické terminologie* (Jedlička 1977) in za slovenski ekvivalentni termin predlagali izraz *univerbizacija*.

Tretji pa je povezan s poljsko jezikoslovko Danuto Buttler (Buttler 1977: 435–448) in njeno objavo članka v Slavistični reviji z naslovom *Niektore problemy opisu zjawisk uniwebizacije*, ki je odpiral metodološka vprašanja opisov univerbizacije. Avtorica je dala smernice opisa univerbizacije tako v posameznem jeziku kot tudi smernice za primerjalni opis pojava v sorodnih jezikih. Po njenem mnenju analiza v določenem jeziku namreč mora voditi k ugotovitvam o: (a) besednovrstnosti univerbizmov;¹ (b) tipologiji besednih zvez, pretvarjajočih se v lekseme; (c) obrazilni specializaciji za univerbizacijo; (č) aktivnosti tvorbenih postopkov pri nastajanju

¹ V slovenskem povzetku avtoričine razprave je prvič uporabljen termin *univerbizem* za tvorjenko, ki je rezultat univerbizacijskega postopka.

univerbiziranih poimenovanj; (d) razmejitvi univerbizacije od modelnega oblikoslovnega besedotvorja. Medtem ko mora protistavno opazovanje univerbizacije med sorodnimi jeziki prinesti spoznanja o: (a) skupnih in specifičnih univerbizacijskih obrazilih; (b) istosti ali pomenski različnosti univerbiziranih tvorjenk; (c) primerljivosti besedotvornih postopkov univerbizacije ali njihovih specifičnosti v posameznem jeziku. Kljub podanim preglednim metodološkim smernicam za raziskovanje univerbizacije na ta prispevek v slovenskem besedotvorju ni bilo odzivov. Predstavlja pa terminološki prirast, saj širi specifični izrazijski nabor, tj. ob *univerbizaciji* je v slovenskem povzetku uporabljeno še slovensko poimenovanje *poenobesedenje*, tvorjenka kot rezultat univerbizacije je, sledeč poljskemu terminu, poimenovana eno- (*univerbizem*) in dvobesedno (*univerbizirano poimenovanje*), za obrazila pa se uporabi termin *univerbizacijska obrazila*.

1.2. Termin *poenobesedenje* kot iztočnico brez mednarodne vzporednice ohranja kasneje tudi Toporišič v *Enciklopediji slovenskega jezika* (1992: 187) v dveh pomenih:

1. Nastanek ene besede iz dveh ali več besed, npr. *seveda* iz *se ve, da*. – Prim. sklapljanje.
2. Zamenjava dvo- ali večbesednega poimenovanja z enobesednim po besedotvornem postopku, npr. *nedovršni glagol* > *nedovršnik*, *cesta za avte* > *avtocesta*, *drugi/nížji predsednik* > *podpredsednik*.

Iz primerov se vidi, da je prototipni primer za pojmovanje današnje univerbizacije le prvi primer pod točko 2, medtem ko druga dva ne ustrezata. Prvi pomen pa kaže na razumevanje *poenobesedenja* v (pre)širokem smislu kot rezultat katerega koli besedotvornega postopka, katerega rezultat je tvorjenka.

V vseh izdajah slovnice, tudi v zadnji, ki jo je še sam pripravil (Toporišič 2000), pa termina *poenobesedenje* ali *univerbizacija* več ne najdemo.

1.3. Na *poenobesedenje* (*univerbizacijo*), s katerim priraščajo leksemi, za katere je pogosto značilna inherentna pogovornost, ki pa jo tak izraz sčasoma lahko tudi izgubi in se nevtralizira, je v kontekstu leksikalnega pomenoslovja opozorila še Vidovič Muha (2000: 100). Postopek *poenobesedenja* opiše kot opustitev jedra besedne zveze oz. možnost njegovega morfemiziranja.²

² Avtorica (Vidovič Muha 2000: 101) navaja naslednje tipe, za katere dodajamo le vzorčni primer: poimenovanja študentov (*biolog* <študent biologije>), izdelek glede na

1.4. Zaradi slovensko-poljskih lingvističnih stikov so nastale tri razprave Wtorkowske, objavljene v poljščini, in to na Hrvaškem in Poljskem. Avtorica (Wtorkowska 2009: 151–161) na podlagi poljske teorije predstavlja pojave univerbizacije v slovenščini, ki najpogosteje nastajajo s sufiksacijo (npr. *kopirec* ← *kopirni stroj*, *tiskovka* ← *tiskovna konferenca*, *brezplačnik* ← *brezplačni časopis*) in tudi z elipso (*Bavarski* ← *Bavarski dvor*, *tatarski* ← *tatarski biftek*). Nato pa predstavi še nekatere posebnosti tako nastalih tvorjenk, kot so možna sprememba spola (*bolniška* ← *bolniški dopust*), rezultat tvorbe so lastna in občna imena (*Blej(e)c* ← *Bljesko jezero*; *mariborčan* ← *vlak za Maribor*), opažena je večpomenskost takih tvorjenk (npr. *podiplomec* 1. ‘podiplomski študent’, 2. ‘dom za podiplomske študente’, 3. ‘podiplomski študij’) in možna njihova variantnost (npr. za *kemični svinčnik*: *kemičnik*, *kemik* in *kemični*).

Druga dva avtoričina prispevka pa sta slovensko-poljsko protistavno naravnana. V prvem (Wtorkowska 2010: 105–115) da primerjalni pregled za poenobesedenja z izpustom in posamostaljenjem, ki nastaja z elipso jedrnega samostalnika (*tatarski biftek* > *tatarski*), ter izpustom in deadjektivizacijo, tj. z opustitvijo jedrnega samostalnika iz samostalniške besedne zveze (*Filozofska fakulteta* > *filozofska*). Poleg redkejših sprememb spola nastalih tvorjenk (*porodniški dopust* (m) > *porodniška* (ž)), lastnoimen-skosti (*Kongresni trg* > *Kongresni*) opozori še na možnost homonimije (*kranjska* < *mesto Kranjska Gora*³ in *kranjska* < *kranjska klobasa*).

V drugem (Wtorkowska 2011: 27–38) pa prikazuje izbrane procese univerbizacije v obeh jezikih, ki so lahko vzporedni (pol. *Morze Adriatyckie* > *Adriatyk* je primerljivo slo. *Jadransko morje* > *Jadran*) in pri katerih gre pogosto za krajšanje podstavnega pridevnika. Obstajajo pa tudi tvorbeno različni pojavi, npr. pol. *koń arabcki* > *arab* proti slo. *arabski konj* > *arabec*, ker gre v slovenščini za krajšanje podstavnega pridevnika in nato sufiksacijo z npr. v danem primeru *-ec* ali pri drugih primerih z drugimi obrazil.

---

snov (*baker* ‘posoda iz bakra’), pasme živali (*belgijec* ‘konj belgijske pasme’, širše znani termini (*deci* ‘deciliter’), prevozna sredstva (*dolenjec* ‘vlak za Dolenjsko’; *spalnik* ‘spalni vagon’), pridelki (*vipavec* ‘vino iz Vipave’), osebe, poimenovane po podjetju (*smeltovec* ‘delavec v tovarni Smelt), znamke avtomobilov (*fičko* ‘avtomobil znamke Fiat’), poimenovanja iz krajšav (*eldeesovec* ‘član stranke LDS’), igranje določenih iger (*biljar-dirati* ‘igrati biljar’), leksemi iz (stvarnih) lastnih imen (*kalodont* ‘pasta za zobe po znamki Kalodont’).

³ Avtorica ima zemljepisno lastno ime v drugem delu pisano z malo začetnico, kar ni v skladu z veljavnim pravopisom.

Wtorkowska (2011: 36–37) ugotavlja, da je fleksijska derivacija pogostejša v poljščini kot slovenščini. Paradigmatska derivacija in dezintegracija, kot je npr. adideacija, sta sicer prisotni v obeh jezikih, a s to razliko, da je v poljščini tako nastali leksem najpogosteje rezultat spremenjene paradigme, h kateremu prispeva krajšanje, v slovenščini pa primerljive tvorjenke nastajajo s sufiksacijo ali substantivizacijo (pol. *lewisy, teksasy, kontakty* proti slo. *leviske, bizeljčan, štajerka, kranjčan; glasbena, plesna*). Procesi adideacije pa prispevajo k ekspresivnosti in homonimiji tako nastalih univerbizmov.

1.5. V okviru pojava konverzije v slovenščini, ki se širi tudi s prevzemanjem leksike, je Žele (2015: 65–77) predstavila konverzijo v razmerju do univerbizacije. Ugotavlja, da konverzijo ali sprevrženje kot vrsto izpeljave obravnava že Toporišič (2000: 157), hkrati pa jo je mogoče obravnavati kot možni zaključni del poenobesedenja z izpustom (*lepota ← ženska z lepoto*). Tako poenobesedenje kot konverzijo družijo izrazna gospodarnost, vendar poenobesedenje zahteva tudi popolno ohranitev pomena (*osebna* (izkaznica)), medtem ko konverzija z leksikalizacijo lahko izgubi del motivirajočega pomena. S tem je posredno opozorila, da ni vsaka konverzija tudi tip univerbizacije v ožjem smislu.

1.6. Z omenjenimi avtorji je teoretično razpravljanje o univerbizaciji v slovenistiki izčrpano.⁴ Razprave se na slovenskem gradivu fragmentalno ali primerjalno dotikajo narave univerbizacije, do katere ni metodološko sistematičnega pristopa, kot ga je sugerirala poljska razprava s konca sedemdesetih let 20. stoletja (Buttler 1977).

Čeprav ugotavljamo odsotnost teoretičnega pristopa k univerbizaciji, pa to ne pomeni, da v slovenskem tvorbenem sistemu tega pojava ni. Na to je opozoril Čorić (2008: 163), ki v razpravi o *Univerbizaciji* poleg srbskih in nemških zgledov vključi primerjalno tudi slovenske, in sicer *generalka, masovka, motorka, nuklearka, neonka*⁵ in *totalka*.

⁴ Omeniti velja še dve diplomski deli pod mentorstvom A. Žele, in sicer *Pomenotvorno-besedotvorne lastnosti leksike s področja učenja klavirja* (Žitnik 2013) in *Poenobesedenje z vidika sistemske predvidljivosti* (Anželj 2015).

⁵ Avtor se gradivno sklicuje na SSKJ oz. potrditve na spletu. Prav tako navede, da iztočnice *neonka* v pomenu 'neonska luč' v SSKJ še ni, čeprav je tipična v pogovornem jeziku.

2. Univerbizacija v južnoslovanskih jezikih

2.1. Teoretične pristope k univerbizaciji bomo po načelu največje jezikovne sorodnosti slovenščine z drugimi slovanskimi jeziki predstavili s pregledom le južnoslovanske lingvistične tradicije.

2.2. Vsaj za kroatistiko lahko ugotovimo podobno stanje kot v slovenistiki. Pri najcelovitejšem popisu besedotvornega sistema hrvaščine (Babić ³2002) tudi v tretji izdaji ne najdemo ključnega termina *univerbizacija*, in to niti v teoretičnem delu (Babić 2002: 23–67) niti pri posameznem obrazilu.⁶

2.3. Nasprotno je univerbizaciji v srbistiki posvečena velika pozornost, podrobnejši pregled avtorjev in pristopov najdemo v Milašin, zato bomo v nadaljevanju izpostavili le nekaj ključnih avtorjev in dejstev.

O univerbizaciji v srbskem jeziku v 90. letih 20. stoletja obširneje razpravljata dva avtorja: Otašević (1997: 52–63) in Ćorić (1991: 325–334, 1996: 60–64, 2008: 161–165).

Otašević predstavi razumevanje univerbizacije v širšem smislu kot pojava jezikovne ekonomije (komunkacijska funkcionalnost) na vseh jezikovnih ravlinah. Ožji smisel pa predstavlja razumevanje univerbizacije na leksikalnem nivoju, ko gre za postopek:

(a) monoleksikalizacije s pomočjo: derivacije (*nuklearka – nuklearna elektrarna*),⁷ substantivizacij (*dežurni učenec – dežurni*), sinekdohe (*predmeti iz srebra – srebro*) in zlaganja (*igralac prve lige – prvoligaš*); in (b) simplifikacije večbesednih zvez: znotraj konteksta (*vlada RS – Vlada*) ali z abreviacijo (*Slovenska akademija znanosti – SAZU*).

Posebej opozori, da najožja definicija za rezultat univerbizacije, tj. *univerbat*,⁸ šteje le take tvorjenke z vzporedno sinonimno sintagmo, ki ima značaj ustaljene jezikovne nominacije.

Univerbatom se pogosto pripisuje socialnozvrstna zaznamovanost, saj so običajnejši v pogovornem jeziku ali žargonu, čeprav se lahko pojavljajo tudi kot stilno nevtrala leksika in so razumljeni kot fakultativni enobe-

⁶ Preverili smo npr. izpridevniško tvorbo z obrazilom *-ka* (Babić 2002: 284), ki velja za eno bolj tipičnih obrazil pri sufiksalsni univerbizaciji, pri kateri je brez posebnega komentarja naveden tudi prototipični primer univerbizacije *nuklearka* (*nuklearna centrala*) z večbesednim ustreznikom v oklepaju.

⁷ Primeri so prevedeni ali prilagojeni tako, da ustrezajo slovenskim.

⁸ Avtorjev izraz.

sedni izrazi za ustaljene večbesedne izraze. Zato univerbati postajajo vse pogostejše vključeni v nevtralne kontekste jezika, s čimer se jim postopno odpira pot do stilno nevtralne leksike, njihovi večbesedni ustrezniki pa lahko ostajajo na obrobju knjižnega jezika. Kljub temu so univerbati v slovarje vključeni z določenim zadržkom. Otašević (1997: 55) razlikuje sekundarne univerbate, tj. po primeru sodeč, zloženske, ki zamenjujejo samostalniško besedno zvezo z levim prilastkom, ki je izrazljiva še bolj analitično s samostalniško besedno zvezo z desnim prilastkom (*malokaliberka – malokalibrska puška – puška malega kalibra*), in univerbate, ki so rezultat derivacije (*neonka – neonska svetilka*).

V obsežnejšem navajanju primerov iz različnih časopisnih virov avtor ugotavlja, da je med njimi več univerbatov v ožjem smislu, ki nastajajo z dodajanjem sufiksa na polno (*grupni seks – grupnjak*) ali krnjeno osnovo odvisne sestavine (*banlinijac – banlinijski prevoznik*), med obrazili pa prevladujejo *-ac*, *-ak* in *-jak*.

2.4. Ćorić (2008: 161–165) univerbizacijo razume kot jezikovno racionalizacijo in ekonomičnost izražanja. Poseben tip univerbizacije je krajšanje dvočlenskih, sintagmatskih poimenovanj v tvorjenke sufiksalnega tipa. V prispevku obravnava samo imenske izpeljanke, ki imajo semantične ekvivalente v sintagmah. Vsebinsko med večbesednim ustreznikom in tako nastalo izpeljanko po njegovi oceni ni razlike, razlika je le na izrazni ravni in razširjenosti v rabi: sintagma pripada knjižnemu jeziku, medtem ko je univerbizirana forma oz. *univerb*⁹ značilnejši predvsem za pogovorni in profesionalni jezik. Podobno kot Otašević ugotavlja, da se zato redko pojavljajo v slovarjih, in to vsaj iz dveh razlogov, ker so zaznamovani in ker gre za večinoma nove besede. Derivati, nastali z univerbizacijo, pripadajo isti besedni vrsti (samostalnikom), imajo enako motivirajočo besedo (pridevnik) in pogosto imajo obrazilo *-ka*.

Glede na podstavni pridevnik loči dva tvorbena modela, in sicer z okrnjenim pridevnikom na *-ni* (*generalna proba – generalka*) ali *-ski* (*neonska cev – neonka*) in to ponazori z nekaj primeri za srbski, slovenski (*generalka, masovka, motorka, nuklearka, neonka, totalka*) in nemški jezik.

Čeprav so nastali izraz krajši, pa po avtorjevih ugotovitvah, nimajo prednosti pred večbesedno ustreznico. Pojavljajo se namreč v pogovornem, strokovnem ali žargonskem jeziku. Večbesedna ustreznica ima zaradi svoje enoznačnosti in pomenske razvidnosti celo prednost, kar se pri enobe-

⁹ Avtorjev izraz.

sednih izrazih pokaže kot pomanjkljivost, saj pri njih večini te semantične enoznačnosti ni, celo nasprotno, pogosto so večpomenski, npr. v slovenščini (*generalka*: 1. 'generalna vaja', 2. geogr. 'topografska karta', 3. 'nosilka najvišjega čina', 4. zastar. 'generalova žena').

2.5. Klajn (2003: 9) zgolj povzema opredelitev po zgodnejši razpravi Čorića (1991: 327), da gre za proces pretvarjanja večbesedne sintaktične konstrukcije, najpogosteje iz pridevnika in samostalnika, v eno besedo s tvorbenimi sredstvi. Sufiksi se pogosto ujemajo s spolom jedrne besede, a ne obvezno (*crno vino* > *crnjak*). Redkejše so tročlenske sintagme, kot so npr. *dobitnik Nobelove nagrade*¹⁰ > *nobelovac*. *Univerbacije*¹¹ so večpomenske, kot primer se navaja zgled po Čoriću (*generalka*). Za univerbacijo pa Klajn šteje samo tvorjenke, ki so očitno nastale iz večbesednih zvez. Zato se mnoge take tvorjenke večinoma uporabljajo v govoru ali profesionalnih žargonih, medtem ko imajo vzporedna večbesedna poimenovanja prednost v knjižnem jeziku.

2.6. *Univerbacija* v bosanskem jeziku je natančno predstavila Šehović (2012: 407–417), ki prav tako najprej izpostavi definicijsko in poimenovalno različnost in se v prispevku opredeli za ožje razumevanje univerbacije kot postopka pretvorbe sintagme v eno besedo s pomočjo sufiksa. Za ponazorilo živosti uporabi raziskave bosanskega pogovornega jezika, gradiva iz časopisov, revij in spletnih besedil na različnih portalih, saj izhaja iz že v drugih jezikih opaženih zadržkov leksikografov (Šehović 2012: 408) pri vključevanju *univerbov*¹² v slovarje.

Za motivatorje univerbov štejejo težnja jezikovne ekonomije in ekspresivizacija leksike. V pogovornem jeziku so pogosti kot odraz težnje, da se govori neposredno, ekonomično in hkrati tudi ekspresivno. Avtorica se usmeri na imenske univerbe, ki so najpogostejše izpeljanke z obrazili *-ac* (*anonimac*), *-(j)ak* (*crnjak*), *-aner* (*perzijaner*), *-ica* (*slatkica*), *-ič* (*krimič*), *-k(a/e)* (*halogenka*, *leviske*).¹³

Tvorbeno podstavo predstavljajo nekrnjeni (*prefriganac* 'prefrigan, lukav čovjek') ali krnjeni pridevnik (*anonimac* 'anonimna osoba'). Lahko pa

¹⁰ Vsaj v slovenščini bi bila možna tudi posredna dvočlenska zveza *Nobelov nagrajenec* > *nobelovec*.

¹¹ Avtorjev izraz.

¹² Avtoričin izraz.

¹³ Primeri so izbrani po izboru avtorice prispevka.

univerbi nastajajo tudi iz samostalnikov, npr. *metalac* ‘onaj koji radi u industriji metala’ odnosno “metalski radnik”.

Kot zanimivost velja omeniti, da je avtorica izpostavila tudi nekaj glagolskih univerbov na *-irati* (*brendirati, imejlirati, keširati, komplimentirati, biciklirati*) in *-isati* (*silikonisati*). Sklep razprave je potrdil univerbациjo kot pomembno značilnost bosanskega pogovornega jezika.

3. Univerbizacija v *Slovarju novejšega besedja*

3.1. Kot je bilo uvodoma izpostavljeno, se v slovenistiki s tolikšno sistematičnostjo k raziskovanju univerbizacije ni pristopalo. Šele v sodobni slovenski leksikografski praksi, in sicer v *Slovarju novejšega besedja* (SNB 2012) se v etimološkem razdelku slovarskih iztočnic pri 94 leksemih pojavlja izvorno motivirajoča zveza, označena z opisom “univerbizirano iz”, in to v primerih, “/k/adar se jedrna beseda prvotne besedne zveze poobrazili in pri tem obrusi /.../” (SNB 2012: 46), npr.

anonímka -e ž (î)

sporočilo, ki nima navedenega avtorjevega imena: *napisati anonimko; avtor anonimke; pisec anonimke; Prisegam, da je vse, kar sem napisal v anonimki, resnica* **E** ← hrv., srb. *anònimka*, univerbizirano iz *ànonimna pòruka* ‘anonimno sporočilo’

regionálka -e [regijonalka] ž (â) regionalna cesta: *odsek regionalke; rekonstrukcija regionalke; Voznik škode je z regionalke zavil levo v vas, takrat pa mu je nasproti pripeljal voznik passata, ki se mu ni uspelo izogniti trčenju* **E** univerbizirano iz *regionálna césta*

3.2. V nadaljevanju bomo z uporabo terminološkega (*univerbizacija* in *univerbat*) in metodološkega aparata, uveljavljenega zlasti v raziskavah pojava v južnoslovanskih jezikih, predstavili bistvene značilnosti v slovarju zajetih univerbatov, ki vsi pripadajo le besedotvornemu (sufiksalnemu) tipu univerbizacij. Zanje je značilno, da podstavo tvori pridevnik kot odvisna sestavina iz večbesednega ustreznika, jedrna sestavine večbesedne zveze pa se poobrazili (*tiskovna konferenca* → *tiskov-ka*).

3.2.1. Temeljni pogoj za univerbizacijo je razmerje med ustaljeno večbesedno zvezo in njeno poenobesedeno tvorjenko. Slovarski primeri so bili glede izpolnjevanja tega merila preverjeni v nacionalnem korpusu Giga-

fida in v iskalniku Google, za katerega je bil uporabljen iskalni pogoj z uporabo narekovajev, ki daje število pojavitev zgolj za iskano obliko.

Preglednica 1: *Pojavitve besednih zvez in univerbatov v korpusu Gigafida in iskalniku Google¹⁴*

UNIVERB : SBZ	GIGAFIDA	GOOGLE
<i>agresivec : agresiven človek</i>	51 : 111	1.470 : 409
<i>anonimka : anonimno sporočilo</i>	2.974 : 138	154.000 : 1.430
<i>antivirusnik : antivirusni program</i>	18 : 291	11.500 : 193.000
<i>biseksualec : biseksualen človek, moški</i>	536 : 2/27	318.000 : 1/656
<i>boksarice : boksarske kratke hlače</i>	503 : 1	519.000 : 10
<i>bolšjak : boljši trg</i>	576 : 930	20.200 : 154.000
<i>brisalka : brisalna tipka</i>	46 : 0	8.660 : 1
<i>cedejka : CD-plošča</i>	640 : 519	1.420 : 18.000
<i>daljinec : daljinski upravljalnik</i>	2.322 : 2.482	134.000 : 208.000
<i>depresivec : depresiven človek</i>	117 : 339	571 : 68.400
<i>devetletka : devetletna osnovna šola</i>	10.753 : 1.643	28.100 : 2.770
<i>digitalec : digitalni fotografski aparat</i>	521 : 84	7.390 : 623
<i>dlančnik : dlančni računalnik</i>	5.408 : 33	16.700 : 109
<i>dodiplomec : dodiplomski študent</i>	17 : 256	59 : 2030
<i>dolenjka : dolenska avtocesta</i>	1.949 : 1.279	23.600 : 21.300
<i>dolgometažec : dolgometažni film</i>	31 : 142	4.460 : 3.890
<i>dopoldanec : dopoldanski uslužbenec, vlomilec</i>	9 : 0/11	109 : 0/1
<i>dostavnik : dostavni avtomobil</i>	2.165 : 149	57.200 : 3.310
<i>dovoznica : dovozna cesta</i>	22 : 1.288	133 : 8.620
<i>dunajec : dunajski zrezek</i>	11 : 672	2.300.000 : 105.000
<i>dvopasovnica : dvopasovna cesta</i>	497 : 143	2.820 : 2.020
<i>eksterec : eksterni izpit</i>	492 : 47	210 : 135
<i>emocionalec : emocionalen človek</i>	5 : 2	169 : 375
<i>enoprostorec : enoprostorni avtomobil</i>	4.651 : 11	144.000 : 227
<i>fatalka : fatalna ženska</i>	951 : 465	85.900 : 20.700
<i>fotokopirec : fotokopirni stroj</i>	59 : 1.150	831 : 30.400
<i>fotokopirnica : fotokopirna delavnica</i>	424 : 0	119.000 : 7.170
<i>heteroseksualec : heteroseksualen človek</i>	837 : 17	132.000 : 8
<i>hrbteničar : hrbtenični bolnik</i>	47 : 13	857 : 111
<i>individuallec : individualen človek</i>	248 : 18	1.700 : 55
<i>japonec : japonski avto</i>	21.020 : 118	915.000 : 2.200

¹⁴ Dostopanje do podatkov obeh virov je bilo opravljeno aprila 2017.

UNIVERB : SBZ	GIGAFIDA	GOOGLE
<i>jeklenica : jeklena vrva</i>	1.068 : 789	13.600 : 12.300
<i>jutranjik : jutranji napovedovalec</i>	671 : 2	9.240 : 3
<i>kampanjec : kampanjski učenec</i>	14 : 1	254 : 67
<i>komercialka : komercijalna televizija</i>	498 : 3.167	10.600 : 7.100
<i>kontemplativec : kontemplativen človek</i>	5 : 2	1.860 : 2
<i>korejec : korejski avtomobil</i>	4.844 : 182	72.600 : 280
<i>kratkometražec : kratkometražni film</i>	52 : 313	1.660 : 52.200
<i>kristalka : kristalna solata</i>	517 : 2	26.100 : 9
<i>krmilka : krmilna tipka</i>	27 : 128	1.200 : 306
<i>kronik : kronični alkoholik</i>	67.439 : 118	9.840.000 : 5.190
<i>ležalka : ležalna podloga</i>	63 : 42	3.430 : 6.060
<i>lokalec : lokalni prebivalec, vlak, avtobus, radio</i>	734 : 967/157/303/696	32.600 : 2.910/4.880 /17.500/2.500
<i>magistralka : magistralna cesta</i>	1.588 : 3.817	3.000 : 19.400
<i>makadamka : makadamska cesta</i>	44 : 3.120	320 : 17.600
<i>marginalec : marginalen človek</i>	815 : 3	1.730 : 1
<i>masažnik : masažni aparat</i>	9 : 193	6.420 : 38.500
<i>maturanec : maturantski ples, izlet</i>	32 : 15/3	7.100 : 139.000/20.800
<i>mikrovalovka : mikrovalovna pečica</i>	610 : 2.748	14.400 : 268.000
<i>minimalec : minimalni dohodek</i>	548 : 1.026	14.000 : 6.690
<i>mobilec : mobilni telefon</i>	1.152 : 31.715	43.100 : 421.000
<i>nacionalka : nacionalna televizija, ustanova</i>	7.317 : 10.297/240	19.200 : 170.000/6.290
<i>nadnacionalka : nadnacionalna družba</i>	659 : 100	365 : 95
<i>negativec : negativen lik, človek</i>	2.184 : 132/72	17.400 : 2.030/531
<i>neonka : neonska žarnica</i>	316 : 52	211.000 : 869
<i>pehtranka : pehtranova potica</i>	27 : 255	3.450 : 52.100
<i>perzijec : perzijski maček</i>	1.368 : 19	1.570 : 278
<i>perzijka : perzijska mačka</i>	119 : 89	4.860 : 7.440
<i>plisirka : plisirana kikla, krilo</i>	7 : 0/51	3.120 : 894/3320
<i>popravec : popravni izpit</i>	189 : 4.509	404 : 38.900
<i>pozitivec : pozitiven človek</i>	377 : 272	4.250 : 9.410
<i>predšolec : predšolski otrok</i>	5 : 7.136	82 : 18.500
<i>prisilka : prisilna poravnava</i>	290 : 16.491	2.970 : 66.500
<i>računalnica : računalniška učilnica</i>	177 : 1.197	2.950 : 12.400
<i>radodajka : radodajna ženska</i>	109 : 1	30.900 : 2
<i>razvojniki : razvojni inženir, svetovalec</i>	1.143 : 401/9	6.990 : 8.130/6.120
<i>regionalec : regionalni predstavnik, prebivalec</i>	63 : 39/4	1.290 : 5.690/1
<i>regionalka : regionalna cesta</i>	739 : 10.576	5.790 : 27.800

UNIVERB : SBZ	GIGAFIDA	GOOGLE
<i>registrirnik : registrirni stroj</i>	9 : 0	377 : 3
<i>režimec : režimski človek</i>	16 : 26	1.360 : 155
<i>sociallec : prejemnik socialne podpore</i>	180 : 31	10.500 : 1.980
<i>spalka : spalna vreča</i>	241 : 2.212	24.200 : 72.900
<i>specialec : specialni policist, vojak</i>	4.666 : 29/5	9.800 : 37/9
<i>sprejemec : sprejemni izpit</i>	20 : 2.341	7 : 22.700
<i>starodobnik : starodobni avtomobil</i>	1.877 : 139	85.300 : 189
<i>strašilka : strašilna pištola</i>	28 : 125	21.700 : 747
<i>tatarec : tatarski biftek</i>	35 : 363	6.690 : 37.500
<i>terenec : terensko vozilo</i>	12.749 : 4.047	135.000 : 282.000
<i>težkometalec : težkometalni glasbenik</i>	62 : 1	222 : 10
<i>tiskovka : tiskovna konferenca</i>	843 : 41.995	215.000 : 93.200
<i>totalitavec : totalitaren človek</i>	50 : 1	680 : 3
<i>totalka : totalna škoda</i>	598 : 30	96.400 : 3.690
<i>trajnik : trajni nalog</i>	728 : 578	38.400 : 36.000
<i>transnacionalka : transnacionalna družba</i>	145 : 35	104 : 695
<i>transseksualec : transseksualni človek</i>	510 : 4	50.000 : 10
<i>triletka : triletno obdobje</i>	42 : 710	1.060 : 9.050
<i>trivialka : trivialna knjiga</i>	46 : 2	768 : 8
<i>učnik : učni program</i>	42 : 1.849	3.830 : 17.000
<i>večnacionalka : večnacionalna družba</i>	67 : 78	121 : 290
<i>vinilka : vinilna plošča</i>	397 : 584	15.900 : 3.160
<i>vzajemec : vzajemni sklad</i>	361 : 14.699	627 : 46.200
<i>zgoščenska : zgoščena plošča</i>	24.749 : 4	57.400 : 4
<i>žametke : žametne hlače</i>	31 : 168	5.230 : 30.700
<i>žvečilka : žvečilna guma</i>	554 : 648	13.000 : 2.520

Pregled frekvence pojavljanja tvorjenke ali besedne zveze v korpusu izpostavlja 19 enot, ki imajo število pojavitev pri eni ali drugi obliki nič ali zgolj enomestno število. Redkeje pojavljajoči se večbesedni ustreznik je pri 17 univerbatih: *boksarice*, *brisalka*, *emocionallec*, *fotokopirnica*, *ju-tranjik*, *kampanjec*, *konteplativec*, *kristalka*, *marginalec*, *radodajka*, *registrirnik*, *težkometalec*, *totalitavec*, *transseksualec*, *trivialka* in *zgoščenska*. Le pri dveh (*dopoldanski vlomilec* in *masažni aparat*) sta univerbata redkejša (*dopoldanec* oz. *masažnik*) in pri dveh primerih je odvisno od upoštevanega jedra večbesedne zveze, in sicer *maturantski izlet* je redkejši za univerbat *maturanec*, ki se pogosteje rabi za *maturanstki ples*, in *plisir-ka* je pogostejša v odnosu z besedno zvezo s sestavino *plisirana kikla*, a ne

v odnosu do *plisirano krilo*. Spletni podatki podpirajo podobne ugotovitve, le da je število pojavitev pogosto višje od korpusnega, kar je posledica dejstva, da je korpus Gigafida statične narave z zadnjimi podatki iz leta 2011.

Osemdeset odstotkov zbranih primerov potrjuje, da je razmerje med več- in enobesednim poimenovanjem trdno, saj je le dvajset odstotkov gradiva takega, kjer gre za številsko neuravnoteženo pojavitev med besedno zvezo in tvorjenko, ko je število pojavitev enomestno. Višja frekvenca v takih parih pogosto nastopi v korist tvorjenke.

3.2.2. Kot motivirajoče besedne zveze v postopku univerbizacije lahko nastopajo nevtralna večbesedna poimenovanja,¹⁵ večbesedni termini, frazemi in večbesedna lastna imena.

Gradivo univerbatov iz SNB potrjuje vsaj tri vrste skladijskih podstav. Med njimi najdemo precej primerov, za katere lahko ugotovimo, da izvirno prihajajo iz posameznih strokovnih področij npr. računalništva (*antivirusni program* → *antivirusnik*, *tablični računalnik* → *tabličnik*), šolstva (*devetletna osnovna šola* → *devetletka*, *dodiplomski študent* → *dodiplomec*, *popravni izpit* → *popravec*), cestne infrastrukture (*dovozna cesta* → *dovoznica*, *regionalna cesta* → *regionalka*) ipd., vendar je pri teh izrazih zaradi zelo široke in pogoste rabe prišlo že do determinologizacije, ki je definirana kot prehod termina v splošnosporazumevalno rabo oz. prehod termina iz terminologije v splošno leksiko, torej iz ozko specializiranih strokovnih ali znanstvenih besedil, ki nagovarjajo zelo specializiranega naslovnika, v besedila, ki so namenjena širši javnosti (Žele 2004a: 77–91, Žele 2004b: 133–148, Žagar 2005: 35–48).

Zelo pogoste so tudi nevtralne besedne zveze oz. kolokacije kot npr. *emotionalni človek* → *emocionalec*, *individualni človek* → *individualec*, *kristalna solata* → *kristalka*.

Medtem ko je v podstavi samo enega univerbata frazem (*fatalna ženska* → *fatalka*), izmed 94 primerov pa ni niti enega takega, ki bi izhajal iz lastnoimenske večbesedne zveze. To pa ne pomeni, da takih primerov ni. Spletno iskanje je dalo kar nekaj zgledov, med katerimi izpostavljamo ne-

¹⁵ Gre za termin, ki pokriva neterminološke, nefrazeološke in nelastnoimenske besedne zveze. V slovaščini so definirane kot ustaljene zveze, ki so skladijsko motivirane, in se v angleškem govornem okolju zanje uporablja izraz kolokacije. Vrbinčeva (Vrbinc 2001: 51) opredeli kolokacije kot “zveze dveh ali več besed, ki se pojavljajo v različnih predvidenih slovnčnih vzorcih, sopoljavljanje v takih slovnčnih vzorcih pa je pričakovano in ne naključno.”

kaj takih, ki do vključno SNB še niso bili uslovarjeni in so nastali iz imena blagovne znamke po vzorcu (*Peggy nogavice oz. nogavice Peggy* → *pegi-ce*) z različno stopnjo pisne podomačitve. Veliko primerov je vezanih zlasti na obutev (*najkice, tevice, alstarke, martinske, louboutinke, superstarke, jordanke, dcjevke, kroksice, uggice/ugice, vansice, lendlke, airmaksice, newbalanske, guessice/guesice*) ipd.

3.2.3. Večbesedni leksemi kot izhodišče za univerbizacijo so strukturno najpogosteje dvočlenski, sestavljeni iz pridevnika + samostalnika (96,8 %): *brisalna tipka* → *brisalka*; *fotokopirni stroj* → *fotokopirec*; *maturant-ski ples, izlet* → *maturanec*; *terensko vozilo* → *terenec*; *regionalna cesta* → *regionalka*. V zelo majhnem deležu (3,2 %) pa tročlenski s strukturo pridevnik + pridevnik + samostalnik: *boksarske kratke hlače* → *boksar-ice*, *devetletna osnovna šola* → *devetletka*, *digitalni fotografski aparat* → *digitalec*. Osamljen je primer s sestavinami samostalnik + pridevnik + samostalnik (*prejemnik socialne podpore* → *sociallec*).

3.2.4. Značilnosti podstavnih pridevnikov lahko opišemo glede na njihove obrazilne lastnosti. V 75,5 % prevladujejo pridevniki z obrazilom *-(en/len)*: *eksterni izpit* → *eksterec*, *magistralna cesta* → *magistralka*; 20,2 % je pridevnikov na *-(s/š)ki*: *makadamska cesta* → *makadamka*, *računalniška učilnica* → *računalnica*; majhen delež v naboru gradiva pa predstavljata obrazili *-ji* (2,1 %): *boljšji sejem* → *boljšjak*, *jutranji napovedovalec* → *jutranjik* in *-ov* (1 %) z edinim primerom *pehtranova potica* → *pehtranka*.

3.2.5. Obrazilne lastnosti podstavnih pridevnikov v univerbatih kažejo, da gre za tvorjene pridevnike, ki so nastali bodisi z izpeljavo (77,7 %): *kristalka* ← *kristalna solata (kristalen ← kristal)*; z zlaganjem (15,9 %): *starodobnik* ← *starodobni avtomobil (starodoben ← stare dobe)* in manjši delež (6,4 %) predstavljajo pridevniki, nastali s sestavljanjem: *dodiplomec* ← *dodiplomski študent (dosiplomski ← prej kot diplomski)*.

3.2.6. Podstavniki pridevnikov v procesu univerbizacije v 82 % doživijo krnitev (trunkacijo), in sicer obrazil: *-en/len (depresiv-ec ← depresiv-en¹⁶ človek; minimal-ec ← minimal-ni dohodek)*; *-ski/ški (dopoldan-ec ← dopoldan-ski uslužbenec, vlomilec; računaln-ica ← računalniška učilnica)* in obrazila *-ov (pehtran-ka ← pehtran-ova potica)*.

¹⁶ Tu se zastavlja vprašanje, ali ni v večbesednem ustrezniku, če je stalna zveza, nujna tudi vselej določna oblika pridevnika.

Delež primerov brez trunkacije je 18-odstoten in ga predstavljajo primeri: *-en + -ik* (*antivirusn-ik* ← *antivirusni program*); *-en + -ica* (*dvopasovnica* ← *dvopasovna cesta*); *-èn + -ka* (*zgoščen-ka* ← *zgoščèna plòščà*); *-ji + -ak* (*bolšj-ak* ← *bolšji trg*); *-ji + -ik* (*jutranj-ik* ← *jutranji napovedovalec*); *-0 + -ka* (*cedej-ka* ← *CD-ploščà*).

3.2.7. S pomočjo etimološkega slovarja je bilo na prikazan način preverjenih vseh 94 podstavnih pridevnikov glede na to, ali so prevzeti ali neprevzeti. Po načelu, kot ga vzorčno prikazujeta spodnja primera, je bil prvi pridevnik označen za prevzeti in drugi primer za neprevzeti leksem:

agresivec ← *agresiven*; SES (2016: 5): *agresija -e* ž 'napad, nasilje' (20. stol.), *agresīven*, *agrēsor*. Tujka, prevzeta in prilagojena prek nem. *Aggression*, *aggressiv*, *Aggressor* iz lat. *aggressiō* 'napad', kar je izpeljano iz glagola *aggredī* 'pristopiti, približati se' in 'napasti', ki je sestavljen iz *ad* (→ *ag-*) 'pri, k' in *gradī* 'stopati' (Kl, 13, LaÉ, 16, WH I, 615);

bolšjak ← *bolšji trg*; SES (2016: 5): *bolha -e* ž lat. 'pulex' (16. stol.), *bólhica*, *bōlšji*. Enako je hrv., srb. *bùha*, srb. *bùva*, rus. *bloxá*, češ. *blecha*. Pslovan. **bl̥xǎ* je dalje enako z lit. *blusà*, let. *blusa* in afgansko *vraža* 'bolha'. Sorodni, delno tabuistično spremenjeni izrazi za to žival so še gr. *psýlla*, stv-nem. *flōh*, nem. *Floh*, lat. *pūlex*, alb. *plesht*, arm. *lu-* in stind. *plúši-* 'bolha'. Izhodišče za baltoslovansko in afgansko besedo je ide. **b(h)lusah2* 'bolha', za ostale jezike je treba rekonstruirati začetni *p-* (Be I, 32, ES II, 129 s., Po, 102 s.).

S to metodologijo je bilo ocenjeno, da je 69,2 % podstavnih pridevnikov v univerbatih iz SNB prevzetih in 30,8 % domačih.

3.2.8. Slovnice lastnosti analiziranih univerbatov potrjujejo ugotovitve številnih raziskovalcev univerbizacije v južnoslovanskih jezikih, da je spol tvorjenke v razmerju do spola jedrne besede iz večbesedne zveze le redko spremenjen; v analiziranih slovenskih primerih je identičnost spola skoraj popolna. Pogojna izjema je *terenec* ← *terensko vozilo*, pri čemer je *vozilo* srednjega spola. Druga možna razlaga pa bi seveda bila, da je tvorjenka nastala iz besedne zveze *terenski avtomobil*. V SNB (posplošitev zaradi številsko in tipološko¹⁷ zelo omejenega gradiva ni mogoča) prevladujejo moškospolske tvorjenke (57,4 %) z opazno produktivnima obraziloma *-ec*

¹⁷ Spomniti velja, da imajo oznako "univerbizirano iz" samo univerbati, nastali iz enega (sicer prevladujočega sufikslanega) tipa univerbizacije.

in v manjši meri *-ik*, medtem ko je delež ženskopolskih tvorjenk nižji (43,6 %), pri ženskem spolu najvišjo produktivnost izkazuje obrazilo *-ka*.

Preglednica 2: Slovnične in obrazilne lastnosti sufikslnih univerbatov

Obrazilo in vzorčni primer	Št. primerov	Delež v %
<i>-ec (depressivec)</i>	41	43,6
<i>-ik (razvojniki)</i>	11	11,6
<i>-ak (boljšak)</i>	1	1,1
<i>-ar (hrbteničar)</i>	1	1,1
<i>-ka (prisilka)</i>	33	35,1
<i>-ica (jeklenica)</i>	5	5,3
<i>-ke (žametke)</i>	1	1,1
<i>-ice (boksarice)</i>	1	1,1
Skupaj moški spol	54	57,4
Skupaj ženski spol	40	43,6
Skupaj moški in ženski spol	94	100

3.2.9. Med istopodstavnimi univerbati je možna tudi obrazilna variantnost. Le-ta se v gradivu pojavlja pri desetih tvorjenkah, katerih variantnost in frekvenco smo preverjali v korpusu Gigafida. Krepko so označeni primeri, ki so bili že zajeti v SSKJ 1,¹⁸ spletno dostopnem in izdanem pred SNB. Opazimo, da imajo le štiri tvorjenke iz SNB (*depressivec*, *digitalec*, *dolgometražec* in *pehtranka*) kot novejšje besede višjo frekvenco v primerjavi z istopodstavno variantnoobrazilno že uslovarjeno tvorjenko.

Preglednica 3: Obrazilna variantnost univerbatov

Tvorjenka v SNB	Ocena pogostejše variante	Tvorjenka v korpusu Gigafida
<i>agresivec (51)</i>	<i>-ec < -ež</i>	<i>agresivnež (106)</i>
<i>depressivec (118)</i>	<i>-ec > -ež</i>	<i>depresivnež (29)</i>
<i>digitalec (521)</i>	<i>-ec > -ik</i>	<i>digitalnik (33)</i>
<i>dolgometražec (31)</i>	<i>-ec > -ik</i>	<i>dolgometražnik publ. (16)</i>
<i>individuallec (248)</i>	<i>-ec < -ist</i>	<i>individualist (1234)</i>
<i>mobilec (1152)</i>	<i>-ec < -ik</i>	<i>mobilnik (21.808)</i>
<i>pehtranka (27)</i>	<i>-ka > -ovka</i>	<i>pehtranovka (6)</i>
<i>režimec (16)</i>	<i>-ec = -ovec</i>	<i>režimovec slabš. (16)</i>
<i>totalitarec (509)</i>	<i>-ec < -ist</i>	<i>totalitarist (124)</i>
<i>žametke (31)</i>	<i>-ke < -ovke</i>	<i>žametovke (3397)</i>

¹⁸ Slovar slovenskega knjižnega jezika, www.fran.si, dostop april 2017.

3.2.10. Analiza slovenskega gradiva se pridružuje ugotovitvam drugih študij o univerbizaciji, saj je tudi v slovenščini največ univerbatov s pomenom nosilca/nosilnika lastnosti. Po pogostnosti so padajoče urejene z vzorčnimi primeri naslednje pomenske skupine: (1) poimenovanja oseb (26: *agresivec, biseksualec, depresivec* ...); (2) poimenovanja naprav (10: *daljinec, digitalec, dlančnik* ...); (3) poimenovanja prevoznih sredstev (7: *dostavnik, enoprostorec, starodobnik* ...); (4) poimenovanja infrastrukturnih in drugih objektov (7: *dovoznica, dvopasovnica, makadamka* ...); (5) poimenovanja s področja medijev (6: *dolgometražec, komercialka, tiskovka* ...); (6) poimenovanja s področja izobraževanja (6: *devetletka, eksterec, popravec* ...); (7) poimenovanja računalniške opreme (6: *krmilka, zgoščenska, antivirusnik* ...); (8) poimenovanja s področja prehrane (4: *dunajec, pehtranka, tatarec* ...); (9) poimenovanja pripomočkov (3: *jeklenica, ležalka, spalika*); (10) poimenovanja prostorov (3: *bolšjak, fotokopirnica, računalnica*); (11) poimenovanja podjetij (3: *nadnacionalka, transnacionalka, večnacionalka*); (12) poimenovanja oblačil (3: *boksarice, plisirka, žametke*); (13) poimenovanja s področja financ (3: *minimalec, trajnik, vzajemec*); (14) in poimenovanja drugih posameznosti (7: *anonimka, perzijka, totalika, učnik, žvečilka* ...).

3.2.11. Postopek univerbizacije je pogosto interpretiran kot rezultat jezikovne ekonomije in s tega stališča ima prednost v odnosu do večbesedne zveze. Vendar Čorić (2008: 164) ugotavlja, da ima sintagma prednost pred enobesednim poimenovanjem prav zato, ker je enoznačna in pomensko povsem jasna, medtem ko to ne velja za vse iz njih nastale tvorjenke, ki so lahko celo večpomenske. To lastnost potrjujejo tudi slovenski primeri. Izmed 94 univerbatov je bilo 86,2 % enopomenskih, 10,6 % je bilo dvopomenskih (*cedejka* 1. 'optična digitalna plošča za shranjevanje podatkov'; 2. 'podatki, navadno glasba, posneti na taki plošči'; *dopoldanec* 1. 'delavec v dopoldanski izmeni', 2. 'vlomilec'; *fatalka* 1. 'ženska, ki zaradi svoje lepote in nenavadnosti odločujoče, navadno negativno vpliva na moškega', 2. 'ženska, ki ima zaradi svoje lepote, ženskosti, uspešne kariere in karizme močen širši, medijski vpliv'; *fotokopirnica* 1. 'podjetje ali delavnica, ki se ukvarja s fotokopiranjem', 2. 'prostor za fotokopiranje'; *maturanec* 1. 'maturantski ples', 2. 'maturantski izlet'; *nacionalka* 1. 'osrednja državna televizija', 2. 'ustanova, zlasti kulturna, državnega, nacionalnega pomena'; *negativec* 1. 'literarna, filmska oseba s slabimi, nesprejemljivimi lastnostmi', 2. 'človek s slabimi, nesprejemljivimi lastnostmi'; *transseksualec* 1. 'komur so s pomočjo hormonske terapije in operacije spremenili spol', 2. 'moški, ki je bil pred hormonsko in kirurško spremembo spola ženska'; *triletka* 1. 'orientacijsko določeno triletno obdobje za preverjanje pote-

ka in učinkovitosti pouka v devetletni osnovni šoli', 2. 'obdobje treh let'; *zgoščanka* 1. 'optična digitalna plošča za shranjevanje podatkov', 2. 'podatki, navadno glasba, posneti na taki plošči'.

Tropomenski sta bila samo dva (2,1 %) univerbata (*lokalec* 1. 'prebivalec, pripadnik ožjega območja, določenega kraja', 2. 'lokalni vlak, avtobus', 3. 'lokalna radijska postaja' in *regionalec* 1. 'kdor si prizadeva za koristi, uveljavitev določene regije', 2. 'kar deluje na regionalni ravni', 3. 'prebivalec določene regije'.

Štiripomenski (1,1 %) je bil le en primer (*individualec* 1. 'kdor je mišljen, obravnavan izvzeto, ločeno od skupnosti ali celote; posameznik', 2. 'kdor zelo poudarja pomen in interese sebe kot posameznika, ne oziraje se na skupnost, družbo', 3. 'zasebnik, privatnik', 4. 'kdor prejema plačilo po individualni pogodbi'.

3.2.12. Večina raziskovalcev univerbizacije izpostavlja, da so univerbati stilno zaznamovani, in to pogosto pogovorno, saj je njihova raba pogostejša v govorjeni kot pisni komunikaciji. To je tudi eden izmed vzrokov, da je delež v slovarje zajetih univerbatov majhen. V SNB je presenetljivo 54,3 % univerbatov brez kakršnega koli kvalifikatorja (*anonímka, ántivírusnik, biseksuálec, bôksarice, brisálka, daljínec, devetlétka, dlánčnik, dòdiplómec, dolénjka, dostávník, dovóznica, dvópasóvnica, emocionálec, ênoprostórec, fotokopírnicá, héteroseksuálec, individuálec, jekleníca, kontemplátivec, kristálka, krmílka, ležálka, magistrálka, marginálec, masážnik, mikrovalóvka, nàdnacionálka, péhtranka, pêrzijec, pêrzijka, prèdšólec, računálnica, razvójnik, regionálec, regionálka, registrírnik, speciálec, starodôbnik, strašílka, terénc, téžkometálec, totalitárec, trájnik, tránsnacionálka, tránsseksuálec, trilétka, triviálka, učník/účník, věčnacionálka, zgoščénka*). Med kvalifikatorji z 39,4 % prevladuje kvalifikator pogovorno (*agresívec, bolšják, cedějka, depresívec, digitálec, dopoldánec, dúnajec, ekstérec, fotokopírec, hrbtničar, japónc, jútranjik, kampánjec, komerciálka, korějec, krónik, lokalec, makadámka, maturánc, minimálec, móbilec, nacionálka, negatívec, néonka, prisírka, poprávec, pozitívec, sociálec, spálka, sprejémec, tatárec, tiskóvka, totálka, vinílka, vzajémec, žámetke, žvečilka*). S po tremi primeri, kar znaša 3,2 %, pa sta zastopana kvalifikatorja žargonsko (film. žarg.: *dolgometrážec, kratkometrážec*; pravn. žarg. *prisílka*) in ekspresivno (*fatálka, radodájka; slabš. režímec*).

4. Sklep

Slovensko besedotvorje se z vprašanjem univerbizacije doslej še ni sistematično ukvarjalo, kar se posledično kaže ne samo kot terminološki, ampak tudi teoretski primanjkljaj. Nekatero redke razprave, dotikajoče se le posameznega tipa univerbizacije ali univerbizacije s protistavnega poljsko-slovenskega vidika, te vrzeli ne morejo zapolniti. Tako ostaja obsežna analiza splošno-, terminološko- in socialnozvrstnoslovarskega gradiva ob prepotrebni uporabi dodatnega korpusnega in spletnega jezikovnega gradiva slovenistični raziskovalni izziv, ki primerjalno z dognanji o besedotvorni, morfološki, semantični in abreviacijski univerbizaciji v drugih slovenskih jezikih lahko prispeva primerljive podatke o procesih univerbizacije v slovenščini.

Literatura

- Andrej V. BABANOV, 1994: Univerbizacija kak stilističeskoe sredstvo. GAJDA, Stanisław, BALOWSKI, Mieczysław (ur.). *Stylistyczne konfrontacje*. Opole, 125–132.
- Stjepan BABIĆ, 2002: *Tvorba riječi u hrvatskome književnome jeziku*. Treće, poboljšano izdanje. Zagreb: HAZU, Nakladni zavod Globus.
- Anton BAJEC, 1950: *Besedotvorje slovenskega jezika I. Izpeljava samostalnikov*. Ljubljana: Ljudska pravica, SAZU.
- – 1952: *Besedotvorje slovenskega jezika II. Izpeljava slovenskih pridevnikov. III. Zloženke*. Ljubljana: Ljudska pravica, SAZU.
- – 1959: *IV. Predlogi in predpone*. Ljubljana: Ljudska pravica, SAZU.
- Aleksandra BIZJAK, Marko SNOJ (ur.), 2012: *Slovar novejšega besedja slovenskega jezika*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. Dostop: www.fran.si april 2017.
- Danuta BUTTLER, 1977: Nektore problemy opisu zjawisk uniwerbizaciji. *Slavistična revija*. XXV/4, 435–448.
- Božo ČORIĆ, 1991: O nekim tvorbenim modelima sa stanovišta jezične ekonomije. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*. 20/2, 325–334. Beograd: Međunarodni slavistički centar.
- Božo ČORIĆ, 1996: O sufiksnoj univerbizaciji u srpskom jeziku. *Srpski jezik*. I/1–2, 60–64.
- Božo ČORIĆ, 2008: *Tvorba imenica u srpskom jeziku*. Beograd: Književnost i jezik.
- GIGAFIDA. Dostop: www.gigafida.net april 2017.

- GOOGLE. Dostop: www.google.si april 2017.
- Aleksander Vasiljevič ISAČENKO, 1958: Obecně zákonitosti a národní specifčnost ve vývoji slovní zásoby slovanských jazyků. BELIČ, J. et al. (ur.). *K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků*. Praha: SPN, 143–151.
- Alois JEDLIČKA (ur.), 1977: *Slovník slovanské lingvistické terminologie*. Praha: Vydala Academia, nakladatelství Československé akademie věd.
- Đorđe OTAŠEVIĆ, 1997: Univerbacija. *Naš jezik*. XXXII/1–2, 52–63.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Dostop: www.google.si april 2017.
- Marko SNOJ, 2016: *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. Dostop: www.fran.si april 2017.
- Amela ŠEHOVIĆ, 2012: Univerbacija u bosanskom jeziku. DRAGIĆEVIĆ, Rajna (gl. ur.). *Tvorba reči i njeni resursi u slovenskim jezicima*. Beograd: Filološki fakultet, 407–417.
- Jože TOPORIŠIČ: 1992: *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: Cankarjeva založba.
- Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica*. Četrta, prenovljena in razširjena izdaja. Maribor: Založba Obzorja.
- Ada VIDOVIČ MUHA, 2000: *Slovensko leksikalno pomenoslovje: govornica slovarja*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete.
- Ada VIDOVIČ MUHA, 2011: *Slovensko skladenjsko besedotvorje*. Druga dopolnjena in razširjena izdaja. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
- Marjeta VRBINC, 2001: Kolokacije in rojeni govornici slovenščine – pomen vključevanja kolokacij v dvojezične slovarje. KRŽIŠNIK, Erika (ur.). *Zbornik za učitelje slovenščine kot drugega/tujega jezika (Skripta, 5)*. Ljubljana, Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, 51–63.
- Maria WTORKOWSKA, 2009: Zjawisko uniwerbizacji w języku słoweńskim. *Riječ: časopis za filologiju*. 15/2, 151–161.
- Maria WTORKOWSKA, 2010: Elipsa jako sposób uniwerbizacji w języku polskim i słoweńskim. *Riječ: časopis za filologiju*. 16/5, 105–115.
- Maria WTORKOWSKA, 2011: Wybrane procesy uniwerbizacji w języku polskim i słoweńskim (na przykładzie derywacji paradygmatycznej). *Południowosłowiańskie Zeszyty Naukowe: język, literatura, kultura* 8. 27–38.
- Mojca ŽAGAR, 2005: Determinologizacija (na primeru terminologije fizike). *Jezik in slovstvo*. 50/2, 35–48.
- Andreja ŽELE, 2004a: Stopnje terminologizacije v leksiki (na primerih glagolov). HUMAR, Marjeta (ur.). *Terminologija v času globalizacije*. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Založba ZRC, 77–91.

Andreja ŽELE, 2004b: Aktualizacijsko širjenje/oženje pomenja ustaljenega besedja kot odraz besedilne različnofunkcijskosti. KRŽIŠNIK, Erika (ur.). *Aktualizacija jezikovnozvrstne teorije na Slovenskem: členitev jezikovne resničnosti (Obdobja 22)*. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovenistiko Filozofske fakultete, 133–148.

Andreja ŽELE, 2015: Konverzija v slovenščini. *Jezik in slovstvo*. 60/2, 65–77.

Univerbiation in the Slovene Dictionary Practice

The paper discusses the concept of univerbation, which has received very little attention in Slovene word-formation, and thus has not been given a complete terminological or theoretical treatment. First, an overview of all the existing studies and the contemporary views of univerbation in Slovene linguistics are given. The overview shows that the references to univerbation in Slovene theory fall mainly into two categories: first, univerbation is explained in association with the lexicalization phenomena under the influence of informality, and second, it is treated within the framework of the Polish-Slovene contrastive analysis and the discussion of the distinction between conversion and univerbation. The *Slovar novejšega besedja* ('Dictionary of new words') is the first Slovene dictionary that contains entries with the explanation "univerbiated from". The paper analyses 94 words formed through univerbation in terms of the properties of their syntactic base, word-formational base, suffixes and semantic features. The analysis is based on the theoretical foundations developed in the linguistics of the South Slavic languages and adopts a theoretical approach of the most recent Slovak study about univerbation.

Amela Šehović

Filozofski fakultet Sarajevo, Bosna i Hercegovina, Sarajevo

amela.ami.sehovic@gmail.com

PROBLEMATIKA GLAGOLSKIH UNIVERBA U BOSANSKOM JEZIKU (KOLIKO JE ZAISTA NEUPITNO NjIHOVO POSTOJANJE?)¹

U radu se istražuje da li je opravdano govoriti o glagolskim univerbima u bosanskom jeziku ili je pojava univerbacije rezervirana isključivo za imenice. Pri tome se propituju stavovi u literaturi koji se odnose na ovo pitanje, gdje se bilježe glagolski sufiksi *-ira(ti)*, *-isa(ti)*, *-aši(ti)*. Za potrebe rada proučavaju se prva dva, a njima se pridodaju i sufiksi: *-ova(ti)* i *-a(ti)*, isključivo na temelju korpusa, koji čine pisani izvori (časopisi, magazini, internetski portali, rječnici) i ankete prikupljeni ranijih godina tokom istraživanja leksičke razgovornog bosanskog jezika ali i u posljednje vrijeme.

Ključne riječi: bosanski jezik, univerbacija, univerbi, glagolski univerbi, sufiksalna derivacija

This paper offers an insight on whether univerbation in the Bosnian language exists in verbs, or exclusively in nouns. Attitudes regarding the matter present in other linguistic literature are observed, since they include verbal suffixes *-ira(ti)*, *-isa(ti)*, *-aša(ti)*. The paper examines the first two suffixes, as well as *-ova(ti)* and *-a(ti)*, exclusively through examples from the corpus, consisting of written sources (journals, magazines, internet portals, dictionaries), as well as surveys – some conducted in the last couple of years for a research concerning the lexis of the spoken Bosnian language, others recently.

Key words: the Bosnian language, univerbation, univerbs, verbal univerbs, suffixal derivation

1. Uvod

Univerbacija² se u literaturi posmatra kao “postupak kojim se neka sintagma preobražava u jednu reč uz učešće tvorbenog formanta (sufiksa)”

¹ Na veoma korisnim sugestijama u izradi rada zahvaljujem kolegama Boži Ćoriću i Rajni Dragičević.

² Uz termin *univerbacija* (Ćorić 1995, 1996, Otašević 1997, Šehović 2009a), u literaturi na bosanskom, hrvatskom i srpskom jeziku javlja se i *univerbizacija* (Ćorić 1991, Ristić 1995, 2004, Mamić 1997, Bugarski 2003, 2006).

(Ćorić 1996: 61), što je pristup koji je usvojen u radovima velikog broja autora (Ćorić 1991, 1996, Mamić 1997, Otašević 1997, Šehović 2009a, Šalina). Osim analize univerba nastalih sufiksalsnom derivacijom, u nekim radovima proučavaju se i univerbi nastali složeno-sufiksalsnom tvorbom (Ristić 2004: 193–194), ali predmet našeg istraživanja su univerbi nastali na prvi od ova dva načina.

Univerbi su tipični za razgovorni jezik, zbog čega su potvrde za ovu jezičku pojavu tražene prvenstveno u njemu, a kao izvori su poslužile: anketne sa izvornim govornicima bosanskog jezika različitih dobnih, spolnih i obrazovnih karakteristika, komunikacija na internetskim portalima i rječnici žargona. Rezultati dobiveni analizom ovog korpusa upoređeni su sa stanjem zabilježenim u savremenim rječnicima bosanskog jezika kako bi se na taj način mogao izvesti zaključak o tendencijama u razvoju savremenog jezika, s posebnim osvrtom na status univerba.

U bosanskom jeziku univerbi nastali sufiksalsnom derivacijom tipično pripadaju imenicama (v. Šehović 2012), a ovakvo stanje zabilježeno je i u drugim slavenskim jezicima, o čemu svjedoči veliki broj radova na ovu temu.³ U ovom radu nastoji se utvrditi da li se o glagolskim univerbima, koji se u literaturi spominju (Ristić 2004, Miloradović 2012, Šehović 2012), ali su načelno manje istraženi, uopće može govoriti na ovaj način.

2. Ima li glagolskih univerba u bosanskom jeziku?

Polazište za ovo istraživanje je stanovište S. Ristić (2004: 195) da glagolski univerbi nastaju “sufiksalsnom derivacijom motivacione osnove za koju se uzima priloška odredba ili objekat iz složenog ekvivalenta”. Navedeno gledište prihvaćeno je u ranijem istraživanju na temu univerbacije (Šehović 2012), dok se u ovom radu ono podvrgava kritičkoj analizi. Pri tome, i S. Ristić (2004: 192) utvrđuje da su među univerbima ipak najbrojnije imeničke izvedenice, zatim glagolske, a najmanje je pridjevskih izvedenica. Glagolski univerbi, prema mišljenju ove autorice (Isto: 195), najčešće se izvode sljedećim sufiksima: *-ira(ti)*, koji je i najfrekventniji, *-isa(ti)*, *-aši(ti)* (Isto: 195), od kojih se prva dva spominju i u drugim radovima (Miloradović 2012, Šehović 2012), a, na temelju korpusa za ovaj rad, njima se

³ Zbog njihove brojnosti, nije moguće navesti sve istraživače koji su se bavili ovom tematikom, te sugeriramo da se radi uvida u širinu i dubinu pristupa analiziranoj pojavi pogledaju radovi u ovom zborniku i prateća literatura uz njih.

pridodaju i sufiksi: *-ova(ti)* i *-a(ti)*⁴. U radu se prvo analiziraju zabilježeni primjeri, koji su morali ispuniti dva osnovna kriterija da bi uopće bili obuhvaćeni analizom: a) da je njihov motivator glagolska sintagma, b) da su izvedeni gore navedenim sufiksima. Nakon toga obrađeni su svi glagoli u jednojezičnom rječniku bosanskog jezika koji su također ispunjavali ta dva kriterija, ali je u njihovom slučaju pridodat i treći kriterij, a to je da li uz sebe imaju neku upotrebnu etiketu.⁵ Posebno se značajnim smatralo utvrditi da li su rječnički primjeri etiketirani kao ekspresivni i kao oni koji pripadaju razgovornoj sferi, odnosno da li se uz njih pojavljuju kvalifikatori *ekspr.* i/ili *razg.* Naime, ako su univerbi zaista “stilski markirane jedinice koje signaliziraju prelazak u neoficijelni registar komunikacije sa ilokucijskim efektima podsmevanja, ruganja, ironisanja i šaljenja” (Ristić 2004: 190), činjenica da postoje glagoli motivirani objektom ili priloškom odredbom iz glagolske sintagme i izvedeni sufiksalsnom tvorbom, a koji su pri tome nemarkirani i upotrebljavaju se u oficijelnoj komunikaciji može dovesti u pitanje opravdanost uvođenja kategorije glagolskih univerba. Upravo to je predmet analize u nastavku rada, koja se provodi od najzastupljenijih sufiksa prema manje zastupljenim.

2.1. Sufiks *-ira-*

Sufiks *-ira-* je najproduktivniji od svih stranih glagolskih sufiksa, kako to utvrđuje I. Klajn (2003: 352). Njim se izvode glagoli od stranih osnova, zbog čega se “u mnogima od njih javljaju alternacije osnove prenete iz stranih jezika, kao i druge fonetske anomalije” (Isto: 353). U razgovornom bosanskom jeziku prisutan je u velikom broju glagola, od kojih su svi izvedeni od imeničke osnove: *blogirati* – ‘(na)pisati blog’: *Kako sigurno blogirati?* (dabisaznali.wordpress.com, objavljeno 18. 10. 2012); *donirati* – ‘(na)praviti donove, ceduljice za prepisivanje’, *hobirati* – ‘baviti se nekim hobbijem, imati neki hobi’, *krizirati* – ‘općenito, biti u kakvoj krizi’⁶, *pikirati* – ‘staviti/stavljati pik na nešto ili nekog’, *postirati* – ‘objaviti/objavljivati

⁴ S. Miloradović (2012: 64) navodi i jedan glagol sa ovim sufiksom: *klavirati*, koji je, kako navodi, preuzela od M. Ivić (2006: 116), a pronašla ga je i u jednom djelu J. Ignjatovića iz 1883. godine.

⁵ Veliki broj glagola koji ispunjava ove kriterije u svom sastavu ima i prefiks, ali oni nisu obuhvaćeni analizom, i to iz razloga što je u takvim slučajevima već naveden njihov vidski parnjak. Analiza time ne gubi na sadržajnosti, samo se u nju ne uključuju suvišni podaci.

⁶ U argou je zabilježeno značenje “proživljavati period napetosti usljed nedostatka droge” (RSŽ: 138).

post': *De ako ti nije zahmet, **postiraj** mi rtg snimak tog zuba da vidim šta je 'ostalo'...* (klix.ba, objavljeno 26. 10. 2011); *selfirati (se)* – 'fotografirati sam sebe, praviti selfie': *Prije par dana me jedna poznanica upitala je li dobro stalno se '**selfirati**'?* (najdoktor.ba, objavljeno 1. 8. 2016); *stresirati* – 'izazivati stres': *...kao sto vas moze dodatno **stresirati** situacija na poslu* (astrologijaupraksi.wordpress.com, objavljeno 17. 1. 2014); *šarafirati* – 'zavrtati šaraf', *šopingirati* – 'ići u šoping', *štiklirati* – 'hodati u cipelama sa štiklom', odnosno u sinegdoškom opisu značenja 'hodati u štiklama'.

Značenja svih ovih glagola su različita, ali se izdvaja grupa glagola čije se značenje može opisati preoblikom *glagol + bliži objekt*, kakvi su sljedeći glagoli: *blogirati, donirati, hobirati, pikirati, postirati, selfirati, stresirati, šarafirati*, što podrazumijeva da je njihova motivaciona osnova imenica u funkciji objekta. Drugu grupu glagola čine oni čija je motivaciona osnova imenica (u prijedložno-padežnoj konstrukciji) u funkciji priloške odredbe: *šopingirati, štiklirati*.

Glagoli sa ovim sufiksom u standardnom su jeziku najčešće dvovidni (Babić 1986: 451), ali se od njih prefiksacijom u razgovornom bosanskom jeziku može izvesti glagol svršenog vida, poput glagola *iskeširati* – 'platiti punu cijenu čega kešom (gotovinom)', kao u primjeru: *Nevjerovatna cifra koju će Zavod zdravstvenog osiguranja KS **iskeširati** za kopiranje dokumenata* (hayat.ba, stranica posjećena 17. 3. 2017).

U ranijem istraživanju na temu univerbacije (Šehović 2012), zabilježeni su sljedeći glagoli sa ovim sufiksom: *brendirati* – 'stvarati brend od nečega, potencijalno i od nekoga', *imejlirati* – "neol. poslati poruku elektronskom poštom", odnosno '(po)slati e-mail (i-mejl)', *keširati* – "žarg. i neol. općenito, platiti/plaćati gotovinom (kešom)", *taksirati* – "voziti taksi" (Šehović 2012: 414), te primjeri iz usmene komunikacije: *(is)komplimentirati* – 'izreći/izricati komplimente, ob. na račun fizičkog izgleda', *stresirati se* – 'biti pod stresom', te *biciklirati* – 'voziti bicikl' (Isto).

Zanimljivo je da su među navedenim glagolima *imejlirati, keširati* i *taksirati* zabilježeni u jednojezičnom opisnom rječniku bosanskog jezika (RBJ:384, 499, 1314), ali je prvom pridodata etiketa *neol. razg.*, drugom *žarg.*, a u slučaju trećeg odsustvuje bilo kakva etiketa iako se nesumnjivo zapaža kolokvijalni prizvuk ovoga glagola, naročito kada se uporedi s homonimnim primjerom *taksirati* u značenju "platiti/plaćati taksu za šta"⁷ (Isto:1314).

⁷ U ovom glagolu *-ira-* se dodaje na osnovu, dok se u primjeru *taksirati* u značenju 'voziti taksi' *i* iz osnove spojilo sa *i* iz sufiksa (v. Klajn 2003: 353).

Nakon ove analize, izvršena je sistematizacija rječničke građe, u kojoj su traženi glagoli s navedenim sufiksom koji zadovoljavaju i druge, gore navedene kriterije. Imajući u vidu činjenicu da je sufiks *-ira-* u svim spomenutim istraživanjima na temu univerbacije potvrđen kao najzastupljeniji glagolski sufiks, građa je morala biti, barem u određenoj mjeri, sužena na najreprezentativnije primjere, koji nisu diskutabilni ni u kom pogledu. Ipak, zabilježeni su brojni glagoli nastali na ovaj način, a među njima izdvajaju se sljedeći primjeri: *akcentirati* (RBJ:9), *anketirati* (RBJ:21), *apelirati* (RBJ:24), *argumentirati* (RBJ:28), *asfaltirati* (RBJ:31), *atakirati* (RBJ:33), *balansirati* (RBJ:45), *bazirati* (RBJ:52), *betonirati* (RBJ:60), *cementirati*⁸ (RBJ:105), *centrifugirati* (RBJ:106), *cenzurirati* (RBJ:107), *debatirati* (RBJ:161), *defilirati* (RBJ:164), *demantirati*⁹ (RBJ:169), *dezenirati* (*desenirati*) (RBJ:179), *diplomirati* (RBJ:187), *disciplinirati* (RBJ:189), *diskutirati*¹⁰ (RBJ:191), *distancirati* (*se*) (RBJ:192), *doktorirati* (RBJ:209), *dokumentirati* (RBJ:210), *eksperimentirati* (RBJ:263), *eksportirati* (RBJ:264), *faksirati* (RBJ:280), *fantazirati* (RBJ:281), *flaširati* (RBJ:291), *formulirati* (RBJ:294), *fotokopirati* (RBJ:295), *galopirati* (RBJ:304), *garažirati* (RBJ:305), *granatirati* (RBJ:334), *grupirati* (RBJ:344), *hendikepirati* (RBJ:358), *interesirati* (RBJ:394), *intervjuirati* (RBJ:396), *kampirati* (RBJ:485), *kodirati* (RBJ:514), *komandirati* (RBJ:520), *kontaktirati* (RBJ:530), *kontrolirati* (RBJ:531), *kopirati* (RBJ:535–536), *kovertirati* (*kuvertirati*) (RBJ:542), *kreditirati* (RBJ:549), *lakirati* (RBJ:582), *lektorirati* (RBJ:589), *magistrirati* (RBJ:618), *mangupirati se* (RBJ:627), *markirati*¹¹ (RBJ:630), *marširati* (RBJ:630), *masakrirati* (RBJ:631), *maskirati* (*se*) (RBJ:631), *maturirati* (RBJ:635), *memorirati* (RBJ:643), *minirati* (RBJ:653), *nervirati* (RBJ:757), *nijansirati* (RBJ:768), *normirati* (RBJ:774), *paradirati* (RBJ:875), *parfimirati* (RBJ:877), *patentirati* (RBJ:883), *pauzirati* (RBJ:885), *plakatiirati* (RBJ:905), *planinariti* (RBJ:906), *planirati* (RBJ:906), *plombirati* (RBJ:911), *portretirati* (RBJ:965), *pozirati* (RBJ:991), *profilirati* (RBJ:1062), *profitirati* (RBJ:1062), *prognozirati* (RBJ:1063), *programirati* (RBJ:1063), *projektirati* (RBJ:1065), *protestirati* (RBJ:1079), *reflektirati*¹² (RBJ:1138), *reformirati* (RBJ:1139), *reklamirati* (RBJ:1140), *respektirati* (RBJ:1145), *riskirati* (RBJ:1151), *skicirati* (RBJ:1202), *staži-*

⁸ U prvom značenju, kada mu se pridaje etiketa *građ*.

⁹ I ovdje se *i* iz osnove spojilo sa *i* iz sufiksa.

¹⁰ Klajn (2003: 353) navodi da su nepodudarnosti između suglasnika glagolske i imeničke osnove (t: s) iz latinskog jezika.

¹¹ I. Klajn (2003: 354–355) navodi da je u slučaju ovoga glagola motivaciona veza između glagola i imenice “zamućena usled višeznačnosti imenice...”.

¹² V. fusnotu 10.

rati (RBJ:1248), *šifrirati* (RBJ:1292), *tapetirati* (RBJ:1318), *telefonirati* (RBJ:1322), *testirati* (RBJ:1327), *titulirati* (RBJ:1333), *trasirati* (RBJ:1342), *tuširati*¹³ (RBJ:1358), *tuširati (se)*¹⁴ (RBJ:1358), *vakcinirati* (RBJ:1419).

Provedena analiza pokazala je da svi ovi glagoli pripadaju neutralnom sloju leksike standardnog bosanskog jezika i da nisu obilježeni ni kao ekspresivni ni kao razgovorni. Njihova brojnost¹⁵ u tom smislu postaje veoma važna – ako bismo sve ove primjere tretirali kao univerbe, univerbacija bi automatski stekla status dominantnog tvorbenog postupka u bosanskom jeziku, čime bi stekla veći značaj u tvorbi riječi bosanskog jezika nego što joj objektivno pripada. Iz predočenih podataka, proizlazi jasan zaključak da u navedenim primjerima nije riječ o glagolskoj univerbaciji nego o klasičnoj sufiksnoj derivaciji.

2.2. Sufiks *-isa-*

Sufiks *-isa-* najčešće se javlja sa imeničkim osnovama. On je grčkog porijekla, ali, i pored toga, Klajn (2003: 339) smatra da mu je mjesto “pre među domaćim nego među stranim sufiksima”, za šta kao glavni argument navodi njegovu odomaćenost u jeziku, zbog koje glagoli s ovim sufiksom i domaćom osnovom ne djeluju kao hibridi (Isto). To je slučaj sa njihovim statusom i u normi bosanskog jezika, gdje su ipak manje zastupljeni, barem u posljednje vrijeme, ali nikako nisu protjerani ili nepoželjni. Što se tiče hrvatskog jezika, Babić (1986: 454) bilježi ovaj sufiks i navodi primjere u kojima se on realizira: *kalajisati* (*kositriti*), *krunisati* (obič. *kruniti*), *majmunisati* (uz *majmunirati*), a uz njih daje njihov sinonim ili običniju, odnosno preporučenu varijantu, što već navodi na zaključak o njegovu perifernom statusu u hrvatskom jeziku. Također, Babić (1986: 477) navodi i da je to sufiks za tvorbu pejorativnih glagola, kao u *hvalisati se*.

Glagoli s ovim sufiksom koji zadovoljavaju kriterije analize u razgovornom bosanskom jeziku nisu brojni u poređenju s prethodno opisanim sufiksom *-ira-*. U korpusu su zabilježena tri primjera: *nargilisati* – ‘pušiti (na) nargilu’: *loša ti kuća.... dođi kod mene, pa ćemo nargilisati...* (klix.ba,

¹³ U značenju ‘iscrtati/iscrtavati tušem’.

¹⁴ U značenju ‘(o)prati ispod tuša’.

¹⁵ Kako je već napomenuto, ovih glagola ima znatno više u analiziranom rječničkom izvoru (RBJ), ali, zbog nemogućnosti navođenja svih njih, analiza je sužena na najrepresentativnije primjere. Naravno, u provedenoj analizi vodilo se računa o tome da budu navedeni ne samo neki općepoznati i ustaljeni primjeri nego i primjeri iz savremene govorne prakse.

objavljeno 26. 10. 2011); *hajvanisati se* – 'ponašati se kao hajvan' i *izvarijantisati* – 'naći varijantu za šta', svi izvedeni od imeničkih osnova, koje funkcioniraju kao objekt (*nargilisati*, *izvarijantisati*) ili priloška odredba (*hajvanisati se*) u složenom ekvivalentu.

Hajvanisati se ima i svoju sinonimnu varijantu – *majmunisati se*, koja je zabilježena u analiziranom rječničkom izvoru (RBJ:621), uz prateće etikete *razg. pejor.* Oba glagola nesumnjivo imaju preneseno značenje, iako to u slučaju primjera *majmunisati se* nije navedeno u rječniku. Glagol *izvarijantisati* je svršenog vida, na šta ukazuje prefiks *iz-*, koji je marker kolo-kvijalnosti njegove upotrebe.

U ranijem istraživanju na temu univerbacije (Šehović 2012), zabilježen je sljedeći glagol s ovim sufiksom – *silikonisati se*, u značenju 'ugraditi silikone, ob. silikonske grudi', koji je stilski sniženo markiran i "u sebe uključuje snažno izraženu notu pejorativnosti" (Isto: 414).

Sistematizacijom rječničke građe utvrđeni su neki glagoli sa ovim sufiksom¹⁶ koji ispunjavaju početne kriterije analize, a to su: *anatemisati* (RBJ:19), *belajisati* (RBJ:54–55), *kaparisati* (RBJ:488), *majstorisati* (RBJ:622), *provodadžisati* (RBJ:1084), *puderisati*¹⁷ (RBJ:1091), *sikterisati* (RBJ:1190), *testerisati* (RBJ:1327), *ugljenisati* (RBJ:1370), koji nemaju svoje sinonime bilo sa sufiksom *-ira-* bilo sa sufiksom *-ova-*; te mnogo zastupljeniji primjeri s ovim sufiksom koji imaju sinonime, a od kojih su neki već navedeni u prethodnoj cjelini, poput: *cenzurisati* (RBJ:107), *detaljisati* (RBJ:176), *eksperimentisati* (RBJ:263), *formulisati* (RBJ:294), *grupisati* (RBJ:344), *intervjuisati* (RBJ:396), *komentarisati* (RBJ:521), *kontrolisati* (RBJ:531), *lektorisati* (RBJ:589), *mangupisati se* (RBJ:627), *memorisati* (RBJ:643), *moralisati* (RBJ:671), *parfimisati*¹⁸ (RBJ:877), *portretisati* (RBJ:965), *profilisati* (RBJ:1062), *reformisati* (RBJ:1139), *terorisati* (RBJ:1327), *titulisati* (RBJ:1333), *vakcinisati* (RBJ:1419). Analizom ovih glagola utvrđeno je da svi, izuzev glagola *belajisati*, *majstorisati*, *sikterisati* pripadaju neutralnom sloju leksike standardnog bosanskog jezika

¹⁶ Broj primjera iz internetskoga korpusa bio je malen te nije iziskivao analizu kompletne rječničke građe nego samo najreprezentativnijih primjera. Time se ujedno izbjegla neproporcionalnost u broju primjera iz internetskih i rječničkih izvora.

¹⁷ Ovo je jedan od rijetkih glagola na *-isa-* koji se javlja samo sa ovim sufiksom a ne pripada posuđenicama starijeg datuma, što je kao obilježje ovih glagola utvrdio I. Klajn (2003: 341) na temelju korpusa O. Cvijić (1971).

¹⁸ U ovom glagolu "razlika u vokalu osnove potiče direktno iz francuskog izgovora reči *parfumer* odnosno *parfum*" (Klajn 2003: 340).

i da nisu obilježeni ni kao ekspresivni ni kao razgovorni. U skladu s tim, zaključujemo da ni u ovim primjerima nije riječ o glagolskoj univerbaciji nego o klasičnoj sufiksnoj derivaciji.

2.3. Sufiks *-ova-*

Za razliku od prethodna dva sufiksa, ovaj produktivni općeslavenski sufiks nije obuhvaćen ranijim istraživanjem (Šehović 2012). Kako su sufiksi *-ira-*, *-isa-* i *-ova-* istoznačni, a uz to su u istraživačkom korpusu zabilježeni primjeri glagola iz razgovornog jezika s ovim sufiksom, i on je uvršten u analizu.

U korpusu prikupljenom za potrebe ovog rada ima nekoliko primjera glagola s ovim sufiksom. To su: *blogovati* – '(na)pisati blog', uz prethodno navedeni *blogirati*: *Kako sam počela blogovati? Obavještenje* (adnaacorner.blogspot.ba, objavljeno 4. 8. 2016); *gradovati* – 'hodati gradom'; *klubovati* – 'obići/obilaziti klubove'¹⁹; *mejlovati* – '(po)slati mejlom', uz ranije opisani *mejilirati*: *ja lično sam mejlovaov pritužbu i sarajevogasu i junkersu i vailantu (pošto i sa njihovim bojlerima radi), niko mi nije ni odgovorio a kamoli šta...* (forum.klix.ba, objavljeno 13. 2. 2012); *šopingovati* – 'ići u šoping', uz *šopingirati*; *tagovati* – 'uključiti/uključivati opciju tag': *Sve slike su javne i time dostupne svima i možete ih obilježavati ključnim riječima tj. kako se to popularno kaže – "tagovati"* (fotografija.ba, objavljeno 14. 9. 2012).

Većina zabilježenih glagola ima dvovidsku vrijednost, uz poneki primjer imperfektivnoga glagola (*gradovati*). Svi nabrojani glagoli izvedeni su od imeničkih osnova pretežno stranog porijekla, izuzev *gradovati*, a u poređenju sa druga dva dvovidna sufiksa (*-ira-* i *-isa-*) ovakve su osnove uobičajenije za sufiks *-ira-* u odnosu na *-ova-*, a za sufiks *-ova-* u odnosu na *-isa-* (Klajn 2003: 350). U svim navedenim primjerima, izuzev u *gradovati*, osnova je iz engleskog jezika i označava, u najvećoj mjeri, pojmove tipične za nove vidove komunikacije. Kako je u engleskom jeziku svim tim riječima moguće označiti i imenicu i glagol, ovi glagoli mogu biti tretirani i kao denominalni i kao deverbativni (Klajn 2003: 351), ali je ipak činjenica da su u našem jeziku oni motivirani imenicom stranog porijekla. Zanimljiv je primjer glagola *šopingovati* budući da su svi primjeri tog tipa mogli nastati "samo u našem jeziku ... izvedeni od engleskih gerundija na *-ing...*" (Isto: 351).

¹⁹ O. Cvijić (1971: 156–161) ustanovila je da je poslije osnova na -p, -b, -t i -d „prevaga (je) na strani sufiksa -ovati, a ne -isati", što naši primjeri (*klubovati*, *gradovati*) potvrđuju.

Ako se sada s ovim glagolima uporede neki glagoli iz rječničke građe: *akcentovati* (RBJ:9), *apelovati* (RBJ:24), *argumentovati* (RBJ:28), *atakovati* (RBJ:33), *cementovati* (RBJ:105), *centrifugovati* (RBJ:106), *debatovati* (RBJ:161), *defilovati* (RBJ:164), *demantovati* (RBJ:169), *disciplinovati* (RBJ:189), *diskutovati*²⁰ (RBJ:191), *dokumentovati* (RBJ:210), *eksportovati* (RBJ:264), *interesovati* (RBJ:394), *kampovati* (RBJ:485), *komandovati* (RBJ:520), *kritikovati* (RBJ:554), *lakovati* (RBJ:582), *pirovati* (RBJ:899), *popovati* (RBJ:959), *projektovati* (RBJ:1065), *protestovati* (RBJ:1079), *reflektovati* (RBJ:1138), *respektovati* (RBJ:1145), *rizikovati* (RBJ:1151), *robovati* (RBJ:1153), *savjetovati* (RBJ:1180), *sirotovati* (RBJ:1195), *startovati*²¹ (RBJ:1247), *stepenovati* (RBJ:1249), *strahovati* (RBJ:1254), *svadbovati* (RBJ:1272), *šefovati* (RBJ:1288), *šegrtovat* (RBJ:1288), *šifrovati* (RBJ:1292), *štetovati* (RBJ:1304), *štrajkovati* (RBJ:1306), *švercovati* (RBJ:1310), *taborovati* (RBJ:1311), *titlovati*²² (RBJ:1332), *učiteljovati* (RBJ:1364), *uvjetovati* (RBJ:1408), *uzrokovati* (RBJ:1415), *vjekovati* (RBJ:1441), *zavjetovati se* (RBJ:1513), *zborovati* (RBJ:1516), *zimovati* (RBJ:1524), *žrtvovati* (RBJ:1546), onda se može konstatirati da rječnički primjeri, izuzev glagola *šefovati* i *švercovati*, koji su etiketirani kao razgovorni, pripadaju neutralnom sloju leksike standardnog bosanskog jezika i nisu obilježeni ni kao ekspresivni ni kao razgovorni. To potvrđuje da ni u ovim primjerima nije riječ o glagolskoj univerbaciji nego o klasičnoj sufiksionalnoj derivaciji.

2.4. Sufiks -a-

Sufiks -a- najčešće se dodaje na imeničke osnove, domaćeg ili stranog porijekla, ali se njim mogu izvoditi i glagoli od pridjeva, pa čak i od uzvika (v. Klajn 2003: 327). U korpusu koji je prikupljen za potrebe ovog istraživanja dominiraju primjeri glagola izvedenih od imenica. Imenica koja je motivirala derivaciju glagola može označavati oruđe radnje kao u: *kremati* – 'mazati kremom' (isključivo se odnosi na obuću): *Onda sam se dočepao četke i u onoj hići počeo kremati i glacati cipele* (Vrazicii.blogger.ba, objavljeno 19. 5. 2008) te igru ili zabavu, i to u formi povratnih glagola: *rolati se*²³ – 'voziti role, rolšue'; *šankati se* – 'provoditi se za šankom, zabavljati se oko šanka'. Glagol *porukati se* također je povratan – 'slati po-

²⁰ V. fusnotu 10.

²¹ U značenju sportskog termina.

²² Etiketirano kao filmski termin.

²³ U žargonu je zabilježen glagol *rolati*, u zn. 'priprijeti drogu za pušenje, savijati/motati džoint' (RSŽ:231).

ruke, ob. putem telefona': *Ozbiljna musterija ce uvijek nazvati na telefon. Nece se porukati, to rade besposlicari i fukare uglavnom* (forum.klix.ba, objavljeno 22. 9. 2015).

Sa druge strane, glagol *hadžijati* izveden je od žargonizirane imenice *hadžija*²⁴, koja označava onoga koji živi u blagostanju, miru, koji je uspješan te onoga koji je glavni, važan (RBJ:351), a derivirani glagol ima s tim povezano značenje – 'ponašati se poput hadžije': *za one koji vole ostavljati brojeve mobitela, imaju Super oglasi ili ostale papirnate varijante sa oglasima sa fotkama, pa nek tamo hadžijaju i uplate koji oglas...* (forum.klix.ba, objavljeno 22. 9. 2015).

Nekoliko je glagola s ovim sufiksom u razgovornom jeziku izvedeno od riječi iz engleskog jezika, koja u tom jeziku može funkcionirati i kao imenica i kao glagol, po čemu ih možemo tretirati i kao denominalne i kao deverbativne (više o tome u Klajn 2003: 327, 351), ali je ipak činjenica da su u našem jeziku oni motivirani imenicom stranog porijekla. Svi su ovi glagoli i transfonemizirani i transmorfemizirani, dvovidni, a njihovo se značenje može opisati preoblikom *glagol + bliži objekt*, kao u sljedećim primjerima: *brejkati* – '(na)praviti pauzu, brejk/break'; *lajkati* – 'davati/dati lajk/like': *...raja komentariše, lajka*, učestvuje (namirnice.ba, objavljeno 7. 6. 2012); *mejlati* – '(po)slati na mejl/mail': *Ako neko ima može mi mejlati na ... pozdrav ...* (cafekajak.com, objavljeno 20. 1. 2006); *tvitati* – 'objavljivati/objaviti tvit/tweet'.

Glagol *mejlati* upotrebljava se naporedo uz *mejlirati* i *mejlovati*, po čemu je jedan od rijetkih glagola ovog tipa koji se realizira s tri sufiksa, što govori o važnosti ovoga pojma za ljude u savremenom društvu. Za razliku od njega, glagol *lajkati* u bosanskom jeziku nema svoje tvorbene sinonime sa sufiksima *-ova-* i *-ira-*.

Analiza rječničke građe pokazala je da brojni glagoli derivirani sufiksom *-a*²⁵ ispunjavaju i druge kriterije postavljene ovim istraživanjem: *batinati* (RBJ:52), *bubnjati* (RBJ:96), *čekicati* (RBJ:130), *četkati* (RBJ:134), *diplati* (RBJ:187), *drombuljati* (RBJ:231), *dudukati* (RBJ:238), *gipsati* (RBJ:312),

²⁴ O semantičkim pomjeranjima pri upotrebi turcizama u savremenom jeziku i utjecaju sociolingvističkih faktora na njih v. rad D. Šito (1988).

²⁵ Ovi su glagoli veoma brojni, izvode se od imenica, pridjeva i, rijetko, od uzvika, te ih je bilo nemoguće sve navesti u radu ovog obima. Iz tog su razloga navedeni glagoli odabrani metodom slučajnog uzorka, ali s fokusom na denominalne, poput primjera iz korpusa. Smatramo da izvedeni zaključci time ne gube na vjerodostojnosti.

guslati (RBJ:347), *kartati (se)* (RBJ:492), *loptati se* (RBJ:602), *mirisati* (RBJ:654), *otrovati* (RBJ:859), *pilati* (RBJ:897), *rešetati* (RBJ:1145), *sankati (se)* (RBJ:1174), *startati*²⁶ (RBJ:1247), *šargijati* (RBJ:1287), *testerati* (RBJ:1327), *štrajkati* (RBJ:1306), *švercati* (RBJ:1310), *talasati* (RBJ:1315), *tamburati* (RBJ: 1316), *testerati* (RBJ:1327), *turpijati* (RBJ:1357), *večerati* (RBJ:1425) itd. Među ovim glagolima jedino je glagol *švercati* označen kao riječ koja pripada razgovornom jeziku, dok svi ostali primjeri, u osnovnom značenju, pripadaju neutralnom sloju leksike standardnog bosanskog jezika i nisu obilježeni ni kao ekspresivni ni kao razgovorni. Na temelju toga zaključujemo da ni u ovim primjerima nije riječ o glagolskoj univerbaciji nego o klasičnoj sufiksaloj derivaciji.

3. Zaključak

U razgovornom bosanskom jeziku univerbacija je sve raširenija pojava, koja se prvenstveno spominje u kontekstu imeničkih univerba. Istraživački cilj da se utvrdi postoje li i glagolski univerbi u bosanskom jeziku proveden je analizom primjera nastalih sufiksaloj derivacijom motivacione osnove za koju se uzima priloška odredba ili objekt iz složenog ekvivalenta – glagolske sintagme – a na temelju građe analizirani su glagoli sa sljedećim sufiksima: *-ira(ti)*, koji je i najfrekventniji, *-isa(ti)*, *-ova(ti)* i *-a(ti)*. Provedena analiza pokazala je da dominantna obilježja univerba – njihova ekspresivnost i pripadnost razgovornom stilu – nisu zastupljena u slučaju velikog broja istraživanih glagola iz rječničke građe koji ispunjavaju gore navedene kriterije. Njihova brojnost u tom smislu postaje značajna kao indikator činjenice da je toliki broj glagola nastalih na ovaj način teško posmatrati kao primjere univerba. Naime, u tom bi slučaju univerbacija proširila svoje granice do mjere da bi se o njoj moglo govoriti kao o gotovo dominantnom tvorbenom postupku za tvorbu glagola, što zasigurno nije slučaj u bosanskom a vjerovatno ni u drugim slavenskim jezicima. Na temelju svega rečenog, izvodi se sljedeći zaključak: u svim analiziranim primjerima riječ je o klasičnoj sufiksaloj derivaciji glagola, što podrazumijeva da glagolskih univerba u razgovornom bosanskom jeziku nema.

²⁶ V. fusnotu 21.

Izvori

a) Rječnički:

Senahid HALILOVIĆ, Ismail PALIĆ, Amela ŠEHOVIĆ, 2010: *Rječnik bosanskoga jezika*. Sarajevo: Filozofski fakultet. Skraćenica: RBJ.

Narcis Saračević, 2003: *Rječnik sarajevskog žargona*. Zenica: Vrijeme. Drugo izdanje. Skraćenica: RSŽ.

b) Internetski:

Astrologijaupraksi.wordpress-www. *astrologijaupraksi.wordpress.com*. U: <http://www.astrologijaupraksi.wordpress.com> (stanje: 17. 1. 2014).

Cafekajak-www. *cafekajak.com*. U: <http://www.cafekajak.com> (stanje: 20. 1. 2006).

Dabisaznali.wordpress-www. *dabisaznali.wordpress.com*. U: <http://www.dabisaznali.wordpress.com> (stanje: 18. 10. 2012).

Forum.klix-www. *forum.klix.ba*. U: <http://www.forum.klix.ba> (stanje: 22. 9. 2015).

Fotografija-www. *fotografija.ba*. U: <http://www.fotografija.ba> (stanje: 14. 9. 2012).

Hayat-www. *hayat.ba*. U: <http://www.hayat.ba> (stanje: 17. 3. 2017).

Klix-www. *klix.ba*. U: <http://www.klix.ba> (stanje: 26. 10. 2011).

Najdoktor-www. *najdoktor.ba*. U: <http://najdoktor.ba> (stanje: 1. 8. 2016).

Namirnice-www. *namirnice.ba*. U: <http://www.namirnice.ba> (stanje: 7. 6. 2012).

Vrazicii.blogger-www. *Vrazicii.blogger.ba*. U: <http://Vrazicii.blogger.ba> (stanje: 19. 5. 2008).

Literatura

Stjepan BABIĆ, 1986: *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti – Globus.

Olga CVIJIĆ, 1971: Odnos osnove i nastavaka -ovati, -isati, -irati glagola stranog porekla. *Naš jezik*. Knj. XVIII. Sv. 3, 131–161.

Božo ĆORIĆ, 2008: *Tvorba imenica u srpskom jeziku*. Beograd: Društvo za srpski jezik i književnost Srbije.

Senahid HALILOVIĆ, Ilijas TANOVIĆ, Amela ŠEHOVIĆ, 2009: *Govor grada Sarajeva i razgovorni bosanski jezik*. Sarajevo: Slavistički komitet.

Dževad JAHIĆ, Senahid HALILOVIĆ, Ismail PALIĆ, 2000: *Gramatika bosanskog jezika*. Zenica: Dom štampe.

- Ivan KLAJN, 2002: *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku. Deo prvi, Slaganje i prefiksacija*. Beograd – Novi Sad: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva – Institut za srpski jezik SANU – Matica srpska.
- Ivan KLAJN, 2003: *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku. Deo drugi, Sufiksacija i konverzija*. Beograd – Novi Sad: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva – Institut za srpski jezik SANU – Matica srpska.
- Sofija MILORADOVIĆ, 2012: *Muzički žargon mladih*. Beograd: Etnografski institut SANU – Institut za srpski jezik SANU.
- Stana RISTIĆ, 2004: *Ekspresivna leksika u srpskom jeziku*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.
- Amela ŠEHOVIĆ, 2012: Univerbacija u bosanskom jeziku. DRAGIĆEVIĆ, Rajna (ur.). *Tvorba reči i njeni resursi u slovenskim jezicima*, zbornik radova sa četrnaeste međunarodne naučne konferencije Komisije za tvorbu reči pri Međunarodnom komitetu slavista. Beograd: Filološki fakultet, 407–417.
- Daria ŠITO, 1988: Semantička pomjeranja pri upotrebi turcizama u savremenom govoru i uticaj sociolingvističkih faktora na njih. *Književni jezik*. 17/3, 159–168.

The Issue of Univerbs in the Bosnian Language (Is Their Existence Indeed Unquestionable?)

In the spoken Bosnian language, univerbation has become a widespread phenomenon, primarily mentioned in the context of verbal univerbs. For the purpose of determining the existence of verbal univerbs, examples have been analysed so as to include words formed through suffixal derivation of the motivational base that takes an adverbial or a complex object – the verbal syntagm – and, in the process, verbs containing the following suffixes have been analysed: *-ira(ti)*, which is the most frequent verb, as well as *-isa(ti)*, *-ova(ti)* i *-a(ti)*. The analysis showed that the dominant feature of the univerbs – their expressiveness and usage in the spoken language – is not present in a large number of verbs contained in the dictionaries, all of which fulfil the above-mentioned criteria. In that sense, their frequency becomes an important indicator of the fact that such a large number of verbs formed in this way are difficult to observe as examples of univerbs. Namely, that would entail that the limits of univerbation have been spread to the extent that one could speak of them as almost a dominant verb-formation procedure, which most certainly is not the case in Bosnian, as well as probably in other Slavic languages. On the basis of all that we have presented, we may conclude the following: all analysed examples contain the standard suffixal derivation of verbs, which means that verbal univerbs do not exist in the spoken Bosnian language.

Бранко Тошович, эмеритус

Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, Австрия, Грац
branko.tosovic@uni-graz.at

КИБЕРУНИВЕРБЫ

Существуют два основных подхода к универбации – узкий и широкий. В самом узком толковании под универбами подразумевается только суффиксальное словообразование. Широкое толкование охватывает все то, что ведет к превращению сочетаний слов и словосочетаний в двух- и многокомпонентные лексемы. К киберунивербам относятся универбы, (а) полноценное функционирование которых связано только с интернетом, (б) исконно относящиеся к Сети. В анализе предприятия попытка ответить на вопрос, в чем суть универбов, чем отличаются сетевые универбы от несетевых и какова природа именных и глагольных киберунивербов. **Ключевые слова:** универбация, киберуниверб, словосочетание, компрессия, толкование

Scholars distinguish a narrow approach and a broad approach to the univerbation. According to the former, the univerbation is defined as a derivation by adding suffixes, whereas the latter focuses on the process when words and word junctions turn into lexemes. Cyber juxtaposed compounds involve combinations that (a) function exclusively on the internet as well as (b) combinations traditionally associated with the Net.

Key words: univerbation, cyber juxtaposed, syntagma, compression, interpretation

1. Универбы создаются и функционируют в взаимодействии нескольких лингвистических дисциплин: словообразования, синтаксиса, семантики, семантики и стилистики. Речь идет о экплицитно-имплицитной бинарной оппозиции однословных и многословных номинативных единиц с односторонней зависимостью: **А** (универб) зависит от **Б** (словосочетания), **Б** (словосочетание) не зависит от **А** (универба) – если нет словосочетания, нет и универба. Универбальный прием состоит в деструкции члена **Х** и актуализации члена **У** словосочетания. Существуют три типа универбов: а) каузативные (те, которые необходимо образовать из-за наличия новых предметов, понятий и категорий), б) утилитарные (те, которые порождает стремление к экономии), в)

перколутивные (те, которые ориентированы на воздействие экспрессивно-эмоционального характера – стилистическое, лудистическое, демонстративное, деструктивное, провокационное).

2. В толковании универбов главной должна быть синтаксическая позиция, так как (а) в основе новообразования лежит словосочетание (универбы – это единицы, имитирующее словосочетание), (б) вопрос универбов затрагивает вопрос мотивирующего словосочетания. Как известно, по главному слову выделяются именные словосочетания (*новая книга*) и глагольные словосочетания (*написать книгу*). Но в большинстве толкований универбов учитываются и рассматриваются только именные словосочетания. Мы считаем, что к данной категории также относятся универбы, мотивированные глагольными словосочетаниями, так как и они являются единицами названия, номинации.¹ Но это не касается сложных глаголов и глагольных ономастических композитов.²

На синтаксическом уровне решается и сложный вопрос разграничения универбации и интерпретации: когда речь идет о эквиваленте словосочетанию (собственно универбы), а когда о толковании в форме словосочетания (семантическое, лексикографическое толкование, словообразовательная перифраза). В исследуемой нами литературе отсутствуют четкие границы в рассмотрении универбов как эквивалента словосочетанию и словосочетания как дескрипции (описания) универбов. Эта проблема особенно остро стоит в категории киберунивербов, которые не смогут в короткий период приобрести одну из системных черт канонических универбов – регулярность, особенно если учесть общение в режиме реального времени и нестабильность значения сетевых универбов (ведущую иногда к языковым эфемеридам). К синтаксическому уровню относится и универбальная блокировка – невозможность образования универбов от всех словосочетаний из-за занятости формы (ср. словосочетанием *административное наказание* нельзя мотивировать универб *админ*, так как он уже существует, но от другого словосочетания: *административное здание*),³ к семантическому уровню – избирательность (для актуализации фоку-

¹ О глагольных номинациях см. Земская 1973: 438–453. Об универбации на основе глагольных словосочетаний см. Романов 2015.

² О них см. Tošović 2000, 2001.

³ О словообразовательной блокировке см. Тошович 2009.

сируется определенная сема), а к морфологическому – родовая принадлежность (господство мужского и женского родов).

Важность синтаксического аспекта состоит и в том, что он предоставляет возможность толкования универбов с точки зрения, не встречающегося в нам доступных исследованиях: актуального членения и их тематическо-рематической природы универбов, так как они образуются на базе информационной реструктуризации – с привлечением ремы (важной информации) и вытеснением темы (неважной или менее важной информации): тема устраняется (формально), а рема выдвигается на первый план. В создании универбов скрывается одна информация, а актуализируется другая, эксплицируется одно значение, а имплицуруется другое (из-за чего можно говорить о универбах как лексически эксплицитных и синтаксически имплицитных единицах). Этот процесс касается и кодирования (словообразования), и декодирования (восприятия новообразования).

На синтаксическом уровне бросается в глаза и то, что мотивирующее словосочетание может состоять из двух членов: *внешка – внешняя ссылка*, трех членов: *фокусник – человек, пишущий на Foxpro*, четырех членов: *яблочник – пользователь компьютеров фирмы Яблоко [Apple]*, пяти членов: *вижуалка – среда разработки программ Visual Studio* (в исследуемом нами корпусе отсутствуют другие комбинации).

3. Универбация толкуется по-разному. При узком подходе подразумевается только суффиксальное словообразование. Широкое толкование охватывает все то, что ведет к превращению сочетаний слов и словосочетаний в одно- и многокомпонентные лексемы: гибридизация, голофразис, замена расчлененной раздельно-оформленной единицы цельнооформленной единицей, замена синтаксической формы словной, компрессия (семантическая), конденсация (семантическая), консоциация, монолексикализация, образование нерасчлененной формы наименования, сведение внешней синтагмы к внутренней, свертывание (синтаксического описания, словосочетания, именований, наименования, двухсловных наименований в одно слово), сворачивание развернутой структуры, сгущение (формальное), сжатие (мотивирующего словосочетания, состава структуры из нескольких слов до одного слова при тождестве значений, семантическое сжатие развернутого наименования, синтетическое сжатие), синтез словосочетания в производное слово, сорбция, сращение (вторичное, синтетическое), сокращенная номинация, стяжение (семантическое,

лексико-семантическое, суффиксальное, стяжение словосочетания), усечение, устранение противоречия между формой и содержанием (двучленностью наименования и единством значения), утрата формальной и семантической расчлененности наименования, эллиптизация, эллиптизм (конситуационно-оказиональный) и т. п., а результаты по-разному называются: сложные слова, аббревиатуры, эллиптические субстантивы, нульсуффиксальные производные, свернутая форма словосочетания, высказывание в свернутом виде, компрессив, кондесат (семантический), вторичные наименования сокращенного типа, номинатемы, слова, синонимичные словосочетанию, слова-кондесаты, слова-стяжения, сорбенты, стяжения-наименования, универбы, универбаты, эллипсисы и др.

Для того, чтобы сохранить строгую терминологичность, мы считаем нецелесообразным включать в универбы все без исключения лексемы, мотивированные сочетаниям слов, так как такой подход ведет к универбальной свалке. Особенно важно к универбам не относить те категории, которые выступают в ясном/чистом виде и не вызывают никаких серьезных сомнений в их категориальную (деривационную) принадлежность (такими, скажем, являются сложные слова). Исходя из этого, к универбации мы не относим: аббревиацию (*вуз – высшее учебное заведение*), амальгацию (слияние двух или более слов, встречающихся в фразе, в единое слово с более идиоматическим значением), включение любого типа,⁴ имя ситуации (*банки – пустые стеклянные банки*),⁵ квазиунивербы (псевдоунивербы, ложные универбы, образованные по аналогии, например, существительное *богач*, образованное не от словосочетания *богатый человек*, а от прилагательного *богатый*, лексемы с аффиксоидами типа *-вед – востоковед*),

⁴ Н. А. Янко-Триницкая различает несколько типов включения: словообразовательное, морфемное, морфологическое, семантическое (*неотложная помощь: неотложная, неотложка*), лексическое (поглощение одним словом значения другого слова без отдельного морфемного выражения этого значения – определяющего: *несется = несет яйца, видется = видеть друг друга*, определяемого: *гражданка = гражданская война*) – Янко-Триницкая 2001: 378–387. В отличие от других исследователей, Мария Анчич-Обрадович включение рассматривает как общий принцип, на основании которого происходит образование в с е х производных слов и утверждает, что семантика производных существительных, образованных путем присоединения к основе имени прилагательного суффиксов *-ка* и *-ик*, не представляет собой явление исключительное (Ančić-Obradović 1969).

⁵ Типа: *Надо банки узнать* ‘узнать, где и когда можно сдать пустые стеклянные банки’ (Земская 1973: 427–434).

метонимию (*читать Шолохова*),⁶ словослияние (блендинг; слияние двух или более слов, сложение, словосложение, *нефтеквэжина* – *нефтаная скважина*), сращение (сохранение в структуре мотивированного слова синтаксической связи компонентов, входящих в мотивирующее словосочетание, слово во всех формах полностью тождественно синонимичному словосочетанию: *умалишенный* – *ума лишенный*; *долгоиграющий*, *вечнозеленый*), субстантивацию (*снотворное*), суффиксально-сложный способ (*землепроходец*), телескопию (*сетература* – *сетевая литература*), чистое сложение (в котором последний компонент равен самостоятельному слову: *первоисточник* – *первыйисточник*), слияние (использование в качестве базы для слов словосочетания или предложения: *отсебятина* – *от себя*, *сиюминутный* – *сию минутный*), расплывчатые наименования,⁷ усечение слов, не мотивированных словосочетанием (*лаз* – *лазер*). Все перечисленные явления надо относить к компрессивному словообразованию. . В противоположность собственно универбам, отличающимся гомогенностью, такие образования характеризуются гетерогенностью. Универб мы не считаем гиперонимом, так как на эту роль может претендовать лишь компрессив (или нечто подобное), следовательно универбы являются гипонимами.

В нашем подходе к универбации (сетевой и несетевой) мы относим суффиксацию (*внешка* – *внешняя ссылка*), нулевую суффиксацию (*ультрафиолет* от *ультрафиолетовые лучи*), устранение определяемого (*стратегия* – *стратегическая игра*), устранение определяющего (*адрес* – *электронный адрес*, *страница* – *электронная страница*),⁸ “слова-губки”, всасывающие разнообразные смыслы (*временка* – общее значение ‘нечто временное’, конкретные значения: ‘временный дом, печка, лифт, лестница, пристройка, электроприбор, установка...’).⁹

4. Киберунивербы – это превращение в сетевом пространстве словосочетания в одно слово с сохранением смысла членов этой синтаксической единицы: *личка* – *личная почта* ‘система обмена приватными сообщениями, личная почта; личное сообщение’, т. е. это однословные наименования, возникшие в процессе преобразования двухслов-

⁶ О метонимии см. Земская 1973: 427–434, Petrova 2007.

⁷ Некоторые термины являются особенно широкими и расплывчатыми, напр. *rojednočlanjivanje* (*sveza, sintagmi*), представляющий собой синоним для слова *univerbacija* (Mamić 1997).

⁸ См. Земская 2005: 193–195.

⁹ См. Земская 1973: 453–456.

ных и многословных наименований. К сетевым универбам следует относить универбы, (а) полноценное функционирование которых связано только с интернетом, (б) исконно относящиеся к нему. Дискуссионным является вопрос о том, включать ли в киберунивербы (а) образования без мотивирующего словосочетания, т. е. с имплицитным словосочетанием, в противоположность эксплицитным (*админка* – система управления сайтов, *болталка* – чат-форум, *брейкать* – закрыть тему, *бродилка* – браузер, *гляделка* – программа просмотра, *кликуха* – компьютерная мышь, выбранный псевдоним, *кракер* – человек, взламывающий системы защиты, *леталка* – игра, мимулирующая воздушные сражения, *плитка* – печатная плата, *плюйник* – струйный принтер, *подкрысник* – коврик для мыши, *стрелялка* – игра, где стреляют, *стучалка* – программа дозвола, *ходилка* – игра, где ходят, *чистилка* – антивирусная программа, *сырец/сорец/сорсы/сырки* (от *source*), исходный код программы в одном или нескольких файлах (нет *source* в словосочетании, есть в неологизме), *зумить* – увеличивать изображение, *раскэшить/обкэшить* (напр. чек) – получить деньги наличными, *эникейщик* (от *any ka*) – 1. специалист, занимающийся технической поддержкой пользователей, 2. пользователь, без понимания нажимающий все кнопки подряд, (б) универбы, мотивированные (придаточным) предложением: *стрелялка* – игра, где стреляют, *ходилка* – игра, где ходят,¹⁰ (в) прилагательные типа *гнусный* – написанный под эгидой *GNU*, *зипнутый* – сжатый *ZIP*-ом, *сексепилный* – ярый фанат *Excel*,¹¹ *приплюснутый* – программист, пишущий программы на языке *C++*, (г) прилагательные, образованные от форм прошедшего времени: *интернетизованный*, *дизайнированный*.

В анализе киберунивербов релевантными являются следующие вопросы: сжатие и сгущение как форма экономии, характерной для сетевого общения, особенно в исконных интернет-жанрах (какими являются электронная почта, социальные сети, блоги, форумы и чаты); сетевая конденсация значения при помощи суффиксации (суффиксальные универбы) и без нее с опущением определяющего или определяемого; сетевые универбы, основанные на усечении; узуальные и окказиональные сетевые универбы; родовая принадлежность киберунивербов (симметрия и асимметрия); универбальные словообразо-

¹⁰ Это касается и несетевых универбов типа *кримнашить* – Крым наш! (в отличие от *кримить* – отдыхать в Крыму).

¹¹ В сербском, хорватском и бошняцком *seksi* – *seksepilna djevojka*.

вательные гнезда; многозначные киберунивербы; лексико-семантические и тематические группы киберунивербов; сетевые универбы с предметной и непредметной семантикой; стилистические аспекты киберунивербации.

5. В интернете активно используется суффиксальная универбация. При этом в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, поэтому дериват по форме соотносится с одним словом, а по смыслу со всем мотивирующим словосочетанием, например, **автомодерация** 'система автоматического контроля' – *автоматическая модерация* (Барт-www). Среди существительных наиболее продуктивны суффиксы **-ик** (*сетевик*), **-чик** (*интернетчик*), **-щик** (*виртуальщик*, *сетературищик*), **-изм** (*интернетизм*), **-ость** (*виртуальность*), **-изация** (*интернетизация*, *баннеризация*), **-к(а)** в сочетании с интерфиксов **-л-** и **-ев** (Трофимова 2012: 94). Это подтверждают и универбы из наших источников¹² с суффиксами **-нк-а** (*материнка* – *материнская плата*, *повремёнка* – *повремённая абонентская плата за пользование обычным телефоном*), **-ух-а** (*звуковуха* – *звуковая плата*, *сетевуха* – *сетевая плата*), **-чк-а** (*бегучка* – *бегущая строка*, *личка* – *личная почта*; личные сообщения), **-ик-а** (сантехника – санитарная техника: переосмысление: 'аппаратное обеспечение, выпускаемое фирмой Sun Microsystems').¹³ В списке, состоящем из 170 субстантивных универбов, преобладают два суффикса: **-ка** (21,18%): *админка*, *вижуалка*, *виртуалка*, *внешка*, *временка*, *выделенка*, *глобалка*, *дежурка*, *демка*, *дистанционка*, *дымка*, *лазерка*, *лицензионка*, *локалка*, *ломалка*, *материнка*, *мобилка*, *мультимедийка*, *нелецензионка*, *норка*, *обменка*, *операционка*, *персоналка*, *пиратка*, *плитка*, *подмышка*, *позитивка*, *сетка*, *симка*, *солярка*, *страничка*, *стратегичка*, *флешка*, *целка*, *электронка*, *элка*, *болталка*, *бродилка* и **-лка** (20,00%): *бутовалка*, *вызжалка*, *гляделка*, *дрюкалка*, *звонилка*, *инсталялка*, *искалка*, *исправилка*, *качалка*, *копировалка*, *крякалка*, *курилка*, *леталка*, *лечилка*, *листалка*, *печаталка*, *писалка*, *прыскалка*, *развлекалка*, *ребутилка*, *рисовалка*, *сжималка*, *сморкалка*, *смотрелка*, *смыкалка*, *сообщалка*, *стелялка*, *стрелялка*, *стучалка*, *ходилка*, *чистилка*, *чи-*

¹² Слов_Комп_Интернет-Термин-www, Толк_Слов_Комп_Жарг_Интернет-www, Слов_Комп_Сленг-www, Слов_Термин_Интернет-www, Интернет_словарь.ru-www.

¹³ Суффиксальная универбация выступает как стяжение словосочетания (определенное слово пропускается, а к основе добавляется суффикс, в основном в целях сгущения смысла словосочетания в одно слово).

талка. Следует **-ник** (7,65%): *антивирусник, безымянник, исходник, исходники, лазерник, мобильник, наладонник, персональник, плюйник, системник, струйник, фокусник, яблочник, -ик* (5,29%): *алкоголик, моник, поисковик, ролевик, сетевик, сотовик, цифровик, экзешиник, электроник, -уха* (3,53%): *гостевуха, дистуха, звуковуха, микруха, прикладуха, сетевуха, -ак* (2,35%): *левак, пятак, резак, свежак, -ец* (1,76%): *Виндец, сорец, сырец, -ушка*: *звуковушка, прикладушка, сетевушка, -як*: *внутриак, сквозняк, хомяк, -ы*: *гифы, плюсы, сорсы*. Меньше всего встречается **-ало** (1,18%), **-вка, -ер, -чка, -щик, -а** (0,59%), **-ень, -и + корень, -ин, -ина, -ир, -ица, -ланин, -лянт, -ма, -н, -ничек, -няк, -онид, -онист, -онка, -тка, -удник, -учка, -шник, -щик, -юк, -юлит, -юха, -юша + корень, -я**: *питало, питало пережрало, оперативка, перловка, квакер, кракер, горячка, личка, мобильщик, эникейщик, астма, ХРень, сырки, наСИльник, прескотина, командир, страница, чатланин, пасквилянт, клизма, дельфин, батничек, вирусняк, юниксоид, сионист, информационка, матка, паскудник, бегучка, фидошник, банщик, писюк, целюлит, писюха, Хрюша, Петя*.

К несuffиксальным образованиям относится 11,76% киберунивербов: *адрес, антивирус, вирус, машина, НетШкаф, сопляис, сорс, стратегия, тах, эникей, юзверь, хард, шкаф*.

Большое количество суффиксальных универбов мотивировано словосочетанием с иноязычным (в первую очередь английским) словом/корнем: *НетШкаф, сорс, эникей, юзверь, тах, хард, ХРень, квакер, кракер, Виндец, сорец, алкоголик, экзешиник, наСИльник, прескотина, командир, вижуалка, лазерка, симка, флешка, чатланин, крякалка, пасквилянт, клизма, дельфин, фокусник, батничек, вебануть, юниксоид, сионист, сопляис, паскудник, фидошник, эникейщик, гифы, плюсы, сорсы, писюк, целюлит, писюха, Хрюша, люстра, астма, информационка, мобильщик, оперативка, компильнуть, дистуха, микруха, моник, цифровик, электроник, архивировать, глючить, юзать, антивирусник, лазерник, мобильник, персональник, системник, программить, адрес, антивирус, вирт, виртуал, вирус, вирь, лазарь, реал, стратегия, формал, бутовалка, дрюкалка, инсталялка, копировалка, ребутилка, смыкалка, админка, виртуалка, демка, дистанционка, лицензионка, локалка, мобилка, мультимедийка, нелецензионка, операционка, персоналка, пиратка, позитивка, стратегичка, электронка, элка.¹⁴ Реже*

¹⁴ Некоторые из них формально совпадают с уже существующими русскими словами.

встречаются суффиксальные универбы, мотивированные словосочетаниями с русскими лексемами: бегучка, матка, звуковушка, гостевуха, сетевуха, сетевушка, прикладуха, поисковик, ролевик, сетевик, сотовик, безымянник, исходник(и), струйник, болталка, бродилка, звонилка, искалка, исправилка, качалка, курилка, леталка, лечилка, листалка, печаталка, писалка, развлекалка, рисовалка, сжималка, сообщалка, стрелялка, стучалка, ходилка, чистилка, читалка, внешка, времянка, выделенка, дежурка, ломалка, материнка, обменка, плитка, подмышка, сетка, страница/страничка.

6. Глагольные универбы можно разделить на три группы: а) те, которые вошли в словари современного литературного языка (стандартизированные универбы), б) те, которые являются неологизмами, тяготеющими к лексикологизации и лексикографизации (нестандартизированные универбы) и в) те, которые закрепляются за сетевой коммуникацией (киберунивербы). Первая группа – стандартизированные универбы образуют довольно большую группу.¹⁵

¹⁵ Наш анализ 204 глагольных универбов, выбранных из словаря А. П. Окуневой Русский глагол (Окунева 2000), указывает на то, что в мотивирующих словосочетаниях падежные формы составляют 89% таких глаголов, а всего 11% относится к категории “разное” (охватывающей деепричастия, наречия, междометия, сравнительную степень прилагательных, глагольно-адвербиальные сочетания). Почти половину примеров образуют словосочетания с членом в винительном падеже (45,10%), следует творительный (32,35%), намного меньше родительный (5,39%), предложный (3,43%) и дательный (2,94%).¹⁵ В мотивирующем словосочетании преобладает прямое дополнение, точнее винительный падеж имен существительных (45,10%), а в его рамках винительный единственного числа беспредложный (67 из 92 примера) типа *бунтовать – поднимать бунт*. Следует винительный множественного числа беспредложный (14 из 92 примера): *жаловаться – высказывать жалобы* и винительный предложный (11 из 92 примеров): *барабанить – ударять в барабан*. На втором месте находится косвенное дополнение, а именно творительный падеж имен существительных и прилагательных (32,35%) – а) творительный падеж прилагательных (30 из 64 примера): *обсыхать – становиться сухим*, б) творительный имен существительных беспредложный (26 из 64): *асфальтировать – покрывать асфальтом*, в) творительный падеж множественного числа имен существительных (8 из 66): *капать – падать каплями*. Немного меньше встречается родительный падеж имен существительных (5,39%): *приземляться – отпускаться на землю* и дательный падеж имен существительных (2,94%): *финишировать – приходиться к финишу*. К остальным случаям относятся деепричастный оборот (7 примеров): *кашлять – издавать звуки кашля*, наречия (4): *гостить – жить в качестве гостя*,¹⁵ глагольно-адвербиальное сочетание (2): *заготовливать – готовить заранее*, междометия (2): *кукарекать – кричать “кукареку”*, сравнения (1) *юродствовать – вести себя как юродивый*. Сюда

Во второй категории находятся неологизмы, тяготеющие к лексикологизации и лексикографизации (нестандартизированные универбы) типа: **ксерить** (от *ксерокс*) – *делать ксерокопию* (делать копию при помощи копировального аппарата), **сникерснуть** – *Не тормози – сникерсни!* ‘действуй (решительно), работай, двигайся (быстрее) ускорься, не спи’.¹⁶

Третью категорию составляют универбальные глаголы, закрепляющиеся за сетевой коммуникацией (киберунивербы). Для анализа мы выделили 80 глаголов из источников, приведенных в конце этой статьи, и пришли к следующим выводам.¹⁷

а) Глагольные киберунивербы образуются чаще всего при помощи суффикса **-и(ть)** – 65%, намного меньше **-а(ть)** – 27,5% и еще реже **-ну(ть)** – 7,5%.

б) В большинстве случаев в качестве мотивирующей единицей выступает словосочетание с английским рематическим корнем и суффиксом: **-и(ть)** – *админить, анноить, апгрейдить, аржить, банить/забанить/разбанить, бекапить/быкапить, бутить/перебутить/ребутнуть, вьюить, гамать/гамить/GAMEить, грейдить, гуглить/загуглить/погуглить, дефейсить, джейлить, жарить, засетупить, зипить, коннектиться, контактить/вконтактить, контачить, лодить, мылить, неймить, однокласснить, плюсовать, постить, принтить, программить, прополнить, рарить, расшарить, ресайзить, сейлить/кросс-сейлить, сендить, скайпить, скролить, спамить, фейсбучить, флудить, форумить, френдить, харрасить, чатить/ЧАТить, чатиться/зачатиться, чекиниться/зачекиниться, читить, яндексить, пикапить/пикапнуть, архивировать, **-а(ть)** – *блоговать, гангать, глючить, гуглить, даунлоудвать, думать, залогиниться, зиповать, квакать, лайкать/лайкать/залайкать, локать/анлокать, маздать, пастовать, сендануть, серфировать/серфить/сёрфить,**

относятся и глаголы, образованные от словосочетания с вопросительным словом *почему*: **почемукасть** – *часто спрашивать почему?* (обычно о ребенке).

¹⁶ О слогане **Сникерсни, не тормози** см. Тошович 2006: 272–278. По его образцу создаются другие глаголы типа *марсануть* (напр., *по морде*), *шоколаднуть* (*шоколадни*), *лимонаднуть*, *водконуть* (‘выпей водки’, *водкни*), *котлетнуть* (напр., *ей по полной, да руки дрожат*), *суннуть* (напр., *сахарку, крахмалу*), *побаунтить*, *твикерснуться* (*твиксни*), *чокопайснуться*.¹⁶ Ср.: *Тому кто говорит: сникерснуть – яйца бы отрезнуть* (Отрезнуть-www).

¹⁷ В сербском, хорватском и бошняцком языках *blogirati, brejkati, lajkati, mejlovati/ mejlirati/emajlirati, mobilati, postirati (post), selfirati se, surfati, tagovati*.

хакать, юзать, ях.уевать (*Yahoo*), регаться/регитсья, -ну(ть) – *break-нуть*, вебануть, компильнуть, крякнуть/крэкнуть, оффнутьсья/оффнутьсья, хакнуть. Некоторые глагольные универбы с английским корнем имеют различные варианты написания. В первую очередь это относится к (1) *email*: (e-)мейл, ить/(и-)мейлить/мэйлить/майлить/емелить/рое-мейлить/блэк-мейлить/отымейлит, (2) *sms*: смсить/смс-сить/СМСить/смс-мэсить/мэсить/мЭсить и (3) *ask*: аскасть/аскнуть/нааскасть/проаскасть/проаскнуть, *Twitter*: твитить/твитеть/твитнуть/ретвитить, и *Troll*: тралить/тралить/троллить/троллинговать.

б) Очень мало глагольных универбов, мотивированных русским членом словосочетания (*выложить* – *выложить в интернет*, *яндексить* – *искать в интернете информацию с помощью поисковика Яндекс*), *русифицировать* – *установить русификатор*).

в) Некоторые универбы мотивированы псевдорусским членом словосочетания: формально глагол является русским, а в самом деле он образован от английского слова: *жарить* – *сжимать файлы с помощью JAR*, *мылить* – *посылать сообщение по эмайлу*, *думать* – *играть в (компьютерную игру) DOOM*.

Мотивирующим словосочетанием киберунивербов может быть причастный оборот: *алкоголик* – *человек, программирующий на Алголе*, *банищик* – *человек, занимающийся баннерами*, *пасквильянт/паскудник* – *программист, пишущий программы на языке Паскаль*, *фокусник* – *человек, пишущий на Foxpro*.

7. Киберунивербы вступают в различные отношения с другими универбами, сетевыми и несетевыми словами и словосочетаниями: синонимические связи (*мать* – *матка* – *метаринская плата*), *струйник* – *струйный принтер* – *сморчак* – *сморчалка* – *прыслкалка*, *норка* – *Norton Commander* – *таблица синяя* – *Командир волков*, *подмышка* – *коврик для мышки* – *тряпка*), полисемантические/омонимические корреляции (*виртуалька* ‘виртуальная действительность’, ‘виртуальная реальность’; ‘виртуальная программа’, *локальная* ‘сеть локальная’, ‘зона (специально огороженный участок или особое помещение для заключенных), отношения’), антонимические пары (*забанить* – *разбанить*) и т. п. Они входят в состав гомогенных (универб + универб) и гетерогенных (универб + неуниверб) словообразовательных гнезд (*диск* – *дисковерт* – *дискодрайв* – *дискокрут*; *мэйлить* – *май-*

лить – е-мейлить – емейлить – и-мейлить – емелить – прое-мейлить – блэк-мейлить – отымейлить; твитить – твитеть – твитнуть – ретвитить; тралить – траллить/троллить – троллинговать; обутить – перебутить – перебутовать – перебутоваться; банить – забанить – разбанить, зипить – зиповать – зипнутый).

8. Универбы являются сложным предметом словообразовательного анализа. Из-за наличия самых разнообразных и порой противоречивых толкований они требуют категориального уточнения (чтобы сохранить их строгую терминологичность, не надо включать все без исключения лексемы, мотивированные сочетаниям слов) и более глубокого деривационного, семантического, синтаксического и стилистического рассмотрения. Это особенно касается киберунивербов, которые постоянно пополняются новыми единицами и которые обладают широкими семантическим и стилистическим потенциалом. Сетевые и несетевые универбы отличаются прежде всего тем, что первые намного больше подвергаются влиянию английского языка и что в интернете реже в первый план выступают каузативные универбы (те, которые необходимо образовать из-за наличия новых предметов, понятий и категорий), чаще утилитарные (те, которые порождает стремление к экономии) и особенно часто перколутивные (те, которые ориентированы на воздействие экспрессивно-эмоционального характера).

Источники

- Интернет_словарь.ру-www: *Internetslovar.ru: Словарь интернет-терминов, жаргона и сокращений*: // <http://www.internetslovar.ru/>. 10. 1. 2016.
- Отрезнуть-www:[*Отрезнуть*]/https://www.google.at/#q=сникерснуть&start=20. 10. 1. 2016.
- Слов_Комп_Интернет-Термин-www: Слов_Комп_Сленг-www // <http://www.proacton.ru/about-internet/terms-glossary>. 10. 1. 2016.
- Слов_Комп_Сленг-www: *Словарь компьютерного сленга* // <http://www.kostroma.net/~kivok/slov.htm>. 10. 1. 2016.
- Слов_Термин_Интернет-www: *Словарь терминов интернета* // <http://xyiii.net/wiki>. 10. 1. 2016.
- Толк_Слов_Комп_Жарг_Интернет-www: *Толковый словарь компьютерного жаргона и Интернет сленга* // <http://skio.ru/dict/sleng.php>. 10. 1. 2016.

Литература

- Е. А. ЗЕМСКАЯ (отв. ред.), 1973: *Русская разговорная речь*. Москва: Наука.
- Е. А. ЗЕМСКАЯ, 2005²: *Словообразование как деятельность*. Москва: Книга.
- А. П. ОКУНЕВА, 2000: *Русский глагол*. Москва: Русский язык.
- Бранко ТОШОВИЧ, 2006: *Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков*. Москва: Языки славянской культуры.
- Бранко ТОШОВИЧ, 2009: Словообразовательная блокировка. РАДЕВА Василка, АВРАМОВА Цветанка, БАЛТОВА Юлия (съставители). *Словообразуване и лексикология*. София: Университетско издателство “Св. Климент Охридски”. С. 351–364.
- Н. А. ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, 2001: *Словообразование в современном русском языке*. Москва: Индрик.
- Marija ANČIĆ-OBRAĐOVIĆ, 1969: Izvedene imenice i uključivanje značenja ili semantička kondenzacija. *Radovi Filozofskog fakulteta, knj. 5*. Sarajevo. S. 241–254.
- Mile МАМИĆ, 1997: *Univerbizacija, njezini uzori i ograničenja*. DAMJANOVIĆ, Stjepan (gl. i odg. ur.). *Prvi hrvatski slavistički kongres. Zbornik radova I*. Zagreb. S. 71–75.
- Vilma PETROVA, 2007: *Универбация в система словообразования в современном русском языке*. Magisterská diplomová práca. Brno: Ústav slavistiky, Filozofická fakulta, Masarykova univerzita.
- Branko TOŠOVIĆ, 2000: Глагольность ономастических композитов / Die Verbalität onomastischer Komposita. WARCHOŁ, Stefan (pod redakcją). *Słowiańskie composita antroponimiczne*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. S. 271–289.
- Branko TOŠOVIĆ, 2001: Сложные глаголы / Zusammengesetzte Verben. KLESZCZOWA, Krystyna; SELIMSKI, Ludwig (redaktorzy). *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice: Zakładu leksykologii i semantyki Instytut języka polskiego. S. 111–122.

Cyber Juxtaposed Compounds

The univerbation is an object to different interpretations. A narrow approach focuses mainly on suffixes word formation. A broad approach encompasses processes by which compound lexemes are derived. The author considers it meaningless to use the term “juxtaposed compound” to all compounds. The subject of analysis are cyber juxtaposed compounds derived from nouns and verbs.

Krystyna Waszakowa

Uniwersytet Warszawski, Polska, Warszawa

KWaszak@uw.edu.pl

ZJAWISKA UNIWERBIZACJI SŁOWOTWÓRCZEJ W TEKSTACH WSPÓŁCZESNEJ POLSZCZYZNY

Artykuł prezentuje różnorodne procesy uniwerbizacji. Zagadnienie to jest omawiane w perspektywie wzrostu tendencji do internacjonalizacji i do ekonomii w słowotwórstwie języka polskiego na przełomie XX i XXI w. Szczególną uwagę zwraca się z jednej strony na charakterystyczne typy uniwerbizacji we współczesnych tekstach medialnych, z drugiej zaś na kwestie teoretyczne: na jej związek z derywacją sufiksálną, paradygmatyczną (konwersją) i kompozycją.

Słowa klucze: uniwerbizacja, kompozycja, konwersja, słowotwórstwo, język polski

The paper presents various procedures of the univerbisation. The issue is discussed from the perspective of increased the tendency to internationalization and the tendency to economy in word-formation of the Polish language at the end of the 20th and the beginning 21th centuries. Special attention is paid to characteristic types of the univerbisation in contemporary texts in media on the one hand and the theoretical questions on the other, e.g. relations between procedures of univerbisation and suffix-derivation, as well as conversion and composition.

Key words: univerbisation, composition, conversion, word-formation, Polish

1. Cel, przedmiot i zakres pracy

Tytuł wymaga doprecyzowania. *Uniwerbizacja słowotwórcza* – jak wiadomo – jest różnie rozumiana, a co za tym idzie, termin ten nie ma ostrego zakresu, nawet w obrębie badań jednego języka. Różnic tych nie stawiam w centrum uwagi w niniejszym artykule. Jako zaplecze teoretyczne wykorzystuję m.in. następujące artykuły i monografie z ostatniego czterdziestolecia: Miodek 1976, Kurzowa 1976, Buttler 1977, 1981, Laskowski 1981, Nykiel-Herbert 1989, Szczepańska 1994, Sojda 2011, Martinová 2015, Palková 2015. W pracach tych omawiane są też poglądy lingwistów na zjawisko uniwerbizacji; dwie ostatnie syntezy przynoszą uporządkowane dane z bogatej literatury przedmiotu.

Celem mojego opracowania jest przedstawienie współczesnych procesów uniwerbizacji w ich szerokim rozumieniu jako mechanizmu związanego z dwiema tendencjami rozwojowymi w zasobie słownym powojennej polszczyzny: tendencji do skrótu (ekonomii) i tendencji do internacjonalizacji. O ich znaczeniu i intensywności pisało wielu badaczy¹. Za specyficzne dla przełomu XX i XXI można uznać nie same tendencje, ale ich przejawy: procesy słowotwórcze ujawniające się we współczesnych tekstach medialnych.

Przedmiot zainteresowania w obecnej pracy stanowią mechanizmy kondensacyjne obserwowane w trzech typach zabiegów słowotwórczych: a) w derywacji prostej sufiksальной, por. *kredytówka* < *karta kredytowa*; b) w derywacji paradygmatycznej (konwersji), por. *mammograf* < *aparatus mammograficzny* (do *mammografii*)²; c) w kompozycji, por. *mammbus* < *samochód* (*autobus*) z *aparatem mammograficznym*. Ze względu na ograniczoną objętość obecnej pracy pomijam licznie reprezentowane w nowym słownictwie abrewiacje, które przez wielu badaczy są włączane w zakres uniwerbizacji.

Podane przykłady różnią się stopniem utrwalenia w polszczyźnie i nacechowaniem stylistycznym. Zgodnie z tym, co zapowiada tytuł mojego referatu, przedmiotem uwagi będą również derywaty tekstowe, nie mające statusu jednostki językowej.

Badane syntetyzmy i ich konteksty w większości pochodzą z Internetu³. Są to tworzone od konkretnych połączeń (zestawień) dwu- lub więcej wyrazowych konstrukcje słowotwórcze, nie zawsze przejrzyste formalnie i semantycznie, mimo ich regularności formalnej. Niektóre z derywatów

¹ Zagadnienia te omawiam w dwu syntezach – por. Waszakowa 2001, 2003.

² Por. przykładowe konteksty: *Mammbus jest samochodem ciężarowym (ciągnik siodłowy) z naczepą, w której zamontowano aparat mammograficzny*; <https://pl.wikipedia.org/wiki/Mammografia>; *Podstawowym wyznacznikiem ceny mammografu skryningowego jest obecnie funkcjonalność aparatus [...]* *W tym roku jakość ośrodków wykonujących mammografię w ramach ogólnopolskiego Programu Wczesnego Wykrywania Raka Piersi okazała się być znacznie lepsza, niż w roku ubiegłym. [...] Jeszcze niedawno jakość badań mammograficznych była fatalna*; [[http://www.nowoczesnaklinika.pl/pl/artykuly/18/Wyposazenie_Sprzet_medyczny/1/299/Jakosc_mammografu_na_wage_zycial](http://www.nowoczesnaklinika.pl/pl/artykuly/18/Wyposazenie_Sprzet_medyczny/1/299/Jakosc_mammografu_na_wage_zycial;); dostęp: 16. 03. 2017].

³ Niektóre jednostki zaczerpnęłam z listy innowacji zamieszczonej w broszurze Piotra Wierchonia i Jana Wawrzyńczyka (2017). Tego typu jednostek – bytów nieznanych zupełnie polskiej “oficjalnej” leksykografii, jak np. *czerwonoszandarowiec*, *gazetowyborczy*, *wiernokonstytucyjny* jest bardzo dużo w e-brudnopisach SBJP J. Wawrzyńczyka – por. Źródła.

jako pozasystemowe innowacje okazjonalne są silnie uwikłane kontekstowo i zależne od sytuacji użycia.

2. Żywotność procesów uniwerbizacji w języku polskim

Zdaniem Danuty Buttler, mechanizm powstawania neologizmów uniwerbizacyjnych “sprowadza się albo do redukcji składu nazwy wielowyrazowej (por. *autobus przegubowy* > *przegubowiec*), albo do scalenia jej elementów składowych w jeden wyraz (*wóz meblowy* > *meblówóz*)” – por. Buttler 1981: 215. W tego typu strukturach uniwerbizacja ma nie tylko wymiar formalny (w jej wyniku powstaje syntetyczna jednostka leksykalna, która jest ekwiwalentem struktury analitycznej), ale też – jak zaznacza uczona – semantyczny: treści przekazywane przez dwa wyrazy podstawowe sygnalizuje jeden wyraz.

2.1. Mechanizmy uniwerbizacyjne w derywacji prostej

2.1.1. Derywacja sufiksalna

W ogólnym obiegu są dziś innowacje z sufiksem *-ka* z lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych XX wieku typu *budżetówka*, *kablówka*, *skarbowka*, *zbrojeniówka* i ich dwuwyrazowe podstawy słowotwórcze: *strefa budżetowa* // *sfera budżetowa*, *telewizja kablowa*, *urząd skarbowy*, *przemysł zbrojeniowy*, a także mniej rozpowszechnione wyrażenia środowiskowe typu *deszczówka* < *opona deszczowa* (*stosowana podczas deszczu*), *dojazdówka* < *koło dojazdowe* (*ułatwiający dojazd*), *domówka* ‘domowe spotkanie towarzyskie (zorganizowane w domu)’, *pozarządówka* < *organizacja pozarządowa*, *surówka* < surowy materiał filmowy, tj. nagrany materiał przed zmontowaniem?, *zręcznościówka* < *gra zręcznościowa*, *życiówka* < *forma życiowa*⁴.

⁴ Por. przykładowe konteksty z tego typu derywatami: *Coraz chętniej płacimy kartami kredytowymi. [...] Karta kredytowa przestała być dobrem ekskluzywnym. Spowszedniała. [...] “Kredytówki” są droższe od zwykłych kart debetowych. [...] Zapożyczenie się za pomocą “kredytówki” jest nieoprocentowane w większości banków nawet przez ponad 50 dni [“Gazeta Wyborcza”, 26. 04. 2006]; Z usług tych mogą skorzystać tylko osoby ubezpieczone w branżowej kasie chorych [...] Do końca roku w obu ośrodkach “branżówka” wykupiła ok. 70 zabiegów [“Nasz Dziennik” 207, 2006]; Byli pracownicy cementowni muszą zapłacić wyższy podatek za akcje swojego zakładu, które kiedyś sprzedali – uważa urząd skarbowy. Ludzie są rozżaleni, twierdzą, że nie złamali prawa, a w dodatku “skarbowka” żąda od nich pieniędzy, mimo że są bez pracy [“Rzeczpospolita”, 12. 05. 2006]; W aparatach cyfrowych światło pada na matrycę złożoną ze światłoczu-*

Są podstawy, aby sądzić, że według tego modelu kondensacji słowotwórczej w obecnym stuleciu zostały utworzone również takie potoczmy jak: *chipówka* < *karta chipowa*, *zblizeniówka* < *karta zblizeniowa* czy *drużynówka* < *zawody drużynowe*⁵.

W procesy te zaangażowane są również inne sufiksy, np. *-izm*, *-ak*, *-ec*; por. przykładowe rzeczownikowe uniwerbizmy: *prezydencjalizm* < *system prezydencjalny*, *dostawczak* < *samochód dostawczy*, *pięciogwiazdkowiec* < *hotel pięciogwiazdkowy*. Słowotwórczej integracji może towarzyszyć dezintegracja części tematycznej przymiotnika, por. *smoleńczyk* < *katastrofa smoleńska*, *prezydencjalizm* < *system prezydencjalny*.

W podanych przykładach kondensacja wiąże się z usunięciem z nazwy dwuwyrazowej rzeczownika, jego rolę przejmuje przyrostek słowotwórczy, który pełni funkcję członu określonego. Danuta Buttler znacznie wykracza poza te “klasyczne uniwerbizacje” (klasyczne z dzisiejszej perspektywy); za rezultaty uniwerbizacji w zakresie derywacji prostej sufiksальной uznaje także m.in.: ekwiwalenty nazw wielowyrazowych – formacje zastępujące całe opisy, np. *tempowiec* ‘zawodnik biegający na tempo’, *nowożytnik* ‘badacz historii nowożytnej’, *alpejczyk* ‘specjalista konkurencji alpejskich w narciarstwie’ itp. – por. Buttler 1978: 64–65.

Do rozszerzenia pojęcia uniwerbizacji na te i analogiczne typy struktur przyczyniły się tendencje kondensacyjne, zaznaczające silnie swą obecność w powojennej polszczyźnie, na które uczona zwraca uwagę, podając liczne przykłady nowych ekspansywnych modeli słowotwórczych służących tworzeniu (przez integrację przy równoczesnej elipsie) nazw zdolnych wyrazić skrótowo rozbudowaną treść. Paralelne mechanizmy widziałabym w innowacjach o środowiskowym zasięgu: *smoleńczyk* ‘o osobie, która zginęła w katastrofie smoleńskiej’ i *ściślak* < *nauki ścisłe* ‘specjalista w zakresie nauk ścisłych’⁶.

łych elementów elektronicznych [...] Zaletą cyfrówek jest ich czułość na światło o różnym natężeniu [“Polityka”, 28. 06. 2006].

⁵ Por. kontekst: *Stoch najlepszy w kwalifikacjach. Dziś “drużynówka” w Klingenthal. Dziś w Niemczech odbędzie się pierwszy w sezonie konkurs drużynowy. Trener Stefan Horngacher wybrał już skład polskiego zespołu* [<http://sport.interia.pl/skoki-narciarskie/news-stoch-najlepszy-w-kwaifikacjach-dzis-druzynowka-w-klingenth,nId,2316862>; dostęp: 10. 03. 2017].

⁶ Por. cytat: *W polemicznym ferworze pojawiły się jednak z kolei głosy wybitnych przedstawicieli nauk humanistycznych, posuwających się do twierdzenia, że jedynie wykształcenie humanistyczne pozwala zrozumieć świat i być człowiekiem w pełnym znaczeniu tego słowa. Co sugeruje, że bez wykształcenia humanistycznego jest się człowiekiem*

Trzeba jednak zaznaczyć, że przywołane tu rozszerzone ujęcie uniwerbizacji rozmywa jej granice i rodzi pytania dotyczące relacji względem derywacji słowotwórczej, która – jak wiemy – z definicji ma siłę kondensującą.

2.1.2. Derywacja paradygmatyczna (afiksacja zerowa, konwersja, dezintegracja)

2.1.2.1. Zmiana paradygmatu deklinacyjnego przymiotnikowego na deklinacyjny rzeczownikowy

Znane i ustabilizowane w polszczyźnie potocznej wydają się rzeczowniki takie jak: *czarter* < *lot czarterowy*, *kompakt* < *plyta kompaktowa*, *kabel* < *telewizja kablowa*, *komórka* < *telefon komórkowy*, *mammograf* < *aparatus mammograficzny*. W wymienionych rzeczownikowych derywatach kondensacja formalna polega na eliminacji członu podstawowego nazwy złożonej (*lot*, *plyta*, *telefon*, *telewizja*, *aparatus*) i skrócenie tematu fleksyjnego przymiotnika (o segmenty: *-ow-* i *-iczn-*) składającego się na całe utrwalone wyrażenie synonimiczne.

Spośród licznych okazjonalnych indywidualizmów tekstowych (opartych na paralelnych schematach słowotwórczych) wymienię trzy przykłady do-
raźnie użytych substancywizowanych przymiotników: *nerwowy*, *potulny*, *kościółkowy* (Im *kościółkowi*)⁷, użytych w następujących kontekstach:

*Nerwowy palił raz po raz papierosa, podczas gdy potulny nic nie mówi*⁸.
*I co z tego, że to jest kościółkowy elektorat, ich jest dużo, a kościółkowi
zawsze głosują na PIS*⁹.

2.1.2.2. Zmiana paradygmatu deklinacyjnego na koniugacyjny

Zaproponowane przez Danutę Buttler w jednym z ujęć (Buttler 1977) rozszerzenie uniwerbizacji na czasownikowe derywaty denominalne w

---

*drugiej kategorii, czymś w rodzaju sprawnego robota. To również jest, zapewniam jako
tzw. ściślak, bardzo irytujące* [http://pauza.krakow.pl/373_2017.pdf; dostęp: 8. 03. 2017].

⁷ Por. też okazjonalizm rzeczownikowy *tekstylny* (Im *tekstylni*) ‘ten, który jest w ubraniu; ma na sobie odzież (materiał tekstylny); niedawno zauważyłam, że jest też rzeczownik *beztekstylny* ‘ten, który jest bez ubrania (bez tekstylu)’. Obie te formacje przywołują specyficzne miejsca, takie jak: typowa plaża, kąpielisko (nie dla naturystów), gdzie większość stanowią ludzie ubrani (*tekstylni*), a mniejszość – bez ubrania goli (*beztekstylni*). Derywat *tekstylny* omawiam w artykule *Kognitywno-komunikatywna funkcja motywacji słowotwórczej* (Waszakowa (2012).

⁸ Por. Waszakowa 1996: 140; tam też inne przykłady tego typu okazjonalizmów.

⁹ O użyciu w nowym znaczeniu przymiotnika *kościółkowy* piszę w artykule sygnowanym tu jako Waszakowa 2016. Pojawienie się rzeczownika *kościółkowy* świadczy o utrwaleniu się przymiotnikowego neosemantyzmu.

rodzaju *miedziować* < *pokrywać miedzią* może prowadzić do włączenia tego rodzaju struktur do derywacji paradygmatycznej, obejmującej swoim zakresem również formacje czasownikowe utworzone od rzeczowników (typ *matkować* < *matka*, *gościć* < *gość* lub przymiotników (typ *głupiec* < *głupi*, *gluchnąć* < *gluchy*), w których funkcję formantu pełni zmiana paradygmatu deklinacyjnego na koniugacyjny (Waszakowa 1996: 26). Według tego modelu polszczyzna adaptuje (również fleksyjnie) obce rzeczowniki. Por. *fax* / *faks* > *faksować*, *Google* > *googlować* // *googlać*, *mobbing* > *mobbingować*, *spam* > *spamować*, *sms* > *smsować*, *fake* // *fajk* > *fajkować*, *like* // *lajk* > *lajkować*, *hate* // *hejt* > *hejtować* itp. Zdarzają się też środowiskowe przekształcenia utrwalonych kolokacji, jak np. internetowe *foszyć się*, *fochować* < *stroić fochy*.

Jeśli tego typu wyrażenia są opisywane jako rezultaty uniwerbizacji, to nic nie stoi na przeszkodzie, aby w ten sam sposób były traktowane skondensowane formacje, tworzone od nazw własnych (zwykle od nazwisk osób znanych). Chodzi o serię pojemnych semantycznie jednostek, do której należą m.in. czasowniki *tuskować* < *zachowywać się jak Tusk*, *wałęsować* < *Wałęsa*; ich znaczenia zwykle konkretyzują się w użyciu. Por. np.

Gdyby nicnierobienie rządzących napędzało gospodarkę, po czterech latach tuskowania mielibyśmy w Polsce Kuwejt i Szwajcarię razem [<http://forum.poranny.pl/krzyz-t67069/>; dostęp: 16. 03. 2017].

Tuskować – tuszować, zatajać, kryć, pomijać milczeniem, ukrywać przed, ukręcać głowę sprawie, zacierać ślady, rozmydlać, maskować”; [<http://manager.money.pl/strategie/grupy/pl-soc-polityka/tuskowac--tuszowac-zatajac-kryc-114630.html>; dostęp: 16. 03. 2017].

[...] *tak długo będą kulczykować, wałęsować, bochniarzować, balcerowiczować - jak długo im na to suweren pozwoli*; [http://forum.gazeta.pl/forum/w,26,15630827,15630827,Przedsiębiorcy_Rzadowe_pomysly_z_piekla_rodem.html; dostęp: 21. 03. 2017].

Panie Premierze Tusk proszę przestać wałęsować, bo mistrza, protoplastę tej dziedziny Pan nie prześcignie; [<https://wzzw.wordpress.com/2010/06/14/ludzie-ludziska-tusk-walesuje/> dostęp: 21. 03. 2017].

Typ ten jest od dawna produktywny; jego włączenie w zakres uniwerbizacji nie jest uznawane przez większość badaczy, rozmywa bowiem i tak już nieostre jej granice.

2.1.2.3. Zmiana, w której wyraz traci cechy fleksyjne (paradygmatu deklinacyjny)

Uznanie przez Danutę Buttler (1977: 436) za struktury uniwerbizowane przysłówków typu (*ustalić*) *wagowo* < *wagowy*, pozwala w podobny sposób traktować jednostki takie jak (*usuwać*) *laserowo* < *laserowy* (*laser*), *żyć ekologicznie* < *prowadzić ekologiczny styl życia*, *podobnie empatycznie* < *empatyczny*. Por. konteksty:

Zabiegi laserowego usuwania owłosienia mają kilkudziesięcioletnią historię [...] laserowo usuwamy nieestetyczne owłosienie [...]

http://www.poradnikzdrowie.pl/uroda/zabiegi-profesjonalne/depilacja-laserowa-jak-wyglada-zabieg-ile-kosztuje-trwale-usuniecie-ow_33652.html; dostęp: 16. 03. 2017

Jak żyć ekologicznie? Życie ekologiczne to życie świadome. Początkowo ekologiczny styl życia może odstraszać, jednak z czasem stanie się on zwykłą rutyną [http://typy.interia.pl/artukul_10676,jak-zyc-ekologicznie.html]; dostęp: 16. 03. 2017].

Komunikujmy się empatycznie [<http://porozmawiajmy.tv/komunikujmy-sie-empatycznie-sylwester-slomski/>]; dostęp: 18. 04. 2017].

2.2. Mechanizmy uniwerbizacyjne w compositach

2.2.1. Composita interfiksalno-sufiksalne

W rezultacie przekształcenia nazw złożonych w jednowyrazowe powstają nowe composita sufiksalne realizujące produktywny model: Nomina attributiva z sufiksem *-owiec* (o którym mówiłam przy derywatach prostych), por. *dalekozasięgowiec* < *daleki zasięg* ‘urządzenie dalekiego zasięgu’ (np. skaner), *pełnoasortymentowiec* < *pełny asortyment* ‘przedsiębiorstwo oferujące pełny asortyment produktów’¹⁰, *niskopodłogowiec* ‘tramwaj lub autobus miejski o niskiej podłodze’¹¹.

¹⁰ Por. kontekst: *Przedsiębiorstwo z samego serca Zagłębia Ruhry to pełnoasortymentowiec oferujący swoim klientom nieprzerwanie pełną gamę wymiarów. Dysponujemy kształtownikami, kątownikami, prętami płaskimi, okrągłymi i kwadratowymi w pełnym zakresie* [<https://metale.pl/firmy/profil/bepro-blech-und-profilstahl-biuro-handlowe-w-polsce>]; dostęp: 11. 03. 2017].

¹¹ Przy drugiej motywacji przysłówkowej: ‘tramwaj lub autobus o nisko osadzonej podłodze’ jest to złożenie bezinterfiksalno-sufiksalne.

Nowe syntetyzmy (z redukcją albo tylko scalające) o różnym stopniu kondensacji, tworzące obecnie liczną grupę wśród innowacji słowotwórczych, wzbogacają zadomowione serie, zwłaszcza w dwóch kategoriach: nazw nosicieli cech i nazw wykonawców czynności. Por. przykładowe innowacje potoczne, w których temat słowotwórczy nawiązuje do znanego frazeologizmu: *czarnorynkowiec* < *czarny rynek* ‘przedsiębiorca stosujący nielegalne metody (zakupu, rozliczeń z fiskusem), działający na czarnym rynku’, *pierwszokomunista* < *Pierwsza Komunia Święta* ‘przystępujący do Pierwszej Komunii Świętej’ czy *zdroworozsądkowiec* < *zdrowy rozsądek* ‘kierujący się zdrowym rozsądkiem; myślący zdroworozsądkowo’.

W typie tym znajdują się też derywaty przymiotnikowe motywowane przez stosunkowo nowe frazeologizmy, np. takie jak *politycznopoprawnościowy* < *polityczna poprawność*, *okrągłostołowy* < *Okrągły stół*, *gwiezdnowojenny* < *Gwiezdne wojny*.

Ze względu na zależność syntaktyczną członów składowych podobny typ reprezentują okazjonalne composita rzeczownikowe o podwójnej motywacji słowotwórczej: *ulotkorozdawacz* ‘rozdawacz ulotek’ // ‘ten, który rozdaje ulotki’, *czekoladopochłaniacz* ‘pochłaniacz czekolady’, *bajkoopowiadacz*, *ciastkorozdawacz*, *kryzsoodporność*, *seksouprowiacz*, *szlakoprzecieracz*, *abonamentopoborca*, mieszczące się w kategorii słowotwórczej Nomina agentis: SUB_{ag} (OB)¹² // Nomina attributiva, a także przymiotnikowe okazjonalizmy lub wyrażenia środowiskowe typu: *wiernokonstytucyjny* ‘wierny konstytucji’, *człekożerny*, *katolikożerny*, *kosztotwórczy*, *lemingotwórczy*, *larwobójczy*¹³.

2.2.2. Composita interfiksalnie-paradygmatyczne

W rezultacie słowotwórczej uniwerbizacji wyrażającej współzależne relacje syntaktyczne między członami powstały innowacje typu: *pielgrzymkowczasy* ‘to, co łączy w sobie pielgrzymkę i wczasy’, *pieszojezdnia* ‘to, co jest zarazem jezdnią i miejscem dla pieszych’, *żłobkoprzedszkole* ‘to, co jest zarazem żłobkiem i przedszkolem’¹⁴. Por. też przymiotniki *dwumotytywacyjne*, które przy jednej z ich motywacji można opisać jako należące

¹² Skrót ten odnosi się do klasy odobiektywnych nazw subiektów agentywnych.

¹³ Przykłady pochodzą z broszury Wawrzyńczyka i Wierzchonia (2017); uzupełniają one istniejące serie.

¹⁴ Tego typu połączenia przez normatywistów są oceniane negatywnie. W uzusie, zwłaszcza w polszczyźnie środowiskowej, występują od dawna i mimo tej oceny są rozpowszechnione i – jak widać – stanowią nadal produktywny model derywacyjny.

do tej grupy, zaś przy drugiej – jako derywaty interfiksalnie-sufiksalne: (samochód) *dostawczo-osobowy* ‘taki, który jest równocześnie samochodem dostawczym i osobowym’ // ‘samochód dostawczy przystosowany do przewożenia osób’; (oddział, wydział) *zabawowo-rozrywkowy* ‘taki, który jest zarazem zabawowym i rozrywkowym’ // ‘zajmujący się organizowaniem zabaw i rozrywki’; (oddział, wydział) *turystycznorozrywkowy* ‘taki, który jest i turystycznym, i rozrywkowym’ // ‘zajmujący się turystyką i rozrywką’.

Tu też należą przymiotniki derywowane od utrwalonych połączeń: *gazetostoleczny* < *gazeta stołeczna*, *gazetowyborczy* < *Gazeta Wyborcza*.

Nowe złożenia z formatem paradygmatycznym znajdujemy również w klasie *Nomina instrumenti*, por. *jajowar* < *warzyć jaja*, *parowar* < *warzyć na parze*, *wolnowar* ‘urządzenie elektryczne do wolnego gotowania’¹⁵.

2.2.3. Composita interfiksalne

Typ ten reprezentują nowe złożenia z drugim członem skróconym **-bus** < *autobus* i **-mat** < *automat*, uzupełniające serie wyrazów o zróżnicowanym stopniu kondensacji: *tuskobus*, *szydłobus* ‘autobus wożący osobę biorącą udział w kampanii przedwyborczej: odpowiednio Tuska, Szydło’; *kawomat* ‘automat do kawy’, *paczkomat*, *paszomat*, *piwomat*, *sokomat*, *wodomat*, *wódkomat*, *zniczomat*, *zusomat* itp.

2.2.4. Composita bezinterfiksalne (zrosty)

Do istniejących modeli formalno-semantycznych z dezintegrowanym pierwszym członem obcym dołączają nowe serie złożzeń z dezintegrowanym pierwszym członem (dwumotywacyjne) takie jak:

edu- : *eduprojekt* < *projekt edukacyjny*, *edurynek* < *rynek edukacyjny*,
femi- : *femiaktywistka* < *aktywistka feministyczna*, *feminazistki* < *feministyczne nazistki*¹⁶,

¹⁵ Por. kontekst: *Wolnowar* (ang. *Slowcooker, Crock-Pot*) to elektryczne urządzenie do gotowania potraw w niskiej temperaturze. Jest sprzętem bardzo uniwersalnym, tanim w eksploatacji i niezwykle łatwym w obsłudze. Można w nim przygotowywać zupy, gulasze, potrawki, a także kompoty, leguminy i nawet ciasta. Jest to idealne urządzenie jeśli nie macie zbyt wiele czasu na gotowanie, a rodzina dzień w dzień domaga się pysznego, domowego obiadu. [<http://www.doradcaszaku.pl/blog/3362/kuchenni-pomocnicy-wolnowar.html>]; dostęp: 11. 03. 2017].

¹⁶ Derywat ten można opisać również jako połączenie dwóch rzeczowników, por. kontekst: *Skrytykowany za ten wpis [o feministkach], Ziemkiewicz dodał: Ja hra-*

korpo- (*korpoimpreza* < *impreza korporacyjna*¹⁷, *korpopracownik* < *pracownik korporacyjny*,
les- (*lesrodzina* < *lesbijska rodzina*, *leskoleżanka* < *lesbijska koleżanka*),
wege- (*wegeposilek* < *posilek wegetariański*, *wegerestauracja* < *restauracja wegetariańska*) i in.¹⁸

Jak widać, mechanizmy są tu analogiczne do tych, jakie znamy z produktywnych schematów z uciętymi segmentami typu *bio-* < *biologiczny*, *e-* < *elektroniczny*, *eko-* < *ekologiczny*, *info-* < *informacyjny*, *narko-* < *narkotykowy*, *porno-* < *pornograficzny*, *tele-* < *televizyjny*, por. przykłady *bioterroryzm* ‘terroryzm polegający na wykorzystywaniu broni biologicznej’, *e-książka*, *ekoprodukt*, *infosystem*, *narkobiznes*, *pornofotografia*, *teleedukator* (Waszakowa 2005).

Z techniką uniwerbizacji można też łączyć composita o dwu członach zdeintegrowanych w procesie kondensacji formalnej i semantycznej podstawowego utrwalonego wyrażenia. Mam na uwadze jednostki typu: *alkomat* < *alkohół* + *automat* ‘automat / urządzenie automatyczne do mierzenia poziomu alkoholu w krwi’, *fotomat* < *fotografia* + *automat* ‘automat do robienia fotografii’, *mammobus* < *samochód* (~~*autobus*~~) z *aparatem mammograficznym*¹⁹. Tego typu struktury tworzą serie, więc nie są blendami (Fradin 2015). Wskazane segmenty uzyskały status członu słowotwórczego (formantu lub członu złożenia) o wyrazistym znaczeniu, o czym świadczy wyłonienie się nowego schematu, o którego żywotności świadczą struktury utworzone i tworzone przez analogię do wyrażenia źródłowego. Na tej podstawie można stwierdzić, że w polszczyźnie przełomu ostatniego dziesięciolecia repertuar obcych segmentów zwiększył się o nowe jednostki, takie jak np.

korpo- < *korporacja* // *korporacyjny* >, np. *korpoholik*, *korposzczur*;

---

biego nigdy nie udawałem. A chamstwo niech się chamstwem odciska. Inaczej te wulgarne prymitywne feminazistki wejdą nam na głowy; [http://wpolityce.pl/polityka/312845-ziemkiewicz-kontra-dryjanska-walka-na-pozwy-po-wpisach-w-internecie-feminazistki-wejda-nam-na-glowy; dostęp: 23. 10. 2016].

¹⁷ Jest to impreza organizowana przez korporację w celu zwiększenia stopnia integracji pracowników.

¹⁸ Te i jeszcze inne przykłady nowych konstrukcji słowotwórczych omawianego typu podaje Donata Ochmann (2014).

¹⁹ Wyraz *gimbus* < *gimnazjum* + *autobus* ‘autobus przewożący uczniów gimnazjum (gimnazjalistów)’ nie tworzy serii z członem pierwszym *gim-*.

wege- <*wegetariański* // *wegetarianizm*>, por. *wegedieta*, *wegeposilek*; człon ten funkcjonuje już jako samodzielny wyraz w języku potocznym, por. konteksty: *Zostań wege./ Pyszne posiłki wege*²⁰;

-exit <*Brexit* <*Great Britain* + *exit*>, *Grexit* <*Grecja* // *Greki* + *-exit*, *Polexit* <*Polska* + *-exit*>; człon ten funkcjonuje już jako samodzielny wyraz w języku potocznym, por. konteksty: *Domagać się / nie chcieć exitu. Po exicie Wielkiej Brytanii nie będzie tak jak było.*

Powszechna łatwość dostępu do Internetu przyczynia się do rozpowszechniania tego typu jednostek (zapożyczonych lub utworzonych na gruncie rodzimym) również w języku polskim.

Do klasy zrostów dołączają również tworzone pod wpływem zapożyczeń leksykalnych złożenia realizujące nowy schemat typu: *dudabus* (z uciętym drugim członem) ‘autobus wożący Andrzeja Dudę biorącego udział w kampanii przedwyborczej’, *dudapomoc* ‘biuro A. Dudy oferujące pomoc prawną’, jak i tworzone przez analogię do obcych schematów nazwy własne w rodzaju: *WolaPark*, *GaleriaMokotów*.

3. Kontekstowe znaczenia uniwerbizmów

Kontekst w różny sposób objaśnia znaczenie innowacji słowotwórczych. Po pierwsze, ujawnia i/lub precyzuje semantycznie ich motywację słowotwórczą, jak np. w innowacji *misjonarz*, por. cytaty:

[...] Ale muszę poczekać do następnego tygodnia. Chyba, że w międzyczasie wyskoczy inny kaznodzieja, inny **misjonarz** z Czerskiej. Zwrot/słowo “**misjonarz**” **pochodzi od “misji”**, do której od dwudziestu lat poczuwa się Gazeta Wyborcza, **misji poprawiania Polaków**, którą spełnia Wyborcza i jej gadanie [www.rekontra.salon24.pl; *dostęp: 23. 08. 2013*].

Po drugie, przywołuje wyrazy z tego samego gniazda słowotwórczego, jak np. w przypadku wieloznacznej jednostki *komórkowiec*: 1) ‘telefon komórkowy’, 2) ‘ten, kto posługuje się telefonem komórkowym; jest od niego uzależniony’, 3) ‘typ raka’. Por. cytaty:

²⁰ Przykładów tego rodzaju segmentów jest немало, nie tylko w polszczyźnie. Np. jednostkowa kontaminacja niem. *Ostalgie* <*Ost* + ~~*Nost*~~*algie*> przez utworzenie analogicznej struktury *Yugostalgia* <*Yugoslawia* + ~~*no*~~*stalgia*> stała się podstawą wzorca konstrukcyjnego.

Potem jednak utelefonienie społeczeństwa zaczęło być coraz intensywniejsze. Wreszcie pojawił się **komórkowiec**. Najpierw elitarny i drogi, niedługo coraz demokratyczniejszy, aż w końcu (był kształtuje świadomość) niezbędny do życia. Dzisiaj już nawet dzieci mają **komórkowce** i używają ich nieporównywalnie częściej niż szczoteczek do zębów [NKJP; dostęp: 23. 08. 2013].

Badacze miejskiej dżungli odkryli nowy gatunek – **komórkowca**. Zwykle samotny zdany jest na swoje ulubione narzędzie. Gdyby go pozbawić, **komórkowiec** mógłby tego nie przetrwać. Jakie inne cechy wykazuje ten niesamowity gatunek? Niektórzy przyjmują tryb chodzący, inni przebywają w grupach, a jeszcze inni przechodzą właśnie odwyk. **Komórkowcy**, bo o nich mowa, wykazują wiele cech wskazujących na swój silny związek z telefonem [<http://onet.tv/k/wyluzuj/kamera-pl-komorkowcy/j9mq22>; dostęp: 10. 01. 2017].

Jaka jest szansa na wyleczenie pacjenta z raka jelita grubego typu śluzak-**komórkowiec** galaretowaty? dodam, iż rak wykryty został stosunkowo późno...czy są jakieś przypadki wyleczenia? [<https://portal.abczdrowie.pl/pytania/rokowania-przy-raku-jelita-grubego-typu-sluzak-komorkowiec-galaretowaty>; dostęp: 10.01.2017].

4. Zakończenie

Omówione przykłady mechanizmów kondensacyjnych pokazują, że uniworbizacja we współczesnej polszczyźnie jest żywym procesem, silnie związanym z analogią, zjawiskiem odgrywającym ważną rolę w słowotwórstwie. Badacze zwracali uwagę na fakt, że zasadniczo każdy akt derywacyjny polega na kondensacji podstawowej struktury, podobnie jak na fundamentalną rolę analogii w różnego typu procesach słowotwórczych. Jest o tym mowa w znanych teoriach słowotwórczych: Jana Rozwadowskiego, (1921), Jerzego Kuryłowicza (1936), Witolda Doroszewskiego (1946), Miłosa Dokuliła (1962), a także ważnej dla omawianego tematu koncepcji derywatów jako rezultatów kondensacji struktury predykatowo-argumentowej Romana Laskowskiego (1966).

Jak wiemy, mechanizm kształtujący skondensowane znaki językowe, jakimi są derywaty, interesował i nadal interesuje badaczy ze względu na możliwości środków słowotwórczych, ich operatywność i przewidywalność funkcyjną w jednostkach żywych, słowotwórczo przejrzystych. Jak zauważa Maria Honowska (1997: 18):

Specjalizacja znaczeniowa derywatu stanowi pierwszy etap leksykalizacji [która w interpretacji W. Doroszewskiego oznacza "całkowitą zaturę podzielnosci, czyli jednolity niepodzielny leksem"], właściwa leksykalizacja jest śmiercią derywatu, zaturę motywacji.

Przedstawione w ramach przyjętego za D. Buttler zakresu uniwerbizacji zjawiska jednoznacznie dowodzą jej dynamiki, będącej kontynuacją wcześniejszych tendencji, a zarazem współczesnych, jeśli idzie o ich przejawy. Świadczy o tym stały związek nowych struktur uniwerbizowanych z bardzo intensywnymi w polszczyźnie procesami demokratyzacji i internacjonalizacji, zachodzącymi w korelacji z innymi językami.

Wiek XXI to czas szybkiego obiegu informacji, łatwości dostępu do niej i jej ekonomiczności. Związana z podstawowymi procesami redukcji i kondensacji skrótość struktur uniwerbizacyjnych sprzyja współczesności, którą cechuje pośpiech. Ich wieloznaczność czy homonimiczność nie staje na przeszkodzie w rozumieniu, zwykle bowiem w komunikacji on-line już kontekst rozstrzyga, czy np. derywat *zimówka* został użyty w znaczeniu 'opona zimowa', 'zimowy rajd' czy 'zimowe grzybobranie'. Oprócz kontekstu są też inne czynniki, o których Ronald Langacker pisze tak:

W trakcie mówienia i pojmowania wypowiedzi innych osób odwołujemy się do pełnego zakresu naszej wiedzy, zdolności mentalnych i umiejętności interpersonalnych. [...] Dlatego nie sposób oddzielić "językowych" struktur od innych czynników związanych z użyciem językowym [...] również same jednostki językowe powstają właśnie dzięki pojawieniu się w zdarzeniach użycia (Langacker 2009: 610).

Literatura

- Danuta BUTTLER, 1977: Niektóre problemy opisu zjawisk uniwerbizacji. *Slavistična revija*. 25, 435–448.
- Danuta BUTTLER, 1978: Powojenne innowacje w polskim zasobie słownym. *Przegląd Humanistyczny*. 5, 55–67.
- Danuta BUTTLER, 1981: Tendencje rozwojowe w zasobie słownym powojennej polszczyzny. KURKOWSKA, Halina (ur.). *Współczesna polszczyzna*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 187–219.
- Miloš DOKULIL, 1962: *Tvoření slov v češtině 1. Teorie odvozování slov*. Praha: Nakladatelství československé akademie věd.
- Witold DOROSZEWSKI, 1962: *Studia i szkice językoznawcze*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

- Witold DOROSZEWSKI, 1946: Kategorie słowotwórcze. *Sprawozdanie Towarzystwa Naukowego Warszawskiego*. 29, 20–42.
- Bogusław DUNAJ (ur.), 1996: *Słownik współczesnego języka polskiego*. Warszawa: Wilga.
- Bernard FRADIN, 2015: Blending. MÜLLER, Peter, OHNHEISER, Ingeborg, OLSEN, Susan, RAINER, Franz (ur.). *Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe*, Vol. 1. Berlin/Boston: The Gruyter Mouton, 386–413.
- Maria HONOWSKA, 1997: Jak wyrazy znaczą. FALIŃSKA Barbara (ur.). *Witold Doroszewski. Mistrz i Nauczyciel*. Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im. Wagów, 15–20.
- Jerzy KURYŁOWICZ, 1936: Dérivation lexical et derivation syntaxique. *Bulletin de la Société Linguistique de Paris*. 37, 79–92.
- Ronald LANGACKER, 2009: *Gramatyka kognitywna. Wprowadzenie*. Kraków: Universitas.
- Roman LASKOWSKI, 1966: *Derywacja rzeczowników w dialektach laskich*. Cz. 1. Wrocław: Ossolineum.
- Roman LASKOWSKI, 1981: Derywacja słowotwórcza. BARTMIŃSKI, Jerzy (ur.). *Pojęcie derywacji w lingwistyce*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 107–126.
- Jan MIODEK, 1976: *Syntetyczne konstrukcje leksykalne w języku polskim*. Wrocław: Ossolineum.
- Olga MARTINCOVÁ, 2015: Multi-word expressions and univerbation in Slavic. MÜLLER, Peter, OHNHEISER, Ingeborg, OLSEN, Susan, RAINER, Franz (ur.). *Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe*, Vol. 2. Berlin/Boston, 742–757.
- Barbara NYKIEL-HERBERT, 1989: Jeszcze raz o uniwerbizacji. *Polonica*. XIV, 193–201.
- Obserwatorium Językowe Uniwersytetu Warszawskiego. Najnowsze słownictwo polskie*. <http://nowewyrazy.uw.edu.pl/>
- Donata OCHMANN, 2014: Nowe typy wyrazów złożonych w polszczyźnie po 1989 r. RYTEL-SCHWARZ, Danuta, SCHWARZ, Wolfgang, TREPTE, Hans-Christian, NAGÓRKO, Alicja (ur.). *Język polski – 25 lat po przełomie. / Die polnische Sprache – 25 Jahre nach der Wende*. Hildesheim – Zürich – NewYork: Georg Olms Verlag, 223–238.
- Ingeborg OHNHEISER, (ur.), 2003: *Słowotwórstwo. Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. Opole: Universität Innsbruck – Institut für Slawistik. Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej.

- Lenka PALKOVÁ, 2015: Univerbizácia – syntaktická demotivácia. OLOŠTIAK Martin (ur.). *Viacslovné pomenovania v slovenčine*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 281–356.
- Jan ROZWADOWSKI, 1921: O dwuczłonowości wyrazów. *Język Polski* 6, 129–139.
- Sylwia SOJDA, 2011: *Procesy uniwerbizacyjne w języku słowackim i polskim*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. Wydawnictwo Gnome. // https://wydawnictwo.us.edu.pl/sites/wydawnictwo.us.edu.pl/files/1663_pdf.pdf
- Elżbieta SZCZEPAŃSKA, 1994: *Uniwerbizacja w języku czeskim i polskim*. Kraków: Universitas.
- Krystyna WASZAKOWA, 1996: *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki z formantami paradygmatycznymi*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Krystyna WASZAKOWA, 2001: System słowotwórczy. GAJDA, Stanisław (ur.). *Język polski. Najnowsze dzieje języków słowiańskich*. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 88–107.
- Krystyna WASZAKOWA, 2003: Przejawy tendencji do internacjonalizacji w systemach słowotwórczych języków zachodniosłowiańskich. OHNHEISER, Ingeborg (ur.). *Słowotwórstwo. Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. Universität Innsbruck – Institut für Slawistik. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 78–102.
- Krystyna WASZAKOWA, 2005: *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Jan WAWRZYŃCZYK, 2011: *Słownik bibliograficzny języka polskiego. Wersja przedelektroniczna*. T. 1–10. Warszawa.
- Jan WAWRZYŃCZYK, Piotr WIERZCHOŃ, 2017: *Konstrukcje syntetyczne w zasobach "Narodowego Fotokorpusu Języka Polskiego"*. Warszawa: Peter Nayboen.
- Piotr WIERZCHOŃ, 2010: *Depozytorium leksykalne języka polskiego. Nowe fotomateriały z lat 1901–2010*. T. 1–10. Warszawa: BEL Studio.

The Univerbisation Phenomena in Modern Polish Texts

The study gives an insight into the criteria according to which the linguists describe various procedures of the univerbisation. After the synthetic description of some main disputable questions connected with the way in which scholars outline the range the discussed problems deal with the term and concept *univerbisation*, the author presents the typical and non-typical phenomena considered as the processes named *univerbisation*.

CIP - Katalogizacija u publikaciji

Nacionalna i univerzitetska biblioteka Bosne i Hercegovine, Sarajevo

811.16/.17'373.611(063)(082)

MEĐUNARODNA naučna konferencija Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima (18 ; 2017 ; Sarajevo)

Zbornik radova [Elektronski izvor] / Osamnaesta Međunarodna naučna konferencija Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima, Sarajevo, 4-7. aprila 2017. ; urednica Amela Šehović. - El. knjiga. - Sarajevo : Slavistički komitet, 2018. - 495 str.

Način dostupa (URL): <http://www.slavisticikomitet.ba/Univerbacija/Univerbizacijauslavenskimjezi.cima.pdf>. - Nasl. s nasl. ekrana. - Lat. i ćir. - Izvor opisan dana 12.6.2018. - Bibliografija i bilješke uz tekst

ISBN 978-9958-648-20-5

COBISS.BH-ID 25828870